К77 4/10 т. 2

СБОРНИКЪ

ОРИГИНАЛЬНЫХЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ

СТАТЕЙ

М. ДРАГОМИРОВА

1856—1881.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1881.

К77 9/10

СБОРНИКЪ

ОРИГИНАЛЬНЫХЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ

СТАТЕЙ

М. ДРАГОМИРОВА

585
Ч

1856—1881.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1881.

БИБЛИОТЕКА
Государственного Исторического Музея
№ 2522
15 " II 1952

ОГЛАВЛЕНІЕ

II ТОМА.

	Гдѣ было помѣщено.	Стр.
Армейскія замѣтки: Серія	I—1874 г. В. Сб. №№ 3, 4, 5	1
	II—1875 г. В. Сб. №№ 1, 3	64
	III—1876 г. В. Сб. №№ 7, 8, 9	118
	IV—1880 г. Р. Инв №№ 56, 77	172
	V—1881 г. В. Сб. № 5	182
О системѣ обученія стрѣльбѣ въ цѣль	1876 г. В. Сб. № 5	198
Разборъ инструкціи для дѣйствія роты и батальона въ бою	1879 г. В. Сб. № 3	209
О наукѣ побѣждать Суворова		222
О высадкахъ въ древнія и новѣйшія времена	1856 г. Военн. журн.	1—90
Замѣчанія о французской арміи		1—54

Армейскія замѣтки.

I.

Не силою бьютъ, а умѣньемъ.

Со введеніемъ общеобязательной воинской повинности весьма и весьма нелишнее подумать о томъ, приготовлены ли мы, офицеры, къ тому положенію, которое эта повинность создастъ намъ? Нельзя скрывать отъ себя того, что мы служимъ еще до сихъ поръ подъ вліяніемъ старыхъ понятій—если не вполнѣ, то въ весьма значительной мѣрѣ. То золотое время, когда офицеръ служилъ за фельдфебелями, унтеръ-офицерами, рядовыми, считавшими время своей службы въ этихъ должностяхъ десятками лѣтъ, когда пяти-шестилѣтній солдатъ считался чуть не молокососомъ, — прошло безвозвратно; а, между тѣмъ, въ нашей средѣ это замѣчаютъ далеко не всѣ. Какъ часто случается, на вопросъ о причинѣ какого либо упущенія, получать въ отвѣтъ: «я приказывалъ». Подобный отвѣтъ обнаруживаетъ убѣжденіе, будто обязанность офицера только приказывать, а воспитывать въ исполнительности — не его дѣло. Къ какимъ грустнымъ и даже роковымъ разочарованіямъ можетъ привести подобный взглядъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, при молодомъ составѣ арміи, объяснять нечего. Никого нельзя винить за такой взглядъ, потому что онъ есть слѣдствіе предшествующихъ условій службы; но и нельзя не желать его измѣненія, потому что сами условія службы измѣняются, и не хорошо будетъ, если окончательный переходъ къ новому порядку застанетъ насъ врасплохъ.

Прежде для солдата офицеръ былъ «баринъ»; этимъ опредѣлялись ихъ отношенія и сфера дѣятельности, слагавшіяся во многомъ совершенно помимо и даже вопреки закона писаннаго. Это проявленіе въ военной сферѣ принциповъ нашего прежняго общественнаго склада находило могущественное подспорье въ долгихъ срокахъ службы, при которыхъ рекруты, поступавшіе притомъ

въ ничтожномъ числѣ въ массу старыхъ солдатъ, учились своему дѣлу преимущественно отъ товарищей, подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и при весьма скромномъ участіи въ этомъ дѣлѣ старшихъ офицеровъ *). Теперь бытовыя условія нашего общества измѣнились, да и въ воинскомъ организмѣ переворотъ полный: весьма мало учителей, весьма много учениковъ, обученіе усложнилось до того, что дѣлавшееся прежде годами теперь нужно поспѣвать дѣлать мѣсяцами, иногда днями. При такомъ положеніи вѣрно одно: если офицеръ не сдѣлаетъ, то и никто не сдѣлаетъ. Онъ не имѣетъ права ожидать отъ солдата исполнительности, пока самъ не воспитаетъ его въ послѣдней. Говоримъ это не въ смыслѣ нерасположенія солдата къ исполнительности, которое предстояло бы сломить, но въ смыслѣ полнаго невѣдѣнія съ его стороны того, что онъ долженъ и какъ исполнить. Это невѣдѣніе и неспособность воспріятія доходятъ иногда до предѣловъ маловѣроятныхъ: и вотъ ихъ то нужно побороть, въ виду неопытности унтеръ-офицеровъ и недостатка учителей.

Выходъ изъ подобнаго положенія одинъ: офицеру нужно безпрерывно и настойчиво работать; сначала для того, чтобы сформировать унтеръ-офицеровъ и учителей; а потомъ для того, чтобы неустанно слѣдить за дѣятельностью этихъ малоопытныхъ и безпрерывно мѣняющихся его помощниковъ. Онъ постоянно долженъ помнить, что въ разъясненіяхъ уставать нельзя; что онъ рискуетъ быть непонятымъ не только съ двухъ, трехъ разъ, но иногда и съ двадцати. Чего онъ самъ не сдѣлаетъ, не объяснитъ и не укажетъ, того никто за него не сдѣлаетъ, не объяснитъ и не укажетъ, о чемъ бы рѣчь ни шла: о томъ ли, чтобы у солдата были вымыты ноги, обрѣзаны ногти и акуратно обернуты портянки; или о томъ, въ какихъ случаяхъ онъ, стоя на часахъ, обязанъ прибѣгать къ употребленію оружія.

Да, въ наше время офицеръ долженъ много, безпрерывно и безъ устали работать, если хочетъ быть достоинъ своего званія; въ наше время онъ не только военный чинъ, но нѣчто большее: онъ общественный дѣятель въ гражданскомъ смыслѣ слова, потому что призванъ играть, и не послѣднюю, роль въ народномъ воспитаніи. Человѣку, прослужившему подъ его руководствомъ четыре, пять лѣтъ и возвратившемуся въ среду народа, пригодятся и тамъ привычки исполнительности, точности, порядка, однимъ словомъ,

*) Субалтернъ-офицеры не принимали въ подготовкѣ солдата никакого участія.

дисциплины; и не лихимъ словомъ помянетъ за нихъ тотъ человѣкъ своего руководителя. Тѣ, которые думаютъ, что дисциплина нужна только въ военной службѣ, сильно ошибаются; и жаль того народа, который ею не проникнутъ. Разница между военной и гражданской дисциплиной въ силѣ напряженія, но не въ духѣ или основѣ ея. Развѣ это не дисциплина, когда въ собраніяхъ требуютъ (а гдѣ общественная жизнь развита, то и достигаютъ), чтобы члены говорили одинъ за другимъ, а не всѣ разомъ; когда отдѣльные оттѣнки мнѣній подчиняются извѣстной программѣ, опредѣляемой руководителемъ, въ литературѣ и въ жизни; когда вы не считаете возможнымъ придти, напримѣръ, въ гости въ домашней одеждѣ? Все дисциплина, съ ея вѣчнымъ подраздѣленіемъ на область обязанностей и область наружнаго обряда. Слова нѣтъ, въ воинскомъ организмѣ проявленія ея рѣзче, отступленія отъ оной наказываются строже; но при короткихъ срокахъ службы и при нынѣшней системѣ взысканій это можетъ только воспитать человѣка, но не сломить его, т. е. подготовляетъ его самымъ дѣйствительнымъ образомъ къ усвоенію дисциплины гражданско-общественной. А нуждается ли у насъ въ этомъ не только низшій, но въ особенности высшій классъ, можетъ рѣшить всякій, если только отнесется къ вопросу прямо и искренно, безъ какихъ либо предвзятыхъ коньковъ. Такой взглядъ на дисциплину въ общественномъ строѣ и на усвоеніе ея при помощи войска, многимъ вѣроятно покажется страннымъ; но покажется не въ силу существа дѣла, а въ силу недоразумѣній и предубѣжденій. Этимъ многимъ воинская дисциплина рисуется до сихъ поръ такъ, какъ будто она столь же полно обязываетъ однихъ, сколько развязываетъ другихъ; будто она все еще проявляется во всеоружіи палокъ, шпицрутеновъ и безграничнаго произвола, т. е. именно того, что уже давно признано не охранительной силой дисциплины, а разрушающею къ ней примѣсью. Этимъ многимъ, судящимъ подъ впечатлѣніемъ прежнихъ порядковъ, неизвѣстно, что дисциплина стала силой, столь же обязывающей, сколько и обезпечивающей отъ неправыхъ посягательствъ; столь же облекающей властью, сколько и сдерживающей произволъ. Повторяемъ: съ общеобязательной повинностью офицеръ не воинскій чинъ только, но и общественный дѣятель; армія — не вооруженная сила только, но и школа воспитанія народа, приготовленія его къ жизни общественной.

Велика и почтенна роль офицера, понимаемая такимъ образомъ; и тягость ея не всякому подъ силу. Много души нужно положить въ свое дѣло для того, чтобы съ чистой совѣстью ска-

зать: «много людей прошло черезъ мои руки и весьма мало было между ними такихъ, которые оттого не стали лучше, развитѣе, пригоднѣе для всякаго дѣла. Ни одного я не сдѣлалъ негодяемъ; ни одного не заморилъ безтолковой работой или невниманіемъ къ его нуждамъ; ни въ одномъ не подорвалъ довѣрія къ собственнымъ силамъ. Всѣ привыкли подчинять свою волю достиженію одной общей цѣли по сознанію долга, а не изъ подъ палки; изъ неграмотныхъ столько то сдѣлалъ грамотными; изъ незнающихъ никакого мастерства—столько-то портными и сапожниками».

Объемъ занятій съ солдатомъ теперь весьма увеличился и усложнился; а время, на нихъ опредѣленное, до чрезвычайности сократилось даже для войскъ, стоящихъ въ казармахъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя живутъ по широкимъ квартирамъ: для послѣднихъ годъ обращается много-много если въ четыре мѣсяца занятій серьезныхъ и непрерывныхъ. Въ такомъ положеніи успѣхъ возможенъ только при соблюденіи двухъ условій: строгой іерархизаціи занятій, соображеннаго съ нею распредѣленія времени и раціональнаго метода занятій. Подъ первою мы разумѣемъ установку такого взгляда на относительное значеніе различныхъ предметовъ, при которомъ всякій руководящій обученіемъ ясно сознавалъ бы, на что̀ преимущественно слѣдуетъ налегать въ подготовкѣ рекрута при полномъ срокѣ, полагаемомъ на это дѣло, и что̀ урѣзывать при постепенномъ уменьшеніи этого срока, хотя бы даже до одного дня. Такая іерархизація предполагаетъ не только опредѣленіе того, что болѣе и что менѣе важно, но также и того, чего не слѣдуетъ допускать въ занятія: будутъ ли то цѣлые безполезные предметы, или же ненужныя части полезныхъ предметовъ. Эта основная задача въ подготовкѣ войскъ далеко еще не получила раціональнаго разрѣшенія; самаго кратковременнаго наблюденія надъ тѣмъ, какъ ведутся занятія въ большинствѣ частей, достаточно, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Придетъ, напримѣръ, человѣку въ голову, что заучиваніе номенклатуры частей ружья удивительно способствуетъ развитію ума солдата, и ее начинаютъ долбить съ увлеченіемъ, достойнымъ лучшаго приложенія. Покажется ему, что ружейные пріемы составляютъ краеугольный камень подготовки солдата—и обученіе начинается съ нихъ, хотя рекрутская школа предписываетъ начинать съ гимнастики, фехтованія и приготовительныхъ упражненій къ стрѣльбѣ; покажется, что, не замедляя шага до размѣра прежняго тихаго, нельзя научить солдата ходить въ ногу обыкновеннымъ человѣческимъ шагомъ—и его замедляютъ, хотя тихій шагъ давно уже отмѣненъ. Однимъ словомъ, всякъ молодецъ на свой

образецъ: что кому нравится, тотъ на то и налегаетъ, занимаясь остальнымъ только для очистки совѣсти. Истекаетъ срокъ предварительнаго обученія—и новый «старый» солдатъ начинаетъ служить съ знаніемъ, напримѣръ, ружейныхъ пріемовъ, но безъ умѣнія взять прицѣльную линію; онъ переговоритъ названіе самыхъ мелочныхъ частей ружья и не съумѣетъ его порядочно разобрать, вычистить и собрать. Намъ кажется, пришло время серьезно подумать о томъ, чтобы подобные случаи не повторялись, такъ какъ, благодаря имъ, легко можетъ быть, что солдатъ и въ отпускъ уйдетъ, узнавъ только аксесуары своего дѣла, а не суть его.

Прежняя система представляла стройность и послѣдовательность, какъ она ни была односторонняя. Воспитаніе солдата занимало въ ней должное мѣсто; а образованіе, состоявшее, правда, въ обученіи одному строю, было разработано до мельчайшихъ подробностей: на все была извѣстная установившаяся манера взяться за дѣло, и занятія постоянно и точно были распредѣлены по временамъ года. Въ настоящее время такая цѣльность системы подготовки нарушена: всѣ составныя части занятій на лицо; но онѣ не іерархизованы; а отдѣлъ воспитанія даже мало по малу отодвинутъ на задній планъ усложнившимся и весьма разносторонниъ отдѣломъ образованія. Правда, въ рекрутской школѣ сдѣлана попытка этой іерархизаціи; но она, по существу своему, не коснулась, во-первыхъ, воспитанія, составляющаго предметъ устава о службѣ внутренней; во-вторыхъ, даже ограниченная однимъ образованіемъ, она пока не вездѣ перешла въ жизнь *).

Послѣднее обстоятельство имѣетъ, въ нашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, значеніе весьма поучительное: оно показываетъ, что, при переходѣ отъ старой системы къ новой, письменныя инструкціи безсильны, если не поддерживаются личнымъ указаніемъ, разъясненіемъ и настояніемъ.

Ошибочно думать, что такая неподатливость въ принятіи вещей, совершенно, повидимому, простыхъ и понятныхъ, происходитъ только отъ распущенности или нерадѣнія, — отнюдь нѣтъ: большая доля этой неподатливости должна быть отнесена къ тому, что человѣкъ, усвоившій себѣ извѣстные навыки и пріемы въ исполненіи данной спеціальности, весьма трудно переходитъ, безъ живаго примѣра, по одному лишь описанію, къ другимъ навыкамъ и пріемамъ. Легко представить себѣ, въ какой мѣрѣ возрастаетъ эта

*) Что показываютъ вышеприведенные примѣры: не придуманные, а взятые изъ дѣйствительности.

трудность, когда рѣчь идетъ не объ одномъ человѣкѣ, а о массѣ людей, между которыми найдутся притомъ убѣжденные, что старое лучше. Что всякое нововведеніе трудно дается безъ живаго примѣра, сознано отчасти и у насъ, и выразилось сформированіемъ учебныхъ частей. Но понимается само собою, что если безъ живаго образца трудно разсчитывать на точное принятіе несложныхъ измѣненій въ обмундированіи или строевой подготовкѣ, то быстрое усвоеніе такихъ, напримѣръ, вещей, какъ переходъ отъ простой системы занятій къ сложной, безъ этого пособія уже положительно немыслимъ. Если живаго примѣра нѣтъ, такой переходъ усваивается урывками: кто что вынесетъ изъ чтенія, то и примѣняетъ, а остальное живетъ себѣ въ уставѣ или инструкціи, пока не найдется другой человѣкъ, который его замѣтитъ и съумѣетъ примѣнить. Кто приметъ все это въ разсчетъ, тотъ не удивится и не возмутится тѣмъ, что лучшія и совершенно вразумительныя писанныя наставленія не переходятъ въ жизнь иногда десятки лѣтъ. И это ведется такъ вездѣ, не исключая и прусской арміи, извѣстной своею исполнительностью. Желающихъ въ этомъ убѣдиться отсылаемъ къ замѣчательному сочиненію «Обученіе пѣхотнаго баталіона для боя», переводъ котораго помѣщенъ въ «Военной Библіотекѣ». Умѣющіе читать между строками извлекутъ изъ него много поучительнаго въ смыслѣ раскрытія силы инерціи *), равно свойственной живымъ, какъ и неодушевленнымъ массамъ.

Это приводитъ къ слѣдующему чрезвычайно важному практическому положенію, на которое намъ придется опереться не одинъ разъ въ теченіи этихъ замѣтокъ:

Никакая самая ясная инструкція не поможетъ въ дѣлѣ, требующемъ практическаго навыка, и не можетъ привиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ разложена въ рядъ практическихъ пріемовъ ея примѣненія и пока эти пріемы не будутъ показаны исполнителямъ. Положеніе это не ново; но оно часто забывается на практикѣ даже тѣми, которые весьма опредѣлительно формулируютъ его въ теоріи, слѣдовательно, повидимому, должны были бы понимать его значеніе.

1.

Вторая причина того, что составъ занятій солдата не уложился пока въ гармоническую систему, заключается въ томъ, что практики дѣла, подавленные заботою текущей минуты, весьма

*) Или рутины. Мы предпочитаемъ первое слово, потому что оно обобщаетъ понятіе.

рѣдко интересуются конечнымъ, боевымъ, результатомъ своей работы, увлекаясь ближайшими и непосредственными ея послѣдствіями, и отъ того вопросъ о системѣ занятій рѣшается ими по рутинѣ или по расположенію руководителей къ тому, либо другому предмету гораздо чаще, нежели на основаніи раціональныхъ началъ. Какія это начала? Они также просты и не новы, и также, не взирая на это, часто забываются: должно вести занятія, соображаясь: съ конечною цѣлью, которую слѣдуетъ имѣть въ виду; съ матеріаломъ, надъ которымъ — и съ обстановкою, при которой приходится работать.

Только подвергнувъ изслѣдованію всѣ отдѣлы подготовки солдата съ этой точки зрѣнія, можно придти къ такому укладу ихъ въ одну систему, при которомъ второстепенному и даже совершенно излишнему не будетъ приносимо въ жертву существенно необходимое. Мы рѣшились сдѣлать попытку подобнаго изслѣдованія, въ надеждѣ привлечь вниманіе людей, болѣе насъ опытныхъ, къ вопросу, настоятельную необходимость разрѣшенія котораго, при современномъ положеніи арміи, признаетъ вѣроятно всякій. Не претендуемъ на безошибочность разрѣшенія; отвѣчаемъ только за одно: постараемся ни на минуту не упустить изъ виду только что поставленныхъ началъ, съ болѣе подробнаго развитія которыхъ и начинаемъ.

Цѣль занятій съ солдатомъ — подготовить его для боя; бой прежде всего требуетъ отъ человѣка способности пожертвовать собою, потомъ умѣнья дѣйствовать такъ, чтобы эта жертва была, по возможности, полезна своимъ, гибельна врагу.

Свойство рекрута нашего то, что длинныхъ объясненій и отвлеченностей онъ не понимаетъ, или весьма трудно понимаетъ; самъ длинно не говоритъ; съ показа легче учится, чѣмъ съ разсказа; запоминаетъ легче, чѣмъ усваиваетъ. Нужно при этомъ помнить, что онъ, за рѣдкими исключеніями, поступаетъ въ часть, болѣе или менѣе запуганный, и сразу наталкивается на строй понятій и на дѣло, совершенно для него чуждые. Онъ и радъ исполнять, да не знаетъ что и какъ. Къ этому присоединяется тоска по родинѣ, жизнь по часамъ и среди чуждыхъ ему людей. Однимъ словомъ, всѣ данныя какъ для того, чтобы окрѣпнуть и развиться, такъ и для того, чтобы оторопѣть, да такъ на всю службу и остаться. Въ какую изъ этихъ формъ онъ отольется, зависитъ отъ того, какъ его повести. Все дѣло въ томъ, чтобы силы и способности, данныя человѣку природой, не ломая, спеціализировать въ военномъ направленіи. Это спеціализированіе происходитъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ раціональнѣе и мягче вводятъ

рекрута въ новую для него область, и чѣмъ болѣе соображаются при этомъ съ его свойствами *).

Обстановка, при которой приходится работать съ рекрутомъ: крайняя ограниченность времени и неудобство мѣста, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ пунктовъ, въ которыхъ есть казармы и манежи, т. е. возможность для непрерывной и систематической зимней работы. Къ обстановкѣ же относится и переходное положеніе, характеризуемое тѣмъ, что не всѣ еще отстали отъ старыхъ взглядовъ на подготовку солдата. Въ зависимости отъ этого необходимо: 1) обращать постоянное вниманіе, чтобы въ занятіяхъ съ солдатомъ не терять ни минуты не только даромъ, но даже и на какія либо упражненія, прямо не отвѣчающія его назначенію; 2) разстаться съ вѣрою въ силу писанныхъ инструкцій, неподдержанныхъ личнымъ указаніемъ и настояніемъ; 3) подумать о томъ, чтобы методы преподаванія были соображены съ характеромъ предметовъ и свойствами нашего рекрута.

Въ зависимости отъ назначенія солдата для боя, занятія съ нимъ представляютъ два главные отдѣла: 1) развитіе въ человѣкѣ зачатковъ долга, самоотверженія и самообладанія, вложенныхъ въ него природою; 2) передачу ему разныхъ матеріальныхъ навыковъ, дѣлающихъ его болѣе способнымъ къ защитѣ и къ нанесенію вреда врагу. Первому отдѣлу приличествуетъ названіе воспитанія, второму — образованія солдата. Излишне распространяться о томъ, который изъ нихъ долженъ быть признанъ важнѣйшимъ: мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что изъ двухъ солдатъ, — одного проникнутаго долгомъ, но кромѣ кулака и дубины ничѣмъ дѣйствовать не умѣющаго, и другаго, владѣющаго въ совершенствѣ самымъ современнымъ оружіемъ, но долгомъ не проникнутаго, — всякій понимающій дѣло предпочтетъ, не колеблясь, перваго послѣднему. Понятное дѣло, что лица подобныхъ крайнихъ свойствъ въ жизни не попадаются и составляютъ логическое отвлеченіе, къ которому мы прибѣгли для того только, чтобы до очевидности выяснить основное руководящее положеніе іерархизаціи отдѣловъ подготовки, заключающееся въ томъ, что воспитаніе солдата должно быть поставлено выше образованія, и потому должно обращать на себя преимущественное и ежеминутное вниманіе его руководителей. Понятно также и то, что въ жизни воспитаніе отъ образованія не отдѣляется, а ведутся они совмѣстно и современно; но, въ виду сказаннаго, они должны

*) Свойства эти не измѣнятся и при общеобязательной повинности, потому что и при ней большинство рекрутъ будетъ, конечно, изъ простолюдиновъ.

быть поставлены такъ, чтобы въ быту солдата, въ занятіяхъ его, въ службѣ, наконецъ въ отличіяхъ, качества, даваемыя воспитаніемъ, брали верхъ надъ тѣми, которыя даетъ образованіе.

Цѣль воспитанія выражается въ двухъ словахъ: нужно, чтобы солдатъ былъ надеженъ, т. е. правдивъ и исполнялъ свои обязанности всегда одинаково, какъ на глазахъ у начальника, такъ и за глазами. За рѣдкими исключеніями, рекрутъ поступаетъ именно съ такими предрасположеніями: нужно только въ немъ поддержать и развить ихъ. Достигнувъ этого, вы сдѣлали половину дѣла, такъ какъ разъ есть исполнительность, будетъ и исполненіе; остается только показать, что нужно исполнять.

Средство достигнуть этого одно: съ первыхъ же шаговъ службы солдата слѣдить неустанно за тѣмъ, чтобы онъ ничего не дѣлалъ спустя рукова, т. е. требовать отъ него безусловно-точнаго исполненія всего показываемаго или объясняемаго, не гонясь на первыхъ порахъ за быстротою и ловкостью исполненія, и повѣрять его исполнительность именно тогда, когда онъ менѣе всего можетъ ожидать повѣрки. Только такимъ путемъ можно, на первыхъ же порахъ, опредѣлить, на кого изъ рекрутъ можно положиться, и кто изъ нихъ, по слабости ли характера, или по другимъ недостаткамъ, нуждается во внѣшней поддержкѣ, чтобы утвердиться въ исполнительности.

Мы придаемъ этому опредѣленію нравственной устойчивости каждаго солдата, сверхъ воспитательнаго, и другое важное значеніе: ротный командиръ, давшій себѣ этотъ трудъ, не пожалѣетъ впослѣдствіи, потому что будетъ имѣть на счету кандидатовъ на всѣ назначенія, которыя приходится дѣлать въ ротѣ. А это первая обязанность каждаго начальника—знать, кто изъ чиновъ, ему подвѣдомыхъ, и на что способенъ. Прежде слишкомъ долго приходилось служить вмѣстѣ съ одними и тѣми же людьми, и ротный командиръ узнавалъ ихъ поневолѣ; но теперь такое знаніе не придетъ, если самому о немъ не позаботиться.

Великимъ пособіемъ къ развитію надежности въ людяхъ мы признаемъ укорененіе въ нихъ привычки докладывать о всемъ, съ ними случающемся, прямому начальнику. Малѣйшее замѣчаніе, полученное солдатомъ, даже встрѣча его съ кѣмъ либо изъ старшихъ начальниковъ, должны быть извѣстны ротному командиру. Солдату, свято исполняющему это правило, можно простить многое; потому что уже одна привычка исполнять его держитъ человѣка на чеку, гдѣ бы онъ ни былъ и что бы ни дѣлалъ. Но достигнуть этого возможно только при дружномъ содѣйствіи всего корпуса офицеровъ. Пріемъ же, ведущій къ цѣли, весьма простъ:

въ одной изъ частей, намъ извѣстныхъ, до нѣкоторой степени добились этого тѣмъ, что съ замѣчаніемъ назначалось и наказаніе солдату; а прямому его начальству сообщалось это съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ доклада со стороны солдата, съ него не дѣлать никакого взысканія, и налагать двойное въ противномъ случаѣ.

Многимъ, вѣроятно, покажется страннымъ, что мы распространяемся о вещахъ, повидимому, столь простыхъ и всѣмъ извѣстныхъ: потому распространяемся, что на нихъ зиждется благоустройство воинскаго организма, и что онѣ хотя и просты для пониманія, но въ примѣненіи трудны, потому что требуютъ постояннаго вниманія и настойчивости, т. е. именно того, чѣмъ славянская натура хромаетъ. Оттого-то подобныя вещи забываются легко и до такой степени основательно, что возобновленіе ихъ требованія принимается иногда какъ нѣчто совершенно новое.

Курсъ солдатскаго воспитанія представляютъ уставы: службы внутренней *) и гарнизонной. Они должны быть усвоены возможно болѣе основательно и, разумѣется, болѣе въ ихъ сущности, чѣмъ въ обрядовой сторонѣ. Послѣдней мы придаемъ серьезное, но не первостепенное значеніе; и настаиваемъ на томъ, что изученіе существенныхъ обязанностей должно быть поставлено на первомъ планѣ. Думаемъ такъ, основываясь на опытѣ, который показалъ, что обязанности, поставленныя на одну доску съ обрядомъ, сопровождающимъ ихъ исполненіе, были этимъ послѣднимъ почти совершенно вытѣсняемы изъ сознанія. И это естественно, потому что обрядъ говоритъ глазу, легко усваивается и легко повѣряется, между тѣмъ какъ существенныя обязанности не имѣютъ ни одного изъ этихъ качествъ: ихъ нельзя ни поставить въ шеренгу, ни пропустить церемоніальнымъ маршемъ, ни концентрировать въ нѣсколько пріемовъ, исполняемыхъ по коротенькимъ, заранѣе составленнымъ, командамъ. Въ человѣкѣ первымъ поражается и подкупается глазъ, и потому нужно помнить, что глазу говоритъ только внѣшность дѣла, а не сущность его. Хотя и говорится, что по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, но въ жизни платье часто такъ нравится, что по оному не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. То же случается и съ обрядомъ по отношенію его къ тѣмъ обязанностямъ, сущность которыхъ можно выразить словомъ и поведеніемъ, а не внѣшнимъ какимъ либо пріемомъ.

Въ виду громадной важности знанія устава о службѣ вну-

*) Въ составъ службы внутренней входитъ и дисциплинарный уставъ, ошибочно пріурочиваемый къ военно-уголовному.

тренней, нельзя не пожелать распространенія его въ войскахъ наравнѣ со строевыми уставами, чтобы всякій чинъ получилъ, наконецъ, возможность опредѣлительно знать, что̀ онъ долженъ дѣлать и чего съ нимъ не должны дѣлать: потому что только это можетъ дать прочный внутренній порядокъ. Разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на усвоеніе путемъ рутины нельзя: это путь вѣрный, но медленный, т. е. при короткихъ срокахъ службы совершенно непримѣнимый.

Оба сказанные устава равно важны въ воспитательномъ отношеніи, и усвоеніе въ нихъ каждымъ солдатомъ того, что до него относится, составляетъ первостепенную необходимость, сколько бы это ни потребовало времени; даже еслибы таковое пришлось отнимать отъ занятій образовательными предметами. Внутренняя служба относится къ гарнизонной, какъ общевоспитательная подготовка—къ примѣненію усвоеннаго воспитаніемъ въ данномъ случаѣ. Стоя въ караулѣ, солдатъ не только учится служить, но и впервые дѣйствительно служитъ. Стоя на часахъ, онъ впервые предоставляется самому себѣ, какъ относительно того, кого онъ въ этомъ случаѣ долженъ слушать и кого не смѣетъ слушать даже изъ тѣхъ, кому, въ остальное время, обязанъ безпрекословнымъ повиновеніемъ, такъ и относительно употребленія оружія по личной оцѣнкѣ обстоятельствъ, а не по чьему либо приказанію. Все это даетъ помянутымъ уставамъ, въ ихъ сущности, характеръ закона въ высшемъ значеніи этого слова. Въ отношеніи къ нимъ всѣ прочіе уставы имѣютъ не болѣе какъ характеръ учебныхъ инструкцій, прохожденіе которыхъ, по нуждѣ, не только можетъ быть ограничено, но иногда даже и совершенно пропущено. Между тѣмъ, какъ въ сказанныхъ уставахъ ничего урѣзать нельзя *) изъ того, что солдатъ знать долженъ, даже если бы подготовку рекрута пришлось начать и окончить въ одинъ день.

Обрядовая сторона внутренней службы заключается въ соблюденіи воинской вѣжливости и приличнаго вида, а гарнизонной службы, сверхъ того, — въ точномъ исполненіи установленныхъ пріемовъ смѣны, отданія чести и т. п. Все это легко усваивается и точно исполняется именно такимъ солдатомъ, который имѣетъ вѣрное понятіе о существенной сторонѣ своего назначенія. Впрочемъ, къ этому мы возвратимся еще разъ, въ замѣткѣ о методахъ преподаванія.

---

*) Кромѣ развѣ обрядовой стороны, въ которой можно допустить упрощенія.

Пріемы воспитанія внѣшніе, но укрѣпляющіе духовную сторону солдата, суть: сквозныя атаки, ученья подъ артиллерійскими выстрѣлами и обстрѣливаніе. Хотя эти пріемы, за исключеніемъ послѣдняго, примѣнимы только въ массѣ, но и они даютъ практику въ самообладаніи каждому солдату отдѣльно, и потому упоминаются здѣсь, т. е. при разборѣ отдѣловъ одиночной подготовки. Польза ихъ примѣненія признается пока немногими; но за нихъ говоритъ и то уже, что до сихъ поръ противъ нихъ не было сдѣлано ни одного возраженія сколько нибудь состоятельнаго. Приводимъ одно изъ нихъ, имѣющее за собою хотя заслугу нѣкотораго остроумія. Заключается оно въ томъ, что будто бы несообразно искать укрѣпленія нематеріальныхъ качествъ солдата посредствомъ матеріальныхъ пріемовъ. Возраженіе это просто объясняется тѣмъ, что сдѣлавшіе его не отдавали себѣ никогда отчета въ свойствахъ человѣка, между которыми одно изъ главнѣйшихъ заключается въ строгой зависимости духовнаго его настроенія отъ физическаго его состоянія, а также отъ механическихъ навыковъ. Эта зависимость открывается при самомъ даже поверхностномъ наблюденіи и составляетъ аксіому: голодный человѣкъ золъ или унылъ; обученный стрѣльбѣ будетъ, при равныхъ прочихъ условіяхъ, спокойнѣе въ бою необученнаго; обученный бьетъ въ свалкѣ штыкомъ и прикладомъ самоувѣреннѣе необученнаго; занимавшійся гимнастикою, не задумываясь, преодолѣетъ такое препятствіе, которое замедлитъ, а иногда и совсѣмъ остановитъ незанимавшагося ею, и т. п. Кажется, не трудно замѣтить, что во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, актъ, чисто физическій, имѣетъ послѣдствіемъ видоизмѣненіе духовнаго строя. Послѣ этого предоставляемъ читателю судить: можно или нѣтъ разсчитывать на дѣйствительность матеріальныхъ пріемовъ въ дѣлѣ укрѣпленія нематеріальныхъ качествъ солдата. «Никакая инструкція не поможетъ въ дѣлѣ, требующемъ физическаго навыка»; а кавалерійская или пѣхотная атака, равно свистъ пуль и гранатъ именно требуютъ такого навыка, потому что первая дѣйствуетъ на зрѣніе, а послѣдній на слухъ еще прежде, чѣмъ дойдетъ дѣло до вреда дѣйствительнаго *).

---

*) Остальныя возраженія можно бы привести развѣ какъ курьезы нелогичности или слабаго знанія фактовъ. Для примѣра указываемъ на одно, въ послѣднемъ родѣ. По мнѣнію г. N. („Военный Сборникъ“ 1873 г., № 6), Суворовъ придумалъ сквозныя атаки вслѣдствіе того, что $^3/_4$ своей боевой службы провелъ на войнѣ съ турками и татарами, у которыхъ самымъ страшнымъ родомъ войска была кавалерія; онъ и хотѣлъ избавить войска отъ этого постояннаго кошмара, и вотъ явилось его обученіе сквознымъ атакамъ. Объясненіе

Составъ образованія солдата извѣстенъ всякому военному: гимнастика, фехтованіе, стрѣльба, строй *). Составъ весьма сложный; но, на бѣду, ни одного изъ этихъ предметовъ нельзя исключить, не причинивъ существеннаго ущерба образованію. Тѣмъ болѣе должно стараться о томъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не занималъ въ одиночной подготовкѣ солдата болѣе того мѣста, которое должно быть ему предоставлено по значенію въ общей системѣ образованія. Мечтать о томъ, что при теперешнемъ срокѣ службы солдатъ можетъ сдѣлаться, въ одно и то же время, превосходнымъ гимнастомъ, стрѣлкомъ, фехтовальщикомъ, фронтовикомъ, — невозможно, какъ бы онъ ни былъ способенъ. Хорошо и то, если, добившись относительнаго совершенства въ одномъ, много въ двухъ предметахъ, достигнутъ въ остальныхъ удовлетворительнаго результата. Слѣдуетъ только желать, чтобы относительное совершенство доставалось на долю предметовъ, имѣющихъ въ бою преобладающую важность. Опредѣляются они весьма просто: стоитъ только обратить вниманіе на то, что два изъ нихъ.— стрѣльба, фехтованіе—представляютъ дѣйствіе; а другіе два только обстановку дѣйствія въ бою. Понятно, что въ одиночной подготовкѣ должно налегать на первые предпочтительно передъ послѣдними, а не наоборотъ. Мы уже сказали, что эта разцѣнка предметовъ по ихъ относительной важности установилась далеко не во всѣхъ частяхъ.

Фактъ этотъ еще разъ показываетъ, до какой степени важно и необходимо имѣть въ виду конечную цѣль подготовки солдата, даже когда рѣчь идетъ о четырехъ главныхъ предметахъ образо-

---

это было бы вѣрно, если бы Суворовъ требовалъ только сквозныхъ атакъ кавалеріи на пѣхоту; на бѣду для догадки г. N., онъ требовалъ также атакъ: пѣхоты на пѣхоту, пѣхоты на кавалерію, пѣхоты и кавалеріи на артиллерію; это знаетъ всякій, не только проштудировавшій суворовскую систему, но хотя слегка съ нею ознакомившійся. Слѣдовательно, это былъ полный курсъ гимнастики въ самообладаніи, примѣненный къ тогдашнимъ средствамъ пораженія, и турецко-татарская конница тутъ ни причемъ. Не мѣшало бы также помнить и то, что одно изъ первыхъ предписаній Суворова въ 1799 году австрійской арміи, чуждой русской и по духу, и по обычаямъ, гласитъ объ упражненіяхъ въ тѣхъ же сквозныхъ атакахъ: лучшее доказательство, что онъ признавалъ этотъ пріемъ полезнымъ вообще, а не въ примѣненіи къ той, либо другой арміи, противъ того, либо другаго непріятеля.

*) Примѣненіе къ мѣстности проходится вмѣстѣ со строемъ, и для солдата не составляетъ, по нашему, самостоятельнаго отдѣла занятій, такъ какъ одиночный человѣкъ представляетъ ничтожную цѣль даже и на близкихъ разстояніяхъ; да и слишкомъ пріучать его прятаться отъ непріятеля тоже не совсѣмъ удобно. Сообразнѣе налегать на то, чтобы онъ искалъ опоры ружью для увеличенія мѣткости стрѣльбы; ибо, достигая этого, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ уменьшать и представляемую имъ цѣль, хотя бы и совсѣмъ объ этомъ не думалъ. Мы разумѣемъ здѣсь только пассивное примѣненіе къ мѣстности; а къ активному—подготовляетъ гимнастика.

ванія; только подъ вліяніемъ постоянной мысли объ этой цѣли можно остеречься отъ увлеченій, которыя, стремясь придать солдату второстепенныя, желательныя только, знанія, отнимають время отъ занятій тѣмъ, что ему знать существенно необходимо...

Причина преобладанія строя надъ прочими отдѣлами образованія лежитъ въ той же инерціи, на которую сдѣланъ намекъ выше и которая сдаетъ только живому примѣру, а не писаной бумагѣ. Было время, когда строй составлялъ начало и конецъ воинскаго образованія, поглощалъ все время и все вниманіе. Вызываемые отчасти примѣромъ другихъ армій, преимущественно же кровавыми неудачами, новые отдѣлы образованія сначала явились не болѣе какъ придатками къ строю, за которыми никто не признавалъ не только преобладающаго надъ нимъ значенія, но даже и равноправности. Да иначе и быть не могло: эти отдѣлы явились уже тогда, когда обученіе строю сложилось въ систему, строго законченную до мельчайшихъ подробностей и поражающую своею послѣдовательностью; когда успѣли уже сформироваться тысячи спеціалистовъ, съ увлеченіемъ предававшихся занятіямъ строемъ и естественно успокоившихся на томъ убѣжденіи, что строй есть единственное назначеніе солдата. Понимается само собою, что новые отдѣлы явились въ началѣ, и по духу своему, да и потому, что отнимали время отъ строя, врагами ему, которыхъ, за невозможностью совсѣмъ выпроводить вонъ, оставалось держать на задворкахъ, т. е. заниматься ими лишь для очистки совѣсти. Все это явленія старыя и совершенно естественныя: всякій занимается охотнѣе тѣмъ, что онъ знаетъ; и всякій считаетъ болѣе важнымъ то, что знаетъ: такъ ужь человѣкъ устроенъ. Къ этому нужно прибавить, что труднѣйшій изъ новыхъ отдѣловъ образованія, стрѣльба, требуетъ такой кропотливой отдѣлки каждаго солдата, такого участія размышленія въ этой работѣ, которыя не могли не быть антипатичными людямъ, многіе годы своей жизни посвятившимъ занятію чисто механическому. И потому-то желаемая и совершенно отвѣчающая существу дѣла перестановка предметовъ до сихъ поръ только переходитъ въ жизнь, но далеко еще не перешла. Можемъ сказать одно: осуществится она безъ всякаго ущерба совершенству строя; потому что, кто въ состояніи добиться отличной стрѣльбы, тому ничего не стоитъ добиться стройности. Да притомъ она теперь и легко дается, благодаря гимнастикѣ и фехтованію, дѣлающими человѣка развязнымъ и ловкимъ.

Итакъ, всѣ занятія съ солдатомъ, по распредѣленію времени соотвѣтственно важности предметовъ обученія, должны быть по-

ставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) все, относящееся къ воспитанію солдата; 2) стрѣльба; 3) фехтованіе; 4) гимнастика; 5) строй. Въ одиночномъ обученіи такая постановка строя тѣмъ болѣе цѣлесообразна, что въ обученіи частей ему должна быть предоставлена самая значительная часть времени.

2.

Обратимся къ методамъ передачи солдату всего перечисленнаго. Дѣло тутъ въ отношеніяхъ обучающаго къ солдату и въ путяхъ, какими легче и прочнѣе можно укоренить въ немъ необходимыя знанія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обучающій прежде и болѣе всего долженъ относиться серьезно, но съ сердечнымъ участіемъ къ рекруту и заботиться о поддержаніи въ немъ вѣры въ самого себя. Чѣмъ болѣе рекрутъ будетъ считать себя способнымъ къ солдатской работѣ, чѣмъ менѣе будетъ видѣть въ ней нѣчто необыкновенное и недосягаемо-трудное, тѣмъ лучше. Въ настоящее время нельзя начинать его воспитаніе и образованіе съ того, что онъ не умѣетъ ни стоять, ни ходить, ни говорить; напротивъ: все это онъ умѣетъ, только не вполнѣ; и все можетъ сдѣлать, что и товарищи дѣлаютъ, стоитъ только присматриваться и не забывать того, что показано или разсказано. Поворотъ въ эту сторону, и весьма ощутительный, уже сдѣланъ во многихъ частяхъ, но есть, и не мало, такихъ, которыхъ онъ еще не коснулся, и гдѣ до сихъ поръ воображаютъ, что самое лучшее—начинать съ запугиванья; и что дѣло сдѣлано, если только рекрутъ, съ грѣхомъ пополамъ, сталъ въ строй.

Второе условіе успѣха — строгая разборчивость въ томъ, что̀ вводить въ сознаніе солдата черезъ ухо и что̀ черезъ глазъ; другими словами, что̀ передавать ему разсказомъ и что̀ показомъ. Кажется это весьма просто, а между тѣмъ на практикѣ часто забывается. Если прежде рѣдко прибѣгали къ уху солдата, за то теперь замѣчается явленіе обратное: этотъ путь передачи не только употребляется, но и злоупотребляется. Причина этому одна и та же — невниманіе къ свойствамъ человѣка; а слѣдствіе—страшная и совершенно непроизводительная потеря времени, котораго, какъ уже замѣчено, далеко не такъ много, чтобы можно было имъ не дорожить. Нужно притомъ помнить, что изустное преподаваніе, и при раціональномъ на него взглядѣ, требуетъ весьма обширнаго примѣненія: слѣдовательно, уже и по этому одному, необхо-

димо слѣдить затѣмъ, чтобы оно не вторгалось въ ту область, гдѣ показъ, наглядка даютъ результатъ несравненно быстрѣйшій и болѣе прочный.

За примѣрами того, что подобное вторженіе встрѣчается, и не рѣдко, ходить не далеко: достаточно указать хоть на знаменитое долбленіе номенклатуры частей ружья и отвѣтовъ на вопросы въ родѣ того, для чего солдату дается ружье и т. п. Учите его стрѣлять и колоть, и онъ будетъ знать для чего ружье дается, хотя бы объ этомъ ни слова не умѣлъ сказать; учите разбирать и собирать правильно ружье, и онъ узнаетъ назначеніе каждой части, хотя бы ни одной не умѣлъ назвать тѣмъ именемъ, которое для нея сочинено на оружейныхъ заводахъ. Зачѣмъ, спрашивается, солдату праздное знаніе, что у курка есть пузо, молотокъ, квадратная дыра и еще что-то такое? Зачѣмъ его повѣрять въ этомъ ни къ чему для него годномъ знаніи? А названіе главныхъ частей онъ невольно узнаетъ, обучаясь разборкѣ и сборкѣ. Не можемъ не сказать того же и о пресловутой теоріи стрѣльбы: пускаются, и не рѣдко, въ разъясненія солдату того, какъ пуля летѣла бы внѣ вліянія силы тяжести и сопротивленія воздуха; потомъ подъ вліяніемъ силы тяжести, но въ безвоздушномъ пространствѣ; и, наконецъ, переходятъ къ тому, какъ это происходитъ въ дѣйствительности. И все для чего же? Чтобы ему объяснить, что пуля летитъ не по прямой, а по кривой! Какая праздная потеря времени и труда... И когда подумаешь, что это не хитрое понятіе можно передать солдату, обративъ его вниманіе на полетъ брошеннаго отъ руки камня и на то, что если хочешь бросить дальше, то, до нѣкоторой степени, нужно бросить его выше. Не обращаютъ вниманія на то, что простолюдинъ — человѣкъ непосредственнаго склада понятій, что къ анализу онъ не привыкъ и отвлеченія понимаетъ чрезвычайно туго, а чаще даже не понимаетъ, а просто задалбливаетъ ихъ.

Столь безсознательное примѣненіе изустнаго преподаванія ведетъ къ тому, что оно постепенно разрастается; и такъ какъ человѣкъ, взятый отъ сохи, не въ состояніи различить въ этой массѣ существенное отъ несущественнаго, то и кончается тѣмъ, что знанія его предоставлены случайности: потому что долбитъ онъ все безъ разбору; а что удержится — дѣло памяти, а не разумѣнія. Удержится существенное — слава Богу; удержится только какое нибудь пузо курка — и на то не пеняйте.*). Память безъ

*) И даже болѣе вѣроятно, что удержится именно несущественное, какъ болѣе наглядное и легче задерживаемое памятью.

содѣйствія анализирующаго ума—способность пассивная; и потому-то такъ важно въ образованіи солдата толковое участіе офицера, отъ котораго можно и должно требовать того, чтобы онъ, занимаясь съ солдатомъ, такъ сказать, подчеркивалъ то, что существенно важно.

Необходимо серьезно подумать о строгомъ разграниченіи: 1) первостепеннаго отъ второстепеннаго въ изустномъ преподаваніи; 2) усвоиваемаго съ показа отъ того, чего иначе какъ разсказомъ передать нельзя. Это разграниченіе должно быть сдѣлано не столько на бумагѣ, сколько на дѣлѣ, путемъ разумнаго вниканія въ предметъ самихъ преподающихъ, потому что въ одномъ и томъ же предметѣ существуютъ отдѣлы всѣхъ этихъ категорій; и разграниченіе ихъ на бумагѣ повело бы къ произведенію одной изъ тѣхъ весьма обстоятельныхъ, длинныхъ инструкцій, которыхъ большинство, къ сожалѣнію конечно, но не читаетъ.

Для примѣра возьмемъ хоть гарнизонную службу. Въ уставѣ существенныя обязанности стоятъ рядомъ со второстепенными; обрядовая сторона, довольно сложная и составляющая дѣло показа, перемѣшана съ тѣмъ, что можетъ быть только разсказано. Отъ устава нельзя требовать, чтобы онъ это разграничивалъ, такъ какъ онъ есть руководство для службы, а не для обученія, и педагогическихъ цѣлей ему навязывать нельзя. Но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желать, какъ безусловно-необходимаго, чтобы преподающіе относились къ уставу сознательнѣе и въ обученіи сами классифицировали его правила въ объясненномъ смыслѣ. Нельзя показать, что часовой долженъ быть бдителенъ или убить того, кто посягнетъ на нарушеніе его сдачи: тутъ мыслимо только изустное преподаваніе и наблюденіе впослѣдствіи затѣмъ, исполняетъ ли солдатъ эти правила; но печально, когда солдата заставляютъ говорить наизусть: какъ разводящій дѣлаетъ остановку, поворотъ и пріемъ при смѣнѣ, какъ часовой становится къ будкѣ для отданія чести. Все это можно проговорить отлично и въ то же время ошибаться на каждомъ шагу въ исполненіи: слѣдовательно, и трудъ обученія, и усилія солдата усвоить всю эту мудрость путемъ запоминанія, а не продѣлыванія, пропадаютъ совершенно даромъ. А между тѣмъ покажите солдату эти пріемы и заставьте продѣлать два три раза, онъ ихъ и во всю жизнь не забудетъ, хоть и не съумѣетъ, можетъ быть, разсказать. Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для разъясненія того, въ какого рода случаяхъ необходимъ разсказъ и въ какого рода — совершенно достаточенъ показъ, если не желаютъ растрачивать попусту времени и силъ.

Обратимся къ тому, что мы назвали выше подчеркиваніемъ первостепенныхъ правилъ. Уставъ гласитъ, напримѣръ, что караулъ вызывается: для отданія чести, въ случаѣ пожара, въ случаѣ столпленія народа по близости караульнаго дома. Такъ это и преподается, и преподаваніе кончается тѣмъ, что первый случай всѣ знаютъ отлично, а о второмъ и третьемъ если десятый скажетъ, такъ и то слава Богу. Почему это такъ? А потому, во-первыхъ, что эти случаи поставлены не по относительной ихъ важности, а въ обратномъ порядкѣ; во-вторыхъ, что вызывать для отданія чести приходится очень часто, въ случаѣ пожара довольно рѣдко, а въ случаѣ столпленія у насъ, благодаря Бога, и совсѣмъ пока не приходится. Пока все смирно и тихо, все обстоитъ благополучно; но приходитъ бѣда и застаетъ въ расплохъ.... Подчеркиваніе и должно заключаться въ томъ, чтобы въ преподаваніи и при исполненіи постоянно налегать на то, что караулъ ставится прежде всего для поддержанія порядка и въ силу этого вызывается главнѣйше въ случаяхъ, грозящихъ его нарушеніемъ. Отданіе же чести не забудется уже и потому, что практика гарнизонной службы часто объ ономъ напоминаетъ. И это показываетъ, что если хотите добиться на дѣлѣ ровнаго исполненія всего устава, нужно налегать въ преподаваніи именно на существенныя его части, потому, что онѣ такого рода, что ежедневный обиходъ службы практики въ нихъ не даетъ.

Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, совершенно достаточно для того, чтобы офицеръ, мало-мальски внимательный и преданный своему дѣлу, самъ провелъ по всему уставу о службѣ въ гарнизонѣ границы, важности и необходимости которыхъ никто, конечно, отвергнуть не можетъ.

Уставъ о службѣ внутренней имѣетъ много общаго съ предъидущимъ въ томъ именно, что важнѣйшія его обязаности усвоиваются съ разсказа. Обрядовая его сторона должна передаваться показомъ, и заключается только въ соблюденіи правилъ воинской вѣжливости между всѣми членами воинскаго братства взаимно. Дѣло это взаимное какъ потому, что того требуетъ уставъ, такъ и потому, что офицеръ, не отвѣчающій на сдѣланную ему честь, показываетъ этимъ, что онъ какъ будто менѣе солдата благовоспитанъ.

Не можемъ покончить съ этимъ уставомъ, не сказавъ нѣсколько словъ о предметѣ весьма важномъ и тоже поставленномъ безъ соображенія со свойствами нашего рекрута — объ изученіи титуловъ, именъ и фамилій начальниковъ. Полагаемъ, что именно для основательности такого знанія было бы весьма полезно до

возможности сократить это титулованіе, за исключеніемъ Особъ Августѣйшей фамиліи, титулы которыхъ притомъ гораздо легче усвоить, чѣмъ титулъ иного начальника дивизіи. Дѣло, право, не потерпитъ отъ того, что солдатъ, на вопросъ, напримѣръ, «кто твой начальникъ дивизіи?» отвѣтитъ просто: «генералъ-лейтенантъ такой-то». Вѣдь иной титулъ съ именемъ, отчествомъ и фамиліей составляетъ десять словъ, иногда нерусскихъ: гдѣ же солдату усвоить иногда пять-шесть такихъ титуловъ, особенно если взять въ разсчетъ, что ревность не по разуму нѣкоторыхъ начальниковъ частей ведетъ къ требованію знанія титуловъ даже такихъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ часть, ни прямо, ни косвенно, не состоитъ? Чѣмъ менѣе будетъ для солдата объемъ запоминаемаго, тѣмъ съ большимъ толкомъ онъ будетъ знать то, что ему помнить дѣйствительно необходимо.

3.

Участіе изустнаго преподаванія въ отдѣлѣ стрѣльбы должно, по нашему мнѣнію, заключаться только въ передачѣ солдату вполнѣ отчетливаго представленія о правилахъ прицѣливанія и о вліяніи на оное: наклона прицѣла, направленія вѣтра и освѣщенія, а также видоизмѣненій мѣстности. Отношеніе между линіею полета, осью канала и прицѣльною линіею могутъ быть показаны солдату, какъ это дѣлается у англичанъ, т. е. на небольшой деревянной модели ружья, въ которой утверждены, въ надлежащемъ положеніи, проволоки, изображающія эти три линіи. Полагаемъ даже, что и это роскошь, потому что и безъ такого показанія не трудно передать солдату, что прицѣлъ поднимается тѣмъ выше, чѣмъ разстояніе больше. Чѣмъ постояннѣе учащій будетъ помнить, что долженъ передать солдату не все то, что самъ знаетъ, а только то, что ему знать необходимо, — тѣмъ лучше. Много есть и между усердными людей, которые, сами того не замѣчая, гораздо болѣе удовлетворяютъ своей потребности учить, нежели потребности солдата знать.

4.

Строй, фехтованіе, гимнастика — такіе отдѣлы, въ которыхъ почти исключительно долженъ царить показъ. Но исправленіе ошибокъ въ томъ, что солдату уже показано, должно дѣлать не иначе, какъ словомъ. Этому пріему мы придаемъ

особенное значеніе, такъ какъ только благодаря ему можно дать понять солдату его ошибку и, слѣдовательно, сдѣлать такъ, чтобы трудъ исправляющаго не пропадалъ безслѣдно. Вѣдь большая часть какъ исправляетъ ошибку? Положимъ, солдатъ нагибается въ поясницѣ къ ружью. Вмѣсто того, чтобы приказать «бедро къ ружью», учитель подходитъ и начинаетъ руками выправлять и лѣпить солдата. А отошелъ—и тотъ опять сталъ кренделемъ, потому что по лѣпленію можетъ только догадываться, чего тотъ отъ него хочетъ, но яснаго представленія о своей ошибкѣ получить не можетъ. Погнувъ его вашими руками, вы не призвали къ участію въ этой работѣ ни сознанія, ни мускуловъ солдата. Разъ вы его поправляете словомъ, вы возбуждаете его вниманіе, даете понять ошибку, пріучаете приводить въ дѣйствіе соотвѣтствующіе мускулы для ея исправленія *) и, въ концѣ концовъ, заставляете помнить и впередъ, чего онъ долженъ остерегаться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это способствуетъ развитію солдата, пониманію имъ человѣческяго слова и укорененію привычки по слову быстро переходить къ исполненію. Мы убѣдились въ значеніи и пользѣ предлагаемаго **) пріема, который, съ перваго взгляда, можетъ показаться мелочнымъ, на примѣрахъ отрицательныхъ, т. е. показывающихъ, до чего можетъ дойти тупость воспріятія солдата, когда въ обученіи его сказанный пріемъ упускается. Достаточно сказать, что попадаются, и нерѣдко, люди, неспонимающіе выраженій въ родѣ: такое-то плечо ниже или выше, прицѣлъ на себя или отъ себя, не отличающіе ребра отъ бедра и т. п. Довести до такого состоянія солдата, который, въ то же время, иногда перебалтываетъ вамъ бойко траекторіи въ безвоздушномъ и воздушномъ пространствѣ, не значитъ развить его, такъ какъ развитіе человѣка, приготовляемаго къ чисто практической дѣятельности, заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы онъ быстро переводилъ слово въ дѣло, т. е. понималъ, что ему говорятъ, и пониманіе это выражалъ исполненіемъ ***).

---

*) Однимъ словомъ, вы должны только указать ошибку; а поправить ее долженъ самъ солдатъ.

**) Этотъ пріемъ также не новъ и заимствованъ нами у одного изъ дѣльнѣйшихъ представителей прежней системы подготовки солдата: но и въ прежнее время онъ не былъ повсемѣстно распространенъ, а въ настоящее совсѣмъ почти утрачивается, и мы распространяемся о немъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что для весьма многихъ онъ будетъ совершенною новостью. Вообще прежняя система представляетъ много такихъ пріемовъ браться за дѣло, которые и въ новой будутъ въ высшей степени полезны. Извѣстные намъ изъ этихъ пріемовъ будутъ переданы въ предлежащихъ замѣткахъ.

***) Предупреждая ошибочныя догадки, заявляемъ, что приведенные въ этихъ замѣткахъ примѣры взяты не изъ одной какой либо части, и мы убѣждены, что ихъ легче найти, чѣмъ не найти, по крайней мѣрѣ, въ семи частяхъ изъ любыхъ десяти.

5.

Немалымъ подспорьемъ процвѣтанію безсознательнаго заучиванія служатъ руководства, составленныя въ вопросахъ и отвѣтахъ. Подобныя руководства, конечно, незавѣдомо для составителей, нарочито направлены къ тому, чтобы, при удовлетворительности смотровыхъ результатовъ, сущность дѣла оставалась на заднемъ планѣ. Извѣстно, что простолюдинъ отличается весьма острою памятью; заучить для него гораздо легче, чѣмъ основательно понять и усвоить. При руководствѣ, составленномъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, онъ заучиваетъ по порядку тѣ и другіе, и при повѣркѣ отвѣчаетъ по созвучію и по порядку же, нисколько иногда не вникая въ сущность того, о чемъ его спрашиваютъ и что онъ самъ говоритъ. Конечно, отъ солдата нельзя требовать слитнаго изложенія статьи, иногда довольно длинной, и нужно помогать ему вопросами; но ихъ долженъ дѣлать, по мѣрѣ надобности, обучающій, а не предрѣшать руководство.

6.

Заключаемъ эту серію нашихъ замѣтокъ общимъ указаніемъ, относительно второстепенныхъ отдѣловъ одиночнаго образованія. Общее свойство большей части таковыхъ то, что они требуютъ составленія отдѣльныхъ командъ, т. е., до извѣстной степени, ведутъ къ дезорганизаціи ротъ и къ возникновенію временныхъ начальниковъ, преимущественно изъ молодыхъ офицеровъ. Всякому, сколько нибудь вникавшему въ дѣло, извѣстно, что солдаты, побывавшіе въ такихъ командахъ, почти всегда болѣе или менѣе распускаются: слѣдовательно, должно признать, что отдѣленіе ихъ всегда бываетъ въ ущербъ внутреннему порядку. Въ виду этого, намъ кажется весьма небезполезнымъ, при всякомъ новомъ предложеніи, примѣненіе котораго требуетъ отдѣльной команды, имѣть въ виду вопросъ: на столько ли велика ожидаемая вѣроятная польза отъ предложенія, чтобы изъ-за него мириться съ вѣрнымъ ущербомъ внутреннему порядку частей? Кромѣ того, всякое подобное предложеніе отклоняетъ нѣкоторую часть людей отъ занятій ихъ прямымъ боевымъ дѣломъ, что также небезполезно имѣть въ виду. Наконецъ, нельзя и того не помнить, что въ наше время много есть уже такихъ командъ, безъ которыхъ дѣйствительно обойтись нельзя.

7.

Выше мы коснулись занятій съ солдатомъ, прямо отвѣчающихъ его спеціальности; настоящую бесѣду нашу начинаемъ съ предметовъ, неимѣющихъ прямаго примѣненія въ бою, но безъ которыхъ трудно основательно усвоить важнѣйшую часть *) того, что для боя необходимо: разумѣемъ грамотность и общее развитіе солдата. Необходимость заботиться о распространеніи грамотности въ войскахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ и то, что эта необходимость возникаетъ вслѣдствіе несовершенства народнаго образованія, и никакъ не можетъ быть признана прямою военною обязанностью. Назначеніе военной части — служить въ мирное и военное время, и учиться прямому своему дѣлу, а не сидѣть за школьной скамьей; и офицеръ обязанъ учить своихъ подчиненныхъ грамотѣ не потому что онъ офицеръ, но не взирая на то, что онъ офицеръ. Давно уже сказано, что военная часть не есть школа грамотности; и мы раздѣляемъ это мнѣніе. Раздѣляемъ не въ томъ смыслѣ, что грамотность нужно вычеркнуть изъ программы солдатскихъ занятій, но въ томъ, что она, не будучи занятіемъ, прямо отвѣчающимъ военной спеціальности, не должна быть развиваема въ ущербъ предметамъ чисто военнаго свойства или вести солдата къ повышенію, если не сопровождается въ немъ чисто военными качествами. Въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить тоже одно увлеченіе, которое безъ ущерба дѣлу обойтись не могло. Требованіе, чтобы всѣ унтеръ-офицеры были грамотны, при слабомъ развитіи грамотности въ массѣ народа, повело къ тому, что достойнѣйшимъ изъ людей, но малограмотнымъ, предпочитались при назначеніи въ это званіе менѣе достойные, если они были грамотѣи; и мы приписываемъ отчасти этому обстоятельству постоянно раздающіяся жалобы на недостатокъ и неудовлетворительность унтеръ-офицеровъ. Ревность не поразуму придала вышеуказанному требованію слишкомъ безусловное значеніе, и одно время открыла доступъ къ унтеръ-офицерскому званію какому нибудь фабричному выжигѣ, проштрафившемуся писарю, лакею, однимъ словомъ, народу, среди котораго грамотность встрѣчается чаще чѣмъ между земледѣльцами, бойкому, изворотливому (иногда даже слишкомъ), но ненадежному.... А между тѣмъ неподлежитъ никакому сомнѣнію, что сказаннымъ

*) Уставы о службѣ внутренней и гарнизонной.

требованіемъ вовсе не имѣлось въ виду отмѣнять основныя условія, которымъ долженъ удовлетворять рядовой, дабы удостоиться унтеръ-офицерскаго званія, именно, чтобы онъ былъ лично надеженъ, твердъ, ровенъ и справедливъ съ подчиненными; не только самъ зналъ свои обязанности и всѣ отдѣлы образованія, но умѣлъ передать и подчиненнымъ свое знаніе. Мы придерживаемся того мнѣнія, что первыя изъ перечисленныхъ качествъ чаще встрѣчаются между людьми, взятыми отъ земли, нежели между принадлежащими къ другимъ слоямъ простонародья. Мы думаемъ, что трудъ земледѣльца, болѣе нежели какой либо другой, формируетъ тотъ твердый складъ характера и тотъ прямой здравый смыслъ, которые не допустаютъ никакого вилянія ни въ дѣлѣ, ни въ словѣ, и которые такъ дороги въ нижнемъ чинѣ, потому что дѣлаютъ его недоступнымъ какимъ либо сдѣлкамъ съ совѣстью и долгомъ. Суворовъ не даромъ преслѣдовалъ «лживку, лукавку»; онъ зналъ, что эти качества въ солдатѣ не могутъ быть терпимы. И мы полагаемъ, что даже теперь, когда приняты всѣ возможныя мѣры къ распространенію грамотности, слѣдовало бы предоставить при производствѣ въ унтеръ-офицеры хотя одну десятую часть вакансій нижнимъ чинамъ неграмотнымъ, но представляющимъ по знанію дѣла и нравственнымъ качествамъ вѣрное ручательство въ умѣньѣ держать людей въ рукахъ и способствовать ихъ военному воспитанію.

Разбросанное квартирное расположеніе ставитъ неодолимыя преграды распространенію грамотности въ ротахъ для большинства ротныхъ командировъ; но встрѣчаются почтенные люди, которые и при трудной армейской обстановкѣ умѣютъ довести число грамотныхъ въ своихъ ротахъ до 80%. Передъ такими невольно преклоняешься, особенно когда подобный результатъ достигается не въ ущербъ прямой спеціальности.

8.

Грамотность есть одно изъ средствъ развитія; но, во-первыхъ, не даетъ всего развитія, во вторыхъ, не даетъ его въ военномъ направленіи. Можно быть грамотнымъ и довольно бойкимъ на языкъ, и все же оставаться очень глупымъ и не имѣющимъ военной складки человѣкомъ. Но и это, какъ многое, сразу не было замѣчено. Сначала казалось, что первый признакъ развитія солдата составляетъ бойкость отвѣтовъ не только въ томъ, что касается его спеціальности, но и въ томъ, что къ ней вовсе не от-

носится. Начали добиваться этой бойкости, и настало тогда время умиленія передъ тѣмъ, если на вопросъ: «сколько пятокъ въ ружьѣ?» солдатъ отвѣчалъ: семь, ваше в—діе! «какъ семь?» пять въ ружьѣ *) и двѣ у меня на ногахъ, ваше в—діе! Находили въ подобныхъ отвѣтахъ не только удивительное развитіе и находчивость, но и то, что солдатъ до такой степени проникнутъ своею спеціальностью, что себя отъ ружья не отдѣляетъ. Хорошъ вопросъ, да и отвѣтъ не дуренъ! Нужно ли показывать, что такой взглядъ на развитіе солдата извращалъ понятія, ставя номенклатуру, какъ предметъ, подлежащій изученію во всѣхъ направленіяхъ: и вдоль и поперегъ, и по порядку, и въ разбивку; нужно ли доказывать, что отвѣты, въ родѣ приведеннаго, извращали отношенія между солдатомъ и офицеромъ, вводя въ нихъ балагурство, которое къ этимъ отношеніямъ не можетъ считаться терпимою примѣсью? Неосмысленное увлеченіе развитіемъ доводило нѣкоторыхъ до сообщенія солдату, напримѣръ, свѣдѣній о солнечной системѣ, не взирая на то, что подобныя свѣдѣнія безъ знанія данныхъ, на которыхъ они основаны, не имѣютъ смысла; и что безъ долголѣтней школьной подготовки они не способствуютъ даже и общему развитію, не говоря уже о спеціальномъ. Говорилъ солдатъ со словъ офицера, что земля кругомъ солнца ходитъ; и рядомъ съ этимъ вѣрилъ, въ домовыхъ и въ то, что громъ гремитъ, когда Илья-Пророкъ по небу ѣздитъ.

Приводимъ эти примѣры не изъ праздной потѣхи глумленія надъ людьми, доказавшими даже своими увлеченіями преданность дѣлу; но съ тѣмъ, чтобы получить правильный выводъ о направленіи и объемѣ развитія, солдату потребнаго. Уже давно извѣстно, что во всякомъ дѣлѣ человѣкъ можетъ добраться до правды только рядомъ односторонникъ рѣшеній вопроса и послѣдовательными поправками ихъ односторонности. Въ предлежащемъ случаѣ ошибка заключалась въ убѣжденіи, будто развитіе солдата можетъ быть достигнуто только посредствомъ словесныхъ упражненій, т. е. путемъ заучиванья и изустнаго изложенія заученнаго, даже если изучать не цѣлую систему даннаго знанія, а только урывки знанія. Не замѣчали того, что можно говорить о дѣлѣ, не только не имѣя о немъ яснаго понятія, но иногда даже безъ пониманія того, что говоришь**); что человѣкъ подневольный можетъ задол-

*) Пятки: спусковой скобы, перки, боевой пружины, казенной части, прицѣла.

**) Тѣмъ, кому это можетъ показаться дикимъ и невѣроятнымъ, совѣтуемъ припомнить школьную жизнь, въ которой не рѣдки экземпляры долбяшекъ, бойко и съ убѣжденіемъ доказывающихъ, напримѣръ, геометрическую теорему по чертежу руководства и становящихся въ тупикъ, если измѣнить чертежъ или даже однѣ буквы въ немъ.

бить, по нуждѣ, все что ему прикажутъ, на сколько хватитъ памяти: хотя бы страницу логарифмовъ, напримѣръ. Не замѣчали и того, что недѣльно тратить время на лишнее, когда его едва хватаетъ и на необходимое.

Практика показала, что это собственно не развитіе, а только внѣшняя форма, такъ сказать, миражъ развитія; что представленіе о предметѣ и разсказъ о немъ могутъ и раздвоиться, т. е. можно понимать и безъ плавнаго разсказа; можно плавно разсказывать безъ яснаго пониманія. А между тѣмъ, именно въ этомъ послѣднемъ, т. е. въ ясномъ пониманіи, корень развитія. «Прежде вещь, а потомъ ея знакъ» *)—вотъ основной педагогическій законъ, одинаково вѣрный въ примѣненіи не только къ началу, но и къ продолженію занятій; не только къ тому, что не слѣдуетъ давать наименованія вещи, не показавъ самой вещи, но и къ тому, чтобы и при послѣдующемъ ходѣ занятій больше работать надъ вещами, нежели надъ словами. Бѣда не велика, если солдатъ не будетъ складно говорить, лишь бы складно дѣлалъ; если есть логика въ дѣлѣ, то она неминуемо будетъ и въ головѣ, хотя бы ея, повидимому, и не было въ словѣ. Нелѣпыя явленія или нелѣпая работа развращаютъ мозгъ гораздо болѣе, нежели ошибочное употребленіе словъ, или неумѣнье уложить ихъ въ книжно-правильную фразу. Солдатъ, прежде всего, долженъ умѣть дѣлать дѣло и потомъ уже говорить о дѣлѣ: нужно, слѣдовательно, первое развивать на счетъ втораго, а не наоборотъ. Въ основаніи всякаго, самаго механическаго, повидимому, дѣла лежитъ непремѣнно извѣстная мысль: нужно только умѣть открыть ее и расположить занятія такъ, чтобы для новичка она раскрывалась самымъ ходомъ занятій, безъ длинныхъ разъясненій, и развитіе будетъ достигнуто. Вотъ единственно дѣйствительное, а не призрачное развитіе, потому что его даетъ существо вещей, непосредственно усвоиваемое солдатомъ и неизмѣнное, а не тотъ условный значекъ ихъ, который называется словомъ, и который даже для образованнаго сословія не остается постояннымъ и одинаково всѣми понимаемымъ: кому неизвѣстна рѣзкая разница между книжнымъ языкомъ двадцатыхъ годовъ и нынѣшнимъ, напримѣръ? Еще болѣе она должна быть, и есть, между рѣчью нашею и простолюдина: недостатокъ словъ и связности отличаетъ послѣднюю

*) См. педагогическія лекціи Заринскаго, читанныя въ казанскомъ юнкерскомъ училищѣ. Книга, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, и ознакомленіе съ которой обязательно для всякаго офицера, завѣдующаго учебной командой не для формы только.

и часто принимается за недостатокъ развитія людьми, неимѣющими въ виду этого обстоятельства. Простолюдинъ зачастую пропускаетъ то, что извѣстно изъ дѣла: отсюда отрывочность, видимая нелогичность и безсмысліе рѣчи; но стоитъ пополнить подразумѣваемое, и смыслъ, и логичность возстановляются во всей ихъ непосредственной реальности и чистотѣ. Въ этой особенности рѣчи, непрошедшей чрезъ школьную выработку, лежитъ, между прочимъ, объясненіе того, что «Наука побѣждать» Суворова, написанная для простолюдина, многимъ до сихъ поръ кажется только наборомъ словъ; а между тѣмъ, самаго небольшого усилія соображенія достаточно, чтобы пополнить пропуски, сознательно допущенные геніальнымъ педагогомъ *), и этотъ мнимый наборъ словъ предстаетъ передъ вами рѣчью, полною жизни, энергіи, логики **).

Итакъ, развитіе, отвѣчающее назначенію солдата, дается дѣломъ, разумно веденнымъ, гораздо болѣе, нежели словомъ; дается немедленнымъ примѣненіемъ на практикѣ узнаннаго теоретическимъ путемъ въ тѣхъ предметахъ ***), гдѣ этотъ путь передачи, по необходимости, предшествуетъ практикѣ. Если это разумно въ примѣненіи къ какому бы то нибыло составу обучаемыхъ, то въ примѣненіи къ простолюдинамъ положительно необходимо. Могутъ возразить, что не во всякомъ практическомъ занятіи мысль или цѣль его на столько ясна, чтобы развитіе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, можно было считать такимъ дѣйствительнымъ; что безъ слова все же обойтись нельзя. Во-первыхъ, мы не противъ слова, а противъ злоупотребленія словомъ, противъ постановки его первостепеннымъ средствомъ развитія; въ особенности противъ изустныхъ испытаній солдата въ воспроизведеніи заученныхъ отвѣтовъ о томъ, что онъ долженъ умѣть дѣлать, а не разсказывать. Во-вторыхъ, нѣтъ такого механическаго занятія, мысль котораго не раскрывалась бы сама собою, если только его толково, цѣлесообразно вести.

---

*) И которые для его солдата не были пропусками, потому что подразумѣвались сами собою.

**) Для примѣра возьмемъ его штурмъ: „ломи черезъ засѣкъ, бросай плетни черезъ волчьи ямы, быстро бѣги; прыгай черезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы, стрѣлки очищай колонны, стрѣляй по головамъ“, и т. д. Неправда ли, полная безсмыслица! Но стоитъ себѣ представить укрѣпленіе, усиленное впереди гласиса засѣками и волчьими ямами, палисадомъ на прикрытомъ пути, и смыслъ возстановляется. Если въ „наукѣ“ это неоговорено, то просто потому, что вѣрный принципу давать знакъ вещи только знающему вещь, Суворовъ, въ дѣйствительности, училъ солдата атакамъ на подобныя укрѣпленія; и приведенный пунктъ только служилъ имъ напоминаніемъ того, что они уже дѣлали; слѣдовательно, предварительное разъясненіе того, на какое укрѣпленіе штурмъ предполагался, для его аудиторіи было излишне.

***) Служба внутренняя и гарнизонная.

Возьмемъ самое механическое изъ нихъ—строй. Основная его мысль или цѣль—единовременность движенія многихъ людей, требующая мѣрнаго шага. Стоитъ только поставить двухъ рекрутъ въ затылокъ на строевой дистанціи и заставить ходить, какъ они умѣютъ, для того, чтобы сразу показать необходимость движенія въ ногу: въ этомъ убѣдятъ ихъ собственныя обитыя пятки. Но если начать изученіе мѣрнаго шага съ разложенія этого нехитраго дѣйствія на составныя части и съ продѣлыванія каждой изъ нихъ десятки разъ; если выдерживать людей на стойкѣ по цѣлымъ часамъ, какъ то дѣлалось въ прежнее время, то необходимость этого не выяснится для человѣка не только изъ самаго упражненія, но даже и при длинномъ объясненіи останется непонятною. Тутъ уже цѣлесообразность теряется, и занятіе становится на артистическую или, пожалуй, на классическую точку. Сказанное о строѣ еще съ большимъ основаніемъ примѣнимо къ прочимъ отдѣламъ образованія, такъ какъ ихъ основная мысль раскрывается рекруту еще осязательнѣе изъ самаго упражненія; мы не можемъ себѣ представить самаго глупаго рекрута, который не уразумѣлъ бы, зачѣмъ его учатъ стрѣлять и колоть, если его учить дѣйствительно стрѣльбѣ и нанесенію ударовъ штыкомъ, а не ограничиваться обученіемъ заряжанію безъ заряда, пальбѣ безъ выстрѣла, выпадамъ безъ видимой цѣли для удара и т. п. Если обучающій постоянно думаетъ о томъ, чтобы вести дѣло обученія въ этомъ духѣ, рекрутъ не можетъ не развиться, и притомъ въ чисто военномъ направленіи, потому что родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій. Сознанію (какъ и физикѣ) необходима постоянная пища, заключающаяся гораздо болѣе въ логичности дѣйствій, нежели въ логичности словъ. Въ особенности это вѣрно въ примѣненіи къ солдату, такъ какъ онъ гораздо чаще исполняетъ волю другихъ *), нежели свою собственную. Какъ бы ни мало былъ развитъ человѣкъ, всѣ его дѣйствія предшествуются внутреннимъ, инстинктивнымъ, но неминуемымъ: «почему?» Чѣмъ чаще и постояннѣе онъ получаетъ прямой и ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ изъ самаго дѣла, тѣмъ болѣе крѣпнетъ и развивается его сознаніе.

Это первый результатъ системы развитія дѣломъ болѣе, нежели словомъ. Второй и не менѣе важный ея результатъ—укорененіе въ солдатѣ вѣры въ то, что начальникъ требуетъ отъ него дѣла, и только дѣла. Это лучшее пособіе дисциплинѣ

---

*) Что, конечно, труднѣе для пониманія. Тѣмъ болѣе этимъ другимъ должно стараться о возможной осязательности смысла ихъ требованій; или, иначе, о логичности, разумности этихъ послѣднихъ.

въ мирное и единственная ея опора въ военное время, когда вѣра въ силу приказанія замѣняется силой приказанія въ мѣру довѣрія, внушаемаго начальникомъ. Бывшіе въ дѣлахъ не отвергнутъ, вѣроятно, этого положенія.

Сказанное, вѣроятно, многимъ покажется гоненіемъ на изустное преподаваніе; но это невѣрно. Еще разъ повторяемъ, мы не противъ слова, но только противъ его злоупотребленія; противъ созданія цѣлыхъ отдѣловъ теоретическаго преподаванія, не имѣющихъ никакого практическаго смысла; противъ заранѣе составляемыхъ смотровыхъ отвѣтовъ, заучиваемыхъ вмѣстѣ съ вопросами. Мы, напротивъ, въ пользу самаго обширнаго его примѣненія; но только тамъ, гдѣ это дѣйствительно необходимо, и притомъ такъ, чтобы это устраняло всякую возможность долбленія: чтобы солдатъ на вопросы отвѣчалъ свое, понятое, а не безсознательно заученное. И въ этомъ отношеніи великій примѣръ даетъ намъ тотъ же Суворовъ. Не уставалъ онъ самъ и черезъ другихъ говорить съ солдатомъ; любилъ озадачивать самыми, повидимому, дикими вопросами; но заучивать солдату приходилось мало, потому что нельзя было никогда знать впередъ, о чемъ онъ спроситъ. Приходилось, слѣдовательно, заботиться о пониманіи, а не о затверживаніи книжныхъ отвѣтовъ: примѣръ, глубоко поучительный для инспектирующихъ начальниковъ, которые постоянно должны думать о томъ, чтобы ихъ вопросы не складывались въ какую нибудь одну закаменѣлую форму. Подчиненный весьма чутокъ къ подобнымъ вещамъ, и скоро подмѣчаетъ, можно или нѣтъ вмѣсто пониманія показать долбленіе, которое вѣдь легче.

Сверхъ того, мы придаемъ большое значеніе тому, чтобы офицеръ ни одного случая не пропускалъ поговорить съ солдатомъ, задать ему одинъ, другой вопросъ; для сообщенія солдату навыка отвѣчать быстро, толково и съ соблюденіемъ воинскихъ приличій, это единственное средство. Въ дѣйствительности его можно убѣдиться на деньщикахъ, которые выбираются не изъ лучшихъ людей, а между тѣмъ отвѣчаютъ гораздо толковѣе многихъ солдатъ, болѣе ихъ способныхъ. И это достигается безъ всякаго усилія, мимоходомъ, вслѣдствіе одной близости менѣе развитаго человѣка къ болѣе развитому. Немножко болѣе сердца, немножко болѣе вниманія къ солдату со стороны офицера, и успѣхъ вѣренъ. Офицеру слѣдуетъ поступать такъ не только въ интересахъ службы, не только во имя великой идеи товарищества, но и въ своемъ собственномъ интересѣ: въ бою солдатъ идетъ отъ сердца за тѣмъ офицеромъ, котораго онъ знаетъ, и который его знаетъ и понимаетъ. Поздно учиться говорить съ солдатомъ тогда, когда нужно

умѣть Словомъ посылать его на смерть. Отдать приказаніе коротко и ясно, подбодрить словомъ, взглядомъ—великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой.

9.

Недостаточно знать, что и какъ нужно дѣлать для подготовки солдата къ бою: нужно еще имѣть въ виду и то, кѣмъ приняться за это дѣло. Самый добросовѣстный, знающій и дѣятельный ротный командиръ весьма мало сдѣлаетъ, если вообразитъ, будто самъ все можетъ сдѣлать. Это выдвигаетъ на первый планъ, и притомъ какъ необходимое условіе для успѣха дѣла, подготовку унтеръ-офицеровъ, учителей и упроченіе организаціи составныхъ частей роты. Въ этомъ отношеніи короткіе сроки службы также поведутъ къ довольно рѣзкому измѣненію во внутреннемъ складѣ частей, сдѣлавъ невозможнымъ въ будущемъ примѣненіе давно установившагося въ нашей арміи и прекраснаго обычая назначать каждому рекруту дядьку изъ старослужащихъ и надежныхъ солдатъ *). Волею-неволею придется давать по нѣскольку человѣкъ одному дядькѣ. Какъ бы то ни было, но при современномъ характерѣ образованія, требующемъ выработки каждаго солдата отдѣльно, огульный способъ занятій можетъ быть терпимъ менѣе чѣмъ когда либо, и обязанность постоянно формировать учителей въ достаточномъ числѣ для замѣны убыли должна быть поставлена въ ряду первостепенныхъ обязанностей ротнаго командира. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи старые взгляды и привычки даютъ себя знать болѣе, нежели въ чемъ-либо другомъ: у многихъ дѣло подготовки учителей и унтеръ-офицеровъ идетъ такъ, какъ будто они останутся въ ротѣ по меньшей мѣрѣ десятокъ лѣтъ. Кончается тѣмъ, что не успѣешь оглянуться, какъ подготовленные люди ушли въ отпускъ, и въ иныхъ ротахъ случается, что одинъ человѣкъ обучаетъ, напримѣръ, прицѣливанію человѣкъ двадцать. Успѣха тутъ, конечно, быть не можетъ, потому что солдатъ большую часть времени на ученьѣ не упражняется въ прицѣливаніи, а стоитъ сложа руки: напрасная трата времени и безплодное утомленіе. И нельзя не вспомнить по этому случаю пріема, строго соблюдавшагося въ прежнее время: одиночное обученіе тогда велось небольшими кучками, хотя при занятіяхъ та-

*) Если нѣтъ старыхъ дядекъ, то нѣтъ причины отказываться отъ молодыхъ: надежный солдатъ-однолѣтокъ точно также можетъ быть хорошимъ дядькой.
Позднѣйш. прим.

кими вещами, какъ стойка и ружейные пріемы, это было менѣе необходимо, чѣмъ теперь. Этотъ пріемъ долженъ быть возстановленъ безусловно: и для успѣха дѣла, и въ виду сбереженія солдата, и, наконецъ, для предохраненія его отъ нравственной порчи, вслѣдствіе привычки выходить на ученья для того, чтобы ничего, или почти ничего, не дѣлать. Разумѣется, ротный командиръ долженъ работать теперь, по крайней мѣрѣ, вдвое-трое противъ прежняго, чтобы имѣть достаточное число учителей; но выхода изъ этого нѣтъ, слѣдовательно должно работать. Да притомъ нельзя не взять и того въ разсчетъ, что, подготовивъ какъ слѣдуетъ учителей, онъ облегчаетъ этимъ впослѣдствіи и собственную работу. Въ особенности это будетъ вѣрно въ томъ случаѣ, если быть внимательнымъ къ качествамъ людей и брать изъ нихъ въ учителя толковыхъ и исполнительныхъ, хотя бы даже изъ одногодѣтковъ. Нужды нѣтъ, если онъ исполняетъ свое дѣло не совсѣмъ ловко или живо, лишь бы точно и толково исполнялъ; а будетъ учить другихъ и самъ научится. Гоньба за идеальными учителями — тоже наслѣдіе прежнихъ сроковъ службы, съ которымъ, при настоящемъ положеніи дѣла, нужно разстаться. Мы достаточно коснулись этого предмета для того, чтобы показать и положеніе его въ настоящую минуту, и громадную важность кадра роты. Прежде кадръ слагался, такъ сказать, самъ собою, и потому значеніе его до такой степени мало обращало на себя вниманіе, что такія даже противоестественныя операціи, какъ развертываніе одного, напримѣръ, баталіона въ три, считались дѣломъ простымъ и раціонально-возможнымъ. Теперь не то: всякому стало ясно, что вся организація именно на ротахъ и держится; можно по нуждѣ увеличивать или уменьшать число баталіоновъ въ полку, полковъ въ дивизіи, хотя и на это есть свои нормы; но до ротъ нельзя касаться, если не желаютъ изъ организаціи получить дезорганизацію *).

Значеніе прочнаго и достаточнаго кадра проявляется не въ одномъ обученіи, но во всемъ бытѣ и службѣ роты. Нужно, чтобы рота представляла не одну безформенную массу, но слагалась изъ малыхъ, органически сросшихся между собою частей, подобно тому, какъ это видимъ въ человѣческомъ тѣлѣ. И всякая изъ этихъ малыхъ частей должна имѣть свою самостоятельную и отвѣтственную голову и свое органическое сложеніе изъ частей меньшихъ: только тогда она можетъ быть признана, какъ органъ роты,

*) Мы говоримъ о дѣйствующихъ войскахъ.

только тогда рота является организмомъ здоровымъ, имѣющимъ внутренній порядокъ. Строго говоря, идеалъ былъ бы достигнутъ тогда, если бы ротный командиръ имѣлъ дѣло только съ полувзводными*), полувзводный съ десяточными, десяточный со старшими въ звеньяхъ и только эти послѣдніе съ рядовыми. Къ установленію такого порядка необходимо стремиться всѣми силами, необходимо возстановить значеніе и отвѣтственность начальниковъ этихъ мелкихъ подраздѣленій во имя всесторонннихъ интересовъ службы какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ массахъ людей, сплачиваемыхъ для достиженія цѣлей, противныхъ личному инстинкту самосохраненія, необходимъ самый строгій надзоръ, необходимо и убѣжденіе каждаго изъ составляющихъ массу въ томъ, что за нимъ постоянно смотрятъ. То и другое возможно только тогда, когда надзоръ учреждается надъ каждой небольшой кучкой и когда самъ надсмотрщикъ знаетъ, что надъ нимъ тоже есть глазъ. Въ бою ряды и шеренги неминуемо утрачиваются; но капральства, десятки, не говоря уже о звеньяхъ, никогда не должны исчезать или, что тоже, выпадать изъ рукъ своихъ командировъ; тогда и рота будетъ въ порядкѣ, хотя бы и сбилась въ кучу. Все это вещи тоже старыя и большинству читателей покажутся давно извѣстными; но отчего же онѣ неизвѣстны на практикѣ? Отчего во многихъ ротахъ даже утрачено понятіе о томъ, что нужно дѣлить людей на десятки; а гдѣ это дѣленіе и существуетъ, то чисто внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, т. е. ни десяточный не считаетъ себя отвѣтственнымъ за своихъ людей, ни они не видятъ въ немъ своего начальника во всѣхъ положеніяхъ роты? Отчего правящій или капральный не всегда знаетъ, сколько онъ вывелъ людей въ строй, сколько у него людей въ расходѣ и въ какомъ именно? Рота, доведенная до подобнаго состоянія, конечно, не есть организмъ, а только безформенная масса частицъ, какъ бы ни была она стройна по виду. Отчего, наконецъ, когда открыли во время послѣдняго польскаго возстанія революціонную организацію по пятка̀мъ, соединяющимся въ десятки и т. д., эта организація даже многимъ изъ военныхъ показалась чѣмъ-то новымъ, между тѣмъ какъ это только копія воинской организаціи, разумно понимаемой? Значитъ, не совсѣмъ такъ просто и общеизвѣстно то, что такимъ кажется, когда на него пальцемъ покажутъ. Подобные порядки были еще мыслимы тогда, когда рота сросталась въ одно существо естественнымъ путемъ долголѣтней свычки, хотя

*) По теперешней номенклатурѣ, со взводными. Поздн. примѣч.

бой и тогда показывалъ всю ихъ несостоятельность; но продолженіе ихъ теперь равносильно добровольному желанію идти на встрѣчу катастрофѣ. И какъ опять не указать на безсиліе достигнуть живаго, т. е. каждую минуту примѣняемаго, знанія обязанностей однимъ только словомъ? Вѣдь многіе изъ унтеръ-офицеровъ, при теоретической повѣркѣ знанія обязанностей, навѣрное начнутъ съ того, что унтеръ-офицеръ долженъ знать своихъ людей во всѣхъ отношеніяхъ; а на дѣлѣ что оказывается?... Потому что, опять таки, все дѣло въ томъ, чтобы пріискать практическіе пріемы повѣрки: безъ нихъ слово въ жизнь не переходитъ. Въ предлежащемъ случаѣ пріемъ простъ: стоитъ только, спросивъ капральнаго, сколько у него людей выведено въ строй, приказать ему вызвать своихъ десяточныхъ, а каждому десяточному вызвать своихъ людей поименно: тутъ все окажется. Затѣмъ, по арматурнымъ книжкамъ повѣрить, знаютъ ли капральный и десяточные сроки службы людей, кто изъ нихъ грамотенъ, кто штрафной, кто знаетъ мастерство; чтобы они указали на самыхъ надежныхъ людей. Одной такой повѣрки достаточно, чтобы дать унтеръ-офицерамъ болѣе фундаментальное понятіе о ихъ обязанностяхъ, нежели какое они выносятъ изъ самаго продолжительнаго и, пожалуй, даже толковаго, но теоретическаго ихъ изученія. Полезна такая повѣрка и начальнику, потому что показываетъ ему, какъ трудно дается то, что, повидимому, само собою разумѣется. Она покажетъ ему, какъ иногда въ самой благоустроенной по внѣшности части благоустройство внутреннее находится куда какъ невысоко. Созданіе такихъ пріемовъ на всевозможные служебные случаи составляетъ, при короткихъ срокахъ службы, насущную необходимость. Мы дѣлаемъ опытъ предложенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ надеждѣ, что люди, болѣе насъ опытные въ воинскомъ обиходѣ, въ свою очередь, выскажутъ въ общую извѣстность ихъ пріемы водворенія внутренняго порядка и служебнаго развитія чиновъ кадра; только при такомъ условіи сдѣлается достояніемъ всѣхъ то, что приходитъ въ голову одному и умираетъ съ нимъ безслѣдно. Уставъ—книга; онъ говоритъ, что должно быть; но не говоритъ, какъ добиться, чтобы оно было. Строевики стараго закала мало по малу исчезаютъ: съ ними исчезаетъ не только то, что излишне при нынѣшнихъ порядкахъ, но и такія преданія, которыя нужно спасать отъ забвенія и хранить, какъ зеницу ока. И сколько времени пройдетъ, пока цѣною горькихъ уроковъ вновь не выработается то, что уже было выработано и примѣнялось съ полнымъ успѣхомъ...

Другой пріемъ постановки чиновъ кадра (капральныхъ, деся-

точныхъ, старшихъ въ звеньяхъ) на должную ногу заключается въ томъ, чтобы въ ихъ частяхъ, помимо ихъ, воздерживаться что либо дѣлать *), и строго держаться старой поговорки: «атаману первая чарка и первая палка». Солдатъ знаетъ свое дѣло, справляйтесь прежде всего, кто его училъ; и награждайте или наказывайте прежде всего этого послѣдняго. Солдатъ отлучился, беритесь прежде всего за старшаго въ звенѣ и за десяточнаго: когда отлучился? спрашивался ли? доложено ли капральному своевременно? Въ строю не торопитесь сами исправлять ошибку полувзвода, не командуйте ему, какъ нерѣдко бываетъ: вѣдь вы ротный, а не полувзводный командиръ. Въ цѣпи не кричите приказаніе на триста иногда шаговъ,—могутъ не услышать, а въ бою и навѣрное не услышатъ: выйдетъ путаница; вы сердитесь, теряете спокойствіе, начинаете суетиться, а путаница еще больше; а прямые ваши помощники въ сторонѣ, ничего не дѣлаютъ, а торчатъ только для украшенія цѣпи, на должныхъ дистанціяхъ за оною. А соберите полувзводныхъ и отдѣленныхъ къ себѣ, скажите имъ спокойно, ясно и кратко, что вы хотите сдѣлать, дайте имъ разойтись спокойно и передать своимъ людямъ вашу волю, и исполненіе выйдетъ образцовое, безъ всякой репетиціи: говоримъ по опыту. Слѣдите, наконецъ, затѣмъ, чтобы унтеръ-офицеры не поправляли сами ошибокъ отдѣльныхъ людей въ цѣпи, а требовали бы исправленія отъ старшихъ въ звеньяхъ; да не указывали бы имъ, въ чемъ ошибка; развѣ старшій въ звенѣ не догадается, тогда только приходить ему на помощь. Тогда всѣ чины поймутъ свои обязанности въ строю, потому что въ дѣйствительности будутъ исполнять ихъ, чего теперь нѣтъ. Тогда будетъ субординація; будетъ и порядокъ. Да субординація только для того и существуетъ, чтобы былъ порядокъ; и кто перескакиваетъ ея ступени, какъ бы ни были онѣ скромны, тотъ прямо ведетъ къ подрыву порядка, такъ какъ этимъ показываетъ яко бы ненужность начальниковъ, которыхъ обходитъ, и тѣмъ пріучаетъ ихъ равнодушно относиться къ дѣлу. А въ бою вѣдь потребуютъ отъ каждой изъ этихъ ступеней исполненія ея обязанности, такъ какъ начальнику высшей ступени не будетъ времени брать на себя ихъ дѣло; а какъ ее исполнить, когда къ тому нѣтъ ни привычки, ни даже сознанія, что это именно ваша, а не другого кого обязанность? Какая длинная процедура, вѣроятно, скажутъ нѣкоторые; можетъ быть и длинная, но единственно мыслимая для того,

*) А дѣлать черезъ нихъ.

кто понимаетъ, что времени на дѣльно формулированное и въ порядкѣ постепенности отданное приказаніе требуется несравненно меньше, нежели на исправленіе путаницы, происходящей отъ нарушенія такого порядка. Да, въ добавокъ, нужно помнить, суету, нераздѣльную спутницу всякой путаницы: суету, представляющую именно то нравственное состояніе, при которомъ гибель почти неизбѣжна въ бою.

10.

Великій и поучительный, по своей чувствительности, предметъ представляетъ масса, составленная даже изъ такихъ людей, какъ привыкшіе ко всѣмъ невзгодамъ жизни простолюдины. Можно сказать положительно, что ко всѣмъ благопріятнымъ и неблагопріятнымъ вліяніямъ она воспріимчивѣе самаго нѣжнаго единичнаго организма; малѣйшая случайность, незамѣтная для послѣдняго, отражается на массѣ самымъ осязательнымъ, очевиднымъ образомъ. Въ нее, по необходимости, попадаютъ люди всякихъ складовъ; попадаютъ при томъ въ обстановку, не весьма выгодную въ санитарномъ отношеніи; и отъ того всякое неблагопріятное обстоятельство неминуемо находитъ въ ней свою жертву, для которой является каплею, переполняющей чашу. Гибель нѣкоторыхъ единицъ, при такомъ положеніи, неустранима, не смотря на всѣ усилія избѣжать ее; но все же, при вниманіи, ее можно уменьшить. Къ несчастію, таковое не всегда встрѣчается; фактъ неминуемости гибели часто отвлекаетъ вниманіе отъ числа гибнущихъ, и зачастую относится на волю Божію то, что всецѣло должно быть приписано способу исполненія разными начальниками ихъ обязанностей. Этому способствуетъ и то еще, что рядомъ съ крайней чувствительностью, масса представляетъ другую особенность — убыль въ ней не такъ поражаетъ. Въ тысячѣ человѣкъ десятью больше, десятью меньше, не все ли равно? За лѣсомъ не видно деревьевъ. Конечно, если бы въ эти десять попалъ нашъ братъ или сынъ, разговоръ былъ бы иной. Упускается при этомъ весьма простодушно самая малость: именно, что въ числѣ тѣхъ безвременно и безъ пользы для дѣла погибшихъ десяти ни одного не найдется, который бы не былъ чьимъ либо сыномъ или братомъ. Утѣшительнаго въ сказанномъ, конечно, мало; но теперь болѣе, нежели когда либо, нужно взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности, не маскируя ее отъ себя никакими сентиментальными миражами. Убійца не тотъ одинъ, кто убиваетъ непосредственно,

но и тотъ, кто попускаетъ гибнуть человѣку по своей оплошности или нерадѣнію; хорошо еще, если не изъ своекорыстія. Тутъ можетъ быть одно только оправданіе: не вѣдалъ, что творилъ. Но оно едва-ли примѣнимо къ тѣмъ, отъ кого зависятъ тысячи людей, какъ по ихъ положенію, такъ и потому, что малѣйшаго вниманія съ ихъ стороны достаточно, чтобы тотчасъ видѣть, какое слѣдствіе производитъ та, либо другая мѣра, или, наоборотъ, отсутствіе мѣры въ данномъ случаѣ: стоитъ только слѣдить затѣмъ, что говоритъ лазаретъ или госпиталь. Въ особенности, это вѣрно въ примѣненіи къ значительнымъ массамъ, на которыхъ, какъ уже сказано, немедленно отражается все хорошее, какъ и все дурное.

Два полка стоятъ въ одинакихъ условіяхъ по расквартированію и отправленію гарнизонной службы; въ одномъ болѣзненность и смертность больше, нежели въ другомъ: ищите причинъ въ томъ, что или дурно кормятъ, или безтолково учатъ, не давая людямъ достаточнаго отдыха, и, навѣрное, не ошибетесь; откроете то или другое, а иногда и то, и другое. Въ одной изъ частей, намъ извѣстныхъ, на занятія во время лагеря выходили сначала въ день по два раза въ ранцахъ; болѣзненность не усилилась, но приняла спеціальный характеръ: большинство заболѣвающихъ жаловалось на грудь. Было отдано приказаніе на вечернія занятія выводить безъ ранцевъ, и число грудныхъ въ нѣсколько дней понизилось до прежней нормы. Солдата нельзя баловать, но нельзя и не беречь; особенно молодого солдата, для котораго и самый переходъ къ новымъ условіямъ жизни есть уже шансъ на болѣзненность.

Вопросъ сбереженія прежде всего вызываетъ заботу о воздухѣ и пищѣ. Относительно перваго, большинство нашей арміи поставлено весьма выгодно, именно потому, что не казармировано, хотя это и неудобно въ другихъ отношеніяхъ. Что же до пищи, то весьма полезно закармливать солдата въ виду напряженной работы и усиливать его раціонъ въ продолженіе оной. Не говоримъ уже о вниманіи къ тому, чтобы все полагаемое солдату дѣйствительно до него доходило. Гдѣ этого нѣтъ, не только число жертвъ увеличивается, но и служба плохо идетъ, и внутренній порядокъ расхлябывается, потому что молчаніе солдата покупается послабленіями.

Одинъ опытный и дѣльный служака глубоко замѣчаетъ, что приведеніе разстроенной части въ порядокъ слѣдуетъ начинать съ котла; пришлось, и неоднократно, убѣдиться, до какой степени онъ правъ. Не даромъ еще Колиньи говаривалъ: «commençons à former le monstre par le ventre».

Дѣло великой важности, и въ смыслѣ сбереженія солдата, и въ смыслѣ поддержанія его достоинства, составляютъ: чистота тѣла, опрятность въ одеждѣ. Не можемъ не упомянуть объ этомъ, но распространяться считаемъ излишнимъ, такъ какъ дѣло само за себя говоритъ. Замѣтимъ только, что для соблюденія того и другаго требуется особенная настойчивость, такъ какъ нашъ простолюдинъ, за рѣдкими исключеніями, не охотникъ ни до чистоты, ни до опрятности.

11.

Точно также, какъ неустановились понятія объ относительномъ значеніи предметовъ одиночнаго обученія, не установились они и относительно системы и духа подготовки частей къ бою. Подготовка частей представляетъ тѣ же двѣ категоріи предметовъ, что и одиночная, т. е, предметы, имѣющіе цѣлью дѣйствіе и обстановку дѣйствія. Къ первой категоріи относятся: стрѣльба изъ сомкнутаго строя, ученья съ боевыми патронами и пріемы обученія атакѣ; ко второй — строй и маневрированіе.

Въ стрѣльбѣ сомкнутой нельзя не замѣтить: а) недостаточнаго вниманія къ особенностямъ прицѣливанія и къ предѣльнымъ дистанціямъ, далѣе которыхъ стрѣлять изъ сомкнутаго строя не слѣдуетъ; б) увлеченія мыслью о выпусканіи въ данный промежутокъ времени возможно большаго числа выстрѣловъ.

а) При стрѣльбѣ залпами необходимо цѣлить въ ноги и обратить людямъ соотвѣтственный уклонъ ружья въ механическую привычку; для чего и при пальбѣ примѣрной необходимо давать постоянно людямъ видимую цѣль, ставя передъ фронтомъ, шагахъ въ 150, 200, одиночныхъ людей, по одному на полувзводъ или на взводъ, въ зависимости отъ длины фронта роты. Общее и безусловно вѣрное правило: какъ только обучаете чему либо, касающемуся до дѣйствія оружіемъ, никогда не забывайте, чтобы была видимая цѣль. И дабы не терять времени каждый разъ на высылку людей, представляющихъ точку прицѣливанія, никто не мѣшаетъ, разъ выславъ ихъ въ началѣ ученья, приказать имъ не возвращаться, а сохранять свое относительное къ ротѣ положеніе до конца ученья.

Многіе до сихъ поръ думаютъ, будто можно съ успѣхомъ стрѣлять залпами на дистанціи, превосходящія дистанцію прямаго выстрѣла; мы не только не раздѣляемъ этого мнѣнія, но признаемъ его положительно ошибочнымъ, такъ какъ подобная стрѣльба тре-

буетъ установки прицѣла и точнаго прицѣливанія, которое для большинства людей недостижимо при стрѣльбѣ по командѣ. Мирный успѣхъ въ подобной стрѣльбѣ, даже если бы онъ и чаще встрѣчался, чѣмъ до сихъ поръ, ничего не доказываетъ, и принадлежитъ къ числу тѣхъ фокусовъ, которые очень заманчивы на видъ, но боеваго значенія не имѣютъ, а, между тѣмъ, извращаютъ понятія на счетъ того, что возможно и что невозможно въ бою. Нужно помнить, что въ случаѣ войны, роты на половину, если не болѣе, будутъ состоять изъ людей, на искусство которыхъ въ стрѣльбѣ нельзя будетъ разсчитывать, а стрѣльба залпами на дистанціи, превосходящія прямой выстрѣлъ, требуетъ несравненно большаго искусства, нежели одиночная, хотя бы и на самыя дальнія дистанціи. Нужно помнить и то, что видавшіе бой единогласно утверждаютъ, что въ немъ приходится противодѣйствовать стремленію открывать огонь раньше, чѣмъ слѣдуетъ, а не обратному. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что для достиженія дисциплинировки огня должно, и словомъ и дѣломъ, поселять въ людяхъ убѣжденіе въ необходимости выдерживать залпы до близкихъ дистанцій и устранять изъ обученія все, что могло бы этому убѣжденію идти въ разрѣзъ. Въ виду высказанныхъ соображеній, мы признаемъ обученіе стрѣльбѣ залпами на дистанціи, превосходящія прямой выстрѣлъ, однимъ изъ тѣхъ увлеченій, причина которыхъ — недостаточно ясное представленіе боевой обстановки и невниманіе къ духовнымъ свойствамъ человѣка. Это та же маршировка тихимъ шагомъ съ полнымъ стаканомъ воды на киверѣ, приводившая въ восторгъ любителей лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ; та же тонкая стрѣльба, которая въ наше время кажется столь полезною людямъ, неспособнымъ подняться до синтеза подготовки къ бою. Прусаки разсказываютъ, правда, что они иногда прибѣгали въ бою къ дальнимъ залпамъ; но, во-первыхъ, они не мѣряли дистанцій, а въ бою мало ли что можетъ показаться; во-вторыхъ, то, что дѣлается въ бою иногда, нельзя безъ разбора вводить въ обученіе: въ бою вѣдь иногда и бѣгаютъ; но еще не находилось оригинала, который собирался бы этому учить; въ-третьихъ, мы того мнѣнія, что гораздо выгоднѣе присматриваться къ тому, что прусаки дѣлаютъ у себя дома, нежели прислушиваться къ тому, что они разсказываютъ на сторонѣ. А дѣлаютъ они все возможное для внушенія своимъ людямъ самаго твердаго убѣжденія въ томъ, что огонь массы только тогда и дѣйствителенъ, когда выдержанъ до близкихъ разстояній.

б) Увлеченіе мыслью получить въ данный промежутокъ времени возможно большее число выстрѣловъ, повело къ стрѣльбѣ

на минуты, которая суетитъ и людей, и офицеровъ, и къ односторенней оцѣнкѣ системъ оружія. Число выстрѣловъ въ минуту зависитъ, во-первыхъ, отъ ловкости стрѣлка въ заряжаніи; во-вторыхъ, отъ самаго устройства оружія; первый факторъ совершенствуемъ только до извѣстнаго предѣла, за которымъ быстрота обращается въ суету, неминуемо уменьшающую мѣткость огня и, до нѣкоторой степени, даже въ мирное время, вліяніе офицера на солдата. А не суетиться нельзя, такъ какъ разъ объявляется, что стрѣлять будутъ только одну минуту, невольно возникаетъ стремленіе стрѣлять возможно чаще, чтобы сдѣлать больше залповъ. Такимъ путемъ получается приращеніе въ числѣ выпускаемыхъ пуль; но получается ли соотвѣтственное приращеніе въ числѣ попадающихъ? Въ этомъ весь вопросъ; и всякій согласится съ тѣмъ, что если при четырехъ залпахъ попадетъ больше пуль, нежели при шести, то выгоднѣе дать четыре, а не шесть. Ускореніе заряжанія, происходящее отъ совершенства механизма ружья, есть пріобрѣтеніе положительное; но только въ томъ случаѣ, если это совершенство не затрудняетъ содержанія ружья въ порядкѣ и не дѣлаетъ механизма сложнымъ и непрочнымъ. Но у многихъ эти послѣднія условія не удостоиваются почти никакого вниманія, и оцѣнка системы дѣлается по одному тому, сколько изъ ружья можно сдѣлать выстрѣловъ въ минуту. Сказанное о ружьяхъ обыкновенныхъ системъ въ равной мѣрѣ относится и къ повторительной. Если изобрѣтутъ повторительную систему, которая будетъ несложна, прочна, не будетъ требовать слишкомъ тщательнаго ухода и представитъ возможность задерживать стрѣльбу на любомъ, конечно, заранѣе опредѣляемомъ, числѣ выстрѣловъ, то ни о чемъ лучшемъ и мечтать нельзя. Но если не будетъ доставать хотя одного изъ этихъ условій, система не можетъ быть признана удовлетворительной военной машиной, и принятіе ея имѣло бы слѣдствіемъ только безполезную трату милліоновъ.

12.

Ученье съ боевыми патронами привилось на столько прочно, что вездѣ почти дѣлается; но все еще отъ времени до времени слышны жалобы, что для такихъ ученій мѣстъ мало. Происходитъ это преимущественно отъ того, что составители проектовъ для этихъ ученій хлопочутъ о разнообразіи ихъ, какъ зрѣлища. Если бы они имѣли въ виду, что старое для нихъ и начальниковъ мѣсто ново для всякой новой, приходящей на оное части, то они не

жаловались бы на недостатокъ мѣста. По одному и тому же проекту, на одномъ и томъ же мѣстѣ, дѣлайте ученья хотя тысячѣ частей, поучительность для каждой изъ нихъ будетъ одна и та же. Вѣдь начальникъ дѣлаетъ подобныя ученья для частей, а не для себя. О несчастныхъ случаяхъ при этихъ ученьяхъ тоже, благодаря Бога, не слышно, а, между тѣмъ, возможность ихъ когда-то выставлялась, какъ главный аргументъ противъ ихъ принятія. Одно изъ весьма назидательныхъ подтвержденій той старой истины, что въ опытномъ дѣлѣ выводы à priori никуда не годятся, такъ какъ у большинства это не выводы, а просто непродуманныя первичныя впечатлѣнія, основанныя на какой нибудь одной вѣроятной данной, которая бросилась первою въ глаза. И мы убѣждены, что тоже самое обнаружится и въ примѣненіи къ недавно предложеннымъ обстрѣлкамъ и ученьямъ подъ выстрѣлами артиллеріи, кажущимся столь ужасными по первому впечатлѣнію.

Обученіе атакѣ требуетъ: 1) упражненій въ атакѣ небольшими шеренгами на чучела, для практики въ мѣткости и силѣ удара на ходу и въ своевременномъ отдергиваніи штыка по нанесеніи удара, а также и для показанія, что въ сомкнутомъ строю пріемы одиночнаго боя на штыкахъ непримѣнимы; 2) постояннаго соблюденія того правила, чтобы атакѣ была видимая цѣль, будутъ ли то отдѣльные люди, представляющіе строй непріятельскій, или какіе либо предметы; 3) сквозныхъ атакъ. Ограничиваемся нѣсколькими словами объ этомъ послѣднемъ пріемѣ, такъ какъ первые два, кажется, болѣе спору не подлежатъ. Большинство уже соглашается съ пользою сквозныхъ атакъ кавалеріи на пѣхоту и кавалерію, но отвергаетъ остальные ихъ виды *). Мы имѣли случай видѣть примѣненіе всѣхъ ея видовъ, и невольно преклонились передъ геніальнымъ предвидѣніемъ человѣка, впервые примѣнившаго этотъ пріемъ. При атакѣ пѣхоты на кавалерію вотъ что обнаружилось. Приказано было, для постепенности, сначала подводить пѣхотный строй къ кавалерійскому шага на два и дѣлать ружейные пріемы. Еще шаговъ за десять до приближенія пѣхотнаго строя къ кавалерійскому лошади начали пятиться и обнаруживать необычное волненіе; затѣмъ оказалось, что многіе между ними откидывались даже отъ такихъ невинныхъ пріемовъ, какъ на-плечо и на-краулъ!

*) Отвергаютъ, обыкновенно не давъ себѣ труда испытать ихъ: способъ отрицанія, который у насъ весьма въ ходу. Мы до такой степени вѣримъ въ глубину и основательность нашихъ выводовъ à priori, что до повѣрки ихъ опытомъ снисходить не любимъ. Только что приведенный примѣръ возраженія противъ ученій съ боевыми патронами лучшее тому доказательство.

Послѣ пріемовъ люди подходили тихо и не разомъ, оглаживали лошадей; за тѣмъ нѣсколько отступали и проходили кавалерійскій строй насквозь съ крикомъ. При этомъ нѣкоторыя лошади не только осаживали, но даже поворачивали назадъ и выскакивали съ своихъ мѣстъ. Послѣ повторенія объясненнаго по нѣскольку разъ, лошади начинали относиться къ приближенію пѣхоты и къ прочему несравненно спокойнѣе. Послѣ этого опыта нельзя было не убѣдиться, что Суворовъ даромъ и попусту ничего не дѣлалъ. У одного изъ присутствовавшихъ при упражненіи невольно вырвалось восклицаніе: «да, это пріемъ дѣйствительно учебный». Главная цѣль воспитанія лошади конечно та, чтобы она, послѣ подчиненія волѣ всадника, ничего не боялась; если эту цѣль преслѣдуютъ во всѣхъ мало-мальски порядочныхъ манежахъ и конюшняхъ, неимѣющихъ въ виду приготовленія боевыхъ лошадей, то странно отвергать ее въ примѣненіи къ лошадямъ кавалерійскимъ, которыя теперь боятся именно того, для опрокидыванія чего въ бою назначаются. Да не мѣшаетъ также и пѣхотѣ на столько освоиться съ конницею, чтобы ее не бояться. На своихъ взаимно освоимся, а чужихъ не будемъ бояться. Уча учимся. Отвергающимъ пользу сквозныхъ атакъ пѣхоты на пѣхоту отвѣтъ одинъ: «никакая инструкція и изустное разъясненіе не помогаютъ въ дѣлѣ, требующемъ физическаго навыка».

13.

Обстановка дѣйствія частей. Обстановку дѣйствія въ мирное время представляютъ упражненія: строевыя собственно и маневренныя. Къ послѣднимъ относятся: практика въ боевыхъ расположеніяхъ и движеніяхъ; въ бивачномъ расположеніи, въ учрежденіи марша и въ сторожевой службѣ на маршѣ, на бивакѣ и во время боя. Во всѣхъ этихъ предметахъ приходится отмѣтить многое необходимое, но въ жизнь не перешедшее. Отсутствіе системы въ перечисленныхъ предметахъ выражается тѣмъ, что старыя части оныхъ, практическіе пріемы веденія которыхъ выработаны и обратились въ рутину, идутъ хорошо и берутъ даже болѣе времени, чѣмъ нужно для ихъ усвоенія *); новыя же ведутся какъ попало, даже безъ мысли о томъ, на какіе именно практическіе пріемы слѣдуетъ ихъ разложить, чтобы дѣло пошло успѣшно. Оттого и выходитъ, что въ занятіяхъ старыми предметами замѣчается ненужная роскошь постепенности; въ занятіяхъ

*) По тому свойству человѣка, которое всегда располагаетъ его къ занятіямъ тѣмъ, что онъ знаетъ, и отвращаетъ отъ того, чего онъ не знаетъ.

новыми, напротивъ, не трудно открыть перескакиваніе черезъ такіе отдѣлы, которые, безъ спеціальнаго показа, изъ однѣхъ книжекъ, положительно не могутъ быть усвоены. Къ старымъ, или установившимся отдѣламъ мы относимъ строевыя ученья и внѣшнюю сторону маневрированія; къ неустановившимся — прикладную часть устава и внутреннюю сторону маневрированія, сторожевой службы и походныхъ движеній *).

Для поясненія только что сдѣланнаго разграниченія старыхъ и новыхъ отдѣловъ необходимо остановиться на немъ нѣсколько долѣе. Принятая теперь система занятій представляетъ почти вездѣ слѣдующую постепенность: строевыя ученья роты и баталіона; такъ называемые ротные и баталіонные маневры, т. е. полубаталіонъ противъ полубаталіона, баталіонъ противъ баталіона; полковыя ученія; полковые маневры съ придачею кавалеріи и артиллеріи; бригадныя ученія безъ артиллеріи; дивизіонныя ученія съ артиллеріею; маневры — односторонніе и двухсторонніе — большихъ отрядовъ, изъ всѣхъ родовъ оружія.

Строевыя ученья роты и баталіона берутъ довольно много времени, и это совершенно основательно; но, въ большинствѣ случаевъ, они ограничиваются только продѣлываніемъ уставныхъ типовъ безъ всякаго примѣненія ихъ къ мѣсту, гдѣ деремся, и непріятелю, противъ котораго деремся, что вовсе уже неосновательно. Вслѣдствіе этого, части приступаютъ къ маневрированію неподготовленными, что и объясняетъ бо̀льшую часть ошибокъ ротныхъ и баталіонныхъ командировъ на маневрахъ. И это первый фактъ, подтверждающій сказанное выше о роскоши постепенности въ занятіяхъ старымъ предметомъ, чистымъ уставомъ, и о перескакиваніи черезъ новый предметъ — уставъ прикладной. Вѣдь для того, чтобы на маневрѣ дѣльно встрѣчать кавалерійскія атаки, предохраняться отъ пѣхотнаго или артиллерійскаго огня и проч., нужно до маневра знать, какъ это дѣлается; нужно до маневра взять навыкъ видоизмѣнять уставные типы строя, сообразно мѣстности, роду и направленію непріятеля, разстоянію до него; нужно до маневра взять навыкъ дѣлать подобныя видоизмѣненія не иначе, какъ строго уставнымъ образомъ, т. е. по уставнымъ командамъ, стройно и дружно. Не похожъ ли этотъ

*) Еще разъ напоминаемъ, что мы говоримъ о дѣлѣ вообще, а не имѣемъ въ виду ту или другую часть или мѣсто. Въ нашемъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, замѣчается явленіе, свойственное всѣмъ переходнымъ положеніямъ: въ одномъ мѣстѣ и до сихъ поръ остаются при занятіяхъ только строемъ; въ другихъ признаютъ и маневрированіе, понимая его чисто внѣшнимъ образомъ; въ третьихъ, наконецъ, подумываютъ уже и о внутреннемъ благоустройствѣ маневровъ и т. д.

порядокъ на то, если бы, обучая грамотѣ, сидѣли на азбукѣ возможно долѣе, а затѣмъ прямо переходили къ чтенію, перескакивая склады? Такъ какъ уставъ чистый, прикладной, и маневрированіе находятся между собою совершенно въ томъ же отношеніи, какъ азбука, склады и чтеніе. Послѣ полковыхъ ученій слѣдуютъ полковые маневры. Тутъ уже, кромѣ помянутой роскоши въ продѣлываніи стараго, дѣлается въ новомъ не одинъ скачекъ, а цѣлыхъ три: перескакивается прикладной уставъ, перескакивается свычка различныхъ родовъ оружія ко взаимодѣйствію и приготовленіе командировъ къ управленію ими въ мелкихъ отрядахъ прежде, чѣмъ переходить къ большимъ. Въ положеніи полковаго командира (въ пѣхотѣ) и кавалеріи, или бригаднаго (въ артиллеріи) учиться поздно на маневрахъ значительнаго отряда, да и стѣснительно; кому же охота, достигнувъ столь важнаго поста, срамиться и передъ своими подчиненными, и передъ посторонними? Оно даже и для службы не совсѣмъ удобно, да и лѣта часто такія, въ которыя, даже и при желаніи, трудно выучиться. Кончается тѣмъ, что начальникъ отряда исчезаетъ, а является тотъ же командиръ полка, который сидитъ на своей части, а придаткамъ изъ другихъ родовъ оружія предоставляетъ промышлять о себѣ, какъ ихъ начальникамъ Богъ на душу положитъ. Затѣмъ идутъ занятія частями еще болѣе крупными; тутъ уже поздно поправлять то, что попорчено въ детальной подготовкѣ, а остается только ахать да охать, какъ это, право, люди такихъ простыхъ вещей, какъ, напримѣръ, прикрытіе артиллеріи и т. п., не понимаютъ. Нужно постепенно продѣлать, тогда и поймутъ, и будутъ дѣлать; труднѣе не понять, нежели понять. Нельзя разыгрывать симфоніи, когда съ грѣхомъ пополамъ только ноты разбираешь; нельзя читать, когда знаешь только азбуку, а складовъ не проходилъ. На упражненіяхъ большихъ отрядовъ нельзя учиться, а нужно примѣнять уже заблаговременно и твердо изученное.

Не только отсутствіе должной постепенности въ занятіяхъ, но характеръ составленія предположеній для маневровъ отнимаетъ значительную долю ихъ поучительности. Насъ такъ и тянетъ въ то, чтобы непремѣнно были и colonnes de droite, и colonnes de gauche, и colonnes du centre и чтобы кто нибудь кого нибудь непремѣнно отрѣзывалъ, раздѣлялъ, или кому нибудь заходилъ въ тылъ. Такое направленіе составителей предположеній, распространяясь по всѣмъ ступенямъ, уже принесло свои плоды: стоитъ дать человѣку трехъ солдатъ подъ команду, и изъ нихъ хотя одного, а ужъ непремѣнно отдѣлитъ онъ для обхода, — иначе и маневръ не въ маневръ.

Если бы это не мѣшало стоять на первомъ планѣ настоящему дѣлу, куда бы ни шло; но бѣда въ томъ, что эти colonnes de gauche и проч. такъ поглощаютъ вниманіе, что на настоящее-то дѣло или мало, или совсѣмъ не обращается никакого вниманія. Намъ кажется гораздо полезнѣе для войскъ исполнить нехитрое предположеніе, но чтобы при этомъ слѣдить: какъ начальники отдаютъ приказанія, какъ эти послѣднія передаются; сообщаетъ ли частный начальникъ своимъ подчиненнымъ полученное приказаніе; что изъ него и какъ сообщаетъ; при атакѣ подводитъ ли свою часть такъ, чтобы понести возможно меньше потерь; руководятъ-ли стрѣльбою въ цѣпи унтеръ-офицеры и старшіе въ звеньяхъ; задается-ли начальникъ, подступая къ позиціи, вопросомъ о томъ, на который пунктъ ему выгоднѣе направить главныя усилія; указываются-ли артиллеристамъ цѣли для стрѣльбы, опредѣляются-ли дистанціи и не зря-ли опредѣляются; распредѣлено-ли между частями, кому на какую точку устремляться; указаны-ли эти точки солдатамъ ихъ непосредственными командирами; распорядился-ли каждый частный начальникъ назначеніемъ себѣ очереди замѣстителей въ случаѣ убыли; учреждено-ли постоянное наблюденіе за флангами. Однимъ словомъ, постоянно слѣдить, подумано-ли о томъ, чтобы неожиданностей не было, внутренняя связь во всемъ отрядѣ ни на минуту не разрывалась; чтобы всякій зналъ, что долженъ дѣлать, и извлекалъ всю пользу изъ пріобрѣтеннаго предварительнымъ обученіемъ. Собственно для артиллеристовъ весьма было бы не вредно тому-другому орудію задать тутъ же на позиціи: подбитое колесо, сломанное дышло, подбитый лафетъ, убитую лошадь въ корнѣ или среднемъ уносѣ; завести непремѣнно резервъ батарей для практики офицеровъ и людей въ постоянной связи съ этими резервами, дабы замѣна пустыхъ зарядныхъ ящиковъ новыми исполнялась быстро, безъ путаницы и суеты. Наконецъ, не мѣшаетъ, и даже довольно часто, предположивъ, что прислуга въ батареяхъ перебита, потребовать артиллерійскую команду сосѣдней пѣхотной части къ орудіямъ и заставить дѣйствовать.

Въ чемъ причина того, что внѣшняя сторона маневра въ такомъ почетѣ, а внутренняя въ загонѣ? Въ недостаткѣ терпѣнія; въ томъ, что внѣшняя сторона говоритъ глазу, а внутренняя— ни сколько; что въ силу этого, составители предположеній прежде всего бываютъ озабочены не поучительностью маневра для войскъ, а тѣмъ, чтобы вышелъ jolie manoeuvre; а какъ же онъ выйдетъ jolie, если его ограничить грубымъ фронтальнымъ наступленіемъ одной стороны, расположеніемъ для обороны другой и наблюденіемъ затѣмъ только, чтобы все было сдѣлано толково въ выше

объясненномъ смыслѣ? Намъ кажется, что, ведя занятіе строемъ и маневрированіемъ въ постепенности, ниже излагаемой, успѣхъ получился бы и быстрѣйшій, и болѣе соотвѣтствующій тому, что ожидаетъ солдата и начальника на войнѣ и въ бою.

14.

Основаніе подготовки людей роты къ дружнымъ дѣйствіямъ съобща, составляетъ строй, въ особенности сомкнутый. Онъ воспитываетъ въ быстрое, точное и единодушное исполненіе воли начальника; онъ есть внѣшнее выраженіе того, что масса людей, различныхъ и по нравственнымъ, и по физическимъ свойствамъ, составляетъ одно тѣло, имѣетъ одну душу. Онъ практическимъ путемъ, наглядно, приводитъ солдата къ убѣжденію въ томъ, что цѣль достигается массою только при условіи всесторонняго подчиненія волѣ одного каждой изъ единицъ, массу составляющихъ. Самое увлеченіе сомкнутымъ строемъ въ прежнее время—до забвенія даже дѣйствія оружіемъ, — указываетъ на всю его важность; и ошибка заключалась не въ усиленномъ, но въ исключительномъ занятіи строемъ и въ постановкѣ ему вслѣдствіе этого не боевыхъ, а, такъ сказать, артистическихъ, художественныхъ цѣлей.

Занятія строемъ до такой степени выработаны, что о нихъ казалось бы и говорить нечего; а между тѣмъ выходитъ совершенно наоборотъ; въ этомъ старомъ предметѣ явилось много новаго, да и кое что изъ забытаго стараго напомнить не мѣшаетъ. Новости представляются: развитіемъ разсыпного строя, необходимостью введенія въ уставъ разомкнутаго, какъ самостоятельной формы; рѣшительнымъ преобладаніемъ расположенія по-ротно надъ сборными баталіонными расположеніями не только въ боевой линіи, но и въ частныхъ ея резервахъ, или, въ такъ невѣрно называемой, второй линіи; необходимость пріучать къ возстановленію порядка изъ безпорядка и къ такой гибкости переходовъ изъ одного строя въ другой, одинъ намекъ на которую еще такъ недавно считался чуть не ересью; необходимость не только офицерамъ, но даже и солдатамъ знать цѣль, для которой каждый строй нуженъ. Старое, не забытое, или, по крайней мѣрѣ, по немногу забываемое, заключается въ томъ, что стройность сомкнутаго порядка должна быть поддерживаема тѣмъ строже, чѣмъ солдатъ моложе, а примѣненіе разсыпного порядка обширнѣе. Перечисленныя новости мы проходимъ молчаніемъ, такъ какъ объ нихъ

недавно и довольно говорилось, и обращаемся прямо къ послѣднему пункту.

Всякаго занимающагося строемъ, при небольшомъ вниманіи, не можетъ не поразить одна особенность: пока рота учится въ сомкнутомъ строѣ, командиры командуютъ съ должной интонаціей, люди равняются, держатъ строевой шагъ, исполняютъ коротко и дружно пріемы; но какъ только разсыпали цѣпь, куда что дѣлось! люди, оставшіеся въ сомкнутомъ порядкѣ, начинаютъ болтать ногами, пріемы дѣлаютъ пятипудовыми, а не двѣнадцатифунтовыми ружьями, командирство не командуетъ, а разговариваетъ. Тоже замѣчается и въ баталіонѣ съ переходомъ къ расположенію по-ротно; хотя бы, повидимому, слѣдовало ожидать обратнаго, такъ какъ въ баталіонѣ поддержать порядокъ труднѣе, чѣмъ въ ротѣ, представляющей единицу, до того удобоуправимую и поворотливую, что отъ нея не только можно, но должно требовать полной стройности даже и на пересѣченной мѣстности. Однимъ словомъ, ученье не выдерживаетъ до конца одного тона: однѣ и тѣ же команды разно произносятся и разно исполняются. Мы уже не говоримъ о движеніяхъ къ мѣсту ученья и обратно; о ходьбѣ по улицамъ карауловъ; тутъ уже не рѣдкость наткнуться и на весьма ощутительный разбродъ. И выходитъ, такимъ образомъ, что времени мало, да и тѣмъ-то мы не умѣемъ воспользоваться какъ слѣдуетъ въ видахъ обученія. И это можно подмѣтить на любой части: до такой степени сказанный недостатокъ распространенъ. Объясняется онъ, но не оправдывается, естественнымъ ослабленіемъ вниманія; но такое ослабленіе нужно подстерегать и противодѣйствовать ему всѣми силами. Впрочемъ, укорененію его много способствовало и выдѣленіе стройности движенія въ особый отдѣлъ образованія, именуемый церемоніальнымъ маршемъ. Въ такомъ выдѣленіи обнаруживался и со стороны начальниковъ тотъ взглядъ, что солдатъ можетъ ходить не всегда одинаково, а въ одномъ случаѣ болѣе, въ другомъ менѣе стараться: очевидное отступленіе отъ того принципа одинаковости и точности исполненія, который въ военномъ дѣлѣ долженъ быть признанъ однимъ изъ основныхъ. Часть, пріученная во всѣхъ случаяхъ ходить стройно, не нуждается въ репетиціяхъ, чтобы церемоніальнымъ маршемъ пройти хорошо; и только подобный церемоніальный маршъ можетъ служить выраженіемъ обученія и благоустройства части. Только длиннымъ походомъ такъ ходить нельзя; что допускаетъ, а слѣдовательно указываетъ, и уставъ; но мѣста сохранять и походомъ можно и должно.

Мы придаемъ такой постановкѣ строеваго дѣла большую важ-

ность именно теперь, т. е. при краткосрочной службѣ. Бѣда не велика, если старый солдатъ немножко иногда и опускался: долгимъ рядомъ годовъ онъ воспитывался въ уваженіе къ строю; и малѣйшаго знака начальника было достаточно, чтобы онъ встрепенулся. Но если допускать это при обученіи краткосрочнаго солдата, то онъ, пожалуй, и домой уйдетъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что въ сомкнутомъ строѣ одну и ту же команду можно исполнять на разные лады, т. е. уйдетъ безъ должнаго пониманія духа этого строя, безъ уваженія къ нему. Намъ кажется, что требованія, вызываемыя духомъ сомкнутаго строя, должны быть проводимы тѣмъ строже, чѣмъ срокъ службы короче и разсыпной строй чаще примѣнимъ; оба эти обстоятельства вызываютъ, какъ безусловно необходимое, самое рѣзкое разграниченіе положеній солдата, въ которыхъ онъ изъ мыслящей единицы обращается въ трупъ въ рукахъ начальника; и, обратно, изъ трупа въ мыслящую, хотя все же подчиненную, разумѣется, единицу *). И поэтому теперь, болѣе чѣмъ когда либо, слѣдуетъ налегать, чтобы всякая команда была исполняема быстро, по точному ея смыслу и всегда одинаково **); а не то, что одинъ разъ такъ, а другой иначе. Нельзя не признать, что отступленіе отъ этого правила водворилось въ войскахъ преимущественно черезъ офицеровъ, и черезъ нихъ же оно должно быть искоренено. Многіе изъ офицеровъ, даже порядочныхъ, находятъ яко бы не вполнѣ сообразнымъ съ своимъ достоинствомъ громко выкрикивать предварительныя команды ***); не говоримъ уже о тѣхъ, которые смотрятъ на службу, «ковыряя пальцемъ въ носу», по гоголевскому выраженію. А между тѣмъ самаго простого и нехитраго размышленія достаточно, чтобы уразумѣть, что интересная нѣжность тутъ никуда не годится: офицеръ скомандуетъ плохо, а солдатъ бранятъ; а чѣмъ они виноваты? по командѣ плохой не можетъ быть хорошаго исполненія. Условіе самой обыденной порядочности, не говоря уже о долгѣ службы, требуетъ отъ человѣка не подводить другихъ подъ отвѣтъ за его собственную вину.

Офицеръ долженъ постоянно помнить ту могущественную зависимость исполненія отъ тона команды, которая открывается самому поверхностному наблюденію. Изъявленіе воли въ строю предполагаетъ быстрое и энергическое ея исполненіе; объ этомъ можно

---

*) Т. е. переходъ изъ разсыпнаго строя въ сомкнутый, и обратно.

**) За исключеніемъ, выше оговореннымъ.

***) Это явленіе тоже имѣетъ свои историческія причины, коренящіяся въ прежнемъ складѣ службы и объяснять которыя здѣсь было бы слишкомъ долго.

дать знать только тономъ, а не словами: послѣднія опредѣляютъ только что слѣдуетъ исполнить, но въ нихъ и намека нѣтъ на то, какъ исполнить. Слово обращается только къ сознанію, тонъ только къ волѣ солдата: нужно, слѣдовательно, чтобы и первое, и послѣдній были на лицо, потому что съ пониманіемъ безъ воли точно также мало сдѣлаешь, какъ и съ волей безъ пониманія. Офицеръ долженъ помнить и то, что небрежное исполненіе по его слову предполагаетъ недостаточное вниманіе и уваженіе къ нему и его слову; при такихъ отношеніяхъ развѣ можно управлять человѣкомъ даже въ обыкновенныя минуты, не говоря уже о тѣхъ, когда его приходится посылать на смерть? Это мирлифлерство и неуваженіе къ себѣ и своему слову повело даже къ тому, что нѣкоторыя команды потеряли прямой свой смыслъ и обратились въ нѣчто въ родѣ припѣвовъ къ пѣснѣ послѣ каждаго куплета: поютъ, потому что такъ оно сложилось; а чортъ его знаетъ, что оно такое значитъ! Командуетъ, напримѣръ, офицеръ, равненіе на-право, и ни одна голова не поворачивается направо, ни равненіе, конечно, не возстановляется, а ему и горя мало; командуетъ стой, а люди доходятъ; командуетъ послѣ стой во фронтъ, а люди, повернувшись во фронтъ, начинаютъ ёрзать вправо и влѣво, чтобы выровняться въ затылокъ. Случается и такъ, что офицеръ ошибется въ командѣ, а люди позволяютъ себѣ исправлять его ошибку, дѣлая то, что нужно, а не то, что скомандовано. По нашему, такія поправки просто возмутительны, потому что отводятъ въ строю жалкую роль офицеру и пріучаютъ людей относиться къ его командѣ, какъ къ такой, которую можно и не исполнять по прямому ея смыслу, а исполнять кое-какъ и подавно. Не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое дурное — вотъ девизъ всякаго начальника въ строю, вызываемый духомъ этого дѣла, необходимостью единства въ немъ мысли и направленія. Скорѣе можно помириться съ ошибкою офицера, чѣмъ съ подобнымъ ея исправленіемъ. Дѣло это на столько важно, что иногда слѣдуетъ приказывать нарочно ошибаться командирамъ, и смотрѣть, что люди будутъ дѣлать; это лучшая повѣрка того, въ какой мѣрѣ они въ рукахъ у командировъ, и пріучены ли къ безусловному вниманію и повиновенію въ строю. Все это, конечно, мелочи, съ точки зрѣнія вѣчности; но онѣ исходятъ не отъ мелочныхъ началъ, и потому могутъ повести не къ мелочнымъ послѣдствіямъ. Слово офицера въ строю должно быть свято; должно быть понимаемо и исполняемо по прямому его смыслу и тону. Безъ этого сомкнутый строй утрачиваетъ свое воспитательное значеніе, да и въ бою не представитъ особой устойчивости.

Не нужно думать, чтобы такая постановка строя требовала усиленія занятій: она требуетъ только усиленія вниманія къ тому, чтобы болѣе производительно употреблялось время, и безъ того назначенное для занятій; требуетъ, однимъ словомъ, чтобы строй всегда былъ строй, а не обращался бы, отчасти или вполнѣ, въ толпу. Къ мѣсту ученья ли, или въ караулъ, напримѣръ, все равно нужно придти и потомъ возвратиться домой; не видимъ причины, отчего бы при этомъ не дѣлать движеній, пріемовъ, остановокъ совершенно также, какъ то требуется на ученьяхъ? Краткосрочный солдатъ долженъ каждую минуту службы своей или учиться, или примѣнять изученное: иначе онъ не поспѣетъ выучиться. Мы не говоримъ уже о томъ, что часть, ведущая себя постоянно такимъ образомъ, внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе и въ постороннихъ; это тоже, что человѣкъ, который держитъ себя, что называется, съ достоинствомъ: онъ не распускается, не ходитъ замухрышкой; не задѣваетъ другихъ, но и себѣ на ногу наступить не позволитъ. Всякій видитъ, что такая часть— сила, и при томъ благоустроенная, слѣдовательно стоющая уваженія.

15.

Но этимъ не должна заканчиваться строевая подготовка въ настоящее время. Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что офицеръ долженъ знать теперь, для чего какой строй годится, и умѣть видоизмѣнять его въ зависимости: отъ мѣста, отъ рода противника (пѣхота, кавалерія или артиллерія), отъ разстоянія и направленія, въ которомъ онъ предполагается, наконецъ, отъ того, что онъ дѣлаетъ. Послѣднее вызываетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ положеній: пѣхота противника можетъ наступать или обороняться, кавалерія стоять или атаковать, притомъ атаковать вашу или сосѣднюю часть; артиллерія стрѣлять въ васъ или быть занята другою цѣлью, находясь въ то же время въ сферѣ вашего вліянія. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ нужно знать что дѣлать. Нужно знать также, чѣмъ пѣхота обязана относительно сосѣдней кавалерійской или артиллерійской части. Вотъ цѣлый рядъ задачъ, составляющихъ курсъ элементарной тактики, и на усвоеніе котораго книжнымъ путемъ надежда плоха, какъ уже не разъ замѣчалось. Это предполагаетъ необходимость разложенія теоретическаго курса въ рядъ практическихъ пріемовъ, доступныхъ самому

нехитрому пониманію, и введеніе ихъ, какъ нераздѣльной части, въ строевую подготовку роты и баталіона *).

Программа ученій по этой системѣ весьма проста для части, получившей уже элементарную строевую подготовку: 1) повѣрка вниманія людей, стройности движенія и смыканія къ серединѣ, въ случаѣ убыли рядовъ; 2) два-три случая ломки фронта на переднюю и на заднюю шеренгу; 3) два-три построенія на мѣстѣ; тутъ же, по дорогѣ, повѣрка вниманія людей ошибками начальниковъ; повѣрка того, есть ли, въ случаѣ убыли начальниковъ, ихъ замѣняющіе; 4) нѣсколько заданій, въ предположеніи разнороднаго противника на разныхъ разстояніяхъ и въ различныхъ направленіяхъ; 5) задача атаки или обороны позиціи, при исполненіи чего повѣрка разсыпного строя и умѣнья прикрывать артиллерію. Такое ученье при небольшомъ навыкѣ къ заданіямъ требуетъ времени около двухъ часовъ на роту, трехъ на баталіонъ; разумѣется, если не отводить далеко отъ лагеря, что вовсе не такъ нужно, какъ обыкновенно кажется. Въ этой программѣ не достаетъ еще повѣрки походной и сторожевой службы, требующихъ болѣе продолжительнаго времени и спеціальныхъ пріемовъ, о которыхъ ниже упоминается. Кромѣ того, необходимо показать прикрытіе и атаку артиллеріи на дѣйствительныхъ орудіяхъ. О подробностяхъ производства такихъ ученій также поговоримъ ниже.

Такимъ путемъ усвоивается, во-первыхъ, примѣненіе къ мѣстности—предметъ, который изъ ничтожнаго для отдѣльныхъ людей выростаетъ въ первостепенный для частей сомкнутыхъ; во-вторыхъ, привычка быстро измѣнять строй и дѣйствія въ зависимости отъ извѣстныхъ уже обстоятельствъ. Этотъ способъ занятій представляетъ и ту выгоду, что постоянно держитъ сознаніе и воображеніе солдатъ и офицеровъ въ сферѣ военныхъ понятій и до такой степени подготовляетъ ихъ къ маневрамъ, что частные ротные и баталіонные маневры являются излишними, а слѣдуетъ прямо переходить къ двухстороннимъ маневрамъ небольшихъ составныхъ**) отрядовъ, соединяя, приблизительно, баталіонъ, эскад-

---

*) Считаемъ излишнимъ показывать здѣсь, какъ слѣдуетъ дѣлать это разложеніе, ибо оно уже сдѣлано, хотя и оставляетъ еще многаго желать. Напомнимъ только, что руководящимъ началомъ подобной работы постоянно должно быть наполеоновское: „что я сдѣлаю, если непріятель появится съ фронта, съ фланга, съ тыла, въ облическомъ направленіи? Если это будетъ пѣхота, кавалерія, артиллерія?“ Этотъ совѣтъ, столь полезный въ дѣлѣ повѣрки боевыхъ, походныхъ, бивачныхъ, квартирныхъ и сторожевыхъ расположеній, является, такимъ образомъ, и военно-педагогическимъ указаніемъ высокой важности.

**) Т. е состоящихъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Это выраженіе мы будемъ употреблять, для краткости, и впослѣдствіи.

ронъ или дивизіонъ кавалеріи, взводъ или дивизіонъ пѣшей, взводъ конной артиллеріи. Само собою разумѣется, что эта соразмѣрность взята случайно, соображаясь съ числомъ войскъ того сбора, гдѣ намъ случилось видѣть эти занятія: сущность здѣсь въ томъ только, что за единицу, съ которой слѣдуетъ начинать соединеніе трехъ родовъ оружія на учебныхъ маневрахъ, должно принять баталіонъ, а не полкъ. Независимо отъ опыта, который указалъ на великую пользу такой постановки занятій, мы указываемъ еще на слѣдующія обстоятельства: 1) баталіонному командиру *) легче дѣлать первые шаги въ практикѣ управленія составнымъ отрядомъ, нежели полковому, и по его положенію, и потому, что отрядъ меньше, чѣмъ даютъ обыкновенно полковому; 2) руководящему маневромъ легче услѣдить за его ходомъ, и потому никакая ошибка не только не пропускается, но становится яснѣе и для всѣхъ участниковъ маневра, потому что все на виду. На полковомъ маневрѣ не то: частей такъ много, разстоянія такъ велики, что, безъ навыка, у начальника глаза разбѣгаются и по-неволѣ выпадаютъ возжи изъ рукъ; да и руководящій не все можетъ замѣтить. Все это привело участвовавшихъ въ занятіяхъ къ тому убѣжденію, что отрядъ вышеуказаннаго состава представляетъ такую же единицу въ дѣлѣ обученія маневрированію, какую составляетъ рота или эскадронъ въ обученіи элементарномъ. Когда подобныя единицы подготовлены, смѣло можно начинать маневрированіе какими угодно крупными отрядами.

Дальнѣйшая постепенность въ ихъ увеличеніи вызывается уже необходимостью дать практику не столько войскамъ, сколько полковымъ, бригаднымъ, дивизіоннымъ командирамъ и офицерамъ генеральнаго штаба. И потому полагаемъ, что остановка на подобныхъ баталіонныхъ маневрахъ, возможно болѣе продолжительная, вызывается существомъ дѣла. Нужно ихъ сдѣлать столько, чтобы такимъ отрядомъ прокомандовалъ не менѣе раза, а если можно и болѣе, каждый изъ находящихся въ сборѣ баталіонныхъ, батарейныхъ командировъ и дивизіонеровъ.

Порядокъ производства этихъ маневровъ въ томъ сборѣ, гдѣ намъ привелось ихъ видѣть, былъ принятъ слѣдующій: къ назначенному часу отрядъ собирался къ мѣсту, которое долженъ былъ оборонять, или съ котораго назначено начинать наступленіе. Начальники составныхъ его частей сходились для опредѣленія, кто

*) Т. е. и дивизіонеру въ кавалеріи, и батарейному командиру въ артиллеріи.

изъ нихъ старшій. Оказавшійся старшимъ принималъ въ руки весь отрядъ, для чего объѣзжалъ части, его составляющія, принималъ отъ нихъ установленныя для встрѣчи начальника почести и здоровался. Затѣмъ, собиралъ начальниковъ частей и отдавалъ приказанія, которыя тутъ же записывались и исправлялись руководящимъ маневромъ. Затѣмъ, маневръ шелъ своимъ порядкомъ, кончаясь сквозной атакой пѣхоты на пѣхоту *). Послѣ отбоя баталіоны выстраивались въ одну линію, противъ нихъ эскадроны въ другую, для сквозныхъ атакъ: пѣхоты на кавалерію, какъ выше указано, и кавалеріи на пѣхоту, какъ общеизвѣстно. Затѣмъ, собирались начальники для разбора маневра, чѣмъ упражненіе и заключалось.

Остановимся нѣсколько на пріемахъ, предшествовавшихъ началу маневра. Первый изъ нихъ мы считаемъ положительно необходимымъ, какъ для того, чтобы всякій увидѣлъ, кто голова въ отрядѣ, такъ и въ смыслѣ внѣшняго выраженія того, чѣмъ всякій обязанъ этой головѣ, хоть она и временная. Второй пріемъ дѣлалъ старшимъ начальникомъ иногда пѣхотинца, иногда кавалериста, иногда артилериста; слѣдовательно, ставилъ всѣхъ ихъ и какъ равноправныхъ членовъ воинскаго братства, и какъ равно обязанныхъ знать не только свое дѣло, но и дѣло другихъ. Всякому приглядывавшемуся къ маневрамъ, какъ они обыкновенно ведутся, не могло не броситься въ глаза, что начальникъ составного отряда, за весьма рѣдкими исключеніями, является въ немъ какъ бы гостемъ относительно частей, временно прикомандировываемыхъ къ той, которою онъ самъ командуетъ. Никогда онъ не подъѣдетъ поздороваться съ ними, приказанія отдаетъ, какъ бы извиняясь, что позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ чужую часть. Иногда и совсѣмъ не отдаетъ. Офицеръ генеральнаго штаба является сводчикомъ этихъ смотрящихъ врозь лебедя, щуки и рака, но является въ роли неестественной, потому что беретъ на себя обязанности начальника, не имѣя начальственнаго авторитета. Нужно ли говорить, что подобная конфузливость со стороны начальниковъ извращаетъ роль офицеровъ генеральнаго штаба и порождаетъ самыя печальныя привычки? Посторонніе роды оружія относятся къ дѣлу маневра, какъ къ такому, на которомъ можно исполнять какъ, что и кому вздумается. Бываютъ случаи, что кавалерію ни въ вѣкъ не упросить идти рысью, артиллерію

*) Сквозныя атаки кавалеріи на кавалерію были излишни, такъ какъ онѣ уже давно дѣлаются въ частныхъ кавалерійскихъ сборахъ, по мысли и указанія Его Высочества генералъ-инспектора кавалеріи.

подъѣхать ближе къ противнику, если только по близости нѣтъ старшаго начальника. Однимъ словомъ, привычки субординаціи, даваемыя строемъ каждому роду оружія отдѣльно, не укрѣпляются на маневрахъ, а подрываются. И все только потому, что отрядъ составляется всего на нѣсколько часовъ. Кажется, нечего объяснять того, что еслибы онъ составлялся всего на нѣсколько секундъ, въ немъ должна устанавливаться сразу полная субординація, и тѣмъ строже, чѣмъ соединеніе кратковременнѣе. Разумно понимаемое воинское воспитаніе должно стремиться къ укорененію субординаціи положенію, а не лицу: вѣдь на войнѣ временныя командованія будутъ чаще, чѣмъ на маневрахъ. Намъ кажется, что подобное извращеніе воинскихъ отношеній должно быть вытравлено: что начальникъ, временный ли онъ, или постоянный, долженъ быть равно начальникъ. Намъ кажется даже, что въ силу этого начальники случайныхъ отрядовъ должны быть облекаемы дисциплинарною властью надъ своими временными подчиненными, опредѣляемою дисциплинарнымъ уставомъ. Мы видимъ въ этомъ единственное средство поставить единство командованія на степень авторитета, ему подобающаго; иначе маневрированіе всегда останется времяпровожденіемъ, забавой, а не серьезнымъ дѣломъ, подготовляющимъ къ строгой дисциплинировкѣ, которой требуетъ война и бой.

За составными баталіонными должны слѣдовать такіе же полковые и затѣмъ бригадные маневры, на которыхъ дѣло до сквозныхъ атакъ можно и не доводить, давая отбой по приближеніи сторонъ на 200 — 300 шаговъ и кончая, разумѣется, разборомъ распоряженій и дѣйствій частей. Эти маневры далеко уже не представляютъ той поучительности, какъ баталіонные.

16.

Многіе изъ старшихъ начальниковъ до такой степени увлекаются желаніемъ добиться возможнаго совершенства въ маневрированіи частей, имъ подвѣдомыхъ, что принимаютъ на себя личное ими руководство на всѣхъ степеняхъ. Для начала дѣла ничего иного и сдѣлать нельзя; но разъ это начало сдѣлано, слѣдуетъ предоставлять руководство частными маневрами непосредственнымъ начальникамъ маневрирующихъ частей. На этомъ основаніи руководство баталіонными маневрами, естественно, принадлежитъ полковымъ командирамъ, руководство полковыми — бригадными и т. д. Вѣдь для того, чтобы быть дѣльнымъ руководите-

лемъ маневра, нужна также продолжительная привычка, которая легче дается исподоволь, т. е. начиная съ малыхъ частей. Старшій начальникъ обязанъ подготовлять не только части къ маневрированію, но и начальниковъ къ тому, чтобы они могли вести это дѣло самостоятельно, если къ тому будутъ призваны. Это не предполагаетъ непремѣннаго отсутствія старшаго начальника на маневрахъ; но предполагаетъ, какъ необходимое, чтобы онъ за всѣмъ слѣдилъ, но ни во что не вмѣшивался, а давалъ бы послѣ разбора маневра руководителямъ свое заключеніе какъ о ходѣ маневра, такъ и о поведеніи руководителей. Такая манера веденія дѣла вдвойнѣ хороша: она разностороннѣе знакомитъ старшаго начальника съ ближайшими подчиненными; она же можетъ навести и самаго начальника на новыя мысли, знакомя его со взглядами другихъ на общее дѣло, въ которомъ ничего нѣтъ легче, какъ усвоить рутинную складку; она же, наконецъ, возбуждаетъ къ умственной дѣятельности большее число людей, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда старшій начальникъ не только самъ всѣмъ руководитъ, но иногда даже снисходитъ до вмѣшательства въ дѣйствія маневрирующихъ сторонъ.

17.

Пріученіе пѣхоты прикрывать и атаковать артиллерію, а также и артиллеріи маневрировать съ пѣхотою — дѣло весьма легко усвоиваемое, если спеціально на него пожертвовать одно ученье.

Для большей наглядности, представимъ практическіе пріемы показанія этого отдѣла, такъ сказать, въ лицахъ.

Выводится полкъ съ батареей. Объѣздъ, привѣтствіе. «Стоять вольно и оправиться. Гг. артиллерійскіе и пѣхотные офицеры передъ середину полка! Имѣю честь кланяться, господа! Опустите руки».

Обращаясь къ пѣхотнымъ офицерамъ:

«Вамъ извѣстно, господа, что артиллерія сама себя защищать не можетъ, и потому прикрытіе ея, какъ святѣйшій долгъ, ложится на близъ-стоящія войска. Того требуетъ взаимная выручка: во имя ея артиллерія пробиваетъ вамъ брешь, въ живыхъ ли, въ мертвыхъ стѣнахъ — все равно; слѣдовательно, вамъ прокладываетъ путь; на васъ работаетъ, а не на себя. Въ свою очередь, и мы должны на нее поработать. Только при этомъ условіи она, не задумываясь, станетъ занимать при надобности самыя рискованныя позиціи для выручки пѣхоты, потому что будетъ увѣрена, что безъ поддержки и прикрытія никогда не останется.

«Обязанности прикрытія заключаются въ слѣдующемъ:

1) «Если батарея выѣзжаетъ на позицію, стрѣлки, очистивъ ея фронтъ, становятся правѣе и лѣвѣе на столько впереди, чтобы мѣшать стрѣлкамъ непріятельскимъ вредить прислугѣ и лошадямъ. На сколько именно впереди, сказать нельзя, потому что это зависитъ отъ удобныхъ позицій для стрѣлковъ и отъ положенія стрѣлковъ непріятельскихъ. При занятіяхъ односторонникъ и на ровной мѣстности достаточно, если стрѣлки выдаются передъ батареи шаговъ на 300. При настоящей крутизнѣ полета артилерійскихъ снарядовъ можно и не открывать батареи, выдавшись на такое разстояніе; но пока этотъ пріемъ не получилъ утвержденія свыше, мы будемъ дѣлать по старому.

2) «Если батарея выѣзжаетъ на крайній флангъ боевой линіи, ближайшая рота баталіоннаго резерва прикрываетъ наружный флангъ ея; а если баталіонъ расположенъ по-ротно въ одну линію, это дѣлаетъ ближайшая рота боевой линіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ передвигаться з а, а не передъ батареей.

3) «Если батарея выѣзжаетъ на флангъ и перемѣняетъ фронтъ, ближайшія къ ней части, обрамивъ ее, также перемѣняютъ фронтъ и высылаютъ стрѣлковъ; потому что такая перемѣна фронта батареею предполагаетъ появленіе непріятеля съ той стороны, куда она стала фронтомъ.

4) «Съ уходомъ батареи, уходитъ и рота, выдвинувшаяся для ея прикрытія, если она это сдѣлала безъ приказанія баталіоннаго командира; а если по приказанію, то мѣста не оставляетъ, пока не послѣдуетъ новаго приказанія отъ баталіоннаго командира. Впрочемъ, ротному командиру не мѣшаетъ послать спросить о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ.

5) «Обязанность прикрытія для сомкнутой части заключается не въ томъ, чтобы занимать извѣстное мѣсто (на линіи передковъ, какъ нѣкоторые предполагаютъ), но въ томъ, чтобы дѣлать извѣстное дѣло. Дѣло это заключается въ томъ, чтобы зорко слѣдить, не собираются ли со стороны непріятеля напасть на батарею, и отражать подобныя попытки. Мѣсто же, на которомъ поставить роту, выбирается, какъ и всегда, такъ, чтобы меньше терпѣть отъ огня. Иногда такое мѣсто случается за самой батареей *): займите его. Правило, воспрещающее становиться за батареей— предразсудокъ; дѣло не въ томъ, чтобы за батареей непремѣнно

*) Напримѣръ, небольшой пригорокъ въ тылу батареи: за нимъ будетъ безопаснѣе стать, чѣмъ въ сторонѣ отъ батареи.

было пустое пространство, но въ томъ, чтобы выстрѣлы, въ нее направленные, не попадали въ пѣхоту. Если вы находите такое обезпеченіе именно за батареей, то и становитесь тамъ.

6) «Не должно думать, что батарея, расположенная въ тылу нашей боевой линіи, или оставшаяся тамъ при наступленіи ея, нуждается въ спеціальномъ прикрытіи: наше движеніе впередъ составляетъ самое надежное ея прикрытіе.

«Это обязанности пѣхоты при расположеніи на мѣстѣ. При наступленіи и отступленіи онѣ заключаются къ слѣдующемъ:

1) «Если батарея наступаетъ, стрѣлки по флангамъ ея не должны дать ей опередить себя ни въ какомъ случаѣ; ближайшія къ батареѣ сомкнутыя части слѣдуютъ за нею не далѣе какъ въ 300 шагахъ (а на мѣстахъ, покрытыхъ кустами и тому подобныхъ, гораздо ближе), безъ всякаго приказанія, даже если бы боевой порядокъ и не двигался.

2) «Если боевой порядокъ отступаетъ, а батарея остается на позиціи, стрѣлки, ближайшіе къ флангамъ батареи, не отступаютъ, не смотря ни на какія приказанія или сигналы, пока батарея не начнетъ отступать. То же дѣлаютъ и ближайшія къ батареѣ сомкнутыя части. Онѣ должны быть готовы всякую минуту оказать помощь артиллеристамъ: т. е., въ случаѣ нападенія на батарею, отбить непріятеля; въ случаѣ орудіе подбито, или увязнетъ, или лошадей перебили, нарядить команду для работъ, необходимыхъ чтобы спасти орудіе. Въ виду этого, при отступленіи, сомкнутымъ частямъ лучше держаться позади батареи (т. е. ближе къ непріятелю), дабы видѣть, что на ней дѣлается и поспѣвать на помощь, даже не ожидая просьбы батарейнаго командира. Не забывайте, господа, что потеря орудія артиллеристу въ честь, потому что показываетъ, что батарея до послѣдней крайности оставалась на позиціи и исполняла долгъ свой; а прикрытію въ безчестье, потому что показываетъ, что оно оставило своихъ на жертву.

«Сверхъ всего этого прошу помнить, господа, что вы должны всегда уступать позицію артиллеріи, такъ какъ она болѣе чѣмъ мы зависитъ отъ мѣстности.

«Въ заключеніе прошу пѣхотныхъ начальниковъ, если въ составъ ихъ отрядовъ попадетъ артиллерія, ограничивать свои приказанія опредѣленіемъ ей пункта, который желаете обстрѣлять и опредѣленіемъ числа орудій въ боевой части и резервѣ. Затѣмъ никогда не вмѣшивайтесь въ то, гдѣ она займетъ позицію, когда и на какую перемѣнитъ ее; это дѣло артиллеристовъ. Чѣмъ яснѣе

вы имъ укажете цѣль, и чѣмъ менѣе будете вмѣшиваться въ подробности исполненія, тѣмъ лучше.

«Полагается общимъ правиломъ, что ротный командиръ направляется въ прикрытіе наружнаго фланга батареи по приказанію баталіоннаго командира. Но это не освобождаетъ ротнаго командира отъ обязанности двинуться въ прикрытіе и безъ приказанія, если таковое не послѣдуетъ немедленно; почему на этомъ ученьи прошу баталіонныхъ командировъ приказаній не отдавать, если только они видятъ, что ротный командиръ дѣлаетъ свое дѣло. Ротные же командиры, въ свою очередь, должны доносить баталіонному о перемѣнѣ мѣста, имъ указаннаго, и о причинѣ перемѣны.

«Когда разойдетесь по мѣстамъ, прошу передать людямъ, что изъ слышаннаго имъ знать нужно. Особенно прошу командировъ стрѣлковыхъ ротъ растолковать своимъ людямъ, что они должны дѣлать.

«Если есть, господа, какое недоразумѣніе или неясность въ сказанномъ, пожалуста спросите». Слѣдуютъ вопросы и разъясненія.

Обращаясь къ артиллеристамъ:

«У васъ, гг., нѣтъ средства къ самозащитѣ, а потому вы не должны объ ней и хлопотать, почерпая въ самой своей беззащитности рѣшимость на самые дерзкіе подъѣзды къ непріятелю, если того требуетъ спасеніе своихъ или гибель чужихъ. Въ такихъ случаяхъ васъ должны спасать другіе. Бой такое дѣло, въ которомъ успѣхъ возможенъ только для того, кто не боится погибнуть. Не бойтесь потерять орудіе: теряетъ ихъ только тотъ артиллеристъ, который до послѣдней крайности остается на позиціи, жертвуя собою, чтобы выручить пѣхоту. Въ маневрированіи вы совершенно свободны; но указаннымъ для достиженія цѣлямъ подчиняетесь безусловно. Говорю безусловно, но не буквально, потому что могутъ быть обстоятельства, когда для пользы дѣла вы должны предпочитать мгновенно возникшую, но грозную цѣль той, которая вамъ указана для обстрѣла иногда въ самомъ началѣ дѣла, т. е. до разъясненія обстоятельствъ. Артиллеристъ, поступающій такимъ образомъ, дѣйствуетъ въ духѣ, а не вопреки приказанія начальника, потому что, случись онъ на батареѣ, приказалъ бы то же самое. Но справившись съ подобной временной цѣлью, вы возвращаетесь къ прежде вамъ указанной. Подъ свободой маневрированія вотъ что разумѣю. При наступленіи вы перемѣняете позиціи, когда сами то признаете нужнымъ (дѣлаю въ этомъ одно только ограниченіе: на ровномъ мѣстѣ не отставайте болѣе 100 саженъ отъ боевой линіи); наступаете не непремѣнно въ перпендикуляр-

номъ къ вашему фронту направленіи, какъ то весьма ошибочно почти вездѣ принято, но принимаете и въ стороны, если замѣтите выгодную позицію. Еще Суворовъ сказалъ: «артиллерія скачетъ, какъ сама хочетъ». Пѣхотой не стѣсняйтесь; она знаетъ, что должна вамъ уступать мѣсто. Но распредѣленіе орудій на позиціи, такъ и между резервомъ и боевой линіей, остается безусловно въ рукахъ начальника; при перемѣнѣ позицій не соединяются безъ приказанія тѣ батареи, которыя разъединены, и не разъединяются, которыя соединены; ни одно орудіе безъ его вѣдома не можетъ быть выдвинуто изъ резерва на позицію, или убрано съ позиціи въ резервъ. Этого требуетъ дисциплинировка боя; т. е. веденіе его по одной мысли, безъ чего успѣхъ невозможенъ. Прошу избѣгать, гг., короткихъ переѣздовъ: почему, сами знаете. Всякій артиллерійскій переѣздъ долженъ быть не менѣе 200 саженъ. По мѣстамъ, господа». Затѣмъ, давъ время ротнымъ командирамъ передать людямъ сказанное: «Смирно! По такому-то баталіону на полные интервалы разомкнись. По-ротно въ двѣ линіи стройся. Сигналъ: всѣмъ стрѣлкамъ разсыпаться. Огонь». Когда это готово, отдать приказаніе одному взводу выѣхать на позицію въ центръ и смотрѣть раздвинутся-ли стрѣлки; другому, на который нибудь крайній флангъ и смотрѣть, прикроетъ-ли подлежащій ротный командиръ наружный флангъ батареи и разсыпетъ-ли въ случаѣ надобности стрѣлковъ; третьему взводу выѣхать на другой крайній флангъ и занять позицію съ перемѣной фронта: смотрѣть, прикроютъ-ли его сосѣднія роты, перемѣнятъ-ли фронтъ, вышлютъ-ли стрѣлковъ въ новомъ направленіи. Затѣмъ, убрать этотъ послѣдній взводъ и смотрѣть, возстановятъ-ли роты свое прежнее положеніе. Четвертому взводу *) приказать сняться съ позиціи за какой нибудь ротой и смотрѣть, очиститъ-ли ему фронтъ эта рота.

Этимъ исчерпываются всѣ случаи отношеній пѣхоты къ артиллеріи на мѣстѣ, и можно перейти къ наступленію. Если припомнятъ читатели, у насъ въ боевой линіи три артиллерійскихъ взвода. Отдается имъ приказаніе наступать черезъ батарею рысью и затѣмъ наблюдается, чтобы стрѣлки не дали себя опередить

---

*) При этомъ упражненіи слѣдуетъ выдвигать артиллерію по-взводно и даже по орудіямъ для сбереженія лошадей; такъ какъ движеній приходится сдѣлать много, чтобы продѣлать всѣ случаи прикрытія. Въ виду этого, на подобномъ ученьи не слѣдуетъ задаваться какими либо тактическими цѣлями, потому что, занимаясь ими, нельзя показать всѣхъ случаевъ прикрытія; нельзя также не выдѣлить ихъ въ особый предметъ занятій, что для основательнаго показа необходимо.

орудіямъ, а ближайшія къ нимъ части начинали движеніе, не ожидая приказанія; если только кто нибудь, по линіи стрѣлковъ или сомкнутыхъ частей, прозѣваетъ, пристыдить, и въ другой разъ зѣвка не будетъ. Какъ только обозначилось, что всѣ подлежащіе ротные командиры двинулись впередъ, скомандовать движеніе и всему боевому порядку. Иногда, для испытанія стрѣлковъ, не мѣшаетъ приказать и выѣздъ въ карьеръ иному взводу. Одной очереди наступленія достаточно, чтобы въ сказанномъ утвердить.

Для отступленія, предваривъ сначала артиллерію, чтобы безъ приказанія не отступала, командовать: «полкъ кругомъ, равненіе по такой-то ротѣ, шагомъ, маршъ», и подать сигналъ: «стрѣлки назадъ». Затѣмъ смотрѣть, пойдутъ ли стрѣлки и роты, ближайшія къ батареямъ *). Если гдѣ либо пойдутъ — пристыдить, не пойдутъ — похвалить. Затѣмъ приказать артиллеріи начать отступленіе и смотрѣть, выждутъ ли ближайшія роты на столько, чтобы начать отступленіе, когда батарея ихъ минуетъ. Затѣмъ, приказать нѣкоторыя орудія распречь и бросить; смотрѣть, отрядятъ ли сосѣдніе ротные командиры команду забрать ихъ. Если отрядятъ, дать протащить шаговъ десять, пятнадцать, и снова приказать запречь; а не отрядятъ — пристыдить и приказать распорядиться.

Точно также показывается, и на томъ же ученьи, атака батареи. Собравъ офицеровъ и сказавъ имъ, что такъ какъ артиллерія безъ прикрытія никогда не становится и людей въ ней мало, а огонь силенъ, то слѣдуетъ на батарею пускать только цѣпь, а сомкнутыя части направлять на прикрытіе **). Затѣмъ, приказать ротамъ первой линіи двинуться впередъ шаговъ на семьсотъ, и забрать съ собою по дорогѣ половину стрѣлковъ, остановиться, повернуть кругомъ, прикрыться цѣпью и начинать атаку по указанному. Роты второй линіи обращаются въ прикрытіе артиллеріи и встрѣчаютъ атаку нѣсколько впереди батарей, разумѣется насквозь.

Вотъ и все. При навыкѣ руководящаго, такое ученье беретъ отъ двухъ до трехъ часовъ на полкъ, и одного его достаточно, чтобы во весь лагерь никто не попался въ какой либо ошибкѣ относительно артиллеріи.

А между тѣмъ, кому неизвѣстно, что теперь, пока такихъ

---

*) Напоминается, что на позиціи названіе батареи принадлежитъ всякому числу орудій.

**) Это говорится при началѣ ученья вмѣстѣ съ прочимъ, чтобы не терять времени на новый сборъ офицеровъ.

ученій нѣтъ, замѣчается обратное, т. е. ни одного лагеря не проходитъ, чтобы не попало въ шапку, и не разъ, за невниманіе къ прикрытію артиллеріи? Нужно сначала показать, какъ это дѣлается, а потомъ уже требовать; и тогда однѣ и тѣ же ошибки не будутъ повторяться изъ года въ годъ.

Мы не можемъ придумать болѣе ни одного случая, сверхъ изложенныхъ, для показанія взаимныхъ отношеній пѣхоты и артиллеріи; съ благодарностію примемъ всякое новое къ нимъ добавленіе. Область практическаго примѣненія всякаго теоретическаго начала тактики до того обширна, что пріемы этого примѣненія могутъ быть выработаны только при дружномъ содѣйствіи всѣхъ интересующихся дѣломъ.

18.

Походная и сторожевая службы въ настоящее время не въ авантажѣ обрѣтаются, и опять по той же, часто упоминаемой, причинѣ отсутствія разложенія теоріи въ практическіе пріемы приложенія ея къ дѣйствительности. Внѣшнюю сторону, такъ сказать чертежикъ того и другого, мы знаемъ; но и только. Вѣдь для того, напримѣръ, чтобы при движеніи нѣсколькихъ колоннъ пріучить заблаговременно доносить о приближеніи, держать связь, т. е. посылать разъѣзды, посылать донесенія съ мѣстъ остановки вольной и, въ особенности, невольной, идти или не идти на выстрѣлы, нужно все это показать хоть разъ основательно, т. е. на ученьи, исключительно для такого показа назначенномъ: тогда и будутъ дѣлать. На маневры для усвоенія всего этого, опять-таки, разсчитывать нельзя, такъ какъ тамъ нужно не учиться, а примѣнять уже изученное. Маневру всегда есть опредѣленная цѣль, достиженіе которой до такой степени занимаетъ и старшаго начальника, и его подчиненныхъ, что упущенія такихъ мѣръ неминуемы, если только онѣ заблаговременно не обращены въ рутину. А между тѣмъ, кажется излишне доказывать, что, въ дѣлѣ, отъ одного подобнаго недонесенія, несвоевременнаго сближенія, или обратно, несближенія на выстрѣлъ, можетъ зависѣть иногда судьба всего отряда.

Считаемъ излишнимъ разлагать подобное ученье въ практическіе пріемы, такъ какъ они должны быть ясны для каждаго сколько нибудь знающаго теорію маршей въ сферѣ опасности отъ непріятеля. Замѣтимъ только, что при пособіи конвертовъ, которые начальники колоннъ должны распечатывать въ извѣстное

время, или въ извѣстномъ мѣстѣ, представляется полная возможность ознакомить каждаго изъ этихъ начальниковъ со случайностями марша и со способами, если не совершенно парализировать, то, по крайней мѣрѣ, возможно уменьшить неблагопріятныя послѣдствія этихъ случайностей.

19.

Сторожевая служба вся заключается въ поискахъ за непріятелемъ, и въ препятствіи его поискамъ за нашими войсками. Но чтобы выучиться искать непріятеля, нужно, въ мирное время, хотя что нибудь искать, т. е. опять-таки, нужно давать солдату осязательную цѣль для розысковъ *). Если ея нѣтъ, усваивается только чертежъ, внѣшняя сторона сторожевой службы, но о сущности ея даже и представленія не дается. Пріемъ для практики въ сторожевой службѣ на ходу предложенъ уже нѣсколько лѣтъ, но еще не привился; заключается онъ, какъ читающему офицерству извѣстно, въ заблаговременной высылкѣ по пути движенія людей, которые прятались бы, а идущіе въ сторожевой цѣпи разыскивали бы ихъ.

Для практики въ сторожевой службѣ на мѣстѣ мы предлагаемъ слѣдующій пріемъ: съ отдѣленіемъ потребнаго числа людей для патрулей, рота ставится вся въ сомкнутый кругъ, лицомъ въ поле, звено отъ звена на сторожевомъ разстояніи. Внутри круга должно быть положено десятокъ, другой, какихъ нибудь легкихъ предметовъ, напримѣръ, сумокъ или чего нибудь въ этомъ родѣ. На нѣкоторомъ разстояніи ставится такой же другой кругъ и съ такимъ же складомъ въ серединѣ. Ночью роты посылаютъ взаимно другъ къ другу людей съ тѣмъ, чтобы прокрасться сквозь цѣпь и принести что либо изъ положеннаго внутри круга; а цѣпь должна смотрѣть, конечно, чтобы прокрадывающихся такимъ образомъ людей не пропускать. Этимъ путемъ вниманіе людей притягивается именно къ тому, что прежде всего нужно помнить, стоя въ сторожевой цѣпи, т. е. не пропускать къ себѣ непріятеля, и ловко пролѣзать къ нему черезъ его сторожевыя линіи.

Когда курсъ тактики будетъ разложенъ въ рядъ практическихъ пріемовъ въ показанномъ смыслѣ; когда строевой офицеръ или солдатъ усвоятъ наглядно тактику (что кому нужно), даже, пожалуй, и не подозрѣвая, что именно это и есть тактика; тогда, и

*) И въ этомъ смыслѣ даже баба, разыскивающая грибы или ягоды въ лѣсу, гораздо болѣе подготовлена къ сторожевой службѣ, чѣмъ солдаты въ большинствѣ европейскихъ армій.

только тогда, вполнѣ осмыслятся и теоретическія чтенія, и теоретическія упражненія, къ которымъ мы относимъ и военную игру. Многіе этого не признаютъ, и считаютъ для строеваго офицера полезными такія занятія, которыя имъ самимъ принесли пользу. Пропускается при этомъ одно: они могли посвятить тому годы, чему строевой офицеръ и часовъ иногда посвятить не можетъ. Въ виду этого, и въ занятіяхъ офицеровъ тоже необходима іерархизація, которая въ тактическомъ образованіи должна быть слѣдующая: тактика въ полѣ, чтеніе плановъ на мѣстности, бесѣды, какъ напоминаніе и дальнѣйшее развитіе усвоеннаго въ полѣ, задачи на планахъ, и затѣмъ уже, пожалуй, военная игра: да и то тамъ только, гдѣ есть руководитель, понимающій сильныя и слабыя стороны этого послѣдняго занятія; понимающій, что, при малѣйшемъ невниманіи, военной игрой можно извратить понятія гораздо дѣйствительнѣе, нежели нелѣпымъ чтеніемъ. Что толку въ томъ, если офицеръ усвоитъ военно-игорную тактику и пріобрѣтетъ нѣкоторую ловкость въ передвиганіи шашекъ по плану, а съ плана на мѣстность, и обратно, перенестись не умѣетъ? Не подойдетъ ли такое образованіе его подъ тотъ идеалъ, который такъ мѣтко выражается народной поговоркой: «хоть безъ портокъ, да въ шляпѣ»? Всякое дѣло нужно начинать сначала и не увлекаться роскошью, когда и необходимаго нѣтъ. Нужно въ особенности соразмѣрять желанія со свойствами той среды, къ которой они обращаются. Если этого нѣтъ, платоническая любовь къ развитію такъ и останется платоническою, т. е. плода отъ нея не будетъ.

И рядомъ съ этимъ платоническимъ стремленіемъ къ развитію являются иногда самымъ простодушнымъ манеромъ высказываемыя отрицанія того, безъ чего даже и такое бѣдное развитіе немыслимо. Попадаются иногда, напримѣръ, печатные возгласы въ родѣ слѣдующаго: «уже пора тактикѣ совершенно· бросить рутинный катехизисъ правилъ: нерѣдко ученикъ ихъ зубритъ, не понимая смысла выраженій; за стѣнами училища они сейчасъ же забываются и египетская работа памяти не оставляетъ никакихъ слѣдовъ». Тактика въ нашихъ заведеніяхъ лѣтъ пятнадцать уже идетъ отъ той идеи, что она занимается изслѣдованіемъ свойствъ боевыхъ элементовъ, а не постановкою правилъ для дѣйствій. Отсюда замѣтное развитіе задачъ, небезъизвѣстное, вѣроятно, и автору приведенныхъ словъ. Слѣдовательно, если онъ вооружается противъ правилъ, то подъ ними разумѣетъ, вѣроятно, тѣ законы, которые вытекаютъ изъ изслѣдованія свойствъ; но вѣдь безъ предварительнаго знанія этихъ законовъ немыслимы ни занятія воен-

ной игрой, ни примѣненіе методы Верди *). Прежде чѣмъ учиться примѣнять, нужно знать, что предстоитъ примѣнять. Слова нѣтъ, въ школахъ попадаются экземпляры, непонимающіе смысла выраженій; но, во-первыхъ, гдѣ же они не попадаются? Вѣдь и геометрическія теоремы задалбливаютъ нѣкоторые; слѣдуетъ ли изъ этого, что можно приступить прямо къ рѣшенію геометрическихъ задачъ, не зная геометріи? Во-вторыхъ, зачѣмъ же существуетъ преподаватель, какъ не затѣмъ, чтобы разъяснять непонятое? Правда и то, что за стѣнами школы многое забывается; но забывается многое не потому, чтобы оно было безполезно, а потому, что въ большинствѣ частей изученное въ школѣ не примѣняется въ жизни. Мы встрѣчали людей, отлично читавшихъ карту въ школѣ и неумѣвшихъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, рѣшать самыхъ простыхъ задачъ перехода съ плана на мѣстность и обратно. И встрѣчали при томъ не между одними строевыми офицерами... Слѣдуетъ ли изъ этого, что учить чтенію плана безполезно?

Упражненія по методѣ Верди, или по просту, путемъ задачъ, не исключаютъ теоріи, а предполагаютъ предварительное знакомство съ нею, и знакомство основательное. «Картины фантазіи», какъ бы ни были онѣ художественны, все же остаются «картинами фантазіи». Пользоваться ими можетъ только тотъ, кто усвоилъ самостоятельный взглядъ на предметъ и, слѣдовательно, можетъ относиться критически даже къ фактамъ, не говоря уже о картинахъ». Всякій, вѣроятно, согласится, что на одну и ту же тему, которую взялъ Верди, можно написать много картинъ столь же дѣльныхъ и въ то же время непохожихъ на его картину. Слѣдовательно, кто думаетъ, будто по Верди и по военной игрѣ можно выучиться тактикѣ, безъ предварительной теоретической подготовки, проводить, — незавѣдомо можетъ быть для самого себя, — ту несообразность, что будто бы общихъ формулъ извѣстнаго дѣла знать не нужно, а достаточно знать нѣсколько частныхъ случаевъ ихъ осуществленія, дабы усвоить себѣ все дѣло **).

Теорія тактики, строго ограниченная изслѣдованіемъ свойствъ

---

*) Которая, между прочимъ, не должна бы, кажется, представлять ничего новаго для воспитанниковъ нашей академіи генеральнаго штаба, а только дальнѣйшее развитіе давно имъ извѣстнаго стараго.

**) Сказанное относится даже къ тѣмъ офицерамъ, которые имѣютъ достаточно времени на занятія военной игрою. Теорія до такой степени неизбѣжна въ нашемъ дѣлѣ, что, даже при разложеніи тактики въ практическіе полевые пріемы, неминуемо должна предшествовать показанію всякаго подобнаго пріема. См. выше, статью о прикрытіи артиллеріи.

войскъ и обстановки, не залѣзая въ постановку правилъ для дѣйствія, не можетъ быть упразднена, и занятія по методѣ Вердисоставляютъ не курсъ тактики, а только полезное къ нему дополненіе въ смыслѣ знакомства съ тѣмъ отдѣломъ, котораго теорія тактики не должна касаться; именно съ отдѣломъ дѣйствій, принимая это слово въ обширномъ смыслѣ, такъ какъ и постановка на бивакъ, и учрежденіе марша тоже есть «дѣйствіе», какъ и самое сраженіе.

Итакъ, будемъ помнить, что до тѣхъ поръ, пока теорія тактики не будетъ разложена въ рядъ практическихъ пріемовъ примѣненія ея въ полѣ, знаніе ея въ войскахъ не будетъ живое знаніе. Будемъ работать съ проста и отъ сердца въ мирное, драться отъ сердца въ военное время, и, съ Божьею помощью, не хуже другихъ покажемся на томъ страшномъ испытаніи, на которомъ для порядочнаго человѣка средины между гибелью и побѣдой быть не должно.

II.

1.

Чтобы научиться тактикѣ на столько, сколько это въ мирное время возможно, немного надобно. Надобно, во-первыхъ, со стороны начальниковъ, чтобы они не только говорили и писали, что она строевому офицеру необходима, но и требовали бы ея знанія на смотрахъ: знанія практическаго, а не теоретическаго; выражаемаго распоряженіемъ въ полѣ, а не изустнымъ изложеніемъ. Слѣдовательно, нужно повѣрять это знаніе такъ же, какъ повѣряется знаніе стрѣльбы, фехтованія, строевыхъ нормъ. Надобно, во-вторыхъ, со стороны офицеровъ, чтобы они вносили въ это дѣло хотя нѣкоторую долю того здраваго смысла и сердечнаго участія, которые каждый изъ нихъ полностію вноситъ въ свои личныя дѣла. Надобно, наконецъ, помнить тѣмъ и другимъ, что въ практическомъ дѣлѣ, каково наше, гораздо полезнѣе разъ показать, чѣмъ десять разъ разсказать, двадцать прочитать.

О послѣднемъ изъ этихъ условій уже довольно говорилось; и къ сказанному прибавимъ на этотъ разъ немногое: человѣкъ, который только слышалъ или читалъ о какомъ либо практическомъ дѣлѣ, но не видѣлъ его исполненія, находится къ нему въ положеніи слѣпаго, которому говорятъ о цвѣтахъ, до тѣхъ поръ, пока самъ въ очію не увидитъ какъ это дѣло дѣлается. Это фактъ, дѣйствительность коего всякій могъ повѣрить на себѣ, какіе нелѣпые отпечатки въ сознаніи оставляетъ чтеніе или разсказъ о предметѣ, котораго человѣкъ не видѣлъ. Весьма мало людей, способныхъ по разсказанному или прочитанному исполнить что либо новое и незнакомое; и, наоборотъ, весьма много такихъ, которые только разъ увидѣвъ дѣло, легко сами его сдѣлаютъ *).

*) Разумѣемъ, конечно, такія дѣла, которыя или не требуютъ технической подготовки, или же для коихъ человѣкъ уже обладаетъ такой подготовкой; но только примѣнялъ ее до того въ исполненіи другого дѣла.

Слово—орудіе, до крайности несовершенное для выраженія дѣла; какъ бы вы точно ни разсказывали, всегда остается чрезвычайно много недомолвокъ, которыя для васъ, знающаго дѣло, сами собою разумѣются; а для вашего слушателя, не знающаго и не видѣвшаго его, весьма и весьма требуютъ разъясненія. Это въ полной мѣрѣ вѣрно не только относительно предмета, совершенно неизвѣстнаго, но даже относительно новыхъ пріемовъ въ предметѣ извѣстномъ. Между тѣмъ глазъ, наглядка даютъ сразу дѣло, во всемъ его объемѣ.

Два первыя условія стоютъ того, чтобы на нихъ остановиться подолѣе.

Требованіе тактическихъ знаній до сихъ поръ не выходитъ изъ области платоническихъ стремленій въ большинствѣ случаевъ. Пишутъ, что нужно заняться; требуютъ задачъ на планахъ, не освѣдомившись, достаточно ли усвоено чтеніе плана на мѣстности; иногда даже готовы не щадить издержекъ, дабы доставить офицерамъ возможность заняться теоретически; но приходитъ смотръ— и дѣло ограничивается тою же повѣркою отчетливости уставныхъ нормъ; тѣмъ же счетомъ лошадей, которыя заскакиваютъ на рыси, при движеніи справа по три разомкнутыми рядами; а о примѣненіи уставныхъ нормъ къ дѣлу, о тактикѣ однимъ словомъ, и помину нѣтъ. Нечему послѣ этого удивляться, если то, что требуется на самомъ дѣлѣ, продѣлывается отлично хорошо; а то, о чемъ пишутъ, но не требуютъ, или же только вскользь требуютъ, оставляется безъ вниманія. Въ предметахъ, коихъ вся сущность въ исполненіи, ни одно теоретическое знаніе не можетъ укорениться безъ приложенія; мало того: и интереса никакого нѣтъ имѣть это знаніе, если оно не прилагается. Могутъ возразить: а маневры? На манервы нужно выходить уже съ знаніемъ прикладнаго устава, а не для пріобрѣтенія этого знанія. Тактика тоже имѣетъ свою детальную подготовку, которая столь же необходима, какъ и подготовка къ строю; и повѣрять которую не менѣе важно, какъ и повѣрять, напримѣръ, стрѣльбу, строй и проч. какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ другихъ родахъ оружія.

Намъ, кажется, что если повѣрка ротныхъ, баталіонныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ ученій на смотрахъ будетъ неизмѣнно кончаться заданіями пѣхоты, конницы, артиллеріи въ различныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ, при разнообразной обстановкѣ, и требованіемъ отвѣта на эти заданія (отвѣта распоряженіемъ, а не изустнаго), всѣ офицеры весьма скоро ознакомятся съ тактикою; и притомъ въ полѣ, а не изъ книжки; ознакомятся даже и въ томъ случаѣ, если о тактикѣ въ приказахъ не будетъ

написано ни слова *). Человѣкъ подначальный до крайности чутокъ къ сердечнымъ влеченіямъ начальства и естественно стремится удовлетворить этимъ влеченіямъ, выражающимся вѣдь въ томъ, что̀ и какъ требуется, а не въ томъ, что̀ пишется и даже говорится.

При такомъ порядкѣ смотровъ неизбѣжны будутъ поправки и разъясненія, почему нужно дѣлать такъ, а не иначе; возникнетъ, слѣдовательно, изъ самаго дѣла, тутъ же, на полѣ, обмѣнъ мыслей, т. е. именно то, что необходимо и для всесторонняго знакомства съ дѣломъ, и для того, чтобы оно не приняло ложнаго направленія. Всякій будетъ видѣть, что безъ знанія обойтись нельзя, по необходимости начнетъ почитывать и при томъ съ бо̀льшимъ толкомъ и интересомъ чѣмъ до того, ибо будетъ читать о томъ, что уже видѣлъ.

Второе условіе — внесеніе здраваго смысла и участія въ тактическія упражненія, явится само собою, какъ слѣдствіе подобной системы смотровъ. Многіе приписываютъ недостатокъ тактической сметки неразвитости и недостатку образованія массы военнослужащихъ, и приписываютъ совершенно ошибочно: большинство тѣхъ, которые кажутся такими несмѣтливыми на маневрахъ, являются весьма толковыми и находчивыми людьми въ частной жизни, въ управленіи ротою или баталіономъ. Ясно, что тутъ дѣло не въ недостаткѣ силы, а въ недостаткѣ практическаго навыка прилагать ее въ спеціальной сферѣ. Возьмите самаго толковаго, но только теоретически подготовленнаго офицера, и заставьте его не то что маневрировать, а прокомандовать самое простое построеніе: навѣрное или ошибется, или заторопится, или опоздаетъ, т. е. все равно напутаетъ. Это всякому извѣстно; и никто не припишетъ подобной ошибки неразвитости или недостатку образованія, а просто отнесетъ къ недостатку практическаго навыка. Но когда рѣчь о тактикѣ, дѣло происходитъ не такъ: ставятъ сложныя задачи людямъ, которые не изучили дѣла по частямъ **), получаютъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, ошибочныя рѣшенія и сами же потомъ не только удивляются, но иногда и возмущаются, по-

*) Точно также должно быть повѣряемо знаніе сторожевой службы и движеній съ военными предосторожностями. Если строевой офицеръ будетъ все это умѣть дѣлать, тактическое образованіе его можно считать полнымъ.

**) Т. е. поступаютъ такъ, какъ поступилъ бы напр. учитель, потребовавшій отъ учениковъ чтенія, не справившись знаютъ ли они склады. Напоминаемъ, что уставные типы, прикладной уставъ, маневрированіе находятся между собою въ отношеніи азбуки, складовъ, чтенія; разумѣется, чтеніе крайне несовершеннаго, ибо въ немъ не достаетъ цѣлой половины алфавита, представляемой непріятелемъ и дѣйствіемъ оружія.

лучивъ такой результатъ. Подчиненному, разумѣется, не вдомекъ, что его заставили читать, не показавъ складовъ; онъ видитъ только, что начальство огорчается его неумѣньемъ и самъ приходитъ къ убѣжденію, что это дѣло ему не по силамъ. А какъ только это убѣжденіе сформировалось—пиши пропало: уже давно извѣстно, что достаточно человѣку вообразить о самомъ ничтожномъ дѣлѣ, что оно для него невозможно, дабы оно дѣйствительно стало для него невозможнымъ. И такимъ-то образомъ мы, съ самыми лучшими иногда намѣреніями, думая достигнуть скорѣе цѣли, т. е. тактическаго образованія войскъ, наидѣйствительнѣйшимъ образомъ поступаемъ, чтобы отдалить ее... Къ этому присоединяется еще и со стороны подчиненныхъ опасеніе сдѣлать, какъ говорится, какую нибудь глупость; а то же давно извѣстно, что никогда больше не дѣлаешь глупостей, какъ когда боишься сдѣлать ихъ.

При такомъ веденіи дѣла, основанномъ, незавѣдомо конечно для самихъ руководителей, просто на запугиваніи, нельзя ожидать, чтобы здравый смыслъ принималъ участіе въ рѣшеніяхъ; онъ вступаетъ въ свои права только тогда, когда человѣкъ уразумѣетъ, что это «его ума дѣло»; нельзя ожидать также, чтобы человѣкъ отъ сердца отнесся къ дѣлу, которое принялъ за недоступное для себя.

Кто все это возьметъ въ разсчетъ, тотъ согласится, вѣроятно, что офицерство путаетъ на маневрахъ, въ большинствѣ случаевъ, не по неразвитію, а просто потому, что не знаетъ, чего отъ него хотятъ.

Какъ только дать ему это понять, т. е. дать себѣ трудъ провѣрить его въ прикладномъ уставѣ по частямъ прежде, чѣмъ дѣлать маневры, всякій сразу увидитъ, что въ этомъ дѣлѣ хитрости никакой нѣтъ; что чѣмъ проще за него браться, чѣмъ свободнѣе пускать въ ходъ свой здравый смыслъ, тѣмъ лучше: убѣжденіе, которое для многихъ явится положительнымъ открытіемъ. Какъ это ни страннымъ можетъ показаться, но оно такъ; большинство офицеровъ расположено подозрѣвать и ни вѣсть какую хитрость въ пріемахъ, совокупность которыхъ составляетъ тактику; къ этому приводятъ: и система занятій, представляющая скачки и не чуждая запугиванія; и иностранное названіе; и наконецъ туманъ, который большинство пишущей братіи напускаетъ въ дѣло, до крайности простое и удобопонятное *). Только увидѣвъ на дѣлѣ какъ и что дѣлается, человѣкъ прозрѣваетъ, что «не святые горшки лѣ-

*) Въ подтвержденіе сошлемся хоть на Шерфа, одержимаго старой нѣмецкой болѣзнью—о самыхъ простыхъ вещахъ не говорить просто.

пять»; а въ сознаніи этого почерпается и довѣріе къ собственнымъ силамъ, и пониманіе, и происходящее изъ него участіе къ дѣлу: ибо послѣднее возникаетъ только тогда, когда человѣкъ понимаетъ дѣло и видитъ, что оно ему по силамъ.

Въ немалое затрудненіе ставитъ и къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ иногда приводитъ также и непривычка начальниковъ формулировать заданіе: подчиненный зачастую его не можетъ понять, а переспросить боится; почему боится—понятно. И нельзя горячо не пожелать, чтобы начальники, начиная съ ротныхъ командировъ, поработали надъ собою для пріобрѣтенія навыка говорить коротко и опредѣлительно—школа трудная, но необходимая военному человѣку: отъ того, что всѣ говорятъ, рѣдко кому приходитъ въ голову обратить вниманіе на то, какъ мало людей, которые отъ природы ясно, опредѣлительно и коротко говорятъ. Слѣдовательно, нужно въ себѣ вырабатывать эту способность; нужно и въ подчиненныхъ утвердить навыкъ непремѣнно переспрашивать приказаніе, если оно не вполнѣ понято. Всякій, и начальникъ, и подчиненный, долженъ постоянно помнить, что лучше 20-ть разъ переспросить, чѣмъ разъ напутать; и первымъ не уставать повторять приказаніе и не отбивать охоты переспрашивать нетерпѣливыми или рѣзкими замѣчаніями.

Послѣдствія подобной постановки дѣла будутъ уже и тѣмъ благодѣтельны, что вызовутъ такое вниманіе на маневрахъ и ученьяхъ, какого теперь нѣтъ и быть не можетъ: ибо, еще разъ, вниманіе и участіе могутъ быть слѣдствіемъ только пониманія; быть внимательнымъ къ тому, чего не понимаешь, невозможно. И въ этомъ разгадка той апатіи въ строю, на которую въ наше время жалуются весьма многіе. Прежде чѣмъ жаловаться, не мѣшало бы подумать надъ тѣмъ, не сами ли разводимъ то, на что потомъ жалуемся?.. Всякій знаетъ, что для поділокъ изъ желѣза нужно, прежде всего, знать свойства желѣза; для отливки чего-либо изъ чугуна, нужно знать свойства чугуна: и до какой температуры его расплавить, и какъ форму приготовить, и какъ потомъ охладить и т. д.; и весьма немногимъ приходитъ въ голову, что для того, чтобы что нибудь сдѣлать изъ человѣка, нужно прежде всего знать свойства человѣка и съ ними сообразоваться...

2.

Введеніе прикладнаго устава въ систему занятій будетъ имѣть послѣдствіемъ и выясненіе роли строеваго устава въ образованіи войскъ, роли, которую теперь одни не въ мѣру ограничиваютъ,

другіе, по старой памяти, не въ мѣру разширяютъ. Дѣло въ томъ, что при послѣдовательной разработкѣ прикладного устава по родамъ оружія, становится яснымъ какъ день, что боевымъ потребностямъ одними существующими уставными типами удовлетворить нельзя. Неоспоримо съ другой стороны и то, что включать въ уставъ всѣ видоизмѣненія типовъ, какія только могутъ быть вызваны боевой обстановкой, тоже невозможно: какъ потому, что ихъ множество, и никто не въ состояніи былъ бы изучить подобнаго устава; такъ и еще болѣе потому, что дѣло здѣсь не въ запоминаніи формъ, но въ умѣньи во всякую данную минуту импровизировать форму, соотвѣтствующую обстановкѣ, въ какой часть находится. И такъ, видоизмѣненіе уставныхъ типовъ вызывается въ бою часто; во-вторыхъ, оно должно быть предоставлено личной находчивости каждаго непосредственнаго начальника части. Но если это вѣрно, то какое же послѣ этого строевой уставъ можетъ имѣть значеніе? Не лишняя ли это обуза? Оно такъ и кажется увлекающимся новаторамъ, которые, пройдя суровую ферулу строевого устава, помнятъ ея неудобства и непріятности, но забываютъ, чѣмъ они ей обязаны *). Уставные типы никогда не утратятъ своего значенія: во-первыхъ, какъ отправная точка въ изученіи походныхъ и боевыхъ формъ; во-вторыхъ, какъ лучшая практика въ управленіи частями и, главное, въ изученіи духа и буквы командного лексикона **). Этотъ послѣдній и есть та коренная часть устава, которая можетъ и въ бою пригодиться; ибо усвоивъ ее основательно, офицеръ можетъ исполнить любое изъ примѣнимыхъ въ бою и въ уставѣ неуказанныхъ построеній совершенно строевымъ образомъ: точно, отчетливо, ни на минуту не выпуская людей изъ рукъ. Вотъ въ чемъ значеніе строеваго устава и чего въ немъ слѣдуетъ искать; каждый порядочный офицеръ долженъ усвоить командный лексиконъ такъ, чтобы въ десяткѣ-другомъ словъ всегда найти потребныя ему для выраженія его воли во всякомъ данномъ боевомъ случаѣ; уставные типы служатъ ему только частнымъ примѣромъ того, какъ команды примѣняются къ дѣлу и какъ строй долженъ ихъ исполнять. Но въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ арміяхъ господствуетъ еще обратный взглядъ: не

---

*) Къ числу такихъ новаторовъ принадлежитъ, между прочимъ, и Богуславскій, такъ сильно возстающій противъ развитія сомкнутаго строя, не замѣчая того, что образовательное и, въ особенности, воспитательное значеніе принадлежитъ именно этому строю, ибо солдатъ на немъ пріучается къ тишинѣ, вниманію, немедленному исполненію и дѣйствіямъ съобща.

**) Т. е. системы командныхъ словъ. Ихъ немного; но нужно научиться такъ ихъ комбинировать, чтобы строй васъ понималъ во всякомъ неуставномъ случаѣ, и исполнялъ любое построеніе.

командами, которыя даетъ уставъ, пользуются, но заучиваютъ только тѣ немногіе случаи построеній, на которыхъ въ уставѣ показано примѣненіе командъ къ дѣлу. Результатъ понятенъ: всякій боевой случай, требующій строя, въ уставъ непопавшаго, застаетъ и офицеровъ, и людей врасплохъ; привыкнувъ пользоваться командами только для воспроизведенія уставныхъ типовъ, офицеры въ подобныхъ случахъ и не прибѣгаютъ къ командамъ, и дѣло кончается кучей или разбродомъ. Это и даетъ поводъ, акуратно послѣ каждой войны, накидываться на уставъ, какъ на несоотвѣтствующій боевымъ требованіямъ; явленіе, тѣмъ болѣе комичное, что обнаруживаетъ въ самихъ порицателяхъ устава непониманіе его натуры. А натура его въ томъ, что всѣхъ формъ, какія могутъ понадобиться въ бою, онъ дать не можетъ: слѣдовательно, этой стороной онъ никогда не соотвѣтствовалъ и никогда не будетъ соотвѣтствовать боевымъ требованіямъ; но онъ даетъ всѣ команды для построенія любой изъ боевыхъ формъ. Эта послѣдняя сторона устава можетъ имѣть обширное примѣненіе и въ бою, если офицеры въ мирное время возьмутъ навыкъ употреблять, а люди исполнять команды въ любомъ построеніи, а не въ уставныхъ только.

Такое отношеніе къ строевому уставу мы считаемъ болѣе правильнымъ, чѣмъ господствующее теперь; и его можно привить большинству только тогда, когда въ ряду занятій дадутъ прикладному уставу надлежащее мѣсто, т. е., когда не въ видѣ исключенія, но постоянно будутъ ставить части *) въ необходимость строить такія боевыя **) формы, которыхъ не найдешь ни въ одномъ уставѣ. Тогда и на войнѣ уставъ пригодится; тогда и въ

---

*) Разумѣется, предварительно выдержанныя на совершенно отчетливомъ исполненіи уставныхъ типовъ.

**) Просимъ обратить вниманіе, что мы разумѣемъ только боевыя, т. е. примѣнимыя въ бою формы. Прикладной уставъ тоже можетъ повести, и притомъ къ страшнымъ увлеченіямъ: былъ же въ концѣ прошлаго вѣка одинъ французъ-маневристъ, который изъ своей части строилъ „Vive le Roi“ и приводилъ этимъ въ восторгъ. Былъ и прусакъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, который, уча баталіонъ на ровномъ плацу примѣненію къ мѣстности, предполагалъ гору и командовалъ: „ребята! да сгибайте же колѣни: вѣдь вы поднимаетесь на гору!“ Чтобы не зарваться въ направленіи этихъ господъ, нужно постоянно имѣть въ виду:

1) Непремѣнно передъ всякимъ построеніемъ назначать родъ противника, разстояніе до него и направленіе, въ которомъ онъ предполагается; простѣйшія построенія не только предпочитать сложнымъ, но и вовсе этихъ послѣднихъ не допускать.

2) Послѣ каждаго подобнаго перестроенія возвращаться къ уставной формѣ, отъ которой оно начато, и только потомъ дѣлать новое предположеніе.

3) Относительно мѣстности не давать воли своей фантазіи, т. е. для показанія различныхъ случаевъ пользоваться дѣйствительными канавами, рощами, деревнями, горами и т. п., а не предполагать ихъ.

мирное время перестануть усложнять его годъ отъ году ненужными мелочами, и мѣнять такъ часто, какъ то вошло теперь въ обыкновеніе почти во всѣхъ арміяхъ.

3.

Всякому должно быть извѣстно, что всѣ военныя занятія въ мирное время, за исключеніемъ внутренней и гарнизонной службы, составляютъ не службу, а только подготовку къ службѣ: имѣютъ, однимъ словомъ, чисто учебный характеръ и должны быть направляемы къ тому, чтобы сообщить войскамъ теоретическія и практическія знанія, полезныя на войнѣ и въ бою. Этотъ чисто учебный характеръ долженъ быть всецѣло признанъ и за маневрами, тѣмъ болѣе, что они представляютъ сводъ только того, что̀ составляетъ обстановку боя, но не весь бой. Къ сожалѣнію, это часто забываютъ, что̀ и обнаруживается въ стремленіи воспроизвѣсти маневромъ картину войны и боя: тутъ-то и начинаются обширныя стратегическія комбинаціи, игра въ побѣдителей и побѣжденныхъ; безплодно возбуждаются самолюбія, составляются незаслуженныя репутаціи. И, въ концѣ концовъ, войска возвращаются съ этихъ упражненій столь же почти невинными въ знаніи маневреннаго дѣла, какъ были и до упражненій. Изъ года въ годъ дѣлается то же самое, хоть и на разныхъ иногда мѣстахъ; и изъ года въ годъ повторяются однѣ и тѣ же элементарныя ошибки, показывающія, что настоящее, серьезное дѣло подвигается впередъ весьма мало; и то уже слава Богу, если не принимаетъ ложнаго направленія. Въ чемъ причина такого, во всякомъ случаѣ неутѣшительнаго qui pro quo? Такого ничтожнаго результата, пріобрѣтаемаго цѣною большихъ, иногда тяжкихъ усилій?

Причина въ томъ и заключается, что маневръ утратилъ свой учебный характеръ; что на немъ думаютъ не столько о привитіи войскамъ полезныхъ боевыхъ и военныхъ пріемовъ, сколько о воспроизведеніи военныхъ и боевыхъ картинъ. Многіе возразятъ вѣроятно: да не все ли это равно? Вѣдь воспроизводя военныя картины, мы учимъ по дорогѣ и полезнымъ военнымъ пріемамъ? Далеко не все равно. Начиная съ того, что въ военныхъ картинахъ мирнаго времени не достаетъ именно самыхъ существенныхъ сторонъ тѣхъ же картинъ въ военное время: понятно, что, занимаясь картинами, мы эти существенныя стороны *) отодвигаемъ

*) Онѣ суть: дѣйствіе оружіемъ, какъ холоднымъ, такъ и огнестрѣльнымъ; какъ въ одиночку, такъ и массами; вся внутренняя дѣятельность въ отрядѣ, направленная къ поддержанію связи, къ пониманію всякимъ, что дѣлаетъ и проч., и проч.

на задній планъ, а иногда и совсѣмъ упускаемъ изъ виду; во-вторыхъ, въ этомъ взглядѣ упущено одно изъ коренныхъ военно-педагогическихъ правилъ, заключающееся въ томъ, что, дабы выучить дѣлу, часто нужно прибѣгать къ пріемамъ, не только по внѣшности несходнымъ съ этимъ дѣломъ, но даже прямо ему противоположнымъ. Для воспроизведенія же картины того же самаго дѣла требуется прямое подражаніе внѣшности его.

На примѣрахъ это будетъ яснѣе. Положимъ, я хочу внушить солдату, что часовой никому не долженъ отдавать ружья *), ни принимать отъ кого либо подарки. Объяснивъ это солдату, я ставлю его на часы, и пытаюсь привести его къ тому, чтобы онъ или отдалъ мнѣ ружье, или взялъ отъ меня что нибудь; напримѣръ, деньги. Попадется ли онъ на эту ловушку или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ крѣпко усвоитъ, что, стоя на часахъ, ни того, ни другого дѣлать нельзя. Итакъ, цѣль достигнута, и притомъ средствомъ, прямо ей противоположнымъ. Точно также, для того, чтобы пріучить часть къ быстрому возстановленію порядка, нужно искусственно приводить ее въ безпорядокъ; чтобы пріучить устранять столпленіе или разрывъ, нужно нарочно направлять части такъ, чтобы то либо другое случилось; чтобы пріучить начальниковъ принимать донесенія осмотрительно и съ критикою, нужно подсылать ординарцевъ съ фальшивыми донесеніями, и проч. и проч.

Еще примѣръ: сквозныя атаки кавалеріи на пѣхоту въ разомкнутомъ строю, встрѣча этихъ атакъ пѣхотою въ томъ же строю, равно и сквозныя атаки пѣхоты на кавалерію. Съ точки зрѣнія картины, несообразность полная, такъ какъ пѣхота встрѣчаетъ кавалерійскія атаки въ дѣлѣ въ сомкнутомъ строю, и сама кавалерію никогда не атакуетъ; но дѣло въ томъ, что для успѣха въ бою атаки кавалеріи на пѣхоту и, обратно, для успѣха встрѣчи пѣхотою кавалерійской атаки, нужно, прежде всего, чтобы онѣ не боялись другъ друга; а этого ничѣмъ лучше достигнуть нельзя, какъ сквозными атаками. Кто это приметъ въ разсчетъ, тотъ и поймetъ, что сквозныя атаки, будучи несообразностью по внѣшности, т. е. съ точки зрѣнія картины боя, являются пріемомъ глубоко-логическимъ и цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія подготовки къ бою, или учебной. Не безъинтересно, наконецъ, и общее несходство всѣхъ видовъ сквозной атаки съ картиною атаки въ

*) Съ извѣстнымъ исключеніемъ.

бою: тамъ противники никогда насквозь другъ друга не проходятъ, а при сквозныхъ атакахъ всегда проходятъ.

Еще примѣръ: для показанія пѣхотѣ пріемовъ прикрытія артиллеріи, батарею приходится разбрасывать по протяженію боеваго порядка поорудійно. Съ точки зрѣнія картины это нелѣпо, а съ учебной точки раціонально, ибо пріемы прикрытія показываются въ кратчайшій срокъ возможно большему числу людей.

Наконецъ, съ точки зрѣнія картины, отрядъ наступающаго на маневрахъ всегда нужно дѣлать сильнѣе, ибо какъ же онъ иначе побѣдитъ? Съ точки зрѣнія учебной это не имѣетъ смысла: ибо на мирныхъ занятіяхъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго быть не можетъ; а все дѣло заключается въ томъ, чтобы одну сторону научить снаровисто наступать, а другую толково располагаться для обороны. Съ точки зрѣнія картины и маневръ не въ маневръ, если нѣтъ хлесткаго обхода, вслѣдствіе коего обошедшій торжествуетъ, а обойденный приходитъ въ уныніе и ничего не находитъ лучше, какъ отступать; съ точки зрѣнія учебной, за подобные обходы должно преслѣдовать, ибо они войска ничему не учатъ, а только прививаютъ имъ поголовно дурныя привычки, такъ какъ рабскій страхъ обходовъ отъ начальниковъ передается и солдатамъ.

Приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно для выясненія несходства между пріемами обученія военному дѣлу и внѣшними его проявленіями. Это несходство лежитъ въ натурѣ предмета, и должно быть принимаемо въ разсчетъ при соображеніи пріемовъ обученія, которые, имѣя въ виду данный результатъ, должны весьма часто отправляться отъ прямо противоположнаго этому результату, и весьма рѣдко отъ сходнаго съ нимъ по внѣшности. Кто этой противоположности не сознаетъ и гонится за военными картинами *), тотъ и получаетъ въ результатѣ подготовку войскъ не къ бою, а къ военнымъ представленіямъ только.

Величайшій изъ военныхъ педагоговъ, Суворовъ, сознавалъ это несходство, и послѣдовательно провелъ его по всей своей системѣ подготовки войскъ; этимъ и объясняется, почему формальные тактики до сихъ поръ ее понять не могутъ, находя ее странною и полною несообразностей. Дѣлать въ мирное время то, что не подходитъ по формѣ, по чертежу, къ тому, что дѣлается въ бою, имъ кажется нелѣпымъ. И обратно, точное воспроизведеніе боевой картинки **) или чертежа, хотя бы оно не

*) Т. е , за рабскимъ воспроизведеніемъ внѣшности того, что происходитъ въ бою.

**) Опять-таки безъ существенныхъ ея сторонъ.

будило въ душѣ ничего того, что возбуждается въ бою, кажется имъ идеаломъ, къ которому обученіе должно стремиться.

Итакъ, принимая за доказанное, что пріемы военнаго обученія не всегда сходствуютъ по внѣшности съ цѣлями его, и что маневры, какъ учебный пріемъ, не могутъ, уже по этому самому, имѣть главною цѣлью воспроизведеніе внѣшней картины войны и боя, посмотримъ, къ чему они должны стремиться и какой имѣть характеръ.

Бой—явленіе, въ высшей степени разностороннее; и первымъ для опредѣленія характера маневровъ, представляется вопросъ: что изъ происходящаго въ бою переходитъ въ обученіе почти *) въ томъ же видѣ, что можетъ быть передано съ измѣненіями, а что и вовсе не должно быть допускаемо въ мирныя упражненія?

Послѣднее и рѣшающее явленіе боя то, что одна сторона остается побѣдителемъ, а другая побѣжденнымъ. Кто смотритъ на маневры, какъ на картину боя, тотъ и на нихъ устраиваетъ побѣдителей и побѣжденныхъ, не взирая на то, что побѣда предполагаетъ борьбу; а ее-то на маневрѣ и нѣтъ: выходитъ, слѣдовательно, внѣшнее подобіе бою, внутренняя несообразность. Самая жалкая рухавка, а не то что регулярная сила, и та не уступитъ въ дѣлѣ одной демонстраціи дѣйствія; маневръ же и есть именно только демонстрація. Кто разумѣетъ маневры упражненіемъ учебнымъ, тотъ исключитъ изъ нихъ даже намекъ на то, будто на маневрахъ можно побѣждать и въ особенности быть побѣжденнымъ; тогда и самолюбіе, и мысль участниковъ, утративъ эту игрушку, обратится на дѣйствительно полезныя и усвоимыя въ мирное время вещи, т. е. на толковость расположеній и движеній и на внутреннее благоустройство маневра. Разъ не будетъ гоньбы за дешевыми лаврами, не будетъ и нелѣпыхъ страховъ, въ родѣ боязни обходовъ и тому подобнаго. Станутъ, напротивъ, нарочно ставить части подъ обходъ, дабы показать мѣры противодѣйствія ему, которыхъ теперь никто, или почти никто, не знаетъ, ибо всякій обыкновенно торопится отступать не только въ случаѣ серьезнаго обхода, но иногда даже передъ появленіемъ на флангѣ нѣсколькихъ всадниковъ. Развивается, слѣдовательно, не стойкость передъ бѣдой, а, напротивъ, уступчивость ей и крайняя впечатлительность начальниковъ въ мало-мальски затруднительныхъ положеніяхъ.

*) Говоримъ: почти; совершенно въ томъ же видѣ, какъ происходитъ въ бою, ничто не можетъ перейти въ мирное обученіе, ибо непріятеля нѣтъ

На войнѣ отступаютъ, а иногда и бѣгаютъ подъ натискомъ противника; картины бѣгства еще никто не продѣлывалъ, но отступленіе продѣлываютъ, не замѣчая того, что въ мирное время изъ дѣйствительнаго отступленія, кромѣ движенія назадъ, войскамъ ничего показать нельзя; а это движеніе показывать безполезно, ибо оно извѣстно изъ ученій. Вѣдь суть отступленія на дѣлѣ заключается въ томъ, что нужно отступать упорно: какъ же это показать въ мирное время? Слѣдовательно, упражнять въ отступленіи подъ видимымъ натискомъ значитъ не подготовлять къ бою, а портить для боя,—пріучать смотрѣть на отступленіе какъ на дѣйствіе столь же обыкновенное какъ наступленіе. Съ точки зрѣнія учебной упражненія въ отступленіи отвергаются по этому не только какъ безполезныя, но какъ вредныя *); съ точки зрѣнія картины безъ нихъ нельзя обойтись, ибо картина не выйдетъ полна.

Могутъ возразить, что и въ мирное время не безполезно показать, напримѣръ, заблаговременное занятіе позицій въ тылу отступающаго; совершенно такъ: но кто же мѣшаетъ показать это не подъ натискомъ, а въ видѣ просто послѣдовательнаго занятія позицій назадъ? Мы даже думаемъ, что отъ показа въ подобныхъ условіяхъ будетъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ подъ натискомъ, когда все дѣлается второпяхъ, кое-какъ, безъ малѣйшей даже мысли о томъ, что и какъ лучше сдѣлать.

Вообще съ точки зрѣнія картины всякое слишкомъ смѣлое движеніе къ противнику, молодецкій подскокъ артиллеріи, напримѣръ, строго осуждаются; съ точки зрѣнія учебной не должны ни въ какомъ случаѣ осуждаться: ибо думающій о картинѣ видитъ въ этомъ ошибку въ разстояніи, на которомъ отъ непріятеля должно останавливаться; думающій объ обученіи знаетъ, что на войнѣ нельзя быть довольно дерзкимъ, лишь бы дерзость была мотивированная, а не безсмысленная; лишь бы игра стоила свѣчъ. Съ точки зрѣнія картины набросятся въ подобномъ случаѣ на батарею за то, что ее могли бы взять; съ точки зрѣнія учебной должно наброситься, напротивъ, на того, кто пропускаетъ удобную минуту ее взять.

Съ точки зрѣнія картины рѣшительно все равно, возбуждаются ли и развиваются инстинкты отваги, предпріимчивости, или имъ противоположные, лишь бы картина была вѣрна; съ точки зрѣнія учебной—не велика бѣда, если картина выйдетъ и не со-

*) Это рѣшено еще Суворовымъ.

всѣмъ правдоподобна, лишь бы данъ былъ просторъ первымъ инстинктамъ и угнетались послѣдніе.

На войнѣ убиваютъ и ранятъ людей; съ точки зрѣнія картины можно учить людей притворяться если не убитыми, то хоть ранеными: въ этомъ бѣды большой нѣтъ, даже картина выходитъ правдоподобнѣе; съ точки зрѣнія учебной это развратъ.

Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе вдумываешься въ мирныя упражненія по отдѣлу обстановки боя, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что именно за вѣрностью картины и не слѣдуетъ гнаться, если не хотятъ привить войскамъ вредныя привычки; и что въ этой гонькѣ и лежитъ источникъ большинства маневренныхъ предразсудковъ, которые и въ дѣлѣ неминуемо дадутъ себя знать.

Ею же (т. е. гонькою за картинами) объясняются дикія попытки розыгрыша на маневрахъ уже бывшихъ сраженій, какъ пробовали во Франціи въ 60-хъ годахъ. Понятно, что подобная нелѣпость могла возникнуть вслѣдствіе непониманія вышепоставленнаго военно-педагогическаго принципа и происходящаго отъ того стремленія приблизиться возможно болѣе къ внѣшности боевыхъ явленій, упуская изъ виду ихъ сущность.

Какой же изо всего этого выводъ? Выводъ тотъ, что, сознавъ несходство пріемовъ обученія войскъ и внѣшней картины боя, слѣдуетъ разъ навсегда принять, что маневры должны быть только учебнымъ упражненіемъ и ничѣмъ болѣе, и въ зависимости отъ этого хлопотать на нихъ о привитіи войскамъ полезныхъ нравственныхъ настроеній, знаній и пріемовъ, хотя бы и въ ущербъ картинѣ, а не о воспроизведеніи картинъ въ ущербъ этимъ настроеніямъ, знаніямъ и пріемамъ. Выше показано, чего не слѣдуетъ допускать *) на маневрахъ, производимыхъ подъ вліяніемъ этого убѣжденія; теперь посмотримъ, на что̀ слѣдуетъ налегать и дѣлать по возможности сходно съ боемъ.

Эта послѣдняя категорія упражненій обнимаетъ собою дѣйствіе въ бою: матеріальное—оружіемъ, духовное—мыслью, распоряженіемъ. Въ этихъ отдѣлахъ чѣмъ ближе подойдемъ въ мирное время къ тому, что̀ нужно дѣлать въ бою, тѣмъ лучше.

Въ бою стрѣляютъ, рубятъ, колятъ: чѣмъ основательнѣе этому обучить войска въ мирное время, тѣмъ лучше. Въ бою и на войнѣ точность исполненія приказаній (по духу, а не по буквѣ); пониманіе всякимъ **) того, что предстоитъ дѣлать; связь во всемъ

*) Т. е. побѣдителей и побѣжденныхъ, отступленія, мнимо раненыхъ, сложныхъ предположеній и хитрыхъ движеній.

**) Напоминаемъ великое слово Суворова: „всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“.

отрядѣ до того всепроникающая, чтобы онъ ни на мгновеніе не переставалъ быть однимъ организмомъ, одушевленнымъ одною волею, одною мыслію, составляютъ первое условіе успѣха: этому должно учить въ мирное время, какъ важнѣйшему. На войнѣ малѣйшая неясность приказанія или нарушеніе установленнаго порядка въ его передачѣ могутъ повести къ безповоротной катастрофѣ—должно обращать усиленное вниманіе на то, чтобы начальники выработали въ себѣ навыкъ выражать приказанія кратко и опредѣлительно, ударяя на цѣль и не вдаваясь въ средства исполненія; чтобы они подготовили себѣ такихъ передатчиковъ приказаній, которые исполняли бы это дѣло не путаясь и не путая другихъ.

На войнѣ, какъ при исполненіи гарнизонной службы, всякій, отъ солдата до главнокомандующаго, и всякую минуту, находится на своемъ посту и долженъ постоянно помнить свою линію командную и свою линію подначальную *), т. е. помнить, кого онъ долженъ слушаться; кого не смѣетъ слушаться; кому можетъ и кому не имѣетъ права отдавать приказанія; другими словами: ни къ себѣ не принимать посторонникъ и неотвѣтственныхъ совѣтчиковъ, ни самъ не брать на себя таковой роли относительно другихъ. Постоянное памятованіе и исполненіе этого—коренное условіе дисциплинировки боя; его можно, а слѣдовательно и должно привить путемъ практики въ мирное время. Нельзя себѣ представить, до какой степени часто нарушается это условіе при неспокойномъ состояніи духа, и къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ можетъ повести въ бою. Прискакиваетъ ли ординарецъ съ приказаніемъ, сейчасъ торопятся исполнять, не справившись, ни кто онъ, ни отъ кого присланъ, ни къ кому его послали. То же самое и съ принятіемъ донесеній: большинству и въ голову не приходитъ подумать, ни отъ кого оно, ни какую степень вѣроятія заслуживаетъ **). Страшно становится, когда подумаешь, какая масса суеты, нецѣлесообразныхъ движеній, безплоднаго утомленія для войскъ неизбѣжна при начальникахъ, воспитанныхъ подоб-

---

*) Т. е. строго примѣнять законъ, существующій въ гарнизонной службѣ для часоваго, карауднаго начальника, дежурнаго по карауламъ, которые, за исключеніемъ извѣстныхъ лицъ, не имѣютъ права исполнять ничьихъ приказаній, въ томъ числѣ и прямыхъ своихъ начальниковъ.

**) Совѣтуемъ сдѣлать слѣдующій опытъ, дабы убѣдиться, до какой степени у насъ мало распространена мысль о необходимости въ начальникѣ полнаго спокойствія. Къ начальнику маневрирующаго отряда пошлите ординарца (запретивъ ему говорить отъ кого онъ посланъ) съ донесеніемъ, что его обходятъ съ такого-то фланга и навѣрное можете ожидать немедленнаго отступленія или, въ лучшемъ случаѣ, мѣръ для противодѣйствія обходу. О критикѣ донесенія, о томъ, не вздорное ли оно, и сотому не придетъ въ голову подумать.

нымъ образомъ. Случалось, что ординарцы заѣзжали не въ тѣ части, куда были посланы; приказаніе, ими переданное, принималось; приступали къ исполненію, и выходила, разумѣется, невообразимая путаница. Можно себѣ представить, къ чему это поведетъ въ бою, если начальники не озаботятся, наконецъ, сформировать себѣ ординарцевъ, какими они должны быть; если не озаботятся, чтобы ихъ подчиненные усвоили себѣ строго рутину принятія и повѣрки приказаній и донесеній. Пока этого нѣтъ, отрядъ представляется не здоровымъ организмомъ, который знаетъ чего хочетъ и неуклонно стремится къ тому, чего хочетъ, а, напротивъ, такимъ, въ которомъ нервная система разстроена и который способенъ дать только безсознательныя конвульсивныя подергиванья тамъ, гдѣ для его же спасенія требуется полная цѣлесообразность движеній и энергія дѣйствій.

Выходитъ, слѣдовательно, что, отбросивъ заботу о картинѣ, придется позаботиться о многомъ: возникаетъ плодотворная по результатамъ, но не казистая и трудная работа; трудная тѣмъ болѣе, что требуетъ коренной перемѣны въ складѣ понятій и привычекъ начальниковъ. Нужно ли говорить, что изъ всего перечисленнаго, при увлеченіи картинами, обращается вниманіе только на легчайшее, внѣшнее; что все, касающееся до редакціи, отдачи, передачи приказаній, поддержанія на маршѣ и въ бою связи во всякомъ отрядѣ, дисциплинировки боя, находится въ младенческомъ состояніи?.. Добивайтесь этого, картина придетъ сама собою; занимайтесь картиною, это не только не придетъ, но что и было, забудется.

4.

Успѣхъ атаки холоднымъ оружіемъ обусловливается, кромѣ подготовки ея огнемъ или неожиданностью появленія, кромѣ рѣшимости довести ее до конца, еще возможностью повторенія ударовъ, разсчитанныхъ такъ, чтобы, когда начнете бить, ударъ сыпался за ударомъ безъ передышки, пока противникъ не будетъ сломленъ. Малѣйшій перерывъ въ нанесеніи ударовъ даетъ непріятелю время опомниться, смѣнить разстроенныя силы свѣжими и можетъ повести къ тому, что усилія, сдѣланныя до перерыва, будутъ обращены въ ничто. Для осуществленія такой системы ударовъ, кромѣ своевременной подготовки штурмовой колонны, нужно еще, чтобы задніе ея эшелоны, какъ только начнется атака передняго, слѣдовали за нимъ безостановочно и поддерживали бы его въ случаѣ остановки. Практическій пріемъ исполненія этой

операціи долженъ быть привитъ войскамъ и заключается въ распространеніи на баталіоны и полки правила, уже существующаго въ баталіонномъ ученьи для ротъ второй линіи. Если припомнятъ, тамъ указано, что въ случаѣ остановки ротъ первой линіи, идущихъ въ атаку, вторая линія продолжаетъ движеніе и когда поравняется съ первою, обѣ линіи идутъ въ атаку. То же самое правило должно быть распространено на баталіоны частнаго разерва и даже на полки общаго, если они будутъ назначены для поддержанія атаки. Пріемъ этотъ, не говоря уже о томъ, что онъ указываетъ наглядно, какъ нужно понимать выручку въ атакѣ, хорошъ и тѣмъ, что даетъ войскамъ случай разобраться и придти въ порядокъ, такъ какъ при немъ части будутъ перемѣшаны.

5.

Не разъ уже было заявляемо, что нужно учить не одному только поддержанію порядка, но и возстановленію его изъ безпорядка; не только тому, чтобы не толпились и не разрывались, но также и исправленію этихъ погрѣшностей, если бы онѣ произошли. Возраженій противъ этого, сколько намъ извѣстно, не было, да едва ли дѣльныя и могутъ быть: слѣдовательно, нужно приниматься за выработку пріемовъ, какъ это дѣлать. Но такая цѣль можетъ быть достигнута только при содѣйствіи всѣхъ интересующихся дѣломъ и при объявленіи въ печати тѣхъ пріемовъ, какіе кому придутъ въ голову. Руководимые этою мыслью, отдаемъ на судъ общій то, что было испытано собственно нами.

Возстановленіе порядка изъ безпорядка. Основное условіе успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ уже не разъ говорилось, заключается въ возстановленіи отвѣтственности въ строю начальниковъ мелкихъ подраздѣленій роты; ибо роты, баталіоны, полки могутъ раздробиться и перемѣшаться; но десятки не раздробятся, если унтеръ-офицеры будутъ стоять со своими людьми и будутъ дѣлать свое дѣло *). Но независимо подготовки унтеръ-офицеровъ къ этой роли необходима и выдержка части въ нѣсколько иныхъ строевыхъ привычкахъ, чѣмъ установившіяся теперь почти вездѣ. Часть

*) Мы говоримъ здѣсь о сомкнутомъ строѣ; въ разсыпномъ и десятки могутъ, конечно, перемѣшаться; но тамъ это не бѣда, если разсыпной строй толковый, т. е. болѣе или менѣе рѣдкій. Густой же разсыпной мы считаемъ нелѣпостью, ибо онъ соединяетъ всѣ недостатки и разсыпного и сомкнутаго строевъ, не представляя достоинствъ ни того, ни другого. Тогда ужъ лучше имѣть развернутый строй.

должна быть выдержана въ привычкахъ полнаго и ни на мгновеніе непрерываемаго вниманія ко всему тому, что въ строѣ дѣлается; должна быть выдержана въ убѣжденіи, что она обязана умѣть исполнить всякое построеніе, какое будетъ приказано начальникомъ, а не одни только образчики построеній, помѣщенные въ уставѣ. Если это есть, практика возстановленія порядка изъ безпорядка представляется дѣломъ не труднымъ.

Пріемы для развитія вниманія въ строю были употреблены слѣдующіе:

1) Ротный разсчетъ дѣлаютъ не фельдфебеля, а сами люди по командамъ фельдфебелей. Какъ, повидимому, ни простъ и ни легокъ этотъ пріемъ, но его примѣненіе показало, что и той ничтожной доли вниманія, которая необходима, чтобы, послѣ, напримѣръ, «25-й», сказать «26-й», хватало не у всѣхъ людей на первыхъ порахъ. Тутъ же оказалось, что нѣкоторые послѣ, напримѣръ, «пятьдесятъ девятый», считаютъ «пятьдесятъ десятый», и т. п.; 2) ученья никогда не производятся въ одной и той же, разъ навсегда установленной послѣдовательности, ибо она наиболѣе способствуетъ тому, чтобы люди стояли въ строю развѣсивъ уши; 3) команды, которыя принято обыкновенно исполнять всей ротой, относятся отъ времени до времени къ частямъ роты, какъ, напримѣръ, «задняя шеренга такого-то полувзвода на плечо»; «такіе-то ряды полувзводовъ на руку»; «такіе-то ряды полувзводовъ шагомъ маршъ или стой» и т. п.; 4) повѣрка вниманія людей ошибками начальниковъ. 5) Превосходной подготовкой къ возстановленію порядка служитъ также постоянное требованіе, чтобы при сквозныхъ атакахъ пѣхоты на пѣхоту возстановлялся самый педантическій строй тотчасъ же послѣ того, какъ люди протиснутся насквозь.

Прикладной уставъ даетъ всѣ средства привить убѣжденіе, что хорошо обученная часть должна умѣть исполнить всякое построеніе. Тому же способствуетъ и практика въ прикрытіи артиллеріи *).

Результатъ примѣненія этихъ пріемовъ былъ слѣдующій: на послѣднемъ ученіи сбора 1874 года, имѣвшемъ цѣлью показаніе поддержки при атакѣ переднихъ частей задними, были послѣдовательно введены въ линію всѣ четыре полка дивизіи, начиная съ 4-го и кончая 1-мъ. Столпленіе вышло полное, какъ въ бою на рѣшительныхъ пунктахъ и бываетъ послѣ свалки. Послѣ отбоя

*) Въ особенности пріемъ демаскированія и маскированія артиллеріи.

вся масса была поворочена кругомъ и поведена въ направленіи жалонеровъ, занявшихъ, предварительно, мѣста для церковнаго парада. Не доходя до жалонеровъ, шаговъ за полтораста, было скомандовано: «по жалонерамъ стройся, бѣгомъ маршъ», и порядокъ, выровненный по рядамъ и шеренгамъ, былъ готовъ для парада минутъ въ пять или около.

Столь быстрое возстановленіе порядка и равненія многимъ покажется маловѣроятнымъ, но свидѣтелей этому было не мало. Замѣтимъ при этомъ, что быстрота равненія кажется недостижимою большинству просто потому, что всѣ привыкли тратить на него слишкомъ много времени. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, открывается то же невниманіе къ свойствамъ человѣка: выведите его за часъ и начните равнять: и онъ равняется и его равняютъ подъ вліяніемъ той мысли, что «еще молъ поспѣемъ»; а къ концу часа утомленіе, сонливость берутъ свое; исполненіе идетъ вяло, достигается трудно, а мы думаемъ, что иначе и нельзя. А выведите за четверть часа, всякій чувствуетъ, что зѣвать нельзя, что вотъ-вотъ начальникъ подъѣдетъ, и сообразно съ этимъ и исполняютъ.

Устраненіе столпленія и заполненіе разрывовъ. Исправляются эти ошибки весьма просто: при столпленіи нужно убирать часть, которой недостаетъ мѣста, во вторую линію; при разрывѣ, нужно заполнять его частью изъ второй линіи. Ознакомить съ этими исправленіями не трудно; гораздо важнѣе установить правило, по чьему распоряженію они должны быть исполняемы. Намъ кажется, что право убиранія части изъ боевой линіи, въ случаѣ столпленія, должно быть предоставлено не непосредственному начальнику части, но старшему надъ нимъ; если же нужно заполнить прорывъ, то исполняетъ это непосредственный начальникъ ближайшей къ прорыву части, не ожидая приказанія. Слѣдовательно, если не хватаетъ мѣста ротѣ, опредѣляетъ баталіонный командиръ которой осадить; не хватаетъ мѣста баталіону, опредѣляетъ полковой командиръ. Наоборотъ: образуется разрывъ, самъ ротный или баталіонный командиръ (смотря по величинѣ разрыва) заполняетъ его, не ожидая приказанія. Причины этого различія на столько очевидны, что въ разъясненіи не нуждаются.

Пріемъ для нагляднаго показанія этихъ исправленій: поставивъ баталіонъ поротно въ одну или полкъ поротно въ двѣ линіи *), приказать, чтобы въ первомъ случаѣ роты, во второмъ баталіоны, стали фронтомъ на какой нибудь рѣзко очерченный и

*) На половинныхъ интервалахъ, для выигрыша времени.

не вдалекѣ расположенный предметъ (изба, мельница, дерево, телеграфный столбъ и проч.) и затѣмъ скомандовать движеніе. По мѣрѣ приближенія къ предмету, фронтъ будетъ стѣсняться, т. е. можно показать уборку частей. Затѣмъ, когда примѣръ будетъ признанъ достаточнымъ, повернуть кругомъ; послѣ чего движеніе пойдетъ по расходящимся направленіямъ и явится возможность примѣнить заполненіе разрывовъ. Эти пріемы совершенно достаточно показать въ теченіе лагеря одинъ разъ, послѣ какого нибудь ученья.

Но ознакомливая со средствами исправленія погрѣшностей въ направленіи, должно въ особенности не упускать изъ виду обратнаго, т. е., чтобы части пріучены были точно выдерживать направленіе. Выдержка направленія, особенно на значительномъ разстояніи, упущена во всѣхъ арміяхъ. Случается, что роты, довольно хорошо подготовленныя во всемъ остальномъ, получивъ приказаніе идти на рѣзко видимый дальній предметъ, на 100 шагахъ принимаютъ въ сторону шаговъ 10. Причина этого заключается въ увлеченіи равненіемъ, которое совершенно вытѣснило мысль о направленіи: намъ такъ часто приходится смотрѣть направо и налѣво, что мы забыли смотрѣть впередъ, т. е. именно туда, куда въ бою смотрѣть всего нужнѣе. Не мало способствовало забвенію направленія и пристрастіе къ короткимъ движеніямъ на элементарныхъ ученьяхъ: не успѣетъ часть пройти 20, 30 шаговъ, какъ ее уже заводятъ плечомъ или заворачиваютъ рядами и т. под. Понятно, что при частой перемѣнѣ направленія трудно научиться его выдерживать.

Практику въ выдержкѣ направленія можно только дать однимъ путемъ, дѣлая продолжительныя движенія (въ полверсты и больше) на какой-либо дальній предметъ и повѣряя отъ времени до времени прямолинейность направленія. По дорогѣ никто не мѣшаетъ дѣлать остановки и перестроенія, разумѣется снаравливая послѣднія такъ, чтобы дирекціональный флангъ не дѣлалъ боковыхъ передвиженій. Этотъ пріемъ, какъ всякій видитъ, не труденъ, но нужно взять привычку его примѣнять, слѣдовательно, отстать нѣсколько отъ теперешней системы ученій, характеристическая черта коихъ—безостановочная перемѣна формъ строя и направленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавъ за вѣрное, что прежде всего слѣдуетъ хлопотать о направленіи и только потомъ о равненіи, придется сдѣлать нѣкоторыя улучшенія въ системѣ командныхъ словъ и въ способѣ перемѣны фронта. Объяснимся подробнѣе.

Встарь о направленіи весьма заботились, но нѣсколько стран-

но: вмѣсто того, чтобы ставить часть фронтомъ на какой либо рѣзко видимый и отдаленный предметъ и на него идти, требовали чтобы дающій направленіе человѣкъ самъ себѣ мысленно пробивалъ перпендикуляръ, т. е. намѣчалъ глазомъ точки на перпендикулярномъ къ фронту направленіи, и на нихъ бы шелъ. Остальные люди строя не знали на какой предметъ они направляются, а должны были только равняться на ведущаго и держаться къ нему. Но такъ какъ обученіе движенію производилось обыкновенно на мѣстахъ голыхъ, да притомъ зачастую и искусственно выровненныхъ, на которыхъ трудно было выискать сколько нибудь замѣтныя точки, то и это, до крайности съуженное и даже извращенное, примѣненіе выше объясненнаго пріема пришло въ забвеніе. Говоримъ «извращенное» потому, что въ упражненіи поставленномъ такимъ образомъ, открывается внутреннее противорѣчіе съ тѣмъ, что происходитъ въ бою, гдѣ по предмету, на который предстоитъ идти, выбирается положеніе фронта, а не по положенію фронта пріискивается предметъ.

Эти аномаліи отразились на командахъ тѣмъ, что даже и слово направленіе (дирекція) въ нихъ исключено; отразились и на перетѣнѣ фронта, для которой основную часть не ставили фронтомъ на такой-то предметъ, какъ бы слѣдовало, но заводили на извѣстную часть круга *) направо или налѣво. И такимъ-то образомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вниманіе въ дѣлѣ должно устремляться впередъ, т. е. по линіи, перпендикулярной къ фронту, его перемѣстили на линію фронта: равненіе убило направленіе. Во всемъ стали полагаться на вѣрность положенія плечъ, не замѣчая того, что его тоже трудно сохранить, не имѣя впереди предмета направленія.

Намъ кажется, пора подумать о томъ, чтобы исправить эти аномаліи; чтобы рядомъ съ командой: равненіе туда-то, была прежде нея команда: направленіе на такой-то предметъ, и всѣ люди строя знали бы, куда они идутъ; чтобы выдержка направленія на значительныхъ разстояніяхъ стала въ число основныхъ строевыхъ упражненій **); чтобы при перемѣнѣ фронта директіональные ряды заходили не на такую-то часть круга, но фронтомъ къ такому-то предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для этой послѣдней эволюціи придется принять пріемъ, который даетъ воз-

*) Обыкновенно на четвертую или восьмую — другихъ угловъ строевая практика не признавала.

**) По нашему мнѣнію, въ этомъ должна быть провѣрена каждая рота во время полковыхъ сборовъ.

можность поставить дирекціональные ряды въ желаемомъ направленіи и проще, и вѣрнѣе чѣмъ захожденіе. Заключается онъ въ томъ, что людямъ означенныхъ рядовъ приказываютъ, при старомъ положеніи фронта, повернуться лицомъ на предметъ, къ которому предполагается перемѣнить фронтъ; затѣмъ выровняться по тому изъ повернутыхъ рядовъ, который будетъ впереди *).

6.

Факты, обнаруживающіе всю силу рутины, такъ поучительны, что ихъ не слѣдуетъ уставать выводить на свѣтъ Божій, хотя бы это было не во второй или третій, а въ сотый разъ. Выше было упомянуто вскользь, что тихій шагъ со всѣми подраздѣленіями удержался еще въ нѣкоторыхъ мелкихъ частяхъ, не взирая на то, что исключенъ изъ устава лѣтъ 14-ть тому назадъ. Мы и не подозрѣвали тогда, до какой степени были далеки отъ дѣйствительности. Недавно намъ передавали за вѣрное, что есть части войскъ, въ которыхъ онъ держится до сихъ поръ: на томъ основаніи, что будто бы безъ него «хорошаго шагу» не будетъ. Будетъ или не будетъ, нельзя сказать пока не испытаешь. До такой степени мы, даже не стѣсняясь существующими постановленіями, расположены убаюкивать себя самыми жалкими, неимѣющими и признака серьезнаго, логическаго основанія доводами, лишь бы отстоять свои застарѣлыя привычки! Вѣдь рядомъ съ такими частями войскъ, учатся другія, въ которыхъ онъ давно брошенъ, какъ исключенный изъ устава, и дѣло отъ того идетъ не хуже: кажется, опытъ убѣдителенъ; нѣтъ, онъ ничто передъ la chère habitude, какъ называлъ ее еще маршалъ Саксонскій. Любопытно было бы знать, гдѣ берутъ время въ частяхъ, практикующихъ тихій шагъ, на основательное прохожденіе предметовъ, дѣйствительно необходимыхъ, и безъ знанія коихъ солдатъ не солдатъ? Какъ бы хорошо, какъ благодѣтельно было бы, дать этой страшной силѣ привычки направленіе болѣе ея достойное, обративъ ее изъ тормаза дѣлу во имя ненужностей въ тормазъ ненужностямъ во имя дѣла...

---

*) Все это относится до перемѣны фронта одною частью; что же касается до перемѣны фронта линіею частей, то, по нашему мнѣнію, она должна быть производима только изъ уступовъ, единовременнымъ захожденіемъ всѣхъ частей, а не послѣдовательнымъ захожденіемъ, какъ то большею частью дѣлается теперь. Но и въ этомъ случаѣ точно также слѣдуетъ назначать предметъ, къ которому должна быть произведена перемѣна фронта.

7.

Усвоеніе теоріи тактики для строевого офицера затрудняется тѣмъ въ особенности, что приступающій къ ея изученію теряется въ рубрикахъ, не всегда соображенныхъ съ сущностью дѣла. Занятіе, атака, оборона позицій—одно; занятіе, атака, оборона мѣстныхъ предметовъ—другое; сраженія—третье. Атака въ бою одно; атака фуражировки, транспорта, сбиваніе противника при рекогносцировкѣ—другое. Походныя движенія одно; сопровожденіе транспорта—опять другое. И такъ далѣе, по всему курсу. Однимъ словомъ, и здѣсь обнаруживается то же увлеченіе внѣшностью, на которое указано въ установившемся взглядѣ на маневры: изслѣдуютъ предметъ не по сущности явленій, а по внѣшнему ихъ виду *). Положимъ, безъ рубрикъ въ теоріи и невозможно обойтись; но, во первыхъ, можно ихъ установить раціональнѣе; во-вторыхъ, дѣло руководящихъ занятіями войскъ дать этимъ рубрикамъ должное освѣщеніе, свести ихъ къ одной путеводной мысли, заключающейся въ томъ, что все безчисленное множество военныхъ цѣлей достигается только двумя средствами, или походомъ, или боемъ; а въ бою собственно—или атакой, или обороной; и что эти положенія войскъ, во избѣжаніе нечаянностей, неминуемо сопровождаются сторожевыми мѣрами. Разсматриваемое съ этой точки, ученіе о тактическихъ формахъ является до крайности простымъ и удобопонятнымъ, не взирая на ихъ разнообразіе. Возьмемъ, напримѣръ, сторожевыя мѣры. Изъ перерывчатой линіи летучихъ отрядовъ, направленныхъ по дорогамъ къ непріятелю, оно, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, обращается въ непрерывную сторожевую цѣпь съ ея подкрѣпленіями; переливается почти въ боевое расположеніе, если непріятель такъ близко, что ежеминутно можно ждать столкновенія **); во время боя исчезаетъ передъ фронтомъ, но необходимо и неминуемо удерживается на флангахъ. И все это одно и тоже сторожевое расположеніе, не смотря на разнообразіе формы ***)! То же самое съ атакой, то же самое и съ обороной. Слѣдовательно, получая какую-либо задачу на мир-

---

*) Каемся, что и сами въ этомъ дѣлѣ не безгрѣшны; что и уразумѣли при ближайшемъ столкновеніи съ войсками.

**) Всѣ три вида какъ на бивакѣ, такъ и на маршѣ.

***) Мы не останавливаемся на видоизмѣненіи сторожевыхъ формъ въ зависимости отъ мѣстности, ибо наша цѣль—только подтвердить примѣромъ вышепоставленную путеводную мысль, а не плодить эти примѣры.

ныхъ упражненіяхъ, нужно, прежде всего, рѣшить вопросъ, какая она, походная или боевая? и затѣмъ уже рѣшать детали расположенія, не смущаясь хитрыми для непривычнаго уха терминами: рекогносцировка, фуражировка и т. п. Строевому офицеру нужно помнить разъ навсегда, что всѣ эти термины всегда и неизмѣнно скрываютъ или походъ со сторожевыми мѣрами, или бой съ тѣми же мѣрами. А терминовъ не бояться; и кто ихъ не знаетъ, нужно просто спрашиваать, что они значутъ. Незнакомство съ этимъ условнымъ языкомъ ставило иногда и очень толковаго человѣка втупикъ; а объяснялось, опять-таки, вѣчнымъ неразвитіемъ, недостаткомъ сметки.

Умѣть съ настоящей стороны подступить къ вопросу значитъ, въ большей части случаевъ, на половину уже рѣшить его. Въ выработкѣ методовъ этого подступа и въ сообщеніи ихъ участникамъ занятій и лежитъ, по нашему мнѣнію, главнѣйшая обязанность начальниковъ сборовъ. Возьмемъ, напримѣръ, атаку и оборону позицій во всѣхъ случаяхъ *). Большинство ошибокъ въ расположеніяхъ, какъ для атаки, такъ и для обороны, происходитъ отъ несоблюденія одного и того же, въ высшей степени простаго и понятнаго, но весьма немногимъ извѣстнаго пріема: рѣшать всегда сначала задачу за непріятеля и потомъ уже свою собственную. Т. е., если предстоитъ располагаться для обороны на данной позиціи, задавайтесь сначала вопросомъ: какъ бы атаковали эту позицію? Собираетесь атаковать, рѣшайте сначала вопросъ: какъ бы вы обороняли эту позицію? Если къ этому еще прибавить рѣшеніе наполеоновскаго вопроса: что я сдѣлаю, если непріятель появится съ фронта, справа, слѣва, съ тылу? то рѣшеніе не можетъ выдти дурно у человѣка, сколько нибудь толковаго. Мало того: и застать его врасплохъ будетъ трудно, если онъ по натурѣ хоть мало-мальски спокоенъ и не суетливъ. О психической основѣ этихъ вопросовъ мы не распространяемся, ибо она достаточно разъяснена въ «Подготовкѣ баталіона для боя»; замѣтимъ только, что усвоеніе ихъ офицерами, до того твердое, чтобы приступъ къ задачѣ всегда заключался въ ихъ разрѣшеніи, будетъ большимъ шагомъ въ развитіи тактическаго мышленія. Достигнуть этого усвоенія дѣло не трудное: стоитъ только давать сказанные вопросы начальникамъ маневрирующихъ сторонъ письменно и требовать письменнаго же отвѣта какъ на эти вопросы, такъ и на вытекающіе изъ нихъ.

---

*) Т. е. какъ оборону и атаку позицій, слывущую подъ этимъ ярлыкомъ въ тактикахъ, такъ равно прикрытіе транспорта или фуражировки и атаку этого прикрытія и т. д.

Весьма полезно также требовать, чтобы заблаговременно до маневра офицеры соображали по плану, что̀ имъ предстоитъ дѣлать. Но это разумѣется предполагаетъ, что они основательно знакомы съ чтеніемъ плановъ.

8.

Умѣнье переноситься съ мѣстности на планъ и съ плана на мѣстность составляетъ въ наше время необходимость для всякаго офицера, серьезно посвятившаго себя военному дѣлу, и при малѣйшемъ личномъ съ его стороны участіи усваивается легко. При теперешнемъ распространеніи плановъ въ войскахъ стòитъ пользоваться для этого случаями похода; и вмѣсто того, чтобы идти впустую, заниматься по дорогѣ разрѣшеніемъ задачъ, къ которымъ даетъ поводъ сличеніе плана съ мѣстностью. Получается двойная выгода: исчезаетъ скука похода, пріобрѣтается полезное знаніе. Но какъ это ни легко, а прививается тоже не иначе какъ при участіи къ дѣлу со стороны начальниковъ; и при томъ еще условіи, чтобы за него браться спроста и безъ длинныхъ разговоровъ. Начало этому дѣлу также легче всего положить во время лагернаго сбора. Небольшого труда стòитъ, въ свободные отъ занятій дни, наличнымъ офицерамъ генеральнаго штаба поѣздить съ желающими и попрактиковать ихъ въ рѣшеніи слѣдующихъ задачъ: 1) точку стоянія указать на планѣ; 2) точку, данную на планѣ, указать на мѣстности; 3) поднявшись на высокое мѣсто, видимые съ него предметы указать на планѣ; 4) опредѣлить по плану, во сколько времени можно дойти или доѣхать, шагомъ или рысью, отъ точки стоянія до данной, и повѣрить; 5) принять въ разсчетъ по плану рельефъ мѣстности, т. е. опредѣлить, что̀ съ данной точки будетъ видно, а что нѣтъ, по данному направленію и тоже повѣрить. Тутъ же, по дорогѣ, небольшія тактическія задачи: какъ поставить батарею, или батареи, на данной позиціи, гдѣ цѣпь, гдѣ резервы, гдѣ наблюденіе за флангами; на что долженъ обратить вниманіе разъѣздъ, посланный въ такомъ-то направленіи, и т. п.

Только при такой практикѣ планъ пріобрѣтаетъ реальное значеніе; ибо для того, чтобы научиться принимать небольшую группу штриховъ за большую гору, за глубокій оврагъ, нужно прежде всего, и довольно долго, сравнивать эти предметы съ ихъ изображеніями. И только тогда, когда планъ осмыслится подобнымъ образомъ, рѣшеніе задачъ на немъ можетъ принести дѣйствительную пользу.

Тутъ же представляется возможность обратить вниманіе занимающихся на то, какъ слѣдуетъ принимать въ разсчетъ эфекты освѣщенія предмета и положеніе къ нему наблюдающаго, при опредѣленіи размѣровъ, конфигураціи предмета, разстоянія до него.

Можно думать, что на желающихъ разсчетъ плохъ, что ихъ не будетъ, и подумаютъ ошибочно: является обыкновенно болѣе желающихъ, чѣмъ одинъ человѣкъ можетъ занять, и съ первыхъ же разовъ приходится прибѣгать къ пособію тѣхъ изъ участниковъ занятія, которые тверже другихъ сохранили пріобрѣтенное въ школѣ и отъ недостатка примѣненія заглохшее потомъ на службѣ. И заглохшее оживаетъ. Могутъ сказать еще: да гдѣ же взять лошадей? есть, во первыхъ, обозныя, вѣдь для этого дѣла въ тонкой выѣздкѣ надобности не настоитъ, лишь бы возила; есть, во-вторыхъ, лазаретныя линейки, въ которыхъ помѣщается 10, 12 человѣкъ. Ѣдутъ они себѣ по дорогѣ, въ поучительныхъ мѣстахъ вылѣзаютъ, занимаются; затѣмъ опять ѣдутъ до слѣдующей точки. Результатъ за два лагерные сбора, ручаемся, выйдетъ поразительный; въ нѣкоторыхъ полкахъ неумѣющіе читать карту будутъ исключеніемъ. До такой степени легко и отъ сердца русскій человѣкъ отзывается на требованіе, котораго цѣль ясна.

Одно изъ немалыхъ затрудненій въ чтеніи плановъ представляетъ переходъ отъ крупнаго къ мелкому масштабу. Даже совершенно хорошо читающіе, напримѣръ, верстовой планъ съ переходомъ къ трехъ-верстному будутъ, за рѣдкими исключеніями, дѣлать на первыхъ порахъ довольно грубыя ошибки. Повидимому, вовсе не хитро помнить, что то, что укладывалось на трехъ дюймахъ, укладывается на одномъ, а между тѣмъ на дѣлѣ это не такъ легко какъ кажется, ибо требуетъ другихъ привычекъ глаза и несравненно бо́льшаго, чѣмъ при крупномъ масштабѣ, вниманія къ признакамъ, опредѣляющимъ данную точку.

Малѣйшаго ослабленія вниманія достаточно для того, чтобы, проѣхавъ, напримѣръ, $\frac{1}{2}$ версты, промахнуть на планѣ версту или полторы; разумѣется, что при этомъ искомые признаки точки не находятся, и собственная ошибка сваливается на невѣрность плана. Особенно нужно быть насторожѣ противъ такихъ промаховъ на мѣстности нерельефной, въ лѣсу, при утомленіи, въ минуты нетерпѣнія, т. е. когда ожидаете пріѣзда на точку, почему либо для васъ интересную; также въ концѣ перехода. Всѣ подобныя причины ошибокъ, довольно мелкія и не для всякаго сразу замѣтныя, могутъ быть устранены только ежегодной практикой въ чтеніи плана мелкаго масштаба.

9.

Чѣмъ болѣе утверждаешься въ дѣлѣ, тѣмъ яснѣе становится, что показъ великое дѣло. Возьмемъ, напримѣръ, маневръ *) болѣе или менѣе сложный. Какъ вы ни ясно и ни коротко объясните что, когда и какъ дѣлать, непремѣнно найдутся люди, которые или что нибудь не такъ поймутъ, или что нибудь пропустятъ, или забудутъ послѣдовательность. Но продѣлайте маневръ на офицерахъ **), и всякій вынесетъ представленіе совершенно сознательное о томъ, что предстоитъ дѣлать, и исполненіе выйдетъ образцовое въ такихъ случаяхъ даже, когда по принятымъ обычаямъ невозможно и думать обойтись безъ репетиціи всему отряду. Мы особенно рекомендуемъ этотъ пріемъ вниманію руководящихъ, по многимъ причинамъ: 1) получается выигрышъ во времени, ибо самый сложный маневръ показывается въ какіе нибудь полчаса, на пространствѣ 50, 60 шаговъ; 2) выигрышъ въ пониманіи, ибо всякій ротный командиръ видитъ всю связь маневра не только въ своемъ баталіонѣ или полку, но во всемъ отрядѣ.

Противъ этого способа объясненія маневра можетъ быть только одно замѣчаніе: не возбуждаетъ ли онъ щекотливости офицеровъ; нѣтъ, не возбуждаетъ, если они знаютъ, что руководящій и самъ не стѣснится, въ случаѣ надобности, на себѣ показать, что должна дѣлать не только рота, но хоть бы и звено; и не будетъ считать этого униженіемъ собственнаго достоинства. Ложное самолюбіе и щепетильность возбуждаются только тамъ, гдѣ само начальство даетъ этому примѣръ, дѣля работу на черную и бѣлую. Кто ставитъ свое самолюбіе въ знаніи дѣла, хлопочетъ о томъ, чтобы узнать его скорѣе и лучше, а не объ упражненіи въ обидчивости. Прежде считалось неприличнымъ для офицера стрѣлять на смотру или дѣлать гимнастику; но выигрыша отъ этого ни дѣлу, ни достоинству офицеровъ не было. Наше дѣло все построено на самоотверженіи и самоотреченіи; кто этого не понимаетъ, кто не можетъ поступиться своею личностью во имя дѣла, тотъ никогда не будетъ порядочнымъ военнымъ. Необходимо только, чтобы самоотреченіе вызывалось во имя дѣла, а не на потѣху личному капризу; въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно и возмущаетъ, и возмутительно: ибо перестаетъ быть взаимнымъ, а требуется только съ одной стороны.

---

*) Подъ маневромъ мы разумѣемъ также и ученья съ тактическимъ предположеніемъ.

**) Т. е. если позволено будетъ такъ выразиться, на живомъ чертежѣ.

10.

Выше было упомянуто о вредѣ отдѣльныхъ командъ въ частяхъ и о необходимости ограничить ихъ возможно меньшимъ числомъ. Опытъ убѣдилъ насъ въ положительной возможности отмѣнить занятія артиллерійскихъ командъ въ зимнее время: трехъ-четырехъ уроковъ въ лагерѣ, при дѣйствительныхъ орудіяхъ, съ дѣйствительными снарядами, вполнѣ достаточно для того, чтобы пѣхотинцы, незнакомые съ артиллерійскими пріемами, исполняли совершенно толково не только заряжаніе, но отъѣзды, подъѣзды и движенія съ посаженной прислугой. Слѣдовательно, при такомъ порядкѣ занятій люди узнаютъ изъ обязанностей артиллерійской прислуги не только больше, но и основательнѣе, чѣмъ при зимнихъ занятіяхъ по нынѣшнему. Да оно и понятно: при нынѣшней системѣ занятій—деревянныя орудія на козлахъ и одинъ учитель на 60 человѣкъ; при предлагаемой—дѣйствительныя орудія, дѣйствительные снаряды и на каждаго человѣка учитель. Затѣмъ устраняется командировка фейерверковъ; они остаются зиму при своемъ дѣлѣ; устраняется и переписка по командированію, требующему передачи письменныхъ свѣдѣній. Да и въ пѣхотѣ люди не отрываются отъ своего дѣла зимою.

Для довершенія образованія артиллерійскихъ командъ по этой системѣ не достаетъ только одного—дѣйствительной стрѣльбы. И для пользы дѣла было бы очень хорошо, если бы оказалось возможнымъ дѣлать въ артиллерійскія бригады добавочный отпускъ боевыхъ зарядовъ и снарядовъ, хотя по одному на каждаго человѣка артиллерійскихъ командъ дивизіи. Тогда артиллерія получила бы дѣйствительно надежный запасъ прислуги въ пѣхотѣ, а не существующій на бумагѣ только.

Можетъ быть скажутъ: да гдѣ же найти артиллеристовъ, готовыхъ взять на себя эту новую обузу и къ сердцу принять ее? Кому же неизвѣстно, что разные роды оружія, даже живя бокъ-о-бокъ въ лагерѣ, остаются чуждыми другъ другу и мало принимаютъ къ сердцу взаимные интересы? Знаемъ и мы, что такъ бываетъ; знаемъ и почему такъ бываетъ. Заявляемъ только, что этого нѣтъ въ той бригадѣ, съ которою, по счастію, пришлось работать. Болѣе горячаго сочувствія общимъ интересамъ дивизіи, болѣе яснаго пониманія того, что она связана съ дивизіею на жизнь и смерть, на радость и горе, какое являетъ эта бригада, и желать нельзя. Не тяжело ей лишній разъ не только вывести прислугу въ паркъ, но—что рѣже встрѣчается—даже и запречь ло-

шадей; а въ обученіи пѣхотинцевъ принимаютъ участіе не только офицеры, но и батарейные командиры. Тамъ же гдѣ на подобную работу отъ сердца разсчитывать нельзя, тоже есть коректив— смотры высшихъ начальниковъ: стоитъ принять за непремѣнное правило ставить на смотровыхъ маневрахъ или ученьяхъ артиллерійскія команды къ орудіямъ, и тогда будутъ заниматься. Мы вполнѣ увѣрены, что если дать любому батарейному командиру на выборъ: или лишиться на цѣлую зиму фейерверкера, или дать въ лагерный сборъ три-четыре урока артиллерійскимъ командамъ, то онъ, конечно, предпочтетъ послѣднее.

11.

Сбереженіе людей—святѣйшій долгъ каждаго начальника; и въ этомъ дѣлѣ послѣ пищи и помѣщенія важнѣйшую роль играетъ соблюденіе того условія, чтобы попусту не морить людей, т. е. чтобы время, назначаемое на работу, на нее дѣйствительно и уходило, а не на безплодныя ожиданія, или на равненіе, двадцать разъ возобновляемое. И въ этомъ дѣлѣ свойства массы берутъ свое: лишнее утомленіе то же, что и недостатокъ пищи; оно находитъ свои жертвы, для которыхъ становится бременемъ, переходящимъ за предѣлъ сопротивленія. Безплодное утомленіе—лишній расходъ; недостатокъ пищи—слабый приходъ: свести концы съ концами можно только въ госпиталѣ или на кладбищѣ. Не даромъ де-Бракъ говорилъ, что въ зависимости отъ того, умѣетъ или не умѣетъ начальникъ дать своимъ людямъ и конямъ во-время отдохнуть и поѣсть, часть или проходитъ благополучно сквозь всѣ невзгоды кампаніи, или таетъ и исчезаетъ, даже не побывавъ ни въ одномъ дѣлѣ. Суетня, рабскій шалъ, дерганье, ёрзанье бьютъ вѣрнѣе пули. Нужно въ мирное время пріучить никуда не торопиться и никуда не опаздывать; въ военное поздно усваивать эту привычку. И въ этомъ случаѣ, какъ опять не вспомнить прусаковъ, у которыхъ опоздать на какой бы то ни было смотръ считается только дисциплинарнымъ проступкомъ; а придти ранѣе чѣмъ за четверть часа до назначеннаго времени—преступленіемъ. Человѣкъ созданъ изъ мяса и костей, а не изъ желѣза (да и желѣзо не все выдержитъ); требуйте отъ него усилій, даже и тяжелыхъ, во имя дѣла: но только во имя дѣла.

Но за предѣлами дѣла—сбереженіе самое педантическое: ни лишняго шага, ни лишней минуты ожиданія. Нужно помнить только, что въ массѣ малѣйшее движеніе помножается на ты-

сячи, на десятки тысячъ разъ, дабы сразу видѣть, какую въ ней страшную потерю работы представляетъ безполезная трата времени, или мускульной силы. Заставить 1,000 человѣкъ даромъ подождать 15 минутъ значить отнять у отдыха этой массы не 15 минутъ, но 250 часовъ; заставить пройти безполезно 15 шаговъ значить израсходовать мускульную силу, соотвѣтствующую 10 верстамъ... Мы не говоримъ, конечно, о тѣхъ случаяхъ ожиданія, которые считаются въ годъ единицами и предшествуютъ большимъ маневрамъ; они, какъ и все единичное, значенія имѣть не могутъ; но налегаемъ на тѣ, которые повторяются въ иныхъ частяхъ чуть не ежедневно, совершенно безъ всякой цѣли и надобности, а просто потому, что въ голову не приходитъ подумать о томъ, какими послѣдствіями подобныя ожиданія могутъ отразиться на нѣкоторыхъ изъ ожидающихъ. Чтобы это было виднѣе, совѣтуемъ прибѣгать къ тому же умноженію: четверть часа ежедневнаго ожиданія въ теченіе 200, положимъ, дней даютъ потерю времени на каждаго человѣка 50 часовъ, или двое слишкомъ сутокъ, а на 1,000 человѣкъ $2083,_3$ сутокъ. «Однимъ больше, однимъ меньше, не все ли равно?» вѣроятно подумаютъ, если не скажутъ нѣкоторые. Для тѣхъ, которые не попадаютъ въ это число, конечно все равно. Человѣкъ, командующій массою себѣ подобныхъ, поставленъ въ роковую необходимость примиряться съ безвременною гибелью нѣкоторыхъ изъ нихъ; и благо ему, если, пройдя въ этой роли даже недолгій путь, онъ можетъ, положа руку на сердце, сказать: «на моей душѣ много существъ, безвременно погибшихъ; но съ чистой совѣстью могу сказать, что я ни однимъ не пожертвовалъ во имя бездѣлья и сдѣлалъ все доступное слабому моему пониманію, дабы по возможности ограничить эту жертву...»

12.

Нѣкоторымъ кажется, что продолжительность лагернаго сбора въ полтора, два мѣсяца безполезно велика; что на такой періодъ времени нѣтъ работы; такъ это, или не такъ, зависитъ отъ взгляда на то, чѣмъ слѣдуетъ заниматься въ теченіе общаго сбора, программа коего, сообразно новымъ требованіямъ, тоже еще не выработана. Намъ кажется, что задаваясь мыслью не учить только войска, но выучивать ихъ дѣлу, нужно признать, что на прохожденіе систематическаго курса тактики, не упуская въ то же время и строя, потребно не менѣе двухъ сборовъ, въ два мѣсяца каждый, и то при благопріятной погодѣ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, доста-

точно прослѣдить прилагаемый проектъ программы занятій отряда, состоящаго, примѣрно, изъ дивизіи пѣхоты, бригадъ: кавалерійской и артиллерійской — 12 баталіонамъ, 8 эскадронамъ, 24 пѣшимъ, 8 коннымъ орудіямъ. Съ искренней благодарностью примемъ всѣ замѣчанія на этотъ проектъ.

Занятія.	Число дней.
На отдыхъ и устройство лагеря	4
Ротныя ученья	7
Ротныя ученія по военному составу, сводя по одной ротѣ отъ полка въ одну общую роту *); а въ тѣхъ баталіонахъ, отъ которыхъ роты не будутъ потребованы, баталіонныя ученья	7
Баталіонныя ученья по военному составу, по два въ день.	2
Взаимныя обязанности пѣхоты и артиллеріи: по одному ученью на полкъ съ батареею, по два ученья въ день	2
Ученья съ боевыми патронами и зарядами, въ каждомъ полку баталіону по военному составу, съ четырьмя орудіями.	2
Примѣчаніе. На обратномъ пути къ лагерю баталіонное ученье.	
Полковыя ученья, каждому полку ежедневно, въ томъ числѣ одно смотровое ученье **).	4
Ученья полку съ батареею по военному составу, по одному въ день	2
Бригадныя ученья, по два въ день	2
Взаимныя обязанности пѣхоты и кавалеріи, по одному ученью на полкъ пѣхотный съ кавалерійскимъ, по два ученья въ день	2
Дивизіонныя ученья пѣхоты съ артиллеріею.	3
Баталіонные маневры, по числу штабъ-офицеровъ, командующихъ батареями, баталіонами ***), дивизіонами: 12 баталіонныхъ, 7 батарейныхъ командировъ, 4 дивизіонера: итого 23. Нужно стараться сдѣлать столько маневровъ, чтобы	
Итого	37

*) Мы считаемъ такую сводку полезною въ томъ отношеніи, что она облегчаетъ сравнительную оцѣнку строеваго образованія въ полкахъ, а въ особенности того, въ какой мѣрѣ уравненъ шагъ. Число рядовъ въ такой ротѣ, конечно, будетъ превышать военный составъ; но это также полезно, ибо даетъ большую практику офицерамъ въ управленіи и въ командованіи.

**) На полковыхъ ученьяхъ показать пріемы устраненія столпленія и заполненія разрывовъ; а также боковыя передвиженія боевого порядка въ виду непріятеля. Само собою разумѣется, что всякое ученье должно начинаться уставными типами, а кончаться ихъ примѣненіемъ.

***) Завѣдующіе стрѣлками не въ счету.

каждый изъ этихъ штабъ-офицеровъ прокомандовалъ оборонительнымъ и наступательнымъ отрядомъ; слѣдовательно, 12 маневровъ оборонительныхъ и 12 наступательныхъ, полагая по 4 маневра въ день 6

Примѣчаніе. Избѣгать назначать штабъ-офицеровъ начальниками тѣхъ отрядовъ, въ составъ коихъ входитъ часть, постоянно ими командуемая *), ибо преимущественно, а иногда и исключительно ею занимаются, а остальныя пускаютъ на произволъ судьбы.

Полковые маневры, по числу штабъ-офицеровъ соотвѣтственной степени: шесть полковыхъ, одинъ командиръ артилерійской бригады, одинъ начальникъ штаба — восемь штабъ-офицеровъ, четыре маневра, по два въ день 2

Бригадные маневры, по числу 4-хъ бригадныхъ командировъ (два пѣхотныхъ, одинъ кавалерійскій, одинъ артилерійскій), два маневра, по одному въ день 2

Походное движеніе, для показанія распредѣленія войскъ по колоннамъ, послѣдовательности, въ какой должны идти разные роды оружія въ колоннахъ и въ сторожевомъ отрядѣ, связи между колоннами, сосредоточенія на выстрѣлы, перехода въ боевой порядокъ 2

Отрядный маневръ, одинъ или два, какъ время позволитъ . . . . . 2 или 3

Итого 52 дня.

Т. е., что для выполненія этой программы въ такомъ объемѣ, если выключить праздничные и ненастные дни, двухъ мѣсяцевъ даже мало. Нужно притомъ кончить стрѣльбу, сдѣлать хотя въ небольшихъ размѣрахъ погрузку и выгрузку обоза и лошадей на желѣзной дорогѣ **), отдѣлить время для смотровъ; волею-неволею приходится урѣзывать нѣкоторые отдѣлы, а стрѣльбу и практику въ погрузкѣ и выгрузкѣ относить на праздничные дни.

Что же тутъ можно урѣзать, безъ ощутительнаго ущерба дѣлу? Отъ ротныхъ и баталіонныхъ ученій по два дня; отъ полковыхъ, положимъ, одинъ, отъ дивизіонныхъ одинъ; баталіонные маневры разсрочить на два сбора, пригнавъ такъ, чтобы командовавшіе въ одномъ сборѣ наступательными отрядами, въ слѣдующемъ коман-

*) Еще новое доказательство противоположности мирныхъ пріемовъ обученія съ тѣмъ, что придется соблюдать на самомъ дѣлѣ: тамъ, напротивъ, нужно стараться избѣгать отдѣленія начальника отъ его части.

**) О посадкѣ и высадкѣ людей не говоримъ: это дѣло легкое.

довали оборонительными (и наоборотъ), три дня. Итого девять дней; а въ двухъ мѣсяцахъ однихъ воскресеній можетъ быть девять. Въ крайности, можно не дѣлать полковыхъ и бригадныхъ маневровъ; наконецъ сократить число баталіонныхъ маневровъ, хотя, въ виду важности этого отдѣла, его, безъ крайней необходимости, лучше не сокращать далѣе показаннаго. То же должно сказать и относительно періода ротныхъ и баталіонныхъ ученій. Мы готовы, въ случаѣ недостатка времени, пожертвовать скорѣе полковыми и бригадными маневрами, чѣмъ баталіонными потому, что если пѣхота, кавалерія и артиллерія сманеврированы въ мелкихъ частяхъ, маневры крупныхъ частей не могутъ не быть хороши, чего нельзя сказать наоборотъ.

13.

Движенія цѣпи, фронтальныя и боковыя, подъ огнемъ противника. Въ настоящее время почти повсемѣстно уже принято дѣлать наступленіе и отступленіе цѣпи подъ огнемъ не одиночными людьми, а цѣлыми участками, болѣе или менѣе крупными; и притомъ не зря, а отъ позиціи къ позиціи. Говорить о преимуществахъ этого способа предъ прежнимъ едва ли нужно: дѣльная стрѣльба ни на минуту не прекращается, ибо передніе не мѣшаютъ стрѣлять заднимъ, движеніе идетъ быстро, такъ какъ перебѣжки дѣлаются на значительныя разстоянія (шаговъ до 150, 200), безъ остановокъ по дорогѣ для выстрѣла; люди не выпадаютъ изъ рукъ начальниковъ. Это послѣднее удобство приближаетъ разсыпной строй къ сомкнутому въ дѣлѣ управленія людьми, нисколько не стѣсняя той самостоятельности, которая должна быть предоставляема стрѣлкамъ въ цѣпи.

Но въ исполненіи передвиженія цѣпи по этому способу не всегда соблюдаются здравые боевые принципы, что и ведетъ къ укорененію несообразныхъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, мы слышали, что въ нѣкоторыхъ частяхъ, для обозначенія той позиціи, на которую предстоитъ перебѣжать при наступленіи, высылается унтеръ-офицеръ, который, добѣжавъ до указаннаго мѣста, поворачивается кругомъ (т. е. лицомъ къ цѣпи, а тыломъ къ непріятелю) и становится на одно колѣно, взявъ передъ себя ружье. Въ иныхъ частяхъ дѣлаются слишкомъ короткія перебѣжки (шаговъ 10, 15), что совершенно уничтожаетъ выгоды этого способа движенія; въ иныхъ участки цѣпи перебѣгаютъ не отъ позиціи къ позиціи, а, такъ называемыми, шахматами: т. е. не останавливаются на линіи участковъ, уже за-

легшихъ на позиціи, а продолжаютъ движеніе за нее. Несообразность первыхъ изъ этихъ пріемовъ сразу бросается въ глаза: высылать унтеръ-офицеровъ первыми впередъ значитъ идти на то, что ихъ первыми и перестрѣляютъ: кто же будетъ управлять тогда участками цѣпи? Нельзя не замѣтить притомъ, что одинъ человѣкъ представляетъ и ненадежное средство обозначенія позиціи, ибо слишкомъ подверженъ случайностямъ. Итакъ, высылать для этой цѣли одного мало; высылать притомъ унтеръ-офицера — нерезонно. Мы уже не говоримъ о томъ, что поворачиваться высылаемому тыломъ къ непріятелю совершенно несообразно. Несостоятельность короткихъ перебѣжекъ также ясна: перебѣжать на 15 шаговъ не значитъ перемѣнить позицію; это тоже самое, какъ если бы артилерія дѣлала перемѣны позицій на 25—50 саженъ.

Перебѣжки шахматами произошли, очевидно, изъ подражанія прежнему способу наступленія и отступленія, при которомъ люди, во все время движенія, то и дѣло опереживали одни другихъ. Не уразумѣвъ идеи перебѣжекъ участками, которая есть переходъ съ одной позиціи на другую, думаютъ, что вся разница ихъ отъ старыхъ перебѣжекъ въ томъ только, что дѣлавшееся тамъ отдѣльными стрѣлками, здѣсь дѣлается нѣкоторымъ числомъ ихъ. Взявъ это въ разсчетъ, не трудно открыть несообразность перебѣжекъ шахматами. Цѣль перебѣжекъ участками заключается въ томъ, чтобы занять новую позицію подъ покровительствомъ огня, производимаго со старой позиціи; утвердившись на новой позиціи, остаться на ней болѣе или менѣе продолжительный моментъ времени для обстрѣливанія непріятеля. Говоримъ «болѣе или менѣе продолжительный» потому, что на новой позиціи люди должны, во-первыхъ, успокоиться отъ бѣга, иначе стрѣльба будетъ дурна; высмотрѣть цѣли, опредѣлить до нихъ разстоянія и уже затѣмъ только стрѣлять. Все это требуетъ времени, равно какъ и то, чтобы стрѣльба дала хоть какой-нибудь результатъ. Въ бою на иной подобной позиціи придется постоять часъ, иногда и больше: ясно, слѣдовательно, что части цѣпи должны каждый разъ пристраиваться къ выбѣжавшей впередъ, а не опереживать ее.

Намъ кажется наиболѣе соотвѣтствующимъ боевымъ условіямъ слѣдующій порядокъ движеній цѣпи по этому способу:

Принимается за правило: 1) при наступленіи, первыми начинаютъ перебѣжку тѣ части цѣпи, передъ которыми есть выгодныя мѣста на новой позиціи; при отступленіи — тѣ, которыя занимаютъ открытыя, т. е. менѣе выгодныя, мѣста старой позиціи; остальныя затѣмъ къ нимъ пристраиваются послѣдовательно или одновременно, какъ будетъ приказано; 2) величина перебѣгающихъ частей непо-

стоянна и соразмѣряется съ силою цѣпи: полувзводъ или взводъ перебѣгаетъ по отдѣленіямъ, рота по полувзводно. Въ длинной линіи очередь перебѣжекъ ведется въ каждомъ баталіонѣ самостоятельно, не соображаясь съ цѣпями сосѣднихъ баталіоновъ; 3) при маневрированіи на мѣстности ровной, порядокъ, въ которомъ участки перебѣгаютъ съ позиціи на позицію, никогда не долженъ быть постояннымъ, т. е. перебѣжку одинъ разъ начинаетъ правый флангъ цѣпи, другой разъ лѣвый, третій разъ центръ. Это необходимо во избѣжаніе установленія какого-либо постояннаго рутиннаго порядка перебѣжекъ, при которомъ, перейдя на мѣстность разнообразную, будутъ, не обращая вниманія на ту позицію, куда предстоитъ перебѣжать, продѣлывать то, къ чему привыкли. На томъ же основаніи не слѣдуетъ на ровномъ мѣстѣ никогда назначать для перебѣжекъ постоянно одной и той же дистанціи *).

Самый механизмъ исполненія на ровной мѣстности будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

Въ цѣпи рота. Руководящій, опредѣливъ направленіе, въ которомъ находится непріятель, и разстояніе до него, приказываетъ, положимъ, сдѣлать три наступательныя перебѣжки: первую въ 100 шаговъ, вторую въ 50, третью въ 150 по полувзводно, въ такомъ порядкѣ: первую перебѣжку начинаетъ 1-й полувзводъ; остальные послѣдовательно къ нему пристраиваются; вторую перебѣжку начинаетъ 3-й полувзводъ, къ которому на линію перебѣгаетъ сперва 1-й, за нимъ 4-й, наконецъ 2-й. Третью перебѣжку начинаютъ 2-й и 3-й полувзводы единовременно; къ нимъ пристраиваются 1-й и 4-й полувзводы также единовременно.

Ротный командиръ собираетъ полувзводныхъ и передаетъ имъ это приказаніе; полувзводные, возвратясь на свои мѣста, собираютъ своихъ унтеръ-офицеровъ и дѣлаютъ тоже самое. Унтеръ-офицеры обходятъ своихъ людей и предваряютъ ихъ о порядкѣ первой перебѣжки. Тутъ же командиръ 1-го полувзвода назначаетъ для первой перебѣжки звено направленія, которое должно обозначить позицію для своего полувзвода и указываетъ предметъ, къ коему оно должно перебѣжать.

По сигналу «наступленіе» выбѣгаетъ звено направленія, залегаетъ на опредѣленномъ разстояніи и открываетъ огонь; по свистку командира 1-го полувзвода этотъ послѣдній пристраивается къ звену направленія бѣгомъ и открываетъ огонь. Какъ только огонь открытъ, къ этому полувзводу пристраиваются остальные, въ указанной по-

*) Ибо на самомъ дѣлѣ выгодныя позиціи никогда не отстоятъ на равномъ разстояніи одна отъ другой.

слѣдовательности, по свистку своихъ командировъ, не высылая звеньевъ направленія, такъ какъ 1-й полувзводъ уже обозначаетъ позицію. Затѣмъ, для второй перебѣжки, звено направленія высылаетъ 2-й полувзводъ, унтеръ-офицеры предваряютъ своихъ людей о порядкѣ этой перебѣжки, которая исполняется по указанному, и т. д.

Вся суть въ томъ, что всѣ участки цѣпи должны сначала занять новую позицію, на ней пріостановиться для дѣйствія и затѣмъ уже начинать новую перебѣжку, а не опереживать часть, выдвинутую первою. Если это важно при наступленіи, то при отступленіи уже безусловно необходимо: иначе не будетъ огня, сколько нибудь дѣльнаго, а перебѣжки могутъ, чего добраго, обратиться въ бѣгство.

Само собою разумѣется, что такой способъ наступленія и отступленія имѣетъ смыслъ только подъ выстрѣлами пѣхоты; внѣ же ихъ цѣпь дѣлаетъ передвиженія шагомъ и вся единовременно.

Весьма полезно также пріучить, при маневрированіи подъ выстрѣлами, дѣлать боковыя передвиженія цѣпью не поворотомъ ея направо или налѣво, а продолженіемъ цѣпи изъ резерва въ должную сторону и убираніемъ соотвѣтственной части цѣпи съ противоположнаго фланга. Примѣръ: изъ роты (мирнаго состава) разсыпаны три первые полувзвода, занимающіе позицію въ 150 шаговъ; требуется передвинуть цѣпь вправо на 50 шаговъ. 4-й полувзводъ продолжаетъ правый флангъ цѣпи, а 3-й убирается въ резервъ. Слѣдуетъ такъ дѣлать потому, что при этомъ способѣ боковаго передвиженія огонь не прерывается и ни одинъ человѣкъ не становится бокомъ къ непріятелю *).

Предлагаемый способъ передвиженія цѣпи также долженъ быть показанъ особо; иначе онъ не утвердится, не взирая на то, что составляетъ только примѣненіе стараго, и чуть не во всякомъ курсѣ тактики встрѣчаемаго, совѣта: стараться въ бою замѣнять боковыя передвиженія фронтальными или, по крайней мѣрѣ, облическими. О примѣненіи этого совѣта къ сомкнутымъ частямъ будетъ ниже.

Немалое затрудненіе представляетъ, какъ мы слышали, маневрированіе цѣпью послѣ усиленія ея, особенно повтореннаго нѣсколько разъ, причемъ, какъ извѣстно, люди перемѣшиваются. Происходитъ это затрудненіе опять же отъ того, что мы не учимъ

---

*) Нѣкоторые замѣтятъ, вѣроятно, что и при боковомъ движеніи огонь не прерывается. Какъ звукъ — да; но какъ мѣткость, онъ совершенно прерывается, ибо если и попадутъ, то развѣ шальныя пули. Теперь стрѣльбою на столько уже занимаются, что всякій долженъ разумѣть огонь на ходу пусканіемъ пуль на вѣтеръ. Не говоримъ уже о неудобствѣ идти въ одну сторону, а стрѣлять въ другую, какъ то неизбѣжно при боковомъ передвиженіи.

унтеръ-офицеровъ исполнять въ строю ихъ обязанности. Стоитъ только наметать ихъ такъ, чтобы они постоянно брали себѣ подъ команду то число ближайшихъ къ нимъ людей, которымъ командовали въ началѣ, не обращая вниманія на то, ихъ ли это люди, или чужіе, и затрудненіе исчезнетъ.

Точно также поступать и полувзводнымъ командирамъ относительно числа унтеръ-офицерскихъ участковъ. Но звенья между разными командирами избѣгать дробить.

14.

Сначала посѣй, потомъ дай время прорости; только послѣ этого смотри, что проросло и какъ, и принимай мѣры исправленія, если не такъ проросло или совсѣмъ не выросло. Что выйдетъ, если, посѣявъ, будемъ каждый день расковыривать землю и смотрѣть, не проросло ли? Выйдетъ то, что или проростетъ чахло, или и совсѣмъ не проростетъ. Излишняя забота о томъ, что результата не будетъ, можетъ убить его точно такъ же (если не болѣе), какъ и полная о немъ беззаботность.

Вѣрное относительно растительныхъ насажденій не менѣе вѣрно и относительно всѣхъ прочихъ. Возьмемъ, напримѣръ, наше дѣло: слѣдуетъ указать, что должно быть сдѣлано; нужно и смотрѣть, чтобы было сдѣлано; но нужно же сначала дать время сдѣлать, а потомъ смотрѣть. Если этого нѣтъ, если смотры отнимутъ много времени, то на ученье останется мало времени. При подобномъ положеніи трудно ожидать солидной подготовки, а можно получить только показную. Мало того: стѣсняется кругъ самостоятельности каждаго начальника, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивается и чувство отвѣтственности. И тогда являются между офицерами, даже не изъ младшихъ, такіе, которые, получивъ замѣчаніе о неисправности ихъ части, готовы сослаться въ оправданіе на свою личную исправность, т. е. такую, которая можетъ быть поставлена въ заслугу только солдату-рядовому, но даже не десяточному, не говоря уже о начальникахъ повыше. Такой взглядъ на свое положеніе и обязанности въ начальникѣ сотни, тысячи себѣ подобныхъ прискорбенъ до невыразимости: онъ указываетъ, что человѣка въ прямомъ его дѣлѣ вели такъ, что онъ или утратилъ понятіе о громадной разницѣ между солдатской и начальничьей отвѣтственностью, или же и никогда такого понятія не имѣлъ. Солдатъ ни за кого, кромѣ себя, не отвѣчаетъ; начальникъ, начиная со старшаго въ звенѣ, — прежде всего за другихъ и потомъ уже за себя отвѣчаетъ. Эта разница такъ велика, что случались люди, дрянные въ частной жизни, никуда негодные въ смыслѣ личной отвѣтственности и незамѣнимые въ

смыслѣ отвѣтственности за другихъ: до такой степени эти два рода отвѣтственности различны по своей натурѣ. Нужно ли говорить о роли, которую играетъ начальничья отвѣтственность въ военное время? Нужно ли говорить о настоятельной необходимости въ мирное время блюсти за тѣмъ, чтобы не только ее не вытравлять, а напротивъ, всѣми мѣрами укрѣплять и развивать въ сознаніи начальниковъ?

Въ примѣненіи къ армейской жизни мы полагаемъ, что на дивизію двухъ смотровъ въ годъ за глаза довольно: и что, переходя за эту норму, можно скорѣе повредить, чѣмъ принести пользу дѣлу. Мнѣніе это мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Въ концѣ сентября оканчивается лагерный сборъ; на то, чтобы разойтись по квартирамъ и отдохнуть, уходитъ октябрь мѣсяцъ: слѣдовательно, серьезныя занятія начинаются съ 1-го ноября.

Ранѣе января смотрѣть бригаднымъ командирамъ нечего, и можно скорѣе помѣшать занятіямъ, нежели принести пользу смотромъ. И такъ, положимъ, что на смотры бригадныхъ командировъ уйдетъ вторая половина января и первая февраля. Затѣмъ остается половина февраля, мартъ и половина апрѣля для занятій. Дѣлать въ этотъ періодъ смотръ будетъ опять скорѣе помѣхою, нежели помощью занятіямъ, ибо промежутокъ между смотрами выйдетъ слишкомъ малъ. Затѣмъ, около 15-го апрѣля начинаются полковые сборы, во время которыхъ производится смотръ начальникомъ дивизіи. Слѣдовательно, второй смотръ бригадныхъ командировъ сливается со смотромъ начальника дивизіи, что и весьма кстати, ибо весенняя повѣрка самая важная, и сколько нибудь основательно одинъ человѣкъ не въ силахъ ее сдѣлать. Послѣ полковыхъ сборовъ вольныя работы, а затѣмъ общій лагерный сборъ, гдѣ нужно уже учить, а не смотрѣть, ближайшимъ старшимъ начальникамъ, въ ожиданіи смотра начальниковъ высшихъ.

По этому разсчету выходитъ, что смотры старшихъ начальниковъ слѣдуютъ на интервалѣ $2^1{}_2$ мѣсяцевъ, что для пользы дѣла совершенно достаточно, если взять въ разсчетъ, что въ этихъ интервалахъ помѣстится еще два смотра полковыхъ командировъ. Болѣе частые смотры помянутыхъ начальниковъ, по нашему крайнему разумѣнію, скорѣе были бы вредны, чѣмъ полезны, нарушая правильный ходъ занятій, отнимая даже время отъ нихъ и, наконецъ, лишая полкового командира возможности сдѣлать основательную переборку ротъ.

Если это вѣрно при широкомъ расквартированіи, когда учащенію смотровъ полагаютъ предѣлы погода и разстоянія, то при казарменномъ расположеніи является безусловной необходимостью. Въ послѣднемъ случаѣ опасность представляетъ самая легкость про-

изводства смотровъ, могущая повести къ тому, что больше времени будетъ уходить на смотры и на приготовленіе къ нимъ, нежели на систематическое обученіе. Тутъ начнутся не только общіе смотры въ неумѣренномъ числѣ, но, что хуже, смотры по отдѣламъ образованія, которые совершенно извращаютъ взглядъ на образованіе, устремляя по временамъ вниманіе всѣхъ исключительно на что-нибудь одно, между тѣмъ какъ система занятій, разумно понимаемая, предполагаетъ веденіе всѣхъ отдѣловъ образованія фронтомъ.

Въ настоящее время, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы всю армію поставить по казармамъ, весьма важно подумать объ удержаніи смотровой дѣятельности въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ пользою службы. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, человѣкъ часто бываетъ наклоненъ удовлетворять своимъ влеченіямъ, а не общей потребности: своимъ влеченіямъ смотрѣть, а не потребности частей быть осмотрѣнными. А съ этой точки нельзя не сказать, что иная дѣятельность бываетъ хуже полнаго бездѣйствія. Мы вполнѣ убѣждены по этому, что и при казарменномъ расположеніи полезная смотровая дѣятельность должна быть ограничена двумя вышеуказанными смотрами, которые должны каждый разъ имѣть предметомъ всю систему образованія, а не нѣкоторые его отдѣлы. Это не исключаетъ, конечно, права и обязанности старшихъ начальниковъ посѣщать занятія и въ остальное время, при казарменномъ расположеніи: но посѣщать безъ заблаговременнаго предваренія и притомъ прямо противоположно тому, какъ принято теперь. Теперь начальникъ не прочь попасть на строевое ученье, гимнастику, прицѣливаніе, фехтованіе, но никогда не попадаетъ на изустное преподаваніе; намъ кажется, обратный порядокъ принесъ бы болѣе пользы: рѣже попадать на первыя упражненія и чаще на вторыя. Именно изустное преподаваніе болѣе всего и нуждается въ руководствѣ опытнаго и развитаго ума.

Не странно-ли, что эта важнѣйшая и труднѣйшая часть воинскаго образованія до сихъ поръ еще находится въ ротахъ почти исключительно въ рукахъ унтеръ-офицеровъ и только кое-гдѣ въ рукахъ младшихъ офицеровъ? И такимъ-то образомъ нашего руководства именно тамъ и нѣтъ, гдѣ оно всего необходимѣе и гдѣ насъ никто замѣнить не можетъ. Кто можетъ установить методы преподаванія различныхъ отдѣловъ внутренней и гарнизонной службы, которыя опредѣляютъ нравственный и умственный складъ солдата? Кто можетъ указать, что въ этихъ отдѣлахъ должно быть подчеркнуто? Конечно, никто кромѣ офицеровъ всѣхъ степеней. И одно посѣщеніе этихъ занятій бригаднымъ командиромъ, начальникомъ дивизіи, можетъ принести болѣе пользы, нежели посѣщенія ими

десяти строевыхъ ученій. Слѣдовательно, и тутъ дѣло оказывается поставленнымъ, если позволено будетъ такъ выразиться, вверхъ ногами. Внѣшнее, матеріальное, стоитъ на первомъ планѣ; внутреннее, неосязаемое, но коренное, отодвинуто въ тѣнь и предоставлено людямъ, которые, при всей доброй волѣ, не могутъ удовлетворительно выполнить великой роли, имъ выпавшей по странной случайности. Это отношеніе къ дѣлу обнаруживается и при смотрахъ: повѣряютъ строй, фехтованіе, гимнастику, стрѣльбу; но если двадцатый повѣритъ солдатъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ въ знаніи обязанностей внутренней и гарнизонной службы, такъ и то слава Богу. Въ особенности повѣрка офицеровъ въ этихъ отдѣлахъ до такой степени пришла въ забвеніе, что даже и между начальниками нѣкоторые расположены смотрѣть на нее чуть не какъ на оскорбленіе офицерскаго достоинства.

15.

Полезно или нѣтъ допускать искренній, открытый разборъ военныхъ порядковъ? Нѣкоторые, даже изъ теоретиковъ, ничего кромѣ такого разбора всю жизнь недѣлавшихъ, смотрятъ на него, какъ на дѣло опасное и вредное во всѣхъ рукахъ, кромѣ, разумѣется, ихъ собственныхъ. Не замѣчаютъ эти господа того, что безъ подобнаго разбора нѣтъ движенія впередъ, нѣтъ улучшенія, нѣтъ жизни; не замѣчаютъ и того, что какія усилія ни дѣлали бы, стремленія къ разбору истребить нельзя, а можно только вогнать его внутрь, сдѣлать неискреннимъ и неоткрытымъ; сообщить, однимъ словомъ, уродливое направленіе разбору. Если бы они были внимательнѣе къ тому, что происходитъ на ихъ глазахъ, то и увидѣли бы, что тамъ, гдѣ преслѣдуется откровенный разборъ, начинается разборъ изподтишка, вкривь и вкось, да зачастую еще и съ враждебнымъ характеромъ. Мы до сихъ поръ никакъ уразумѣть не можемъ, что человѣкъ готовъ иногда нести очень и очень тяжелое бремя безъ вознагражденія, безъ ободренія, за одно только то, если искренно можетъ высказывать, что у него на душѣ. Спора нѣтъ, что и при этомъ неизбѣжны будутъ невѣрныя сужденія; но они утратятъ характеръ заманчивости, не будучи запрещеннымъ плодомъ, показываемымъ изъ подъ полы. Критики нѣтъ тамъ только, гдѣ дѣломъ не интересуются, гдѣ духъ отлетѣлъ, и осталась одна мертвая форма. Критика, и только она одна, выводитъ дѣло на свѣтъ Божій, очищаетъ его отъ нелогическихъ примѣсей, содѣйствуетъ даже развитію честной и разумной исполнительности. Только критика можетъ внѣдрить въ сознаніе то основное положеніе всякой практической дѣятельности, по

которому законъ должно исполнять свято не потому что онъ хорошъ или дуренъ, а потому что онъ законъ. Получается, слѣдовательно, благодаря критикѣ, исполнительность, идущая не изъ внѣшняго принужденія, но отъ сердца; исполнительность безъ разсужденія о достоинствѣ приказанія, но съ разсужденіемъ о томъ, чтобы его исполнить по возможности лучше. А въ трудныя минуты только на подобную исполнительность и можно положиться. Искренность обсужденія и тѣмъ хороша, что выясняетъ для каждаго, что на этомъ сѣромъ свѣтѣ нѣтъ совершенства; и что въ практическомъ дѣлѣ успѣхъ гораздо болѣе зависитъ отъ честнаго, энергическаго и толковаго исполненія, чѣмъ отъ достоинства плана. Слѣдовательно, въ искренности обсужденія въ мирное время открывается и вѣрнѣйшій противовѣсъ пустозвонной, разлагающей критикѣ. которая въ трудныя минуты развивалась въ арміяхъ, наиболѣе, повидимому, подавленныхъ. Итакъ, искренность обсужденія въ теоріи; безусловная, но осмысленная исполнительность въ практикѣ: вотъ тотъ путь, которымъ можетъ водвориться знаніе въ умахъ, внутренній нравственный порядокъ въ сердцахъ. Уже давно сказано, что столкновеніе мнѣній даетъ истину: нужно, слѣдовательно, возбуждать, а не тушить его.

16.

Тощій результатъ въ какомъ либо дѣлѣ нерѣдко приписываютъ несовершенству устава или положенія, не обращая вниманія на то, исполняются-ли они, и какъ исполняются. Задавшись этимъ вопросомъ, безъ труда откроемъ, что неуспѣхъ происходитъ, изо ста случаевъ по крайней мѣрѣ въ девяноста, не отъ устава, а отъ его исполненія. Понятно, что помочь дѣлу въ подобномъ положеніи можно, только возстановивъ чувство отвѣтственности и исполнительности, а не издавъ новый уставъ: безъ этого и новый уставъ ждетъ судьба стараго.

Не разъ уже говорилось и показывалось, какое значеніе имѣетъ строго проведенная и неусыпно поддерживаемая организація мелкихъ подраздѣленій роты—такъ сказать, частичная организація воинскаго тѣла. Гдѣ эта организація не крѣпка, тамъ нѣтъ и быть не можетъ прочнаго внутренняго порядка: слѣдить не только за сотней, но и за двадцатью человѣками одному невозможно, а за десятью, или около того, усмотрѣть легко. И потому фельдфебель, четыре капральныхъ и 16 десяточныхъ—остовъ роты въ отношеніи личнаго ея состава: если онъ хорошъ, рота не можетъ быть дурна. Подготовить такое количество людей не превосхо-

дитъ средствъ офицерскаго кадра роты. Изо всѣхъ воинскихъ спеціальностей, спеціальность управленія людьми, конечно, самая трудная, и дается только продолжительной практикой. Въ особенности это вѣрно въ примѣненіи къ начальникамъ изъ солдатъ. Офицеру не трудно быть начальникомъ надъ солдатомъ, при мало-мальски добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу; гораздо труднѣе стать въ эту роль нижнему чину, котораго солдаты разумѣютъ товарищемъ, да и самъ онъ себя разумѣетъ въ отношеніи къ нимъ такъ же. Помочь нижнему чину преодолѣть эту трудность можно только путемъ практики, постепенно увеличивая число людей, его начальству ввѣряемыхъ; этимъ же путемъ можно укоренить въ немъ и понятіе о рѣзкой разницѣ, существующей между отвѣтственностью начальника и рядоваго. Человѣкъ, имѣющій подъ командою хотя одного подчиненнаго, находится уже совершенно въ другихъ отношеніяхъ къ службѣ, чѣмъ простой рядовой: требованія къ нему не тѣ, не та и отвѣтственность. Важность не въ томъ, за многихъ или за немногихъ отвѣчать; но въ томъ, за себя-ли только, или же и за другихъ человѣкъ привыкъ отвѣчать.

Уставъ о службѣ внутренней предусмотрѣлъ всю важность этой разницы, и не останавливаясь на капральствахъ въ дѣленіи роты, предписываетъ каждое капральство дѣлить на четыре десятка *): понимая это послѣднее слово какъ четверть капральства, а не какъ число десять. Но при слабомъ распространеніи здравыхъ понятій объ организаціи, уменьшенный составъ ротъ сбилъ насъ съ толку; онъ поставилъ двѣ противорѣчивыя данныя: если капральство мирнаго времени дѣлить на четыре десятка, то выйдутъ пятки или шестки, но не десятки; если же имѣть десятки, то ихъ изъ такого капральства болѣе двухъ получить нельзя. Противорѣчіе было, понятное дѣло, разрѣшено въ пользу формальной данной въ ущербъ сущности: стали дѣлить капральства на два десятка, т. е. уничтожили цѣлую половину десяточныхъ, лишили ихъ практики въ командованіи, столь важной и необходимой, какъ доказано выше. Нѣкоторые даже совсѣмъ забыли раздѣленіе на десятки, а иные пошли дальше и стали дѣлить роту, вмѣсто четырехъ, только на два капральства. Однимъ словомъ, поняніе о кадрѣ роты вышло непризнаннымъ и извращеннымъ. И до такой степени пришло въ забвеніе то, на чемъ держится здоровый складъ организма воинскаго, что подобныя мѣропріятія, составляющія нарушеніе коренныхъ за-

*) Замѣтимъ: не просто на десятки, а именно на четыре десятка. Въ уставѣ о службѣ внутренней говорится о раздѣленіи на пять, а не на четыре десятка, потому что онъ писался примѣнительно къ ротамъ 250-наго состава.

коновъ этого склада, никого не поражаютъ. Въ этомъ случаѣ забыто, что всякая организація должна быть соображена съ военнымъ, а не съ мирнымъ составомъ; и, слѣдовательно, сущность не въ томъ, чтобы въ мирное время десятки были въ комплектѣ, но въ томъ, чтобы командный кадръ на военный составъ былъ въ комплектѣ. Бѣда не велика, если десятки малы; но будетъ бѣда, и большая, если не будетъ готовыхъ командировъ на тѣ настоящіе десятки, которые получатся съ приведеніемъ роты въ военный составъ. Если они не будутъ подготовлены въ мирное время, то откуда же имъ явиться въ военное *)? Скажутъ, можетъ быть, что при такомъ слабомъ составѣ десятковъ практика въ управленіи людьми недостаточна; но намъ кажется, что хоть какая нибудь практика все же лучше никакой; да притомъ дѣло въ привычкѣ къ отвѣтственности за другихъ вообще, а не за какое либо опредѣленное ихъ число. Если десятокъ въ четыре или пять человѣкъ—не десятокъ, то вѣдь и рота въ 100 человѣкъ тоже не рота: послѣдовательно проводя это начало, получимъ существенное нарушеніе организаціи. Рота организмъ, а не механизмъ; и всякая органическая часть роты, какъ бы ни была она мала, безусловно должна существовать по этому и въ мирное время, хотя бы только въ зародышѣ. Эти органическія части—десятки, капральства: онѣ худѣютъ въ мирное, полнѣютъ передъ военнымъ временемъ, но не исчезаютъ никогда тамъ, гдѣ понимаютъ, что внутренній порядокъ зависитъ, прежде и болѣе всего, отъ прочной частичной организаціи. Теперь уже поняли, что изъ одной роты мирнаго слабаго состава нельзя дѣлать двухъ или трехъ ротъ сильнаго состава, какъ думали прежде; но далеко еще не всѣ поняли, что это относится и къ расчлененіямъ роты: не только въ равной, но въ большей мѣрѣ чѣмъ къ ротѣ, ибо, какъ уже сказано, солдату труднѣе быть начальникомъ, чѣмъ офицеру **). Намъ кажется по этому, что дѣленіе на десятки тамъ, гдѣ оно утрачено, должно быть возстановлено со всею строгостью и послѣдовательностью, а не для формы только.

17.

Въ военномъ дѣлѣ все основано на единодушіи, товариществѣ; учимъ людей стрѣлять, колоть для того, чтобы они дѣйствитель-

---

*) Мы считаемъ неразсчетливою надежду на унтеръ-офицеровъ, которые явятся изъ отпуска: первое время ихъ тоже придется вгонять въ забытую службу, слѣдовательно нельзя будетъ возлагать на нихъ какихъ либо постоянныхъ должностей.

**) Все это относится, конечно, къ полевымъ только войскамъ.

нѣе могли выручать другъ друга; учимъ строямъ для того, чтобы они въ массѣ не толкались, не мѣшали, а помогали другъ другу. Всѣ тактическія формы имѣютъ ту же цѣль. Въ виду этого, все, способствующее развитію товарищества, должно быть поощряемо; все препятствующее — внимательно устраняемо. На дѣлѣ это, къ сожалѣнію, не такъ: не рѣдкость встрѣтить полки, въ которыхъ между полковымъ управленіемъ и ротами существуетъ полнѣйшій антагонизмъ; идетъ глухая, но непрерывная война и по учету провіанта, и по командированію въ полковыя мастерскія портныхъ и сапожниковъ, и даже наконецъ—кто бы могъ это подумать!— по назначенію людей въ полковыя учебныя команды. Подобное положеніе едва-ли можно признать нормальнымъ и желательнымъ; и такъ какъ оно не составляетъ исключенія, то съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ заключить, что причина его не въ людяхъ, а въ установившейся системѣ, не вполнѣ соображенной со свойствами людей. Нужно-ли командировать портныхъ и сапожниковъ, ротные командиры стараются укрыть лучшихъ, чины полковаго управленія забираютъ, напротивъ, справки подъ рукою, въ какой ротѣ и кто именно лучшіе мастеровые. Которая изъ этихъ двухъ сторонъ права, которая виновата? Обѣ правы. Въ полку нельзя дѣлать постройку съ неучами; ротному командиру тоже не охота оставаться съ такими же неучами; ибо не та, такъ другая работа и въ ротѣ есть постоянно. Да вдобавокъ, въ полковой мастерской мастеровыхъ задерживаютъ иногда даже на полковые сборы: приходитъ смотръ, этихъ людей распускаютъ и ротный командиръ, волею-неволею, ставитъ ихъ въ строй, выводитъ на стрѣльбу, безъ всякой подготовки. Намъ кажется, дѣло весьма бы выиграло, если принять за правило: 1) часть постройки передавать въ роты; 2) прикомандировываемыхъ къ полковымъ мастерскимъ непремѣнно распускать на весь періодъ полковыхъ сборовъ.

Съ учебными командами не лучше: фактъ дознанный, что ротные командиры задерживаютъ лучшихъ людей, т. е. не посылаютъ ихъ въ учебныя полковыя команды. Можно-ли въ этомъ винить ихъ? Намъ кажется, нѣтъ. Вѣдь служба не ждетъ, пока учебная команда подготовитъ унтеръ-офицеровъ; старыхъ ежегодно приходится то и дѣло увольнять въ отпускъ: при такомъ положеніи если отдавать лучшихъ въ ученіе, а съ худшими оставаться служить, какъ разъ наживешь бѣду отъ тѣхъ самыхъ, которые требуютъ назначенія лучшихъ людей въ учебную команду. Кончаютъ люди учебныхъ командъ курсъ и производятся въ унтеръ-офицеры въ роты; а тамъ уже есть люди, которые привыкли исполнять унтеръ-офицерскія обязанности и которыхъ солдаты привыкли разу-

мѣть начальствомъ. Послѣдствія понятны: вмѣсто стройнаго, согласнаго склада роты получается такой, при которомъ малѣйшая случайность можетъ возбудить тѣ мелочныя съ виду, но очень прискорбныя столкновенія, которыя иногда лучшихъ людей вызываютъ на проступки противъ дисциплины. Выходъ изъ подобнаго ненормальнаго положенія одинъ: смотрѣть на учебную команду не только какъ на школу, мимо которой никто не можетъ попасть въ унтеръ-офицеры, но и какъ на экзаменную коммисію для тѣхъ, которыхъ ротные командиры представляютъ къ производству въ унтеръ-офицеры помимо учебной команды. Вѣдь дѣло въ томъ, чтобы унтеръ-офицеры знали свои обязанности, а вовсе не въ томъ, чтобы они узнавали ихъ непремѣнно въ учебной командѣ. Ротный командиръ, заинтересованный въ томъ, чтобы у него унтеръ-офицеры были хороши, не представитъ недостойнаго и приготовитъ его, пожалуй, лучше, чѣмъ то сдѣлаютъ въ учебной командѣ молодые офицеры, уступающіе ему въ опытности. Учебныя команды, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, возникли вслѣдствіе необходимости перейти отъ старыхъ взглядовъ къ новымъ на объемъ знаній, потребныхъ унтеръ-офицеру; возникли тогда, когда ротные командиры этихъ новыхъ взглядовъ еще и не подозрѣвали, но теперь они знаютъ эти взгляды, раздѣляютъ ихъ; и если не всѣ, то лучшіе изъ ротныхъ командировъ сами съумѣютъ приготовить себѣ унтеръ-офицеровъ, ничуть не хуже, а иногда и лучше, нежели приготовляютъ ихъ въ учебной командѣ. Намъ кажется, такой порядокъ слѣдуетъ поощрять, а не противодѣйствовать ему. Вѣдь учебныя команды, съ точки зрѣнія командированія людей изъ ротъ, могутъ быть оправданы лишь крайнею необходимостью: и чѣмъ будетъ меньше командировано людей изъ ротъ, тѣмъ лучше. Часть, которая сама себѣ можетъ подготовить унтеръ-офицеровъ, по справедливости можно считать идеально-благоустроенною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и задержка въ ротѣ лучшихъ людей обратится въ то, что она есть на самомъ дѣлѣ: именно въ свидѣтельство того, что ротному командиру дороги интересы части, ему ввѣренной. По нашему мнѣнію, не можетъ быть ротному командиру лучшей атестаціи, если онъ, въ подготовкѣ унтеръ-офицеровъ, не нуждается въ помощи учебной команды.

То же самое, что сказано о назначеніи людей въ учебныя команды, относится, только въ степени несравненно большей, къ переводамъ людей изъ роты въ роту въ значительныхъ размѣрахъ, напримѣръ, при такъ называемой переранжировкѣ. Тутъ уже не на время, а навсегда рота лишается переводимыхъ: поневолѣ больно и ротѣ, и тѣмъ, кого она лишается. И нельзя винить ротнаго

командира, если онъ пускается на хитрости, чтобы разстаться съ возможно меньшимъ числомъ своихъ, а можно только ему сочувствовать. Людямъ свойственно также сростаться, что всякій на себѣ можетъ замѣтить по тому тяжелому чувству, которое испытываетъ, оставляя общество, къ которому привыкъ; это свойство сростанія, дающее внутреннюю цѣльность ротѣ, должно быть уважаемо; и сцѣпленіе, даваемое имъ, нужно беречь, а не разрушать добровольно. Слова нѣтъ, нужно стараться, чтобы въ первыя роты попадали люди покрасивѣе; но эта цѣль уже достаточно достигается назначеніемъ въ эти роты лучшихъ людей при распредѣленіи наборовъ. Но подборъ, идущій далѣе этого, причиняетъ, по нашему убѣжденію по крайней мѣрѣ, невознаградимый ущербъ нравственному внутреннему сцѣпленію: и то болѣзненное чувство, которое онъ возбуждаетъ во всемъ составѣ полка, совершенно законно, естественно и извинительно. Замѣчательно, что при подобныхъ переранжировкахъ никто не остается доволенъ получаемыми людьми и всегда жалѣетъ о тѣхъ, которыхъ лишился; а между тѣмъ навѣрное можно сказать, что при огульномъ переводѣ, особенной разницы между тѣми и другими быть не можетъ: лучшее доказательство того, что тутъ дѣло не въ качествѣ людей, а въ томъ, что знакомаго и привычнаго человѣка приходится мѣнять на незнакомаго и непривычнаго. Намъ кажется, что это чувство заслуживаетъ уваженія; оно именно показываетъ, что скопленія людей въ массы составляютъ фактъ органическій, а не механическій; и что все, что способствуетъ сростанію массъ, должно быть подсматриваемо и соблюдаемо, а не разрушаемо по соображеніямъ самаго несущественнаго свойства. Взять у ротнаго командира людей, которыхъ онъ воспиталъ и образовалъ, съ которыми возился, которыхъ онъ знаетъ и которые его знаютъ, не значитъ только перемѣстить мертвыя частицы однѣ на мѣсто другихъ; но значитъ оторвать часть живого тѣла и приставить его къ другому тѣлу: нужно ждать, пока она приростетъ, да и приростетъ ли еще? Кому неизвѣстно, что иной человѣкъ въ однѣхъ рукахъ дѣлаетъ свое дѣло прекрасно, а въ другихъ становится плохъ, вялъ? Не даромъ у народа сложилась поговорка: «они другъ другу ко двору пришлись». Нигдѣ, можетъ быть, эта поговорка не имѣетъ такого значенія, какъ въ воинскомъ организмѣ; въ немъ все должно быть направлено къ тому, чтобы люди приходились ко двору другъ другу: тѣмъ болѣе, что при теперешнихъ срокахъ службы, оторвавшись отъ одного тѣла, трудно и успѣть прирости къ другому.

Великою пользою для дѣла и великимъ счастіемъ для людей было бы, если бы на роту стали смотрѣть какъ на живой инди-

видуумъ, который какъ человѣкъ, не можетъ быть раздробляемъ на части безъ уничтоженія его, какъ организма. Вопросы частичнаго сложенія воинскихъ тѣлъ представляютъ, по нашему крайнему разумѣнію, капитальную важность именно при короткихъ срокахъ службы; и распространеніе правильнаго взгляда на эти вопросы настоятельно необходимо. Установленіе раціональнаго, т. е. строго соображеннаго со свойствами человѣка, разрѣшенія ихъ принесетъ такую же пользу въ примѣненіи къ коллективнымъ организмамъ, какую микроскопическія изслѣдованія принесли уже въ дѣлѣ изученія органическихъ тканей.

18.

Боковыя передвиженія боевого порядка въ виду непріятеля. Общій типъ этихъ передвиженій показанъ выше: должно не передвигать весь боевой порядокъ, а продолжить его, сколько нужно, на одномъ флангѣ и укоротить съ фланга противоположнаго.

По крайней мѣрѣ, половина офицеровъ читала объ этой эволюціи и ни одинъ не прибѣгаетъ къ ней въ полѣ по той же часто упоминаемой причинѣ, что не видѣли на дѣлѣ, какъ ее примѣняютъ. А между тѣмъ она пріобрѣтаетъ большое значеніе какъ для производства охватовъ, такъ и для противодѣйствія имъ. Ожидать, чтобы ее усвоили изъ маневровъ, и долго, и ненадежно: одинъ замѣтитъ, какъ это дѣлается, а десятеро не обратятъ вниманія. Да притомъ на маневрѣ нужно не учиться, а примѣнять изученное. Слѣдовательно, и эту эволюцію нужно выдѣлить для показа въ особый пріемъ, предпославъ, разумѣется, показу приличное объясненіе. Показывать можно такъ:

Стоитъ полкъ въ резервномъ порядкѣ. Сборъ гг. офицеровъ.

«Вамъ, гг., извѣстно, что боковыя передвиженія въ виду непріятеля неудобны, ибо при нихъ во всемъ боевомъ порядкѣ не остается ни одной части, готовой отразить нападеніе, да и самое движеніе бокомъ къ непріятелю производитъ дурное впечатлѣніе на людей. Кромѣ того, боковое передвиженіе и тѣмъ неудобно, что оно видно съ самаго начала непріятелю и, слѣдовательно, слишкомъ рано открываетъ ему ваши намѣренія. А общее правило, которое прошу помнить, гг., во всѣхъ случаяхъ: чѣмъ позже вы дадите заглянуть въ ваши карты непріятелю, тѣмъ лучше. Поэтому тактика и совѣтуетъ: 1) при исполненіи всякой эволюціи непремѣнно имѣть прикрывающую, т. е. ежеминутно готовую къ любому дѣйствію, часть; 2) избѣгать боковыхъ передвиженій въ частяхъ, противопоставленныхъ непосредственно

непріятелю, замѣняя ихъ фронтальными или, по крайней мѣрѣ, облическими. Поэтому, если нужно передвинуть боевой порядокъ вправо или влѣво, лучше продолжить его въ требуемую сторону и укоротить съ фланга противоположнаго, чѣмъ передвигать его весь разомъ, поворотивъ направо или налѣво. Это удлиненіе дѣлать или частями резерва, если онъ есть, или же ротами 2-й линіи, если нѣтъ резерва. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ роты въ баталіонахъ перемѣшаются, и потому гг. баталіоннымъ командирамъ помнить, что они командуютъ участками боевого порядка, и, слѣдовательно, принимать въ свою команду роты, прибывающія въ ихъ участокъ, не обращая вниманія на нумеръ роты. А ротнымъ командирамъ также смотрѣть, къ кому подъ команду они поступаютъ.

«Приказанія буду передавать такъ: передвинуть боевой порядокъ на роту, баталіонъ, два баталіона, вправо или влѣво.

«Если что непонятно, прошу переспросить. — По мѣстамъ, господа».

«Полкъ по 2-му баталіону на полные интервалы разомкнись». Приказаніе 2-му баталіону перестроиться по-ротно въ двѣ линіи и прикрыться цѣпью изъ взвода стрѣлковъ. 1-й и 3-й баталіоны, соображаясь съ нимъ, исполняютъ то же самое.

«Передвинуть боевой порядокъ на баталіонъ вправо».

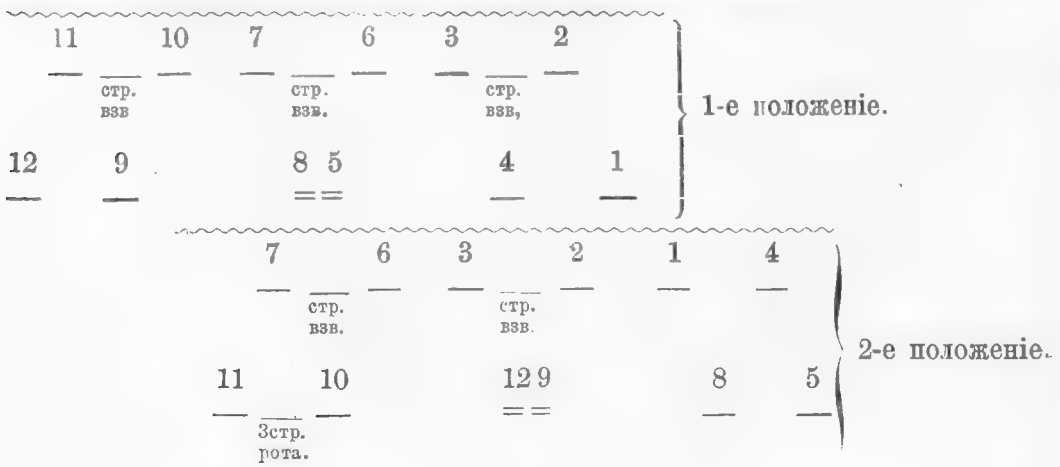
Исполненіе. 1) Неразсыпанный стрѣлковый взводъ 1-го баталіона продолжаетъ цѣпь вправо.

2) Подъ его прикрытіемъ 1-я и 4-я роты (т. е. баталіонный резервъ 1-го баталіона) продолжаютъ боевой порядокъ вправо.

3) Баталіонные резервы 2-го и 3-го баталіоновъ поворачиваютъ направо и поступаютъ въ резервъ ротамъ 1-го баталіона.

4) 10-я и 11-я роты и 1-й взводъ 3-й стрѣлковой роты изъ боевой линіи поступаютъ въ резервъ 6-й и 7-й ротамъ.

5) 2-й взводъ 3-й стрѣлковой роты отступаетъ изъ цѣпи назадъ и присоединяется къ своему первому взводу.



2-й примѣръ. Полкъ имѣетъ 2-й и 3-й баталіоны въ боевой линіи, 1-й въ резервѣ. Прикрытъ цѣпью изъ двухъ взводовъ.

«Передвинуть боевой порядокъ на баталіонъ влѣво».

Исполненіе. 1-й баталіонъ продолжаетъ боевой порядокъ влѣво, продолживъ предварительно цѣпь; послѣ чего 2-й убирается въ резервъ со своею цѣпью, въ послѣдовательности вышеуказанной, т. е. сначала сомкнутый составъ, а потомъ цѣпь.

3-й примѣръ. Стоитъ баталіонъ поротно въ двѣ линіи; прикрытъ цѣпью изъ взвода стрѣлковъ.

«Передвинуть боевой порядокъ на роту вправо».

Исполненіе. 1) Цѣпь продолжается полувзводомъ стрѣлковъ вправо; 2) 1-я рота продолжаетъ правый флангъ боеваго порядка; 3) 4-я поступаетъ къ ней въ резервъ; 4) 3-я рота уходитъ въ резервъ за 2-ю; 5) полувзводъ стрѣлковъ убирается съ лѣваго фланга цѣпи.

Слѣдуетъ показать также продолженіе боеваго порядка уступами, такъ какъ, въ случаѣ охвата со стороны непріятеля, и времени иногда не будетъ войти въ линію; да притомъ это и легчайшій способъ противодѣйствія охвату.

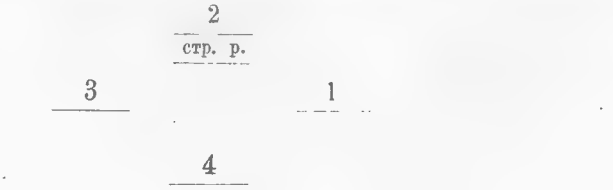
Примѣчаніе. Для сбереженія времени и движенія пріемъ боковыхъ передвиженій боевого порядка можно показывать, раздвигая части на сближенные дистанціи и интервалы. Но слѣдуетъ предупредить, что ими злоупотреблять не должно, ибо для того, чтобы глазъ привыкъ къ дѣйствительнымъ дистанціямъ и интерваламъ, нужно постоянно на нихъ и учиться, прибѣгая къ сближеннымъ только для показа чего-нибудь новаго.

Слѣдуетъ объяснить также, что если боевой порядокъ въ одну линію, то онъ передвигается обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. поворотомъ направо или налѣво, подъ прикрытіемъ только цѣпи стрѣлковъ, которая должна быть предварительно продолжена въ соотвѣтствующую сторону.

Пріемы для перемѣны фронта. Послѣ объясненія, что перемѣна фронта служитъ или для охвата, или для того, чтобы уклониться отъ охвата, и что въ длинныхъ линіяхъ общей перемѣны фронта въ бою, какъ эволюціи, никогда не бываетъ, а выходитъ она сама собою, отдается приказаніе:

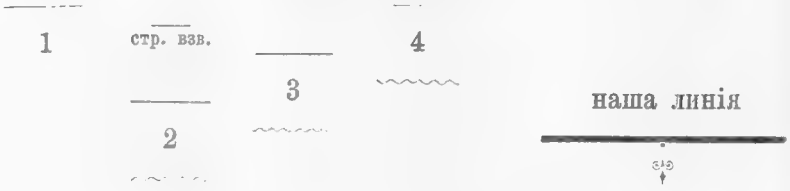
«Приготовить баталіонъ для перемѣны фронта во всѣ стороны».

Исполненіе. Роты располагаются крестомъ, какъ показано на чертежѣ:

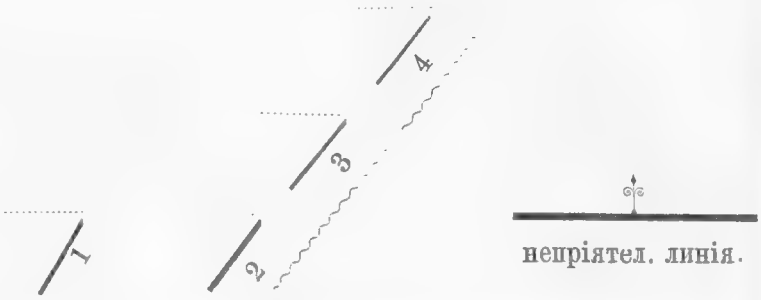


«Приготовить баталіонъ для охвата налѣво тремя ротами, оставляя четвертую для обезпеченія наружнаго фланга»:

Первоначальное расположеніе баталіона, назначеннаго для охвата налѣво.

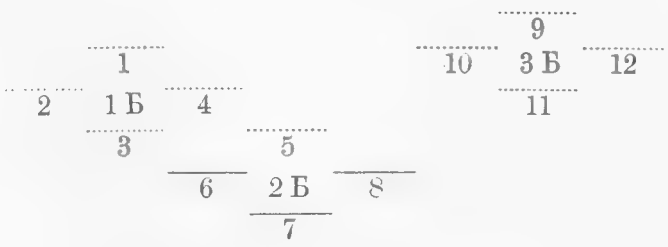


Выходъ изъ-за линіи и перемѣна фронта для охвата непріятельской линіи.

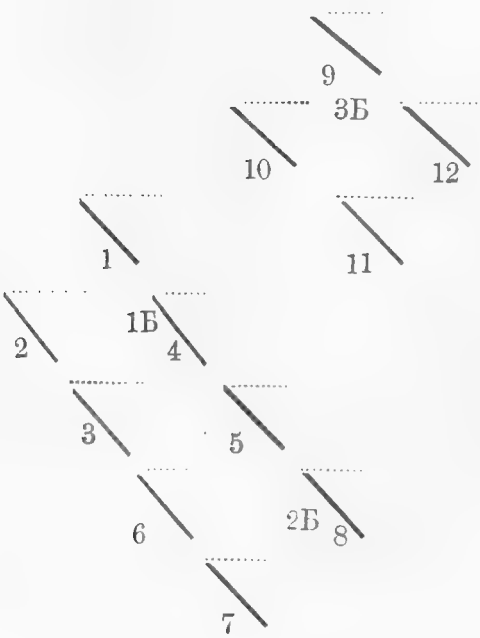


«Приготовить полкъ для охвата направо противника двумя баталіонами, оставляя третій въ резервѣ».

Первоначальное положеніе.



Окончательное положеніе.



«Приготовить полкъ для охвата направо двумя баталіонами, оставляя третій уступомъ влѣво за наружнымъ флангомъ». Исполненіе понятно.

Пріемъ показа взаимныхъ обязанностей пѣхоты и кавалеріи.

Выводится кавалерійскій и пѣхотный полкъ. Объѣздъ. Привѣтствіе. Стоять вольно и оправиться. Слѣзай. «Гг. офицеры передъ середину».

«Господа! вы скоро ходите, но не стрѣляете; мы стрѣляемъ, но ходимъ медленно; значитъ, каждому изъ насъ не достаетъ именно того, что у другого есть. Отсюда необходимость соединенія на взаимную, братскую помощь. Пѣхота оберегаетъ васъ отъ закрытыхъ мѣстъ, занимая ихъ или выбивая оттуда противника; вы ее оберегаете отъ кавалерійскихъ атакъ на открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ. Сверхъ того, вы другъ на другѣ должны выучиться: вы (обращаясь къ кавалеристамъ) — какъ атаковать непріятельскую пѣхоту; вы (обращаясь къ пѣхотинцамъ) — какъ встрѣчать кавалерійскую атаку.

«Дабы братская помощь была самая дѣйствительная, нужно, прежде всего, знать, какъ слѣдуетъ относительно другъ друга ходить и становиться въ бою, и знать обычаи другъ друга: безъ этого зачастую не только будуть упускаться лучшія для помощи мгновенія, но — что хуже — будете не помогать, а мѣшать другъ другу.

«Положеній, въ которыхъ пѣхота и кавалерія могутъ быть полезны другъ другу въ бою, только два: 1) конница можетъ помогать наступленію или оборонѣ пѣхоты своими атаками; пѣхота можетъ помогать вашимъ атакамъ своимъ огнемъ; но въ примѣненіи эти два положенія безконечно видоизмѣнимы: ибо то и другое можетъ случиться при атакѣ непріятеля, при преслѣдованіи его; при нашей оборонѣ противъ атакъ непріятеля, при отступленіи подъ преслѣдованіемъ его. Всѣхъ случайностей, могущихъ возникнуть въ этихъ положеніяхъ, перебрать нѣтъ возможности; но изъ нихъ съ честью выйдетъ всякій, кто положилъ въ сердцѣ скорѣе погибнуть, чѣмъ оставить товарища безъ выручки; и кто, подъ вліяніемъ этой рѣшимости, заставитъ работать свой глазъ и здравый смыслъ: глазъ подстережетъ мгновеніе; здравый смыслъ подскажетъ, въ какомъ строѣ, когда и куда устремиться; а пѣхотѣ — куда направить свой огонь, чтобы помочь кавалеріи.

«Итакъ, гг., возвратимся къ началу, т. е. къ тому, какъ становиться кавалеріи относительно пѣхоты.

«Нужно помнить одно, гг. кавалеристы: 1) конница на одной высотѣ съ пѣхотою никогда не становится, а или впереди, или за

нею; 2) конница любитъ просторъ, слѣдовательно, становится такъ, чтобы ни передъ фронтомъ, ни въ тылу никакихъ препятствій близко не было.

«На этомъ основаніи, если который нибудь флангъ пѣхоты открытъ, лучшее мѣсто конницѣ — уступомъ за этимъ флангомъ, внѣ выстрѣловъ, если не артиллерійскихъ, то хоть пѣхотныхъ. Это будетъ, слѣдовательно, не ближе версты, считая отъ цѣпи, если мѣсто совершенно открытое; если же есть закрытія, немѣшающія движенію *), то можно и ближе; но все же отступя хотя нѣсколько назадъ, относительно пѣхотной боевой линіи, ибо вамъ нуженъ разгонъ, господа: если хотите получить атаку на линіи цѣпи напримѣръ, то вамъ необходимо стать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой линіи, чтобы былъ разгонъ хоть для атаки съ мѣста. Совѣтую, гг., не забывать, стоя на мѣстѣ, даже и за закрытіями, опускать пики; флюгера выдаютъ васъ на очень далекихъ разстояніяхъ.

«Если оба фланга пѣхоты открыты, то конницѣ становиться въ резервѣ за серединою, но на обоихъ флангахъ имѣть глаза, т. е. ловкихъ и внимательныхъ офицеровъ съ конвоемъ, дабы вовремя поспѣть на тотъ флангъ, куда надобность укажетъ. Конницу избѣгать дробить, располагая ее за обоими флангами. Такое расположеніе можетъ быть оправдано только слишкомъ длиннымъ боевымъ порядкомъ пѣхоты.

«Кавалерія высылается иногда впередъ, чтобы раскрыть силы противника и навести его на пѣхоту. Въ этомъ случаѣ она дѣйствуетъ самостоятельно до тѣхъ поръ, пока при отступленіи не приблизится къ пѣхотѣ версты на полторы или около того. По сближеніи на это разстояніе, нужно умѣть ловко убраться за одинъ или за оба фланга пѣхоты (если открыты оба), если линіи ея не длинны; если же длинны, то нужно умѣть пролиться сквозь пѣхотныя линіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ прошу направляться на пѣхоту, а артиллерію открывать, чтобы она могла помочь вашему уходу своимъ огнемъ. Пѣхота открываетъ ворота конницѣ, исполняя это точно такъ же, какъ принято для пропуска артиллеріи; причемъ стрѣлкамъ собираться въ сомкнутыя части противъ интерваловъ конницы и разсыпаться, пропустивъ ее. Конницѣ проходить пѣхоту во взводныхъ эскадронныхъ колоннахъ.

«Точно также можетъ случиться надобность, при преслѣдованіи, пѣхотѣ пропустить конницу впередъ; дѣлать это подобно объясненному, т. е., если расположеніе пѣхоты интервальное (напримѣръ, поротно), то конница проходитъ въ интервалы; если же оно сплош-

*) Какъ пологіе холмы.

ное, (напримѣръ, развернутая линія), то каждый баталіонный командиръ, послѣ предваренія «пропустить конницу», командуетъ: баталіонъ направо, поротно правыя плечи впередъ бѣгомъ; и когда роты вытянутся, останавливаетъ: а когда конница пройдетъ, возстановляетъ развернутый строй. Стрѣлки и при этомъ собираются въ кучи противъ интерваловъ конницы.

«Вотъ вамъ и все относительно взаимнаго положенія какъ на мѣстѣ, такъ и на ходу. Теперь относительно взаимнаго содѣйствія.

«Если по флангамъ того пространства, по которому предстоитъ дѣйствовать конницѣ, есть закрытыя или пересѣченныя мѣста въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, пѣхота непремѣнно должна ихъ осмотрѣть, а при надобности и занять. Если пѣхота атакуетъ на томъ флангѣ, гдѣ находится конница, производитъ атаку и эта послѣдняя. Если конница атакуетъ, а пѣхотѣ это видно и она находится на разстояніи дѣйствительнаго выстрѣла, то направляетъ огонь въ непріятельскія части, которыя наша конница атакуетъ. Пѣхотную атаку по движенію замѣтить нельзя, какъ вашу, и потому нужно знать сигналы, ей соотвѣтствующіе. Предварительный сигналъ ея слѣдующій: горнистъ, труби гвардейскій походъ.—А идутъ въ атаку по барабанному бою: барабанщикъ, ударь бой къ атакѣ.

«Полагается общимъ правиломъ, что конница объѣзжаетъ пѣхоту; но если объѣздъ великъ, то она проходитъ пѣхоту насквозь.

«Конница должна постоянно помнить, что ея дѣло постоянно искать непріятельскіе фланги и никогда не подставлять своихъ; почему рекомендую охваты и охраненіе своихъ фланговъ отъ охвата уступными расположеніями, а отъ обходовъ—постоянно-содержимымъ наблюденіемъ за флангами.

«Вы знаете, господа, что въ конницѣ самыя слабыя точки — фланги; и потому старайтесь по возможности уменьшать, а не увеличивать число фланговъ. Кто, имѣя два эскадрона противъ двухъ, напримѣръ, отдѣляетъ одинъ эскадронъ въ сторону для охвата, тотъ только вмѣсто двухъ получилъ четыре фланга, и по соразмѣрности увеличилъ для себя вѣроятность быть охваченнымъ по частямъ, да притомъ и возжи распустилъ, ибо отдѣлить легко, а притянуть трудно. Сверхъ того, отдѣляя эскадронъ такимъ образомъ, вы заблаговременно показываете противнику, что хотите съ нимъ сдѣлать. А вы держите всѣ силы въ рукѣ, обезпечьтесь отъ охвата уступами, незамѣтно выигрывайте флангъ непріятеля; и если это вамъ удастся, бросайтесь какъ кошка на мышь; тогда будетъ хорошо. Не думайте, что непремѣнно нужно атаковать, какъ только

сошлись съ конницей на дистанцію атаки; напротивъ, дайте непріятелю разыграться: авось или флангъ подставитъ, или другой какой промахъ сдѣлаетъ—тутъ и налетите. Однимъ словомъ, берите примѣръ съ кошки: лучшаго образца для боеваго коннаго дѣла не знаю. А на сторожевой службѣ будьте мухой: смахнули съ носа, сядьте на ухо; оттуда прогнали, сядьте на лобъ, и такъ далѣе.

«Если что неясно сказалъ, переспросите, господа. По мѣрѣ того, какъ будемъ дѣлать, объясняйте вашимъ людямъ, что и зачѣмъ дѣлается. По мѣстамъ. Въ ружье. Садись. Смирно.

«Полкъ по такому-то баталіону на полные интервалы разомкнись. Дирекціональный баталіонъ стройся, стрѣлковая рота въ цѣпь». Получится сплошная линія, прикрытая цѣпью стрѣлковъ.

Затѣмъ, посылается кавалерійскому полку приказаніе пройти пѣхоту насквозь впередъ во взводныхъ эскадронныхъ колоннахъ, развернуться и атаковать; затѣмъ, отступить насквозь пѣхоты рысью.

Послѣ этого, повтореніе прохожденія впередъ съ атакой же и отступленіе за одинъ изъ фланговъ пѣхоты послѣдовательнымъ убираніемъ эскадроновъ.

Послѣ этого пѣхотный боевой порядокъ примыкается флангомъ къ какому либо неудобопроходимому для конницы мѣсту, а конный полкъ ставится уступомъ за открытымъ флангомъ на должномъ мѣстѣ и въ должномъ порядкѣ. Когда будетъ готово, приказывать пѣхотѣ наступать и атаковать; затѣмъ смотрѣть, чтобы конница слѣдила за движеніемъ пѣхоты и во-время поддержала ея атаку своею. Послѣ атаки смотрѣть, чтобы уходила опять за пѣхоту на должное разстояніе.

Приказать опять атаковать пѣхотѣ и слѣдить, чтобы конница тоже атаковала; послѣ чего, предполагая, что непріятель разбитъ, дѣлала бы разсыпную атаку.

Затѣмъ, подыскавъ такое открытое мѣсто, гдѣ были бы на обоихъ флангахъ предметы, неудободоступные для конницы, смотрѣть, приметъ ли командиръ полка мѣры для занятія и осмотра ихъ.

Въ заключеніе показать атаку конницы на пѣхоту. При теперешнемъ огнестрѣльномъ оружіи первоначальную цѣль конницы въ этой операціи составляетъ то, чтобы вызвать огонь пѣхоты раньше, нежели послѣдуетъ серьезный ударъ. Намъ кажется, это можно сдѣлать такъ: положимъ, что для атаки назначенъ эскадронъ; онъ отдѣляетъ отъ себя взводъ, который выстраивается въ одну шеренгу и атакуетъ, пуская въ карьеръ шаговъ за 600—700 до пѣхотной части; вслѣдъ за нимъ, шагахъ въ 200—300, идетъ эскадронъ и также атакуетъ. Нужно, чтобы баталіонъ былъ слиш-

комъ выдержанъ, а баталіонный и ротные командиры слишкомъ опытны, чтобы удержаться отъ залпа по взводу; слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ цѣль будетъ достигнута, ибо во второй разъ зарядить и выстрѣлить не успѣютъ. Для баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, да и для пѣхотныхъ солдатъ продѣлываніе подобныхъ случаевъ будетъ наглядным доказательствомъ того, до какой степени неразсчетливо торопиться съ огнемъ и до какой степени важно слѣдить за тѣмъ, что дѣлается у непріятеля и какъ.

Тутъ же объяснить конницѣ, что больше четырехъ атакъ на стойкую пѣхотную часть дѣлать не стоитъ: такъ какъ первыя атаки имѣютъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ послѣдующія.

Послѣ атаки требовать, чтобы конница непремѣнно выходила изъ подъ выстрѣловъ пѣхоты, дабы утвердить въ глазу кавалеристовъ эту дистанцію. Достигнувъ этого послѣдняго, сразу покончатъ съ той несообразностью, которая, не взирая на всѣ усилія начальствующихъ, неизмѣнно повторяется изъ году въ годъ, именно, что конница, послѣ атаки на пѣхоту, отходитъ отъ нея шаговъ на 150—200 и возобновляетъ атаку съ этого разстоянія иногда по нѣскольку разъ. Въ нашемъ дѣлѣ мало учить; нужно выучить; на этомъ основаніи нужно быть особенно внимательнымъ къ ошибкамъ, постоянно повторяющимся, ибо онѣ служатъ явнымъ указаніемъ, что въ системѣ обученія существуетъ пробѣлъ. Слѣдуетъ открывать причины такихъ ошибокъ и тщательно ихъ устранять. Въ предлежащемъ случаѣ причина ошибки заключается просто въ томъ, что кавалерійскій уставъ, по существу своему, не вызываетъ потребности въ глазомѣрѣ на значительныя разстоянія: такая потребность возникаетъ только при соединеніи съ пѣхотою, или при дѣйствіи противъ нея. Поэтому и необходимо, прежде приступа къ маневрамъ, показать отношенія пѣхоты и конницы, не задаваясь никакой тактической цѣлью; выдѣлить, однимъ словомъ, этотъ показъ въ особый пріемъ, ибо только при этомъ представляется возможность обращать вниманіе на такія вещи, какъ соблюденіе, напримѣръ, должныхъ дистанцій во всѣхъ случаяхъ, полное согласованіе движеній и дѣйствій.

Отдѣльныя занятія конницы развиваютъ въ ней привычку разсчитывать во всемъ на самое себя до такой степени, что не рѣдкость видѣть, напримѣръ, спѣшиваніе ея для дѣйствія въ присутствіи, а иногда даже противъ цѣлыхъ массъ пѣхоты, когда стрѣлковая рота сдѣлаетъ, конечно, больше, нежели спѣшенный полкъ. Вслѣдствіе этого, конница никогда, правда, не требуетъ содѣйствія пѣхоты, но за то и сама ей не помогаетъ. Отсюда отсутствіе согласованія въ дѣйствіяхъ, непривычка направлять усилія

обоихъ родовъ оружія къ одной и той же извѣстной цѣли. Солистомъ, конечно, быть хорошо и должно, если хора нѣтъ; но вѣдь солистъ не исполнитъ и сотой доли того, что можетъ исполнить цѣлый хоръ; да притомъ хорошій солистъ долженъ не портить хоръ, а прибавлять свое въ общую гармонію. Достигнуть этого можно только вышеобъясненнымъ способомъ выдѣленія въ особый пріемъ показа отношеній пѣхоты и конницы. Если такое выдѣленіе полезно для выясненія отношеній пѣхоты и артиллеріи, совершенно сродныхъ по духу, то въ разбираемомъ случаѣ оно положительно необходимо. Лучшіе изъ кавалеристовъ, при сводкѣ конницы и пѣхоты, признаютъ, до какой степени комбинація этихъ родовъ оружія вызываетъ новыя для нихъ условія и необходимость заботиться о томъ, что при отдѣльныхъ занятіяхъ конницы и въ голову не приходитъ.

Такимъ путемъ, и только такимъ, теорія можетъ быть въ сферѣ строя переведена въ практику. Знать не значитъ еще умѣть дѣлать; кто же умѣетъ дѣлать, тотъ и знаетъ, конечно если дѣлаетъ сознательно. Введя строеваго офицера путемъ практики въ теорію, расположимъ его къ теоретическимъ занятіямъ и по тѣмъ отдѣламъ, которыхъ въ мирное время показать нельзя. Но само собою разумѣется, что такой методъ занятій предполагаетъ со стороны руководителей занятіями, прежде всего, основательное знакомство съ теоріей: безъ этого послѣдняго немыслимо сознательное и разумное руководительство практикою. Руководитель обязанъ не только показать, что и какъ дѣлать, но и объяснить, почему нужно такъ дѣлать. Это «почему» даетъ только теорія; если его нѣтъ на каждомъ шагу и каждую минуту, лучшая система образованія рано или поздно, но неминуемо впадаетъ въ лишенную духа и смысла рутину.

III.

1.

Слѣдуетъ или нѣтъ мѣнять существующій строевой уставъ, и если слѣдуетъ, то каковъ долженъ быть характеръ перемѣнъ? Изъ статьи г. N. мы узнали впервые, что предполагается новая передѣлка пѣхотныхъ строевыхъ уставовъ; это будетъ четвертая, въ теченіе двадцати лѣтъ, не считая мелкихъ измѣненій и дополненій, дѣлаемыхъ почти каждый годъ. Первая была сдѣлана тотчасъ послѣ Крымской кампаніи;

вторую вызвало принятіе двухшереножнаго строя; третью — кампанія 66-го года; четвертая мотивируется опять кампаніми 66-го и, сверхъ того, 70-го годовъ. Для двадцати лѣтъ этого довольно. Должно замѣтить, что три первыя передѣлки имѣли постоянно одну цѣль—возможное упрощеніе устава. Но эта благодѣтельная цѣль, повидимому,—мало заботитъ автора предложеній, дѣлаемыхъ въ виду предполагаемой новой передѣлки устава. Вопросъ слишкомъ важенъ; не отклинуться на него нельзя.

Намъ кажется, что нашъ уставъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, кромѣ отдѣла разсыпного строя, удовлетворяетъ большинству желаній г. N., если не останавливаться на внѣшнемъ выраженіи этихъ желаній, а разобрать ихъ по существу.

Приступая къ такому разбору, не можемъ не остановиться на начальныхъ положеніяхъ автора, между коими многія, по нашему мнѣнію, приняты имъ на вѣру, безъ строгой критической провѣрки.

Такъ, авторъ допускаетъ, будто можно изъ ружья не магазиннаго, слѣдовательно такого, которое нужно заряжать послѣ каждаго выстрѣла, сдѣлать до 20-ти выстрѣловъ въ минуту; по крайней мѣрѣ, относительно ружья Маузера, онъ приводитъ эту данную безъ всякой оговорки, слѣдовательно, должно полагать, вѣритъ ей. Еслибъ онъ принялъ въ разсчетъ, что быстрое заряжаніе зависитъ не отъ одного механизма, но еще болѣе отъ проворства рукъ, и что какъ бы механизмъ ни былъ простъ, меньше какъ въ четыре пріема заряжаніе уложить нельзя (открыть затворъ, достать патронъ, положить его въ патронникъ, закрыть затворъ), что всякій пріемъ требуетъ въ сложности не менѣе секунды для исполненія *),—то и увидѣлъ бы, что одно заряжаніе для 20-ти выстрѣловъ потребуетъ не менѣе 80-ти секундъ, нужно же еще что нибудь прибавить и на прицѣливаніе. Есть извѣстный предѣлъ быстроты движеній человѣка, за которымъ она обращается во вредъ, особенно въ дѣлѣ, которое, какъ стрѣльба, требуетъ полнаго спокойствія. Конечно, могутъ быть исключенія, которыя можно показывать какъ фокусъ; но солдатъ не фокусникъ. И говоря о дѣлѣ, имѣющемъ въ виду массы, а не единицы, не приходится давать безъ оговорки данныхъ, могущихъ быть вѣрными въ примѣненіи развѣ только къ единицамъ, да и то при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. У насъ изъ берданки дѣлали до 23-хъ выстрѣловъ въ минуту; но при томъ условіи, что патроны были положены подлѣ стрѣлка на столѣ; при выниманіи же патрона изъ

*) А выниманіе патрона изъ сумы—болѣе.

сумы, самый ловкій одиночный стрѣлокъ уже не могъ сдѣлать больше 12-ти, а команда—больше 7 выстрѣловъ въ минуту. Мы приводимъ эти данныя для того только, чтобы показать, до какой степени мало значитъ одна голая цифра «20», а между тѣмъ, она можетъ сбить съ толку читателя, не имѣющаго ни возможности, ни привычки критически провѣрять числовыя данныя *).

Авторъ, признавая далѣе, что, при рѣзкомъ измѣненіи вооруженія, главная военная данная, т. е. человѣкъ, нисколько не измѣнилась, нѣсколькими строками ниже заявляетъ, будто въ формахъ дѣйствія произошли не нѣкоторыя измѣненія, а цѣлый переворотъ. Намъ кажется, что тутъ противорѣчіе, ибо если главная данная не измѣнилась, то и переворота произойти не могло въ основаніяхъ; измѣненія же въ подробностяхъ не составляютъ переворота. И чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только вспомнить боевыя формы эпохи Наполеона I, разница которыхъ отъ современныхъ только въ томъ и заключается, что строи баталіона замѣнились теперь въ боевой линіи строями по-ротно и цѣпь пріобрѣла большее значеніе, чѣмъ имѣла тогда. Все это только количественныя измѣненія, но не качественныя, которыя одни могутъ обусловить переворотъ. Авторъ думаетъ не такъ; и чтобы оправдать свои мнѣнія, онъ прибѣгаетъ къ обыкновенному пріему людей, ищущихъ во что бы то ни стало отстоять свои увлеченія: онъ опирается на исключенія, а факты, составляющіе нормальное явленіе, игнорируетъ.

Такъ, для характеристики разницы между прежними формами боевыхъ расположеній и нынѣшними, онъ беретъ весьма странный примѣръ, именно построеніе корпуса Эрлона, подъ Ватерлоо, въ дивизіонныя колонны, каждая въ 8 развернутыхъ баталіоновъ, и находитъ, будто одна попытка подобнаго построенія указываетъ на возможность дѣйствія такихъ массъ подъ огнемъ. Автору не

---

*) Мы придерживаемся того мнѣнія, что ускореніе стрѣльбы, пріобрѣтаемое съ принятіемъ ружей съ подвижнымъ казенникомъ, совершенно достаточно для дѣла; дальнѣйшія заботы объ ускореніи ея, о свинцовыхъ дождяхъ, и тому подобномъ, принадлежатъ къ тѣмъ-quasi-улучшеніямъ мирнаго свойства, которыя для боеваго дѣла не годны и потому вредны, ибо извращаютъ представленіе о его требованіяхъ. Тамъ вѣдь спокойствіе гораздо нужнѣе, чѣмъ быстрота стрѣльбы; ибо при немъ и двумя выстрѣлами сдѣлаешь больше, нежели безъ него двадцатью. Значитъ, въ мирное время, нужно всѣми мѣрами налегать на выработку спокойствія, хотя бы и въ ущербъ проворству, а не наоборотъ. Все сказанное въ этомъ примѣчаніи къ автору разбираемой статьи прямо не относится; онъ проститъ намъ отступленіе, въ виду того, что у насъ начинаютъ заводиться защитники «свинцовыхъ дождей», противъ которыхъ предостерегаемъ читающую военную публику мимоходомъ, находя безполезнымъ заниматься болѣе серьезно подобными односторонними увлеченіями.

безъизвѣстно конечно, что это построеніе было принято, по всей вѣроятности, вслѣдствіе недоразумѣнія, происшедшаго отъ того, что «colonne par division» значило тогда у французовъ и колонна изъ дивизіи, и баталіонная двухъ-взводная колонна. Не безъизвѣстна также и дѣйствительность тогдашняго артиллерійскаго огня, которая должна бы была предостеречь его отъ столь поспѣшнаго вывода. То и другое могло бы расположить автора смотрѣть на это построеніе, какъ на роковую ошибку, не болѣе. За всю наполеоновскую эпоху, кромѣ этого, былъ еще одинъ случай столь же почти несообразнаго употребленія пѣхоты—въ сраженіи подъ Ваграмомъ, на который авторъ также ссылается. Сообразно ли съ законами раціональной критики основывать что либо на двухъ случаяхъ, взятыхъ изъ эпохи, въ которую серьезныя дѣла считаются чуть не сотнями, и основывать на нихъ какой-либо выводъ, кромѣ того, что и тогда ошибки дѣлались,—предоставляемъ судить самому автору. По исключеніямъ характеристикъ не дѣлаютъ, если желаютъ получить характеристику, а не карикатуру.

Далѣе, авторъ ставитъ разсыпной строй «единственнымъ боевымъ порядкомъ пѣхоты», подкрѣпляя это положеніе ссылкою на Богуславскаго и Вехмара. Въ сравненія съ ученіемъ о боевыхъ формахъ, выработаннымъ эпохою Наполеона, такой исключительный взглядъ составляетъ не прогрессъ, а рѣзкій шагъ назадъ. Мы полагаемъ, что однимъ разсыпнымъ строемъ хитро обойтись при атакѣ, напримѣръ, моста, въ лѣсу, въ деревнѣ. Сомнѣваемся также и въ томъ, чтобы на открытой и ровной мѣстности атака вышла особенно дружна, если будетъ произведена однимъ разсыпнымъ строемъ. Упорный стрѣлковый бой за всякій мѣстный предметъ не только не исключаетъ, но вызываетъ, какъ необходимое условіе успѣха, дружность окончательнаго удара, которая безъ сплоченности не дается *). Если ея не было у пруссаковъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что она была недостижима; не слѣдуетъ, въ особенности, въ примѣненіи къ намъ, такъ какъ очевидцы почти въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что нашъ солдатъ скорѣе любитъ сбиваться въ кучу, чѣмъ разсыпаться **). Если многіе прусскіе писатели стоятъ на томъ, что подъ теперешнимъ огнемъ не разсыпаться не возможно, то съ ихъ стороны это совер-

---

*) Въ предупрежденіе недоразумѣнія замѣтимъ, что подъ «сомкнутымъ» мы разумѣемъ не одинъ уставный сомкнутый строй, но и сплоченную кучу, что въ бою чаще всего и бываетъ.

**) До такой степени рѣзки національныя особенности, и до такой степени мало основательно переносить буквально что либо изъ одной арміи въ другую.

шенно естественно: вѣдь признать возможность остаться въ рукѣ начальника, не взирая на огонь, и признать, что тѣ, которые этого не дѣлаютъ, обнаруживаютъ недостатокъ самообладанія— одно и тоже, а кто же дѣлаетъ о себѣ подобныя признанія добровольно? Успѣхъ увѣнчалъ ихъ усилія; ну, значитъ, они и «герои». А что невозможно для героевъ, то невозможно и вообще. Съ ихъ стороны подобный ходъ разсужденій понятенъ; но намъ то чего къ нему пристраиваться и пѣть съ чужого голоса? И въ этомъ опять открывается та же слабость критическихъ пріемовъ большинства нашихъ изслѣдователей; одинъ изъ законовъ раціональной критики гласитъ, что свидѣтельства современниковъ, а тѣмъ болѣе участниковъ событія нужно принимать съ крайней осторожностью; что участники обыкновенно бываютъ слишкомъ субъективны, слишкомъ подавлены разразившимся надъ ними, особенно грознымъ событіемъ; слишкомъ расположены, какъ и всякій судья въ собственномъ дѣлѣ, находить, что они во всемъ правы и хороши, а противники ихъ во всемъ виноваты и дурны; и что все, что они ни дѣлали,—отлично. Большинство же нашихъ изслѣдователей относится къ подобнымъ свидѣтельствамъ совершенно наоборотъ: прусакъ сказалъ, значитъ, что тутъ разсуждать? Должно быть и вѣрно и умно: отъ умныхъ-молъ людей слышали и баста.

Характеризуя далѣе современный бой, авторъ указываетъ, какъ на отличительныя его черты, на перемѣшиваніе частей и на то, что въ нынѣшнихъ боевыхъ расположеніяхъ о баталіонныхъ строяхъ въ сферѣ огня нѣтъ и помину. Смѣемъ завѣрить почтеннаго автора, что перемѣшиваніе частей всегда составляло характеристическую черту сраженій, мало-мальски значительныхъ, если только боевой порядокъ дѣлалъ возможною поддержку сзади *). Что же до того, что баталіонные строи въ боевой линіи теперь не употребляются, то и это не новость, ибо задолго до послѣднихъ кампаній, именно тотчасъ послѣ Крымской войны, у насъ принято за правило иначе какъ по-ротно въ боевыхъ линіяхъ не располагаться. Въ этомъ авторъ можетъ убѣдиться при одномъ взглядѣ на боевой порядокъ, приложенный къ «Правиламъ для совокупныхъ ученій пѣхоты съ артиллеріею» **), указанныхъ къ руковод-

---

*) Объ этомъ онъ можетъ справиться въ курсѣ покойнаго А. П. Карцова, писавшаго его задолго до Крымской войны, слѣдовательно, имѣвшаго въ виду преимущественно кампаніи той эпохи, когда о нарѣзномъ и заряжаемомъ сзади оружіи никто еще и не мечталъ.

**) Писаны покойнымъ А. П. Карцовымъ. Вообще практика военнаго дѣла ему обязана у насъ весьма многими полезными нововведеніями, пріобрѣтающими цѣну потому въ особенности, что они были предложены тогда, когда условія

ству въ 1857 году. И за всю нашу практику при войскахъ гвардіи, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, съ 1857—1866 годъ, мы не помнимъ случая, въ которомъ боевая линія была бы въ иномъ строѣ, кромѣ какъ по-ротно. Въ томъ же самомъ авторъ могъ убѣдиться, вѣроятно, и изъ собственной своей практики. Слѣдовательно, если это и новость, вытекающая яко-бы изъ кампаній 66 и 70 годовъ, то она оказывается далеко не самою свѣжею.

Авторъ признаетъ, впрочемъ, что теперь строй по-ротно сталъ въ боевой линіи примѣняться чаще *); но не доволенъ тѣмъ, что самостоятельныя дѣйствія ротъ въ уставѣ будто бы ограничены. Жаль одно: авторъ не высказываетъ опредѣлительно того, въ чемъ эта самостоятельность должна быть расширена; и выходитъ, что онъ чего-то хочетъ, но чего именно—трудно догадаться. Изъ дальнѣйшаго развитія его мыслей, мы поняли только, что онъ добивается признанія роты тактическою единицею; желаніе, положимъ, не вредное, но праздное, ибо дѣлу отъ него не можетъ быть ни тепло, ни холодно. Если же придерживаться логики дѣла, то нельзя не признать, что баталіонъ все же раціональнѣе признавать единицей, ибо, взявъ совокупность всѣхъ положеній, въ какихъ часть бываетъ въ бою и на войнѣ (бивакъ, походъ, расположеніе резервовъ), все же роты являются чаще слитыми въ баталіонѣ, нежели въ видѣ отдѣльныхъ частей, и счетъ на баталіоны, конечно, вести удобнѣе, нежели на роты, особенно въ большихъ силахъ. Считать на роты армію то же самое, что считать, напримѣръ, на футы или на дюймы протяженія въ нѣсколько верстъ. Это вопросъ удобства, а не принципа, и споръ, что считать единицею, собственно говоря, споръ о словахъ. Это все равно, какъ если бы кто вздумалъ глубокомысленно сидѣть надъ разрѣшеніемъ вопроса—что считать единицею въ мѣрахъ длины: версту, сажень, футъ или дюймъ? Сколько бы ни сидѣлъ подобный изслѣдователь надъ этимъ вопросомъ, все равно, ни къ чему бы не пришелъ, ибо длинныя протяженія удобнѣе мѣрять на версты, а малыя—на сажени, футы, дюймы, или даже линіи, смотря по протяженію. Помнится, на

новаго боя только что стали на очередь. Онъ предложилъ: уничтожить малые резервы, сдѣлавшіеся безполезными при расположеніи по-ротно; онъ связалъ вторую линію ротъ съ первою, предложивъ принять за правило, чтобы при остановкѣ атаки, вторая линія ее поддерживала: прекрасное правило, которое слѣдуетъ распространить и на полковые резервы. По его предложенію дано начало предоставленію самостоятельности ротъ въ должныхъ предѣлахъ. Редакція первыхъ двухъ баталіонныхъ ученій, изданныхъ послѣ Крымской кампаніи, также принадлежитъ ему.

*) Будто бы только „чаще“, а не всегда?

Кавказѣ, небольшіе отряды считались на роты. Дѣло въ томъ, что для счета нужно выбирать такую единицу, чтобы, во-первыхъ, общая сумма не выходила слишкомъ крупною; во-вторыхъ, чтобы даже въ случаѣ откомандированія отъ оной какого-либо подраздѣленія, счетъ частей *) приблизительно выходилъ бы вѣренъ. Обоимъ этимъ условіямъ баталіонъ удовлетворяетъ очень хорошо; и по внѣшности онъ никогда не сливается съ другими баталіонами, слѣдовательно, уже по этому одному годится быть единицею болѣе, нежели какое-либо его подраздѣленіе.

Далѣе авторъ опять возвращается къ прежнему положенію, что ротѣ нужно дать извѣстную самостоятельность; но опять ограничивается только самымъ неосуществимымъ положеніемъ, что въ бою слѣдуетъ избѣгать перемѣшивать между собою части разныхъ ротъ, что это затрудняетъ ротнымъ командирамъ управленіе ихъ людьми, и весь командный механизмъ расшатывается. На то и существуютъ унтеръ-офицеры и офицеры, чтобы онъ не расшатывался, не взирая ни на какое перемѣшиваніе. Напрасно авторъ думаетъ, что только баталіонный командиръ не можетъ управлять людьми, а ротный можетъ; и онъ точно также не можетъ— потому у него и есть полувзводные, отдѣленные, и должны бы быть десяточные командиры. Если всѣ эти начальники будутъ знать свои обязанности и ихъ исполнять, перемѣшиваніе не страшно. А они должны смотрѣть на свои обязанности такъ, что люди, попавшіе въ сферу ихъ вліянія, должны имъ подчиняться, къ какой бы части ни принадлежали.

Поговоривъ обо всемъ этомъ, онъ приходитъ къ довольно неожиданному заключенію, что въ учебномъ отношеніи современное значеніе роты должно выразиться въ томъ, будто бы, что будущій уставъ раздѣлится на двѣ части: I. Дѣйствія одной роты; II. Дѣйствія нѣсколькихъ ротъ въ совокупности.

Намъ кажется, что это не болѣе, какъ перемѣна ярлыковъ, и притомъ мало соображенная съ духомъ всего военнаго дѣла вообще и устава въ частности.

Во-первыхъ, строевые уставы имѣютъ цѣлью не дѣйствія частей, но только типы боевыхъ и походныхъ формъ и движеній, что составляетъ не болѣе, какъ одну, и притомъ не самую существенную часть дѣйствія. Уставъ—законъ; онъ не допускаетъ неточности, неопредѣленности; дѣйствія же разнообразятся до безконечности, т. е. не подчиняются никакимъ точнымъ указаніямъ;

*) Баталіонъ, напримѣръ, безъ одной роты все же баталіонъ, а полкъ двухъ или трехъ-баталіонный не одно и то же.

и потому воображать, будто «будущій» уставъ будетъ трактовать о «дѣйствіяхъ», значитъ или не имѣть яснаго представленія о границахъ устава и смѣшивать его съ тактикою, или же совершенно невнимательно относиться къ точному смыслу словъ, чего слѣдуетъ остерегаться именно въ опредѣленіяхъ *). «Дѣйствія» могутъ изслѣдоваться въ тактикѣ, указываться въ видѣ совѣта въ инструкціи, но въ уставъ попасть не могутъ, потому что, какъ всякая комбинація, и притомъ всѣхъ военныхъ данныхъ, они не подлежатъ уставнымъ опредѣленіямъ; они въ значительной мѣрѣ стоятъ даже выше изслѣдованій тактическихъ. Или же, можетъ быть, авторъ придаетъ строямъ и эволюціямъ наименованіе дѣйствій, въ томъ обширномъ смыслѣ, по которому всякое движеніе есть уже дѣйствіе; но такое распространеніе неумѣстно именно въ нашемъ дѣлѣ: ибо если онъ всякое движеніе называетъ дѣйствіемъ, то какъ же онъ назоветъ то великое и страшное дѣйствіе, гдѣ человѣческія головы летятъ и человѣческая жизнь является столь же ничтожною, какъ жизнь послѣдней букашки?... Такая неопредѣленность выраженія по-серьезнѣе, нежели та, на которую онъ сѣтуетъ въ своихъ ученикахъ, смѣшивающихъ въ задачахъ частные и общій резервы.

Во-вторыхъ, мы не понимаемъ, какія выгоды онъ усматриваетъ въ переименованіи баталіоннаго ученья въ «дѣйствія нѣсколькихъ ротъ въ совокупности»? Неужели онъ думаетъ, что можно соединить до 15-ти ротъ, не раздѣляя ихъ на тѣла, посредствующія между ротой и полкомъ? Если онъ это думаетъ, то нужно было высказаться опредѣленнѣе; если же нѣтъ, если онъ понимаетъ невозможность для полкового командира имѣть дѣло непосредственно съ 15-ю, 16-ю ротами, и необходимость соединять ихъ въ три, четыре единицы, подчиняемыя полковому командиру, то въ чемъ же тогда разница между теперешними баталіонами и предлагаемой имъ совокупностью ротъ? Всякій, дѣлающій новое предложеніе, уже по тому самому обязанъ совершенно ясно и опредѣлительно высказывать свою мысль, а не плодить недоразумѣнія, оставляя ее въ туманѣ, благопріятномъ для изворотовъ въ полемикѣ, но для дѣла положительно вредномъ. Какъ бы авторъ ни усиливался доказывать, что баталіонные строи потеряли теперь всякое значеніе, онъ этого не докажетъ, и тѣмъ болѣе не докажетъ, что баталіонная инстанція командованія потеряла всякое значеніе; а только самъ съ собою впадетъ въ противорѣчіе, чему

---

*) А всѣ оглавленія суть опредѣленія.

и видимъ образчикъ въ томъ, что самъ же онъ говоритъ, что даже и ближайшіе резервы, въ случаѣ удобнаго закрытія, собираются въ баталіонную колонну: слѣдовательно, баталіонные строи будутъ имѣть далеко не рѣдкое примѣненіе. Противъ фактовъ не помогутъ натяжки въ родѣ колоннъ Эрлона, которыя приравнивать къ баталіонамъ нѣсколько странно, не только по исключительности случая, но и по разницѣ силъ: вѣдь построить дивизію въ одну колонну, или баталіонъ, кажется не одно и то же.

Слова нѣтъ, между тѣмъ, что обязаны дѣлать роты относительно другъ друга и тѣмъ, что дѣлаютъ части высшаго порядка, по принципу, разницы нѣтъ. Но вѣдь если взять, напримѣръ, двухъ, трехъ, пятьсотъ отдѣльныхъ солдатъ, то, по принципу, тоже нѣтъ разницы между ихъ индивидуальнымъ поведеніемъ, другъ относительно друга, и поведеніемъ частей. Слѣдуетъ ли изъ этого, что уставъ можно ограничить «дѣйствіями» одного человѣка и «дѣйствіями» совокупности людей, подразумѣвая во второмъ случаѣ какъ двухъ человѣкъ, такъ и 200, и 2,000, и 200,000?

Задавшись мыслью произвести роту въ самостоятельную единицу во чтобы то ни стало, авторъ снова возвращается къ разбору мнѣній по этому поводу, но опять не очерчиваетъ границъ, до которыхъ самостоятельность роты должна простираться; а о полной, безконтрольной ея самостоятельности, мы полагаемъ, и онъ не мечтаетъ. Тутъ же онъ оспариваетъ мнѣніе, будто нельзя признавать единицами въ одно и то же время и баталіонъ, и роту, ибо это будетъ, яко бы, противорѣчить математическому понятію объ единицѣ. Во-первыхъ, тактика не математика; во-вторыхъ, въ чистой математикѣ единица потому и одна, что подъ нее можно подставить какую угодно реальную величину; но какъ только математика изъ области отвлеченій переходитъ въ область конкретныхъ явленій, авторъ безъ труда могъ бы замѣтить, что единицъ является много. Чтобы это было яснѣе, просимъ припомнить уже взятый нами примѣръ: мы просили бы автора указать, что онъ принимаетъ за единицу въ мѣрахъ длины? Всякое подраздѣленіе въ нихъ есть единица, въ отношеніи къ своимъ подраздѣленіямъ, и часть цѣлаго, въ отношеніи къ единицѣ высшаго порядка. Разъ вы говорите «одинъ дюймъ», вы принимаете его за единицу; говорите «двѣнадцатая часть фута», принимаете его за дробь, а футъ за единицу; въ этомъ ни неудобства, ни непослѣдовательности нѣтъ. Дѣло тутъ вовсе не въ томъ, чтобы не было многихъ единицъ, а въ томъ только, чтобы отношеніе между ними было точно извѣстно.

Дѣйствія одной роты авторъ начинаетъ съ того положенія, что

рота можетъ находиться въ двухъ положеніяхъ: въ боевой части— впереди другихъ ротъ, или въ резервѣ—за другими ротами. Кажется, еще есть третье положеніе—рядомъ съ другими ротами; оно предполагаетъ тоже извѣстныя и весьма важныя обязанности, и забывать о немъ, принимаясь ставить основанія для новаго устава, странно. Затѣмъ авторъ заявляетъ, что уставъ нашъ отсталъ болѣе всего въ отношеніи собственно боевыхъ дѣйствій, т. е. въ томъ, чѣмъ онъ, по своему духу, не можетъ и не долженъ заниматься. Говорить подобную вещь, значитъ, еще разъ, совершенно не отдавать себѣ отчета въ томъ, гдѣ начинается тактика и кончается уставъ.

Далѣе, авторъ говоритъ, что, не имѣя въ виду писать курсъ тактики, онъ не будетъ разсматривать боевыхъ порядковъ роты, а разберетъ основанія, которыя должны быть приняты въ новомъ уставѣ относительно состава и дѣйствій разсыпнаго строя.

Тутъ, что ни слово, то сбивчивость понятій; о боевыхъ порядкахъ роты авторъ не желаетъ говорить, потому что они будто бы составляютъ предметъ курса тактики; между тѣмъ, какъ опредѣлить основные ихъ типы для мелкихъ единицъ и есть цѣль устава; о дѣйствіяхъ же разсыпнаго строя онъ собирается говорить въ уставѣ, хотя они и составляютъ предметъ тактики!

Обученіе «главному строю» *) новой тактики находится у насъ въ состояніи неудовлетворительномъ, но далеко не въ такой мѣрѣ, какъ это автору кажется. На западѣ, сѣтуетъ онъ, выработано нѣсколько системъ для обученія войскъ дѣйствію въ стрѣлковой цѣпи, а у насъ ничего такого нѣтъ. Такова прусская система Вальдерзее и австрійская Беклина, о которой авторъ говоритъ, что она слишкомъ педантична, но за то строго послѣдовательна. Намъ кажется, онъ былъ бы болѣе правъ, если бы сказалъ наоборотъ, т. е. что она строго послѣдовательна, но слишкомъ педантична. Эта перестановка небезразлична, потому что ведетъ прямо къ противоположнымъ заключеніямъ; по автору, выходитъ, что система Беклина, въ общемъ, хороша, хотя и страдаетъ педантизмомъ; а по нашему, она выходитъ дурна, потому что педантична, хотя и представляетъ хорошія стороны: такъ какъ педантизмъ есть именно тотъ ядъ, который убиваетъ лучшую систему, вытѣсняя изъ нея духъ и обращая въ безжизненную форму.

Инструкція Вальдерзее была переведена у насъ въ концѣ пяти-

---

*) Т. е. разсыпному.

десятыхъ годовъ; были даже подготовлены по ней инструкторы для гвардіи, и все-таки она у насъ не принялась. Пусть поразмыслитъ авторъ о причинахъ этого явленія, и тогда, вѣроятно, усомнится въ пользѣ принятія у насъ которой либо изъ помянутыхъ системъ, и перестанетъ сѣтовать, что у насъ мало онѣ извѣстны. Сомнѣваемся даже, чтобы съ тѣми тонкостями, съ какими эти системы примѣняются въ мѣстѣ ихъ происхожденія, онѣ были бы особенно пригодны для боя и тамъ. Въ маневрированіи разсыпнымъ строемъ педантическія увлеченія также возможны, какъ и въ маневрированіи сомкнутымъ; только въ первомъ они еще вреднѣе, такъ какъ ихъ можетъ быть больше, да и духу разсыпнаго строя они антипатичнѣе. Выводя по одиночкѣ солдатъ, сидѣть съ ними на томъ, по какимъ направленіямъ имъ выгоднѣе, чтобы на нихъ наступали, и внушать имъ, что успѣхъ ихъ дѣйствій можетъ быть обезпеченъ лишь тогда, когда противникъ будетъ лишенъ возможности въ нихъ попасть, значитъ, по-просту, извращать ихъ понятія о дѣлѣ *), да, въ добавокъ, пріучать къ трусливому прятанью, такъ какъ на дѣлѣ нельзя поручиться за то, что закрытіе всегда будетъ, хотя бы и при оборонѣ. Отъ такихъ системъ сохранилъ насъ Богъ въ настоящемъ и да сохранитъ въ будущемъ. Въ сознаніи солдата слѣдуетъ укоренять, что онъ долженъ драться до послѣдней капли крови, въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ; при такомъ убѣжденіи, если только онъ не будетъ забитъ или заученъ, остальное ему подскажетъ въ дѣлѣ собственный толкъ и инстинктъ самосохраненія.

Одиночный человѣкъ вовсе не представляетъ такой большой цѣли, чтобы внушать ему слишкомъ настойчиво идею пассивнаго примѣненія къ мѣстности. Пусть ищетъ опоры ружью и тогда, по дорогѣ, и самъ укроется, хотя бы объ этомъ и не думалъ.

И поэтому, когда авторъ говоритъ, что нужно наконецъ подумать о томъ, чтобы унтеръ-офицеръ былъ дѣйствительнымъ начальникомъ въ строю, понимающимъ и свою роль, и свою отвѣтственность,—онъ правъ; когда онъ говоритъ, что звено должно быть замѣнено группою въ десять, двѣнадцать человѣкъ,—онъ вдвойнѣ правъ; когда онъ говоритъ, что наступленіе и отступленіе должны быть исполняемы болѣе или менѣе крупными участками цѣпи,—ему нельзя не сочувствовать. Но когда онъ предлагаетъ, съ прусскаго образца, малыя поддержки между ротами

*) Ибо выбираетъ путь наступленія не обороняющійся, а самъ наступающій выбираетъ его себѣ.

боевой линіи и цѣпью, даже не подумавъ задаться вопросомъ: да нужны ли онѣ?—онъ ошибается; такія поддержки не только безполезны, но вредны, ибо болѣе нежели что либо способствовали бы таянію роть боевой линіи *). Когда онъ предлагаетъ, съ прусскаго же голоса, неисполнимыя въ бою правила, яко-бы могущія устранить смѣшеніе людей въ цѣпи, — онъ тоже ошибается, ибо усиливается ввести въ новый уставъ деревянный элементъ, столь несовмѣстный съ духомъ новой тактики. Въ бою некогда думать о томъ, куда какую группу направить, чтобы не перемѣшать людей; да и не имѣетъ смысла скучивать цѣпь группами и тѣмъ увеличивать вѣроятность потерь. Не трудно понять, что въ цѣпь, состоящую изъ двухъ, напримѣръ, отдѣленій, въ которыхъ люди расположены на шагъ одинъ отъ другого, легче стрѣлять, чѣмъ въ ту же цѣпь, если она займетъ все пространство, безъ интервала между отдѣленіями. Что правила эти непримѣнимы, авторъ можетъ убѣдиться, сдѣлавъ поворотъ на самого себя и припомнивъ, сколько времени отняло у него составленіе приложенныхъ къ статьѣ чертежей. Мы увѣрены, что нарисовалъ онъ ихъ не сразу, а подумавши, и, можетъ быть, передѣлавши не разъ; и это за письменнымъ столомъ, въ спокойномъ состояніи духа; что же будетъ, если ихъ ввести и начать продѣлывать въ полѣ, гдѣ передѣлывать нельзя, а нужно дѣлать сразу? Прибавимъ къ этому, что его чертежи не опираются ни на какую мысль; т. е., ихъ понять нельзя, а нужно заучить, чтобы исполнить; а уже давно извѣстно, что система, основанная на запоминаніи, исключаетъ соображеніе. Поэтому мы и называемъ всѣ подобныя правила деревянными; они даютъ перевѣсъ дрессурѣ въ дѣлѣ, въ которомъ все должно быть основано на соображеніи, отправляющемся отъ самыхъ простыхъ нормъ. Подумавъ немного, онъ согласится, что забота о неперемѣшиваніи людей въ цѣпи только и

---

*) При существованіи малыхъ поддержекъ расходованіе роты въ цѣпь переходитъ изъ рукъ не только баталіоннаго, но даже ротнаго командира въ руки командировъ этихъ поддержекъ, ибо разъ онѣ вступили въ цѣпь (а помѣшать вступленію ротный командиръ, находящійся при ротѣ, не можетъ), приходится на мѣсто ихъ, по уставу, посылать новыя, которыя не замедлятъ сдѣлать то же, что и предъидущія; и ротный командиръ не спохватится, какъ рота растаетъ. На это вредное значеніе мелкихъ поддержекъ, кажется, никто еще не обращалъ вниманія; прусаки, если не замѣтили, то навѣрное замѣтятъ его. То-то будетъ забавно, когда у нихъ исчезнетъ эта, по мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ писателей, необходимая часть „современнаго“ боеваго порядка! Отстанвающіе самостоятельность роты ошибаются, приписывая инициативу ротнымъ командирамъ: какъ оказывается, она перешла къ командирамъ полувзводовъ, являющимся фактическими распорядителями судьбы роты, таянія ея, благодаря уставному рутинному пріему, удержавшемуся съ того еще времени, когда въ боевой линіи преобладали баталіонные строи.

могла быть внушена, и у прусаковъ, мирнымъ педантизмомъ, а не боевыми соображеніями: въ цѣпи размѣщеніе людей не на столько густо, чтобы отъ перемѣшиванія ихъ могъ выйти какой либо безпорядокъ. Возникаетъ онъ при столпленіи значительныхъ массъ; но именно тутъ, гдѣ устранить перемѣшиваніе было бы желательнѣе всего, этого достигнуть и невозможно. Такъ о чемъ же тогда хлопотать! Развѣ о томъ, чтобы и начальниковъ, и солдатъ связать путами по рукамъ и по ногамъ, давъ имъ цѣлый ворохъ правилъ на счетъ того, какъ посылать группы, чтобы люди не перемѣшивались? Чего нельзя устранить, то нужно допускать, и хлопотать только о томъ, чтобы въ безпорядкѣ люди были пріучены скорѣе разбираться. Вотъ цѣль, дѣйствительно достойная военной педагогіи уже и потому, что вызываетъ дѣятельность характера въ начальникахъ и можетъ дать имъ практику въ искусствѣ разбираться.

Вообще, предложенія автора поражаютъ наклонностью къ излишней регламентаціи; такъ, говоря о пальбѣ, онъ находитъ, что слѣдовало бы опредѣлить различныя степени скорости стрѣльбы въ цѣпи. Авторъ полагаетъ, что можно сдѣлать такъ, чтобы стрѣляли по очереди, по одному въ группѣ, или по два, или по три человѣка и т. д. Это попытка устроить въ цѣпи нѣчто подобное уже брошенной теперь старой артиллерійской штукѣ—стрѣлять по огню, по обороту банника и по отходу. Неужели онъ серьезно думаетъ, что это возможно въ бою? И неужели новая тактика навѣяла ему эту музыкальную мировщинку? Въ бою вѣдь стрѣляютъ не для соблюденія звуковыхъ интерваловъ, а для того, чтобы попасть; значитъ, тамъ нужно слѣдить только за однимъ: чтобы человѣкъ зря, т. е. безъ цѣли, не стрѣлялъ; а каковы будутъ паузы между выстрѣлами, этимъ не занимаются.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей авторъ доходитъ до отстаиванія смѣны цѣпи и выноса раненыхъ. Новыхъ доводовъ противъ тѣхъ, въ силу которыхъ первое отмѣнено, а второе принято у насъ считать послѣдней степенью разврата, онъ не приводитъ. Такъ, смѣну цѣпи онъ ставитъ подъ защиту разстрѣла патроновъ, не замѣчая того, что лучшее средство его предупредить именно въ томъ и заключается, чтобы не смѣнять людей, разъ пущенныхъ въ цѣпь. Зная, что ихъ не смѣнятъ, не очень то будутъ торопиться разстрѣливать патроны, между тѣмъ какъ возможность смѣны не отвращаетъ отъ разстрѣла, а располагаетъ къ нему. Въ случаѣ разстрѣла можно подносить патроны, а смѣнять все-таки нельзя. Въ тѣхъ случаяхъ, если часть сдѣлала свое дѣло и мы наступаемъ, смѣнить ее впередъ можно;

но для этого никакой особой эволюціи вводить въ уставъ нѣтъ надобности. Но назадъ нѣтъ смѣны тамъ, гдѣ понимаютъ, что это лучшее средство издержать резервы задолго до наступленія момента кризиса боя.

То же самое должно сказать и относительно взятой на себя авторомъ защиты выноса раненыхъ. Онъ признаетъ, что, въ основаніи, правило, воспрещающее оставленіе рядовъ подъ этимъ предлогомъ, вѣрно, но замѣчаетъ, что оно на практикѣ не исполняется и потому предлагаетъ просто покончить съ нимъ и разрѣшить оставленіе рядовъ подъ предлогомъ выноса раненыхъ, но съ обязательствомъ для нижнихъ чиновъ, отнеся раненаго, тотчасъ (!) возвращаться на свое мѣсто. Мы полагаемъ, что легче не допустить выноса раненыхъ, чѣмъ дожидаться возвращенія людей, оставившихъ ряды подъ предлогомъ выноса. Полагаемъ также, что неисполненіе на практикѣ раціональныхъ правилъ не должно вести къ ихъ отрицанію. Основное правило воинской нравственности гласитъ, что для воина нѣтъ большаго позора, какъ бѣгство и плѣнъ; а между тѣмъ бѣгаютъ же и въ плѣнъ сдаются: и однако до сихъ поръ не нашлось еще, благодаря Бога, людей, которые, основываясь на томъ, что въ «практикѣ это правило не исполняется», занялись бы изслѣдованіемъ вопроса: какъ бы регламентировать бѣгство и сдачу въ плѣнъ. Соболѣзнователи о страданіяхъ раненыхъ, когда бой кипитъ, подчиняются непосредственному, личному чувству. Конечно, весьма гуманно проповѣдывать выносъ раненыхъ, относительно единицъ; но безчеловѣчно, относительно всей части: а личности или части должно отдавать преимущество, разъ пошло дѣло на гуманность, предоставляемъ судить защитникамъ выноса раненыхъ. И мы полагаемъ, что именно у насъ долженъ быть удержанъ и распространяемъ тотъ принципъ, что оставленіе рядовъ здоровымъ человѣкомъ, пока борьба не рѣшена,—есть мерзость, которая должна быть поставлена на ряду съ бѣгствомъ. Я говорю «именно у насъ», ибо такой взглядъ приближается и ко взглядамъ нашего великаго, въ своемъ непосредственномъ смиреніи и самоотверженіи, солдата. Чтобы въ этомъ убѣдиться, просимъ вспомнить превосходный очеркъ Г. Иванова «Въ горахъ *)». Бѣда въ томъ, что слишкомъ ужъ много разводится охотниковъ до выноса, если его допустить. Бываетъ такъ, напримѣръ, что ранено 18 человѣкъ въ баталіонѣ, а нести каждаго пристроится по четыре человѣка сердобольныхъ, итого 72

*) „Военный сборникъ“ 1876, №№ 4 и 5; особенно послѣдній.

человѣка изъ строя баталіона вонъ. Это не вымыселъ, а фактъ изъ недавняго прошлаго. А въ серьезныхъ дѣлахъ вѣдь не по 18 на баталіонъ бываетъ раненыхъ. Когда рѣчь идетъ о массахъ, многое, кажущееся личному чувству безчеловѣчнымъ, въ примѣненіи къ нимъ является актомъ высокой гуманности, и наоборотъ. Самая война, съ личной точки, дѣло безчеловѣчное и безумное: а въ примѣненіи къ жизни колективныхъ организмовъ, она является дѣломъ столь же необходимымъ и разумнымъ, какъ и расходъ частицъ единичнаго организма при достиженіи какой либо цѣли. Однимъ словомъ, и тутъ возникаетъ тотъ же роковой законъ противоположенія началъ, замѣчаемый во всякомъ жизненномъ явленіи; въ настоящемъ случаѣ, равно какъ и въ вопросѣ о смѣнѣ, интересы личности противополагаются интересамъ части: и кто, подчиняясь первому впечатлѣнію, совершенно впрочемъ естественному *), становится на точку зрѣнія интересовъ личности, тотъ заявляетъ этимъ или сознательное пренебреженіе къ интересамъ части, или же безсознательное непониманіе ихъ.

Итакъ, сводя сказанное въ одно, выйдетъ:

1) Отрицаніе значенія баталіона, малые резервы, смѣна, установленіе порядка, имѣющаго въ виду устранить перемѣшиваніе — все это было бы шагомъ назадъ, попавъ въ уставъ.

2) Принятіе вмѣсто звена десяточной группы, движенія цѣпи подъ огнемъ болѣе или менѣе крупными участками, возстановленіе значенія унтеръ-офицеровъ въ разсыпномъ строю, было бы шагомъ впередъ. Замѣтимъ только, что авторъ отстаиваетъ слишкомъ короткія перебѣжки (не болѣе 50 шаговъ). По нашему и 100 шаговъ не много; это тоже, что въ артиллеріи перемѣна позиціи, и вызывается тѣмъ соображеніемъ, что лучше разомъ сдѣлать перебѣжку больше и затѣмъ дольше остаться на позиціи, чѣмъ наоборотъ.

Затѣмъ, въ отдѣлахъ сомкнутаго строя весьма желательны не перемѣны, а только отмѣны. Мы высказались, по этому поводу, еще въ 1873 году, и къ сказанному тогда можемъ прибавить не многое.

«Въ видахъ упрощенія устава слѣдуетъ ограничиться, во-первыхъ, одной системой построенія баталіонныхъ колоннъ по цѣлымъ частямъ, какъ принято для смотровъ и парадовъ, отбросивъ систему построеній изъ середины **). Слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

*) Ибо онъ и самъ личность.

**) Это дастъ ту весьма ощутительную выгоду, что съ откомандированіемъ ротъ отъ баталіона, ни въ чемъ не придется измѣнять системы построеній.

признать независимость порядка ротъ отъ носимыхъ ими нумеровъ въ баталіонѣ; а тѣмъ болѣе баталіоновъ въ полку, полковъ въ дивизіи. Слѣдуетъ признать за баталіонными командирами въ полку, за ротными въ баталіонѣ, право быть полными хозяевами формы строя своей части. Слѣдуетъ исключить развернутый строй со вздвоенными рядами изъ средствъ предохраненія отъ огня. Слѣдуетъ ввести разомкнутый строй, какъ самостоятельный, для расположеній и движеній на мѣстности открытой и непересѣченной, равно какъ и смыканіе его на мѣстѣ и на ходу. Слѣдуетъ ввести четырехшереножную стрѣльбу, ставя переднія двѣ шеренги на колѣно *). Слѣдуетъ покончить съ двойственнымъ характеромъ баталіоннаго ученья, въ которомъ, собственно говоря, два устава, не считая построеній для смотровъ и парадовъ; первый уставъ – Фридриховскій, въ которомъ признаются баталіонъ и взводы, а роты не признаются; второй — современный, въ которомъ, какъ и слѣдуетъ, признаются баталіонъ, роты, полувзводы **). Послѣдній уставъ, сверхъ расположеній по-ротно, повторяетъ изъ буквы въ букву то, что изложено уже въ первомъ, т. е. и построеніе изъ порядка по-ротно въ различныя баталіонныя колонны, и развертываніе. Ограничившись послѣднимъ уставомъ, не проиграли, но выиграли бы» ***).

Къ этому прибавимъ, что въ уставѣ ротнаго ученья слѣдуетъ отмѣнить смыканіе на ходу разомкнутой колонны, которое, при полномъ числѣ рядовъ, и медленно, и утомительно, и безполезно: гораздо проще остановить голову колонны и по ней сомкнуться; можно бы отмѣнить перестроеніе изъ колонны справа въ колонну слѣва, такъ какъ безъ этого совершенно можно обойтись. Все это дѣйствительно упростило бы уставъ безъ ущерба дѣлу и, главное, не потребовало бы никакого переучиванія.

2.

Маневрировать и стрѣлять врознь, атаковать вмѣстѣ. Высшій изъ современныхъ военныхъ авторитетовъ, Мольтке, весьма мѣтко формулировалъ давно, впрочемъ, извѣстную военную сноровку: «ходить врознь, драться вмѣстѣ». Наполеонъ говорилъ тоже: «нужно раздѣляться для продовольствія, собираться для боя». То и другое, очевидно, сказано въ примѣненіи къ массамъ войскъ

---

*) Уже введена.

**) По теперешней номенклатурѣ взводы.

***) Конецъ статьи „По поводу нѣкоторыхъ статей, вызванныхъ послѣдними кампаніями“ см. томъ I, стр, 603.

и къ періоду военныхъ дѣйствій, предшествующихъ бою; но современная дѣйствительность огнестрѣльнаго оружія вызываетъ необходимость распространить эту снаровку и на самый бой, въ которомъ, благодаря дѣйствительности, приходится теперь, «маневрируя и стрѣляя, людямъ быть врозь, а атаковать вмѣстѣ».

Въ чемъ же должно заключаться примѣненіе къ дѣлу этого афоризма? Другими словами: какъ обуставить его, въ какія всѣмъ доступныя и легко усвоимыя формы его заключить? Отвѣтъ простъ: принять одну изъ разжиженныхъ формъ строя, но притомъ такую, при которой люди оставались бы въ рукахъ у начальниковъ по крайней мѣрѣ на столько, сколько то имѣетъ мѣсто въ строю сомкнутомъ

По странному увлеченію, первую половину этого отвѣта сознаютъ весьма многіе; но вторую—большинство упускаетъ изъ виду. Послѣ кампаніи 1866 года начали раздаваться голоса противъ сомкнутаго строя, какъ вслѣдствіе сильныхъ потерь, которымъ онъ подвергается отъ огня, такъ и потому, что онъ, будто бы, мѣшаетъ индивидуальному развитію людей. При этомъ указывали на разсыпной строй, какъ на единственное средство ослабить первыя и достигнуть втораго, и что ему должно быть даво преобладающее развитіе надъ сомкнутымъ строемъ, какъ въ бою, такъ и при мирной подготовкѣ войскъ. Явленіе это не новое и легко объяснимое: человѣкъ весьма расположенъ метаться изъ стороны въ сторону; сжигать то, чему прежде поклонялся, и поклоняться тому, что прежде сжигалъ; и происходитъ это постоянно вслѣдствіе того, что упускаются изъ виду недостатки новаго и забываются достоинства стараго. Хотя, кажется, давно бы слѣдовало понять, что если въ области формъ есть что-либо постоянное и непреложное, такъ это конечно то, что онѣ, по самой природѣ своей, безконечно видоизмѣнимы, что нѣтъ между ними лучшихъ на всѣ случаи и что каждая изъ нихъ имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны.

Это служеніе модным идоламъ объясняется тѣмъ, что въ военномъ дѣлѣ все представляетъ сцѣпленіе началъ противоположныхъ; и понятно, что человѣкъ, не отдавшій себѣ отчета въ неизбѣжности и необходимости этого сцѣпленія, увлекаясь какимъ-либо однимъ изъ началъ (изъ подражанія ли, по личному ли предрасположенію—все равно), естественно стремится исключить или игнорировать другое, прямо ему противоположное. Вопросъ о боевыхъ формахъ разрѣшается раціонально при условіи равномѣрнаго принятія въ разсчетъ двухъ началъ, прямо другъ другу

противоположныхъ: удобства управленія и уменьшенія потерь отъ огня, хотя и равно необходимыхъ для достиженія начала высшаго, составного—начала взаимной выручки. Въ бою нужно заботиться объ уменьшеніи потерь отъ огня, что требуетъ, по возможности, тонкихъ и разжиженныхъ формъ строя; нужно, не менѣе того, заботиться объ удобствѣ управленія и дружности удара, что требуетъ формъ, прямо противоположныхъ. Понятно, до какой степени важно соблюсти какъ первое условіе, такъ и послѣднее, и до какой степени невозможно ограничиться чѣмъ нибудь однимъ. Понятно также и то, что дѣло вовсе не въ томъ, какой изъ этихъ двухъ строевъ предпочтительнѣе, но въ томъ, гдѣ, когда и для чего слѣдуетъ примѣнять каждый изъ нихъ.

Что касается до индивидуальнаго развитія, то приписывать въ этомъ отношеніи разсыпному строю какую-то особую силу—по меньшей мѣрѣ наивно. Не подлежитъ сомнѣнію то, конечно, что внѣшнее выраженіе индивидуальнаго развитія представляется толковымъ, осмысленнымъ маневрированіемъ въ строѣ разсыпномъ; но никто не можетъ опровергнуть и того, что трудно придумать что-либо лучшее сомкнутаго строя для привитія массамъ привычки къ непрерываемому ни на минуту вниманію, къ быстрому и единовременному исполненію воли одного, къ мертвой тишинѣ въ строю. Всѣ эти привычки составляютъ также нераздѣльную часть индивидуальнаго воинскаго развитія, и разсыпнымъ строемъ не вырабатываются; и всякій человѣкъ занимавшійся дѣломъ и незатуманенный модными коньками, безъ труда признаетъ, что если согласованіе движеній и дѣйствій въ строю разсыпномъ такъ легко теперь дается, то именно благодаря предварительному воспитательному вліянію строя сомкнутаго. Эволюціи разсыпного строя вовсе не требуютъ какого-либо особаго умственнаго напряженія; эти эволюціи—дѣло просто дрессуры, т. е., того инстиктивнаго усвоенія, при которомъ умъ можетъ спокойно спать. Въ этомъ смыслѣ разсыпной строй отличается отъ сомкнутаго только тѣмъ, что въ первомъ предоставляется бо̀льшая, чѣмъ во второмъ, свобода позы и движеній, а одного этого для военнаго развитія весьма и весьма еще недостаточно.

Опытнѣйшіе педагоги давно уже согласились на счетъ того, что въ дѣлѣ образованія важно не то, что̀ преподается, но то, какъ преподается; т. е., другими словами, что залогъ развитія человѣка лежитъ не въ предметѣ занятій, но въ манерѣ веденія занятій *). Нужно вести занятія съ солдатомъ такъ,

*) Разумѣя, конечно, что занимаются все же дѣломъ, а не бирюльками.

чтобы онъ ясно понималъ, зачѣмъ всякая эволюція исполняется, Въ удовлетвореніи этой присущей всякому человѣку пытливости, въ удовлетвореніи, притомъ, самымъ дѣломъ, а не длинными объясненіями, и лежитъ залогъ его развитія. Ясно послѣ этого, что можно затупить солдата на эволюціяхъ разсыпного строя, если онѣ продѣлываются безцѣльно или заражены педантизмомъ; можно, наоборотъ, развить его на эволюціяхъ сомкнутаго, если въ каждой изъ нихъ онъ видитъ цѣль *).

Просимъ читателя запомнить это первое наше положеніе **): оно весьма важно въ смыслѣ предостереженія отъ тѣхъ увлекающихся новаторовъ, которые проглядѣли, что прежній недостатокъ развитія солдата лежалъ не въ сомкнутомъ строѣ, а именно въ томъ, что различныя видоизмѣненія его продѣлывались даже безъ намека на то, для чего каждое изъ нихъ назначается. Военные обратились тогда изъ практическихъ дѣятелей, изучающихъ технику строя, съ цѣлью примѣнить ее къ дѣлу, въ художниковъ въ дѣлѣ воспроизведенія строевыхъ формъ. Настали другія времена, и критики приписали предмету занятій то, что всецѣло принадлежало характеру занятій предметомъ.

Послѣ этого согласятся, вѣроятно, что истина не можетъ заключаться ни въ одномъ изъ противоположныхъ стремленій, но въ ихъ органическомъ примиреніи; есть случаи, когда слѣдуетъ поступиться удобствомъ управленія въ пользу уменьшенія потерь отъ огня; есть и такіе, когда управленіе пріобрѣтаетъ такое вершающее значеніе, что ему должны быть предоставлены всѣ удобства, какихъ бы это ни стоило потерь. Въ настоящее время не только нельзя отказаться отъ сомкнутаго строя, но принципы его придется перенести отчасти даже на строй разсыпной ***), ибо усилившійся огонь вызываетъ и усиленіе средствъ поддержки самообладанія. И что это такъ, доказательствомъ служитъ принятое теперь наступленіе и отступленіе цѣпи болѣе или менѣе крупными участками, равно какъ требованіе, все сильнѣе и сильнѣе раздающееся, принять за звено не группу въ четыре человѣка, а десятокъ. Это проводятъ и тѣ даже, которые, съ упрямствомъ, достойнымъ болѣе разумной цѣли, усиливаются съ прусскихъ голосовъ опрокинуть сомкнутый строй.

---

*) Само собою понятно, что этого одного для полнаго развитія недостаточно; но здѣсь мы имѣемъ въ виду только ту часть развитія, которая дается строевою практикою.

**) Т. е., что залогъ развитія солдата не въ томъ, либо въ другомъ строѣ, но въ томъ, какъ занимаются строями.

***) Говоримъ «принципы», а не внѣшній обликъ сомкнутаго строя.

Посмотримъ же, какъ разрѣшить задачу: ходить и стрѣлять врознь, атаковать вмѣстѣ, и попытаемся вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить границы, за которыми это «врознь» не только безполезно, но вредно.

Уменьшеніе потерь отъ огня на мѣстности открытой достигается, какъ всякому извѣстно, тремя средствами: стоя на мѣстѣ положить часть; не оставаться на мѣстѣ, если непріятель пристрѣлялся, а передвинуться или прямо впередъ, или прямо назадъ (смотря по общей цѣли движенія), шаговъ на 200 или около того; принять тонкую разжиженную форму строя. Первыя два средства не имѣютъ ничего общаго съ формами строя, и въ предлежащемъ случаѣ разбору не подлежатъ. Обратимся къ послѣднему средству и посмотримъ, какую именно форму строя на мѣстности открытой слѣдуетъ принять для резервовъ всѣхъ наименованій, будетъ ли то боевая линія (части коей суть резервы цѣпи), частные ли резервы разныхъ категорій, или же, наконецъ, общій резервъ.

Понимается само собою, что предѣлъ разрѣженія для всѣхъ помянутыхъ частей боевого порядка не можетъ быть одинаковъ. Принимая за безспорный фактъ, что всякое разрѣженіе строя затрудняетъ управленіе имъ, должно признать, что отъ разрѣженія слѣдуетъ отказываться въ той мѣрѣ, въ какой уменьшается, съ увеличеніемъ разстоянія, дѣйствительность непріятельскаго огня. Съ этой точки, боевой порядокъ, въ огнестрѣльный періодъ боя, представляетъ, на нашъ глазъ по крайней мѣрѣ, четыре отличныхъ другъ отъ друга категоріи частей: къ первой принадлежитъ боевая линія съ баталіонными резервами *); ко второй—ея частные резервы (ошибочно называемая вторая линія); къ третьей—дивизіонные; къ четвертой—корпусный резервъ. Разумѣется само собою, что относящееся къ корпусному резерву еще съ большимъ основаніемъ относится къ резерву арміи.

Первая категорія частей (считая отъ цѣпи до ротъ боевой линіи отъ 0 до 300 шаговъ и отъ цѣпи же до баталіонныхъ резервовъ отъ 0 до 600 шаговъ) попадаетъ подъ дѣйствительный артиллерійскій огонь съ началомъ боя и подъ стрѣлковый — по сближеніи цѣпей между собою шаговъ на 1,000 — 800; слѣдовательно, она должна представлять непріятелю цѣль не болѣе той, какую представляетъ и цѣпь. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что эти части должно разсыпать, какъ это нѣкоторымъ кажется? Принявъ въ соображеніе, что разсыпанною частью можно только

*) Вторая линія ротъ, какъ теперь называютъ.

руководить, но командовать уже нельзя, — намъ кажется, что нѣтъ. А между тѣмъ требуется строй разжиженный; какъ же разрѣшить эту дилемму? Слѣдуетъ по нашему мнѣнію, принять строй разсыпной по формѣ и сомкнутый по духу, т. е. разомкнутый строй. Онъ представляетъ такую же цѣль, какъ разсыпной, но въ исполненіи всего подчиняется нормамъ сомкнутаго: та же команда, та же тишина, равненіе; то же единовременное исполненіе всего, какъ и въ сомкнутомъ строю. Размыкаться не болѣе какъ на шагъ, причемъ представляется возможность переходить и въ одношереножный строй, если бы оказалось, что онъ меньше терпитъ отъ огня, нежели двухшереножный разомкнутый. Это стоило бы опредѣлить путемъ опыта.

Вторая категорія — полковой резервъ, или такъ называемая вторая линія, будетъ отстоять отъ линіи баталіонныхъ резервовъ не ближе шаговъ 600; слѣдовательно, въ разстояніи 2,000 — 1,400 шаговъ *) отъ стрѣлковъ непріятеля и около 2,500 — 1,900 шаговъ отъ его артиллеріи. На такомъ разстояніи надобности въ разжиженіи строя уже не предстоитъ, хотя бы и на самой открытой мѣстности, но по возможности утонить его необходимо: почему и слѣдуетъ перестраиваться или въ одну линію развернутыхъ ротъ, безъ интервала, или же въ двѣ, линія отъ лишаговъ на 150, но тоже безъ интервала **). Послѣдній порядокъ мы предпочитаемъ первому, ибо при немъ баталіонъ будетъ въ рукѣ у командира болѣе, нежели когда онъ развернутъ.

Третья категорія — дивизіонный резервъ, будетъ стоять отъ полковыхъ резервовъ не ближе какъ шагахъ въ 800, слѣдовательно, въ 2,800—2,200 шагахъ отъ стрѣлковъ непріятеля и въ 3,300—2,700 отъ его артиллеріи. На этихъ разстояніяхъ опасность отъ стрѣлковъ обращается въ нуль, и расположеніе дивизіоннаго резерва въ одну линію баталіонныхъ колоннъ является достаточнымъ, для сбереженія отъ артиллерійскаго огня; приблизительно, оно соотвѣтствуетъ расположенію ротъ боевой линіи въ разомкнутомъ строѣ, такъ какъ разность въ дальностяхъ паденія артиллерійскихъ снарядовъ при такихъ разстояніяхъ, значительно превосходитъ глубину баталіонной колонны, даже не счи-

---

*) Считая стрѣлковъ непріятельскихъ въ 800—200 шагахъ отъ нашихъ. По сближеніи на эту послѣднюю дистанцію огнестрѣльный періодъ боя переходитъ въ штыковый.

**) Мы дѣлаемъ прибавку „безъ интервала“ въ предупрежденіе собственно недоразумѣнія, такъ какъ, по уставу, расположеніе по-ротно непремѣнно предполагаетъ интервалъ, что, очевидно, произошло потому, что когда уставъ писался, о расположеніи полковаго резерва по-ротно еще и рѣчи не было, а назначалось оно только для боевой линіи и баталіонныхъ резервовъ.

тая затрудненія замѣтить цѣль столь отдаленную и пристрѣляться къ ней. Но если бы, паче чаянія, артиллерія пристрѣлялась такъ ловко, что отъ нея грозила бы опасность баталіоннымъ колоннамъ, можно изъ одной глубокой сдѣлать двѣ тонкія линіи, выдвинувъ головныя роты шаговъ на 150 впередъ, или отведя заднія на столько же шаговъ назадъ; причемъ развертывать роты нѣтъ надобности. Нужно большое несчастіе, чтобы противнику удалось попасть на такихъ разстояніяхъ въ цѣль глубиною въ 10—20 шаговъ *).

Четвертая категорія — корпусные резервы, располагаемые обыкновенно не ближе полуверсты **) отъ линіи дивизіонныхъ, придутся уже внѣ выстрѣловъ артиллеріи, слѣдовательно, форма ихъ расположенія будетъ приближаться болѣе или менѣе къ уставному резервному порядку. Для утоненія, въ случаѣ надобности, этого порядка достаточно допустить слѣдующія степени: а) переходъ изъ четырехъ-линейнаго въ двухъ-линейный порядокъ; б) переходъ изъ сомкнутаго двухъ-линейнаго порядка въ таковой же разомкнутый, линія отъ линіи шаговъ на 150; в) переходъ въ одну линію баталіонныхъ колоннъ на тѣсныхъ интервалахъ.

Разомкнутый строй и переходъ резервовъ изъ одной категоріи въ другую. Признавъ разомкнутый строй за преобладающую форму при расположеніи частей боевой линіи и ея ближайшихъ поддержекъ, придется ввести его въ уставъ какъ самостоятельную форму. Правила могли бы заключаться, приблизительно, въ слѣдующемъ: размыкаться можетъ только развернутый строй; размыканіе, равно и смыканіе, пѣхота должна умѣть дѣлать на мѣстѣ и на ходу: размыканіе по соотвѣтствующимъ командамъ, а смыканіе, сверхъ того, еще по бою атаки, а также по сигналамъ и командамъ, установленнымъ для пальбы залпами. Движенія разомкнутымъ строемъ исполняются тѣ же, что и сомкнутымъ, за исключеніемъ захожденія ***). Слѣдовательно, этотъ отдѣлъ, собственно говоря, уже готовъ и въ настоящемъ уставѣ, такъ какъ команды для размыканія и смыканія существуютъ и теперь; только нужно его нѣсколько привести въ систему, поставивъ вслѣдъ за отдѣломъ о строѣ развернутомъ и распространивъ, въ только что объясненномъ смыслѣ, значеніе сигналовъ и командъ, употребляемыхъ теперь для атаки и для

---

*) 10 шаговъ глубина ротной взводной колонны; 20 шаговъ—ротной полувзводной колонны.

**) А часто гораздо дальше

***) Но перемѣна фронта на мѣстѣ остается и для разомкнутаго строя.

пальбы залпами. Размыканіе и смыканіе по серединѣ, разумѣется, должно быть предпочитаемо: но, въ предохраненіе отъ вредной рутины, его иногда слѣдуетъ дѣлать также и по одному изъ фланговъ.

Могутъ сказать, что вздваивать ряды легче, чѣмъ размыкаться, и предпочтительнѣе потому, что при немъ часть не растягивается по фронту. Все это вѣрно; но вѣрно также и то, что вздваиваніе рядовъ не уменьшаетъ, а увеличиваетъ вѣроятность попаданія, ибо при немъ получается строй глубиною въ четыре человѣка, а всякому извѣстно, что при стрѣльбѣ на дальнія разстоянія вѣроятность попаданія увеличивается не съ размѣрами по фронту, а съ глубиною цѣли *). Мы полагаемъ поэтому, что при стрѣльбѣ на разстоянія, превосходящія прямой выстрѣлъ, потери въ строѣ со вздвоенными рядами будутъ, пожалуй, болѣе, нежели даже въ сплошномъ двухшереножномъ **). На разстояніи же прямого выстрѣла отъ противника часть все равно нельзя ни вздваивать, ни размыкать, ибо сама она должна быть готова къ залпамъ и къ атакѣ. Само собою разумѣется, что разомкнутая форма примѣнима только въ расположеніи по ротно, а не къ сплошному развернутому баталіонному строю, отъ котораго давно бы пора отказаться.

Способы утоненія, указанные для резервовъ прочихъ категорій, исполняются всѣ нынѣ имѣющимися уставными средствами, и не вызываютъ никакой прибавки къ уставамъ. Замѣтимъ только, что дистанціи и интервалы должны быть предоставлены усмотрѣнію соотвѣтствующихъ командировъ.

Такъ, напримѣръ, въ баталіонахъ полковаго резерва опредѣляютъ сами баталіонные командиры дистанцію между ротами ихъ первой и второй линій.

Въ дивизіонномъ резервѣ дистанціи опредѣляются бригаднымъ или полковымъ командиромъ, смотря по тому, какая часть оставлена въ этомъ резервѣ, и т. д. Опредѣлять ихъ уставно нельзя потому, что все зависитъ отъ мѣстности и отъ того, каковъ непріятельскій огонь. Если онъ мѣтокъ, нужно болѣе утонять строй, чаще мѣнять мѣсто; если же нѣтъ — наоборотъ.

Въ этомъ, какъ и во всемъ, главное — цѣль, идея; идея же въ разбираемомъ случаѣ въ томъ, чтобы глубокое расположеніе

---

*) Нужно имѣть притомъ въ виду, что четырехшереножный строй является разомкнутымъ только относительно выстрѣловъ перпендикулярныхъ къ фронту; относительно же косвенныхъ онъ сплошной и глубокій.

**) Это тоже стоило бы повѣрить опытомъ.

обращать въ одно или нѣсколько тонкихъ, болѣе или менѣе, смотря по разстоянію до непріятеля, т. е. по дѣйствительности огня.

Такимъ образомъ, на мѣстности совершенно открытой, на плацу скажемъ, боевой порядокъ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: а) цѣпь; б) въ разстояніи отъ нея отъ 0 до 400 шаговъ — боевая линія ротъ въ разомкнутомъ строю, безъ всякихъ промежуточныхъ поддержекъ между нею и цѣпью, ибо цѣли этимъ поддержкамъ нѣтъ, а остались они у прусаковъ по рутинѣ *); въ разстояніи отъ 0 до 300—400 шаговъ отъ боевой линіи — баталіонные резервы тоже въ разомкнутомъ строѣ; въ разстояніи отъ 0 до 600 шаговъ отъ сихъ послѣднихъ—полковые резервы; въ разстояніи за ними до полуверсты — дивизіонные резервы; въ разстояніи за этими послѣдними до полуверсты и больше — корпусный резервъ.

Вотъ вамъ и нормальный порядокъ, воскликнутъ, вѣроятно, нѣкоторые приверженцы этого похороненнаго съ очевидной пользой для дѣла измышленія. Да, нормальный, но только въ теоріи, на письмѣ, а не въ практикѣ на полѣ. Въ теоріи никто не отвергаетъ и траекторіи въ безвоздушномъ пространствѣ; но посмѣялись бы, и не мало, надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы устраивать нарочито безвоздушное пространство съ цѣлью получить въ немъ параболическую траекторію. Нормы отвлеченной, какъ отправной точки изслѣдованія, никто никогда и не отвергалъ; но отвергали и отвергаютъ ее, какъ вещь, могущую имѣть практическую приложимость. Посмотримъ же, во что обратится только-что указанная норма подъ вліяніемъ: момента боя; мѣстности; рода и свойствъ войскъ, нашихъ и непріятельскихъ; цѣли дѣйствій.

Замѣтимъ, во-первыхъ, довольно крупное недоразумѣніе, до сихъ поръ замѣчаемое въ представленіи о боевыхъ порядкахъ; большинство, порывшись въ своемъ сознаніи, вѣроятно признаетъ, что съ понятіемъ о боевомъ порядкѣ сочетается у нихъ представленіе о томъ расположеніи войскъ, съ котораго дѣло собственно только начинается; всѣ послѣдующія его превращенія какъ-то до сихъ поръ игнорировались, попавъ изъ ученія о боевыхъ порядкахъ въ ученіе о дѣйствіяхъ войскъ въ бою.

---

*) Начавшіе службу въ 40-хъ годахъ должны помнить, что эти маленькіе резервики составляли принадлежность боевыхъ расположеній еще тогда, когда преобладали сборные баталіонные строи. Съ развитіемъ ротныхъ расположеній они, какъ совершенно безполезное дробленіе силъ, у насъ отмѣнены. Слѣдовательно, это не новость, хотя и выдается за такую буквальными подражателями прусаковъ.

Этотъ недостатокъ систематизаціи въ теоріи отразился вредно на практикѣ тѣмъ, что долгое время затуманивалъ въ сознаніяхъ главнѣйшій аргументъ противъ возможности какой либо практически приложимой нормы въ области боевыхъ порядковъ. Дѣйствительно, если разсматривать боевой порядокъ во времени, то и окажется, что онъ весьма скоро послѣ завязки боя начинаетъ видоизмѣняться каждое мгновеніе: въ одномъ мѣстѣ нужно усилить цѣпь, въ другомъ ввести въ боевую линію баталіонные резервы. Съ постепеннымъ развитіемъ боя, та же судьба постигаетъ полковые, затѣмъ дивизіонные, затѣмъ корпусные и, наконецъ, армейскій резервы. Все это постепенно переходитъ изъ категоріи въ категорію, и къ концу дѣла всякій боевой порядокъ почти всегда приводится къ одной, безформенной съ уставной точки, линіи, разнообразной по глубинѣ въ разныхъ своихъ точкахъ, и много-много если съ слабымъ резервомъ, а то и вовсе безъ резерва. Въ природѣ все движется, все течетъ, въ смыслѣ безконечнаго и непрерываемаго ни на мгновеніе превращенія жизненныхъ формъ; и боевой порядокъ, разсматриваемый во времени, является однимъ изъ самыхъ наглядныхъ проявленій этого закона.

Къ области видоизмѣненій боевого порядка во времени должно отнести и тѣ изъ нихъ, которыя обусловливаются нашими намѣреніями и родомъ войскъ, противъ насъ дѣйствующихъ: извѣстно, что при наступленіи, такъ какъ починъ дѣйствія за нами, резервъ можно имѣть слабѣе, при оборонѣ нужно его имѣть сильнѣе; атака кавалеріи или пѣхоты вызоветъ смыканіе разомкнуыхъ частей, приближеніе баталіонныхъ и полковыхъ резервовъ; огонь артилеріи и стрѣлковъ вызываетъ обратное.

Видоизмѣненія боеваго порядка въ пространствѣ обусловливаются разнообразіемъ мѣста, на которомъ приходится дѣйствовать; есть закрытія—не только нѣтъ надобности размыкать части первой категоріи, утонять расположеніе частей остальныхъ категорій, но, напротивъ, приходится иногда, сообразно размѣрамъ закрытія, принимать даже глубокіе строи; приходится также не только сближать части разныхъ категорій къ боевой линіи, но временно даже ставить ихъ вмѣстѣ *).

*) Это не только хорошо въ смыслѣ сбереженія отъ огня, но и въ другомъ отношеніи; такъ, напримѣръ, наступая по мѣстности волнообразной, гдѣ можно получить и нежданную кавалерійскую атаку, лучше вовсе не размыкать частей первой категоріи и притомъ баталіонный и полковой резервы держать на сближенныхъ дистанціяхъ и въ шахматномъ порядкѣ, дабы во всякую данную минуту можно было получить maximum огневой поддержки.

Такимъ образомъ, для пользы дѣла не только можно допускать, но должно требовать, чтобы поддержки разныхъ категорій временно какъ бы сливались между собою и только при дальнѣйшемъ наступленіи брали должныя другъ отъ друга дистанціи, опредѣленныя для мѣстности совершенно открытой. Дистанція не должна быть распоркой между различными эшелонами боевого порядка и это поясняетъ, почему дистанціи между каждыми двумя сосѣдними эшелонами предлагается считать отъ 0 и до опредѣленной величины.

Независимо этихъ видоизмѣненій боевого порядка въ пространствѣ, относящихся до формы строя частей и до дистанцій ихъ между собою, не менѣе важная причина видоизмѣненія кроется въ свойствахъ позиціи: пунктъ важенъ — цѣпь на немъ будетъ густа и за нею нѣсколько эшелоновъ резервовъ; пунктъ не имѣетъ особаго значенія или недоступенъ, и расположеніе войскъ будетъ слабѣе: какъ въ огневой линіи, такъ и въ поддержкахъ, — цѣпь слабѣе, резервныхъ эшелоновъ меньше. На пунктахъ вовсе неважныхъ, или же недоступныхъ, это утопеніе, даже въ большихъ расположеніяхъ, можетъ дойти до послѣдняго предѣла, т. е. до цѣпи безъ всякихъ поддержекъ. Наконецъ, каждая часть, дѣломъ доказавшая свою упругость и стойкость, не нуждается въ такомъ числѣ эшелоновъ-поддержекъ, какое необходимо за частью, еще не показавшею чего она стоитъ. Все это, хорошо продуманное, дастъ начальнику неистощимые ресурсы на то, чтобы и лишняго человѣка даромъ подъ огонь не подставлять, и безъ надобности не разбрасываться. Ученіе о формахъ строя, поставленное такимъ образомъ, устраняетъ, какъ праздный, вопросъ о томъ, какой строй считать главнымъ, какой второстепеннымъ, ибо прямо показываетъ, что это главенство будетъ переходить отъ строя къ строю, смотря по цѣли, мѣсту, времени.

3.

Можно ли ограничиться въ боевомъ порядкѣ пѣхоты одною связью по перпендикулярному къ фронту направленію. Было время, когда считали, что необходимое условіе успѣха въ бою заключается въ томъ только, чтобы боевая линія составляла одно сплошное неразрывное цѣлое. При такомъ взглядѣ на дѣло о поддержкахъ сзади не заботились, а употребляли всѣ усилія только къ тому, чтобы связь по фронту соблюдалась весьма строго. Мало по малу артистическая струнка, присущая человѣку, также заявила свои права, что и превратило идею связи по фронту въ

стремленіе достигнуть идеальнаго равненія и единовременности движенія фронта, какъ бы онъ ни былъ длиненъ. Увлеченіе въ эту сторону съ теченіемъ времени до того усилилось, что, наконецъ, все почти обученіе было направлено къ достиженію только этой одной цѣли, не взирая ни на какія жертвы, не только временемъ, но и людьми. Тактическими считались только такія войска, которыя умѣли продѣлать эту штуку съ идеальною правильностію, какъ на мѣстѣ, такъ и на ходу. Которые не умѣли ее продѣлать, тѣ не считались тактическими. Въ резервъ не отдѣляли ничего; вторая линія назначалась только для заполненія разрывовъ первой. Въ бою подобныя войска дѣйствительно представляли стѣну; но разъ удавалось ее прорвать въ одномъ мѣстѣ, стѣна давала тылъ и на всѣхъ остальныхъ. Ясно, что такой боевой порядокъ не представлялъ никакой устойчивости послѣ первой неудачи, и все въ немъ было разсчитано только на первое столкновеніе.

Когда дѣло доходитъ до такой крайности, реакція неизбѣжна; скоро, сначала въ теоріи заговорили, а потомъ и въ практикѣ показали, что колонны, прикрытыя цѣпью, лучше развернутаго строя, что прерывчатая линія лучше непрерывной и что связь въ глубину, т. е. съ резервами, могущими дать поддержку каждое мгновеніе, лучше связи по фронту. Эта великая историческая эволюція была продѣлана два раза: одинъ, въ древнемъ мірѣ,— греками и римлянами; другой, въ новомъ, — нѣмцами и французами. Мы остановимся, естественно, на второмъ случаѣ, какъ на болѣе для насъ интересномъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наполеоновская эпоха весьма доказательное явленіе въ пользу связи въ глубину; но въ революціонныхъ арміяхъ было столько нравственнаго преимущества надъ тѣми, съ коими имъ пришлось столкнуться, что приписывать ихъ успѣхъ одному только измѣненію системы боевого порядка и видѣть, вслѣдствіе того, универсальную панацею въ этомъ измѣненіи, едва ли раціонально. Фридрихъ въ свое время побивалъ также, какъ Наполеонъ въ свое; а между тѣмъ, довольствовался же онъ боевымъ порядкомъ, основаннымъ на одной связи по фронту? Да и Наполеонъ, подступая къ противнику, не шелъ же въ разбродъ, а заботился, чтобы войска наступали единовременно, иначе часть высунувшаяся легко могла быть разбита отдѣльно? Значитъ, утверждая связь въ глубину, онъ не забывалъ и связи по фронту.

Что изъ этого слѣдуетъ? Все то же, т. е., что связь по фронту и связь въ глубину не исключаютъ, какъ то нѣкоторымъ кажется, но дополняютъ другъ друга, и что увлекающійся одной до забвенія другой непремѣнно бываетъ битъ, наталкиваясь на

противника, не забывающаго ни той, ни другой и понимающаго, когда изъ нихъ, какая и на сколько нужна. И потому увлекающимся связью по фронту, до выравниванія десятковъ баталіоновъ въ одну нитку, нельзя не напоминать, что требуется не равненіе, но связь; что очень погнавшись за первымъ, можно и совсѣмъ вытѣснить изъ сознанія необходимость послѣдней; что непрерывность линіи есть не только поводъ ко взаимной поддержкѣ, но также и къ бѣгству изъ подражанія, неодолимо передающемуся *) отъ человѣка къ человѣку, отъ части къ части, если онѣ не отдѣлены интервалами одна отъ другой; и что, наконецъ, на возстановленіе боя нѣтъ надежды, если линія будетъ прорвана, а сзади нѣтъ поддержекъ. Увлекающимся связью въ глубину до проведенія того, будто уже и рота составляетъ самостоятельный участокъ даже въ большомъ боевомъ порядкѣ, нельзя не напоминать, что армія, въ которой каждая рота задумаетъ продѣлывать собственную тактику и чуть не стратегію, не есть армія, а куча червей, ползущихъ въ разныя стороны; и что самостоятельность, какъ она ни хороша и ни желательна, все же есть палка о двухъ концахъ, изъ которыхъ если одинъ бьетъ по непріятелю, то другой можетъ заѣхать и по своимъ, если его выпустить изъ рукъ.

Вся разница между системой Фридриха и системой Наполеона заключается въ томъ, что въ первой обращено исключительное вниманіе на первый періодъ боя, въ который не только можно, должно требовать связи по фронту, если хотятъ, чтобы боевой порядокъ составлялъ одно органическое цѣлое (а не хотѣть этого нельзя); во второй же системѣ, къ связи по фронту перваго періода боя присоединена, какъ существомъ дѣла вызываемое дополненіе, связь въ глубину, необходимая во второй періодъ боя, періодъ столкновеній, когда необходимость быстрыхъ и энергическихъ поддержекъ сзади выступаетъ на первый планъ.

Богатые опытомъ столь поучительнаго прошлаго, мы, повидимому, должны бы были придти къ такому, прямо вытекающему изъ фактовъ, заключенію: преобладающую (но не исключительную) необходимость представляетъ: въ огнестрѣльный періодъ боя — соблюденіе связи по фронту; въ штыковый — соблюденіе ея въ глубину **); въ боевой линіи — соблюденіе

*) Также какъ передается зѣвокъ, особенно апетитный.

**) Мы говоримъ „преобладающую, но не исключительную, необходимость“ потому, что въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, борьба противоположныхъ началъ приводитъ во всякомъ данномъ случаѣ къ преобладанію одного начала надъ другимъ, но никогда не къ исключенію одного другимъ. И въ первый періодъ боя, обращая преимущественное вниманіе на связь по фронту, нельзя

связи по фронту; въ резервахъ — соблюденіе ея въ глубину или, правильнѣе, въ высоту, т. е. къ первой линіи.

Но не всѣмъ это такъ кажется; есть, и не мало, офицеровъ, искренно преданныхъ дѣлу, которые, получивъ тактическое образованіе въ періодъ борьбы противъ увлеченій линейнымъ порядкомъ, стали на ту точку, какъ будто бы эта борьба была направлена не противъ увлеченій, а противъ самаго принципа связи по фронту, не признаютъ вовсе умѣстности примѣненія этого принципа въ наше время, и удивляются, напримѣръ, тому, что до сихъ поръ цѣпь полка представляетъ одно цѣлое, яко бы «не имѣющее ничего общаго съ позади стоящими ротами». Автору этого мнѣнія не безъизвѣстно, что оно отвергается уставно тѣмъ, что роты, при наступленіи, если цѣпь ушла на 300 шаговъ, должны слѣдовать за нею, хотя бы и не было на то команды старшаго начальника; отвергается нравственно тѣмъ, что всякій чувствуетъ, что цѣпь работаетъ не на себя, а на него; и что не поддержать ее въ критическую минуту и не дать ей возможности отразить непріятеля, значитъ добровольно отказаться отъ самаго дѣйствительнаго средства его ослабить до окончательнаго столкновенія, т. е. отъ огня; отвергается, наконецъ, фактами послѣднихъ кампаній, не представляющихъ случаевъ, гдѣ роты не пошли бы на выручку цѣпи, и представляющихъ, напротивъ, массу примѣровъ того, что онѣ рановременно и самопроизвольно вступали въ цѣпь. Въ виду этого явленія должно, кажется, хлопотать не объ усиленіи связи между цѣпью и ближайшими подкрѣпленіями, но именно о противоположномъ: не въ смыслѣ, конечно, полнаго разрыва этой связи, но въ томъ, чтобы роты боевой линіи были воспитываемы въ мысли, что, пока дѣло не дошло до штыка, самопроизвольное вступленіе въ цѣпь равносильно всякому ослушанію. И намъ кажется, что одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ подобной постановкѣ вопроса заключается именно въ томъ, чтобы отъ баталіона высылались въ цѣпь цѣлыя части, напримѣръ, рота, а не обрывки частей. Подобная цѣпь непремѣнно будетъ маневрировать согласнѣе, нежели составленная изъ людей, принадлежащихъ различнымъ ротамъ, такъ какъ будетъ именно удовлетворять условію единства командованія; да и стоящія сзади роты не будутъ воображать,

---

допускать, чтобы поддержки далеко отставали, слѣдовательно, соблюдается связь и въ глубину; и во второй періодъ боя, часть, назначенная для атаки какого нибудь пункта, при строгомъ наблюденіи за связью въ глубину, должна врываться разомъ въ этотъ пунктъ: слѣдовательно, не можетъ обойтись и безъ связи по фронту; да и остальныя части боеваго порядка, хотя и остаются уступами позади, но все же подаются впередъ, соображаясь съ ея движеніями: а это вѣдь тоже связь по фронту.

будто онѣ могутъ разсыпаться по усмотрѣнію своихъ ротныхъ командировъ, не ожидая приказанія баталіоннаго. Такого рода инициативу и поддержку приличнѣе, по нашему, назвать распущенностью и недостаткомъ самообладанія; такъ какъ ее внушаетъ не желаніе поддержать товарищей, а стремленіе заглушить собственный инстинктъ самосохраненія, занявшись трескотней.

Увлекающіеся связью, перпендикулярною къ фронту, идутъ до того даже, будто роты составляютъ теперь самостоятельные участки боевого порядка. Проводя подобную странную, по нашему мнѣнію, мысль, будто и рота теперь стала самостоятельнымъ участкомъ въ боевомъ порядкѣ, просто забываютъ, что не свойства человѣка и частей, изъ него организуемыхъ, но мѣстность опредѣляетъ дробленіе боевого порядка на участки.

Кто этого не упускаетъ изъ виду, тотъ безъ труда согласится, что хитро не только найти, но даже нарисовать позицію съ такими мелкими, рѣзко отдѣляющимися участками, изъ которыхъ каждый занимался бы одною только ротой. И потому-то участки боевого порядка на позиціи представляются дивизіями, бригадами, полками, рѣдко баталіонами и никогда почти ротами.

Наконецъ, невѣрно и то, будто не можетъ быть случая, гдѣ бы полковая цѣпь должна была составлять одно цѣлое. Такіе случаи возникаютъ, и не рѣдко, при назначеніи полка для охватывающей атаки какого нибудь предмета, напримѣръ: деревни, рощи, отдѣльной высоты. При этомъ, цѣпи придется маневрировать весьма согласно, такъ какъ середина должна дать возможность флангамъ выдвинуться впередъ и сдѣлать охватывающее движеніе; согласованіе же это возможно только при одномъ условіи—при соблюденіи связи по фронту, которая и сдѣлаетъ изъ полковой цѣпи одно цѣлое. Понятно также, что этого согласованія будетъ легче достигнуть, если цѣпь состоитъ изъ двухъ, трехъ цѣлыхъ ротъ, а не изъ восьми, двѣнадцати обрывковъ разныхъ ротъ. Здѣсь дѣйствительно не окажется того постоянства командованія, подъ предлогомъ котораго теперь отстаиваютъ нѣкоторые прусскую манеру составленія цѣпи, единственно бывшую въ ходу и у насъ до крымской кампаніи. Прусаки придерживаются этой манеры составленія цѣпи вовсе не потому, чтобы она была лучшая вообще; но просто потому, что не хотятъ ломать привычекъ своей арміи, такъ какъ подобное ломаніе совершенно отнимаетъ у уставовъ характеръ закона и обращаетъ ихъ какъ бы въ дѣло каприза. Подобное неудобство нѣсколько поважнѣе тѣхъ мнимыхъ усовершенствованій, подъ предлогомъ которыхъ такъ часто забывается то основное начало, долженствующее регулировать отношеніе къ массѣ, что

привычки, ей разъ привитыя, не должны быть нарушаемы безъ особенно важныхъ причинъ.

И всѣ эти измышленія о невозможной самостоятельности ротъ, о томъ, что каждая рота должна имѣть своихъ стрѣлковъ, о томъ, наконецъ, что впредь единицею должна быть рота, а не баталіонъ, произошли отъ невѣрнаго пониманія принципа перпендикулярности, отъ еще менѣе вѣрнаго отрицанія принципа линейности и отъ поспѣшнаго принятія происходившаго въ послѣднія кампаніи за долженствующее всегда происходить! Если слабость критической оцѣнки фактовъ дала гдѣ либо себя знать, то, конечно, въ предлежащемъ случаѣ.

Но въ чемъ же заключается эта перпендикулярность, на ярлыкѣ которой такъ кстати и не кстати теперь заѣздили? Заключается она въ сознаніи той истины, что такъ какъ на успѣхъ части, идущей въ атаку, или ее встрѣчающей, навѣрное расчитывать нельзя, то должно хлопотать о томъ, чтобы за нею была часть-близнецъ, готовая каждую минуту поддержать ее, и блюдущая за тѣмъ, чтобы отражать попытки противъ ея фланговъ. Какъ этого достигнуть: перемѣной ли организаціи, или же просто соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ командованія и соотвѣтственнымъ воспитаніемъ войскъ? Наши литературные новаторы въ увлеченіи и не подглядѣли, что рѣшеніе этой задачи именно лежитъ не въ первомъ, но въ послѣднемъ, т. е. въ соотвѣтственномъ распредѣленіи командованія и въ соотвѣтственномъ воспитаніи войскъ, и всѣми силами ринулись на организацію. Связь въ глубину, для осуществленія своего, предполагаетъ, какъ необходимыя условія: во-первыхъ, чтобы командованіе было распредѣлено не по линіямъ, какъ то было въ порядкѣ Фридриха, и въ нѣкоторыхъ уставахъ удержалось до сихъ поръ, но по участкамъ, т. е. надъ нѣкоторымъ числомъ частей боевой линіи и надъ соотвѣтствующими имъ частными резервами; ибо при такомъ распредѣленіи начальникъ заинтересованъ въ своевременной и энергической поддержкѣ атакованныхъ частей, что при командованіи по линіямъ можетъ и не имѣть мѣста; во-вторыхъ, чтобы всѣ чины отряда были проникнуты чувствомъ взаимной выручки видѣли въ ней залогъ не только побѣды, но и спасенія. Первое условіе, очевидно, касается до начальниковъ, второе—до всѣхъ чиновъ безъ исключенія; и оба они могутъ быть достигнуты при любой организаціи. Солдатъ и офицеръ должны быть воспитаны такъ, чтобы, когда дѣло идетъ о поддержкѣ, для нихъ не было бы своего полка, своего баталіона; но должны быть—свой отрядъ, своя армія. Начальники должны регулировать это благородное стремленіе и

не давать, подъ предлогомъ его, проявляться побужденіямъ менѣе почтеннаго свойства *). Въ виду этого, проповѣдывать необходимость установленія связи даже между ротой и соотвѣтствующимъ ей участкомъ цѣпи, во имя того, что своихъ будутъ яко бы охотнѣе поддерживать, просто странно; такъ какъ невозможная вещь, чтобы въ бою, сколько нибудь упорномъ, не пришлось употреблять на поддержку боевой линіи частей не только чужихъ полковъ, но, пожалуй, и чужихъ дивизій, даже корпусовъ **). Если бы связь въ глубину была основана, какъ на необходимомъ условіи, на принадлежности боевыхъ участковъ и ихъ поддержекъ къ одной и притомъ мелкой части, а не на подчиненіи одному начальнику, тогда пришлось бы признать за лучшій такой порядокъ расположенія, при которомъ за каждой ротой боевой линіи въ частномъ и даже общемъ резервѣ стояли бы роты одного съ нею баталіона, что, очевидно, нерезонно, такъ какъ уничтожаетъ возможность вліянія на роты ихъ баталіонныхъ и полковыхъ командировъ: тѣмъ менѣе резонно проводить, что если цѣпь составлена не изъ людей всѣхъ ротъ, а только одной (хотя того же баталіона и полка), то между нею и ротами боевой линіи будто бы связи не будетъ. Баталіонный командиръ представляетъ эту связь: онъ слѣдитъ, чтобы никто изъ боевой линіи не смѣлъ, безъ его приказанія, усиливать цѣпь, пока идетъ огонь; онъ же слѣдитъ, чтобы, въ случаѣ атаки, всякій поддерживалъ цѣпь штыкомъ, не ожидая никакого приказанія. Разсуждать иначе, значитъ или забывать о существованіи баталіоннаго командира, или же отрицать его значеніе. Но, въ послѣднемъ случаѣ, не мѣшало бы и показать, почему оно отрицается, т. е. считается лишнимъ или невозможнымъ.

Слова нѣтъ, принадлежность поддержекъ къ одной части съ боевой линіей представляетъ ручательство за бо́льшую готовность и энергію поддержки; но это только подспорье единству командованія, а никакъ не главное средство установленія связи въ глубину, на которомъ можно бы было строить боевой порядокъ. Притомъ же, оно имѣетъ мѣсто въ примѣненіи къ отношеніямъ между крупными частями, которыя, по этому самому, имѣютъ какъ бы нѣкоторое право на обособленіе, напримѣръ, между полками, а никакъ не между ротами одного полка и даже баталіона. Хо-

*) Въ родѣ самопроизвольнаго разсыпанія въ цѣль.

**) Это одно уже показываетъ, до какой степени странны попытки избѣжать перемѣшиванія частей. Хлопочутъ, чтобы роты не смѣшались въ началѣ боя, зная очень хорошо, что невозможно устранить смѣшеніе полковъ, даже дивизій, въ послѣдующіе моменты боя;—логика....

роша была бы армія, въ которой даже тѣла въ 150—200 человѣкъ считали бы себя чуждыми другъ другу, принимаясь за дѣло, для успѣха котораго сотни тысячъ должны составлять одно тѣло, имѣть одну душу

Сводя въ одно, получимъ: 1) связь въ глубину не исключаетъ, но дополняетъ связь по фронту; 2) связь въ глубину достигается соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ командованія и соотвѣтственнымъ воспитаніемъ войскъ, а не организаціей; принадлежность резерва къ одной части съ участкомъ боевой линіи служитъ только подспорьемъ, но не главнымъ средствомъ къ прочности этой связи; 3) связь по фронту имѣетъ преобладающее значеніе въ огнестрѣльный періодъ боя, въ глубину—въ штыковый; 4) слишкомъ тѣсная связь цѣпи съ ея ближайшими подкрѣпленіями не полезна, но вредна въ первый періодъ боя.

4.

Можно, или нѣтъ, допускать перебѣжки при отступленіи цѣпью? Теперь порядокъ наступленія и отступленія цѣпи участками, а не одиночными людьми, утвердился почти вездѣ; но относительно того, какъ отступать—шагомъ или бѣгомъ—господствуетъ порядочная разноголосица. Есть, напримѣръ, мнѣніе, будто перебѣжекъ допускать при отступленіи нельзя; будто это можетъ имѣть вредное вліяніе на цѣпь, которая, пожалуй, вся побѣжитъ, когда приказано отбѣгать только одной ея части; даже сомкнутыя части, увидѣвъ, какъ отбѣгаютъ участки цѣпи, сами побѣгутъ.

Разсуждающіе подобнымъ образомъ просто не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, когда именно возможно правильное отступленіе цѣпью: подъ натискомъ ли противника, или не подъ натискомъ? Ясно, что отступать правильными перебѣжками возможно только въ послѣднемъ случаѣ; ибо первый случай, т. е. натискъ, предполагаетъ уже атаку противника, нашу контръ-атаку, т. е. поддержку цѣпи ротами боевой линіи, и затѣмъ успѣхъ или неудачу, для каковой минуты правилъ какъ двигаться, дать нельзя. Однимъ словомъ, правильное отступленіе цѣпи возможно тогда, когда отступаетъ и весь отрядъ, т. е., когда мы на нѣкоторое время рѣшили не увязываться въ бой, и держимъ противника на почтительномъ отъ себя разстояніи. Изъ этого ясно, что если мы будемъ отступать шагомъ, между тѣмъ какъ противникъ наступаетъ бѣгомъ, то онъ насъ нагонитъ; и что, задавшись въ умѣ цѣлью уклониться отъ боя, мы на дѣлѣ будемъ поступать такъ, какъ будто желаемъ обратнаго, т. е. увязаться въ бой.

Для примѣра, возмемъ такой случай: мы отступаемъ передъ непріятелемъ, цѣпь котораго находится отъ нашей въ 1,000 шагахъ. Такъ какъ онъ наступаетъ бѣгомъ, т. е. со скоростью 175 шаговъ въ минуту, а мы шагомъ, т. е. со скоростью 115 шаговъ, то выйдетъ что непріятель насъ нагонитъ, сдѣлавъ 2,920 шаговъ, или черезъ 17 безъ малаго минутъ ходу. Остановокъ въ позиціяхъ считать нечего, такъ какъ онѣ одинаково замедлятъ столько же его, сколько и наше движеніе. Слѣдовательно, перебѣжки при отступленіи допустить необходимо. Но какъ же быть съ нравственнымъ вредомъ ихъ? Дѣло въ томъ, что его нѣтъ, и предположеніе его возможности есть одинъ изъ тѣхъ миражей, которые человѣкъ такъ легко себѣ творитъ, если подчиняется первому впечатлѣнію, а не вдумывается въ дѣло. Во-первыхъ, если въ разъ отступаетъ не болѣе какъ четверть цѣпи *), подъ прикрытіемъ остальныхъ трехъ четвертей, остающихся на старой позиціи и стрѣляющихъ, странно опасаться, чтобы эта четверть обратилась въ бѣгство; странно думать также, чтобы цѣпь, находящаяся не подъ натискомъ и пріученная отступать по частямъ и перебѣжками въ мирное время, тоже побѣжала бы за этою четвертью. Дѣлать подобныя предположенія и останавливаться на нихъ, какъ на чемъ-то серьезномъ и весьма вѣроятномъ,—значитъ прямо забывать, что цѣпью же управляютъ; и что, прежде чѣмъ отступать, отдается по цѣпи приказаніе на счетъ порядка отступленія. Во-вторыхъ, бояться, чтобы и роты боевой линіи не приняли этихъ перебѣжекъ за сигналъ къ общему бѣгству, значитъ имѣть уже слишкомъ живое воображеніе; вѣдь цѣпь находится отъ роты обыкновенно не ближе 300 шаговъ, и перебѣжки дѣлаются не разомъ, а участками, и не далѣе какъ шаговъ на 75—100 въ разъ. Да, наконецъ, для ротъ это отбѣганіе уже будетъ не новость, если въ мирное время иначе отступленія какъ цѣпью дѣлать не будутъ. Теперь вѣдь принятъ пріемъ, въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе опасный, именно очищеніе фронта по сигналу «сомкнутый строй стрѣлять», при чемъ стрѣлки не отбѣгаютъ вдали по частямъ, но стремглавъ, и всѣ разомъ, бросаются на строй съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ; и никому не приходитъ въ голову, что это можетъ подать поводъ къ общему бѣгству; а случай весьма возможный. Итакъ, перебѣжки при отступленіи, не то что можно, а необходимо допустить; и нравственнаго вреда отъ этого никакого произойти не можетъ.

*) Мы разумѣемъ вездѣ цѣпь отъ баталіона, которая, по нашему мнѣнію, должна составлять одно цѣлое, для удобства какъ управленія, такъ равно согласованія движеній и дѣйствій. Но бываютъ случаи, когда и цѣпь отъ полка должна составлять одно, на что указано ниже.

5.

Боковыя передвиженія. Всякому извѣстно, что боковыя движенія въ виду противника опасны; извѣстно также, что охватъ фланга противника цѣпью въ большей части случаевъ вызываетъ боковое движеніе. Помирить это противорѣчіе можно только обращеніемъ боковаго движенія въ облическое, чему наступленіе участками цѣпи даетъ полную возможность, Для этого звено направленія высылается съ того фланга, въ сторону котораго нужно принимать, только высылается не въ прямомъ направленіи, а въ облическомъ. Къ нему пристраивается его участокъ; къ этому слѣдующій, и такъ далѣе. Разница съ прямымъ наступленіемъ будетъ въ томъ только, что прямое можетъ начинаться съ какой угодно части цѣпи; облическое же начинается съ право или лѣво-фланговой части, смотря потому, вправо или влѣво намѣрены принимать наступая.

Охваты цѣпью обоихъ фланговъ противника. Двойной охватъ цѣпью представляетъ довольно сложное движеніе потому въ особенности, что, прежде чѣмъ охватить, нужно еще выиграть фланги противника, т. е., наступая, въ то же время принимать въ стороны, и сверхъ того, по мѣрѣ наступленія дать цѣпи уступное расположеніе флангами впередъ, дабы, когда будутъ выиграны фланги противника, можно было, единовременнымъ захожденіемъ участковъ цѣпи плечами, образовать охватывающую линію. Намъ кажется легчайшимъ слѣдующій способъ исполненія этой эволюціи.

Положимъ, приказано полку атаковать деревню, имѣющую по фронту около 800 шаговъ. Прикрывшись цѣпью, напримѣръ, изъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, онъ наступаетъ фронтально шаговъ до 1,000; съ этой дистанціи начинается охватывающее движеніе цѣпи съ обоихъ фланговъ въ такомъ порядкѣ:

Первая перебѣжка. Отъ перваго полувзвода правой роты выбѣгаетъ звено направленія шаговъ на 100 въ поль-оборота направо, и отъ четвертаго полувзвода лѣвой роты на столько же въ полъ-оборота налѣво. Къ этимъ звеньямъ пристраиваются, не перемѣняя фронта: сначала ихъ полувзводы, потомъ, послѣдовательно, къ этимъ полувзводамъ второй и третій въ правой ротѣ, третій и второй въ лѣвой ротѣ. Четвертый полувзводъ правой и первый лѣвой роты остаются на мѣстѣ.

Вторая перебѣжка. Звенья выбѣгаютъ тѣхъ же крайнихъ полувзводовъ и въ томъ же облическомъ направленіи. Къ нимъ

пристраиваются ихъ полувзводы тоже не перемѣняя фронта; къ этимъ послѣднимъ пристраиваются: второй полувзводъ въ правой ротѣ и третій въ лѣвой; остальные остаются на мѣстѣ.

Третья перебѣжка. Перебѣгаютъ, выславъ предварительно звенья направленія, первый полувзводъ правой и четвертый лѣвой роты; остальные полувзводы остаются на мѣстѣ.

Этими тремя перебѣжками цѣпь будетъ приведена въ уступное расположеніе, флангами впередъ, нужное ей для того, чтобы впослѣдствіи, единовременнымъ захожденіемъ плечами, охватить пунктъ атаки.

Дальнѣйшее наступленіе должно продолжаться въ оническомъ направленіи, пока не будутъ выиграны фланги противника. Для этого, въ правой половинѣ всѣ четные полувзводы подбѣгаютъ къ нечетнымъ полувзводамъ, послѣ чего нечетные выбѣгаютъ впередъ, а въ лѣвой половинѣ всѣ нечетные подбѣгаютъ къ четнымъ, послѣ чего эти послѣдніе выбѣгаютъ впередъ. Образующійся отъ такого наступленія прорывъ въ срединѣ расположенія заполняется вновь высылаемою въ цѣпь ротою. И такъ идетъ наступленіе до тѣхъ поръ, пока не выигрываются фланги противника; тогда единовременнымъ захожденіемъ плечами налѣво и направо всѣ станутъ лицомъ къ предмету атаки и пойдутъ на него фронтомъ. Съ движеніемъ цѣпи соображаются и роты боевой линіи *).

6.

Густыя или рѣдкія цѣпи? Рядомъ съ проповѣдью объ истребленіи сомкнутаго строя (въ томъ числѣ и развернутаго) идетъ проповѣдь о томъ, что цѣпи должны быть непремѣнно густы. Въ нашей отсталости искренно сознаемся, что это намъ кажется совершенно невѣрнымъ. Густая цѣпь имѣетъ всѣ недостатки развернутаго строя и ни одной изъ его выгодъ; это тотъ же развернутый строй, только безпорядочный, въ которомъ командное вліяніе исчезаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ люди мѣшаютъ другъ другу стрѣлять, больше выпускаютъ, чѣмъ попадаютъ; больше терпятъ, чѣмъ причиняютъ вреда, ибо приращеніе въ дѣйствительности огня не можетъ быть на столько велико, чтобы вознаградить за при-

*) Желающимъ усвоить себѣ этотъ порядокъ, совѣтуемъ его прочертить. Мы же чертежа не прилагаемъ, потому что онъ опасенъ, ибо порождаетъ стремленіе осуществить его живыми людьми въ полѣ съ такою же чистотой, съ какой онъ выходитъ на бумагѣ.

ращеніе потерь вслѣдствіе густоты цѣпи. Намъ кажется, что даже въ послѣднія мгновенія огнестрѣльнаго періода боя, т. е. когда цѣпи противниковъ сходятся шаговъ на 200, въ цѣпи менѣе двухъ шаговъ на человѣка давать нельзя; а на дальнія дистанціи, и на открытой мѣстности, и 10 шаговъ на человѣка не много. Мы всѣ теперь говоримъ о сбереженіи патроновъ и не замѣчаемъ, что сами себѣ противорѣчимъ, отстаивая, рядомъ съ этимъ, совершенно вѣрнымъ, началомъ, густыя цѣпи, которыя ни къ чему иному кромѣ безтолковой траты патроновъ повести не могутъ. Этотъ предразсудокъ, грозящій укорениться, возникъ изъ ошибочнаго пониманія фактовъ послѣднихъ кампаній. Самопроизвольныя сгущенія цѣпи, происходившія въ этихъ кампаніяхъ отъ причинъ уже извѣстныхъ и подражанія незаслуживающихъ, поверхностнымъ изслѣдователямъ показались за норму; случайность, и при томъ неказистую, они усиливаются теперь возвести въ законъ. Слова нѣтъ, для того чтобы поднять цѣпь, иногда необходимо подбавить въ нее свѣжую часть; но отъ баталіоннаго командира зависитъ подбавить больше или меньше; и намъ кажется болѣе сообразнымъ, чтобы пріучались въ мирное время подбавлять лучше меньше, чѣмъ больше. Что ни говорили бы нѣкоторые прусскіе и, съ ихъ голоса, нѣкоторые наши военные писатели, они не опровергнутъ той вѣчной военной истины, что побѣда принадлежала и всегда будетъ принадлежать сохранившему къ минутѣ рѣшительнаго столкновенія резервы больше, чѣмъ противникъ. А какая же возможность сохранить ихъ, допустивъ таяніе ротъ боевой линіи въ цѣпи, которое и даетъ густую цѣпь? Что́ пущено въ цѣпь, то уже не ваше, и будетъ дѣлать дѣло не по вашему хотѣнію, а по своей личной способности его дѣлать. При громадномъ численномъ перевѣсѣ можно, конечно, допускать таяніе поддержекъ; но теперь уже прошла пора возможности обезпечивать себѣ такой перевѣсъ, чтобы на каждомъ мѣстѣ и каждую минуту быть сильнѣе своего противника; и вопросъ экономіи силъ снова занялъ принадлежащее ему мѣсто.

Разбираемый предразсудокъ не новость, и самое полное осуществленіе получилъ во флотѣ, когда стремленіе достигнуть возможно бо́льшаго числа огней довело до постройки 120 пушечныхъ кораблей. Теперь во всемъ свѣтѣ едва ли найдется хотя одинъ такой корабль; ибо поняли, что количество огней получается только въ ущербъ ихъ качеству; и что, съ увеличеніемъ количества ихъ, цѣль, представляемая непріятелю, увеличивается въ большей мѣрѣ, нежели вредъ ему наносимый.

7.

Быть или не быть стрѣлковымъ ротамъ? Въ послѣднее время вопросъ распредѣленія стрѣлковъ въ полкахъ возбудилъ жаркія пренія. Голоса раздѣлились: одни отстаиваютъ существующій порядокъ, другіе отрицаютъ разумность существованія стрѣлковыхъ ротъ, и предпочитаютъ имъ стрѣлковые полувзводы въ ротахъ. Первые отправляются отъ того весьма вѣскаго во всѣхъ вопросахъ организаціи начала, что отъ добра добра не ищутъ; что переломать существующее не долго, но нужно же, по крайней мѣрѣ, имѣть увѣренность въ томъ, что новое устранитъ существенные недостатки стараго; что не всякій ротный командиръ способенъ приготовить хорошаго стрѣлка. Вторые доказываютъ, что соединеніе стрѣлковъ въ роты уменьшаетъ число хорошихъ стрѣлковъ, ибо въ линейныхъ ротахъ есть люди отлично стрѣляющіе, и которые далѣше 600 шаговъ въ стрѣльбѣ не идутъ, между тѣмъ какъ въ стрѣлковыхъ ротахъ и плохіе идутъ до 1,200. Что, допустивъ распредѣленіе стрѣлковъ по ротамъ, выиграемъ возможность болѣе производительнаго, чѣмъ теперь, распредѣленія патроновъ, отнимая таковые у плохихъ стрѣлковъ и передавая хорошимъ; что всякій ротный командиръ обязанъ знать въ настоящее время стрѣльбу на столько, чтобы быть въ состояніи подготовить хорошаго стрѣлка. Что теперь, будто бы, обираютъ линейныя роты въ пользу стрѣлковыхъ, яко бы получающихъ отъ нихъ лучшихъ людей; что теперь рота—единица на столько самостоятельная, что даже въ большомъ боевомъ порядкѣ составляетъ отдѣльный участокъ, и потому должна имѣть своихъ собственныхъ стрѣлковъ; что теперь связь въ боевомъ порядкѣ соблюдается не по фронту, а въ глубину; и что, слѣдовательно, если каждая рота будетъ прикрыта своею собственною цѣпью, то энергія поддержки яко бы выиграетъ.

Нѣкоторые доходятъ до того даже, что предполагаютъ, будто можетъ быть случай употребленія стрѣлковыхъ ротъ на позиціи полка въ одномъ какомъ либо пунктѣ, и тогда остальныя роты окажутся неприкрытыми цѣпью.

Замѣчательно, что весь этотъ сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что съ предполагаемымъ переходомъ полка къ четырехбаталіонному составу придется прибавить къ пятнадцати еще одну роту. Пока рѣчи объ этомъ не было, никому и въ голову не приходило отыскивать какія-либо неудобства въ существованіи стрѣлковыхъ ротъ. Подумаешь, право, чего можетъ надѣлать одна рота! Поне-

волѣ признаешь ее единицей, если и не вполнѣ самостоятельной, за то весьма вліятельной. Стремленіе къ реорганизаціи, возникающее по такому поводу, едва ли можетъ быть признано серьезнымъ; и въ этомъ убѣжденіи нельзя не утвердиться, разобравъ доводы, приводимые въ пользу замѣны стрѣлковыхъ ротъ въ баталіонахъ стрѣлковыми полувзводами въ ротахъ.

Первый доводъ: «болѣе производительное распредѣленіе патроновъ и полученіе вслѣдствіе того большаго, сравнительно съ теперешнимъ, числа отличныхъ стрѣлковъ». Въ бою дѣлаютъ дѣло не одни лучшіе стрѣлки, но всѣ солдаты. Если человѣкъ можетъ быть поставленъ въ необходимость стрѣлять на дальнія дистанціи въ военное время, то онъ долженъ быть обучаемъ этому и въ мирное. Фантомъ болѣе производительнаго распредѣленія патроновъ, обнаруживая нѣжность къ патрону, обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, безпощадное отношеніе къ человѣку. Умѣть стрѣлять на всѣ дистанціи, какія допускаетъ прицѣлъ, есть не обязанность, а право солдата. Имѣя дѣло съ массами, нужно соображаться не съ исключительнымъ, а со среднимъ уровнемъ способностей. Нелогична та система обученія, которая, требуя самоотверженія отъ всѣхъ, подготовляетъ къ проявленію его въ возможно выгоднѣйшихъ для индивидуума условіяхъ только нѣкоторыхъ. На основаніи этого, самымъ производительнымъ распредѣленіемъ патроновъ должно быть признано раздѣленіе ихъ поровну между всѣми людьми, вооруженными одинакимъ оружіемъ. Въ практикѣ, конечно, могутъ быть отступленія отъ этого принципа; но они должны мотивироваться не индивидуальными способностями къ стрѣльбѣ того или другого солдата, а преобладающимъ характеромъ назначенія части, о чемъ будетъ сказано ниже.

«Линейныя роты обираются въ пользу стрѣлковыхъ». Это было прежде, а не теперь, ибо лучшихъ стрѣлковъ болѣе не переводятъ изъ линейныхъ въ стрѣлковыя роты. Вся разница между тѣми и другими теперь заключается въ томъ только, что послѣднія получаютъ отъ 8—12 человѣкъ новобранцевъ болѣе чѣмъ первыя, при первоначальномъ ихъ распредѣленіи, для того, чтобы послѣ перваго курса стрѣльбы отдать въ линейныя роты тѣхъ изъ нихъ, которые въ стрѣльбѣ окажутся плохи. Отъ этого порядка линейныя роты не проигрываютъ, а выигрываютъ, ибо избавляются отъ труда первоначальнаго обученія части новобранцевъ, падающаго на командировъ стрѣлковыхъ ротъ. По установившимся обычаямъ, подбора людей въ полку нельзя избѣжать; да онъ и не особенно вреденъ, ибо въ этомъ отношеніи составляетъ единицу полкъ, а не рота. Качество частей дѣйствительно понижается отъ подбора; но только

отъ того, который имѣетъ мѣсто во всей арміи, а не въ каждомъ полку въ отдѣльности. Полковому командиру всѣ роты одинаково дороги, и онъ никогда не доведетъ подбора до такой крайности, чтобы, изъ-за желанія имѣть три-четыре роты отличныхъ, совершенно ослабить всѣ остальныя. Онъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы полкъ у него былъ, по возможности, ровный. Слѣдовательно, доводы противъ подбора, совершенно вѣрные, когда дѣло идетъ о цѣлой арміи, являются совершенно невѣрными въ примѣненіи къ полку.

«Всякій ротный командиръ обязанъ въ настоящее время умѣть подготовить хорошаго стрѣлка». Конечно, обязанъ; но по мѣрѣ силъ и способностей, которыя одинаковы быть не могутъ. Но вопросъ здѣсь вовсе не въ мѣрѣ способностей, а въ томъ, что, при распредѣленіи стрѣлковъ по ротамъ, въ ротныхъ занятіяхъ возникаетъ гоньба за двумя зайцами, т. е. такое разнообразіе занятій, при которомъ въ извѣстныя времена однимъ и тѣмъ же дѣломъ со всею ротою заниматься уже нѣтъ возможности. Работа ротнаго командира весьма сложна *); и справиться съ нею онъ можетъ только при одномъ условіи: если у него будетъ по возможности менѣе разнородныхъ спеціалистовъ, т. е. если онъ всякимъ отдѣломъ въ состояніи заниматься со всѣми людьми роты; вести, однимъ словомъ, всѣ занятія фронтомъ. Если это условіе не соблюдено, если съ одною частью роты онъ долженъ заниматься однимъ, съ другою другимъ, что нибудь неминуемо будетъ упущено изъ виду. Дѣйствительно: допустимъ, что существуетъ полкъ, въ каждой ротѣ котораго одинъ полувзводъ стрѣляетъ до 1,200, между тѣмъ какъ остальные люди стрѣляютъ только до 600 шаговъ. Начинается курсъ стрѣльбы. До 600 шаговъ все идетъ какъ по маслу: вся рота въ одно время стрѣляетъ, въ одно время обучается строю, фехтованію и т. д. Затѣмъ, стрѣлковый полувзводъ продолжаетъ стрѣльбу, оконченную остальными тремя четвертями роты. Гдѣ быть ротному командиру: у стрѣлковаго полувзвода, или у остальныхъ трехъ? А глазъ нуженъ въ обоихъ мѣстахъ. Занятія начинаютъ идти въ перебой; нужно составлять двѣ программы занятій: одну со стрѣлковымъ полувзводомъ, другую безъ него. А мѣсто для стрѣльбы? Каждая рота отдѣльно стрѣлять не можетъ, и явится необходимость назначенія часовъ

*) Строй, фехтованіе, стрѣльба, гимнастика, словесныя занятія, грамотность, наблюденіе за хозяйствомъ, за внутреннимъ порядкомъ, за правильностію нарядовъ въ должности, за пригонкой одежды и амуниціи; приготовленіе новобранцевъ, подготовленіе дядекъ; подготовленіе людей въ полковую учебную команду; письменная отчетность по ротѣ.

стрѣльбы уже отъ полка. Кончится тѣмъ, что стрѣлковые полувзводы хотя и будутъ считаться въ ротахъ, но въ сущности составятъ особыя команды въ полку, ввѣренныя особымъ офицерамъ, и имѣющія одного общаго начальника. Это въ ближайшемъ будущемъ. Но мало по малу случится то, что уже случалось не разъ: т. е. соединеніе однородныхъ частей, возникшее de facto, вслѣдствіе естественнаго притяженія, порождаемаго единствомъ занятій, будетъ рано или поздно, но неминуемо, освящено и de jure *), соединеніемъ ихъ въ отдѣльныя роты и даже баталіоны. Такъ не лучше ли съ этого начать, тѣмъ болѣе, что оно уже есть? Вѣдь не удержались же стрѣлковыя роты при баталіонахъ, а слились въ одно, именно въ виду преуспѣянія стрѣлковой спеціальности **); и это нисколько не мѣшаетъ имъ составлять одно цѣлое со своими баталіонами на строевыхъ ученьяхъ и маневрахъ; тѣмъ менѣе могутъ удержаться отъ сліянія такія мелкія команды, какъ полувзводы.

Мы убѣждены, что не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ стрѣлковые полувзводы (предполагая, что подобная организація будетъ осуществлена) сольются въ стрѣлковыя роты и притомъ подъ командою отдѣльнаго штабъ-офицера въ полку, для всѣхъ занятій, кромѣ строевыхъ ученій и маневровъ.

Возникновеніе этого вопроса показываетъ одно: именно слабость распространенія у насъ здравыхъ понятій о законахъ, которымъ подчиняется воинская организація; даже о тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ чуть не всѣ говорятъ; напримѣръ, о значеніи постоянства привычекъ массъ. Законъ постоянства привычекъ имѣетъ слѣдствіемъ то, что всякое нарушеніе его, т. е. всякая перемѣна, особенно въ организаціи, сопровождается болѣзненными явленіями въ организмѣ. Они бываютъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ организмъ больше; и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ перемѣна рѣзче. Это и вызываетъ, какъ необходимое условіе, крайнюю осторожность въ перемѣнахъ, рѣшимость на нихъ не иначе, какъ очень и очень подумавши о томъ, достаточно ли велики вѣроятныя выгоды перемѣны, чтобы вознаградить за то, что придется переболѣть. Есть даже и практическое указаніе относительно того, когда слѣдуетъ,

---

*) Такимъ образомъ возникъ, между прочимъ, гренадерскій корпусъ, возникли стрѣлковыя бригады. Если это стремленіе проявляется даже въ столь крупныхъ частяхъ, гдѣ обособленіе, свойственное всякому большому организму, могло бы, повидимому, ему противодѣйствовать, то въ мелкихъ оно и подавно неминуемо.

**) Замѣтимъ, что это сдѣлалось до такой степени само собою, что не возбудило никакихъ толковъ: лучшее доказательство, что мѣра была раціональна, т. е. вызывалась существомъ дѣла.

и когда нѣтъ, рѣшаться на перемѣны: оно выражается мудрой народной поговоркой: «отъ добра добра не ищутъ», къ которой мы позволимъ себѣ прибавить: а отъ худа добра можно и должно искать. То же самое, только еще рельефнѣе, говорятъ французы: лучшее врагъ хорошаго *): т. е. что если вы отъ хорошаго переходите только къ лучшему, то, въ совокупности всѣхъ послѣдствій перемѣны, вы не выиграете, а проиграете. Обращаясь къ вопросу о распредѣленіи стрѣлковъ пополувзводно, въ сравненіи съ организаціей ихъ поротно. мы, даже дѣлая уступку защитникамъ первой системы, можемъ признать только, что онѣ относятся между собою не болѣе какъ лучшая къ хорошей **), но ужъ ни въ какомъ случаѣ не какъ лучшая къ худой. Слѣдовательно, переформировка, даже при уступкѣ съ нашей стороны, серьезныхъ основаній не имѣетъ.

Другой законъ организаціи, не менѣе важный и также упущенный изъ виду сторонниками распредѣленія стрѣлковъ по полувзводно, тотъ, что есть собственно двѣ организаціи: мирная, или административная и военная, или тактическая; и разница между ними до такой степени велика, что доводы, почерпаемые въ одной, не имѣютъ иногда никакого значенія въ примѣненіи къ другой. Эта разница зависитъ отъ разницы цѣлей, которыя ставятся обѣимъ организаціямъ: мирная имѣетъ цѣлью возможно-лучшую подготовку войскъ къ бою, военная—употребленіе ихъ въ бою.

Главнѣйшій вопросъ, который должна разрѣшить мирная организація, слѣдующій: какъ должно составить воинскія части, дабы подготовка ихъ къ бою была поставлена въ выгоднѣйшія условія? Разрѣшеніе его предполагаетъ, во-первыхъ, раздѣленіе спеціальностей (конечно, имѣющихъ резонъ существованія), дабы одна не мѣшала другой въ достиженіи возможнаго совершенства; во-вторыхъ, постоянство командованія; въ-третьихъ, точное опредѣленіе того, на какихъ ступеняхъ командованія, безъ ущерба дѣлу, спеціальности можно соединять въ одной и той же части. Если соединить двѣ разнородныя спеціальности на ступени низшей, чѣмъ по существу дѣла слѣдуетъ, то получая единство формальное, въ то же время не помогаютъ дѣлу, но мѣшаютъ ему: лучшее этому доказательство—соединеніе артиллеріи съ пѣхотою ***) на полковой ступени командованія, продержавшееся, если не ошибаемся, до начала нынѣшняго столѣтія, одинаково

---

*) Le mieux est l'ennemi du bien.
**) Какъ выше показано, этой уступкѣ основаній нѣтъ.
***) Полковая артиллерія.

неудобное для пѣхоты и артиллеріи и теперь нигдѣ болѣе несуществующее.

Совершенно иначе ставится вопросъ, когда рѣчь идетъ о тактической организаціи, установляемой въ виду употребленія войскъ. При этой организаціи различныя спеціальности не только сливаются на различныхъ ступеняхъ командованія въ тѣла болѣе или менѣе постоянныя, но сверхъ того возникаютъ еще въ теченіе кампаніи тѣла импровизованныя, столь же безконечно разнообразныя по своему составу, какъ безконечно разнообразны возникающія цѣли, для достиженія коихъ эти импровизованныя тѣла назначаются. На войнѣ случается даже такъ, что къ ротѣ, получающей отдѣльное назначеніе, прикомандировываютъ десятокъ-другой кавалеристовъ, неговоря уже о стрѣлкахъ; но кто, отправляясь отъ подобныхъ случайностей, вздумалъ бы проводить, что кавалерія должна быть въ мирное время раскомандирована по ротамъ, въ виду ихъ теперешней самостоятельности, тотъ, вѣроятно, мало нашелъ бы себѣ послѣдователей; хотя всѣ признаютъ, что въ военное время подобное соединеніе можетъ быть вполнѣ необходимо, слѣдовательно и разумно.

То же самое, только не такъ рельефно, вслѣдствіе близкаго сродства спеціальностей, относится и къ стремленію дать каждой ротѣ своихъ стрѣлковъ. Разъ ихъ признано необходимымъ спеціализировать, хотя бы даже только въ стрѣльбѣ на нѣсколько лишнихъ дистанцій, вмѣстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ и выдѣленіе ихъ въ особыя части, которыя при мирной организаціи не могутъ сливаться съ линейной пѣхотой не только на ротной ступени командованія, но, какъ показалъ опытъ, не сливаются даже и на баталіонной, а только на полковой.

Но на ученьяхъ, маневрахъ, наконецъ въ бою, это нисколько не мѣшаетъ раскомандировать стрѣлковыя роты по баталіонамъ; придавать даже нѣкоторое число стрѣлковъ и къ линейнымъ ротамъ, получающимъ отдѣльное назначеніе. Отчужденіе между этими частями немыслимо, ибо принадлежатъ онѣ къ одному полку. Вѣдь въ смыслѣ того, кого считать чужими, кого своими, единицей всегда былъ и останется полкъ, а не баталіонъ и тѣмъ болѣе не рота. Полкъ есть именно та ступень командованія, на которой сливаются, безъ ущерба какой либо изъ нихъ, всѣ свойственныя пѣхотѣ спеціальности: существуютъ учебная, саперная, артиллерійская команды; существуютъ мастерскія разныхъ наименованій въ полку, но не въ баталіонахъ, не говоря уже о ротахъ.

На дивизіонной ступени командованія въ тактической органи-

заціи *) сливаются артиллерійская и пѣхотная спеціальности; но кавалерія присоединяется къ нимъ только на корпусной ступени **).

Признавъ коренную разницу между административной (мирной) организаціей и тактической (военной) ***), согласятся, вѣроятно, что всѣ аргументы, почерпаемые изъ второй въ пользу детальныхъ измѣненій первой, не имѣютъ логическаго основанія. А между тѣмъ большая часть доводовъ, приводимыхъ въ защиту раздробленія стрѣлковъ по ротамъ, если припомнятъ, именно взята изъ боевого положенія войскъ. Не можемъ не указать въ заключеніе еще на одинъ доводъ, обнаруживающій неясное представленіе о расположеніи въ бою войскъ. Однимъ изъ защитниковъ распредѣленія стрѣлковъ по ротамъ приводится въ пользу его даже такой странный аргументъ, что стрѣлковыя роты могутъ быть употреблены на какомъ нибудь одномъ пунктѣ позиціи полка, и тогда роты останутся безъ цѣпи. Такой случай немыслимъ, ибо въ сомкнутомъ строѣ стрѣлковъ такимъ образомъ не употребятъ, а въ разсыпномъ, даже полагая по два шага на стрѣлка, т. е. самую густую цѣпь, получимъ, что три стрѣлковыя роты ****) займутъ не менѣе 960 шаговъ, т. е., именно такое протяженіе, болѣе котораго полкъ занимаетъ рѣдко. Слѣдовательно, такъ или иначе, но онъ останется за своею цѣпью. Наконецъ, даже предполагая возможнымъ такой невѣроятный случай, что на позиціи полка явился бы пунктъ, требующій занятія только одними стрѣлками, то неужели думаютъ, что при раздѣленіи стрѣлковъ по ротамъ ихъ не соединятъ на этотъ случай въ особую часть и не употребятъ именно такъ, какъ того опасается авторъ разбираемаго мнѣнія?

Мы сказали выше, что отступленія отъ принципа распредѣленія патроновъ поровну между людьми, вооруженными одинаково,

---

*) И во время мирныхъ лѣтнихъ занятій, долженствующихъ составлять довершеніе подготовки къ бою.

**) Послѣднее время много говорилось о дивизіонной кавалеріи; мы не считаемъ этой комбинаціи отвѣчающею особенностямъ пѣхоты и кавалеріи; и чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить совершенно различныя нормы въ распредѣленіи, напримѣръ, походнаго движенія. Пѣхотѣ выгодно выступать раньше, конницѣ позже. Пѣхотѣ нуженъ большой привалъ, конницѣ онъ вреденъ; пѣхота ходитъ четыре версты въ часъ, конница безъ всякаго обремененія, а напротивъ съ выгодою для себя, можетъ ходить не менѣе семи. При соединеніи кавалеріи съ пѣхотою на корпусной ступени, ей легко доставить возможность выступать и двигаться по своему; на дивизіонной это почти невозможно. Слѣдовательно, даже и при тактической организаціи, присоединеніе кавалеріи къ пѣхотнымъ дивизіямъ должно быть отнесено, по нашему мнѣнію, къ категоріи случайныхъ присоединеній, вызываемыхъ преходящими цѣлями и вмѣстѣ съ ними исчезающихъ.

***) Существующую, не взирая на тѣсную связь ихъ между собою и на то, что мирная организація почерпаетъ свои задачи въ боевыхъ требованіяхъ.

****) Считая каждую въ 160 человѣкъ. Четыре же роты займутъ и того болѣе.

могутъ мотивироваться не индивидуальными способностями къ стрѣльбѣ того либо другаго солдата, но только преобладающимъ характеромъ назначенія части. Считаемъ небезполезнымъ выяснить это мнѣніе.

Стрѣлковая спеціальность возникла, какъ всякому извѣстно, вслѣдствіе усовершенствованій нарѣзного оружія, сдѣлавшихъ возможнымъ его принятіе въ войскахъ. Введеніе чего либо новаго неминуемо предполагаетъ обособленіе его въ особую спеціальность, пока оно не пуститъ въ арміи прочныхъ корней; но когда эта цѣль достигнута, разумное основаніе такого обособленія, конечно, исчезаетъ. Со стрѣльбой уже случалось, и не разъ, что она то спеціализировалась, то становилась общимъ достояніемъ всей пѣхоты. Еще въ эпоху перваго принятія огнестрѣльнаго оружія пѣхота раздѣлилась на пикинеровъ и мушкетеровъ; съ изобрѣтеніемъ штыка это раздвоеніе исчезло: всякій пѣхотинецъ сталъ пикинеромъ и мушкетеромъ вмѣстѣ. Первыя попытки принятія нарѣзного оружія и разсыпного дѣйствія опять породили раздѣленіе пѣхоты на линейную и егерей *). Но не прошло и нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ всякая разница между тѣми и другими исчезла, если не считать за разницу форменныхъ отличекъ.

Открытіе остроконечной пули и возможности быстраго заряжанія опять вызвало раздѣленіе пѣхоты на линейную и стрѣлковую, кончающееся именно въ настоящее время, когда одинаковость вооруженія всей пѣхоты осуществится въ близкомъ будущемъ. Съ окончаніемъ перевооруженія не будетъ, вѣроятно, особой разницы и въ результатахъ стрѣльбы между линейной и стрѣлковой пѣхотой. Слѣдовательно, всѣ данныя для слитія той и другой будутъ на лицо. При такомъ положеніи, между ними можно поставить какую либо искусственную перегородку; но обусловливаемую существомъ дѣла пріискать трудно. Какъ бы то ни было, но предполагая, что сила привычки (одна изъ самыхъ могущественныхъ) не допуститъ сдѣлать этотъ логическій шагъ сразу, и что намъ, въ теченіи нѣкотораго времени, еще будутъ нужны пикинеры и мушкетеры (въ новомъ изданіи конечно), кажется и спору не можетъ подлежать то, что эти двѣ спеціальности, вслѣдствіе причинъ выше объясненныхъ, можно соединять только на полковой инстанціи и не ниже. Хотя не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что, при одинаковости вооруженія, подобное раздвоеніе противорѣчитъ существу дѣла; и что всѣ должны быть мушкетерами или пикинерами **), смотря по тому, на что будутъ назначены.

*) Наши егеря при Екатеринѣ II были вооружены штуцерами.
**) Т. е. близко или дально-стрѣльными.

Слѣдовательно, вопросъ: быть или не быть стрѣлковымъ ротамъ, разрѣшается въ теоріи такъ, что всякая рота должна быть и стрѣлковою и линейною вмѣстѣ. Если же допускать спеціализацію дальней стрѣльбы, то этихъ спеціалистовъ, конечно, раціональнѣе имѣть въ видѣ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ ротъ въ баталіонахъ, нежели стрѣлковыхъ полувзводовъ въ ротахъ; и должны они составлять одну часть въ полку, подъ командою особаго штабъ-офицера во всѣхъ случаяхъ, кромѣ строевыхъ ученій, маневровъ и боя *).

8.

Первоначальные пріемы обученія развѣдывательной службѣ въ кавалеріи. Что сторожевая и развѣдывательная служба у насъ слаба (да и не у насъ однихъ), ни для кого не новость; что толковое и бдительное отправленіе ея—дѣло громадной важности, также всякому извѣстно. Не хитро лечить болѣзнь, но ужасно хитро распознать ее; потому діагностика и стоитъ въ медицинѣ на первомъ планѣ. Не хитро принять противъ непріятеля мѣры, когда знаешь, что онъ хочетъ дѣлать; но ужасно хитро распознать, что именно онъ хочетъ дѣлать; хитро тѣмъ болѣе, что онъ, съ своей стороны, употребляетъ всѣ усилія, дабы это скрыть до послѣдней возможности; если можно, то до самаго начала потасовки. Всякій согласится послѣ этого, что нашъ діагнозисъ еще труднѣе докторскаго, хоть лекарства наши весьма немногосложны: наступленіе, отступленіе; атака, оборона; штыкъ, пуля и ихъ родственники: сабля, пика, граната.

Какъ же «раскрыть» намѣренія противника, употребляя примелькавшееся, пропускаемое обыкновенно мимо ушей, но совершенно вѣрное выраженіе? Способъ у насъ тотъ же, что и у докторовъ: собрать тщательно внѣшнія проявленія, симптомы, примѣты

---

*) Въ одной изъ газетъ намъ недавно сдѣлали упрекъ, будто въ одномъ важномъ случаѣ и мѣстѣ мы высказались относительно организаціи стрѣлковъ не такъ, какъ высказываемся теперь, изъ нашего прекраснаго далека. Упрекъ этотъ едва-ли справедливъ; онъ произошелъ отъ того, что безъименный авторъ его смѣшалъ два совершенно различные вопроса, изъ которыхъ намъ, въ извѣстномъ случаѣ, былъ предложенъ только одинъ: какъ лучше распредѣлять стрѣлковъ? Мы отвѣтили на него такъ же, какъ отвѣчаемъ теперь. О другомъ вопросѣ, именно о томъ, есть-ли основаніе въ настоящую минуту спеціализировать стрѣлковъ, и рѣчи не было; мы же сами не считали себя и вправѣ поднимать этого вопроса въ засѣданіи, имѣвшемъ другую цѣль. Но въ литературѣ мы поднимаемъ его, хотя вполнѣ убѣждены, что, пока, сочувственныхъ мнѣній много не встрѣтимъ, какъ потому, что такая организація противорѣчитъ установившимся взглядамъ, такъ и потому, что она слишкомъ просто рѣшаетъ вопросъ.

возникающаго передъ вами случая, не пропуская самой, повидимому, ничтожной и, по совокупности этого видимаго, вывести заключеніе о невидимомъ, т. е. опредѣлить болѣзнь въ одномъ случаѣ, намѣренія противника въ другомъ. И замѣчательно, что въ обоихъ случаяхъ играютъ роль не всегда крупныя, бьющія въ носъ примѣты, но чаще самыя, повидимому, ничтожныя. Шумъ въ ушахъ бываетъ и при малокровіи и при полнокровіи; рветъ и въ случаѣ обжорства, и отъ страданій мозга, и отъ болѣзни печени или почекъ, и при ущемленіи грыжи. Стоитъ принять одно за другое, и паціента можно отправить въ міръ, хотя и лучшій, но въ который, по охотѣ, весьма немногіе торопятся переходить. Ясно, что тутъ рѣзкіе признаки не всегда помогаютъ, а необходимо обратиться къ менѣе уловимымъ, чтобы различить, какой именно передъ вами случай. У доктора—глаза аванпосты, у начальника—аванпосты глаза, потому что разница въ размѣрахъ организма и въ разстояніяхъ. Понятно, что можетъ выйти, если аванпосты не умѣютъ смотрѣть; замѣтятъ, что не важно; не замѣтятъ такого, отъ чего иногда зависитъ судьба отряда. И такое дѣло въ загонѣ и почти не подвигается потому, что обыкновенно начинаютъ заниматься имъ не съ начала, а съ конца. Во-первыхъ, весьма немногимъ изъ кавалеристовъ даже и то извѣстно, что сторожевая служба есть только видъ, частный случай, гарнизонной; и оттого рѣдкаго поста нельзя снять; стоитъ только начальнику, особенно по-старше, приказать собраться посту и ѣхать къ заставѣ—соберется и уѣдетъ. Во-вторыхъ, на счетъ того, за чѣмъ смотрѣть, стоя въ сторожевой линіи, говорится и заучивается много, больше чѣмъ нужно, а на практикѣ не дѣлается ничего, или почти ничего. Послѣ такой науки выѣзжаетъ человѣкъ въ поле для маневра и, разумѣется, ничего не выходитъ, потому что учили его говорить о дѣлѣ, т. е. легчайшему, а труднѣйшаго, т. е. какъ его дѣлать, не показали.

Показъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ практическихъ, выше и плодотворнѣе разсказа. Ничему не учите теоретически, но покажите разъ, предпославъ показу коротенькое разъясненіе, и у солдата останется гораздо больше, чѣмъ отъ самаго солиднаго класнаго преподаванія. Въ чемъ же долженъ заключаться этотъ показъ? Вопросъ этотъ разрѣшается въ зависимости отъ уже сдѣланнаго сравненія съ діагнозомъ, изъ котораго явствуетъ, что нужно обращать вниманіе не на какія либо однѣ, но на всѣ примѣты, обличающія присутствіе непріятеля и даваемыя мѣстностью. Однимъ словомъ, что подготовка солдата, въ собенности коннаго, должна заключаться въ развитіи его вниманія не спеціально въ какомъ либо на-

правленіи, но всесторонне. Пріемъ для этого весьма простъ; для примѣра возьмемъ конный полкъ. Берутся всѣ офицеры и унтеръ-офицеры, и, передъ отправленіемъ по какой либо дорогѣ, имъ предлагается замѣчать и записывать все, что только они увидятъ по этой дорогѣ, вправо и влѣво, на сколько глазъ хватитъ: и гдѣ какая телѣга, и упряжь, и кто былъ на телѣгѣ, и въ чемъ былъ одѣтъ: и лежало ли что на возу или нѣтъ; и кованныя ли колеса или некованныя; крашенная ли телѣга или некрашенная; однимъ словомъ, чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше. То же самое относительно мѣстности: общіе ея уклоны, пригорки, болотовины, проточины, канавы, дороги, строенія, мосты (каменные или деревянные) и проч.,—тоже, чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, версту или полторы, одного или двухъ повѣрить, чтобы прочитали замѣченное; другимъ сказать, чтобы поправляли читающихъ, если замѣтятъ пропускъ, или же поправляли себя, если сами что пропустили. Затѣмъ продолжать то же самое дальше. Показывающій и самъ тоже записываетъ, и по записному исправляетъ пропуски другихъ, и признается въ своихъ собственныхъ пропускахъ. Если это хорошо пойдетъ, попробовать сдѣлать то же самое, только безъ записыванія, на память. Смѣло говоримъ, одинъ, два подобныхъ урока дадутъ солдату понятіе объ этомъ дѣлѣ несравненно болѣе реальное, нежели двадцать разсказовъ о немъ. Заинтересовываются они этимъ дѣломъ до чрезвычайности, но на первыхъ порахъ утомляются даже и не солдаты, такъ какъ къ такому сосредоточенному вниманію требуется большая привычка, которую нужно прочно усвоить, ибо на дѣлѣ такъ быть внимательнымъ потребуется не на одну, двѣ, а на десятки верстъ. За тѣмъ объяснить, что для науки нужно замѣчать все, а для дѣла нужно умѣть удерживать только существенное, и тутъ же предаварить, что тамъ прибавится самое важное, за чѣмъ должно слѣдить, но что̀ въ мирное время показать можно только на маневрахъ, да и то плохо, какъ, напримѣръ, пыль отъ идущей колонны, слѣдъ, бивачные остатки, въ собенности калъ и навозъ, которые для внимательнаго глаза показываютъ, что̀ непріятель ѣстъ, нѣтъ ли у него больныхъ диссентеріей и давно ли онъ на осматриваемомъ мѣстѣ былъ. Пройдя разъ, два, верстъ по десяти (въ кругъ) подобнымъ образомъ съ офицерами и унтеръ-офицерами, получаемъ уже совершенно готовый кадръ для подобнаго упражненія со всѣми людьми полка, на что потребуется также одинъ, много два урока, и полкъ готовъ въ основаніи для развѣдочной службы.

Второе упражненіе должно заключаться въ розыскиваніи разбросанныхъ вещей военнаго происхожденія (бивачные остатки),

какъ суконныя тряпки, амуничные ремни, пуговицы, костыльки и т. п. Класть ихъ не особенно на виду, дабы была практика вниманія не особенно легкая.

Третье упражненіе—вожденіе разъѣздовъ. Давъ цѣль разъѣзду, слѣдуетъ показать распредѣленіе разъѣзда, гдѣ лучше находиться начальнику; объяснить, что обо всемъ важномъ должны доносить; что не должны разрывать цѣпи, такъ чтобы сосѣднія пары никогда не теряли другъ друга изъ вида; чтобы всѣ закрытыя мѣста были осмотрѣны, чтобы ни одной горы, проѣзжая мимо, не оставить безъ того, чтобы не заглянуть, не видно ли чего съ нея или за нею. Чтобы въ случаѣ, если разъѣздъ будетъ опрокинутъ, былъ сборный пунктъ. Сверхъ всего этого, чтобы все видѣнное замѣчали, какъ въ первомъ урокѣ.

Для разъѣзда берется сводный эскадронъ изъ толковыхъ людей всего полка и приглашаются всѣ офицеры. Ведетъ первый разъѣздъ самъ показывающій упражненіе *). По распредѣленіи эскадрона сообразно мѣстнымъ свойствамъ раіона, который предполагается охватить, и дорогамъ на ономъ, разъѣздъ идетъ; за всякой отдѣльной частью ѣдетъ офицеръ, записываетъ все замѣченное; по остановкѣ переспрашиваетъ людей, что они замѣтили, и поправляетъ какъ ихъ, такъ и свои собственные пропуски.

При этомъ упражненіи должны быть показаны: а) оставленіе двухъ-трехъ человѣкъ у переправъ, пройденныхъ разъѣздомъ при наступленіи, дабы давать ему знать въ случаѣ, если впослѣдствіи переправа будетъ занята непріятелемъ; б) скрытіе дѣйствительнаго направленія разъѣзда при отступленіи; в) перемѣна передовыхъ патрулей въ случаѣ, если дорога дѣлаетъ крутой поворотъ.

Для пріученія къ донесеніямъ прибѣгать къ запечатаннымъ конвертамъ, при помощи которыхъ можно пройти это дѣло не впопыхахъ, какъ то выходитъ при двухстороннихъ маневрахъ, но методически, т. е. слѣдя за тѣмъ, чтобы донесеніе соотвѣтствовало сообщенію, данному въ конвертѣ; и какъ долго его везли, и хорошо ли посланный былъ направленъ, и проч. Не можемъ не замѣтить, что редакція сообщеній требуетъ особеннаго вниманія, направленнаго къ тому, чтобы систематически пройти возможно большее число случаевъ, могущихъ возникнуть при развѣдкахъ, и дать людямъ смыслъ и, такъ сказать, букетъ этого дѣла.

Послѣ этихъ первоначальныхъ упражненій можно продолжать

---

*) При этомъ, навѣрное, онъ и самъ напутаетъ, и не долженъ скрывать своей ошибки, но долженъ самъ указать на нее и разобрать, отъ чего она произошла. По первому впечатлѣнію это кажется подрывъ авторитета; а на дѣлѣ выходитъ утвержденіе его. Объ этомъ ниже.

практику такимъ образомъ: самому начальнику, согласившись съ двумя-тремя офицерами, ѣхать на прогулку по какому нибудь направленію, гдѣ можно спрятаться. Командиру части, назначенной для практики въ разъѣздной службѣ, посылается приказаніе розыскать спрятавшихся. За удачный розыскъ, одного-другого существенно поощрить. Тутъ явится возможность практиковать и въ распознаніи слѣда.

Такимъ путемъ и солдатамъ, и офицерамъ будетъ дано реальное представленіе о развѣдочной службѣ и, кромѣ того представляется возможность дать имъ случай развить вниманіе именно такъ, какъ его необходимо развить для этой службы. Въ томъ и дѣйствительность этого пріема, что при класномъ преподаваніи требуется память словъ, а здѣсь память предметовъ, т. е. именно того самаго, что и на дѣлѣ запоминать требуется. И не взирая на то, что книгу словъ читать и изучать легче, чѣмъ книгу предметовъ, воображаютъ, будто знающій первую самъ съумѣетъ розбрать вторую...

Мы и въ мысли не имѣемъ рекомендовать эти пріемы къ буквальному подражанію; не сомнѣваемся въ томъ, что придумать можно лучшіе и разнообразнѣйшіе; съ своей стороны мы представили ихъ только какъ первую попытку осуществленія основной идеи обученія разъѣздной службѣ, идеи, заключающейся попросту въ томъ, что если вы хотите научить розыскивать, то позаботьтесь же, чтобы обучаемому было что разыскивать, и что вниманіе требуется тутъ развитое разносторонне, а не въ какомъ нибудь спеціальномъ направленіи. Разъѣздная служба есть не болѣе, какъ обширное слѣдственное дѣло надъ непріятелемъ; дѣло, въ которомъ малѣйшій пустякъ, упущенный изъ виду, можетъ обойтись страшно дорого, ибо вашъ подсудимый есть, въ свою очередь, вашъ судья; нужно, слѣдовательно, подготовить свидѣтелей такъ, чтобы они умѣли показывать толково и ничего не упуская изъ виду. Эта манера занятій и тѣмъ хороша, что по первымъ двумъ-тремъ разамъ даетъ вамъ возможность отличить толковаго отъ безтолковаго, внимательнаго отъ разини, слѣдовательно, сразу знакомить васъ съ составомъ людей съ самой необходимой стороны, т. е. кто на что годенъ въ прямой его спеціальности.

О манерѣ обученія сторожевой службѣ собственно мы уже говорили, и теперь возвращаться къ этому предмету, во избѣжаніе повторенія, не станемъ.

9.

Условія успѣха обученія всякому дѣлу, требующему не столько запоминанія, сколько соображенія. Два главныя условія опредѣляютъ успѣхъ обученія всякому прикладному дѣлу: 1) нужно, чтобы обучаемый понялъ, чего вы отъ него хотите, и почему; 2) чтобы онъ имѣлъ свое собственное, внутреннее желаніе усвоить это дѣло, а не занимался бы имъ изъ подъ палки только. Первое условіе относится къ уму, второе къ волѣ. Оба эти условія возлагаютъ на обучающаго великія и трудныя обязательства, ибо требуютъ отъ него прежде всего самоотреченія во всѣхъ смыслахъ: начиная съ терпѣнія и кончая рѣшимостью признавать искренно свои ошибки. Какъ часто случается, что при самомъ горячемъ желаніи передать какой нибудь пріемъ, успѣхъ не награждаетъ усилій желающаго! Обѣ стороны *), что называется, изъ кожи лѣзутъ, чтобы было хорошо, и все же ничего не выходитъ. Обучающій въ такомъ случаѣ раздражается, обучаемые приходятъ въ уныніе, а иногда и просто ошалѣваютъ, и тутъ ужъ, конечно, ничего выйти не можетъ. И какъ подумаешь, что изо ста разъ, по крайней мѣрѣ въ девяноста, это происходитъ просто отъ взаимнаго непониманія! Обучающій зная свою мысль, не даетъ себѣ труда высказать ее совершенно осязательно, подчиняясь въ этомъ случаѣ тому общему недостатку человѣческому, который заставляетъ забывать, что ясное себѣ самому можетъ быть не только не ясно, но и совершенно непонятно другому; подчиненные перепросить не рѣшаются, опасаясь оставить въ начальникѣ невыгодное мнѣніе о ихъ понятливости, и разсчитывая притомъ, что авось въ исполненіи дѣло выяснится. Начинается исполненіе и выходитъ сумбуръ. Кто ему виноватъ? Конечно тотъ, кто неясно высказалъ свою мысль, а затѣмъ не имѣлъ на столько терпѣнія, чтобы переспросить и убѣдиться, понятъ ли онъ. Въ концѣ концовъ у обучающаго укореняется убѣжденіе въ непонятности обучаемыхъ; у обучаемыхъ укореняется убѣжденіе въ томъ, что они неспособны усвоить дѣло. А это гробъ успѣху, ибо человѣкъ такъ устроенъ, что если онъ увѣровалъ въ свою неспособность къ чему либо, то ужь этому не выучится, сколько бы его ни учили, до тѣхъ поръ, пока не выкинетъ изъ головы того, что онъ неспособенъ. И потому не торопитесь заключать, что если васъ не

*) Т. е. обучающій и обучаемые.

понимаютъ, то потому, что не развиты; провѣрьте лучше себя, даразвились ли вы сами до того, чтобы всякій васъ понималъ. Единицы могутъ примѣниться къ массамъ; массы не могутъ примѣняться къ единицамъ: только сознаніе этой истины и даетъ единицамъ силу управлять массами и вдохновлять ихъ своею мыслью. Если вы отдали приказаніе и вышла путаница, прежде всего провѣрьте, не лежала ли причина путаницы въ томъ, какъ вы свою мысль выразили.

Могутъ возразить: да не читать же цѣлыя лекціи передъ строемъ; вѣдь это вызоветъ большую потерю времени? Если результатъ такой потери будетъ сознательное, толковое исполненіе требуемаго, то ее правильнѣе назвать не потерею, а, напротивъ, самымъ производительнымъ употребленіемъ времени *). Лучше двадцать разъ растолковать, чѣмъ разъ напутать,—все же это будетъ короче, чѣмъ двадцать разъ продѣлать и ни разу не добиться вполнѣ удовлетворительнаго исполненія Да наконецъ, обстоятельное разъясненіе вовсе не такъ длинно, какъ намъ кажется вслѣдствіе усвоенныхъ дурныхъ привычекъ. Вѣдь въ большей части случаевъ нежеланіе терять время на разъясненія есть только нетерпѣніе, а иногда и предлогъ скрыть свою непривычку отдать два-три приказанія ясно, послѣдовательно, ничего не забывая, и боязнь того, чтобы распросами не быть поставленнымъ въ затрудненіе.

Не только въ новомъ, но и въ старомъ даже дѣлѣ обучающій не долженъ не только бояться ошибокъ, но, сдѣлавъ ошибку, обязанъ первый искренно признать ее: въ этомъ основной залогъ достиженія втораго условія, необходимаго для успѣха обученія—возбужденія въ обучаемыхъ внутренняго желанія усвоить показываемое дѣло.

Возможно ли это! воскликнутъ навѣрное многіе; подобный пріемъ, кромѣ подрыва начальственнаго авторитета, ни къ чему повести не можетъ. По первому, непродуманному впечатлѣнію это такъ; но на первомъ впечатлѣніи останавливаться опасно: не даромъ весьма умный человѣкъ сказалъ, что никогда не слѣдуетъ подчиняться первому впечатлѣнію, потому что оно всегда бываетъ глупо. Вдумавшись хорошенько въ вопросъ, приходится признать обратное: подобное поведеніе не подрываетъ, но утверждаетъ авторитетъ начальника.

---

*) Не можемъ не вспомнить при этомъ великаго слова Суворова: „Всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“.

Тюреннъ, въ случаѣ побѣды, всегда говорилъ: «мы побили», а въ случаѣ пораженія—«я былъ побитъ», и не отступалъ, конечно, передъ объясненіемъ ошибокъ, имъ сдѣланныхъ, вслѣдствіе которыхъ онъ такъ говорилъ. И, не взирая на это, мало можно насчитать начальниковъ, которые пользовались бы большимъ, чѣмъ онъ, авторитетомъ между своими подчиненными. Если это примѣнимо къ факту пораженія, всегда возбуждающаго чувство недовольства въ войскахъ, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ примѣнимо къ дѣлу мирной работы. Что это такъ, легче всего видѣть на примѣрѣ. Возьмемъ двухъ начальниковъ, показывающихъ какой либо новый пріемъ, или же если и не новый, то хорошо забытый. Одинъ не показываетъ самъ, а приказываетъ исполнить подчиненному дѣйствіе, которому до того не обучали, но которое знать должно: положимъ хоть повести разъѣздъ. Разумѣется, обучаемый путаетъ, такъ какъ до того времени никогда разъѣздовъ на практикѣ не водилъ, а обучающій печетъ его за каждую ошибку. Самолюбіе страдаетъ; подчиненный думаетъ уже не о дѣлѣ, не о томъ, чтобы его исполнить возможно лучшимъ образомъ, но о томъ только, чтобы получить меньше замѣчаній и поскорѣе убраться съ поля домой. Послѣдствія понятны: не любовь къ дѣлу выноситъ подчиненный изъ занятій, направленныхъ подобнымъ образомъ, но отвращеніе къ нему, и, конечно, начинаетъ имъ заниматься такъ, какъ занимаются изъ-подъ палки, т. е. только для отбыванія часовъ. Ошибки онъ начинаетъ бояться, какъ огня, и потому если даже что и хорошее придетъ ему въ голову, онъ не рискнетъ исполнить, такъ какъ не имѣетъ никакой увѣренности въ томъ, похвалятъ ли его за это, или разбранятъ. Конечно, самолюбіе обучающаго не только не несетъ при этомъ никакихъ жертвъ, но получаетъ, напротивъ, удовлетвореніе; знаетъ ли онъ свое дѣло, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ является въ роли непогрѣшимаго олимпійца, потому что онъ всѣмъ дѣлаетъ замѣчанія, а ему никто ихъ не дѣлаетъ. А что въ это время происходитъ въ душѣ подчиненнаго? Вотъ что: мало по малу онъ начинаетъ замѣчать, что чѣмъ меньше попадаться на глаза начальнику, тѣмъ лучше; что уклончивое или нерѣшительное веденіе дѣла выгоднѣе, нежели какая бы то ни была оригинальность мысли и распоряженія. Увѣренность въ своихъ силахъ пропадаетъ; нерѣшительность, страхъ отвѣтственности, немогузнайство тожь, ростетъ. Это ли приготовленіе къ тому дѣлу, въ которомъ безумныя рѣшенія бываютъ иногда самыми разумными, въ которомъ самая нелѣпая, но настойчивая рѣшимость стоитъ неизмѣримо выше колебаній и не-

рѣшительности, какими бы разумными доводами они ни мотивировались?

Возьмемъ другой примѣръ. Показывается то же самое вожденіе разъѣздовъ. Начальникъ ведетъ первый разъѣздъ самъ, т. е. становится въ положеніе эскадроннаго или даже взводнаго командира. Какъ бы онъ ни былъ силенъ въ теоріи вопроса, мы не допускаемъ мысли, чтобы въ отдачѣ приказаній онъ не пропустилъ чего нибудь, или даже и просто не напуталъ, такъ какъ практика сейчасъ выводитъ на сцену массу такихъ подробностей, о которыхъ теоріи никогда и не снилось, и которыя мало всѣ принять въ разсчетъ, но необходимо еще изложить непремѣнно въ извѣстной послѣдовательности. Подчиненные, разумѣется, въ большей части случаевъ не замѣтятъ пропуска, но начальникъ самъ замѣтитъ его изъ дальнѣйшаго развитія упражненія: онъ укажетъ на пропускъ, объяснитъ его причину, и подчиненные естественнымъ путемъ, такъ сказать инстинктивно, усвоиваютъ первую данную въ изученіи всякаго практическаго дѣла, именно, что въ немъ ошибки не только возможны, но и неминуемы; что ихъ не только не слѣдуетъ бояться и прятать, но даже и незамѣченныя открывать, и изслѣдовать причины, давшія имъ поводъ, потому что въ этомъ единственный залогъ на то, чтобы онѣ впредь не повторялись. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбіе, вооружаемое противъ дѣла при первой системѣ его веденія, становится за дѣло при второй: нѣтъ такого равнодушнаго человѣка, который не заинтересовался бы упражненіемъ, если оно ясно имѣетъ въ виду обученіе дѣлу, а не служитъ только предлогомъ къ взбучиванію и къ тому, чтобы садить всѣхъ въ дураки. Тутъ человѣкъ уже сразу становится на ту точку, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; онъ не боится ошибиться и, конечно, не только не думаетъ о возможности получить замѣчаніе, но устремляется всею мыслью къ тому, чтобы, по крайнему своему разумѣнію, сдѣлать дѣло возможно лучше. Мало по малу, выработается при этой манерѣ занятій духъ благосклонности въ критикѣ, что въ отношеніи къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ весьма важно и необходимо (вообще замѣчается, что человѣкъ тѣмъ рѣзче относится къ распоряженіямъ и дѣйствіямъ другихъ, чѣмъ меньше самъ онъ дѣйствовалъ и распоряжался). Самъ начальникъ, наконецъ, къ авторитету офиціальнаго положенія присоединяетъ нѣчто болѣе могущественное: присоединяетъ авторитетъ въ сердцѣ подчиненнаго, который никогда не берется, но только дается, и который въ бою—первое дѣло.

Само собою разумѣется, что все сказанное относится къ тѣмъ

занятіямъ, которыя не допускаютъ точнаго опредѣленія уставами; въ тѣхъ же, которыя допускаютъ его, строгая требовательность не только умѣстна, но и необходима, ибо вызывается и оправдывается тѣмъ, что для усвоенія ихъ требуется, настойчивость и непрерывность работы; а то и другое обязанъ и можетъ дать всякій человѣкъ, посвящающій себя служебной тягѣ. Въ этомъ и лежитъ коренная разница между элементарными отдѣлами образованія и прикладными, составляющими комбинацію первыхъ, примѣненіе ихъ къ дѣлу. Въ элементарныхъ отдѣлахъ все точно, все опредѣлено, и поэтому не толко допускаетъ, но дѣлаетъ необходимою требовательность, болѣе или менѣе рѣзкую; и это отчасти причиною, что привыкшіе къ рѣзкой требовательности въ элементарныхъ или уставныхъ отдѣлахъ образованія часто переносятъ ее и на прикладные, гдѣ она не только не помогаетъ, но, какъ показано, мѣшаетъ дѣлу.

IV.

1.

Не разъ появлялись въ нашей военной литературѣ предостереженія противъ увлеченій различными отдѣлами воинскаго образованія; не разъ указывалось на настоятельную необходимость іерархизаціи этихъ отдѣловъ, т. е. постановки ихъ,—и по послѣдовательности преподаванія, и по объему времени, на нихъ удѣляемому,—въ порядкѣ, отвѣчающемъ ихъ важности. Какъ это въ теоріи ни просто, но въ жизнь проникаетъ съ большимъ трудомъ: едва успѣли, и то не вполнѣ, освободиться отъ увлеченія стройностью, какъ грозитъ уже водвориться увлеченіе стрѣльбой; а посвященіе солдата въ знаніе важнѣйшихъ его обязанностей, укорененіе которыхъ въ его сознаніи даетъ тонъ всей его службѣ, остается въ большинствѣ частей въ тѣни теперь, какъ оставалось въ тѣни и прежде. Это и даетъ намъ право думать, что нѣкоторыя соображенія на эту же тему увлеченій не будутъ безполезны и еще разъ.

Весь объемъ солдатской подготовки распадается, какъ извѣстно, на воспитаніе и образованіе. Извѣстно также, что воспитаніе должно стоять выше образованія: солдатъ, плохо стрѣляющій и колющій, неумѣющій ходить въ ногу, все же солдатъ сносный, если онъ честенъ и проникнутъ сознаніемъ долга такъ, что одинаково исполнителенъ и на глазахъ у начальника, и за глазами; наоборотъ, отличный стрѣлокъ, фехтовальщикъ, строевикъ, никуда

не годенъ какъ солдатъ, если онъ не надеженъ. Скажу больше: не только негоденъ, но опасенъ. Выводъ изъ этого тотъ, что при недостаткѣ, напримѣръ, времени, можно образованіе изъ занятій и совсѣмъ выпустить; но воспитаніе выпустить нельзя даже въ томъ случаѣ, если бы на подготовку новобранца данъ былъ даже одинъ только день. Разумѣется, мы беремъ крайность; но вѣдь только крайностями и можно выяснить относительное значеніе занятій совмѣстныхъ, слѣдовательно, могущихъ развиваться, при малѣйшемъ невниманіи руководителей, не иначе, какъ одно на счетъ другаго.

Это относительное значеніе воспитанія должно отражаться не только на соотвѣтственномъ распредѣленіи времени, но, что важнѣе, и на соотвѣтственномъ распредѣленіи работы кадра роты. О распредѣленіи времени поговоримъ въ другой разъ, а теперь остановимся на томъ, кто и что̀ долженъ преподавать.

Этотъ вопросъ разрѣшается въ зависимости отъ относительной важности воспитанія и образованія будущаго солдата, т. е. новобранца. Если воспитательный отдѣлъ важнѣе образовательнаго, то естественно, что въ ротѣ или эскадронѣ онъ долженъ лежать на прямой отвѣтственности ихъ командировъ; между тѣмъ, какъ отдѣлъ образовательный уже по этому самому можетъ быть возлагаемъ на субалтернъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и дядекъ, разумѣется, подъ наблюденіемъ тѣхъ же командировъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, начнемъ съ класификаціи предметовъ преподованія по тому, какіе изъ нихъ относятся къ воспитанію, какіе къ образованію *).

Воспитываетъ солдата: 1) служба внутренняя; 2) служба гарнизонная. Даетъ солдату образованіе, соотвѣтствующее его назначенію, упражненіе въ: 1) гимнастикѣ, 2) фехтованіи (рубкѣ), 3) стрѣльбѣ, 4) строѣ (пѣшемъ или конномъ), 6) примѣненіи къ мѣстности.

Что утвержденіе солдата въ обязанностяхъ службы внутренней составляетъ фундаментъ всего его служебнаго поведенія въ будущимъ, безполезно и доказывать въ наше время: въ ней присяга, молитвы, значеніе знамени, законы дисциплины; изъ нея солдатъ узнаетъ, что онъ долженъ дѣлать и чего съ нимъ не должны дѣлать**) Это, однимъ словомъ, органическій статутъ воинской кор-

*) Строго говоря, всѣ воспитательные отдѣлы представляютъ и образовательную, равно какъ отдѣлы образованія—воспитательную сторону; классификація дѣлается въ зависимости отъ того, какой изъ элементовъ (воспитательный или образовательный) является преобладающимъ въ данномъ отдѣлѣ.

**) Предупреждая недоразумѣніе, замѣтимъ, что дисциплинарный уставъ, по духу составляетъ нераздѣльную часть устава о службѣ внутренней, что впрочемъ

пораціи. Понимается само собою, что вѣрное понятіе о такомъ законѣ новобранцу можетъ дать только человѣкъ послужившій и знающій изъ опыта, что̀ такое значитъ управленіе себѣ подобными: знающій, до какой степени въ массѣ важенъ внутренній порядокъ, и притомъ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ; наконецъ, человѣкъ, отвѣтственный за этотъ самый порядокъ. Освѣтить всякое положеніе подобнаго устава соотвѣтствующими примѣрами, подчеркнуть, что болѣе важно и что менѣе важно, можетъ только человѣкъ опытный и притомъ лично заинтересованный въ томъ, чтобы этотъ уставъ не только знали, но и исполняли: однимъ словомъ, ротный командиръ,

Можетъ ли подобный предметъ быть порученъ молодому офицеру? Нѣтъ, какъ бы онъ ни хорошо былъ подготовленъ теоретически: дабы проникнуться чувствомъ настоятельной необходимости въ воинскомъ организмѣ привычекъ исполнительности, порядка, подчиненія, мало понимать эту необходимость умомъ, а нужно принять ее въ плоть и въ кровь; нужно, наконецъ, умѣть говорить съ солдатомъ и выработать пріемы передачи ему свѣдѣній.

У молодого офицера нѣтъ и не можетъ быть навыка относительно того, что послѣ чего преподавать, на что нужно въ особенности налегать. Въ уставѣ о службѣ внутренней есть сущность, духъ; есть и обрядъ. Начать съ того или съ другого далеко не все равно; какъ не все равно ослушаться, напримѣръ, приказанія, или забыть застегнуть пуговицу *).

указано было и выше. Первый, какъ и послѣдній, распространяются одинаково на всѣхъ чиновъ и имѣютъ безпрерывное, повседневное примѣненіе въ войсковой жизни. Во всѣхъ иностранныхъ уставахъ, какъ и въ нашемъ прежнемъ, дисциплинарный уставъ составляетъ не болѣе какъ отдѣлъ устава о службѣ внутренней. Въ томъ же смыслѣ мы считаемъ принадлежностью этого устава молитвы, ученіе о присягѣ и знамени.

*) И отсюда явствуетъ, что іерархизація, установленіе которой такъ необходимо между различными предметами воспитанія и образованія, не менѣе необходима и въ передачѣ различныхъ отдѣловъ каждаго предмета, взятаго отдѣльно. Въ необходимости такой іерархизаціи съ нами, конечно, не всѣ согласятся, и не согласятся именно тѣ, которые утверждаютъ, что для солдата должно быть все одинаково важно. Мы ничего не имѣли бы противъ этого взгляда, еслибы практика ежеминутно не обличала его полной несостоятельности; не обличала тѣмъ, что при подобномъ отношеніи къ дѣлу менѣе важное, а иногда и вовсе неважное (какъ легчайшее), обращается въ самое важное; а дѣйствительно важное или игнорируется, или и вовсе забывается. Въ выборѣ примѣровъ, подтверждающихъ это, можно затрудниться скорѣе по обилію, чѣмъ по недостатку ихъ; приведемъ нѣкоторые изъ внутренней и гарнизонной службы: 1) солдатъ при встрѣчѣ честь отдаетъ исправно, но, возвратившись домой, и не подумаетъ доложить, если съ нимъ что либо случилось особенное; 2) бравый унтеръ знаетъ, гдѣ и когда долженъ стать: но сколько онъ вывелъ людей, напримѣръ, на ученіе, если десятый скажетъ, то и слава Богу; 3) всякій знаетъ точно, кому долженъ отдать честь, стоя на часахъ; но когда долженъ употребить оружіе, въ чемъ его сдача, скажетъ не всякій съ сознаніемъ, а иной и вовсе не скажетъ: 4) всякій

Многіе не раздѣляютъ того мнѣнія, что посвящать новобранца въ знаніе важнѣйшихъ обязанностей внутренней службы долженъ самъ ротный (эскадронный) командиръ. Сознаемся, что и мы сами недавно полагали, будто это только безполезное стѣсненіе; будто дѣло не въ томъ, кто преподаетъ, лишь бы толково преподавалъ. Но увидѣвъ на дѣлѣ, въ Виленскомъ округѣ, какіе результаты даетъ подготовка по этимъ отдѣламъ новобранцевъ ротными командирами, выслушавъ доводы, въ силу которыхъ это принято основнымъ принципомъ при занятіяхъ съ новобранцами, я призналъ свою ошибку и перешелъ вполнѣ на сторону этого взгляда. Да и какъ было не перейти? Отвѣта на нѣсколько поставленныхъ мнѣ вопросовъ было болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія въ глубокой вѣрности и даже неизбѣжности такой постановки дѣла.

Какое основное условіе успѣха всякого преподаванія?—Постоянство преподавателя и непрерывность преподаванія.

Субалтернъ-офицеры остаются ли безотлучно при ротѣ?—Нѣтъ; они, напротивъ, постоянно отвлекаются другими служебными занятіями: караулы, дежурства, командировки. При томъ ихъ и мало: въ большей части ротъ только по одному субалтернъ-офицеру, а есть и такія, въ которыхъ и одного нѣтъ.

Слѣдовательно, допуская даже, что субалтернъ-офицеръ вполнѣ подготовленъ къ роли посвященія новобранца въ обязанности солдата, можетъ ли онъ удовлетворительно, по своему положенію, выполнить эту роль? Пришлось отвѣтить, что не можетъ.

Какое основное условіе соблюденія великаго принципа единенія роты, т. е. такого воспитанія оной, чтобы она составляла одно тѣло, имѣла одну душу? Условіе одно: нужно, чтобы рота знала ротнаго командира и ротный командиръ зналъ каждаго въ ней человѣка. Въ полной мѣрѣ это возможно только тогда, если ротный командиръ пропуститъ послѣдовательно черезъ свои руки всѣ поступающіе къ нему контингенты на такихъ занятіяхъ, которыя знакомятъ съ умственнымъ и нравственнымъ обличіемъ каждаго человѣка, такъ какъ единеніе требуется не внѣшнее, а духовное.

Что важнѣе знать ротному командиру: то-ли, какъ человѣкъ ходитъ, дѣлаетъ ружейные пріемы, прицѣливается, стрѣляетъ, или то, на что онъ способенъ, какъ думаетъ, въ какой мѣрѣ надеженъ?

знаетъ точно случаи вызова караула въ ружье для отданія чести; но что его нужно вызвать въ случаѣ безпорядка, столпленія, пожара вблизи караульнаго дома—скажетъ не всякій даже и офицеръ и т. под. Эти и имъ подобные факты не могутъ не обращать на себя вниманія тѣхъ, которымъ дорога не одна внѣшность, но и сущность службы воинской, и подумать объ устраненіи ихъ соотвѣтственнымъ направленіемъ преподаванія и требованій—право пора.

Второе, конечно, важнѣе, и узнается только при непосредственномъ соприкосновеніи съ людьми, т. е. при томъ, которое не имѣетъ мѣста, если ротный командиръ не учитъ самъ, а только «наблюдаетъ» за обученіемъ.

Кажется этихъ доводовъ не только достаточно, но даже слишкомъ много послѣ поставленнаго въ началѣ, т. е., что субалтернъ-офицеровъ въ ротахъ недостатокъ. Не взирая на это, нѣкоторые находятъ, что обязывать ротныхъ командировъ обучать новобранцевъ даже яко-бы противозаконно; что сложность обязанностей ротнаго командира дѣлаетъ для него личныя занятія съ новобранцами затруднительными, даже невозможными. Упускается при этомъ изъ вида, что законъ будетъ исполненъ по существу тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ новобранцы будутъ знать свое дѣло лучше; упускается также и то соображеніе, что какъ бы ни были разнообразны обязанности ротнаго командира, между ними есть болѣе важныя и менѣе важныя; и въ числѣ ихъ нѣтъ, конечно, важнѣе той, во исполненіе которой ротный командиръ долженъ похлопотать о водвореніи порядка въ умахъ и въ сердцахъ своихъ подчиненныхъ. Если это будетъ, остальное приложится, такъ какъ исполненіе обязанностей менѣе важныхъ является попутно, при исполненіи обязанностей коренныхъ, существенныхъ. Вѣдь кто занимается самъ съ новобранцами, тотъ не можетъ просмотрѣть ни малѣйшаго упущенія въ ротѣ; онъ по дорогѣ натолкнется на все: и на то — не дерется ли кто между дядьками или унтеръ-офицерами, и нѣтъ ли между ними взяточниковъ, и не воруетъ ли кашеваръ, артельщикъ или кто другой, и равномѣрно ли дѣлаются наряды—на все натолкнется. Слѣдовательно, занятія съ новобранцами не помѣха, а подспорье ротному командиру въ исполненіи его обязанностей во всемъ ихъ объемѣ.

Послѣ сказаннаго, мы полагаемъ, даже страннымъ покажется вопросъ: могутъ ли преподавать внутреннюю службу новобранцамъ современные унтеръ-офицеры? Конечно нѣтъ; сами они должны ей учиться: гдѣ же имъ учить другихъ? Достаточно и того, если каждый изъ нихъ услѣдитъ, чтобы эта служба исполнялась людьми, ему ввѣренными. Въ особенности это такъ при общеобязательной повинности, которая вводитъ въ ряды арміи людей различныхъ складовъ понятій, различныхъ степеней и сортовъ развитія. Между новобранцами можетъ попасться такой, съ которымъ не подъ силу будетъ справиться не только унтеръ-офицеру, а и субалтернъ-офицеру; и можетъ справиться только человѣкъ послужившій, привыкшій орудовать властью и отвѣтственный.

Въ отдѣлѣ службы внутренней важную роль играетъ препо-

даваніе молитвъ. Всѣмъ извѣстно, что новобранцы по этой части приносятъ съ собою весьма немного. И въ войскѣ многому ихъ по этой части выучить невозможно; но то малое, чего слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, требовать, должно быть усвоено твердо и сознательно. Это малое должно заключаться въ знаніи Молитвы Господней и Заповѣдей Спасителя. Толкованіе того и другого необходимо настолько, чтобы новобранецъ понялъ смыслъ молитвъ и заповѣдей. Въ необходимости такого сокращенія требованій по этой части люди, стоящіе у дѣла, съ нами, конечно, согласятся, такъ какъ знаютъ, что тамъ, гдѣ требуется многое, иногда и малаго не получается. Имъ очень хорошо извѣстно, что въ иныхъ частяхъ не рѣдкость встрѣтить людей, которые даже «Отче Нашъ» не знаютъ; слѣдовательно, лучше требовать меньше, но требовать дѣйствительно.

Дисциплинарный уставъ опять представляетъ отдѣлъ, требующій толкованій, которыя по плечу только опытному и послужившему человѣку; требуетъ при томъ тщательной выборки того, что до солдата относится, и такой передачи новобранцу, чтобы онъ былъ въ состояніи уразумѣть.

Къ дисциплинарному уставу нѣкоторые считаютъ за нужное прибавлять еще свѣдѣнія и изъ военно уголовнаго. Мы глубоко не сочувствуемъ этой прибавкѣ, совершенно несообразной съ современнымъ составомъ арміи. Вѣдь берется цвѣтъ населенія не только физически, но и нравственно; опороченныхъ не принимаютъ; за что же подобный составъ знакомить съ возможностью такихъ преступленій, о какихъ большинству его и до гробовой доски въ голову не придетъ? Вводилось это прежде съ цѣлью остановить отъ преступленій страхомъ опредѣляемыхъ за нихъ наказаній: но изъ за слишкомъ усерднаго желанія устрашить упускали изъ вида, что знакомя съ наказаніями за преступленія, знакомили по дорогѣ и съ самыми преступленіями.... Не могу не вспомнить изъ собственной практики, какъ въ корпусѣ, утромъ по воскресеніямъ, намъ, 15-ти и 16-ти лѣтнимъ мальчикамъ, читалось передъ строемъ о томъ, чему подвергаются поднявшіе руку на начальника, измѣнившіе, уличенные въ противоестественныхъ преступленіяхъ.... Можетъ ли это способствовать подъему нравственнаго склада части, предоставляемъ судить всякому, давшему себѣ трудъ хотя нѣсколько подумать объ этомъ предметѣ. Солдата необходимо вести положительно, а не отрицательно: утверждать его въ томъ, что онъ долженъ дѣлать, а не сообщать ему о томъ, о чемъ порядочному солдату и подумать то зазорно.

2.

Всѣмъ извѣстно, что за послѣднія 25 лѣтъ произошелъ коренной переворотъ въ системѣ воспитанія и образованія войскъ; обусловился онъ, съ одной стороны, прибавкою новыхъ предметовъ образованія; съ другой—сокращеніемъ сроковъ службы. Работы стало больше, времени—неизмѣримо меньше.

Прежде все образованіе приводилось собственно къ доведенію до возможнаго совершенства стройности движенія; теперь этого одного мало—нужна еще гимнастика, колотье или рубка, стрѣльба, примѣненіе къ мѣстности. Прежде восьмилѣтній солдатъ считался чуть не рекрутомъ; теперь двухлѣтній считается старымъ солдатомъ.

Прибавка новыхъ предметовъ образованія солдата создала положеніе переходное: прежняя система воспитанія и образованія отходитъ; новая еще не установилась: всѣ ея отдѣлы на лицо; но въ какомъ взаимномъ соотношеніи они должны находиться, въ какой послѣдовательности, кѣмъ именно и какъ должны быть преподаваемы, сознано далеко не вездѣ.

Сокращеніе сроковъ службы повліяло на постановку важнѣйшаго отдѣла въ подготовкѣ солдата, т. е. на его воспитаніе. Не трудно было прежнему рекруту втянуться въ воинскій обиходъ, попавъ въ массу людей, большинство которыхъ считало свою службу десятками лѣтъ: онъ усвоивалъ по рутинѣ, наглядкою, и то, какъ долженъ вести себя, и то, какъ долженъ служить; чего не узнавалъ въ первый годъ, узнавалъ во второй, въ пятый. Теперь это немыслимо, и остался одинъ способъ внушенія солдату того, чѣмъ онъ долженъ быть—способъ теоретическаго преподаванія, какъ быстрѣйшій. На усвоеніе чего либо рутиннымъ путемъ времени нѣтъ, да нѣкому быть и примѣромъ рутины, такъ какъ обучаемыхъ слишкомъ много: ежегодно приливаетъ около $^1/_3$ всего состава, между тѣмъ какъ прежде приливало около $^1/_{25}$ и, нѣсколько спустя, около $^1/_{15}$.

Это и поясняетъ, почему прежде на воспитательный отдѣлъ особеннаго вниманія не обращалось; давался онъ самъ собою, естественнымъ путемъ продолжительнаго воздѣйствія громаднаго большинства на ничтожное меньшинство. Хотя и въ то уже время такое невниманіе къ нему безнаказано не проходило, такъ какъ въ эпоху самой строгой требовательности нерѣдки были случаи, напримѣръ, оставленія караула караульными начальниками, что очевидно не предполагаетъ серьезнаго отношенія къ капитальнѣйшимъ обязанностямъ, и при томъ въ офицерской средѣ. Желательно ли подобное положеніе, необходимо ли подумать о томъ,

чтобы къ нему не возвращаться; полезно ли оттѣнить относительную важность отдѣловъ войсковой подготовки прежде всего тѣмъ, кто какой отдѣлъ долженъ преподавать—предоставляемъ судить благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателямъ.

3.

Умѣло преподавать новобранцу нелегко: потому въ особенности, что преподаваніе не должно заключать въ себѣ ничего книжнаго. Гладкое изложеніе, послѣдовательная аргументація, буквальное слѣдованіе уставу, совсѣмъ не годятся и дадутъ плохой результатъ. Простолюдинъ самъ длинно не говоритъ и плохо понимаетъ того, кто длинно говоритъ; въ разговорѣ почти всегда пропускаетъ то, что для него само собою разумѣется; логической цѣпи доказательствъ не понимаетъ и въ ней не нуждается, такъ какъ въ отношеніяхъ къ старшимъ отправляется отъ той естественной мысли, что если они ему говорятъ, значитъ это такъ.

Это опредѣляетъ условія успѣха преподаванія, заключающіяся въ слѣдующемъ: 1) сообщать по немногу—одну, много двѣ мысли въ разъ, и тотчасъ же требовать повторенія; идти дальше не иначе, какъ вполнѣ убѣдившись, что все понято; 2) избѣгать книжныхъ словъ; 3) при малѣйшей возможности, прибѣгать къ примѣру, или, еще лучше, къ показу; 4) брать изъ устава не все сплошь, а только то, безъ чего солдатъ обойтись не можетъ.

Возьмемъ для примѣра хоть внутреннюю службу. На нашъ взглядъ въ ней для рядового есть только три основныхъ закона: 1) исполняй, что начальникъ прикажетъ; 2) безъ спросу не отлучайся; 3) если что нибудь особенное случится, непремѣнно доложи *). Съ нихъ и слѣдуетъ начинать и затѣмъ уже переходить къ развитію подробностей. Если же проходить все подрядъ, въ сознаніи новобранца рядомъ съ этими основаніями не только станетъ совершенно равноправно второстепенное, но иногда даже и потемнитъ ихъ. Можно ли такъ написать уставъ? Нѣтъ нельзя, такъ какъ онъ опредѣляетъ отношенія и условія службы для всѣхъ чиновъ, а не для нижнихъ только; слѣдовательно, изъ него необходимо умѣть дѣлать выборку строго необходимаго для солдата и далѣше не идти, крѣпко памятуя, что основательное знаніе пріобрѣтается, когда учатъ не многому, но много. Подобную выборку толково можетъ сдѣлать только опытный человѣкъ и соб-

*) Для начальника къ этимъ основнымъ законамъ присоединяется еще четвертый: знай своихъ людей насквозь — кто, откуда, въ какой мѣрѣ надеженъ, на что способенъ.

ственнымъ опытомъ убѣдившійся, что стремясь достигнуть многаго, иногда не достигаютъ ничего.

Сказанное о преподаніи службы внутренней, еще съ большимъ основаніемъ примѣняется къ караульной службѣ. О важности караульной службы; о томъ, что это единственная дѣйствительная служба въ мирное время, а все прочее составляетъ только подготовку къ оной, говорилось довольно; и распространяться объ этомъ теперь считаемъ излишнимъ, а ограничимся только указаніями, какъ слѣдуетъ ее преподавать. Для выясненія этого, начнемъ съ разбора нѣсколькихъ случаевъ преподаванія дѣйствительнаго. Такъ, въ одной части намъ случилось слышать, что преподаваніе было начато съ того, что караулы бываютъ почетные и для охраненія порядка; постоянные и временные, офицерскіе, унтеръ-офицерскіе и ефрейторскіе; однимъ словомъ, все начало устава, имѣющее значеніе для офицера и для фельдфебеля, дѣлающаго нарядъ, но неимѣющее ни малѣйшаго отношенія къ рядовымъ, преподавалось этимъ послѣднимъ, какъ знаніе, для нихъ нужное. Понятное дѣло, что при такомъ способѣ преподаванія легко можетъ случиться, что перечисленныя свѣдѣнія закроютъ собою если не всѣ, то хоть нѣкоторыя обязанности часоваго, т. е. именно то, что всякій солдатъ долженъ знать какъ «Отче нашъ». И выходитъ, что учить слѣдуетъ не многому, но много, т. е. основательно; и при томъ учить только тому, что для солдата имѣетъ непосредственную примѣнимость. Это немногое исчерпывается для молодого солдата обязанностями часоваго.

Но какъ это, повидимому, ни мало, и тутъ надо учить умѣючи, т. е. умѣючи не столько излагать, сколько внѣдрять, укоренять, давая всякую мысль со всѣми ея развѣтвленіями, пріучая солдата не пересказывать обязанности часоваго, а исполнять ихъ. Возьмемъ примѣръ дѣйствительно бывшій: бойкій солдатъ, толковый и даже грамотный. «Кого слушаешься, стоя на часахъ?» — Разводящаго, в. п-во! — «Такъ; ну, а если твой командиръ полка тебѣ что прикажетъ, когда ты стоишь на часахъ, исполнишь?» — Не могу исполнить в. п-во. — «Ничего не исполнишь?» — Ничего. — «Ну, примѣрно, онъ замѣтитъ, что у тебя пуговица растегнута и прикажетъ ее застегнуть?» — Не застегну в. п-во. Пришлось разъяснять, что приказанія его прямого начальства, касающіяся общаго порядка службы, для него обязательны всегда; и только касающіяся его сдачи, какъ часового, не могутъ быть исполняемы. Еще примѣръ: «Стоишь у арестантовъ на наружномъ посту; проходитъ генералъ: что сдѣлаешь?» — Возьму на-краулъ в. п-во. — «А въ это самое время бѣжитъ арестантъ, что сдѣлаешь?» — Буду стрѣлять в. п-во. — «Да вѣдь ты долженъ держать на-краулъ, пока гене-

ралъ не пройдетъ; такъ какъ же?» Солдатъ затрудняется отвѣтить. Опять разъясненіе на ту тему, что честь отдается тогда только, когда нѣтъ прямого дѣла, для котораго часовой поставленъ; если же такое дѣло есть, то сначала нужно исполнить его. Нужно ли напоминать, что отданіе чести тоже входитъ въ сдачу; и что солдата должно направить такъ, чтобы, при столкновеніи нѣсколькихъ обязанностей, онъ зналъ, исполненію которой изъ нихъ онъ долженъ отдать преимущество? Эти два случая показываютъ достаточно, что въ преподаваніе приходится вводить много такого, чего въ уставѣ нѣтъ и быть не можетъ. Уставъ—теорія, могущая оживотвориться только тогда, когда человѣкъ, богатый служебнымъ опытомъ, освѣтитъ различныя положенія оной конкретными случаями, и при томъ именно случаями, а не разсужденіями. Великая трудность преподанія гарнизонной службы, какъ и всякаго впрочемъ живого дѣла, и заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ ни одного правила, которое не допускало бы исключеній, т. е. примѣненія правила, прямо противоположнаго. Очень и очень нужно втянуться въ служебный духъ и обиходъ, чтобы въ такомъ трудномъ дѣлѣ дать простому, малоразвитому человѣку руководящую нить для поведенія. А употребленіе оружія? Во время не употребитъ, идетъ подъ судъ; не во время употребитъ—тоже идетъ подъ судъ...

Но иллюстрація положеній гарнизонной службы путемъ разсказываемыхъ случаевъ недостаточна для утвержденія молодыхъ солдатъ въ знаніи обязанностей часового; необходимо, сверхъ того, прибѣгать и къ показу дѣйствительному. Заключается онъ въ примѣрной выставкѣ часовыхъ и въ испытаніи ихъ по каждой обязанности путемъ искушенія. Если вы хотите, чтобы онъ никому не отдавалъ ружья, попробуйте взять его подъ какимъ либо предлогомъ; если не хотите, чтобы, стоя на часахъ, ничего и ни отъ кого не бралъ, попробуйте дать ему награду за хорошее, напримѣръ, знаніе обязанностей; если хотите, чтобы ничего не бралъ подъ сдачу безъ разводящаго, попробуйте дать ему подъ сдачу что нибудь; если хотите утвердить въ томъ, чтобы онъ слушалъ не разводящаго вообще, а именно своего разводящаго, попробуйте приказать смѣнить его другому разводящему, а не тому, который его поставилъ на часы, и т. п. Такимъ путемъ дѣйствительно достигается то, что человѣкъ, взятый отъ сохи, въ два, много три, мѣсяца становится способнымъ быть дѣйствительнымъ часовымъ, т. е. такимъ, котораго не поймаешь ни на какую штуку. Иного пути для достиженія этой цѣли въ срокъ, возможно кратчайшій, нѣтъ и быть не можетъ; и вести по этому пути можетъ только человѣкъ, искушенный служебнымъ опытомъ.

V.

1.

Послѣ войны 1870 года раздалось нѣсколько голосовъ въ пользу постояннаго соединенія артиллеріи съ пѣхотою и конницею въ мирное время, какъ это принято для организаціи военнаго. Имъ возражали; голоса затихли, и въ другихъ арміяхъ все осталось по прежнему, но у насъ мысль эта получила практическое примѣненіе: конная артиллерія подчинена начальникамъ кавалерійскихъ дивизій побатарейно, т. е. безъ общаго начальника надъ обѣими батареями.

Въ настоящее время, послѣ нашей войны въ Турціи, снова возникаетъ та же мысль: въ № 11 «Военнаго Сборника» за прошлый годъ, авторъ статьи: «О связи артиллеріи съ другими родами оружія въ командномъ отношеніи» силится доказать, будто постоянное подчиненіе артиллеріи начальникамъ пѣхотныхъ дивизій въ мирное время необходимо для пользы дѣла.

Такой возвратъ, непосредственно послѣ кампаніи, къ мысли, хотя бы и давно уже отвергнутой, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и невольно наводитъ на слѣдующіе вопросы:

1) Чѣмъ обусловилось воскресеніе этого покойника и кто правъ? Тѣ ли, которые требуютъ постояннаго подчиненія артиллеріи пѣхотнымъ начальникамъ въ мирное время, подобно тому, какъ-то было отчасти *) въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка и затѣмъ оставлено; или же тѣ, которые, послѣ вѣкового существованія этой организаціи и послѣ такого боевого опыта, какъ революціонный, отказались отъ нея, какъ отъ неудобной, и признали болѣе вѣрнымъ принципъ независимой другъ отъ друга организаціи различныхъ родовъ оружія въ мирное время?

2) Если вредная обособленность артиллеріи чувствовалась въ военное время, то въ чемъ ея корень: въ организаціи ли, или же въ чемъ нибудь другомъ?

Авторъ названной выше статьи совершенно вѣрно признаетъ первый вопросъ на столько важнымъ, что ставитъ въ зависимость отъ его разрѣшенія и болѣе или менѣе успѣшное разрѣшеніе всѣхъ остальныхъ: но, на бѣду, самъ онъ далеко не объективно

*) Полковая артиллерія.

относится къ этому вопросу; а судя по нѣкоторымъ намекамъ *), какъ будто даже примѣшиваетъ личный элементъ въ свое изслѣдованіе, отъ чего оно выиграть, конечно, не можетъ.

Ходъ аргументаціи автора таковъ: замѣтивъ неудобство какого нибудь организаціоннаго установленія, онъ предлагаетъ прямо ему противоположное и полагаетъ, что если теперь дурно, то тогда навѣрное будетъ хорошо. Онъ подмѣтилъ, напримѣръ, что существованіе начальниковъ артиллеріи (округовъ, корпусовъ) сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами—и прямо предлагаетъ упразднить начальниковъ артиллеріи, упуская изъ виду, что начальники артиллеріи, подъ тѣми или другими названіями, существуютъ во всѣхъ арміяхъ, и что необходимость ихъ существованія вытекаетъ изъ общаго воинскаго порядка, требующаго, чтобы не только каждая воинская часть, но и каждая совокупность частей извѣстнаго рода оружія имѣла своего начальника. Онъ подмѣтилъ, что артиллерія съ пѣхотой не представляла на войнѣ вполнѣ сросшагося органическаго цѣлаго; стараясь объяснить себѣ причину этого дѣйствительно ненормальнаго явленія, онъ нападаетъ на мысль, будто этому виною самостоятельность мирной организаціи артиллеріи, и не колеблясь умозаключаетъ, что, подчинивъ артиллерію начальникамъ пѣхотныхъ дивизій постояннымъ образомъ, т. е. опять перейдя къ противоположному, получимъ желаемое органическое цѣлое. Этотъ способъ аргументаціи тѣмъ удобенъ, что при его помощи можно доказать, что угодно: отъ огня иногда происходятъ пожары — запретимъ разводить огонь, и пожаровъ не будетъ; отъ ѣды происходитъ иногда несвареніе въ желудкѣ— запретимъ ѣсть, причина несваренія будетъ устранена, и тому подобное.

Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что нѣтъ такой мѣры, которая не представляла бы неминуемо какихъ-либо неудобствъ; въ силу этого, задаваясь перемѣною чего-либо, всякій безпристрастный изслѣдователь обязывается законами теоріи и логики не ограничиваться указаніемъ худого въ существующемъ, но и отдать себѣ отчетъ, не будетъ ли еще больше худого въ томъ, чѣмъ онъ это существующее предлагаетъ замѣнить.

Во-вторыхъ, безпристрастный изслѣдователь обязывается еще и то помнить, что во всѣхъ практическихъ установленіяхъ какъ хорошія, такъ и дурныя послѣдствія производятся не одною какою-либо, но совокупностью причинъ. Въ виду этого, нужно

*) Въ родѣ артиллеристовъ, стяжавшихъ себѣ славу тонкимъ знаніемъ упряжки.

быть весьма осторожнымъ въ изслѣдованіи, дабы не отнести даннаго явленія совсѣмъ не къ тѣмъ причинамъ, которыя его въ дѣйствительности вызвали, что, какъ увидимъ ниже, съ авторомъ статьи и случилось.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы напомнить слѣдующее основное правило изслѣдованія всякихъ вообще практическихъ мѣръ и установленій: одними отрицательными доводами противъ установленія, т. е. однимъ указаніемъ его недостатковъ, ничего доказать нельзя, по той простой причинѣ, что нѣтъ такого человѣческаго дѣла, которое недостатковъ не представляло бы. Ошибочность однихъ отрицательныхъ доводовъ въ особенности видна въ примѣненіи къ установленіямъ, которыя, какъ самостоятельная организація артиллеріи въ мирное время, приняты въ арміяхъ всего міра. Эта всеобщность распространенія прямо указываетъ, что подобное установленіе, принимая всю совокупность послѣдствій, представляетъ болѣе хорошихъ, нежели дурныхъ сторонъ; слѣдовательно указывать на однѣ дурныя, не взвѣшивая ихъ съ хорошими,— есть не болѣе какъ упражненіе въ словопреніи.

Положительное доказательство противъ установившейся организаціи авторъ черпаетъ изъ военнаго положенія, а примѣняетъ его къ мирному времени, опять не замѣчая, что многое необходимое въ военное время не только безполезно, но положительно вредно въ мирное, ибо организаціи военная и мирная преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли, чего, повидимому, авторъ не подозрѣваетъ.

Вотъ ходъ его разсужденія: «Войска существуютъ для войны; войска могутъ успѣшно вести войну только тогда, когда дѣйствіями ихъ руководитъ одинъ общій начальникъ. Начальники, предводительствующіе войсками, должны основательно знать свойства каждаго изъ родовъ оружія; а если они знаютъ основательно свойства всѣхъ родовъ оружія, то они лучше постороннихъ лицъ подготовятъ свои войска къ боевой службѣ». Вся бѣда этого разсужденія въ томъ, что оно, отправившись отъ совершенно вѣрныхъ военныхъ положеній, проводитъ подъ ихъ флагомъ, какъ доказанныя, такія положенія, относящіяся къ мирному времени, которыя еще нужно доказать. Такъ, сначала говорится, что начальники должны знать свойства войскъ, т. е. ставится совершенно правильное требованіе; вслѣдъ затѣмъ предполагается, что они знаютъ эти свойства, т. е. голословно устанавливается такой фактъ, который можетъ быть, а можетъ и не быть, и, наконецъ, утверждается, что эти начальники, состоящіе въ подозрѣніи знанія свойствъ

всѣхъ родовъ оружія, подготовятъ войска къ боевой службѣ лучше, чѣмъ какія-то постороннія лица. Нужно ли говорить, что подъ «посторонними» лицами очевидно разумѣются здѣсь люди, знающіе артиллерійскую службу, въ противоположность не-посторонимъ, которые о ней зачастую не имѣютъ ни малѣйшаго понятія? Нужно ли разъяснять, что подготовка артиллеріи, какъ и всякаго другого рода оружія, къ боевой службѣ распадается на тактическую и техническую, и что старшіе начальники, даже сильные въ первой, не могутъ быть сильны по всѣмъ родамъ оружія во второй, такъ что содѣйствіе имъ «посторонних лицъ» въ этой послѣдней становится неизбѣжнымъ и совершенно раціональнымъ? Авторъ, намѣренно или безсознательно, но смѣшалъ эти два вида подготовки и получилъ желаемый выводъ, т. е. обратилъ въ «посторонних лицъ» спеціалистовъ по технической подготовкѣ, безъ которой одна подготовка тактическая то же самое, что зданіе безъ фундамента.

Точно такое же смѣшеніе понятій открывается и въ томъ заключеніи, что если артиллерія подчиняется начальникамъ пѣхотныхъ дивизій въ военное время, то и въ мирное это должно имѣть мѣсто. Выше мы уже сказали, что военная и мирная организаціи преслѣдуютъ противоположныя цѣли, и что, въ виду этого, заключенія отъ одной къ другой нелогичны. Эта противоположность не есть произвольная натяжка или фантазія, а лежитъ въ существѣ дѣла.

Всякій непредубѣжденный читатель согласится, что организація и вся работа мирнаго времени имѣетъ цѣлью накопленіе, развитіе, сбереженіе силъ; организація же и вся работа военнаго времени имѣетъ цѣлью употребленіе, т. е. расходованіе или, говоря прямѣе, истребленіе силъ, конечно возможно болѣе цѣлесообразное и производительное. Такая противоположность въ основныхъ цѣляхъ не можетъ не отразиться и на мѣрахъ, принимаемыхъ для ихъ достиженія *).

Достиженіе военныхъ и боевыхъ цѣлей ставитъ необходимымъ условіемъ единство воли, мысли, а слѣдовательно и единство командованія въ извѣстномъ воинскомъ тѣлѣ. Достиженіе мирной цѣли (развитія силъ) требуетъ, чтобы каждая изъ этихъ силъ

---

*) Эта противоположность доходитъ до того, что люди, прекрасно употребляющіе въ бою различные роды оружія, бываютъ иногда совершенно неспособны къ той мелочной, копотной работѣ, которая необходима при подготовкѣ ихъ къ бою. Бываетъ на оборотъ. А случаи соединенія той и другой способности въ одномъ лицѣ, и въ высокой степени, составляютъ крайне рѣдкія исключенія, считаемыя только единицами (Фридрихъ Великій, Суворовъ).

развивалась самостоятельно: въ этомъ дѣлѣ спеціализація—первое условіе успѣха. Дѣльный капельмейстеръ не сведетъ хора, пока каждый музыкантъ не научится играть на своемъ инструментѣ и не разучитъ своей партіи въ отдѣльности, и только затѣмъ подумаетъ о томъ, гдѣ и какому музыканту лучше сидѣть или стоять (организація). Если сводкѣ и расположенію хора не предшествуетъ знаніе каждымъ музыкантомъ, во-первыхъ, техники его инструмента, во-вторыхъ, знанія его партіи, ничего другого, кромѣ всѣмъ извѣстнаго крыловскаго квартета, выйти не можетъ.

Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что обученіе, для своего успѣха, требуетъ работы въ одиночку и подъ руководствомъ людей, знающихъ эту работу, т. е. спеціалистовъ. Если такая работа не продѣлана основательно, сначала даже съ отдѣльными людьми, потомъ съ частями каждаго рода оружія отдѣльно, начиная съ мелкихъ и соединяя ихъ послѣдовательно въ болѣе крупныя,—то подготовка силы или не осуществится, или плохо осуществится. Это истина неопровержимая и извѣстная всякому, сколько нибудь знакомому съ дѣломъ; заключается она, еще разъ повторяемъ, въ томъ, что, для успѣха извѣстнаго сложнаго дѣла, предварительная спеціализація составныхъ его частей не только желательна, но необходима; и наоборотъ, эта спеціализація обращается во вредъ, если на ней остановиться, и не соединить частныя спеціальности въ общую военную спеціальность.

Для этого періода обученія (а онъ продолжается, за исключеніемъ лагернаго сбора, круглый годъ) соединеніе различныхъ родовъ оружія подъ общее начальство одного лица въ единицахъ, меньшихъ корпуса, по меньшей мѣрѣ безполезно; а если лицо ретиво не по разуму, то даже и вредно, ибо такое лицо мѣшать будетъ, а помощи отъ него ждать трудно.

Авторъ статьи думаетъ не такъ; въ стремленіи разрушить ненравящуюся ему организацію онъ доходитъ до того даже, что артиллерія якобы никакой спеціальности не составляетъ, и что знающій пѣхотную стрѣльбу будто бы знаетъ и артиллерійскую. Не говоря уже о томъ, что тутъ дѣло не въ одной стрѣльбѣ, нельзя не замѣтить, что авторъ и въ этомъ случаѣ принимаетъ за доказанное то, что ему слѣдовало бы предварительно доказать. Весь военный міръ признаетъ, что артиллерійская спеціальность не только существуетъ, но что она притомъ самая сложная изъ войсковыхъ спеціальностей; авторъ же утверждаетъ, что ея нѣтъ, но доказывать это считаетъ излишнимъ. Ибо нельзя же считать доказательствомъ того, напримѣръ, что если пѣхотные начальники «не въ состояніи ознакомиться со свойствами и дѣйствіемъ артил-

лерійскихъ орудій, то логично будетъ заключить, что они не въ состояніи узнать и свойствъ ручного огнестрѣльнаго оружія». Подобныя доказательства не болѣе какъ игра ума, основанная на завѣдомомъ, или безсознательномъ, пользованіи неопредѣленностью терминовъ. Дѣло все въ томъ, что̀ разумѣть подъ «свойствами и дѣйствіемъ?» То общее знакомство съ ними, которое достаточно для начальника, призваннаго управлять всѣми родами оружія въ бою, далеко недостаточно, чтобы быть хорошимъ руководителемъ и контролеромъ техническо-артиллерійской подготовки, весьма и весьма необходимой для боя; если знаніе перваго рода должно быть обязательно для офицера всякаго рода оружія, то знаніе второго рода можетъ быть удѣломъ только артиллериста, и составляетъ такую спеціальность, которой офицеры другихъ родовъ оружія дѣйствительно не въ состояніи знать. Можно прекрасно знать тактику артиллеріи и совершенно не знать деталей ея техники: это двѣ спеціальности, могущія совершенно свободно обходиться одна безъ другой. Наполеонъ не зналъ деталей подготовки ни одного рода оружія, а употреблять всѣ ихъ умѣлъ.

Людей въ артиллеріи учатъ совсѣмъ не тому, чему въ пѣхотѣ и конницѣ (за исключеніемъ общихъ обязанностей военно-служащихъ), и теоретически, и практически: обученіе при орудіяхъ, знакомство со снарядами; обученіе ѣздовыхъ, лошадей; практика, совершенно непохожая на пѣхотную, не во гнѣвъ будь сказано автору статьи, и т. д. Въ пѣхотѣ опять свое; въ конницѣ—свое. Можетъ ли одинъ человѣкъ приготовить себя къ систематической повѣркѣ всего этого хотя въ двухъ родахъ оружія—предоставляемъ судить читателю. Мы полагаемъ, что не можетъ; не потому, чтобы это было дѣло хитрое, но потому, что объемъ великъ, да и привычки глаза и складъ мысли, сложившіеся при обращеніи съ однимъ родомъ оружія, препятствуютъ пріобрѣтенію привычекъ глаза и склада мысли, свойственныхъ другому роду оружія. Можетъ быть возразятъ, что до такихъ деталей начальнику дивизіи и доходить нѣтъ надобности; что это за него сдѣлаетъ предлагаемый авторомъ инспекторъ; тогда этотъ инспекторъ и будетъ дѣйствительнымъ начальникомъ, и дѣло останется въ настоящемъ видѣ, только титулъ перемѣнится.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что постоянное подчиненіе артиллеріи въ мирное время начальникамъ дивизій будетъ въ большей части случаевъ фиктивнымъ подчиненіемъ, и это еще лучшій исходъ. Лучшій потому, что если начальникъ не имѣетъ прямого, достойнаго его положенія дѣла, а между тѣмъ желаетъ быть начальникомъ не фиктивно только, то онъ беретъ обыкновенно на себя

дѣло своихъ подчиненныхъ, т. е., самъ того не замѣчая, извращаетъ и свое собственное, и ихъ понятіе о кругѣ власти и обязанностяхъ степеней воинской іерархіи: исходъ печальный, ибо это отражается и на характерѣ образованія, и даже на духѣ части. Это замѣчается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда и начальникъ, и часть принадлежатъ къ одному роду оружія; безъ труда можно себѣ представить, во сколько долженъ увеличиться вредъ подобнаго положенія, когда начальникъ принадлежитъ къ одному роду оружія, а часть къ другому. Извѣстно ли автору, что въ нѣкоторыхъ частяхъ полевой артиллеріи доходили не только до ротныхъ, но даже и до баталіонныхъ ученій *)? Находитъ ли онъ желательнымъ сближеніе пѣхоты и артиллеріи на этой почвѣ; и расположенъ ли считать таковое сближеніе полезнымъ для удовлетворительнаго состоянія артиллерійской спеціальности?

Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное подчиненіе артиллеріи начальникамъ пѣхотныхъ дивизій не можетъ достигнуть и той цѣли, съ которою предлагается. Къ болѣе тѣсной связи съ пѣхотою оно не поведетъ по той простой причинѣ, что такая связь вырабатывается жизнью съобща и общими занятіями, которыя не могутъ возникнуть вѣдь отъ одного того, что у пѣхоты и артиллеріи будетъ одинъ общій начальникъ. Автору и самому, конечно, не безъизвѣстно, что въ частяхъ даже одного рода оружія, живущихъ рядомъ и подчиненныхъ одному начальнику, такое сближеніе не всегда замѣчается. Да его и странно ожидать отъ связи, которая большую часть года есть, такъ сказать, только духовно-канцелярская, т. е. заключается въ томъ, что части въ одинъ штабъ пишутъ бумаги и отъ одного начальника получаютъ предписанія, живя иногда другъ отъ друга на сотни верстъ. Мы даже знаемъ примѣры, гдѣ части, принадлежавшія ко всѣмъ родамъ оружія, жили въ одной казармѣ, были подчинены одному начальнику, и, не взирая на это, ни между людьми, ни даже между офицерами, никакого расположенія къ сближенію не возникало. Эти, или имъ подобные, факты извѣстны всякому военному, въ томъ числѣ вѣроятно и автору статьи; если онъ ихъ не принялъ въ разсчетъ, то вѣроятно потому, что это ослабило бы силу его аргументаціи въ пользу уничтоженія той степени самостоятельности артиллеріи, которая необходима для успѣха технической ея подготовки.

---

*) Вслѣдствіе, очевидно, пѣхотныхъ вліяній.

Если въ постоянномъ подчиненіи разныхъ родовъ оружія одному лицу, нѣтъ основаній для той связи, о недостаткѣ коей авторъ совершенно справедливо сожалѣетъ, то въ чемъ же они?

2.

Когда хотятъ, чтобы люди, выученные ходить въ одиночку, ходили стройно въ шеренгѣ, что дѣлаютъ? ставятъ ихъ въ шеренгу и учатъ стройно ходить; и тому, кто вздумалъ бы утверждать, что не умѣютъ они ходить стройно не потому что этому не учены, а потому, что организація роты представляетъ недостатки, сказали бы что онъ не про то говоритъ: рѣчь о выучкѣ, а онъ объ организаціи. Когда два человѣка, одинъ въ Америкѣ, а другой хоть здѣсь, зависятъ отъ третьяго человѣка, живущаго, напримѣръ, на Кавказѣ, то можетъ ли возникнуть не сближеніе даже, а хоть шапочное знакомство между первыми двумя отъ того, что они подчинены третьему? Кажется и въ голову никому не можетъ прійти доказывать, будто отъ этого можетъ возникнуть сближеніе: можно имѣть общаго начальника и знать не хотѣть другъ друга; можно не имѣть его и быть другъ другу очень по душѣ, если людей сближаютъ общіе интересы, въ числѣ коихъ общія занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ играютъ одну изъ первыхъ ролей, ибо не организація, а родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній. Подчиненіе же и сближеніе людей между собою—двѣ вещи совершенно разныя, другъ друга невызывающія и могущія вполнѣ существовать одно безъ другаго.

Имѣя это въ виду, не трудно дать отвѣтъ на второй изъ вопросовъ, предложенныхъ въ началѣ статьи: «если вредная обособленность артиллеріи чувствовалась въ военное время, то въ чемъ ея корень: въ организаціи ли, или же въ чемъ нибудь иномъ?

Авторъ разбираемой статьи признаетъ, что вредная обособленность артиллеріи проявилась не однимъ тѣмъ, что начальники артиллеріи вмѣшивались въ распоряженія начальниковъ дивизій, но и неправильнымъ ея употребленіемъ въ полѣ. Это послѣднее явленіе имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ столкновенія между начальниками, которыя, какіе ни пиши законы, всегда были и всегда будутъ, особенно при неудачѣ. Объясняются эти столкновенія гораздо болѣе личными свойствами сталкивающихся, нежели несовершенствомъ организаціи. Организація арміи Наполеона I была разработана съ идеальною послѣдовательностью и, не взирая на это, нигдѣ можетъ быть столкновенія между старшими начальниками не доходили до той степени жолчности, какъ въ

этой арміи; иногда въ присутствіи самого Наполеона. Да оно и понятно: въ дѣлѣ, требующемъ для своего успѣха высшаго возбужденія враждебныхъ инстинктовъ противъ непріятеля, трудно уберечься отъ вспышекъ этихъ инстинктовъ и между своими. Пора понять, что сила, разъ вызванная, требуетъ исхода; и что съ непріятными ея проявленіями приходится мириться въ виду тѣхъ цѣлей, которыя ею достигаются....

Но недостатокъ находчивости въ согласованіи движеній и дѣйствій пѣхоты и артиллеріи въ полѣ дѣйствительно представляетъ явленіе нежелательное; и къ устраненію его могутъ и должны быть приняты мѣры.

Такъ какъ это недостатокъ чисто полевой, то и исправить его можно только въ полѣ, т. е. обученіемъ, а не перемѣною организаціи.

Это возможно только въ лагерномъ сборѣ, путемъ совмѣстныхъ занятій, и нигдѣ болѣе; и на время такихъ сборовъ, какъ и автору не безъизвѣстно, артиллерія по закону подчиняется начальникамъ дивизій.

Послѣ сказаннаго предоставляемъ читателю судить, правы ли мы были, замѣтивъ въ началѣ статьи, что авторъ отнесъ обособленность артиллеріи не къ тѣмъ причинамъ, которыя ее вызвали.

Правда, онъ находитъ, будто лагерное время не довольно продолжительно для ознакомленія начальниковъ дивизій съ артиллеріею; если бы онъ мысленно прослѣдилъ, какъ и на что это время употребляется, онъ вѣроятно этого бы не сказалъ. Лагерный сборъ продолжается обыкновенно около двухъ мѣсяцевъ; если въ большинствѣ лагерей, въ теченіе этого времени, пѣхота и артиллерія учатся совмѣстно десять разъ, то и слава Богу. При такомъ объемѣ совокупныхъ занятій обоихъ родовъ оружія, двухъ мѣсяцевъ окажется дѣйствительно мало.

Но дѣло не въ одномъ числѣ занятій, а и въ характерѣ ихъ. Это послѣднее обстоятельство заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора.

На что въ большинствѣ случаевъ уходитъ остальное время? Автору извѣстно, не менѣе насъ, на что; въ пѣхотѣ — на провѣрку ротныхъ, баталіонныхъ и какихъ угодно ученій, только не съ артиллеріей; на церемоніальный маршъ; иногда даже и на возвраты къ одиночной выправкѣ; въ артиллеріи—на пріемы при орудіяхъ, отъѣзды, подъѣзды, батарейныя ученія, тотъ же церемоніальный маршъ, однимъ словомъ, опять-таки на что угодно, но только не на занятія съ пѣхотою. И подтверждается такимъ образомъ глубоко-грустное слово маршала Саксонскаго: «не зная

дѣлать, что нужно, дѣлаемъ то, что умѣемъ»... Постоянное подчиненіе артиллеріи начальникамъ дивизій развѣ можетъ измѣнить этотъ порядокъ? Вѣдь отъ него продолжительность лагернаго сбора не увеличится. Развѣ оно можетъ дать знаніе того, что нужно дѣлать? Конечно нѣтъ, ибо въ положеніи начальника дивизіи и въ тѣ лѣта, въ которыя это положеніе достигается большинствомъ, поздно учиться. И кончается обыкновенно тѣмъ, что пѣхота остается сама по себѣ, артиллерія сама по себѣ, а живутъ они въ лагерѣ рядомъ и подчиняются вѣдь одному лицу. Слишкомъ это серьзное дѣло, чтобы не говорить прямо и честно; «тамъ гдѣ валятся тысячи жизней, преступно избѣгать истины»: мы и скажемъ прямо и честно, что теперь большинство пѣхотныхъ начальниковъ боятся получать подъ свою команду конницу и артиллерію; то же самое съ грустною неопровержимостью вѣрно въ примѣненіи къ кавалерійскимъ начальникамъ въ отношеніи пѣхоты и артиллеріи, и къ артиллерійскимъ—въ отношеніи конницы и пѣхоты. Да и какъ не бояться? На каждомъ шагу могутъ обнаружить наше незнаніе: не въ техникѣ, а въ томъ, что долженъ знать да не знаешь—въ подготовкѣ къ употребленію обоихъ родовъ оружія совокупно. А гдѣ было взять это знаніе — въ книгахъ? На бѣду въ нихъ говорится только о необходимости этого соединенія, а какъ его добиться, объ этомъ нѣтъ. Да если и есть, то книга можетъ дать только понятіе о томъ, что нужно дѣлать, но показать какъ дѣлать она не можетъ; практическому дѣлу можно и научиться изъ практики только: можно знать отлично уставъ по книжкѣ и все-таки путать въ строю, пока не увидишь, какъ другіе исполняютъ написанное и пока самъ практическаго навыка не получишь. Между тѣмъ чувствуется, что не знаешь того, что знать долженъ; забывается, что тебя никто этому толкомъ и ясно не училъ; личное самолюбіе тоже входитъ въ игру и кончается въ большинствѣ случаевъ такимъ невысказываемымъ конечно, но твердымъ рѣшеніемъ: лучше не мѣшаться; пусть молъ дѣлаютъ какъ сами знаютъ.

Подчиненными посторонняго рода оружія это чувствуется отлично; и тутъ то является та пошлая фанаберія, которая даже на дѣльныя замѣчанія побуждаетъ въ спеціальности искать предлоговъ къ пустымъ возраженіямъ и отговоркамъ.

Мы сами были свидѣтелями, какъ одинъ артиллеристъ, въ свое оправданіе, открылъ непроходимое препятствіе въ старой, до того заплывшей канавѣ, что черезъ нее можно бы было совершенно безопасно переѣзжать въ ресорномъ экипажѣ рысью; а другой не поставилъ орудій для продольнаго обстрѣливанія углубленной до-

роги, отстоявшей отъ его позиціи не болѣе какъ саженъ на 10, и на замѣчаніе возразилъ, что раздѣленіе батареи затрудняетъ управленіе оною. Вотъ какимъ образомъ и отъ какихъ причинъ самостоятельность, — святѣйшее достояніе каждаго рода оружія, необходимѣйшее условіе для его преуспѣнія, — вырождается во вредную обособленность. Разъ подобная мнимая логика пускается въ ходъ, да еще на ходуляхъ спеціальности, справиться съ нею можно, только показавъ, до чего она нелѣпа; только показавъ, что такого рода промахи не оправдываются никакою спеціальностью, а обнаруживаютъ не болѣе какъ отсутствіе простого здраваго смысла. Но чтобы это показать, нужно знать дѣло; если начальникъ въ состояніи это сдѣлать, его будутъ слушать и будутъ ему вѣрить, не взирая на временное подчиненіе; если же нѣтъ, то и постоянное подчиненіе немного поможетъ....

Командованіе должно быть слѣдствіемъ знанія; но оно, само по себѣ, не можетъ дать знанія. Подчиненіе отдѣльныхъ лицъ можетъ быть основано на одномъ официальномъ авторитетѣ, хоть и то не всегда; подчиненіе коллективныхъ организмовъ коренится прежде всего въ авторитетѣ нравственномъ: въ авторитетѣ характера и знанія дѣла....

Знаемъ мы и другіе примѣры, въ родѣ того, что начальникъ кавалерійской части, получивъ въ завѣдываніе лагерь изъ трехъ родовъ оружія, просилъ освободить его отъ завѣдыванія пѣхотою, ибо совмѣстныя занятія съ нею только стѣсняютъ конницу *).

Думаемъ также, что и артиллерійскій начальникъ, получивъ въ свое завѣдываніе конницу и пѣхоту, почувствовалъ бы себя также, или почти также: нельзя командовать тѣмъ, чего не знаешь. И такъ, кто приглядывался къ этому положенію вопроса о совокупныхъ занятіяхъ и о совокупныхъ дѣйствіяхъ и кто расположенъ приписывать это положеніе недостаткамъ организаціи, а не системѣ обученія, тотъ для послѣдовательности долженъ требовать не одного подчиненія артиллеріи, но и конницы пѣхотнымъ начальникамъ, пѣхоты и конницы артиллерійскимъ начальникамъ, пѣхоты и артиллеріи кавалерійскимъ, на томъ основаніи, что вѣдь не одни пѣхотные, но всѣ безъ исключенія, генералы должны умѣть управлять всѣми родами оружія. Выйдетъ такимъ образомъ круговое подчиненіе, сирѣчь абсурдъ въ смыслѣ постояннаго положенія, но крайне необходимое въ смыслѣ положенія временнаго. Сегодня всѣ три подчиняются пѣхотинцу, завтра кавалеристу,

*) Просимъ вѣрить, что этотъ и нижеслѣдующіе примѣры взяты не изъ головы.

послѣ завтра артиллеристу; тутъ поневолѣ возникнетъ потребность и взаимнаго знанія, и взаимнаго сближенія, и, наконецъ, взаимной уступчивости: между товарищами не всякое лыко въ строку ставится, а между чужими и паутинка за лыко идетъ....

Повторимъ вкратцѣ основные выводы этого разсужденія.

1) Не организація, а родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній, какъ внутреннихъ, между чинами каждаго рода оружія, отдѣльно взятаго, такъ и внѣшнихъ, между различными родами оружія. Организація зависитъ отъ рода занятій, а не наоборотъ. На этомъ основаніи:

2) Обособленность между родами оружія обусловливается системою занятій въ гораздо большей мѣрѣ, нежели организаціею; слѣдовательно и устранена она можетъ быть перемѣною системы занятій, а не перемѣною организаціи. Эта обособленность есть не болѣе, какъ та же самостоятельность, которая необходима для преуспѣнія каждаго рода оружія, но только получившая ненормальное направленіе, вслѣдствіе партикуляризма занятій.

3) Времени, назначаемаго на лагерные сборы, совершенно достаточно для сближенія и укорененія чувства товарищества между различными родами оружія, если только это время будетъ раціонально употребляемо.

4) Въ положеніи начальника дивизіи учиться поздно, а нужно учить другихъ; слѣдовательно,

5) Знаніе пріемовъ употребленія различныхъ родовъ оружія должно предшествовать командованію, а ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предполагаемо, какъ слѣдствіе командованія.

6) Подчиненіе дѣйствительное различныхъ родовъ оружія одному лицу коренится въ авторитетѣ характера и знанія несравненно болѣе, нежели въ авторитетѣ офиціальнаго положенія. Послѣдній авторитетъ есть только внѣшнее освященіе перваго.

3.

Если начальники даннаго рода оружія не любятъ получать подъ свою команду другіе роды; если и эти другіе роды оружія обнаруживаютъ не совсѣмъ полное расположеніе къ подчиненію начальнику не своего рода оружія до такой степени, что находятъ иногда не совсѣмъ приличнымъ даже и то, когда принимая отрядъ, онъ съ ними поздоровается, то что же дѣлать для искорененія столь странныхъ привычекъ? Рѣшеніе этого вопроса совершенно просто и, можетъ быть, по этому оно такъ трудно и проникаетъ въ сознанія.

Изъ книгъ пріобрѣсти окончательное знакомство со всѣми родами оружія, нельзя; учиться на практикѣ не только въ рангѣ начальника дивизіи, но даже и полковаго командира, поздно; слѣдовательно, нужно начинать практическое знакомство съ самостоятельнымъ распоряженіемъ различными родами оружія ранѣе, именно въ рангѣ баталіоннаго командира въ пѣхотѣ, батарейнаго въ артиллеріи, дивизіонера въ конницѣ.

Но этого одного мало; не только начальники распоряжающіеся, но и исполнители, не исключая и солдатъ, должны приглядѣться другъ къ другу, узнать обычаи и, такъ сказать, внѣшній обиходъ другъ друга: какъ становиться относительно другъ друга, какъ вмѣстѣ маневрировать, кто, кому и когда долженъ уступать мѣсто; какъ, наконецъ, другъ друга выручать? Всѣ эти вопросы могутъ и должны получить уставное разрѣшеніе, должны быть обращены всѣмъ войскамъ въ рутину прежде, нежели приступать къ маневрамъ, точно также, какъ обращено въ рутину и предшествуетъ маневрамъ согласованіе движеній и дѣйствій ротъ въ баталіонѣ, баталіоновъ въ полку, орудій въ батареѣ и т. д. Если этого нѣтъ, войска не помогаютъ, а мѣшаютъ другъ другу; они толкаются между собою точно также, какъ толкаются люди въ невыученной ротѣ, въ несъѣзженномъ эскадронѣ *).

Нужно ли говорить, что согласованіе между собою частей различныхъ родовъ оружія только въ зародышѣ; и относятся къ нему если не вездѣ враждебно, то въ большинствѣ случаевъ безразлично, какъ обыкновенно относится человѣкъ ко всему тому, необходимости или пользы чего онъ не сознаетъ или не признаетъ?

А между тѣмъ необходимость его едва ли можно оспаривать. Если нѣсколько ротъ, нѣсколько эскадроновъ, наконецъ нѣсколько орудій, дабы быть въ состояніи совокупно маневрировать и дѣйствовать, должны пройти спеціальныя, направленныя къ этой цѣли, упражненія, то тѣмъ болѣе это необходимо, когда рѣчь идетъ о единицахъ, принадлежащихъ къ различнымъ родамъ оружія. Если тамъ это необходимо пройти въ извѣстной послѣдовательности,

---

*) Не безъинтересно то обстоятельство, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ только даютъ вольно, между людьми начинается перебранка и сваливаніе вины другъ на дружку за взаимныя ошибки, т. е., совершенно то же самое, что бываетъ теперь и между представителями разныхъ родовъ оружія! Между тѣмъ очевидно, что тутъ никто не виноватъ и всѣ виноваты — недостаткомъ практики. Какъ только часть съѣзжена или выучена, этого рода явленія не повторяются, ибо виноватый въ ошибкѣ или толканіи сразу виденъ.

такъ сказать по пріемамъ и съ раздѣленіемъ, начиная съ мелкихъ и кончая болѣе крупными однородными единицами, то тѣмъ болѣе необходимо это въ примѣненіи къ единицамъ разнороднымъ. Вѣдь согласованіе движеній и дѣйствій напримѣръ ротъ, или орудій между собою, представляетъ случаи несравненно болѣе простые, нежели согласованіе движеній и дѣйствій ротъ съ орудіями, орудій съ эскадронами, ротъ съ эскадронами.

До чего эти упражненія необходимы, какъ подготовительные къ маневрамъ, достаточно сказать, что въ число ихъ входитъ показаніе того, что на позиціи пѣхота даетъ мѣсто артиллеріи, что общій начальникъ приказываетъ артиллеріи что̀ обстрѣлять, иногда гдѣ стать, но чѣмъ обстрѣлять—приказывать не долженъ; что при наступленіи стрѣлки ни въ какомъ случаѣ не должны позволить артиллеріи опередить ихъ; что должны всегда оставаться позади ея при отступленіи; что при перемѣнѣ позиціи батареею, ей странно держаться во все время наступленія или отступленія, какъ въ коридорѣ, въ пространствѣ, опредѣляемомъ перпендикулярами, возставленными отъ фланговъ батарей, а можно принимать вправо и влѣво, т. е. передъ пѣхоту, если тамъ есть удобныя позиціи: причемъ пѣхота очищаетъ этотъ раіонъ не ожидая приказанія; что нужно пѣхотѣ умѣть пропускать конницу насквозь себя, и впередъ и назадъ, такъ ловко, чтобы ни конницы не задержать, ни пѣхотинцевъ не передавить; и многое другое узнаютъ люди и начальники изъ подобныхъ ученій, что знать необходимо и чего они теперь не знаютъ.

Эти, и имъ подобные пріемы, которые всѣ здѣсь перечислять не у мѣста, уже и потому сближаютъ оба рода оружія, что способствуютъ совершенно опредѣленной постановкѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Они же способствуютъ и тому, чтобы изъ трехъ тѣлъ, весьма отличныхъ по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ свойствамъ, сложить одно согласованное органическое цѣлое.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, занятій подобнаго рода не существуетъ; каждый родъ оружія занимается самъ по себѣ; затѣмъ ихъ сводятъ сразу вмѣстѣ на маневры и ученія въ болѣе или менѣе значительные отряды, даже и не подумавъ о томъ, умѣютъ ли они становиться одинъ подлѣ другого, ходить одинъ съ другимъ и имѣютъ ли они понятіе о взаимной выручкѣ, однимъ словомъ, не подумавши объ томъ, выработка чего въ каждомъ родѣ оружія отдѣльно, т, е. между однородними единицами, обращаетъ на себя особенное вниманіе и поглощаетъ много времени.

Намъ кажется, пора наконецъ признать, что это послѣднее согласованіе также необходимо, какъ и первое; и только введя

его въ общую систему занятій, можно положить твердыя основанія прекращенію той отчужденности, которая теперь дѣйствительно замѣчается не между двумя какими либо, а между всѣми тремя родами оружія.

Приготовительные отдѣлы согласованія движеній и дѣйствій различныхъ родовъ оружія извѣстны въ военной литературѣ уже давно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже сдѣланы попытки къ примѣненію ихъ. Заключаются эти пріемы въ слѣдующемъ: 1) показъ взаимныхъ обязанностей пѣхоты и артиллеріи, конницы и артиллеріи; пѣхоты, конницы и артиллеріи; 2) сквозныя атаки; 3) ученіе съ боевыми патронами и зарядами; 4) походное движеніе отряда изъ всѣхъ родовъ оружія въ нѣсколькихъ колоннахъ. Самыя названія этихъ отдѣловъ показываютъ, что при занятіяхъ ими получается такая работа съ обща между чуждыми теперь родами оружія, что трудно имъ не сблизиться, не говоря уже о томъ, что послѣ такой работы они выйдутъ на маневры зная то, что должны дѣлать относительно другъ друга.

Послѣ такой подготовки, маневры небольшими отрядами изъ трехъ родовъ оружія, командуемыми баталіонными, батарейными командирами или дивизіонерами, ведутъ еще къ большему сближенію между войсками и къ ознакомленію начальниковъ, принадлежащихъ къ различнымъ родамъ оружія, со всѣми ими. Если сегодня отрядомъ командуетъ пѣхотинецъ, завтра артиллеристъ, послѣ завтра кавалеристъ, фанаберіи мѣста быть не можетъ, ибо всякій въ свою очередь видитъ, что это дѣло взаимное и уразумѣетъ, что оно должно быть взаимнымъ; что подчиненіе временному начальнику должно идти отъ сердца, а не для отбыванія формальности только; что если ты вздумаешь фыркать противъ меня сегодня, то я не упущу случая фыркнуть противъ тебя завтра: ибо фырканье, какъ и благожелательство, дѣло взаимное. Поводы къ пустопорожней критикѣ и къ издѣванью изподтишка исчезнутъ сами собою, ибо каждый увидитъ, что не такъ легко справиться на маневрахъ, какъ кажется со стороны, и что если ты хихикнешь по моему адресу сегодня, то и я не откажу себѣ въ этомъ удовольствіи по твоему адресу завтра.

Нужно ли разъяснять, что при такой постановкѣ занятій рознь должна исчезнуть сама собою, по дорогѣ т. е. безъ спеціальныхъ, направленныхъ къ ея уничтоженію мѣръ, а только вслѣдствіе работы съобща? Нужно ли разъяснять, что начавъ ознакомленіе съ различными родами орудія почти съ производства въ штабъ-офицеры, трудно не пріобрѣсти его до назначенія даже въ полковые командиры (не говоря уже о дивизіонныхъ), возвращаясь къ одному

и тому же каждый годъ? Послѣ всего сказаннаго подобныя разъясненія считаемъ излишними; кто до сихъ поръ не понялъ, что для общенія нужны и занятія съобща, тотъ и впредь этого не пойметъ, не взирая ни на какія разъясненія. Отъ себя прибавимъ только, что видѣли на опытѣ, какъ пропадаетъ рознь отъ занятій, направленныхъ подобнымъ образомъ; какъ подчиненіе, не взирая на то, что оно было временное, являлось полнымъ, искреннимъ, отъ сердца идущимъ, и потому съ убѣжденіемъ говоримъ, что иного пути для ея уничтоженія и для ознакомленія начальниковъ всѣхъ родовъ оружія съ каждымъ изъ нихъ—нѣтъ.

О системѣ обученія стрѣльбѣ.

При настоящемъ значеніи стрѣльбы въ бою, не подлежитъ никакому сомнѣнію необходимость самой раціональной разработки метода обученія военной стрѣльбѣ въ мирное время. Говоримъ «военной», а не просто стрѣльбѣ, ибо это двѣ, далеко не сходныя между собою, вещи. Въ виду этого, методъ обученія стрѣльбѣ, принятый въ другихъ, особенно сосѣднихъ, арміяхъ—дѣло далеко не безразличное и даже весьма интересное. Должно позаимствовать стоющее того; должно остеречься отъ рутинныхъ увлеченій, особенно являющихся подъ маскою боеваго успѣха и какъ бы освященныхъ боевымъ опытомъ. Въ особенности слѣдуетъ остерегаться этихъ якобы «освященій»; не нужно забывать, что подъ покровомъ ихъ проникали во-время-оно такія полезныя боевыя вещи, какъ пукли, косы, пудра, палка.

Передъ нами статья: «Объ обученіи стрѣльбѣ въ прусской арміи» *), составляющая извлеченіе изъ тамошнихъ наставленій для обученія стрѣльбѣ въ цѣль, недавно переработанныхъ. Судя по извлеченію, эти инструкціи представляютъ двѣ рѣзко отличныя одна отъ другой части: голову (элементарное обученіе) старую, а хвостъ (боевая стрѣльба) **) новый и даже, такъ сказать, русскій. Мы считаемъ себя въ правѣ признать хвостъ своимъ потому, что объ этомъ, между прочимъ, заявлено было вскользь и въ одной изъ кореспонденцій изъ Берлина, помѣщенныхъ въ «Русск. Инвал.». Голова же инструкцій — нашъ старый знакомый; это такъ называемая стрѣльба на условія, практиковавшаяся у насъ въ 58-хъ—

*) № 4 „Военнаго Сборника“ за 1876 годъ.
**) Стрѣльба съ неопредѣленныхъ разстояній и ученья съ боевыми патронами.

60-хъ годахъ и затѣмъ брошенная, послѣ того какъ мы познали горькіе плоды ея: горькіе, конечно, съ боевой, а не съ узко-стрѣлковой точки зрѣнія.

Справедливо замѣчаетъ почтенный авторъ извлеченія, что всякую систему обученія стрѣльбѣ слѣдуетъ разсматривать не съ одной чисто стрѣлковой точки зрѣнія, но помнить и обстановку боя, такъ какъ военная стрѣльба и назначается только для боя, а не для достиженія какихъ либо другихъ артистически-стрѣлковыхъ цѣлей. Попытаемся же приложить эту точку зрѣнія къ прусскимъ инструкціямъ и опредѣлить: какія соображенія положены преимущественно въ основу ихъ, собственно элементарной, части: боевыя, или же мирно-стрѣлковыя?

Да не все-ли это равно, навѣрное скажутъ нѣкоторые; вѣдь, чѣмъ лучше часть стрѣляетъ въ мирное время, тѣмъ на лучшій результатъ стрѣльбы можно разсчитывать и въ бою? Чтобы убѣдиться, что это не такъ, просимъ благосклоннаго читателя обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: идеалъ мирной стрѣльбы — тонкая стрѣльба, т. е. техника стрѣльбы на самыя близкія разстоянія, доведенная до возможнаго совершенства. Дѣло становится въ ней уже не такъ, чтобы попасть въ цѣль, но такъ, чтобы попасть въ извѣстную точку цѣли. Отсюда отвращеніе отъ стрѣльбы съ неотмѣренныхъ разстояній, выражающееся въ томъ, что и со старослужащими большая часть патроновъ расходуется на стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній; отсюда же и такіе, напримѣръ, фокусы, прямо вредные съ боевой точки, какъ испытаніе мягкости спуска слѣдующимъ образомъ: взводится ударникъ и ружье ударяется прикладомъ о землю; если при этомъ ударникъ не спускается, признаютъ, что спускъ тугъ. А до того, что, при такой чувствительности спуска, возможны нечаянные выстрѣлы, поклонникамъ тонкой стрѣльбы нѣтъ дѣла. Еслибы не было стыдно, то они, можетъ быть, не прочь были бы потребовать и шнеллера.

Идеалъ боевой стрѣльбы — толковая, снаровистая стрѣльба: умѣть выбрать цѣль, умѣть опредѣлить до нея разстояніе, поставить прицѣлъ; умѣть выбрать мгновеніе для выстрѣла и не прозѣвать этого мгновенія. Не важно, въ какую точку цѣли попасть, лишь бы попасть; но весьма важно ничего не забыть изъ только что указаннаго; и рядомъ съ этимъ быть внимательнымъ къ сигналамъ, командамъ, приказаніямъ; занимаясь непріятелемъ, въ то же время ихъ слышать и исполнять, и смотрѣть затѣмъ, чтобы товарищамъ не мѣшать стрѣлять, и чтобы они тебѣ не мѣшали.

Выстрѣлъ, хотя бы и посредственный, но при которомъ всѣ эти многосложныя условія приняты въ разсчетъ, стоитъ неизмѣ-

римо выше самаго тончайшаго выстрѣла, освобожденнаго отъ принятія ихъ въ разсчетъ; и понимается само собою, что тонкая стрѣльба является при этомъ дѣломъ до такой степени мелочнымъ и ничтожнымъ, что мечтать о ней въ бою по меньшей мѣрѣ странно. Все сказанное даетъ намъ право заключить, что мирная стрѣльба къ боевой находится въ отношеніи всякой техники къ ея употребленію въ соотвѣтствующемъ дѣлѣ. А это отношеніе выражается вообще слѣдующей формулой: умѣнье примѣнить къ дѣлу данныя техническія познанія или искусство, должно быть поставлено выше этихъ познаній или искусства. Это до такой степени вѣрно, что подтверждается жизнью на всякомъ шагу; въ ней дѣло дѣлаютъ не болѣе знающіе, но болѣе искусные въ примѣненіи своего знанія. Хорошо еще, если дѣло такого рода, гдѣ техника и примѣненіе ея безъ особаго ущерба распадаются: литераторъ сочиняетъ, но скверно пишетъ; писарь ничего не сочиняетъ, но хорошо пишетъ; въ данномъ случаѣ они могутъ другъ другу придти на помощь. Но въ стрѣльбѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы одинъ тонко стрѣлялъ, другой думалъ о выборѣ цѣли, третій объ исполненіи сигналовъ, четвертый объ опредѣленіи разстоянія; тутъ всякій солдатъ долженъ быть и писаремъ и сочинителемъ вмѣстѣ. Если это такъ, то всякій безъ труда пойметъ, что пусть лучше не такъ хорошо пишетъ, лишь бы могъ сочинять, чѣмъ наоборотъ. Спора нѣтъ, что техника попаданія въ мишень важна; но дѣло неизмѣримо высшей важности составляетъ способность, выработанная навыкомъ, упражненіемъ, принимать во вниманіе совмѣстно и современно всѣ тѣ многосложныя условія, которыми обставленъ выстрѣлъ въ бою.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ это принято въ разсчетъ въ прусской инструкціи.

Первый принципъ этой инструкціи гласитъ, что преимущественно стрѣльба на близкія разстоянія формируетъ стрѣлка. Совершенно вѣрно; конечно, не выучившись стрѣлять на ближнія разстоянія, нельзя и думать стрѣлять на дальнія; но изъ этого не слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобы умѣющій хорошо стрѣлять на ближнія разстоянія только по этому умѣлъ стрѣлять и на дальнія; не слѣдуетъ также, что то, что хорошо для сформированія стрѣлка вновь, безо всякаго измѣненія хорошо для дальнѣйшаго усовершенствованія стрѣлка, уже сформированнаго. Это то же самое, что возвращать ежегодно къ писанію палочекъ человѣка, уже умѣющаго писать; къ азбукѣ и складамъ человѣка, умѣющаго читать, и выдерживать на этихъ первоначальныхъ упражненіяхъ долѣе, чѣмъ на писаніи и читаніи.

Второй принципъ: люди раздѣляются на разряды: первый разрядъ стрѣляетъ на всѣ дистанціи до 2,240, второй—до 840 шаговъ, третій до 700.

Намъ кажется, что это не вѣрно; и вотъ почему:

Далеко не одно и то же поймать на мушку мишень на 350 шаговъ и, напримѣръ, на 800, а тѣмъ болѣе на 1,500. Тутъ требуются другія привычки глаза, другая установка прицѣла, другое положеніе головы и ствола. При ружьѣ Бердана, напримѣръ, прицѣливаніе на прямой выстрѣлъ (т. е. на 350, 400 шаговъ) требуетъ такого наклона головы, что къ верхнему краю ложи приходится середина щеки; а на 1,500 шаговъ голова поднимается на столько, что подбородокъ приходится надъ этимъ краемъ не менѣе какъ на дюймъ, т. е. остается уже безъ упора. Удержать спокойно въ этомъ положеніи голову, удержать спокойно стволъ подъ значительнымъ угломъ возвышенія, а не въ горизонтальномъ положеніи, поймать, наконецъ, мишень на мушку, уловить минуту для спуска курка—все это, полагаемъ, нѣсколько потруднѣе, чѣмъ соотвѣтствующія дѣйствія на 350 шаговъ, и безъ практики не дается. Принято ли это въ разсчетъ въ прусской инструкціи, по которой стрѣлки 2-го и 3-го разрядовъ «должны (!) умѣть дѣйствовать изъ своего ружья на дальнія разстоянія», но въ этомъ къ практикѣ не допускаются,—предоставляю судить безпристрастному читателю. Кто мало-мальски внимательно занимался съ солдатомъ, тотъ знаетъ, что чего онъ не продѣлалъ, того и не сдѣлаетъ; что требуемыя отъ него манипуляціи должно привить ему, по возможности, такъ, чтобы онъ исполнялъ ихъ почти инстинктивно: условіе въ высшей степени важное для боя, гдѣ даже и то, что продѣлывалось десятки разъ, зачастую выскакиваетъ изъ головы.

По прусской же инструкціи выходитъ, что если солдатъ выдержанъ на легчайшемъ, то трудѣйшее, т. е. стрѣльба съ дальнихъ дистанцій, придетъ у него сама собою. Признаемъ поэтому, что элементарная подготовка къ стрѣльбѣ поставлена въ этой инструкціи безъ соображенія со свойствами человѣка и съ современными боевыми условіями. Въ бою, вѣдь, не одни лучшіе стрѣлки, но всѣ разсыпанные начнутъ огонь съ самыхъ дальнихъ разстояній.

Скажутъ, можетъ быть, что слѣдуетъ на эти разстоянія допускать до стрѣльбы только лучшихъ; во-первыхъ, если это такъ, тогда стрѣлковъ 2-го и 3-го разрядовъ нѣтъ резону высылать и въ цѣпь, пока непріятель не сблизится на такое разстояніе, до котораго они учились стрѣлять; во-вторыхъ, при теперешнихъ

срокахъ службы, когда у васъ въ ротѣ военнаго состава, по крайней мѣрѣ, половина будетъ или отпускныхъ, или молодыхъ, и раздѣленіе-то на разряды не можетъ имѣть серьезнаго военнаго значенія, а представляетъ только учебный пріемъ; въ-третьихъ, въ бою неспокойное состояніе духа на столько уравниваетъ всѣхъ людей (за исключеніемъ избранныхъ), что превосходство стрѣльбы перворазряднаго стрѣлка выразится надъ остальными людьми микроскопической величиной. Сверхъ того, въ зависимости именно отъ состоянія духа, ставить такое требованіе, чтобы человѣкъ, находящійся въ цѣпи, не стрѣлялъ, когда въ него стрѣляютъ, гораздо легче, чѣмъ добиться его исполненія. Нужно къ этому, конечно, стремиться; но основывать обученіе на возможности до этого дойти — странно. Странно въ особенности въ арміи, которая испытала, какъ трудно цѣлыя роты удержать отъ самопроизвольнаго разсыпанія въ цѣпь; и разсыпались онѣ не для одного того, конечно, чтобы только быть въ цѣпи — это ужь само собою разумѣется. Но отчего же допущена такая странная несообразность въ инструкціи арміи боевой и извѣстной послѣдовательностью всего того, что въ ней вырабатывается? Допущено по рутинѣ: оба разобранные принципа не выработаны вновь, а просто взяты безъ критической повѣрки изъ старой инструкціи, составленной еще для прежняго игольчатаго ружья, которое уже и на 800 шаговъ съ грѣхомъ пополамъ стрѣляло. Понятно, что при такомъ ружьѣ можно и должно было налегать на стрѣльбу ближнюю, почти не думая о дальней. Опытъ 1866 и 1870 годовъ не могъ показать прусакамъ ошибочность этого принципа потому, что обѣ кампаніи они сдѣлали именно съ тѣми ружьями, которыя дали поводъ къ его принятію. Но теперь ружье измѣнилось, а принципы остались прежніе, да вдобавокъ поставлены подъ покровительство боевого опыта! Хотя боевой опытъ показываетъ совсѣмъ не то: онъ показываетъ, что не всегда можно разбирать, кого послать въ цѣпь; что всякая часть можетъ быть поставлена въ необходимость стрѣлять на всѣ тѣ дистанціи, которыя допускаетъ ея прицѣлъ, слѣдовательно, должна умѣть и стрѣлять на эти дистанціи; что, въ виду этого, увлекаться идеалами мирнаго совершенства въ техникѣ попаданія въ мишень не только несообразно съ боевой обстановкой, но, попросту говоря, безчеловѣчно, ибо умѣть стрѣлять есть не обязанность, но право солдата, такъ какъ отъ этого зависитъ его жизнь. Имѣемъ ли мы послѣ этого право отказывать ему въ возможности выучиться стрѣлять хотя какъ нибудь на всѣ дистанціи, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не можетъ выучиться стрѣлять хорошо? Чѣмъ онъ виноватъ, что Богъ не одарилъ его

дальнимъ и яснымъ зрѣніемъ, крѣпкими и спокойными руками? Въ бою, вѣдь, вы на это не посмотрите, а вышлете его въ цѣпь; по какому же праву вы поставите его подъ пули врага на такія дистанціи, съ которыхъ отвѣчать на эти пули вы его не приготовили? По нашему посильному убѣжденію, пусть онъ хотя дурно стрѣляетъ, но непремѣнно на всѣ тѣ дистанціи, на которыя вы потребуете отъ него стрѣльбы въ бою. Лишеніе его возможности стрѣлять наравнѣ съ товарищами составляетъ такое же посягательство, какъ невыдача чего либо, слѣдующаго ему по положенію. Что̀ сказали бы о начальникѣ, который отнималъ бы часть пайка отъ людей, у кого желудокъ дурно варитъ, и передавалъ бы ее одареннымъ исправнымъ пищевареніемъ? То же самое, только въ большей мѣрѣ, должно сказать и о тѣхъ, кто пробуетъ примѣнять нѣчто подобное относительно отпуска патроновъ и ограниченія дистанцій, подъ предлогомъ неравенства способностей людей къ стрѣльбѣ.

Но, можетъ быть, процентъ не попадающихъ въ первый разрядъ на столько ничтоженъ, что объ этомъ и говорить не сто̀итъ? Мы не имѣемъ объ этомъ данныхъ изъ какой либо прусской части, а потому по необходимости прибѣгаемъ къ нашимъ собственнымъ, и беремъ ихъ изъ того недавняго прошлаго, когда стрѣльба на условія была принята у насъ.

Въ 1860 году изъ одного стрѣлковаго баталіона, силою въ 904 человѣка, стрѣляя на условія, дошло:

До	1,200	шаговъ —	199	человѣкъ или	22%
»	800	» »	105	» »	12%
»	700	» »	89	» »	10%
»	600	» »	101	» »	11%
»	500	» »	100	» »	11%
»	400	» »	111	» »	12%
»	300	» »	95	» »	10%
»	200	» »	70	» »	8%
Остались на	100	шагахъ	34	» »	4%

Эти цифры достаточно, кажется, говорятъ сами за себя; прибавлять къ нимъ много нечего, особенно въ виду того, что онѣ взяты въ одной изъ лучшихъ частей, составленной притомъ изъ людей, прослужившихъ не менѣе пяти лѣтъ въ строю. Система, которая къ концу курса даетъ полное образованіе только 22% состава, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какія уже болѣе

не повторятся *), не можетъ быть признана соображенною съ боевыми требованіями.

Солдатъ въ первый же годъ службы долженъ пройти всѣ тѣ отдѣлы образованія, примѣненіе которыхъ можетъ отъ него потребоваться въ бою; остальные годы службы утверждаться въ узнанномъ. Но нельзя поручиться за то, что ему всегда дадутъ на ученье годъ и не поставятъ въ необходимость доканчивать образованіе въ бою, гдѣ уже поздно учиться, а нужно дѣйствовать. Принявъ все сказанное въ разсчетъ, поневолѣ скажешь, что система стрѣльбы на условія разсчитана на нескончаемый миръ, на длинные сроки службы и на достиженіе не боевой годности, а мирнаго совершенства, удовлетворяемаго возможно большимъ числомъ пробоинъ въ досчатыхъ или иныхъ мишеняхъ. Правда, что этой послѣдней цѣли она достигаетъ весьма успѣшно, что уже нами было разъ объяснено; не желая повторяться, просимъ интересующихся предметомъ прочесть замѣтку по поводу статьи «О производствѣ испытаній стѣльбы» **).

Изъ остальныхъ основаній, принятыхъ въ прусскихъ инструкціяхъ, нельзя не признать вполнѣ раціональными прохожденія курса стрѣльбы офицерами наравнѣ съ нижними чинами и приведенія мишеней къ размѣрамъ боевыхъ цѣлей; хотя относительно послѣдняго нельзя не замѣтить, что слишкомъ малыя мишени при учебной стрѣльбѣ едва ли удобны, такъ какъ нельзя судить о томъ, въ какой сторонѣ отъ мишени пролетаютъ ближайшія пули; а это весьма не безполезно какъ для соображенія при слѣдующихъ выстрѣлахъ, такъ и потому, что солдату стрѣлять веселѣе, когда онъ слышитъ, что пуля попадаетъ, хотя она ему и не засчитается. Но на боевой стрѣльбѣ меньшія мишени предпочтительнѣе большихъ.

О раціональности упражненій, названныхъ въ прусской инструкціи боевой стрѣльбой, у насъ говорить излишне, такъ какъ они получили примѣненіе въ нашей гвардіи еще съ 1861 года и включены въ наше «Наставленіе», если не ошибаемся, въ 1866 году, т. е. за десять лѣтъ до прусаковъ. Въ Пруссіи принятіе и этихъ упражненій не обошлось безъ педантическихъ классификацій: для линейной пѣхоты одинъ порядокъ ихъ производства, для стрѣлковъ—другой; хотя въ бою этой разницы не будетъ. Здѣсь же нашелъ мѣсто и учащенный огонь, составляющій прямое проти-

*) Ибо въ будущемъ едва ли будутъ попадаться части, въ которыхъ самымъ молодымъ солдатамъ пять лѣтъ службы.

**) Смотри томъ I, стр. 82.

ворѣчіе важнѣйшему принципу тактики огня: именно сбереженію патроновъ.

Что касается до такъ названной «образцовой» стрѣльбы, производимой на дальнія разстоянія людьми только 1-го разряда въ пѣхотѣ, 1-го и 2-го—въ стрѣлкахъ, но въ присутствіи остальныхъ людей, то она немножко похожа на то, какъ если бы кто сказалъ своему товарищу: ты смотри какъ я кушаю, самъ будешь сытъ. Съ одного только того, что видишь какъ другой стрѣляетъ, самъ не выучишься стрѣлять. Если же признано нужнымъ дать хоть понятіе о стрѣльбѣ на дальнія дистанціи, то и спору быть не можетъ о томъ, что это понятіе отъ одного даже выстрѣла, сдѣланнаго самимъ солдатомъ, утвердится въ немъ прочнѣе, чѣмъ отъ сотенъ выстрѣловъ, дѣлаемыхъ передъ нимъ другими.

И такъ, прусскія инструкціи, на нашъ глазъ по крайней мѣрѣ, представляютъ двѣ совершенно несогласованныя между собою половины, изъ которыхъ первая, устарѣвшая, загроможденная массою безполезныхъ мелочей, хотя и мало соображена съ условіями современнаго боя и свойствами человѣка, но является, тѣмъ не менѣе, на столько вліятельною, что при ней вторая половина (боевая стрѣльба) является только въ видѣ уступки, а образцовая — посильнымъ взятіемъ этой уступки назадъ. Сколько намъ кажется, это законоположеніе переходное, которое въ настоящемъ своемъ видѣ не долго, вѣроятно, останется. Прусаки отказались уже отъ строевого педантизма въ виду условій боя; не замедлятъ, вѣроятно, отказаться и отъ педантизма стрѣлковаго, въ виду тѣхъ же условій.

А не слишкомъ ли ужъ самонадѣянно находить недостатки въ инструкціи, принятой въ такой побѣдоносной арміи? Отвѣчаемъ такъ: побѣда представляетъ результатъ совокупности множества условій, а не какого либо одного; слѣдовательно, отправляясь отъ факта побѣды, нельзя еще умозаключать, что въ побѣдившей арміи все непремѣнно должно быть хорошо: и тѣмъ болѣе нельзя, что для одержанія побѣды нужно быть только немного лучше своего противника, а не безусловно хорошимъ во всѣхъ статьяхъ. Изъ того, что прусская армія хороша, еще не слѣдуетъ, чтобы все въ ней было такъ хорошо, что ужъ лучше ничего и придумать нельзя. Пруссофиламъ все сказанное, конечно, покажется самонадѣяннымъ, а можетъ и дерзкимъ; но они больше прусаки, чѣмъ сами прусаки: и доказательство этому то, что прусаки сами мѣняютъ теперь такія положенія, изъ-за которыхъ ихъ приверженцы недавно еще на стѣну лѣзли. Если бы прусаки признавали ихъ хорошими,

то, разумѣется, не стали бы мѣнять. Не разъ уже бывали подобныя увлеченія, и не разъ приводили къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. При Фридрихѣ прусаки всѣхъ били; и современники (масса) поклонялись безъ разбора всему въ прусской арміи, до пудры и палокъ включительно. Нѣтъ нужды, что Ллойдъ скажетъ и докажетъ, что подражаніе внѣшности, формѣ не есть усовершенствованіе; что Суворовъ, въ одну изъ горькихъ минутъ, воскликнетъ: «прусскаго короля били, а меня не били»! Это будутъ только единичные голоса, которые затеряются въ массѣ. Но вотъ начали бить французы прусаковъ и ихъ подражателей—и прусская болѣзнь подражанія замѣняется французскою.

Мы считаемъ поэтому доводъ, столь часто теперь раздающійся: «если въ Пруссіи такъ дѣлается, то должно быть хорошо», неимѣющимъ логическаго основанія, а прусскіе порядки подлежащими критикѣ наравнѣ со всякими другими. Только она можетъ привести насъ отъ того, «что» дѣлается, къ тому, «почему» такъ дѣлается; и если, при разборѣ, этого «почему» не окажется, или же хоть и окажется да пустое, то слѣдуетъ такъ-таки прямо и говорить, что хоть, молъ, и дѣлается такъ въ Пруссіи, да резону этому нѣтъ; значитъ, нѣтъ резону и принимать, хоть бы это дѣлалось и во всемъ свѣтѣ. Въ этомъ слѣдуетъ брать примѣръ съ нихъ же, часто упоминаемыхъ прусаковъ: правильно или неправильно, но они не нашли резона картечницамъ, и не приняли ихъ, не взирая на то, что приняла вся Европа; и такіе они во всемъ.

Считаемъ себя въ правѣ критически отнестись къ разбираемой инструкціи и потому еще, что, какъ мнѣ кажется, въ разработкѣ принциповъ боевой стрѣльбы мы идемъ впереди остальной Европы. — Не правда ли, какая возмутительная самонадѣянность! Да, для тѣхъ, которые увлекаются своими личными симпатіями, это, дѣйствительно, и самонадѣянность, и возмутительная; но тѣ, которые привыкли относиться къ дѣлу безпристрастно, привыкли видѣть въ немъ не предлогъ къ поклоненію заграничнымъ авторитетамъ, а факты, и только факты, тѣ должны признать, что по части боевой, а не артистической стрѣльбы, мы до сихъ поръ шли впереди другихъ, а слѣдовательно и можемъ претендовать быть въ этомъ дѣлѣ компетентными судьями.

Основной недостатокъ разбираемыхъ инструкцій тотъ, что впервые *) они разрабатывались очевидно безъ участія тактиковъ, од-

*) Т. е., не позже, вѣроятно, какъ въ 45-хъ, 50-хъ годахъ. Годъ перваго изданія прусскихъ инструкцій намъ неизвѣстенъ.

ними спеціалистами стрѣлковаго дѣла; только этимъ и можно объяснить себѣ вышеуказанныя увлеченія въ элементарной части и полное забвеніе основательной практики по соединенію выстрѣла съ опредѣленіемъ разстоянія, а затѣмъ и съ маневрированіемъ Пришла пора обратить вниманіе на то и на другое, и начали дѣлать надстройки на старомъ зданіи, не глядя на то, что ни общаго характера въ зданіи, ни пропорціональности между его частями нѣтъ.

А какъ же слѣдовало бы сдѣлать по вашему? Спросятъ читатали, и нѣкоторые, вѣроятно, не безъ иронической улыбки.

По моему слѣдуетъ отправляться отъ уже выставленнаго основного начала, что умѣть стрѣлять есть не обязанность, но право солдата, разъ онъ признанъ способнымъ быть солдатомъ; стрѣлять притомъ на всѣ дистанціи, какія есть у него на прицѣлѣ, до самыхъ дальнихъ. На этомъ основаніи отпускъ патроновъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ вооруженныхъ одинаковыми ружьями, а тѣмъ болѣе одинаковы дистанціи стрѣльбы. Ставя вопросъ иначе, выходитъ, что патронъ и дистанція становятся какъ будто дороже человѣка. Это, разумѣется, не должно вести къ увеличенію общаго количества отпускаемыхъ патроновъ, а только къ уравненію этого отпуска между стрѣлками и пѣхотой. Это, по нашему мнѣнію, и будетъ самое производительное распредѣленіе патроновъ.

Первый годъ налегать на стрѣльбу съ отмѣренныхъ разстояній и на ближнія дистанціи; но все же дойти до самыхъ дальнихъ дистанцій. Начиная со второго года, стрѣльба съ отмѣренныхъ разстояній производится самымъ ограниченнымъ числомъ патроновъ, только для повѣрки прицѣловъ; остальные патроны употребляются для стрѣльбы съ неопредѣленныхъ разстояній и для ученій съ боевыми патронами. Передъ смотрами, для освѣженія привычекъ глаза и пальца, дѣлать повторительную стрѣльбу на дистанцію прямого выстрѣла. На приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія налегать настойчиво и непрерывно.

При такой системѣ боевая стрѣльба займетъ мѣсто, ей подобающее; и не будетъ той несообразности, что изъ-за стремленія утвердиться въ элементарной части дѣла,—въ средствѣ, забываютъ совокупность дѣла—цѣль. Послѣдняго достигнуть труднѣе, чѣмъ перваго; слѣдовательно, на немъ и нужно останавливаться дольше чѣмъ на первомъ. Раздѣленіе на разряды должно быть основываемо на искусствѣ стрѣльбы на всѣ дистанціи, а не служить предлогомъ къ тому, чтобы лишать солдата права проходить полный курсъ стрѣльбы.

Да; но вѣдь тогда не будетъ ни стрѣлковъ, ни линейныхъ, а всѣ будутъ одинаковы? Отвѣтъ на это далъ еще Наполеонъ: не нужно ни линейной, ни легкой пѣхоты; нужна только одна—хорошая пѣхота.

Техника важна, но комбинація выше и важнѣе. Въ словарѣ находятся не только всѣ слова, которыя употреблялъ Гоголь или Пушкинъ, но несравненно больше; и никто, вслѣдствіе этого, не признаетъ словаря геніальнымъ произведеніемъ, ибо только комбинація словъ даетъ геніальныя произведенія, а матеріалъ безъ комбинаціи—«глупому сыну не въ помощь богатство».

Разборъ «инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою».

Измѣненія въ тактикѣ пѣхотнаго боя, вызванныя войною 1870—1871 годовъ, побудили главный комитетъ по устройству и образованію войскъ, весною 1877 года, приступить къ составленію «Инструкціи для дѣйствія пѣхоты въ разсыпномъ строѣ», которая подъ нѣсколько измѣненнымъ, сообразно существу дѣла, заглавіемъ «Инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою» предлагается теперь вмѣстѣ съ объяснительной запиской на обсужденіе людей, интересующихся предметомъ. Считаемъ своимъ долгомъ отозваться на это приглашеніе «Военнаго Сборника».

Начнемъ съ «Объяснительной записки». Мы полагаемъ, что проявленіе нашими войсками въ послѣднюю войну привычекъ, не вполнѣ отвѣчающихъ тактикѣ скорозаряднаго оружія, несправедливо приписано уставу, изданному до франко-германской войны; не говоря уже о томъ, что вторая часть *) этого устава (Ротное ученье) издана въ послѣдній разъ въ 1874 г., т. е. три года послѣ войны, нельзя не замѣтить и того, что дѣло не въ уставѣ, а въ томъ какъ его примѣняютъ при мирныхъ занятіяхъ войскъ. Лучшій уставъ даетъ при формальномъ примѣненіи результаты плохіе; и устарѣлый уставъ, если его примѣнять, постоянно имѣя въ виду мѣсто гдѣ, время когда, непріятеля, противъ котораго деремся,—даетъ результаты хорошіе. Всякій уставъ заключаетъ въ себѣ всегда больше чѣмъ нужно для боя; нужно только знать, что изъ него взять и примѣнить, а слѣдовательно, при надобности, и видоизмѣнить. Все дѣло, слѣдовательно, въ харак-

*) Послѣ устава одиночнаго обученія самая существенная.

терѣ требованій, а не въ уставѣ. Еще Петръ Великій предостерегалъ, что нельзя держаться устава «яко слѣпой стѣны» ибо, пояснялъ онъ, «въ уставѣ порядки писаны, а случаевъ нѣтъ». Играло ли у насъ роль при пользованіи уставомъ это геніальное указаніе—предоставляемъ судить всякому знакомому съ дѣломъ. Что это такъ, достаточно указать на части въ родѣ 4-й Стрѣлковой бригады, которыя учились вѣдь по одному со всѣми прочими уставу, а нельзя сказать, чтобы обнаружили привычки, въ бою неудобныя. Да притомъ тактика огня и не находитъ обыкновенно мѣста въ строевомъ уставѣ; это дѣло наставленій: для стрѣльбы и для дѣйствія въ бою. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на несправедливости этого упрека уставу, ибо отнесеніе какого-либо зла или недостатка не къ настоящей его причинѣ вызываетъ къ устраненію ихъ и мѣры, обыкновенно недостигающія цѣли.

Изысканія, сдѣланныя по стрѣльбѣ въ Австріи и Пруссіи, весьма поучительны; но результаты ихъ имѣютъ полное значеніе только при обученіи стрѣльбѣ въ мирное время; въ «Инструкцію» же, имѣющую предметомъ установить употребленіе огня въ бою, они цѣликомъ перейти не могутъ. Во-первыхъ, при наступленіи, иногда не представится и одного случая для залповъ до самаго столкновенія; во-вторыхъ, подступая къ позиціи, иногда возникаетъ необходимость открыть огонь съ дальняго разстоянія для того, чтобы вызвать огонь непріятеля и по этому судить, хотя приблизительно, о его расположеніи. Въ подобномъ случаѣ что же дѣлать? Ничего другого не остается, какъ выслать рѣдкую цѣпь и открыть одиночный огонь, руководствуясь иногда самыми невѣрными признаками о мѣстѣ расположенія противника, слѣдовательно, не разсчитывая на мѣткость. Въ-третьихъ, легко сказать, что до сближенія на 800 шаговъ одиночнаго огня не открывать; а если противникъ открываетъ его по васъ, начиная съ 2,000 *) шаговъ, и въ то же время не выставляетъ цѣлей для залповъ, тогда что дѣлать? Мы полагаемъ одно: и самимъ открыть одиночный огонь; по крайней мѣрѣ противникъ не будетъ стрѣлять такъ хладнокровно по насъ, какъ стрѣлялъ бы по беззащитной цѣли; возможно же меньшій расходъ патроновъ достигается при этомъ высылкой рѣдкой цѣпи. Беречь патроны можно и должно; но люди имѣютъ болѣе права на сбереженіе, чѣмъ патроны.

И такъ сразу видно, что могутъ быть боевыя положенія, и не рѣдкія, гдѣ залпы на дальнія разстоянія невозможны, а одиноч-

*) Иногда далѣе.

ный огонь необходимъ; и, обратно, что не все неизбѣжное въ бою слѣдуетъ вводить въ мирное обученіе. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, обнаруживается антагонизмъ между пріемами мирной подготовки вооруженной силы и употребленіемъ оной въ бою; антагонизмъ, который постоянно нужно имѣть въ виду при выработкѣ всяческихъ наставленій для войскъ: по подготовленію ихъ, съ одной стороны, по употребленію, съ другой. Не всякій пріемъ, годный въ подготовкѣ, можетъ быть цѣликомъ перенесенъ въ употребленіе; и не все то, что необходимо при употребленіи, годится въ подготовку. Этотъ антагонизмъ — не натяжка; сомнѣвающихся просимъ обратить вниманіе на то, что онъ коренится въ противорѣчіи характера подготовки и употребленія войскъ: актъ подготовки есть актъ развитія, возможнаго сохраненія силы; актъ употребленія есть всегда, неизбѣжно и неминуемо, актъ большаго или мéньшаго истребленія ея...

Если это вѣрно, то вѣрно и то, что въ «Наставленіи для учебной стрѣльбы» можно сказать прямо и рѣшительно: залпъ на всѣ разстоянія, одиночный огонь до 800 шаговъ и не дальше; но въ «Наставленіи для боя» этого такъ рѣшительно далеко сказать нельзя.

Что касается огня опредѣленнымъ числомъ патроновъ, то, по нашему мнѣнію, ему не слѣдуетъ давать мѣста ни въ боевомъ, ни въ учебномъ наставленіи: относительно залповъ и одиночнаго огня это новый видъ огня только по звуку; въ дѣйствительности же это та же одиночная стрѣльба, только торопливая, безпорядочная, и притомъ безконтрольная, ибо повѣрить дѣйствительно ли солдатъ остановится на назначенномъ числѣ патроновъ, невозможно.

Доводы «Записки» въ пользу этого огня не убѣдительны; главнѣйшій изъ нихъ тотъ, что огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ предлагается для случаевъ, когда трудно выдерживать залпы; но въ такихъ случаяхъ еще труднѣе добиться, чтобы солдатъ велъ счетъ патронамъ, которые будетъ назначено выпустить. Слѣдовательно, это будетъ только лишній поводъ къ безтолковой трескотнѣ, которую такъ трудно бываетъ остановить.

Въ числѣ доводовъ есть также ссылка на то, что этотъ огонь принятъ въ арміяхъ германской, австрійской и французской. Это ничего не доказываетъ, при современныхъ шатаніяхъ по вопросамъ огня, кромѣ того развѣ, что тамъ не рѣшаются по рутинѣ отказаться отъ пальбы рядами и замѣнили ее сначала Schnellfeuerомъ, а теперь пытаются замѣнить пальбою опредѣленнымъ числомъ патроновъ. И притомъ ссылка на чужія арміи не аргументъ:

мало ли чего мы не дѣлали по примѣру западной Европы такого, отъ чего потомъ приходилось отказываться, или, не отказываясь, придерживаться съ явнымъ ущербомъ для дѣла? Примѣръ картечницъ у всѣхъ въ свѣжей памяти; предпочтеніе деревяннымъ ножнамъ желѣзныхъ, въ которыхъ оружіе не можетъ быть острымъ, также всѣмъ извѣстно. Если бы мы, не увлекаясь примѣромъ западной Европы, ограничились единственнымъ бывшимъ у насъ родомъ регулярной кавалеріи, т. е. драгунами, въ которыхъ мало по малу обращаются теперь всѣ роды ея, то было ли бы это дурно или хорошо? Говоримъ это не въ судъ или осужденіе, но дабы показать, что фактъ существованія какого либо пріема или учрежденія у другихъ самъ по себѣ ничего еще не значитъ; а значатъ доводы, въ силу коихъ существуетъ пріемъ или учрежденіе: если доводовъ дѣйствительно серьезныхъ не оказывается, а есть только имѣющіе кажущуюся основательность, лучше воздержаться отъ подражанія.

Не можемъ согласиться и съ тѣмъ, будто указаніе цѣлей, по какимъ стоитъ стрѣлять въ бою на различныя дистанціи, должно находить мѣсто не въ «Наставленіи для боя», а въ учебномъ наставленіи для стрѣльбы: это чисто боевое указаніе. Ссылка на то, будто для этого нужно произвести еще спеціальные опыты, имѣетъ только видимую основательность: опыты производятся ежегодно, въ громадныхъ размѣрахъ, и данныя ихъ публикуются: это результаты учебной стрѣльбы.

На основаніи объясненныхъ двухъ причинъ (предполагаемой устарѣлости устава и австро-германскихъ изслѣдованій о свойствахъ огня скорозаряжаемыхъ ружей) комитетъ положилъ:

1) Указать способы широкаго примѣненія въ бою разсыпного строя, сохраненія огня въ рукахъ начальниковъ цѣпи и такого управленія цѣпью, которое дисциплину въ ней приблизило бы къ дисциплинѣ сомкнутаго строя.

2) Указать способы уменьшенія потерь отъ огня и средства предупрежденія, хотя бы въ началѣ боя, перемѣшиванія людей, сдѣлавшагося неизбѣжнымъ къ концу болѣе или менѣе продолжительнаго боя, будто бы вслѣдствіе широкаго примѣненія дѣйствій густыми цѣпями.

Что до широкаго примѣненія въ бою разсыпного строя, то въ этомъ комисія дальше устава идти не можетъ, ибо и онъ допускаетъ разсыпаніе хоть цѣлой роты, т. е. не оставляя сомкнутаго резерва. Единственное и, по нашему мнѣнію, нераціональное измѣненіе въ нормахъ устава, предлагаемое комисіею, заключается въ томъ, чтобы сразу высылать густыя цѣпи. Если припомнимъ,

что она, вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ одиночнаго огня ранѣе сближенія съ противникомъ на 800 шаговъ, то и окажется, что эти густыя цѣпи при наступленіи будутъ имѣть только одно послѣдствіе—увеличеніе потерь отъ огня непріятельскаго, т. е. находятся въ прямомъ противорѣчіи съ желаніемъ комитета указать способы уменьшенія таковыхъ потерь.

Мотивировано это предпочтеніе густымъ цѣпямъ тѣмъ, что усиленіе цѣпи подъ огнемъ въ сферѣ сильнаго ружейнаго огня ведетъ къ большимъ потерямъ въ усиливающихъ частяхъ. Во-первыхъ, никто не мѣшаетъ эти части вводить въ цѣпь разсыпанными; во-вторыхъ, опасеніе это имѣло бы тогда основаніе, если бы резервы до конца боя не перемѣняли мѣста; но вѣдь рано или поздно, а неминуемо, они пройдутъ то же самое пространство, которое прошли бы для усиленія цѣпи; и немного ранѣе, немного позже пройти его — не все ли это равно? Или можетъ быть непріятель по усиливающимъ цѣпь частямъ стрѣляетъ, а по наступающимъ резервамъ нѣтъ? Въ-третьихъ, изъ двухъ неудобствъ: идти безъ выстрѣла въ густой цѣпи подъ огнемъ противника не менѣе 1,200 шаговъ (т. е. отъ 2,000 до 800 шаговъ), дабы избѣжать усиленія ея въ 600—500 шагахъ отъ непріятеля, или же идти въ рѣдкой цѣпи со стрѣльбой и затѣмъ усилить ее въ 500—600 шагахъ, хотя бы и рискуя понести потери,—всѣ бывшіе въ дѣлѣ навѣрное предпочтутъ послѣднее. Предпочтутъ тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ цѣпь иногда залегаетъ такъ, что и поднять-то ее можно не иначе, какъ усиливъ свѣжею частью. Слѣдовательно, воображать, будто усиленіе цѣпи подъ дѣйствительнымъ огнемъ можно устранить, есть не болѣе какъ мечта неосуществимая.

И такъ, съ какой стороны ни разбирать предложеніе сразу высылать густую цѣпь, оно, по нашему мнѣнію по крайней мѣрѣ, кромѣ невыгодъ, ничего не представляетъ; мы полагаемъ даже, что при этомъ предложеніи имѣлось гораздо болѣе въ виду оставленіе людей въ привычномъ порядкѣ, нежели какія либо соображенія, выведенныя изъ тщательнаго анализа боевыхъ явленій.

Комитетъ, очевидно, придаетъ большое значеніе соблюденію сказаннаго порядка; мы же не придаемъ ему никакого значенія, и непридаемъ потому, что въ боевой линіи соблюденіе его является не болѣе какъ исключеніемъ, да и то мимолетнымъ. Нужно припомнить, что этотъ порядокъ нарушаютъ, во-первыхъ, потери не только въ людяхъ, но, что важнѣе, въ начальникахъ; ибо не важно, если человѣкъ не придется на своемъ привычномъ мѣстѣ въ цѣпи, но весьма важно, командуетъ ли имъ его отдѣленный, взводный, или же чужой. Соблюденію этого важнѣй-

шаго условія непріятельскія пули и гранаты ставятъ препоны неодолимыя. Во-вторыхъ, напрасно думаютъ, будто перемѣшиваніе людей сдѣлалось неизбѣжнымъ, вслѣдствіе широкаго приложенія дѣйствій густыми цѣпями; вовсе нѣтъ: это всегда было и всегда останется нормальнымъ характеристическимъ явленіемъ боя. Если это было забыто, то просто вслѣдствіе увлеченія стройностью движенія, т. е, желаніемъ во что бы то ни стало, вездѣ и всегда, соблюсти привычный порядокъ. Разумѣется, въ бою этого все таки не достигали; и выходило, что людей въ мирное время учили вовсе не тому, что ихъ ожидало въ военное. Поддержки, вступая въ боевую линію, не могутъ не перемѣшаться съ людьми, ее составляющими. Въ бою перемѣшиваются не роты, а баталіоны, полки, дивизіи, иногда корпуса. Вотъ нормы, общее правило; а сохраненіе привычнаго порядка, какъ уже сказано, исключеніе и притомъ мимолетное. Если это такъ, то мы недоумѣваемъ, отчего такая забота объ исключеніи, и такое невниманіе къ общему и неизбѣжному? Мнѣ кажется раціональнѣе выдерживать и людей, и начальниковъ такъ, чтобы они были готовы болѣе къ послѣднему, нежели къ первому. Усиливаясь внушить имъ заботу о возможности сохраненія того, что разлетается впрахъ почти при первомъ выстрѣлѣ, мы намѣренно приготовляемъ имъ самую грустную неожиданность почти съ первымъ шагомъ въ бой.

И потому полагаемъ, что способъ усиленія цѣпи, установленный нашимъ уставомъ раціональнѣе, нежели забота о соблюденіи недостижимаго привычнаго порядка; слѣдовательно, этого способа лучше не трогать, а упрочить его тѣмъ, чтобы воспитывать всѣхъ начальниковъ, начинал съ отдѣленныхъ, въ той мысли, что они командиры не только извѣстныхъ людей, но еще прежде и главнѣе, извѣстнаго участка позиціи, т. е. должны требовать повиновенія отъ людей, попавшихъ на ихъ участокъ, къ какой бы части тѣ ни принадлежали; и добиваться отъ нихъ повиновенія во что бы то ни стало. Возстановленіе значенія начальниковъ мелкихъ подраздѣленій въ строю, къ которому стремится и комитетъ, и въ чемъ онъ встрѣтитъ полное сочувствіе во всѣхъ понимающихъ дѣло,—вотъ основа соблюденія порядка, въ бою возможнаго; порядка, заключающагося не въ томъ, чтобы мысль каждаго солдата была развлекаема заботою о сохраненіи своего мѣста по строевому разсчету, а въ томъ, чтобы онъ дѣлалъ свое дѣло, куда бы ни попалъ, и слушался бы того, къ кому подъ команду попалъ.

Остановка послѣ атаки, подъ предлогомъ приведенія части въ порядокъ, отстаиваемая «Объяснительною запискою», представляетъ совѣтъ, укорененіе коего въ понятіяхъ войскъ нежелательно. Ду-

маемъ такъ потому, во-первыхъ, что этотъ совѣтъ отвѣчаетъ затаенной мысли всякаго исполнителя *) остановиться скорѣе раньше, чѣмъ позже. Во-вторыхъ, стремленіе впередъ послѣ удачи имѣетъ неодолимую силу; правда, мы разстроены; но непріятель, котораго мы сбили, разстроенъ еще больше: остановимся устраиваться мы, вѣдь онъ сдѣлаетъ то же самое. Позволить ему этого нельзя, не должно.

Мы бы поняли остановку, если бы «Инструкція» имѣла въ виду большіе отряды; но вѣдь она далѣе дѣйствій роты и баталіона не идетъ. Если у насъ, атакующихъ, рота или баталіонъ, то у непріятеля, который противъ нихъ оборонялся, силы такія же, а можетъ и меньшія **); и предполагать у него резервъ, когда у насъ его нѣтъ, въ этомъ случаѣ значитъ просто создавать себѣ призраки и передъ ними останавливаться.

И потому для мелкихъ частей обратный принципъ будетъ вѣрнѣе: чѣмъ часть, отдѣльно дѣйствующая, меньше, тѣмъ она должна дѣйствовать рѣшительнѣе до атаки и еще болѣе рѣшительно послѣ оной. Такая постановка вопроса обусловливается именно современной силой огня, вслѣдствіе которой атакующій можетъ наверстать свои потери только безостановочнымъ преслѣдованіемъ сбитаго противника. Разстройство же части послѣ атаки можно устранить тѣмъ, если послѣ всякой атаки въ мирное время, первое вниманіе будетъ обращено прежде всего на то, чтобы часть немедленно приходила въ порядокъ. Суворовскій пріемъ сквозныхъ атакъ тѣмъ и великъ, что притягиваетъ вниманіе не только начальниковъ, но и людей къ возстановленію порядка немедленно послѣ атаки.

Отказаться отъ преслѣдованія можно только въ двухъ случаяхъ:

1) Если за выбитою частью открываются свѣжія силы; но, какъ уже сказано, этотъ случай къ разбору дѣйствій роты или баталіона не идетъ, хотя и можетъ быть оговоренъ, какъ исключеніе, оттѣняющее общее положеніе.

2) Если позиція такъ важна, что овладѣніе ею и удержаніе въ нашей власти составляли единственную цѣль атаки. Въ этомъ случаѣ начальникъ передъ атакою предупреждаетъ людей, чтобы они, взявъ позицію, утвердились на ней, не увлекаясь преслѣдованіемъ.

---

*) Бываютъ исключенія; но «Уставы» и „Наставленія“ должны имѣть въ виду большинство, а не исключенія.

**) Если бы онѣ были больше, чѣмъ у насъ, тогда, вѣроятно, онъ бы наступалъ, а мы бы оборонялись.

Предложеніе останавливаться послѣ удачной атаки «Объяснительная записка» подкрѣпляетъ ссылкою на слова покойнаго генерала Геймана: «когда атакуемый пунктъ занятъ, то переднія (нашъ курсивъ) атакующія войска такъ будутъ разстроены, что дальнѣйшее преслѣдованіе ими (курсивъ записки) непріятеля будетъ не только безполезно, но и вредно». По нашему мнѣнію, изъ приведенныхъ словъ ясно видно, что генералъ Геймань разумѣлъ силы больше одного баталіона, ибо если онъ говорилъ о переднихъ, то значитъ предполагалъ существованіе и заднихъ. Слѣдовательно, эта ссылка къ дѣлу не идетъ.

«Объяснительная записка» возстаетъ противъ отступленія перебѣжками *) по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) такой способъ отступленія будто бы замедляетъ его. Это не вѣрно, ибо скорость движенія при этомъ не будетъ менѣе скорости наступленія непріятеля, а бо̀льшаго и не требуется. Но если отступать шагомъ, да еще безъ стрѣльбы, — какъ то пытается установить «Инструкція»,—а непріятель будетъ наступать перебѣжками, то онъ, конечно, насъ нагонитъ; нагонитъ тѣмъ легче, что главное, что его удерживаетъ на почтительномъ отъ насъ разстояніи, т, е. стрѣльба, не допускается «Инструкціею» при отступленіи.

2) «Отступленіе можетъ легко (?) обратиться въ отступленіе всею цѣпью, вопреки распоряженію начальства,—слѣдовательно, въ отступленіе безпорядочное». Это предположеніе, высказанное въ «Объяснительной запискѣ» такъ категорически, не опирается ни на факты, ни на доводы. Почему отступленіе можетъ начаться всею цѣпью вопреки начальству, если оно исполняется не подъ натискомъ, а люди хоть во что нибудь ставятъ начальство, недоумѣваемъ. Мы знаемъ, напротивъ, тотъ фактъ, что люди въ бою имѣютъ наклонность исполнять то, что имъ обращено въ рутину въ мирное время; знаемъ и то, что при всѣхъ трудныхъ движеніяхъ (а отступленіе самое трудное изъ нихъ) всегда слѣдуетъ исполнять ихъ подъ прикрытіемъ части, остающейся на мѣстѣ— это единственный залогъ на успѣхъ; и что въ ротѣ это условіе исполнимо только однимъ способомъ, т. е. отступленіемъ цѣпи не иначе, какъ по частямъ и, слѣдовательно, принятіемъ перебѣжекъ, дабы скорость нашего движенія была не меньше непріятельской.

Принявъ это въ расчетъ, станетъ ясно, что изъ способовъ отступленія, предлагаемыхъ комитетомъ, первый дѣйствительно можетъ

---

*) Не подъ непосредственнымъ натискомъ непріятеля.

повести къ безпорядочности, ибо всѣ отступаютъ разомъ, да еще безъ стрѣльбы; а второй (занимать позицію въ тылу и на нее отступать) можетъ быть примѣненъ не менѣе какъ въ баталіонѣ: но и въ этомъ случаѣ отступать перебѣжками, а иногда даже бѣгомъ *), выгоднѣе: резерву — для того, чтобы скорѣе занять новую позицію; боевой части — для того, чтобы быстрѣе очистить фронтъ этой позиціи. По крайней мѣрѣ этотъ «непрактичный» способъ отступленія рекомендуетъ Бюжо; и рекомендуетъ не изъ головы, а изъ опыта войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. А Бюжо человѣкъ весьма авторитетный именно въ деталяхъ пѣхотной работы.

Но отстаивая отступленіе перебѣжками, мы этимъ не хотимъ сказать, что иначе какъ перебѣжками и отступать нельзя. Конечно, если непріятель наступаетъ вяло, намъ нѣтъ резона утомлять людей перебѣжками, а слѣдуетъ отступать шагомъ; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не иначе какъ со стрѣльбой, т. е. не всѣмъ разомъ, а участками.

Разобравъ записку, мы разобрали и главныя положенія «Инструкціи», и потому собственно объ этой послѣдней намъ остается сказать нѣсколько словъ. Въ виду того, что она имѣетъ чисто практическій характеръ, т. е. назначается для руководства войскамъ при обученіи и дѣйствіи, а не есть теоретическое изслѣдованіе, редакція ея оставляетъ желать многаго. Въ такой работѣ точность и ясность указаній первое дѣло; а общія разсужденія въ большей части случаевъ не даютъ войскамъ ни малѣйшаго, сколько нибудь полезнаго указанія. Кромѣ того, вопросы мирной подготовки должны быть отдѣлены отъ боевыхъ указаній и развиты такъ, чтобы всякій желающій могъ уразумѣть не только то, что нужно дѣлать, но и какъ дѣлать. Съ этой точки зрѣнія «Инструкція» представляетъ трудъ далеко неполный.

О подготовкѣ начальниковъ сказано, чѣмъ они должны быть; но и намека нѣтъ на то, какъ сдѣлать, чтобы они таковыми стали; пропущено даже такое существенное указаніе, что для постановки каждаго начальника на должную ногу, при мирныхъ занятіяхъ необходимо, чтобы ротный командиръ распоряжался ротою въ строю не иначе, какъ черезъ взводныхъ; взводный распоряжался взводомъ не иначе какъ черезъ отдѣленныхъ. А между тѣмъ это единственное средство воспитать тѣхъ и другихъ въ боевомъ смыслѣ, т. е. вывести изъ того пассивно-безучастнаго положенія, къ которому они теперь приведены въ строю. Это тѣмъ

---

*) Просимъ помнить, что мы все время говоримъ объ отступленіи не подъ натискомъ.

болѣе важно, что именно по этой части у насъ водворились привычки гораздо болѣе вредныя и опасныя, нежели тѣ, на которыя указываетъ «Объяснительная записка»: кому неизвѣстно, что приказанія въ большинствѣ частей всегда отдаются, минуя этихъ посредствующихъ начальниковъ? И кто не согласится, что такой способъ передачи фактически отрицаетъ значеніе помянутыхъ начальниковъ?

Относительно подготовки частей мы находимъ только летучія указанія о необходимости на мирныхъ ученьяхъ перемѣшивать иногда людей, практиковать замѣну начальниковъ, давать при движеніи точку направленія впереди; но какъ это дѣлать—не сказано ни слова. А между тѣмъ, все это вещи совершенно новыя, совершенно идущія въ разрѣзъ установившейся рутинѣ: дабы и ихъ обратить въ рутину, нужны указанія, на столько наглядныя, чтобы ихъ могъ примѣнить на ученьяхъ если не всякій, то хоть человѣкъ съ толкомъ и доброй волей. Если подобныхъ указаній не сдѣлать, все написанное такъ и останется написаннымъ только. Не можемъ не замѣтить, что даже и сдѣланныя указанія имѣютъ чисто случайный характеръ: весьма многое изъ пріемовъ мирнаго обученія, не менѣе, если не болѣе, важное попавшаго въ инструкцію, пройдено молчаніемъ, какъ: пріемы подготовки къ атакѣ пѣхоты и ко встрѣчѣ конницы.

Но отсутствіе обстоятельныхъ указаній относительно мирной подготовки можетъ быть вознаграждается обстоятельной выработкой боевыхъ указаній? Къ сожалѣнію, и этого сказать нельзя. Есть неточности и недомолвки, могущія подать поводъ къ недоразумѣніямъ; есть важнѣйшія указанія, которыя высказаны въ такой общей формѣ, что не могутъ врѣзаться въ сознаніе.

Такъ, на первой же страницѣ (34-я, «Воен. Сборн.») *) находимъ: «Для обезпеченія отъ нечаяннаго нападенія на фланги. въ стороны открытыхъ фланговъ высылаются небольшіе патрули»... подъ «открытыми флангами» принято всѣми разумѣть открытую мѣстность на флангахъ; а подъ «закрытыми»—закрытую, т. е. лѣсъ, кусты, волнообразную мѣстность и т. п. Выходитъ, слѣдовательно, по «Инструкціи», что патрули не высылаются именно на тѣ фланги, которые освѣтить нужнѣе всего. Предлагаемъ читателю представить себѣ мысленно: къ чему можетъ привести подобное указаніе въ войскахъ? Мы нисколько не сомнѣваемся ни въ компетентности членовъ комисіи, ни въ томъ, что у нихъ и

*) Далѣе будемъ ставить страницы „Военнаго Сборника“.

въ мысли не было предлагать подобную несообразность, но останавливаемся на этомъ только для того, чтобы показать до какой степени важна строгая точность редакціи въ работѣ, предназначенной для войскъ. Подобныя работы необходимо писать такъ, чтобы ни одного слова, а тѣмъ болѣе выраженія, на двое понять было нельзя.

Далѣе, на стр. 4-й сказано: «Начальники строго должны слѣдить затѣмъ, чтобы во время боя никто изъ находящихся въ строю не оставлялъ строя, подъ предлогомъ выноса раненыхъ». А подъ предлогомъ мнимой раны, подъ предлогомъ разстрѣла патроновъ можно оставлять? Эти два предлога (а ихъ можетъ быть много) показываютъ, что это, въ высшей степени важное, предписаніе выражено неполно; выражено потомъ не довольно опредѣлительно и безъ указанія на то, какъ поступить, если попадется такой, который будетъ уходить, не взирая на запрещеніе? Въ войсковой инструкціи набрасываніе покрововъ на вещи, коробящія въ спокойномъ состояніи духа, неумѣстно: нужно, чтобы всякій зналъ ясно какъ долженъ поступать; и чего долженъ ждать, если не будетъ такъ поступать.

Стр. 57, 58, въ статьѣ о стрѣльбѣ съ неодинаковой установкой прицѣловъ, какъ и вообще въ стрѣльбѣ залпами на дальнія разстоянія, упущено довольно важное условіе, безъ котораго эта стрѣльба обращается въ турецкую: именно, чтобы была опора ружью.

Въ наступленіи резерва упущено указаніе на пользу перебѣжекъ отъ закрытія къ закрытію групами, а не всѣмъ сомкнутымъ строемъ разомъ.

Нигдѣ не оговорено о возможно осмотрительномъ расходованіи резерва; а это крайне необходимо при современномъ стремленіи къ тому, чтобы поскорѣе «растаять» въ цѣпи. И нужно пояснить, почему важно такое сбереженіе резерва; распространиться объ этомъ не только умѣстно, но необходимо: ибо распространяться, напримѣръ, о силѣ современнаго огня, о «трудности» наступленія и отступленія,—безполезно; это всякій уразумѣетъ и безъ объясненія; да притомъ «Инструкція» имѣетъ въ виду научить преодолѣвать эти трудности, а не пугать ими войска; а распространиться о важности сбереженія резерва необходимо потому, что это знаютъ весьма немногіе; всякаго, напротивъ, тянетъ и самого попасть поскорѣе въ цѣпь и забыться въ шумѣ и суматохѣ непосредственнаго участія въ бою *).

---

*) Тутъ дѣло въ томъ, чтобы вооружить человѣка на борьбу со своими собственными инстинктами въ тѣхъ случаяхъ, когда инстинкты тянутъ его сдѣлать

Во встрѣчѣ кавалеріи не оговорено важнѣйшаго, именно того, что̀ дѣлать въ случаѣ прорыва; не оговорено также, что, встрѣчая конницу, нужно перемѣнить фронтъ перпендикулярно направленію атаки; иначе невозможно будетъ стрѣлять. Не оговорено, что дистанціи 400 и 240 шаговъ для частей, на которыя непосредственно идетъ атака,—предѣльныя; а лучше подпускать конницу на 200 и даже 150 шаговъ и затѣмъ давать залпъ.

Въ статьѣ «прикрытіе артиллеріи и атака ея» оговорены обязанности пѣхоты при расположеніи на мѣстѣ и при атакѣ на артиллерію; а о томъ, что пѣхота должна дѣлать относительно артиллеріи на ходу, ничего не сказано. «Объяснительная записка» говоритъ, что коммисія ограничилась этимъ, не касаясь совокупныхъ движеній пѣхоты и артиллеріи. Почему она полагала, что рота и баталіонъ при расположеніи на мѣстѣ должны знать свои обязанности относительно артиллеріи, а на ходу нѣтъ—пройдено молчаніемъ. Мы съ своей стороны полагаемъ, что подобное раздѣленіе предмета, по существу составляющаго одно цѣлое, основанія не имѣетъ.

Къ концу «Инструкціи» приложенъ «очеркъ наступленія и атаки», что весьма цѣлесообразно. Конечно, въ немъ повторена погрѣшность, существующая и въ «Инструкціи», будто при

прямо противоположное тому, что нужно для дѣла. Это предполагаетъ необходимость яснаго въ войсковой инструкціи указанія на тѣ проявленія дѣятельности Воли, въ которыхъ она должна подавлять инстинктъ самосохраненія, подталкивающій умъ на разныя некрасивыя рѣшенія. Возьмемъ, напримѣръ, положеніе: „современный огонь страшенъ, слѣдовательно достиженіе указываемыхъ цѣлей теперь трудно и иногда невозможно;“ обращаясь къ войскамъ, лучше и вѣрнѣе сказать такъ: „достиженіе указанной цѣли для войскъ всегда возможно, какъ бы огонь ни былъ страшенъ.“ Кажется и тема одна, и слова тѣ же; но какая громадная разница въ смыслѣ, отъ того или другого уклада словъ въ фразу! Въ первомъ укладѣ вниманіе притягивается къ страхамъ и затрудненіямъ, а цѣль оттѣсняется на задворки; во второмъ цѣль становится на подобающую ей высоту, а затрудненіямъ отводятся, какъ и должно, задворки. И намъ ли, перевалившимъ Альпы, Балканы, полонившимъ безъ артиллеріи, съ меньшими силами, шипкинскую армію, не признавать вѣрности и предпочтительности послѣдней редакціи передъ первой? Не даромъ нашъ великій народъ создалъ глубокую въ своей непосредственной мудрости поговорку: „глазамъ страшно, рукамъ не страшно“. Человѣкъ расположенъ обыкновенно все мѣрить по себѣ, т. е. прилагать къ массовымъ явленіямъ точку зрѣнія, которая вѣрна только въ примѣненіи къ индивидууму, да и то не всегда. Положимъ, онъ добивается въ одиночку какой либо боевой цѣли; его убили, дѣло кончено, цѣль не достигнута: отсюда выводъ, что „противъ огня ничего не подѣлаешь“. Но въ массѣ не то: ибо убить человѣка можно, но убить не только большой отрядъ, а и роту даже, нельзя. Во всякомъ человѣкѣ есть запасъ такой страшной силы, о которой онъ и не подозрѣваетъ, пока не поставленъ въ необходимость ее проявить: доказательство этому—нервно больные; ихъ, безсильныхъ въ обыкновенномъ состояніи, не могутъ удержать три-четыре сильныхъ человѣка во время припадка. Эту-то силу, непостижимую и игнорируемую въ спокойномъ состояніи, и нужно помнить въ войсковыхъ инструкціяхъ и говорить о ней, ибо сама она нѣма: ея языкъ—дѣла.

сближеніи съ непріятелемъ на 800 шаговъ цѣпь должна имѣть уже свою окончательную густоту, что, какъ выше объяснено, не отвѣчаетъ происходящему въ бою. Кромѣ того, въ послѣднемъ пунктѣ не оттѣнено: когда бой «наступленіе» долженъ переходить въ бой «къ атакѣ». А это оттѣнить необходимо, и даже съ нажимомъ, ибо въ войскахъ часто смѣшиваютъ эти два боя.

Этотъ «очеркъ» названъ приложеніемъ къ «Инструкціи для дѣйствія пѣхоты въ разсыпномъ строѣ», что, по недосмотру конечно, не отвѣчаетъ заголовку самой «Инструкціи».

Не можемъ не замѣтить также, что не видимъ причины прибѣгать къ иностранному слову «Инструкція», когда есть совершенно отвѣчающее ему русское «Наставленіе».

Въ заключеніе считаемъ дѣломъ настоятельной необходимости подумать о разграниченіи «Строевыхъ Уставовъ» отъ наставленій. Въ этихъ работахъ желательно бы было встрѣчать строгое разграниченіе въ томъ смыслѣ, чтобы уставныя правила не попадали въ наставленія и обратно; чтобы пріемы мирной подготовки къ бою не перемѣшивались съ чисто боевыми указаніями. Въ разобранной Инструкціи встрѣчаются данныя всѣхъ трехъ категорій въ перемежку; такъ, напримѣръ, правила наступленія и отступленія цѣпи — уставная данная; правило о наблюденіи затѣмъ, чтобы никто не оставлялъ рядовъ во время боя — чисто боевое указаніе; совѣты перемѣшивать на ученьяхъ людей, мѣнять начальниковъ, и тому подобное, относятся прямо къ мирной подготовкѣ войскъ т. е. представляютъ указаніе характера инструкціоннаго.

Наука побѣждать Суворова.

Предисловіе.

Приказы и инструкціи Суворова австрійской арміи въ 1799 году и его «Наука побѣждать» останутся вѣчно поучительными для понимающихъ ту истину, что успѣхъ на войнѣ и въ бою зависитъ главнѣйше отъ хорошаго нравственнаго состоянія войскъ. Они поучительны тѣмъ въ особенности, что не ограничиваются однимъ признаніемъ этой истины, но и указываютъ на многіе пріемы, при помощи которыхъ нравственное состояніе войскъ можно поднять до возможно высокаго уровня. Что эти пріемы были вѣрны, доказала армія, воспитанная Суворовымъ: для нея неожиданностей не существовало; она не могла быть застигнута врасплохъ; она, наконецъ, отличалась духомъ такого высокого упорства, что въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ не только не падала духомъ, но не допускала даже мысли, что можетъ не побить врага. Суворовъ такъ училъ войска, что, по замѣчанію одного изъ современниковъ, они въ день сраженія не встрѣчали ничего новаго, и атаковали холоднымъ оружіемъ въ дѣлѣ, какъ дѣлали это на маневрахъ. При такомъ громадномъ значеніи твореній Суворова въ дѣлѣ воспитанія и образованія войскъ, мы рѣшились предложить новое изданіе этихъ твореній, прибавивъ къ нимъ переложеніе тѣхъ мѣстъ, которыя сразу кажутся невразумительными. Въ видахъ поясненія же, сочтено нелишнимъ предпослать Суворовскимъ приказамъ и наукѣ переводъ тѣхъ страницъ Дюбокажа, гдѣ онъ описываетъ сквозныя атаки, какъ онѣ дѣлались при Суворовѣ.

Отрывокъ изъ сочиненія Дюбокажа: Precis Historique sur le Maréchal Souworow.

«Военное искусство для одиночнаго солдата, или офицера, заключалось, по мнѣнію Суворова, въ быстротѣ исполненія, и въ неустрашимости, не останавливаемой никакими препятствіями: военныя добродѣтели, которыя должно вѣнчать слѣпое повиновеніе.

Для достиженія быстроты и неустрашимости нужно было, по его убѣжденію, освоить войска съ явленіями войны посредствомъ маневровъ, до того близкихъ къ дѣйствительности, чтобы солдатъ смотрѣлъ на настоящую атаку не болѣе какъ на маневръ.

Вслѣдствіе этого, и вѣрный своей любимой тактикѣ—не ждать атаки, но всегда атаковать самому,—Суворовъ всѣ маневры заканчивалъ свалкой. Части, какой бы онѣ ни были силы, дѣлились для этого на двѣ стороны.

Эти стороны, поставленныя на нѣкоторой дистанціи другъ отъ друга, строились развернутымъ строемъ или въ колонны, болѣе или менѣе глубокія; затѣмъ онѣ единовременно начинали движеніе. По сближеніи шаговъ на сто, каждый начальникъ командовалъ что нужно для атаки, которую пѣхота исполняла бѣгомъ, а кавалерія въ галопъ *). Иногда пѣхота атаковала кавалерію, ружья на руку, между тѣмъ, какъ эта послѣдняя скакала ей на встрѣчу. Иногда пѣхота ожидала кавалерію на мѣстѣ, не открывая огня ранѣе, какъ по сближеніи послѣдней шаговъ на 20.

Прохожденіе линій или колоннъ, одной сквозь другую, исполнялось не такъ, какъ это принято въ другихъ европейскихъ арміяхъ, т. е., въ интервалы, образуемые вздваиваніемъ частей, выстраиваемыхъ вслѣдъ за тѣмъ: маневръ, обыкновенно употребляемый при смѣнѣ линій подъ огнемъ непріятеля, но вовсе не соотвѣтствующій Суворовской атакѣ, о которой здѣсь рѣчь.

Эта атака была дѣйствительная свалка, какая происходитъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Она производилась обѣими сторонами, атакующими другъ друга съ фронта,—все равно стояли ли онѣ въ развернутомъ строѣ или въ колоннахъ—среди огня пѣхоты и артиллеріи, при крикахъ ура! повторяемыхъ всякимъ пѣхотинцемъ и кавалеристомъ. Офицеры кричали при этомъ: руби! въ штыки!

Ни одна часть въ моментъ свалки не смѣла ни принять въ сторону, ни замедлить движеніе. Пѣхота шла на

*) Т. е. въ карьеръ.

пѣхоту бѣгомъ, ружье на руку, и только въ моментъ встрѣчи поднимала штыки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый солдатъ, не останавливаясь, принималъ слегка вправо, отчего происходили небольшіе интервалы, въ которые люди протискивались, и одна сторона проходила насквозь другой. Впрочемъ, и отъ самаго бѣга строй размыкался, что также нѣсколько облегчало прохожденіе.

Этотъ маневръ былъ не безопасенъ, если кавалерія шла на кавалерію или на пѣхоту. Для образованія интерваловъ, необходи́мыхъ для того, чтобы пройти въ моментъ свалки, фланговые люди въ кавалеріи принимали нѣсколько вправо и влѣво, что нѣсколько позволяло и среднимъ размыкать ряды. Въ эти-то небольшіе интервалы между кавалеристами нужно было пройти безостановочно.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны состояли изъ кавалеріи, интервалы часто были недостаточны, и тогда происходила настоящая свалка: колѣнамъ доставалось. Мнѣ часто случалось видѣть выбитыхъ изъ сѣдла, и до того ушибленныя колѣна, что люди не могли ходить по нѣскольку дней, а иногда и недѣль.

Всѣ эти движенія не подчинялись ни какимъ правиламъ и не отличались регулярностью; такой ихъ характеръ придавалъ маневру сходство съ боемъ, еще болѣе близкое. Нужно замѣтить, что исчезавшій порядокъ такъ быстро былъ возстановляемъ, что издали зритель едва замѣчалъ легкое волненіе линій во время свалки; ему даже трудно было представить себѣ, какимъ образомъ эти массы людей и лошадей могли пройти другъ друга насквозь безъ столкновенія; тѣмъ не менѣе несчастные случаи бывали рѣдко.

...Понятно, что для войскъ, выдержанныхъ на Суворовскихъ маневрахъ, бой не представлялъ ничего новаго. Дѣйствительно: кавалерія получала навыкъ атаковать дерзко и неустрашимо, пѣхота—встрѣчать атаку спокойно и хладнокровно. Подобные солдаты атаковали холоднымъ оружіемъ въ дѣлѣ какъ на маневрѣ; при такомъ способѣ образованія, рекруты стоили старыхъ выдержанныхъ солдатъ.

Наконецъ, этотъ способъ образованія войскъ приносилъ очевидную пользу и въ смыслѣ выдержки лошадей. Пріучившись проходить такимъ образомъ пѣхоту, при ружейномъ и артиллерійскомъ огнѣ, онѣ не могли останавливаться передъ стойкимъ непріятелемъ, способнымъ встрѣтить атаку и приберегающимъ огонь свой до послѣдней минуты. Преимущество громадное, котораго маневры, нынѣ употребляемые, дать не могутъ.

Суворовъ не забывалъ и эволюцій, принятыхъ въ европейскихъ арміяхъ; но въ развертываніяхъ, маршахъ, контръ-маршахъ и пр.,

онъ не видѣлъ другой цѣли—какъ довести дѣло до своей любимой атаки, по возможности скорѣе и прямѣе.

Отъ времени до времени онъ производилъ свои ученья въ самую темную ночь, всегда оканчивая ихъ атакой холоднымъ оружіемъ.

Еще въ первыя свои кампаніи онъ убѣдился въ пользѣ пріученія войскъ къ ночнымъ маневрамъ, дабы случайности ночнаго боя не были имъ въ диковину. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не отступалъ отъ этого пріема обученія, которому былъ обязанъ многими успѣхами.

Суворовъ изыскивалъ всѣ средства освоить солдата съ тѣмъ, чего отъ него требовалъ передъ непріятелемъ. Чтобы научить войска рубить и колоть, онъ приказывалъ дѣлать чучела изъ соломы или вязкой земли, на которыя кавалерія и пѣхота ходили въ атаку. Строго требовалось, чтобы всякій наносилъ удары не останавливаясь. Онъ требовалъ также, чтобы пѣхота почаще упражнялась въ цѣльной стрѣльбѣ; иногда онъ приказывалъ даже кавалеріи атаковать въ галопъ чучела и стрѣлять въ нихъ изъ пистолетовъ, дабы при случаѣ она умѣла дѣйствовать этимъ оружіемъ, которому, впрочемъ, Суворовъ не придавалъ почти никакого значенія. Поэтому послѣднее упражненіе назначалось весьма рѣдко.

Наконецъ, для пріученія войскъ къ атакѣ укрѣпленій открытою силою, онъ приказывалъ строить укрѣпленіе, усиленное рогатками и палисадомъ, съ глубокими рвами и, сверхъ того, окруженное засѣками, волчьими ямами и проч. Занявъ это укрѣпленіе артиллеріею и пѣхотою, онъ упражнялъ войска въ его атакѣ, какъ днемъ, такъ и ночью. На каждую часть, поочередно, была возлагаема атака и оборона укрѣпленія.

Въ заключеніе скажемъ, что фельдмаршалъ имѣлъ обычай говорить съ войсками. Каждый свой смотръ, парадъ, онъ заканчивалъ весьма длинною рѣчью *), въ которой подробно разъяснялъ, что нужно для того, чтобы быть хорошимъ солдатомъ, хорошимъ офицеромъ. Онъ указывалъ на ошибки, сдѣланныя войсками въ одномъ случаѣ, хвалилъ за то, какъ вели себя въ другомъ. Наконецъ, онъ передавалъ имъ въ своихъ рѣчахъ общія основанія военнаго искуства».

Нужно ли послѣ всего этого распространяться о причинахъ непобѣдимости войскъ Суворова? Послѣдній солдатъ изъ попадавшихъ въ сферу его вліянія, узнавалъ, и практически и теоре-

*) Иногда въ теченіе двухъ часовъ.

тически, боевое дѣло лучше, чѣмъ теперь его знаютъ въ любой европейской арміи въ мирное время, не исключая и самыхъ образованныхъ. Сознавъ ясно, что для побѣды нужно укрѣпить солдата умственно, нравственно и физически, онъ и свою систему воспитанія сообразилъ строго послѣдовательно съ этою цѣлью, не дѣлая никакихъ уступокъ. Развитіе сметки и особенно упорства, характера, притупленіе инстинкта самосохраненія,—насколько это возможно въ живомъ существѣ,—укрѣпленіе ума послѣдняго солдата положительнымъ знаніемъ военнаго дѣла,—вотъ суворовская система, во всемъ ея простомъ и осязательномъ величіи. Для его солдата не было неожиданности въ бою, ибо онъ испыталъ въ мирное время самыя тяжелыя изъ боевыхъ впечатлѣній; не могло быть ничего непонятнаго изъ того, что дѣлалось въ бою, ибо обо всемъ военномъ дѣлѣ онъ имѣлъ основательное теоретическое представленіе. А если человѣкъ выдержанъ такъ, что его ничѣмъ удивить невозможно; если онъ при томъ знаетъ, что долженъ дѣлать въ своей скромной сферѣ,—онъ не можетъ быть побѣжденъ, онъ не можетъ не побѣдить.

Наука побѣждать.

Примѣчаніе. „Наука побѣждать“ состоитъ изъ двухъ частей: изъ описанія ученія передъ разводомъ, которое, вѣроятно, было составлено для начальниковъ частей, и „изъ словеснаго поученія солдатамъ о знаніи, для нихъ необходимомъ“, которое есть, ни болѣе ни менѣе, какъ весьма обстоятельная теорія военнаго дѣла (со включеніемъ нравственной и физической гигіены), которую, какъ увидимъ ниже, повторяли послѣ всякаго разводнаго ученья громогласно передъ фронтомъ. „Поученіе“ высказано кратко и отрывисто; но логическую связь въ этихъ отрывочныхъ рѣченіяхъ возстановить не трудно. А между тѣмъ это дало „наукѣ“ характеръ сборника поговорокъ, которыя такъ легко удерживаются въ памяти и которыя такъ доступны уму и сердцу простого русскаго человѣка.

Вахтъ-парадъ.

Отъ онаго главное вліяніе на обученіе.

1. Исправься! бей сборъ! ученье будетъ! *) Пріемы и повороты по командѣ, по флигельману, по барабану.

2. Пальба будетъ! заряжай ружье! Плутонгами, полудивизіонами, дивизіонами. При заряжаніи приклада на землю не ставить. Отскакиваетъ шомполъ: пуля не крѣпко прибита.

---

*) Слова, напечатанныя въ текстѣ разрядкою суть командныя.

Наблюдать косой рядъ; прикладъ крѣпко упереть въ сгибъ праваго плеча, стволъ бросить на лѣвую ладонь, пуля бьетъ въ полъ-человѣка; примѣрно можно и съ порохомъ; ружья чистить между часовъ; выстрѣлить между одного и двухъ патроновъ.

3. Наступными плутонгами начинай! Отбою нѣтъ; сигналъ барабана походъ, выстрѣля отъ одного до двухъ патроновъ.

4. Атакуй первую непріятельскую линію въ штыки; ура! Взводные командиры; коли! коли! рядовые: ура! громогласно. Краткій отбой.

Непріятельская кавалерія скачетъ на выручку къ своей пѣхотѣ. Атакуй. Здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку (случится, что попадетъ штыкъ въ морду, въ шею, особливо въ грудь лошади). Краткій отбой.

Атакуй вторую непріятельскую линію, или резервы непріятельскіе, атакуй! Отбой; симъ кончится.

5. Третья—сквозная атака. Линія равняется вмигъ впередъ! никто не смѣетъ пятиться назадъ ни четверти шага.

6. Ступай! повзводно, полудивизіонами или дивизіонами. На походѣ плутонги вздваиваютъ въ полудивизіоны или сіи ломаютъ на плутонги. Солдатскій шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора шага. Начинаетъ барабанъ, бьетъ свои три колѣна; его смѣняетъ музыка, играетъ полный походъ (маршъ), паки барабанъ; такъ смѣняются между собою. Бить и играть скорѣе: отъ того скорѣе шагъ.

Интервалы *) между взводовъ весьма соблюдать, дабы, пришедъ на прежнее мѣсто, при командѣ стой! всѣ взводы вдругъ стояли и заходили въ линію.

7. Вторая (или первая) половина линіи по рядамъ на лѣво (или на право) ступай на атаку! У сей **) барабанъ фельдмаршъ. Заходить противъ части, стоящей на мѣстѣ, изъ картечнаго выстрѣла вонъ. Ступай! Походъ во всѣ барабаны. На 80-ти саженяхъ отъ противнаго фронта бѣжать впередъ отъ 10 до 15 шаговъ черезъ картечную черту полевой артиллеріи; на 60 саженяхъ тожъ, чрезъ картечную черту полковой артиллеріи. А на 60 шагахъ вѣрной черты пуль:

Ступай! Ступай! въ штыки! ура! противная линія встрѣчаетъ пальбою на сей послѣдней дистанціи, а на 30 шагахъ ударитъ сама въ штыки. Съ обѣихъ сторонъ сквозная атака!

---

*) Т. е. дистанціи.
**) Команды.

8. Равно сему другая линейная атака; обѣ части на прежнихъ мѣстахъ.

Такожъ отдѣленная часть заходитъ колонною для деплояды фронта ежели есть мѣсто.

9. Обѣ части дѣлаютъ колонны, по числу людей въ разводѣ въ одну или двѣ колонны *).

Атака будетъ колоннами, ступай! Барабанъ бьетъ маршъ на 60 шагахъ одни отъ другихъ. Ступай, Ступай, атакуй, въ штыки! ура! мушкетъ въ правой рукѣ на перевѣсѣ, колонны между собою насквозь быстро примѣрно колютъ.

10. Колонны строй каре! стрѣлки стрѣляй въ ранжирѣ; плутонгами зачинай! Здѣсь кареи на мѣстѣ, стрѣлки бьютъ наѣздниковъ и набѣгающихъ турковъ, особливо чиновниковъ. Плутонги палятъ въ ихъ толпы. Пальба должна быть кратка, ибо тутъ дѣло больше картечь. Потомъ бросаются колоть.

Ступай! Ступай! Атакуй въ штыки! Ура! что воображается сквозною карейною атакою.

Стрѣлки впередъ; докалывай, дострѣливай, бери въ полонъ! На оставшихъ басурманъ между кареевъ. Барабанъ краткій сборъ. Стрѣлки въ свои мѣста.

11. Кареи строй колонны! исполненіе тожъ, какъ выше о колоннахъ.

12. Колонны строй кареи, кареи маршъ!

Ступай, ступай, атакуй въ штыки. Ура! Здѣсь безъ пальбы; атака прежняя.

13. Кареи строй линіи, маршъ; а заходившей части, по разсмотрѣнію, вмѣсто линіи въ колонну или по четыре ряда. Команда оной: по рядамъ или по четыре направо или налѣво.

Ступай на прежнее мѣсто! Строй фронтъ. Барабанъ фельдмаршъ.

Сіи основательные маневры, марши и эволюціи равны въ баталіонныхъ, полковыхъ и корпусныхъ экзерциціяхъ.

14. Начальникъ можетъ требовать батальнаго огня? —Исправный прикладъ правитъ пальбою, здѣсь оная разстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбѣ оный видѣнъ; одиначка пальбы на баталіи выйдетъ сама собою: для сбереженія пули тутъ на каждомъ выстрѣлѣ всякій своего противника долженъ цѣлить, чтобъ его убить.

---

*) Т. е.: каждая изъ противныхъ сторонъ строитъ одну или двѣ колонны, смотря по числу людей.

15. Залпъ. Въ разводѣ, коли съ пальбою, для очищенія ружей; въ иномъ строю только для исправности приклада. Противъ непріятеля не годится; оный можетъ сколоть и порубить, пока опять заряжаютъ.

16. Наступные плутонги только для движенія, но противъ непріятеля сія ломаная линія не годится. Онъ ее, особливо кавалеріею, и малою, изрубить можетъ.

17. Можетъ начальникъ спросить отступныхъ плутонговъ? Лучше о нихъ и не помышлять: вліяніе ихъ солдату весьма опасно, ниже о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить.

Пояснение вахтъ-парада.

Отдѣлъ, озаглавленный вахтъ-парадомъ, есть собственно приказъ насчетъ того, какъ должно производить ученья передъ разводомъ по карауламъ. Этотъ приказъ, въ переводѣ на языкъ, намъ болѣе привычный, приметъ приблизительно слѣдующую форму:

«Ученія передъ разводомъ имѣютъ большое вліяніе на обученіе; предписывается производить ихъ въ слѣдующей постепенности:

1. Исполненіе поворотовъ и ружейныхъ пріемовъ.

2. Пальба взводами *), полудивизіонами, дивизіонами. Обращать вниманіе: а) чтобы при заряжаніи не ставили приклада на землю; такъ какъ при этомъ шомполъ, отскакивая, не будетъ досылать пулю плотно до заряда; б) чтобы при прицѣливаніи люди крѣпко упирали прикладъ въ сгибъ плеча и цѣлились въ полъчеловѣка. Пальбу можно производить примѣрно и съ порохомъ. выпуская въ послѣднемъ случаѣ по одному или по два патрона, Ружья чистить въ свободное время.

3. Наступленіе черезъ взводъ съ пальбою, при чемъ выпускать не болѣе одного или двухъ патроновъ **).

4. Односторонняя атака. Командовать должно, назначая всегда цѣль атаки (атакуй 1-ю непріятельскую линію, кавалерію, 2-ю линію), ибо только этимъ путемъ можно дать солдату понятіе о ходѣ боя и о тѣхъ случайностяхъ, которыя онъ тамъ долженъ будетъ преодолѣвать. Офицерамъ, съ приближеніемъ линіи къ мѣсту предполагаемаго расположенія непріятеля, командовать: коли! коли! дабы напомнить солдатамъ о главномъ ихъ дѣлѣ въ эту минуту. Штыкъ держать въ брюхо человѣку.

---

*) Плутонгъ (peloton)—взводъ.

**) Въ этихъ трехъ параграфахъ осталось, какъ читатель и самъ можетъ видѣть, мало примѣнимаго въ наше время.

5. Двухсторонняя или сквозная атака. Линія равняется въ мигъ впередъ, никто не смѣетъ пятиться назадъ ни четверти шага.

6. Передъ двухсторонней атакой провѣрить движеніе колоннами по-взводно, по-полудивизіонно, и по-дивизіонно на полныхъ дистанціяхъ, равно какъ переходъ изъ большихъ частей въ меньшія и обратно (ломку фронта). При этомъ смотрѣть за вѣрнымъ соблюденіемъ дистанцій, дабы, по командѣ: Стой! сразу можно было возстановить фронтъ, единовременнымъ захожденіемъ частей колонны къ сторонѣ дирекціональнаго фланга. При движеніи барабанъ и музыка бьютъ и играютъ поперемѣнно. Бить и играть скорѣе: отъ того живѣе шагъ *).

7. Для производства сквозной атаки дѣлить линію на двѣ половины и ставить одну изъ нихъ лицомъ къ другой въ разстояніи, превосходящемъ дальность картечнаго выстрѣла **). Сторона, идущая въ атаку, сблизившись со стоящею на мѣстѣ на 80 саженъ, пробѣгаетъ отъ 10—15 шаговъ, дабы быстрѣе пройти пространство, на которомъ въ бою непріятель встрѣчаетъ атакующаго картечнымъ огнемъ своей полевой артиллеріи. На 60 саженяхъ исполнять тоже самое, ибо это дальность картечи полковой артиллеріи; съ 60 шаговъ бросаться въ штыки. Линія, стоявшая на мѣстѣ, открываетъ огонь съ этого послѣдняго разстоянія, а по сближеніи съ нею наступающаго противника на 30 шаговъ, сама бросается въ штыки, и обѣ стороны проходятъ другъ друга насквозь.

8. Когда части разойдутся на предписанное выше разстояніе ***), ихъ останавливаютъ, поворачиваютъ кругомъ и производятъ сквозную атаку на заднюю шеренгу.

9. Для сквозной атаки колоннами каждая сторона строитъ одну или двѣ колонны, смотря по числу людей, и производитъ атаку по вышеуказанному, съ тою разницею, что люди въ моментъ свалки держатъ ружья на перевѣсъ.

10. Для приготовленія людей ко встрѣчѣ кавалеріи, слѣдуетъ, при сквозныхъ атакахъ колоннами, перестраивать ихъ въ каре, при чемъ напоминать людямъ, что въ дѣлѣ лучшіе стрѣлки, въ

---

*) Тогда налегали на движеніе въ разомкнутыхъ колоннахъ, потому что изъ этихъ колоннъ переходили въ развернутый строй передъ непріятелемъ, единовременнымъ захожденіемъ частей къ сторонѣ дирекціональнаго фланга. Этому упражненію въ наше время соотвѣтствуетъ стройное движеніе густыми колоннами и выстраиваніе ихъ въ боевой порядокъ.

**) Т. е., по тогдашнему, нѣсколько болѣе 80 саж., ибо дальность картечи полевой артиллеріи того времени была 80 саженъ: пули были свинцовыя.

***) Т. е., на разстояніе, нѣсколько превосходящее 80 сажень.

случаѣ налета кавалеріи должны стрѣлять въ отдѣльно наскакивающихъ наѣздниковъ, особенно начальниковъ, а залпы по-взводно должны быть направлены въ сомкнутый строй. Пальба эта должна быть кратка; затѣмъ бросаются колоть, т. е., проходятъ другъ друга въ каре насквозь.

11. По перестроеніи въ колонны, сквозная атака производится въ этомъ строѣ на заднюю шеренгу.

12. Колонны перестраиваются въ каре и производятъ сквозную атаку въ этомъ строѣ по указанному, но безъ пальбы.

13. По исполненіи всего этого, обѣ стороны возстановляютъ одинъ фронтъ, чѣмъ и кончается ученье.

Эти основные маневры, движенія и эволюціи имѣютъ одинаковое примѣненіе при обученіи какъ малыхъ, такъ и большихъ частей.

Замѣчанія на счетъ свойствъ разнаго рода пальбы. Упражненіе въ пальбѣ рядами на ученьяхъ безполезно, ибо не даетъ средствъ для повѣрки правильности прицѣливанія, что напротивъ легко сдѣлать при пальбѣ взводами *). Въ сраженіи пальба рядами выйдетъ сама собою, такъ какъ, для мѣткости огня, всякому человѣку должна быть предоставлена свобода въ прицѣливаніи и выборѣ мгновенія для выстрѣла.

Общіе залпы линіею примѣнимы въ разводѣ для разряда ружей; на ученьяхъ—для провѣрки прицѣливанія; но противъ непріятеля не годятся, потому что онъ можетъ переколоть и изрубить, пока опять заряжаютъ **).

Наступленіе съ пальбою по-взводно годно только для упражненія въ движеніи; но противъ непріятеля эта ломанная линія не годится, ибо можетъ быть изрублена, особенно кавалеріею, даже и малою.

Что же касается до отступленія съ пальбою по-взводно, то лучше о немъ и не помышлять: вліяніе его солдату весьма опасно, а потому ни въ пѣхотѣ, ни въ кавалеріи даже и мысли не допускать объ отступленіи.

---

*) Не нужно забывать, что правильное прицѣливаніе при тогдашнемъ оружіи заключалось въ одномъ— чтобы ружье было направлено въ полъ-человѣка. Впрочемъ это правило вполнѣ примѣнимо къ стрѣльбѣ залпами и теперь. Многіе бывалые люди придерживаются даже того мнѣнія, что лучше пріучать цѣлить въ ноги.

**) Нужно помнить, что тогда дѣйствительный залпъ былъ возможенъ только на 60 шаговъ, а заряжаніе съ дула.

Въ этомъ приказѣ многое, конечно, устарѣло по формѣ, ибо теперь и оружіе не то, и прибавился разсыпной строй, который Суворовъ предчувствовалъ, но принять не рѣшался; но мысли, скрывающіяся за этой устарѣлой формой, останутся вѣчно истинными. Эти мысли суть: 1) исполняйте уставныя эволюціи не для того только, чтобы ихъ исполнять, но для показанія офицерамъ и солдатамъ ихъ назначенія, ихъ примѣненія на дѣлѣ. 2) Въ достиженіи послѣдней цѣли не надѣйтесь ни на одну теорію, ни на одну практику — онѣ должны идти рука объ руку; практикою у Суворова было ученье, въ которомъ, какъ видѣли, боевая обстановка возстановлена возможно полнымъ для мирнаго времени образомъ; теоріею — словесное поученіе солдатамъ о знаніи, для нихъ необходимомъ. Поученіе это составляло неизмѣнный конецъ всякаго ученья и, какъ увидимъ ниже, не могло не врѣзаться въ памяти каждаго солдата. 3) Не разсчитывайте на воображеніе въ исполненіи чего бы то ни было, т. е., не дѣлайте ничего примѣрно, а старайтесь устроить упражненіе такъ, чтобы солдату все было видно и воображать приходилось бы возможно меньше. 4) Солдатъ долженъ быть готовъ на все и во всякомъ строѣ: покажите ему по этому атаку конницы и пѣхоты и въ развернутомъ строѣ, и въ колоннѣ, и въ каре, какъ на заднюю, такъ и на переднюю шеренгу, чтобы онъ не привыкалъ считать, будто извѣстныя положенія непремѣнно требуютъ и извѣстнаго постояннаго строя. При этомъ условіи для него не будетъ неожиданностей. 5) Избѣгайте, какъ величайшей опасности, всѣхъ тѣхъ упражненій, которыя отвѣчаютъ инстинкту самосохраненія и, слѣдовательно, могутъ дать ему пищу; и наоборотъ, давайте возможно большее развитіе упражненіямъ, воспитывающимъ человѣка въ упорствѣ, безстрашіи, рѣшимости, находчивости, готовности на всѣ неожиданности; солдатъ подобнаго закала будетъ хорошо отступать, ибо для этого важно знать не механическое движеніе отступленія, но именно быть упорнымъ, безстрашнымъ, предпріимчивымъ. 6) Не разсчитывайте на одно только слово, если хотите научить чему-нибудь человѣка: съ примѣра онъ легче и прочнѣе усваиваетъ, нежели изъ разсказа. За тѣмъ, когда онъ узнаетъ дѣло, слово необходимо, чтобы утвердить человѣка въ дѣлѣ, сообщить болѣе широкій взглядъ на него. 7) Не хлопочите объ одномъ только поддержаніи механическаго порядка, но хлопочите еще болѣе о томъ, чтобы часть разстроенная — что въ бою неминуемо — умѣла быстро возстановлять порядокъ. Эту, такъ сказать, реальность и осязательность обученія Суворовъ доводитъ до того, что даже самое пріученіе къ возстановленію порядка у него дѣ-

лалось не изъ искусственнаго или приказаннаго безпорядка, а изъ естественно возникающаго при столкновеніи. Слѣдовательно, солдатъ не только пріучался быстро возстановлять порядокъ, но и узналъ, когда это въ особенности важно и когда безпорядокъ составляетъ неизбѣжное явленіе. Однимъ словомъ, еще разъ: ничто для Суворовскаго солдата въ бою не являлось неожиданностью; мирное обученіе не готовило ему со вступленіемъ въ дѣло никакой нравственной засады или западни.

СЛОВЕСНОЕ ПОУЧЕНІЕ СОЛДАТАМЪ, О ЗНАНІИ, ДЛЯ НИХЪ НЕОБХОДИМОМЪ.

Каблуки сомкнуты, подколѣнки стянуты, солдатъ стоитъ стрѣлкой! четвертаго вижу, пятаго не вижу.

Военный шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина. Береги интервалы.

Солдатъ во фронтѣ на шагу строится по локтю; шеренга отъ шеренги три шага, въ маршѣ два; барабаны не мѣшай.

Береги пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится; пуля дура, а штыкъ молодецъ! Коли одинъ разъ! бросай бусурмана со штыка! мертвъ на штыкѣ, царапаетъ саблею шею.

Сабля на шею! отскокни шагъ, ударь! коли другаго, коли третьяго! богатырь заколетъ полдюжины, а я видалъ и больше. Береги пулю въ дулѣ; трое наскочатъ—перваго заколи, втораго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ! Это рѣдко, а заряжать неколи; въ атакѣ не задерживай.

Для пальбы стрѣляй сильно въ мишень: на человѣка пуль двадцать купи свинцу, изъ экономіи немного стоитъ. Мы стрѣляемъ цѣльно, у насъ пропадаетъ тридцатая пуля, а по полевой и по полковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряда.

Фитиль на картечь, бросься на картечь — летитъ сверхъ головы! пушки твои, люди твои! вали на мѣстѣ, гони, коли! остальнымъ давай пощаду! Грѣхъ напрасно убить; они такіе жъ люди. Умирай за домъ Богородицы! за Батюшку! за Пресвѣтлѣйшій Домъ! Церковь Бога молитъ. Кто останется живъ, тому честь и слава.

Примѣчаніе. Это поученіе говорилось послѣ каждаго развода штабъ-офицеромъ того полка, отъ котораго разводъ, наизусть, въ присутствіи всего генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Обывателя не обижай, онъ насъ поитъ и кормитъ; солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь—все ваше; возьми крѣпость—все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ инаго, дѣлили золото и серебро пригоршнями. Такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь.

Въ баталіи полевой три атаки: въ крыло, которое слабѣе. Крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ; это не мудрено! солдатъ проберется и болотомъ; тяжело черезъ рѣку, безъ мосту не перебѣжишь. Шанцы всякія перескочишь. Атака въ середину не выгодна, развѣ конница хорошо рубить будетъ, а иначе сами сожмутъ. Атака въ тылъ очень хороша; только для небольшого корпуса, а арміею заходить тяжело.

Баталія въ полѣ: линіею противъ регулярныхъ, карeями противъ басурманъ колоннъ нѣтъ, а можетъ случиться и противъ Турковъ, что пятисотному карею надлежать будетъ прорвать 5-ти или 7-ми-тысячную толпу съ помощію фланговыхъ кареевъ. На тотъ случай бросится онъ въ колонну; но въ томъ до сего нужды не бывало. Есть безбожные, вѣтренные, сумасбродные французишки, они воюютъ на нѣмцовъ и иныхъ колоннами. Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами жъ.

Баталія на окопы—на основаніи полевой; ровъ не глубокъ, валъ не высокъ! бросься въ ровъ, скачи черезъ валъ, ударь въ штыки, коли, гони, бери въ полонъ! помни отрѣзывать; тутъ подручныя *) конницы. Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота: да тутъ были тройные и большіе окопы и цѣлая крѣпость: для того атаковали колоннами.

Штурмъ **). Ломи черезъ засѣкъ, бросай плетни черезъ волчьи ямы, быстро бѣги; прыгай черезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы, стрѣлки очищай колонны, стрѣляй по головамъ; колонны лети черезъ стѣну на валъ, скалывай, на валу вытягивай линію; караулъ къ пороховымъ погребамъ; отворяй ворота конницѣ; непріятель бѣжитъ въ городъ — его пушки оборони по немъ. Стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо: недосугъ за этимъ ходить. Приказъ: спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля на улицахъ; конница руби. Въ дома не ходи, а бей на площадяхъ. Штурмуй гдѣ непріятель засѣлъ; занимай площадь, ставь гауптвахтъ, разставляй вмигъ пикетъ къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ. Непріятель сдался—пощада! стѣна занята—на добычь!

---

*) Т. е. сподручнѣе.

**) Укрѣпленія, усиленнаго засѣками или волчьими ямами впереди рва, палисадомъ на прикрытомъ пути. Въ текстѣ это не пояснено, ибо, судя по свидѣтельству Дюбокажа, это зналъ всякій солдатъ изъ практики.

ТРИ ВОИНСКІЯ ИСКУССТВА.

Первое—глазомѣръ, какъ въ лагерѣ стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить.

Второе—быстрота. Походъ полевой артиллеріи отъ полу до версты впереди, чтобъ спускамъ и подъемамъ не мѣшала. Колонна сближится; оная опять выиграетъ свое мѣсто; подъ гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы, для узкаго мосту, для водяныхъ и болотныхъ мѣстъ, по тропинкамъ; и только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей барабанъ, музыка греми,—десятокъ отламалъ! *) первый взводъ снимай вѣтры, ложись! за нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ: первая заднихъ не жди. Линія въ колоннѣ на походѣ растянется, коли по четыре, то въ полтора, а порядкомъ—вдвое. Стояла на шагу, идетъ на двухъ; стояла на одной верстѣ, растянется на двѣ; стояла на двухъ, растянется на четыре! то досталось бы первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по пустому. На первомъ десяткѣ отдыхъ часъ. Первый взводъ спрыгнулъ, надѣлъ вѣтры, бѣжитъ впередъ десять, пятьнадцать шаговъ (а на маршѣ, прошедъ узкое мѣсто, на гору или подъ гору отъ 15 и до 50 шаговъ). И такъ взводъ за взводомъ, чтобъ задніе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ! отбой; отдыхъ часъ и больше; коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ три четверти часа, или полчаса или и четверть часа, чтобъ ребятамъ поспѣть скорѣе къ кашѣ. Это для пѣхоты.

Конница своимъ походомъ впередъ; съ коней долой! отдыхаетъ мало и свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выстояться. Кашеварныя повозки впередъ съ палаточными ящиками. Братцы пришли, къ кашѣ поспѣли. Артельный староста: къ кашамъ.

На завтракѣ отдыхъ четыре часа; тожъ самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ непріятелю, котлы съ припасомъ снаровлены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ.

По сей быстротѣ и люди не устали, непріятель насъ не чаетъ, считаетъ насъ за сто верстъ, а коли издалека, то на двухъ, трехъ-стахъ и больше: вдругъ мы на него какъ снѣгъ на голову. За-

*) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ „отмахалъ“. Собственно, смыслъ одинъ, т. е., десяти верстъ какъ не бывало.

кружится у него голова! Атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ! Конница начинай! руби, коли, гони, отрѣзывай, не упускай! Ура! чудеса творятъ братцы.

Третье—натискъ. Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ; въ пальбѣ много людей гибнетъ: у непріятеля тѣ же руки, да русскаго штыка не знаетъ! Вытяни линію—тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ! Недосугъ вытягивать линіи — подвигъ изъ закрытаго изъ тѣснаго мѣста. Коли пѣхота — въ штыки; конница тутъ и есть: ущелья на версту нѣтъ. Картечъ черезъ голову, пушки твои. Обыкновенно кавалерія врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ; только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду какъ пѣхота, исключая зыби; тамъ кони на поводахъ. Казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ конница гони, руби! конница займется *), пѣхота не отстанетъ; въ двухъ шеренгахъ сила, въ трехъ полторы силы; передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ **).

Бойся богадѣльни! Нѣмецкія лекарственницы издалека, тухлыя, всплошь безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ! береги здоровье! чисти желудокъ коли засорился, голодъ лучшее лекарство! кто не бережетъ людей, офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется? по закатѣ солнышка немного пустой кашки съ хлѣбцомъ, а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ, или корень коневьяго щавелю. Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: «въ горячкѣ не ѣшь, хотя до двѣнадцати дней, а пей солдатскій квасъ—то и лекарство! А въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь, штрафъ! за что себя не берегъ!»

Богадѣльни первый день мягкая постель, второй — французская похлебка, третій день ея братецъ домовище къ себѣ и тащитъ! одинъ умираетъ, а десятеро хлебаютъ его смертный дыхъ. Въ лагерѣ — больные слабые; хворые — въ шалашахъ, не въ деревняхъ: воздухъ чище. Хоть безъ лазарету и вовсе безъ больныхъ быть нельзя: тутъ не надобно жалѣть денегъ на хорошія лекарства, коли есть гдѣ купить, и сверхъ своихъ и на прочія выгоды безъ прихотей. Да все это не важно; мы умѣемъ себя беречь; гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500

*) Т. е. если конница остановлена.
**) Теперь это относится къ линіямъ.

въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому питье—воздухъ, ѣда больному—воздухъ.

Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ; да есть непріятель больше богадѣльни! Проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, кличка, чтобъ безтолково выговаривать: край прикакъ, а фокъ, вайркахъ, рокъ-адъ и прочее стыдно сказать. Отъ немогузнайки много, много бѣды!

Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму, правдиву, благочестиву; молись Богу! отъ него побѣда. Чудо богатыри! Богъ насъ водитъ, Онъ намъ генералъ.

За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма; дѣло мастера боится; и крестьянинъ не умѣетъ сохою владѣть, хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ: давай намъ шесть, давай намъ десять на одного! всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ! Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесять пять тысячъ, только что не сто; онъ искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе; господа офицеры, какой восторгъ!

Примѣчаніе. Послѣ этого командовалось: къ паролю! съ фланговъ часовые впередъ ступай на краулъ! По отдачѣ генералитету или инымъ пароля, лозунга и сигнала, слѣдуетъ похвала или въ чемъ хула вахтъ-параду. Потомъ громогласно:

Субординація, экзерциція (послушаніе, обученіе), дисциплина, (ордеръ воинскій), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, Побѣда! Слава, слава, слава!»

Примѣчаніе издателя. Не прилагаемъ объясненія, такъ какъ послѣ внимательнаго прочтенія Вахтъ-парада, извлеченія изъ Дюбокажа и слѣдующихъ за симъ приказовъ австрійцамъ, всѣ пункты «Поученія» становятся совершенно понятны.

ПРИКАЗЫ И ИНСТРУКЦІЯ СУВОРОВА ПО ОБУЧЕНІЮ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ ВЪ 1799 ГОДУ.

Приказы.

I.

Обучаться пѣхотѣ на пѣхоту, кавалеріи на пѣхоту, пѣхотѣ на кавалерію. Пѣхота, стоя на мѣстѣ, стрѣляетъ по наступающей пѣхотѣ съ 60 шаговъ, а на 30 сама бросается въ штыки.

Въ атакѣ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Употреблять всегда шагъ военный въ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина *), сблизившись съ непріятельскою пѣхотою на 80 саженъ — пробѣжать впередъ до 15 шаговъ, а кавалеріи—карьеромъ на 30 саженъ--черезъ картечную черту тяжелой артиллеріи, чтобъ летѣла картечь сверхъ головы; то же самое на 60 саженъ противъ полковой артиллеріи. Черта вѣрнаго ружейнаго выстрѣла 60 шаговъ; разстояніе это уже пробѣгутъ со штыками. На томъ же основаніи дѣйствуетъ и кавалерія.

II.

Въ строю становиться по локтю. Повороты и деплоированіе въ обыкновенныхъ случаяхъ дѣлать скорымъ шагомъ.

Движеніе производить въ колоннѣ по-взводно, справа или слѣва, шагъ въ аршинъ, при захожденіи полтора.

Фронтъ выстраивать захожденіемъ по-взводно.

Готовься къ атакѣ!—тутъ пальба взводами не долго.

По командѣ готовься! люди задней шеренги отскакиваютъ въ сторону вправо и становятся въ двѣ шеренги, а потомъ вскакиваютъ опять на прежнее мѣсто **). Всѣмъ этимъ заниматься не долго.

По сигналу маршъ! впередъ! линіи двигаются полнымъ шагомъ и живо. Ружье въ правую руку! Штыки держать вкось безъ помощи ремня.--Какъ дойдетъ до рукопашнаго, — если на кавалерію,—то колоть штыкомъ и лошадь и человѣка; если на пѣхоту, то штыкъ держать ниже и ближе обѣими руками. На 80 саженъ картечный выстрѣлъ изъ большихъ орудій, пѣхота пробѣжитъ впередъ до 15 шаговъ; то же самое — на 60 саженяхъ, когда картечь изъ малыхъ пушекъ: непріятельская картечь летитъ сверхъ головы.

Когда линія въ 60 шагахъ отъ непріятеля—офицеры съ фланговъ выбѣгаютъ впередъ: «ура Францъ!» рядовые впередъ—и непріятеля колятъ... Тутъ уже только кровь!..

---

*) Вслѣдствіе увлеченія красотою учебныхъ шаговъ, тогда уменьшили мѣру шага до ¾ аршина, по мирнымъ уставамъ. Вотъ причина, почему Суворовъ такъ часто напоминаетъ мѣру веннаго шага.

**) Не знаемъ, въ чемъ заключалась цѣль этого вздванья,—можетъ быть это было допущено какъ намекъ, что слѣдуетъ дѣлать во время сквозной атаки при столкновеніи.

III.

Штыкомъ можетъ одинъ человѣкъ заколоть троихъ, гдѣ четверыхъ; а сотня пуль летитъ на воздухъ. Казаки должны всегда держаться за кавалеріей; ихъ быстрота довершаетъ побѣду... и какъ только непріятель сбитъ, то ни одинъ человѣкъ не спасется.

Быстрота и натискъ душа настоящей войны. Бѣгущаго непріятеля истребляетъ одно преслѣдованіе.

Побѣдителю прилично великодушіе.—Бѣгущій непріятель охотно принимаетъ пардонъ. Смерть или плѣнъ—все одно *).

Пища поддерживаетъ силы человѣка.—въ случаяхъ особенныхъ надобно довольствоваться малымъ. Кавалерія сама снабжаетъ себя фуражемъ.

IV.

Казаковъ надобно ставить вслѣдъ за пѣхотою, полками или сотнями, чтобы немедленно преслѣдовать непріятеля, лишь только начнетъ отступать.

Въ боевомъ порядкѣ казаки должны строиться, смотря по мѣстности, малыми или крупными частями, или позади линіи, или по флангамъ. Какъ только непріятельская линія сбита, казаки по своей быстротѣ отлично преслѣдуютъ и въ особенности забираютъ плѣнныхъ. Иногда должны они кричать непріятелю: пардонъ! пардонъ!

V.

Когда непріятель бѣжитъ, то его провожаютъ ружейнымъ огнемъ. Онъ не стрѣляетъ, не прикладывается, не заряжаетъ. Много неудобствъ спасаться бѣгствомъ **).

Когда же за нимъ штыки, то онъ еще рѣже стрѣляетъ; а потому не останавливаться, а ускорять его бѣгство штыками.

День готовиться къ маневрамъ. Съ утра упражняться штыками и саблями. По временамъ производить натискъ пѣхотѣ противъ пѣхоты, кавалеріи противъ кавалеріи; по одиночкѣ, по взводно, ротами, эскадронами, баталіонами, полками, какъ признается удобнѣе.—Особенно же слѣдуетъ беречь лошадей; человѣкъ лучше отдыхаетъ.

---

*) Т. е.: но для васъ смерть или плѣнъ должно быть одно.

**) Вотъ и еще разъясненіе, почему Суворовъ терпѣть не могъ отступленія, и почему употреблялъ всѣ усилія развить наступательные инстинкты.

VI.

Битва между двумя арміями на штыкахъ бѣлымъ оружіемъ.

Въ каждой изъ двухъ линій, а частью и въ резервѣ должны быть значительные интервалы *). Конная артиллерія стрѣляетъ, смѣло наступая, совершенно независимо отъ направленія линій. Конная артиллерія скачетъ впередъ какъ сама хочетъ.—Вмѣсто разсыпанныхъ застрѣльщиковъ въ каждомъ капральствѣ имѣть по 4 хорошихъ стрѣлка. Они стрѣляютъ въ ранжирѣ, (въ своемъ ряду и въ шеренгѣ); а могутъ также нѣсколько и выбѣгать впередъ. Только не терять напрасно пуль.

Когда обѣ противныя арміи находятся въ разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла, то атакующія линіи идутъ на противника. Подойдя на 80 сажень, т. е., къ чертѣ хорошаго картечнаго выстрѣла,—до того линіи шли скорымъ шагомъ въ аршинъ и даже въ полтора,—бѣгутъ впередъ до 15 или 30 саженъ отъ непріятельскихъ пушекъ, чтобы картечь летѣла сверхъ головы; тоже самое начинать съ 60 саженъ или 180 шаговъ передъ полковыми орудіями: послѣдніе 60 шаговъ отъ непріятельскаго фронта, то есть разстояніе вѣрнаго ружейнаго выстрѣла пробѣгаютъ со штыками **),—колютъ, кричатъ vivat Franz!—а оберъ и унтеръ-офицеры коли! коли!

Армія, стоящая на мѣстѣ, открываетъ дѣйствіе пушками.—Ружейный огонь плутонгами начинается съ 60 или 80 шаговъ, а когда противникъ подойдетъ на 30 шаговъ, то стоящая армія сама двигается впередъ и встрѣчаетъ атакующую армію штыками. Штыки держатъ плоско, правою рукою, а колоть съ помощью лѣвой. — При случаѣ не мѣшаетъ и прикладомъ въ грудь или по головѣ.

Въ этомъ и весь секретъ: пѣхота проходитъ сквозь пѣхоту и кавалерію; кавалерія—сквозь пѣхоту и кавалерію; а какъ только всѣ прошли насквозь,—строятся линіи опять на прежнемъ разстояніи, гдѣ и командовать: стой!—Задняя линія проходитъ сквозь переднюю, и налѣво кругомъ.—Кавалерія по четыре налѣво кругомъ.—Тутъ уже станутъ на заднюю шеренгу.

*) Дабы при сквозной атакѣ части могли разлаваться въ стороны.
**) Т. е. держа на руку.

Тотъ же самый маневръ повторяется снова *). Армія, которая прежде была атакующею, теперь уже стоитъ на мѣстѣ; а стоявшая прежде — теперь атакуетъ — и тоже самое наблюдаетъ. — Vinci **).

Не худо сказать солдатамъ какую-нибудь сильную рѣчь, и затѣмъ—по домамъ.

VII.

Планъ операціонный: въ главную квартиру, въ корпусъ, въ колонну. Ясное распредѣленіе полковъ. Вездѣ разсчетъ времени. Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ; будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое.

Не довольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ.

Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ небольшой чертежъ, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ, сколько можетъ быть нужно для простого воина; при томъ нужно дать нѣкоторое понятіе о возвышеніяхъ (горахъ).

Инструкція.

Итальянская армія обязана большею частью побѣдъ своихъ быстрому наступленію и сомкнутымъ атакамъ въ штыки; а потому всѣ господа генералы должны на каждой дневкѣ упражнять ввѣренныя имъ войска въ дѣйствіяхъ этого рода.

Въ отдаленіи отъ непріятеля въ походѣ идти рядами, потому что для нижнихъ чиновъ это легче и удобнѣе. На каждую нѣмецкую милю (7 верстъ) часъ отдыху, а если весь переходъ мили

*) Слѣдовательно на заднюю шеренгу.
**) Побѣди!

$3^1/_2$ и до 5, то подъемъ въ 2 часа утра; вьючныя лошади съ котлами и мясомъ посылаются впередъ, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержанія ихъ силъ.

Въ разстояніи около часа отъ непріятеля выстраиваются взводы, а лишь только подойдутъ подъ пушечный выстрѣлъ, берутъ ружья подъ прикладъ и идутъ въ ногу, потому что это единственное средство наступать скоро.

Въ 1000 шагахъ отъ непріятеля всегда строиться въ двѣ линіи, а потомъ съ музыкой и обыкновеннымъ шагомъ подойти на 300 шаговъ отъ противника; артиллерія всегда становится такъ, чтобы не мѣшать движенію другихъ войскъ и дѣятельно производить пальбу.

Въ 300 шагахъ команда: стой! равняйсь! пальба взводами! заряжай! взводъ готовсь! кладсь—пли!

Затѣмъ бить отбой, а когда люди совершенно приготовятся, то командовать:

Слушай! атака всѣмъ фронтомъ! ружья на перевѣсъ!

Войска берутъ ружья на перевѣсъ, и крѣпко держатъ ихъ въ правой рукѣ.

Маршъ!

Войска трогаются нѣсколько усиленнымъ шагомъ, съ музыкой, съ распущенными знаменами, и когда подойдутъ на 200 шаговъ, то командовать:

Маршъ-маршъ!

Войска удваиваютъ шагъ; въ разстояніи 100 шаговъ опять командовать:

Маршъ-маршъ!

По этой командѣ люди хватаютъ ружья лѣвою рукою и бѣгомъ бросаются на непріятеля съ крикомъ ура! *).

Непріятеля надо колоть штыкомъ прямо въ животъ, а если который штыкомъ не приколотъ, то прикладомъ его.

Во время ученій командовать стой! и бить отбой на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается непріятель и которое всегда должно быть обозначено заборомъ или плетнемъ. Господа офицеры должны въ этомъ случаѣ особенно наблюдать, чтобы

---

*) Этотъ порядокъ атаки показываетъ, какъ Суворовъ видоизмѣнялъ свою систему въ зависимости отъ усовершенствованія оружія: въ это время французы имѣли уже чугунную картечь, наибольшая дѣйствительность которой получалась не на 80 саж., какъ прежней свинцовой, а на 150. Вслѣдствіе этого всѣ перебѣганія для уменьшенія потерь отъ картечнаго огня уже отмѣнены. Но все, что относится до штыка, не измѣнено и никогда не измѣнится, ибо штыкъ несовершенствуемъ.

фронтъ быстро выровнялся. Быстрота равненія *) есть душа арміи на мѣстности пересѣченной, надобно упражнять въ этомъ войска какъ можно чаще.

Вторая линія подвигается впередъ сомкнуто и держитъ ружья на плечѣ вслѣдъ за первою, на дистанціи 200 шаговъ, имѣя между батальонами по 300 шаговъ интервала.

Кавалерія становится въ третью линію или на флангахъ второй, смотря по обстоятельствамъ, но всегда по-эскадронно или по-дивизіонно; во время самой атаки она кидается на непріятеля съ фланга или съ тыла. Казаки остаются въ колоннѣ за кавалеріей, преслѣдуютъ непріятеля и окончательно его истребляютъ.

Этотъ родъ атаки, который я въ особенности рекомендую, долженъ быть сообщенъ фельдмаршалъ-лейтенантамъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ, для того, чтобы они въ точности слѣдовали ему и упражняли въ этомъ войско сколько лишь возможно, не утомляя людей.

---

*) Т. е. возстановленіе порядка, нарушеннаго атакою.

О ВЫСАДКАХЪ

ВЪ

ДРЕВНІЯ И НОВѢЙШІЯ ВРЕМЕНА.

1856 ГОДА.

О высадкахъ въ древнія и въ новѣйшія времена.

Посвящено памяти Николая Николаевича Пущина.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

Высадки составляютъ, по своимъ характеристическимъ отличіямъ, совершенно особенный родъ военныхъ операцій, успѣхъ которыхъ основывается на взаимномъ содѣйствіи морскихъ и сухопутныхъ силъ. Операціи эти тѣмъ отличаются отъ прочихъ военныхъ предпріятій, что въ нихъ сухопутная армія, при помощи флота, избираетъ морской путь для прибытія на театръ войны или по невозможности достигнуть его сухимъ путемъ, или потому, что сухопутное движеніе представляетъ затрудненія, заставляющія предпочесть морской переѣздъ.

Начало подобныхъ операцій относится къ тому времени, когда человѣческія общества впервые заселили прибрежье Средиземнаго Моря, а возникшія между ними взаимныя сношенія должны были неизбѣжно повести и къ враждебнымъ столкновеніямъ.

Первыя свѣдѣнія о морскихъ экспедиціяхъ находимъ у Грековъ. Образованіе береговъ Пелопоннеса и тишина облегающаго моря рано расположили Грековъ къ мореплаванію, и военныя предпріятія ихъ на морѣ начинаются пиратствомъ *). Но долго не можетъ остановиться на этомъ народъ: постепенное развитіе матеріяльныхъ средствъ и нравственныхъ понятій скоро указало Грекамъ другую цѣль, болѣе достойную ихъ дѣятельности—правильную войну, не для обогащенія себя грабежемъ, но для удовлетворенія потребностей болѣе нравственныхъ и, слѣдовательно, болѣе достойныхъ человѣка. Переворотъ этотъ въ направленіи

*) Оукид. кн. 1, гл. 5.

военно-морской дѣятельности Грековъ совершился еще во времена до-историческія и запечатлѣнъ экспедиціею противъ Трои. Свѣдѣнія объ ней, довольно положительныя для того времени, сохранились въ Гомерѣ; не чуждыя поэтическихъ преувеличеній, они заслуживаютъ полнаго вниманія при описаніи этого перваго замѣчательнаго десанта, потому что здѣсь не столько важна точность фактовъ, сколько та обстановка ихъ, которая совершенно вѣрно рисуетъ понятія времени о военномъ искусствѣ.

Война противъ Трои представляетъ первый образецъ предпріятія, болѣе или менѣе обдуманнаго и приведеннаго въ исполненіе съ замѣчательною настойчивостью. Въ описаніи этой войны сохранились данныя, позволяющія судить о матеріальныхъ средствахъ предпріятія. Не говоря о числѣ судовъ, участвовавшихъ въ предпріятіи, замѣтимъ только, что каждое изъ нихъ вмѣщало отъ 50 до 120 человѣкъ. Воины были въ то тоже время и гребцами на судахъ.

Высадка была произведена безпрепятственно; утвердившись на берегу, Греки немедленно принялись за устройство окоповъ, чтобы обезпечить ими себя и флотъ отъ нечаянныхъ покушеній противника. Это обличаетъ уже значительный шагъ въ военномъ искусствѣ: человѣку нужно было пройти рядъ горькихъ опытовъ, чтобы избавиться отъ безпечности на войнѣ, примѣры которой видимъ впослѣдствіи часто даже у геніяльныхъ полководцевъ. Слѣдовательно, въ троянскомъ походѣ, мы застаемъ Грековъ уже на той степени развитія, когда для человѣка опыты прошлаго перестаютъ пропадать даромъ. Вотъ прочное начало, на которомъ военное искусство возникаетъ естественно и приходитъ въ зрѣлость, обогащаемое послѣдовательными опытами!

Покореніе Трои, составлявшее цѣль этой экспедиціи, было достигнуто весьма не скоро. Это объясняется: 1) перевѣсомъ, который въ древнее время оборона крѣпостей имѣла надъ атакою; 2) тѣмъ обстоятельствомъ, что только часть Грековъ сражалась, а другая обыкновенно отправлялась на грабежъ; 3) городъ не былъ обложенъ.

Послѣднія двѣ причины медленности въ достиженіи цѣли показываютъ, что если и были уже выработаны нѣкоторыя общія идеи военнаго искусства, то многаго еще не доставало для удовлетворительнаго приведенія ихъ въ исполненіе. Нужно замѣтить, что въ военныхъ предпріятіяхъ вообще, и въ военно-морскихъ въ особенности, зрѣлость общихъ понятій о предметѣ всегда упреждаетъ развитіе средствъ, потребныхъ для его исполненія. Отъ этого и происходитъ, что исторія военнаго искусства представ-

ляетъ гораздо болѣе прекрасно соображенныхъ плановъ, нежели примѣровъ ихъ осуществленія.

Увѣнчаная успѣхомъ, экспедиція эта тѣмъ не менѣе показала и всю зависимость предпріятій подобнаго рода отъ неустранимыхъ случайностей: флотилія Грековъ на возвратномъ пути была разбросана бурею; значительная часть воиновъ погибла: другіе только послѣ многихъ лѣтъ странничества достигли отечества. Въ той же экспедиціи обнаружилось и другое неудобство десантовъ: армія постоянно была озабочена своимъ тыломъ — неудобство важное, особенно въ то время, когда не весьма хлопотали о прикрытіи и сохраненіи своихъ сообщеній. Достаточно вспомнить, какую тревогу произвелъ прорывъ Троянцевъ до греческихъ кораблей, чтобы оцѣнить всю важность этого затрудненія даже въ то время.

Троянская экспедиція заканчиваетъ рядъ военно-морскихъ предпріятій Грековъ во времена до-историческія; за нею наступаетъ эпоха внутренней дѣятельности греческаго народа, не представляющая ничего особенно замѣчательнаго въ отношеніи къ разсматриваемому предмету. Исключеніе составляютъ персидскія войны, да и то потому только, что онѣ были внѣшнимъ побужденіемъ къ развитію морского могущества Аѳинъ. Собственно же персидскія морскія экспедиціи не представляютъ ничего назидательнаго въ отношеніи къ военному искусству. Соображенія, руководившія Персами въ ихъ предпріятіи, намъ неизвѣстны, а самые факты переданы греческими историками съ такими преувеличеніями, которыя вселяютъ болѣе недовѣрія къ повѣтствователямъ, нежели удивленія къ громадности средствъ Персовъ.

Затѣмъ настаетъ для Греціи смутная пора междоусобій, способствовавшихъ развитію военнаго искусства во всѣхъ его отрасляхъ.

Сицилійскій десантъ есть одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. Вызванный политическими отношеніями, онъ имѣлъ цѣлію покореніе Сициліи. Предпріятіе это, внушенное Аѳинянамъ ихъ преувеличеннымъ понятіемъ о собственныхъ силахъ, гибельно кончилось для республики, но заслуживаетъ между древними подобнаго рода предпріятіями особеннаго вниманія, какъ потому, что о немъ сохранились весьма обстоятельныя свѣдѣнія, такъ и потому, что оно принадлежитъ къ эпохѣ полнаго развитія греческаго военнаго искусства. Историкъ этой экспедиціи — и вообще всей Пелопонесской Войны — Ѳукидидъ. Соединяя съ искусствомъ группировать событія замѣчательный критическій тактъ, онъ не увлекается стремленіемъ представить дѣйствія своихъ соотечественниковъ въ свѣтѣ болѣе выгодномъ, нежели они того заслуживаютъ. Слѣдствіе

этого безпристрастія—полная достовѣрность и точность даже фактической части сочиненія, не говоря уже о выраженіи понятій и воззрѣній, двигавшихъ дѣятелями того времени.

Въ высшей степени любопытно Ѳукидидово описаніе обсужденія вопроса въ народномъ собраніи *). Первымъ ораторомъ выступаетъ Никій, опытный, но слишкомъ осторожный полководецъ—качества, дѣлавшія его столь же полезнымъ совѣтникомъ въ мирныхъ приготовленіяхъ къ экспедиціи, сколько опаснымъ руководителемъ ея. Избранный противъ воли въ число предводителей экспедиціи, онъ излагаетъ причины, по которымъ не надѣется на успѣшное ея окончаніе, думая тѣмъ отклонить отъ нея своихъ согражданъ. Рѣчь его обнаруживаетъ и политическій тактъ и ясное сознаніе тѣхъ высшихъ военныхъ истинъ, нарушеніе которыхъ ведетъ всегда къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Онъ находитъ экспедицію неосновательною, потому что предпринимать ее, при тогдашнихъ отношеніяхъ Аѳинъ къ прочимъ греческимъ республикамъ, значило, «оставляя у себя дома множество враговъ, наживать еще новыхъ». Ставить себя въ столь неблагопріятное положеніе было тѣмъ неосмотрительнѣе, что даже завоеваніе Сициліи не представляло выгодъ, ибо, по отдаленности, его нельзя было упрочить. Вычисливъ средства, которыми можетъ располагать противникъ, Никій заключаетъ, что однѣхъ морскихъ силъ недостаточно для того, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, вѣроятности успѣха на своей сторонѣ; необходима будетъ еще многочисленная пѣхота: иначе средства не соотвѣтствовали бы цѣли. Затѣмъ онъ переходитъ къ заготовленіямъ, которыя нужно будетъ сдѣлать въ изобиліи, взявъ въ разсчетъ и отдаленность предмета дѣйствій, и враждебность страны, и наконецъ то обстоятельство, что, въ продолженіе почти 4-хъ мѣсяцевъ зимняго времени, отправляющаяся армія лишена будетъ сообщеній съ отечествомъ.

Такимъ образомъ, показавъ, что мысль экспедиціи не выдерживаетъ здравой критики, онъ заключаетъ свою рѣчь чрезвычайно вѣрною замѣткою на счетъ нравственнаго вліянія Аѳинъ, для прочности котораго было разумнѣе и лучше не приходить въ близкое столкновеніе съ Сицилійцами.

Но здѣсь случилось то, что случается довольно часто: голосъ благоразумія и опыта былъ заглушенъ мнѣніемъ, не столь основательнымъ, но за то болѣе говорившимъ страстямъ толпы. Экспедиція была рѣшена.

*) Ѳукид. кн VI, гл. 10—26.

Молва о замыслахъ Аѳинянъ достигла Сиракузъ. Гермократъ рѣшился предупредить объ опасности народное собраніе и въ то же время предложилъ планъ дѣйствій для отстраненія ея. Полагая силы Сициліи совершенно достаточными для отраженія непріятеля, онъ, однако, совѣтуетъ обезпечить успѣхъ дѣйствій заключеніемъ союза съ Карѳагеномъ, завистливо смотрѣвшимъ на морское могущество Аѳинъ, а также съ Лакедемономъ и Коринѳомъ, которые могли сдѣлать диверсію въ Аттику. Эту систему обороны онъ полагалъ дополнить переходомъ въ наступленіе на морѣ, чтобы поразить непріятелей неожиданностью, показавъ готовность итти на встрѣчу опасности. Кромѣ моральнаго вліянія, такой образъ дѣйствій могъ, по его мнѣнію, повести и къ положительнымъ успѣхамъ, потому что длинный переѣздъ аѳинскаго флота неизбѣжно долженъ былъ разсѣять его и разстроить матеріальную часть. Это смѣлое движеніе, по мнѣнію Гермократа, могло даже остановить предпріятіе Грековъ въ самомъ началѣ, тѣмъ болѣе, что опытнѣйшій непріятельскій генералъ, Никій, былъ противъ экспедиціи. Нельзя отказать творцу этого плана ни въ вѣрной оцѣнкѣ положенія противника, ни даже въ познаніи характера его полководцевъ. Но планъ не былъ принятъ, потому что никто не вѣрилъ возможности подобнаго предпріятія со стороны Аѳинъ.

Между тѣмъ приготовленія къ экспедиціи были окончены, и 416 года, въ срединѣ лѣта, флотилія выступила въ море. Сборнымъ пунктомъ назначена Корцира, откуда предварительно посланы были три судна въ Италію и Сицилію, чтобы освѣдомиться о городахъ, которые согласятся впустить греческій флотъ въ свои гавани. За ними выступилъ главный флотъ въ трехъ отдѣленіяхъ, слѣдовавшихъ независимо одно отъ другого, для избѣжанія затрудненій при движеніи и пристанищѣ *).

Экспедиція не встрѣтила особеннаго сочувствія въ итальянскихъ городахъ: многіе изъ нихъ не впустили флота въ свои гавани, а въ Сициліи она возбудила недвусмысленно-враждебное расположеніе.

Осторожный Никій предложилъ Алкивіаду возвратиться, достигнувъ офиціяльной цѣли экспедиціи—примиренія жителей Эгесты и Селинунта. Алкивіадъ не согласился на это и предложилъ свой планъ дѣйствій, по которому греческая армія должна была высадиться въ Сицилію и овладѣть Мессиною: обезпечивъ себѣ такимъ

*) Флотъ состоялъ изъ 136 триремъ, на которыхъ было: 5100 оплитовъ, 480 стрѣлковъ, 700 пращниковъ, 120 псилитовъ и 30 всадниковъ; всего 6430 человѣкъ и 30 лошадей. Приблизительно, отъ 50 до 60 человѣкъ на трирему.

образомъ основаніе дѣйствій, портъ для флота и сообщеніе съ Италіею, она могла направиться противъ Сиракузъ, ослабивъ ихъ предварительно отторженіемъ союзныхъ городовъ. Третій главнокомандующій аѳинскихъ силъ, Ламахъ, предложилъ было открыть немедленно дѣйствія противъ Сиракузъ, основывая успѣхъ на впечатлѣніи неожиданности появленія; но онъ не имѣлъ достаточно авторитета и твердости характера, чтобы поддержать столь основательное мнѣніе, и первый согласился съ Алкивіадовымъ планомъ.

По этому плану положено было открыть немедленно дѣйствія. Тяжести арміи были оставлены у Регіума подъ прикрытіемъ незначительнаго отряда, а войска, на 60 тримерахъ, направились къ берегамъ Сициліи *). Первымъ сдался имъ городъ Наксосъ. Затѣмъ Аѳиняне снова сѣли на суда и двинулись къ Сиракузамъ. Приближаясь къ этому городу, они приняли военныя предосторожности: флотъ былъ построенъ въ одну линію и подвигался впередъ, предшествуемый 10-ю судами **), которыя должны были войти въ сиракузскій портъ, объявить требованія Аѳинянъ и осмотрѣть городъ и портъ. Этимъ оканчивается первый годъ кампаніи: Аѳиняне возвращаются въ Катану на зимовку.

Между тѣмъ, по доносу, Алкивіадъ былъ отозванъ, и Никій остался главнымъ распорядителемъ дѣйствій. Это дало скоро неблагопріятный оборотъ дѣлу. Слишкомъ осторожный, Никій придалъ большую важность той части Алкивіадова плана, по которой предполагалось ослабить Сиракузы отторженіемъ союзниковъ: это заставило его предпринять походъ во внутреннія земли острова, поведшій только къ утратѣ моральнаго вліянія Аѳинянъ, падавшаго при каждой незначительной неудачѣ, и къ ослабленію ихъ арміи. По возвращеніи въ Катану изъ этого похода, Никій рѣшился наконецъ обратиться противъ Сиракузъ. Мѣры, принятыя имъ для обезпеченія арміи и флота по мѣрѣ приближенія къ предмету дѣйствій, заслуживаютъ полнаго одобренія. Овладѣніе Мегарою доставило ему возможность приблизить базу къ арміи, и тѣмъ облегчить и обезпечить снабженія послѣдней отъ покушеній непріятеля. Приблизившись къ городу, Никій овладѣваетъ возвышенностью Эпиполь, которая командуетъ окрестностью и облегчаетъ доступы къ городу. Затѣмъ онъ укрѣпляетъ мысъ Племміріумъ, вдающійся въ сиракузскій портъ, и тѣмъ обезпечиваетъ мѣсто стоянки для греческаго флота. Учредивъ такимъ образомъ

*) Слѣдовательно боевая вмѣстимость судовъ была около 110 человѣкъ.
**) Ѳукид., кн. VI, гл. 50.

свой тылъ, онъ приступилъ къ блокадѣ города, окружилъ его циркумвалаціонною линіею и уже довелъ было до крайности. Въ это время прибыло въ Сиракузы подкрѣпленіе изъ Спарты, заставившее Аѳинянъ дорого поплатиться за потерю времени въ началѣ кампаніи. Подкрѣпленіе это, состоявшее изъ 3 т. человѣкъ, высадилось на с. берегу острова, въ Гимерѣ, и оттуда двинулось къ Сиракузамъ. Такое направленіе дѣйствій поддержало вліяніе Сиракузъ на внутреннія земли Сициліи и дало возможность напасть на Аѳинянъ съ тылу. Приблизившись къ ихъ линіямъ, Гилиппъ, предводитель спартанскаго отряда, избралъ пунктомъ атаки Эпиполь и безъ труда овладѣлъ имъ. Это было важной потерей для Аѳинянъ, повлекшей всѣ послѣдующія неудачи ихъ сухопутныхъ дѣйствій, которыя даже внушили было Никію мысль начать морскую войну. Такое намѣреніе служитъ яснымъ доказательствомъ легкости, съ какою древніе переходили отъ сухопутныхъ къ морскимъ операціямъ, и обратно; въ Ѳукидидѣ находится нѣсколько мѣстъ, подтверждающихъ это.

Между тѣмъ, Сиракузяне рѣшились произвесть единовременно морскую и сухопутную атаку. Первая изъ нихъ была неудачна; но вторая вполнѣ вознаградила за эту потерю: результатомъ ея было занятіе укрѣпленій на Племміріумѣ, въ которыхъ хранилась казна аѳинской арміи и находились склады флотиліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ флотъ лишился безопасной стоянки. Положеніе аѳинской арміи съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе; прибывшія подкрѣпленія не поправили дѣла, потому что не могли уже возстановить равновѣсія силъ. Аѳинскіе главнокомандующіе рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку — вырвать Эпиполь изъ рукъ непріятеля; она не удалась, и тогда осталось только одно — принять мѣры, чтобы отступленіе было по возможности менѣе пагубно. Рѣшено было: оставить циркумъ-валаціонныя линіи, овладѣть какимъ нибудь сосѣднимъ мѣстомъ для складовъ и больныхъ и, обезпечивъ его гарнизономъ, остатокъ арміи посадить на суда и дать морское сраженіе. Въ случаѣ удачи, предположено отплыть въ Катану, а при неудачѣ высадиться на берегъ, сжечь суда и отступить къ ближайшему союзному городу. Но Аѳинскій флотъ былъ разбитъ, а остатки арміи, во время бѣдственнаго отступленія, были окружены и взяты въ плѣнъ. Такъ кончилась эта экспедиція, стоившая большихъ пожертвованій и начатая подъ довольно благопріятными предзнаменованіями. Она обнаружила уже всѣ затрудненія, сопряженныя съ десантами и существующія до настоящаго времени.

Главная причина неудачи заключалась въ нерѣшительности

Никія, пропустившаго благопріятную минуту для дѣйствія. Нерѣшительность дѣйствій совершенно противна духу десантныхъ операцій, именно потому, что онѣ всегда бываютъ болѣе или менѣе неожиданны и при томъ отрѣзываютъ десантную армію отъ источниковъ подкрѣпленій. Слѣдовательно, всякая потерянная минута ослабляетъ впечатлѣніе неожиданности и даетъ возможность противнику усилиться. А какъ только подкрѣпленія его начали прибывать, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ всегда будетъ въ состояніи подавить десантъ превосходствомъ силъ. Другія причины неудачи были: 1) недостатокъ кавалеріи, весьма затруднявшій, по свидѣтельству Ѳукидида, фуражировки; 2) отдаленность рессурсовъ аѳинской арміи; 3) недостатокъ бдительности въ занятіи важныхъ пунктовъ, тѣмъ болѣе странный, что важность ихъ сознавали совершенно ясно.

Исторія военнаго искусства Грековъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не представляетъ замѣчательныхъ десантовъ. Предпріятіе Александра В. не можетъ быть отнесено къ числу ихъ и по незначительности переѣзда, и по тѣмъ политическимъ условіямъ, при которыхъ оно начато. Переѣздъ черезъ Геллеспонтъ есть скорѣе переправа, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, нежели морская экспедиція. Это подтверждается числомъ судовъ, употребленныхъ на переѣздъ и немогшихъ вмѣстить всей Александровой арміи *). При томъ же дезорганизація Персіи, столь несомнѣнно доказанная отступленіемъ Ксенофонта, и единоплеменность населенія мало-азійскаго прибрежья съ Европейскими Греками, ставили Александрову армію совершенно въ другое положеніе къ странѣ вторженія, чѣмъ то, въ которомъ обыкновенно находится десантъ. Наконецъ отсылка флота въ Грецію показываетъ, что Александръ не нуждался въ флотѣ, безъ содѣйствія котораго десантъ обойтись не можетъ **).

Современно распрямъ наслѣдниковъ Александровой власти совершилось морское предпріятіе въ Сицилію, отчаянное, безумное, но бывшее внушеніемъ несомнѣннаго генія. Говоримъ о предпріятіи Агаѳокла противъ Карѳагена. Оно выступаетъ эпизодически и стоитъ неизмѣримо выше современныхъ понятій о военномъ искусствѣ, хотя и принадлежитъ къ числу тѣхъ невозвратныхъ

---

*) По свидѣтельству Арріана (кн. 1, гл. III), ихъ было 160. Взявъ въ разсчетъ даже боевую вмѣстимость судовъ, окажется, что въ одинъ разъ не могло переѣхать болѣе 16,000 изъ 35,000, предводимыхъ Александромъ.

**) Здѣсь допущена эта замѣтка потому, что Жомини причисляетъ переѣздъ Александра къ морскимъ экспедиціямъ.

рѣшимостей, къ которымъ прибѣгаютъ только истощивъ всѣ средства. Начало этой экспедиціи относится къ 311 году и даетъ рѣшительный оборотъ десантной же экспедиціи Карѳагенянъ въ Сицилію. Выгоды морскаго положенія Сициліи и ея богатство давно возбуждали алчность Карѳагенянъ, пользовавшихся всѣми предлогами, чтобы въ ней утвердиться. Тиранія Агаѳокла была однимъ изъ такихъ предлоговъ: чтобы наконецъ достигнуть цѣли, они рѣшились на громадныя пожертвованія. Первый (стотысячный) десантъ былъ потопленъ бурею; за нимъ немедленно снаряженъ другой, такой же силы. Онъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ: скоро Агаѳоклъ, запертый въ Сиракузахъ, поставленъ былъ на край гибели. Но онъ успѣваетъ ускользнуть съ 15 т. изъ сиракузскаго порта, высаживается на берега Африки и приводитъ въ ужасъ самый Карѳагенъ! Вслѣдствіе этого, карѳагенская армія была отозвана изъ Сициліи, какъ бы чудомъ освободившейся отъ нашествія. Конецъ арміи Агаѳокла былъ бѣдственный; но это произошло болѣе отъ жестокости, нежели отъ неискусства ея вождя.

Римскія десантныя экспедиціи, до временъ императоровъ, представляютъ, въ большей части случаевъ, осуществленіе идей, получившихъ полную зрѣлость у Грековъ. Поэтому онѣ болѣе замѣчательны по громадности средствъ и по нѣкоторымъ тактическимъ улучшеніямъ въ самомъ производствѣ высадокъ, нежели по оригинальности идей, составлявшихъ основу предпріятій.

Основаніе римскихъ военно-морскихъ силъ относится ко времени первой пунической войны. Рѣшившись на борьбу съ Карѳагеномъ, Римляне скоро увидѣли, что она можетъ быть окончена только побѣдою на морѣ. При извѣстной настойчивости римскаго сената, дойти до такого заключенія, значило исполнить его. Дѣйствительно, не прошло четырехъ лѣтъ съ открытія 1-й пунической войны, какъ римскіе флоты начали уже появляться на морѣ, и скоро даже одержали нѣкоторые успѣхи надъ Карѳагенянами, хотя это и дорого имъ стоило: опытъ показалъ Римлянамъ, что такая борьба могла привести къ крайнему истощенію, не давъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ; необходимо было нанести ударъ карѳагенскому могуществу въ источникѣ его — сдѣлать вторженіе въ Африку. Примѣръ Агаѳокла былъ живымъ доказательствомъ, чего можно было ожидать отъ подобнаго образа дѣйствій. Собственно нѣтъ другаго средства бороться съ торговой націей, для которой потеря флота, сраженія есть не болѣе, какъ неудавшаяся торговая спекуляція. Нельзя сказать того же о державѣ, которая въ ряды своей арміи ставитъ цвѣтъ населенія, которая

сооружаетъ флоты на трудовую копѣйку земледѣльца... Ея воины доблестнѣе; чувства ихъ возвышеннѣе, но за то и потеря ощутительнѣе. Римъ былъ въ этомъ положеніи относительно Карѳагена. Экспедиція въ Африку была подготовлена къ 257 году и состояла изъ 140 т. человѣкъ; по числу арміи можно судить о количествѣ употребленныхъ на ея перевозку судовъ. Десантъ былъ встрѣченъ карѳагенскимъ флотомъ на морѣ; но эта встрѣча въ древности не была опасна. Римляне благополучно достигли береговъ Африки и, по высадкѣ, немедленно обезпечили флотъ свой окопами, вытащивъ его предварительно на берегъ. Пользуясь ужасомъ, наведеннымъ неожиданнымъ ихъ появленіемъ, Римляне овладѣли Клипеею и захватили множество плѣнныхъ и добычи. Но вмѣсто того, чтобы ударить на Карѳагенъ, въ которомъ совсѣмъ не было войскъ, консулы занялись перевозкою добычи въ Сицилію. Эту важную обязанность взялъ на себя Манлій, оставивъ Регула съ 15-титысячнымъ отрядомъ и 40 кораблями въ Африкѣ. Слѣдовательно, для конвоированія награбленной добычи употреблено было около 125 тысячъ войска, если только показаніе Полибія о числительности десанта вѣрно. Такое, совершенно несогласное съ духомъ поана, дѣйствіе отдалило паденіе Карѳагена почти на столѣтіе, было причиною уничтоженія Регулова отряда и затянуло первую пуническую войну еще на 16 лѣтъ, въ которыя Римляне понесли огромныя потери на морѣ, и даже одно время думали совершенно отказаться отъ морскихъ экспедицій.

Примѣръ перваго десанта въ Африку указалъ Римлянамъ средство бороться съ Карѳагеномъ, и впослѣдствіи они вполнѣ имъ воспользовались. Два десанта—одинъ во 2-ю, другой въ 3-ю пуническую войну — положили конецъ существованію Карѳагена. Они заслуживаютъ вниманія только по значительности десантныхъ корпусовъ; исполненіе же ихъ было облегчено союзомъ Массинисы, а въ 3-ю пуническую войну и измѣною Утики.

Распространеніе предѣловъ Римской Республики на сѣверъ открываетъ морскимъ экспедиціямъ новое поприще—Сѣверное море и Гальскій Проливъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было увеличеніе размѣра судовъ *) со всѣми его выгодами и недостатками. Съ одной стороны, это увеличило емкость судовъ и способность ихъ противустоять бурямъ; съ другой, потребовало бо̀льшихъ издержекъ на построеніе судовъ и затруднило десанты.

---

*) Необходимость увеличить размѣры судовъ первый разъ обнаружилась въ войну Цезаря съ Венетами.

Первыя десантныя экспедиціи въ Гальскомъ Проливѣ произведены Ю. Цесаремъ противъ Британіи. Ихъ было двѣ: въ 55 и 54 годахъ.

Десантъ 55 года, вынужденный, по свидѣтельству Цесаря *), участіемъ, которое принимали обитатели Британіи въ галльскихъ войнахъ противъ Римлянъ, былъ предпринятъ всего съ двумя легіонами, перевезенными на театръ дѣйствій на 80 судахъ **). Въ замѣчаніяхъ своихъ на кампаніи Цесаря ***) Наполеонъ упрекаетъ его въ безполезности столь малочисленнаго десанта; Цесарь и самъ чувствовалъ необходимость оправданія, и въ комментаріяхъ говоритъ, что первый десантъ имѣлъ цѣлію рекогносцировку, а не завоевательное предпріятіе. По этому случаю онъ входитъ даже въ подробное изложеніе причинъ, по которымъ не могъ собрать свѣдѣній о Британіи, оставаясь въ Галліи; но именно это желаніе доказать необходимость десанта и наводитъ на мысль, что причины его были не тѣ, какія выставлены въ комментаріяхъ. При тогдашнихъ отношеніяхъ Цесаря къ римскому народу, многое нужно было дѣлать только для того, чтобы поддерживать общественное мнѣніе въ постоянномъ и благосклонномъ вниманіи; въ этомъ отношеніи, первый британскій десантъ совершенно достигалъ цѣли. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ военное значеніе, какъ первый примѣръ употребленія метательныхъ машинъ при высадкахъ и какъ указаніе опасностей, сопряженныхъ съ десантами, указаніе, которымъ Цесарь при слѣдующей экспедиціи воспользовался съ замѣчательнымъ умѣньемъ. По изготовленіи флота и войскъ къ экспедиціи, произведена была амбаркація; затѣмъ флотъ, въ полночь, выступилъ въ море изъ гавани въ землѣ Мориновъ, прилегающей къ самому узкому мѣсту Галльскаго Пролива. Передовыя суда достигли береговъ Британіи около 10 часовъ утра, и остановились на якорѣ въ ожиданіи прибытія прочихъ судовъ. Прибрежные жители, предувѣдомленные Галлами о предпріятіи Цесаря, заняли берегъ съ намѣреніемъ воспрепятствовать высадкѣ. Цесарь замѣтилъ это, и пользуясь попутнымъ вѣтромъ, рѣшился высадиться въ другомъ мѣстѣ, для чего и отплылъ на 12 верстъ отъ прежняго расположенія. Варвары, замѣтивъ это движеніе, отправили свою кавалерію и колесницы для предупрежденія высадки на новомъ пунктѣ; они прибыли во-время и приготовились къ сопро-

*) Commentaires de Cesar, Liv. IV.

**) Предположено было также перевезти соотвѣтсвующее количество кавалеріи, но буря помѣшала ей достигнуть британскаго берега.

***) Précis des guerres de César.

тивленію. Къ довершенію затруднительнаго положенія Римлянъ, суда ихъ, глубоко-сидѣвшія въ водѣ, не могли приблизиться къ берегу, такъ-что легіонеры должны были бросаться въ воду, и по шею въ ней, обремененные оружіемъ, идти на встрѣчу непріятелю, поражавшему ихъ стрѣлами, или пускавшему на нихъ свою кавалерію въ атаку. Воины Цесаря обнаружили нерѣшительность, минута была критическая; тогда Цесарь приблизилъ къ берегу легкія галеры съ метательными машинами, и приказалъ дѣйствовать съ нихъ стрѣлами и камнями во флангъ непріятелю. *). Островитяне, изумленные неожиданностью этого движенія и дѣйствіемъ совершенно имъ неизвѣстныхъ машинъ, очистили берегъ.

Описаніе этого десанта у Цесаря не совершенно вразумительно и какъ бы обнаруживаетъ желаніе автора выставить затрудненія большими, нежели они были въ дѣйствительности; вѣроятно, нѣкоторыя изъ нихъ возникли уже при описаніи операціи. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія: если Цесарь не дѣйствовалъ такъ на самомъ дѣлѣ, то считалъ подобный образъ дѣйствія лучшимъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія ему заблагоразсудилось поставить свой отрядъ въ описаніи. Слѣдовательно, повѣствованіе Цесаря, погрѣшая можетъ быть въ фактической достовѣрности, представляетъ понятія того времени о выгоднѣйшемъ образѣ дѣйствій при извѣстныхъ условіяхъ, и въ этомъ отношеніи оно неоцѣнимо: оно показываетъ, *что возможно было* сдѣлать въ ту эпоху, и даетъ мѣрило при разборѣ того, *что дѣйствительно дѣлалось*. Въ этомъ смыслѣ, всѣ подобныя описанія могутъ составлять неопровержимый авторитетъ для исторіи военнаго искусства: въ нихъ, такъ называемая, поэтическая истина соблюдается авторомъ тѣмъ строже, чѣмъ безцеремоннѣе онъ поступаетъ съ самымъ фактомъ; въ этомъ его якорь спасенія—иначе ему не повѣрятъ.

По совершеніи высадки, войска вытащили суда на берегъ и обезпечили ихъ отъ покушеній непріятеля, окопами. Между тѣмъ, кавалерійскій отрядъ, назначенный въ составъ десанта, отплылъ изъ Галліи только 4 дня спустя по прибытіи Цесаря въ Британію: но буря разбросала суда, и ни одно изъ нихъ не достигло острова. Въ то же время новая неожиданность постигла отрядъ Цесаря: высокій приливъ, дотолѣ неизвѣстный Римлянамъ, затопилъ ту часть берега, на которой стояли вытащенныя галеры; ихъ разбросало и перепортило до негодности къ употребленію. Такимъ образомъ Цесарь былъ отрѣзанъ. Только своей дѣятельности и

*) Commentaires de César, Liv. V.

распорядительности онъ обязанъ спасеніемъ. Островитяне, ободренные неудачей Римлянъ, думали было воспользоваться ею, но въ послѣдовавшихъ стычкахъ были отбиты. Между тѣмъ прибыли изъ Галліи матеріялы для починки судовъ; въ непродолжительномъ времени флотъ былъ исправленъ и армія отплыла обратно въ Галлію.

Второй десантъ предпринятъ съ 5 легіонами и 2 т. кавалеріи, на перевозку которыхъ употреблено 600 транспортныхъ судовъ и 28 галеръ *). Опытъ перваго десанта убѣдилъ Цесаря въ необходимости поддерживать постоянное сообщеніе съ Галліею; поэтому оставшіеся въ Галліи, подъ начальствомъ Лабіена, 3 легіона и 2 т. кавалеріи были стянуты въ сѣверныя области ея, какъ для поддержанія въ нихъ спокойствія, такъ и для того, «чтобы прикрывать портъ и снабжать десантъ продовольствіемъ». **).

Противные вѣтры замедлили отплытіе на 25 дней.

Наконецъ, дождавшись благопріятной погоды, флотъ вышелъ въ море, безъ особенныхъ приключеній достигъ британскаго берега и высадка произведена безпрепятственно, потому что варвары, устрашенные многочисленностью флотиліи, спѣшили удалиться внутрь страны.

Оставивъ на берегу, для прикрытія лагеря и судовъ, двѣ когорты и 300 всадниковъ, Цесарь двинулся внутрь страны, къ мѣсту расположенія непріятеля. Первые его успѣхи были остановлены извѣстіемъ, что буря разбросала флотъ и потопила 40 судовъ. Цесарь возвратился къ лагерю, употребилъ, для починки судовъ, всѣхъ находившихся въ арміи плотниковъ и вызвалъ значительное число новыхъ изъ Галліи. Въ то же время Лабіенъ получилъ приказаніе выстроить въ Галліи возможно большее число галеръ и выслать ихъ въ Британію. Десять дней было употреблено на вытаскиваніе судовъ на берегъ и окруженіе ихъ окопами; наученный двукратнымъ опытомъ, Цесарь не щадилъ усилій для обезпеченія тыла арміи. Этимъ мѣрамъ Цесарь былъ обязанъ тѣмъ, что дальнѣйшее его движеніе внутрь страны не было остановлено заботою объ основаніи дѣйствій. Нападеніе островитянъ на лагерь было отбито и не имѣло никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Счастливымъ окончаніемъ этой диверсіи Римляне были обязаны укрѣпленному лагерю: сила сопротивленія его въ древнее время давала полное право полководцу предпринимать самое рѣшительное движеніе внутрь страны: его не озабочивало прикрытіе тыла,

*) Comm. de Cès Liv. V.
**) Comm. de Cès. Liv. V.

потому что для него достаточно было нѣсколькихъ сотъ человѣкъ при пособіи вала назначительной высоты и толщины *). Въ настоящее время десантъ не могъ бы удалиться отъ пункта высадки на нѣсколько переходовъ, оставивъ для прикрытія его столь незначительный отрядъ.

Въ этихъ двухъ экспедиціяхъ успѣху Цесаря весьма много способствовало превосходство тактическаго образованія римскихъ войскъ и то обстоятельство, что обитатели Британіи не имѣли соединенной морской силы. Но дальнѣйшее военное поприще Цесаря представляетъ еще два десанта, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ, не смотря на то, что ему пришлось имѣть противниками римскіе флоты и римскія войска. Эти десанты служатъ лучшимъ доказательствомъ легкости подобнаго рода операцій въ древнее время. Въ первомъ изъ нихъ (переѣздъ въ Эпиръ, 48 г.) Цесарь рѣшается на переправу въ виду многочисленнаго флота, долженствовавшаго наблюдать весьма недлинную береговую линію. Переправа удалась совершенно, благодаря безпечности Бибулуса, командовавшаго Помпеевымъ флотомъ. Упустивъ Цесаря, Бибулусъ принялъ тѣ мѣры, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть въ началѣ: онъ занялъ всѣ порты отъ Орхо до Солоны и кромѣ того наблюдалъ проливъ посредствомъ крейсерованія. «Онъ вездѣ поставилъ сторожевыя суда и даже на ночь оставался на флотѣ, не взирая на суровость зимы и подвергаясь всѣмъ трудамъ и лишеніямъ **). Эта выписка бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе древнихъ флотовъ: оставаться на флотѣ безотлучно считалось большимъ пожертвованіемъ со стороны адмирала, иначе Гирцій Панса не упомянулъ бы объ этомъ. Слѣдовательно флоты были скорѣе прибрежною, нежели морскою силою: навигація была въ младенчествѣ, суда могли крейсировать только съ большимъ затрудненіемъ и не выдерживали бури въ открытомъ морѣ. Ясно, что тогда переѣздъ моремъ представлялъ менѣе вѣроятностей встрѣчи съ непріятелемъ, нежели въ настоящее время.

Экспедиція Цесаря въ Африку (46 г.) не представляетъ особенно назидательнаго примѣра для подражанія, если только она происходила такъ, какъ описана продолжателемъ Цесаревыхъ комментаріевъ. Цесарь отплылъ изъ Лилибея 27 декабря съ 6 легіо-

---

*) Полагая Цесаревы легіоны силою въ 5 т. человѣкъ,—хотя они вѣроятно были меньше,—вся армія его составитъ около 27 т Для прикрытія ея тыла употреблено всего около 1000 легіонеровъ и 300 всадниковъ; лагерь былъ весьма обширенъ, судя по тому, что онъ заключалъ въ себѣ 600 судовъ.

**) Comm. de César: La guerre civile, Liv. VIII.

нами и 2 т. кавалеріи. Флотъ слѣдовалъ не въ совокупности, и потому Цесарь въ первую минуту высадки былъ въ столь затруднительномъ положеніи, что рѣшился даже оставить берегъ Африки для того, чтобы плыть на соединеніе съ задержанными плаваніемъ силами, или же, въ случаѣ если онѣ потерпѣли пораженіе на морѣ, возвратиться въ Сицилію. Но счастіе, благопріятствовавшее Цесарю во всѣхъ предпріятіяхъ, не оставило его и тутъ: запоздавшій флотъ скоро появился у береговъ Африки и благополучно высадилъ находившуюся на немъ часть арміи. Такой счастливый оборотъ дѣла должно приписать одному случаю. Со стороны Цесаря, въ этомъ предпріятіи, конечно, было гораздо болѣе самонадѣянности, нежели счастливаго сочетанія рѣшительности съ осторожностью. Впрочемъ, излишекъ рѣшительности въ началѣ предпріятія былъ вполнѣ искупленъ послѣдующими дѣйствіями, которымъ военная исторія давно отдала полную справедливость.

До какой степени опасность, грозившая Цесарю, была велика, служитъ и то доказательствомъ, что даже по соединеніи десанта онъ рѣшился ограничиться обороною, а чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ моря, примкнулъ къ нему окопы своего лагеря у Руспина. Полученныя вскорѣ подкрѣпленія дали возможность Цесарю перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Первоначальному успѣху высадки много способствовало то, что война была междоусобная; слѣдовательно, можно было разсчитывать на партію.

Къ эпохѣ дѣйствій Цесаря начинаетъ становиться замѣтнѣе раздѣленіе между транспортными и военными судами. Послѣдніе дни Римской Республики были ознаменованы громаднымъ вооруженіемъ Августа, перевезшаго въ Грецію 80 т. войска и 12 т. лошадей для борьбы съ Антоніемъ. Однѣхъ галеръ, назначенныхъ для прикрытія транспорта, было 250.

Распространеніе римскаго владычества на все прибрежье Средиземнаго Моря и сосредоточеніе правительственной власти въ однѣхъ рукахъ положили предѣлъ значительнымъ военно-морскимъ предпріятіямъ, и флотъ обратился въ одно изъ перевозочныхъ средствъ, что сдѣлало его достояніемъ общей администраціи, а не военнаго искусства. Отъ этого періодъ императоровъ представляетъ только одно замѣчательное десантное предпріятіе—экспедицію Германика въ устья Эмса. Она замѣчательна и по выбору пути дѣйствія, и, въ особенности, по цѣли—озаботить варваровъ въ ихъ собственной странѣ, наведя ужасъ неожиданнымъ появленіемъ, и тѣмъ прекратить, хотя временно, напоръ ихъ на римскія границы. Слѣдовательно, этотъ десантъ открываетъ собою новую систему обороны наступательной. Не менѣе заслуживаетъ

вниманія выборъ пути дѣйствій, показывающій предчувствіе той истины. что вторженія въ страну, защищаемую не одной арміей, а всей массой воинственнаго населенія, возможны только по теченію большихъ рѣкъ. Экспедиція кончилась несчастливо; половина флота была уничтожена на возвратномъ пути бурею. Силы, участвовавшія въ предпріятіи, состояли изъ 60,000 войска, перевезенныхъ на 1,000 судахъ *).

Десанты Велисарія въ Африку и Италію были послѣдними морскими предпріятіями Римлянъ. Увѣнчанные полнымъ успѣхомъ, они заслуживаютъ вниманіе по незначительности средствъ въ сравненіи съ достигнутою цѣлью **). Но успѣхъ ихъ долженъ быть приписанъ личности Велисарія, храбрости незначительнаго отряда варваровъ, составлявшаго часть его арміи, и неустройству странъ, бывшихъ его предметомъ дѣйствій. Со стороны греческой администраціи, средства, данныя Велисарію, заключались въ нѣсколькихъ тысячахъ воиновъ, бѣгавшихъ отъ непріятеля при каждомъ удобномъ случаѣ, и въ гнилыхъ припасахъ, для перемѣны которыхъ Велисарій принужденъ былъ заѣхать въ Сицилію.

ДЕСАНТЫ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Въ то время, когда великое движеніе народовъ съ Востока обозначило собою вступленіе міра въ новую эпоху его жизни, въ то время волненія въ Скандинавіи, порожденныя внутренними причинами, начали выбрасывать изъ нея тысячи удальцевъ, которые, пускаясь на легкихъ судахъ***) въ грозное своими бурями Сѣверное Море, совершали невѣроятные подвиги. Въ предпріятіяхъ этихъ было мало искусства; но въ нихъ было то, что иногда должно быть поставлено выше искусства: то презрѣніе къ опасности, та расточительность человѣка на собственную жизнь, которая одна даетъ ему силы совладать съ непокорной природой. Пріученный суровою отчизною къ лишеніямъ и къ вѣчной борьбѣ за существованіе, Скандинавъ на столько сроднился съ опасностью, что сталъ презирать ее. Онъ убѣдился въ неодолимой мощи природы, способной раздавить его на каждомъ шагу, и въ ничтожествѣ своемъ

*) 60 человѣкъ на судно.

**) Десантъ въ Африку состоялъ изъ 20 т. пѣшихъ и 5 т. конныхъ воиновъ; а по другимъ, изъ 10 т. пѣх 5 т. кавалер. 400 Геруловъ и 600 Массагетовъ; слѣдов. всего 16 т.

***) Большія изъ нихъ вмѣщали до 100 воиновъ. Histoire des exped. maritimes des Normands, par Depping.

передъ нею почерпнулъ новую силу—не устранять враждебныя случайности, но бросаться въ нихъ очертя голову и безъ оглядки назадъ. И если преданіе сохранило память о тѣхъ, смѣлость которыхъ увѣнчалась успѣхомъ, то конечно не было недостатка и въ такихъ примѣрахъ, въ которыхъ тысячи удальцовъ гибли жертвою дерзкой отваги.

Причины, рано сдѣлавшія Норманновъ отважными мореходами, были и территоріяльныя, и политическія. Скудость страны заставила Норманновъ обратиться къ звѣриной и рыбной ловлѣ: первая дала имъ воинственность, вторая освоила съ моремъ; та же причина побуждала Норманновъ въ экспатріаціи, бывшей въ случаѣ голода, обыкновеннымъ средствомъ *). Скоро—искать «славы и добычи» сдѣлалось занятіемъ, единственно-достойнымъ свободнаго человѣка. Развитію такого стремленія не мало способствовало и политическое устройство Скандинавіи: въ ней издревле утвердился обычай отпускать на произволъ судьбы не только изъ дому родительскаго, но даже изъ родной страны всѣхъ совершеннолѣтнихъ, кромѣ тѣхъ, которые должны были получить отцовское наслѣдіе. Эти невольные изгнанники обыкновенно соединялись вмѣстѣ и отправлялись въ море за славой и добычей. Подобный обычай распространялся даже на королевскихъ дѣтей, и тѣ изъ нихъ, которымъ нечего было ожидать отъ родной земли, становились также пиратами. Явились такъ-называемые морскіе короли, вѣчно жившіе на морѣ. При такомъ порядкѣ вещей, героизмъ на морѣ былъ самымъ обыновеннымъ, и нужно было сдѣлать что-нибудь дѣйствительно замѣчательное, чтобы выйти изъ ряда. Это породило соревнованіе и способствовало развитію дикаго величія и энергіи характера, предпріимчивости, неостанавливаемой никакими опасностями.

Матеріяльная и административная части предпріятій были несложны и несопряжены ни съ какакими пожертвованіями. Лодки самыя большія не превосходили величиною нашихъ большихъ катеровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣлались съ башнями на кормѣ для помѣщенія воиновъ, дѣйствовавшихъ по непріятелю стрѣлами и камнями **). Понятно, что только послѣдній родъ судовъ требовалъ нѣкотораго искусства для построенія; обыкновенныя же суда могъ дѣлать каждый при повсемѣстномъ распространеніи охоты къ мореплаванію, сдѣлавшемуся національною привычкою. Продоволь-

*) Depping.
**) Depping.

ствіе воиновъ также не было сопряжено съ большими затрудненіями: припасы забирали силою въ мѣстахъ, къ которымъ приставали; это дѣлали даже въ Скандинавіи, не говоря уже о другихъ странахъ, считавшихся законною жертвою добычи.

Вторженія въ другія страны не отвлекали однако Норманновъ отъ обороны собственныхъ береговъ. Для этой цѣли каждая приморская область обязана была содержать извѣстное число судовъ въ постоянной готовности; они являлись по первому требованію къ назначенному сборному пункту, для отраженія набѣга или для отмщенія за него.

Первымъ поприщемъ морскихъ экспедицій Норманновъ были Сѣверное и Балтійское моря; предметами дѣйствій—обитатели Британіи и племена Славянъ, сопредѣльныя Финскому Заливу.

Всѣ ихъ экспедиціи, большею частію, оканчивались удачно и имѣли, какъ извѣстно, значительное вліяніе на политическое и военное устройство прибрежныхъ европейскихъ земель. Въ своемъ постепенномъ развитіи, экспедиціи эти представляютъ обыкновенный переходъ—отъ разбойничьихъ къ завоевательнымъ предпріятіямъ. Изъ нихъ послѣднія имѣютъ нѣкоторый интересъ, представляя уже не одни образцы дикой храбрости, но и проблески искусства. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ экспедиція Вильгельма Завоевателя въ Англію, заслуживающая особеннаго вниманія по выбору времени для высадки. Она была произведена на южный берегъ Англіи въ то время, когда Король Англійскій Гарольдъ пошелъ на сѣверъ, для отраженія Норвежскаго Короля, высадившагося съ 30 т. у устья Гумбера *). Разбивъ его, Гарольдъ обратился на югъ; но Вильгельмъ уже утвердился на берегу. Въ послѣдовавшемъ сраженіи Вильгельмъ одержалъ полную побѣду, доставившую ему обладаніе Англіею. Приготовленія его къ этому десанту были несложны: онъ, говоря попросту, «кликнулъ кличъ» жалающимъ участвовать въ завоеваніи Англіи, суля имъ, въ случаѣ успѣха, добычу всякаго рода—отъ богатыхъ земель до богатыхъ невѣстъ включительно. Обѣщаніе такъ подѣйствовало, что Вильгельмъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ средства, какихъ одна Нормандія никогда не могла ему доставить **). Почти современно этой экспедиціи была предпринята другая, изъ Нормандіи же въ Италію, и окончилась покореніемъ южной ея части.

Экспедиція Норманновъ въ Балтійскомъ Морѣ повели къ сбли-

*) Перевезен. этотъ десантъ на 500 судахъ: по 60 челов. на судно.
**) 70000 воиновъ и 1200 судовъ – 58 человѣкъ на судно.

женію ихъ съ сосѣдними славянскими племенами и имѣли слѣдствіемъ начатки государственнаго устройства въ Русской землѣ. Въ новомъ своемъ отечествѣ, Норманны остались вѣрны своему характеру и, перенеся резиденцію въ Кіевъ, не замедлили приступить къ экспедиціямъ противъ Греческой Имперіи. Первоначально къ нимъ побуждала жажда добычи, которая такъ была легка и обильна въ Восточной Имперіи; сюда относятся: а) Походъ олега (912) *), представляющій ту особенность, что кавалерія отправлена была по берегу; б) Два похода Игоря, относящіеся ко 2-й половинѣ X столѣтія. Эти походы обнаружили слабость Греческой Имперіи и, конечно, подали Святославу мысль принудить Грековъ къ уступкамъ болѣе положительнымъ, чѣмъ откупъ богатою данью. Съ этою цѣлью онъ, съ 60,000 арміею, спустился на лодкахъ по Днѣпру въ Черное Море, оттуда вошелъ въ устье Дуная (967), высадился и покорилъ Булгарію. Предпріятіе окончилось неудачно, но заслуживаетъ вниманія по выбору пути дѣйствія.

Утвержденіе Норманновъ въ Англіи, на сѣверномъ прибрежьѣ Франціи и въ Италіи, положило конецъ ихъ пиратству въ то время, когда религіозное одушевленіе указало Западной Европѣ новую цѣль—биться съ невѣрными для завоеванія гроба Господня.

Первыя крестовыя предпріятія были сухопутныя; но они показали всѣ невыгоды этого пути дѣйствій, и уже со 2-го крестоваго похода возникаетъ мнѣніе о преимуществахъ морскаго переѣзда въ Святую Землю**). Но во 2-мъ походѣ оно не было еще принято. Слѣдующія затѣмъ крестовыя предпріятія почти всѣ совершены были моремъ; но, за исключеніемъ экспедицій Людовика IX, не имѣютъ военнаго значенія, потому что произведены въ предварительно завоеванную страну.

Людовикъ IX предпринималъ два похода: въ Египетъ и въ Тунисъ. Оба они имѣли несчастный исходъ, но замѣчательны въ стратегическомъ и административномъ отношеніяхъ.

Стратегическое значеніе Египта уже давно было сознано христіанами. Первое знакомство ихъ съ этою страною относится къ началу 2-й половины XII столѣтія. Богатство Египта и смуты, волновавшія его постоянно, дѣлали его, повидимому, легкою и заманчивою добычею. Съ тѣхъ поръ мечта покоренія Египта не оставляла христіанскихъ вождей; а когда мысль объ этомъ завое-

*) 2000 лодокъ и 80,000 войска.
**) Michaud, T. I. p. 372.

ваніи была высказана на Латранскомъ Соборѣ, то ее стали считать внушеніемъ неба.

Въ 1208 г. была предпринята морская экспедиція противъ Египта, подъ предводительствомъ Леопольда Австрійскаго. Первые успѣхи арміи христіанъ поселили въ нихъ опасную самонадѣянность, побудившую предпринять движеніе внутрь страны въ самое неблагопріятное время года, не смотря на предостереженія опытныхъ воиновъ. Разливъ Нила и лишенія разнаго рода погубили большую часть христіанской арміи, и предпріятіе окончилось ничѣмъ. Противъ этой-то страны, о которую не разъ уже разбивались усилія христіанъ, Людовикъ IX рѣшился устремить своею армію.

Онъ сдѣлалъ огромныя для того времени приготовленія, удивляющія своею предусмотрительностью и тѣми усиліями, которыя нужно было употребить для преодолѣнія встрѣтившихся препятствій. Франція не была въ то время морскою державою и не имѣла на Средиземномъ Морѣ порта, удобнаго для пристанища флота и амбаркаціи значительной арміи: король рѣшился создать его. Купленъ былъ Aigues Mortes и гавань его углублена *). На Кипрѣ, къ пріѣзду крестоносцевъ сдѣланы обширныя заготовленія. Наконецъ, были приняты дѣятельныя мѣры къ увеличенію денежныхъ средствъ. Въ то же время нанятъ генуэзскій флотъ для перевозки крестоносцевъ на островъ Кипръ.

Въ августѣ 1248 года флотъ вышелъ въ море. Рыцари до такой степени не были привычны къ морскимъ путешествіямъ, что даже не скрывали страха опасности **). Флотъ состоялъ изъ 128 кораблей, не считая судовъ, назначенныхъ для перевозки припасовъ и лошадей; плаваніе его было благополучно; Кипра достигли 21 сентября. Радостно были приняты Французы на этомъ островѣ:—всѣ были увѣрены, что предпріятіе, руководимое благочестивымъ королемъ, славно кончится для христіанъ.

На послѣдовавшемъ затѣмъ военномъ совѣтѣ окончательно рѣшено было ударить на Египетъ, «какъ на источникъ силы и богатства магометанъ». Людовикъ IX намѣревался немедля преслѣдовать цѣль похода; но Король Кипрскій удержалъ его, потому что самъ не былъ готовъ къ дѣйствію: походъ отложили до весны. Это имѣло весьма неблагопріятное вліяніе на крестоносную армію, ослабивъ въ ней порядокъ и подчиненность, которые были и безъ

---

*) Мишо, Т. Ш. стр. 96

**) Прямодушный Joinville говоритъ въ своихъ запискахъ: bien fou celui qui, ayant quelque péché sur son âme, se met en un tel danger; car si on s'endort un soir, on ne sait si on ne se trouvera le matin au fond de la mer.

того не въ завидномъ положеніи. По приближеніи весны, приступили къ постройкѣ плоскодонныхъ судовъ для облегченія высадки. Въ то же время приняли мѣры для найма флота подъ армію и припасы, заготовленные для нея на Кипрѣ и которые положено было перевезти въ Египетъ. Наемъ флота представлялъ большія затрудненія и замедлилъ нѣсколько походъ; наконецъ, было собрано до 1800 большихъ и малыхъ судовъ:—число, оказавшееся необходимымъ для перевоза арміи и ея припасовъ.

Египетскій шахъ зналъ объ опасности и употребилъ все, чтобы помѣшать высадкѣ крестоносцевъ. Мѣры его показываютъ даже большую степень искусства, чѣмъ та, которую замѣчаемъ у христіанъ. Укрѣпленія Александріи и Даміетты были усилены и снабжены продовольствіемъ; построенъ многочисленный флотъ, стоявшій въ устьяхъ Нила въ полной готовности къ противодѣйствію высадкѣ крестоносцевъ. Наконецъ, на берегу расположена была лагеремъ значительная армія. Болѣзнь шаха ослабила эти мѣры; но онѣ показываютъ, что имѣлось въ виду обезпечить отъ высадки весь египетскій берегъ; слѣдовательно, шахъ предполагалъ христіанъ болѣе искусными, нежели они были въ дѣйствительности. Казалось вѣроятнымъ, что они изберутъ предметомъ дѣйствій пунктъ, который имъ указывали рутина и преданіе, т. е. Даміетту. Такъ и случилось.

Плаваніе крестоносцевъ было не совсѣмъ благополучно; часть ихъ флота была разбросана бурею; остальная же, и большая часть его, успѣла собраться, на 4-й день по отплытіи изъ Кипра, въ виду Даміетты. Положено было немедленно высадиться, не выжидая отставшихъ судовъ, чтобы воспользоваться впечатлѣніемъ неожиданности появленія и чтобы, оставаясь въ открытомъ морѣ выжидать остальную часть флота, не подвергать себя опасности отъ новыхъ могшихъ случиться бурь.

Планъ этотъ совершенно основательный, былъ выполненъ весьма неискусно, хотя и счастливо: крестоносцы рѣшились произвесть высадку въ виду мусульманской арміи. Въ тактическомъ отношеніи, высадка эта представляетъ образецъ производства десантовъ открытою сплою до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія и первый примѣръ употребленія при высадкѣ нарочно для того построенныхъ судовъ.

«Когда корабли стали въ виду берега *), христіанскіе воины пересѣли въ барки, слѣдовавшія за флотомъ и построившіяся въ

*) Мишо.

двѣ линіи. Людовикъ IX находился на правомъ флангѣ, въ сопровожденіи двухъ своихъ братьевъ и избраннѣйшихъ рыцарей. Около него былъ кардиналъ-легатъ, державшій въ рукахъ крестъ Спасителя. Передъ королевскою плыла барка, на которой развѣвалось знамя Франціи». Гр. Яфскій былъ на лѣвомъ флангѣ, противъ устья Нила; онъ предводилъ рыцарями Кипра и баронами Палестины и плылъ на самомъ легкомъ суднѣ изо всего флота.... Эраръ Бріеннскій занималъ центръ линіи съ избраннымъ войскомъ; его подкрѣплялъ Балдуинъ Реймскій, командовавшій 1,000 воиновъ. Рыцари, съ пиками въ рукахъ, устремивъ взоры на берегъ, стояли на лодкахъ, имѣя около себя своихъ лошадей. Фронтъ и фланги арміи прикрывали арбалетчики, посаженные на барки и назначенные для того, чтобы отогнать непріятеля отъ берега *)».

Но эта довольно стройная картина предварительныхъ приготовленій дала бы весьма неточное понятіе о крестоносцахъ, если бы мы не пополнили ее описаніемъ деберкаціи, которую также заимствуемъ у Мишо.

«Какъ только крестоносцы приблизились къ берегу на полетъ стрѣлы, то въ одно время съ берега и съ христіанскихъ судовъ посыпались тучи камней, стрѣлъ и дротиковъ. Ряды крестоносцевъ заколебались; Король отдалъ приказаніе удвоить усилія и достигнуть берега. Онъ самъ подаетъ примѣръ; не обращая вниманія на легата, хотѣвшаго его удержать, онъ бросается въ волны, обремененный оружіемъ, со щитомъ въ одной, съ мечемъ въ другой рукѣ; вода доходила ему до плечъ. Вся христіанская армія слѣдуетъ примѣру Короля съ возгласами: Mont joie S.-Denis; эта масса людей и лошадей, стремившихся къ берегу, взволновала море; воины тѣснились, сталкивались, въ воздухѣ раздавались шумъ волнъ, плескъ веселъ, крикъ солдатъ и матросовъ и удары при столкновеніи барокъ и кораблей, подававшихся впередъ въ безпорядкѣ». Въ этомъ движеніи много было неустрашимости и весьма мало искусства; но магометане побѣжали при одномъ видѣ крестоносцевъ и безпорядокъ не имѣлъ гибельныхъ послѣдствій. Кавалерія мусульманъ сдѣлала было попытку сбросить въ море горсть первыхъ крестоносцевъ, добравшихся до берега; но они дружно встрѣтили натискъ и отразили его.

Усилившись на берегу, Французы перешли въ наступленіе, сбили со всѣхъ пунктовъ мусульманъ, искавшихъ спасенія въ своемъ лагерѣ. Французы преслѣдуютъ ихъ, выбиваютъ изъ ла-

*) Michaud, T. III, p. 120.

геря и заставляютъ бросить лѣвый берегъ даміеттскаго рукава Нила.

Мусульманскій флотъ имѣлъ не лучшую участь, много судовъ было потоплено крестоносцами, остальные поднялись по Нилу.

Между тѣмъ въ мусульманской арміи распространилась вѣсть, что султанъ скончался; большая часть эмировъ, въ нетерпѣніи узнать участь, ожидавшую ихъ при новомъ правителѣ, оставили армію; ею овладѣлъ паническій страхъ, солдаты разсыпались и искали спасенія въ бѣгствѣ. Паническій страхъ передался гарнизону Даміетты, который, предавшись необузданнымъ неистовствамъ надъ жившими въ ней христіанами, также бѣжалъ изъ крѣпости.

Такимъ образомъ крестоносцы, по необыкновенно счастливому стеченію обстоятельствъ, совершили десантъ и пріобрѣли опорный пунктъ безъ всякой потери.

По взятіи Даміетты многіе изъ участвовавшихъ въ военномъ совѣтѣ предлагали воспользоваться ужасомъ, наведеннымъ на мусульманъ первыми успѣхами, и быстро двинуться къ Каиру. Но приближалось время разлитія Нила: опытъ экспедиціи 1208 года былъ слишкомъ поучителенъ, чтобы можно было оставить его безъ вниманія. Къ этому присоединилась еще и другая причина: Людовикъ IX ожидалъ подкрѣпленій, уже бывшихъ на пути въ Египетъ.

Это, впрочемъ необходимое, замедленіе повело къ разстройству арміи, достигшему до такой степени, что было утраченно не только чувство повиновенія, но даже уваженіе къ Королю. Дошло до того, что онъ не могъ удовлетворять самыхъ справедливыхъ жалобъ обиженныхъ рыцарей. Это имѣло слѣдствіемъ неудовольствія и даже ослабленіе арміи, потому что нѣкоторые рыцари отказались продолжать въ ней службу. Наконецъ, прибыло подкрѣпленіе: время наводненія также миновало: рѣшено было продолжать военныя дѣйствія. На собранномъ по этому случаю военномъ совѣтѣ мнѣнія раздѣлились: одни, — и это были опытнѣйшіе въ военномъ дѣлѣ, — предлагали овладѣть Александріею прежде чѣмъ вдаваться внутрь страны; другіе, преимущественно молодежь, требовали немедленнаго движенія къ Каиру.

Первые основывали свое мнѣніе на томъ, что опасно было оставлять въ тылу непокореннымъ столь многолюдный и во всѣхъ отношеніяхъ важный городъ, какъ Александрія. Это было бы тѣмъ неосновательнѣе, что она представляла совершенно безопасное убѣжище для флота и полное удобство для удовлетворенія потребностей арміи. Вторые требовали движенія къ Каиру только потому, что, ослѣпленные первыми удачами, воображали, что нѣтъ

силы, которая могла бы остановить ихъ стремленіе. А между тѣмъ подобное движеніе въ это время не представляло даже выгодъ неожиданности: поздно было на нее разсчитывать, простоявъ нѣсколько мѣсяцовъ въ бездѣйствіи. Непріятель не только собралъ въ это время значительныя силы, но и пріучилъ ихъ къ боевой жизни, занимая дѣйствіями малой войны противъ крестоносцевъ. во все время стоянки ихъ у Даміетты. Не смотря на то, послѣднее мнѣніе взяло верхъ: Король не былъ военнымъ человѣкомъ и не имѣлъ силы настоять на противномъ. И такъ рѣшено было двинуться къ Каиру, но крестоносцы дошли только до Мансуры, у которой находилась армія мусульманъ. Мы не станемъ описывать дальнѣйшихъ дѣйствій Французовъ, дѣйствій представляющихъ непрерывное сцѣпленіе неудачъ и бѣдствій. Всѣ усилія крестоносцевъ были направлены такъ неискусно, представляютъ такое отсутствіе единства, что ничего другого, кромѣ неудачъ, и ожидать было новозможно. Всякій заботился только о личномъ отличіи, а не объ успѣхѣ общаго дѣла.

Наконецъ крестоносная армія, истощенная заразою, безпорядочно потраченными усиліями и противодѣйствіемъ непріятеля, предприняла отступленіе къ Даміеттѣ, окончившееся плѣненіемъ Короля и большей части рыцарей.

Отдавая полную справедливость стратегическимъ соображеніямъ, руководившимъ Людовика IX въ его предпріятіи на Египетъ, нельзя не сознать, что исполненіе плана было ниже всякой критики. Всѣ современнные писатели обвинили Людовика IX за эту, по ихъ мнѣнію, безразсудную экспедицію, хотя въ основаніе ея были положены глубоко-вѣрныя идеи. Такъ неудача всегда ведетъ къ строгимъ осужденіямъ въ дѣлѣ, которое успѣшнымъ окончаніемъ вызвало бы восторженныя похвалы.... Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Людовикъ IX имѣлъ въ виду не одно поддержаніе христіанскихъ владѣній на Востокѣ, но намѣревался водворить въ Египтѣ колонію, которая сблизила бы Востокъ съ Западомъ, облегчивъ между ними обмѣнъ и произведеніями рукъ, и произведеніями мысли. Мезерэ положительно говоритъ о намѣреніи Короля основать колонію въ Египтѣ *). Нельзя не замѣтить однакожъ, что если такова была цѣль Короля, то не было никакой надобности углубляться къ Каиру; для достиженія ея достаточно было владѣть приморскою частью страны, отъ Александріи до Даміетты, которая составляетъ ключъ къ господству въ Египтѣ. Слѣ-

*) Michaud.

довательно, движеніе къ Каиру противорѣчило основной идеѣ плана; для осуществленія его была необходима сильная воля и безошибочная проницательность въ преслѣдованіи общей идеи во всѣхъ мелочахъ исполненія, которыя не должны ей противорѣчить. Людовикъ IX, не смотря на все уваженіе къ его высокому характеру, не былъ созданъ для этой роли: не созданы были для нея и тѣ безпорядочныя, хотя и огромныя средства, которыя набожный Король умѣлъ собрать для достиженія предположенной цѣли.

Второй походъ не представляетъ даже достоинствъ предъидущаго и замѣчателенъ только страннымъ уклоненіемъ отъ предположенной цѣли: Людовикъ IX, поставившій цѣлью жизни освобожденіе Св. Земли, неотвращенный отъ нея ни матерью, ни семействомъ, ни, наконецъ, выгодами Королевства, поддается ловкимъ внушеніямъ Сицилійскаго Короля и мечтательной надеждѣ обратить въ христіанство туниссkаго бея, и рѣшается на высадку въ Тунисъ.

Опытъ предшедствовавшаго десанта не имѣлъ никакого вліянія на приготовленія къ походу, хотя и обнаружилъ слабыя ихъ стороны. По прежнему былъ нанятъ флотъ съ большими затрудненіями, и при томъ только для перевоза арміи, а не для содѣйствія ей во все время похода. Въ остальныхъ частяхъ приготовленія были даже хуже сдѣланныхъ къ прежнему походу.

Къ іюню 1270 г. флотъ долженъ былъ прійти въ Aigues Mortes; туда же къ этому времени обѣщали собраться бароны южныхъ областей Франціи, изъявившіе желаніе участвовать въ экспедиціи. Срокъ насталъ, а на сборномъ пунктѣ не было ни войска, ни флота. Наконецъ, всѣ собрались и выступили въ море 4 іюля. Плаваніе было замедлено бурею; 17-го флотъ сталъ въ виду Туниса; появленіе его было тѣмъ неожиданнѣе, что туниссkій бей былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціею. Король немедленно отрядилъ на рекогносцировку адмирала Варенна, который донесъ по возвращеніи, что не замѣтилъ никого ни въ портѣ, ни на берегу, и что, пользуясь смятеніемъ мусульманъ, должно, не медля ни минуты, приступить къ десанту. Но это показалось слишкомъ смѣлымъ, и рѣшено было отложить высадку до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день берегъ былъ покрытъ Сарацинами, пѣшими и конными. Крестоносцы будто этого только и ожидали: тотчасъ были сдѣланы приготовленія къ высадкѣ. Съ приближеніемъ христіанъ къ берегу, Сарацины исчезли, и это была великая милость неба, ибо по свидѣтельству очевидца, безпорядокъ былъ такъ великъ, что сто человѣкъ могли остановить всю армію христіанъ. Послѣдующія затѣмъ дѣйствія отличаются крайнею нерѣшитель-

постью, виною которой была ложно понятая осторожность. Король, наученный опытомъ египетской экспедиціи, рѣшился ничего не предоставлять случайности въ этомъ походѣ: слѣдствіемъ этого была медлительность дѣйствій, губящая войска иногда болѣе, нежели самыя отважныя предпріятія.

Это случилось съ арміей Короля, поставленной въ положеніе тѣмъ болѣе затруднительное, что бей уклонялся отъ рѣшительной встрѣчи въ открытомъ полѣ, ограничиваясь дѣйствіями малой войны, въ которыхъ онъ имѣлъ надъ христіанами полный перевѣсъ по превосходству своему въ кавалеріи. Армія христіанъ быстро таяла: необходимость быть постоянно насторожѣ, въ соединеніи съ недостаткомъ воды и непривычнымъ климатомъ, довели ее до крайняго изнуренія. Это повело къ столь сильному развитію чумы и диссентеріи, что скоро не успѣвали хоронить мертвыхъ. Самъ Король заболѣлъ и скончался 25 августа. Нравственная опора предпріятія исчезла, и дальнѣйшія дѣйствія крестоносцевъ клонились только къ скорѣйшему заключенію мира. Условія его далеко не вознаградили понесенныхъ потерь; остатки арміи Людовика IX возвратились въ Европу, понеся на пути отъ бури нѣкоторыя потери.

Съ этого времени и до введенія въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, не случалось замѣчательныхъ почему-либо десантныхъ предпріятій. Экспедиціи Турокъ противъ Восточной Имперіи не замѣчательны ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ отношеніи. Бо̀льшій интересъ представляютъ экспедиціи англійскихъ королей: Эдуарда III и Генриха V во Францію, во время столѣтней войны; но и то по дѣйствіямъ послѣдующимъ, а не по значенію ихъ въ смыслѣ морскихъ экспедицій.

Сравненіе десантовъ до изобрѣтенія огнестрельнаго оружія и послѣ изобрѣтенія.

Это были послѣднія десантныя предпріятія древняго періода, оканчивающагося съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія. Періодъ этотъ представляетъ многіе примѣры десантовъ большими силами — явленіе, котораго не представляетъ новая военная исторія. Причины тому заключались и въ свойствахъ матеріяльныхъ средствъ древнихъ экспедицій, и въ конфигураціи Средиземнаго Моря, бывшаго главнымъ, если не исключительнымъ, ихъ поприщемъ. Средиземное Море, при незначительной ширинѣ, усѣяно многочисленными и довольно равномѣрно распредѣленными островами; закрытое со

всѣхъ сторнъ оно представляетъ, слѣдовательно, всѣ удобства для совершенія переѣздовъ на малыхъ судахъ, потому что тихо и имѣетъ много пристаней Вслѣдствіе этого, первоначальные флоты, состоя преимущественно изъ судовъ малаго размѣра, не требовавшихъ при постройкѣ ни огромныхъ матеріяльныхъ пожертвованій, ни особеннаго искусства, могли быть увеличиваемы безъ большого затрудненія. И такъ, одно изъ главныхъ препятствій при десантахъ, необходимость снарядить многочисленный флотъ, въ древности преодолѣвалось довольно легко. Всѣ прочія приготовленія къ десантнымъ экспедиціямъ были не менѣе просты: частыя остановки въ пристаняхъ устраняли необходимость имѣть на флотѣ значительное количество продовольственныхъ припасовъ, а исключительное дѣйствіе холоднымъ оружіемъ уничтожало совершенно неизбѣжный въ наше время родъ снабженій — военными снарядами. Если они и находились иногда на древнихъ флотахъ, то въ весьма незначительномъ количествѣ, и состояли изъ стрѣлъ и камней для метательныхъ машинъ, дѣйствіе которыми было весьма ограничено; можно сказать даже, что употребленіе ихъ представляется какъ исключеніе въ первомъ десантѣ Цесаря въ Британію. Все это показываетъ, что приготовительная часть десантовъ весьма упрощалась и незначительностью необходимыхъ снабженій, и несложнымъ устройствомъ древнихъ судовъ. Если обратимся ко второй части разсматриваемыхъ экспедицій — къ плаванію, то увидимъ, что въ древности оно далеко не было сопряжено съ тѣми опасностями со стороны непріятеля, какія представляются десанту въ настоящее время. Флоты подвергались бо̀льшей опасности отъ бурь, по малымъ размѣрамъ судовъ: но это даже благопріятствовало успѣху экспедиціи, потому что уничтожало возможность крейсерованія: оно было невозможно при младенчествѣ флота, состоявшаго преимущественно изъ гребныхъ судовъ. Преобладаніе на морѣ не давало тѣхъ преимуществъ, которыя съ нимъ соединены въ настоящее время: оно не мѣшало десанту противника достигать цѣли. Цесарь и Антоній переѣзжаютъ Адріатическое Море между Брундузіумомъ и Эпиромъ, не смотря на то, что Помпей господствовалъ на морѣ; подобный же переѣздъ Цесарь дѣлаетъ впослѣдствіи изъ Сициліи въ Африку, хотя преимущество морскихъ силъ было по прежнему на сторонѣ Помпеевой партіи *). Самыя морскія сраженія немногимъ отличались отъ сухопутныхъ: арміи получали возможность вредить другъ другу только при абордажѣ, для котораго не требовалось особеннаго искусства въ маневрированіи и

*) Napoléon: Précis des guerres de César.

успѣхъ котораго зависѣлъ совершенно отъ тѣхъ же условій, какимъ онъ подчинялся и въ сухопутныхъ древнихъ сраженіяхъ. Вслѣдствіе этого, встрѣча десанта съ противникомъ на морѣ не была опасна: онъ могъ выдержать морское сраженіе и достигнуть цѣли, чему доказательствомъ можетъ служить высадка Римлянъ въ Африку въ 1-ю пуническую войну. И это вполнѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что присутствіе войскъ на флотѣ не было для него безполезнымъ бременемъ, а напротивъ составляло его живую оборонительную силу. Наконецъ, самая неудача морскихъ сраженій не влекла за собою особенно гибельныхъ послѣдствій: тогда не было средствъ разрушительно дѣйствовать въ подводную часть судовъ, слѣдовательно гибли только тѣ изъ нихъ. которые были случайно опрокинуты. Малая вѣроятность потопленія, въ соединеніи съ незначительнымъ числомъ людей, составлявшихъ грузъ каждаго судна, дѣлала подобныя потери мало чувствительными.

Наконецъ самое производство высадокъ не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій ни въ выборѣ пункта, ни въ приближеніи къ берегу, ни въ обезпеченіи тыла арміи при углубленіи ея внутрь страны. Суда, мелко сидя въ водѣ, могли во всякомъ почти мѣстѣ приближаться къ самому берегу и притомъ широкимъ фронтомъ; слѣдовательно переходъ на берегъ войскъ не требовалъ никакихъ предварительныхъ мѣръ. Такъ было почти въ продолженіе всего древняго періода, именно до высадки Лудовика IX въ Египетъ, которая представляетъ первый примѣръ пересаживанія войскъ на мелкія суда для высадки. Самое обезпеченіе флота отъ покушеній непріятеля, при углубленіи десанта внутрь страны, не особенно озабочивало полководца: для этого достаточно было вытащить суда на берегъ и окопать ихъ валомъ. Впрочемъ, къ концу древняго періода, и это измѣнилось: увеличеніе судовъ повело къ необходимости избирать для высадокъ такіе пункты, которые, по свойствамъ своимъ, способствовали бы укрытію флота отъ бурь и отъ непріятеля.

Не смотря на всѣ эти обстоятельства, облегчавшія десантныя предпріятія въ древнее время, они и тогда уже представляли затрудненія, заставлявшія избирать предпочтительно сухопутную операціонную линію въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ только это было возможно. Затрудненія эти заключались преимущественно въ невозможности перевозить моремъ значительное количество кавалеріи и пользоваться средствами страны вторженія. Первое обстоятельство было въ особенности важно и чрезвычайно затрудняло дѣйствія десантовъ вдали отъ моря, такъ что древній періодъ представляетъ

только одинъ примѣръ десанта, значительно углубившагося внутрь страны *). Наибольшая цифра, до которой въ древнемъ періодѣ достигало число перевозимыхъ при десантахъ лошадей, была 6,000 **). Повѣствуютъ, будтобы въ составѣ египетскаго десанта Людовика IX было 20 тыс. кавалеріи; но это не заслуживаетъ никакого вѣроятія уже и по тому ущербу, который причиняли христіанской арміи дѣйствія малой войны. Какъ ни были искусны среднековѣковыя арміи въ томъ, чтобы парализировать свои собственныя средства, но, конечно, въ нихъ были люди, которые съумѣли бы воспользоваться двадцати-тысячнымъ корпусомъ кавалеріи, по крайней мѣрѣ для предохраненія арміи отъ нападенія мелкихъ непріятельскихъ партій. Но затрудненіе отъ недостатка кавалеріи было далеко не такъ велико, какъ въ настоящее время, потому что въ древности количество кавалеріи было вообще меньше и дѣла рѣшались преимущественно пѣхотою. И такъ, организація древнихъ армій и исключительное дѣйствіе ихъ холоднымъ оружіемъ показываютъ, что не было особенной разницы въ дѣйствіяхъ арміи, вторгалась ли она съ моря или съ сухого пути; не могло быть, слѣдовательно, разницы и въ количествѣ силъ, употреблявшихся въ предпріятіяхъ того или другого рода.

Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія произвело переворотъ, можетъ быть, даже большій въ дѣйствіи морскихъ, нежели сухопутныхъ силъ: оно отразилось и въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ эти силы подаютъ, такъ сказать, другъ другу руку для взаимнаго содѣйствія.

Введеніе артиллеріи во флотѣ само-собою должно было повести къ увеличенію размѣровъ кораблей и измѣнить ихъ назначеніе: мало по малу они перестали быть помостомъ для войскъ, доставлявшимъ имъ возможность дѣйствовать на морѣ, какъ они обыкновенно дѣйствовали на сухомъ пути, и обратились въ плавучія батареи. Успѣшное дѣйствіе флота стало зависѣть не отъ количества и нравственной силы находящихся на немъ войскъ, а отъ того положенія, какое онъ приметъ относительно противнаго флота, т. е. отъ большей или меньшей способности кораблей къ маневрированію. Пѣхота перестала быть на флотѣ дѣятельною силою и обратилась въ мертвый грузъ, который, терпя при встрѣчѣ съ непріятелемъ отъ его артиллеріи, не въ состояніи былъ возвратить ему наносимаго ему вреда. Это имѣло непосредственнымъ

*) Второй десантъ Цесаря въ Британію; но онъ не можетъ служить примѣромъ, потому что Цесарь дѣйствовалъ противъ дикарей съ регулярными войсками.

**) Десантъ Генриха V въ столѣтнюю войну.

слѣдствіемъ появленіе новаго рода судовъ—транспортныхъ. Существовали они и въ древнее время, но не составляли тогда необходимаго условія при десантахъ: сухопутную армію можно было везти и на военныхъ корабляхъ, не только не уничтожая ихъ силы, но, напротивъ, прибавляя къ ней новый элементъ; только кавалерія требовала для своей перевозки судовъ, въ которыхъ легкость хода приносится обыкновенно въ жертву вмѣстимости. Теперь транспортныя суда необходимы при десантѣ для перевозки всѣхъ родовъ войскъ: перевозить ихъ на военныхъ судахъ значило бы отвращать послѣднія отъ ихъ главнаго назначенія—дѣйствія артиллеріею; значило бы соединеніемъ противоположныхъ силъ взаимно уничтожать ихъ. Между тѣмъ развитіе корабельной архитектуры, усовершенствованія парусной системы и наконецъ стремленіе помѣстить на военныхъ корабляхъ возможно большее число орудій, повели къ постепенному увеличенію размѣровъ кораблей. Но увеличеніе этихъ размѣровъ въ длину и ширину имѣло свои предѣлы, дальше которыхъ трудно было идти, не отказавшись отъ возможности управлять кораблемъ: стали увеличивать ихъ высоту, чтобы помѣщать батареи ярусами, по невозможности ставить ихъ рядомъ. Стремленіе увеличить емкость транспортныхъ судовъ имѣло подобное же вліяніе на ихъ конструкцію. Это затруднило ихъ приготовленіе и имѣло неблагопріятное вліяніе на способъ совершенія морского переѣзда и производство самой высадки. Плаваніе, освобожденное до нѣкоторой степени отъ вліянія бурь, представило опасности не менѣе важныя—при встрѣчѣ въ открытомъ морѣ съ непріятелемъ, которому артиллерійскій огонь даетъ дѣйствительное средство для потопленія кораблей, и по собственной своей силѣ, и потому что нынѣшніе корабли представляютъ большую цѣль. Чѣмъ корабль болѣе нагруженъ, тѣмъ опаснѣе для него попасть подъ огонь непріятеля, и тѣмъ труднѣе уйти отъ него. Слѣдовательно, транспортъ съ войсками, въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскимъ военнымъ судномъ, подвергается неминуемой опасности, не имѣя никакихъ средствъ противустоять ей. Даже при абордажѣ, который собственно невозможенъ при подобной встрѣчѣ, войска, заключенныя въ транспортѣ, не въ состояніи употребить съ пользою всѣхъ своихъ усилій, потому что всегда помѣщаются на кораблѣ въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько нужно, по размѣру палубы, для дѣйствія въ рукопашномъ бою. Древнія суда не представляли этого неудобства: будучи однопалубными, они препятствовали ярусному размѣщенію на нихъ людей и вмѣщали только такое ихъ количество, которое опредѣлялось размѣрами судна въ планѣ, а не

въ объемѣ. Ясно, что при этомъ условіи, людей можетъ помѣститься не болѣе того числа, которое необходимо при абордажѣ.

Безсиліе транспортовъ при встрѣчѣ ихъ съ военными кораблями сдѣлало необходимымъ соблюденіе при нынѣшнихъ десантахъ условія, не существовавшаго для древнихъ десантовъ—прикрытія ихъ военнымъ флотомъ *) на столько сильнымъ, чтобы онъ былъ въ состояніи предохранить транспортный поѣздъ отъ покушеній предпріимчиваго непріятеля. Такимъ образомъ вмѣсто одного явилась необходимость имѣть два флота: одинъ — транспортный, другой—конвоирующій его. Это обстоятельство, въ соединеніи съ громадными военными и продовольственными снабженіями, неизбѣжными въ наше время, до такой степени усложнило приготовительную часть десантныхъ экспедицій, что предпріятіе ихъ требуетъ несравненно бо́льшихъ издержекъ нежели война сухопутная, разсматривая, конечно, этотъ вопросъ при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ.

И не смотря на эти пожертвованія, флотъ, конвоирующій транспортъ, не представляетъ достаточнаго обезпеченія въ успѣхѣ десанта, если только онъ будетъ встрѣченъ непріятельскимъ военнымъ флотомъ. Такая встрѣча предоставила бы всѣ выгоды для дѣйствій противнику, свободному въ маневрированіи, надъ конвоирующимъ флотомъ, озабоченнымъ прикрытіемъ транспорта.

Въ производствѣ самой высадки прибавилась новая и при томъ довольно затруднительная по медленности часть—пересаживаніе войскъ на гребныя суда. Это уничтожило возможность подходить къ берегу широкимъ фронтомъ и высаживать войска вдругъ. Для облегченія этого затрудненія иногда вынуждаемы были къ новымъ издержкамъ—на сооруженіе гребныхъ судовъ особенной конструкціи, дабы имѣть возможность разомъ высадить часть войскъ на столько самостоятельную, чтобы она могла сопротивляться атакамъ противника и прикрывать вновь высаживающіяся войска.

Наконецъ, увеличеніе размѣровъ кораблей сдѣлало невозможнымъ древній способъ обезпеченія флотовъ отъ бурь и непріятеля по совершеніи десанта. Число пунктовъ, удобныхъ для высадки, уменьшилось; для обезпеченія флота сдѣлалось необходимостью овладѣть въ странѣ вторженія гаванью, которая была бы закрыта

---

*) Переѣздъ Октавія въ Эпиръ представляетъ примѣръ употребленія прикрытія; но оно не составляло необходимаго условія, и въ помянутомъ случаѣ представляетъ исключеніе, потому что противники напрягали къ рѣшительной минутѣ всѣ свои усилія.

съ моря и съ сухого пути, и представляла всѣ удобства для стоянки многочисленнаго и глубоко сидящаго въ водѣ флота.

Развитіе правильныхъ понятій о производствѣ десантовъ при новыхъ условіяхъ совершалось постепенно: въ продолженіе довольно значительнаго промежутка времени (около столѣтія) военные флоты употребляются, какъ транспортные, до тѣхъ поръ, пока гибельный опытъ не показалъ на дѣлѣ всю несообразность такого употребленія. Событіе это, разомъ обнаружившее всю важность переворота, произведеннаго во флотѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ, служитъ чертою раздѣла новаго періода на двѣ эпохи: переходную, въ которой еще не обнаруживается рѣзко разница между древними и новыми флотами, и эпоху утвержденія правильныхъ понятій о назначеніи военнаго флота. Черту раздѣла составляетъ предпріятіе Филиппа II противъ Англіи, показывающее, съ одной стороны ошибку употребленія военныхъ кораблей для транспорта, съ другой, всѣ выгоды, которыя пріобрѣтаетъ непріятель отъ подобной ошибки.

Новый періодъ.

Первыя десантныя экспедиціи на судахъ, вооруженныхъ артиллеріею, не могутъ быть причислены къ военнымъ предпріятіямъ *). Это были экспедиціи: въ Америку, Остъ-Индію и на западные берега Африки. Обязанныя успѣхомъ своимъ тому страшному впечатлѣнію, которое производило дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія на обитателей этихъ странъ, онѣ не встрѣчали никакихъ препятствій, не могли, слѣдовательно, повести къ улучшенію средствъ, употребляемыхъ для ихъ преодолѣнія. Нѣсколько бо́льшій интересъ представляютъ экспедиціи Карла V въ Алжиръ и по тѣмъ препятствіямъ, которыя онѣ встрѣтили, и по цифрѣ десанта, замѣтно устанавливающейся, съ этого времени, на одномъ постоянномъ предѣлѣ.

Первый десантъ Карла V, предпринятый въ 1535 г., увѣнчался полнымъ успѣхомъ и состоялъ изъ 30 т. войскъ, перевезенныхъ на 500 судахъ (60 человѣкъ на судно). Второе предпріятіе того же государя относится къ 1541 году; оно показало всю зависимость, въ какой десантныя экспедиціи находятся отъ неустранимыхъ препятствій, и окончилось далеко не такъ удачно,

*) Jomini: Précis de l'art de la guerre--expéditions maritimes.

какъ первое. Впрочемъ, виною неудачи былъ самъ Карлъ V; онъ рѣшился на высадку въ позднее время года, несмотря на предостереженія адмирала Доріи. Въ половинѣ октября, двадцатитрехтысячная испанская армія, посаженная на испанскій и генуэзскій флоты (370 судовъ; 62 ч. на судно), отплыла отъ острововъ Маіорки и Минорки, направилась къ Алжиру и, 27 октября, произвела высадку въ 4-хъ верстахъ отъ него, у мыса Матифузъ. Но въ слѣдующую ночь поднялась буря, уничтожившая 150 судовъ и 8 т. войска, и лишившая армію почти всѣхъ продовольственныхъ запасовъ. Карлъ V рѣшился оставить начатое предпріятіе; 29 октября онъ снялъ блокаду Алжира и только слабому преслѣдованію Мавровъ обязанъ былъ тѣмъ, что совершилъ амбаркацію безъ огромныхъ потерь. Въ ноябрѣ онъ возвратился въ Европу, понеся ни къ чему не поведшія потери.

Къ этому времени относится также рядъ морскихъ экспедицій, предпринятыхъ Турками для покоренія восточныхъ острововъ Средиземнаго Моря. Десанты на острова незначительнаго протяженія представляютъ вообще менѣе затрудненій, нежели на материкъ, потому что для защиты такихъ острововъ противникъ не можетъ постоянно держать на нихъ значительныхъ силъ; со стороны туземцевъ также нельзя ожидать особенно энергическаго противодѣйствія, потому что они, по морскому положенію своему, рано утрачиваютъ чувство исключительной національности и неразрывнаго съ нимъ патріотизма. Экспедиціи на подобные острова представляютъ единственный родъ десантовъ, въ которыхъ шансы противныхъ сторонъ уравновѣшиваются между собою, потому что для противодѣйствія другъ другу обѣ должны предпринимать морскія экспедиціи съ сухопутною цѣлью.

Всѣ исчисленныя десантныя предпріятія ознакомили нѣсколько съ административными особенностями разбираемыхъ экспедицій при новыхъ условіяхъ, но небогаты поучительностію въ тактическомъ отношеніи: въ нихъ еще необозначился рѣзко переворотъ, произведенный огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ этомъ смыслѣ пользуется столь же заслуженною, сколь и печальною, извѣстностью, экспедиція Филиппа II въ Англію.

Увѣренный въ своемъ могуществѣ на морѣ, такъ блистательно доказанномъ побѣдою при Лепанто, Филиппъ рѣшился покорить Англію за вмѣшательство ея въ дѣла голландскихъ инсургентовъ. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ громадный по тому времени флотъ изъ ста тридцати кораблей, на которомъ находилось до 11 т. матросовъ и 2,630 орудій. На немъ предполагалось перевезти 45-ти тысячный десантъ въ Англію; изъ этого числа 20 т. войскъ

было посажено въ Испаніи; остальныя 25 т. долженъ былъ приготовить Герцогъ Пармскій въ Голландіи, ко времени прибытія туда непобѣдимой армады. 29 мая 1588 армада вышла изъ лиссабонскаго порта; но застигнутая бурею, потерявъ нѣсколько кораблей, она принуждена была, для починки остальныхъ, укрыться въ корунскомъ портѣ, который оставила не ранѣе 12 іюля. Отсюда испанскій флотъ направился въ Британскій Каналъ, котораго достигъ въ концѣ іюля. 30 іюля армада встрѣтилась съ англійскимъ флотомъ, который, уклонившись отъ генеральнаго сраженія, предпринялъ безпокоить Испанцевъ частными нападеніями. Большая ихъ часть увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, по неповоротливости тяжело нагруженныхъ испанскихъ кораблей. Здѣсь постигла испанскихъ главнокомандующихъ новая неожиданность: голландскій десантъ былъ неготовъ, а Шотландія, также обѣщавшая помощь, подверглась вторженію непріятеля. Между тѣмъ, 7-го августа, армада была остановлена безвѣтріемъ на высотѣ Дюнкирхена, въ виду англійскаго флота, подкрѣпленнаго голландскою эскадрою, которая до того времени наблюдала за Герцогомъ Пармскимъ. Послѣдовавшее за тѣмъ, 8 августа, сраженіе обнаружило всю важность ошибки, сдѣланной Испанцами въ снаряженіи экспедиціи: легкія голландскія суда, въ соединеніи съ англійскимъ флотомъ, одержали блистательную побѣду надъ армадою, неповоротливые корабли которой не были способны къ маневрированію. Предводившій армадою герцогъ Медина-Сидонія увидѣлъ ясно всю невозможность борьбы съ такимъ противникомъ и поспѣшилъ отступить, рѣшившись обогнуть для этого съ сѣвера Британскіе Острова. На пути онъ выдержалъ новую бурю, и въ концѣ сентября съ остатками флота возвратился въ Испанію. Въ эту экспедицію армада потеряла 72 линейныхъ корабля и 10,185 человѣкъ.

Такъ кончилась эта экспедиція, сулившая Филиппу, по мнѣнію современниковъ, несомнѣнный успѣхъ. Причины ея гибельнаго исхода заключались, сколько можно судить, исключительно въ обремененіи военнаго флота десантомъ и во встрѣчѣ его легкимъ непріятельскимъ флотомъ. Обыкновенно объясняютъ эту неудачу неповоротливостью испанскихъ кораблей, не упоминая, въ чемъ именно заключалась ея причина, и тѣмъ даютъ ложное понятіе и о событіи, и о современномъ состояніи испанскаго флота: онъ былъ если не лучше, то уже никакъ и не хуже прочихъ современныхъ флотовъ. Нужно припомнить, что въ то время Испанія была первенствующею морскою державою и что въ ней не было, слѣдовательно, недостатка ни въ хорошихъ кораблестроителяхъ,

ни въ знающихъ свое дѣло морякахъ. Источникъ неудачи заключался не въ непоровотливости испанскихъ военныхъ кораблей, а въ томъ, что ихъ сдѣлали неповоротливыми, обременивъ десантомъ и необходимыми къ нему снабженіями. Представляя, такимъ образомъ, весьма назидательный примѣръ въ отрицательномъ смыслѣ, десантъ этотъ, съ другой стороны, богатъ и поучительностью положительною: Англичане рѣшились встрѣтить его на морѣ; результаты этой рѣшимости показали, чего можно ожидать отъ подобнаго образа дѣйствій, неоспоримо выгоднѣйшаго и сопряженнаго съ наименьшими потерями.

Съ этого времени значительныя десантныя предпріятія становятся весьма рѣдки. Первая по времени послѣ непобѣдимой армады экспедиція относится къ 1630 году и предпринята Густавомъ-Адольфомъ въ Германію. Не представляя ни громадныхъ силъ, ни большого переѣзда, ни обширныхъ снаряженій, она замѣчательна потому въ особенности, что есть первое проявленіе истинныхъ понятій о назначеніи военныхъ судовъ при десантахъ. Между военными и транспортными судами проведена рѣзкая черта: во всѣхъ извѣстныхъ источникахъ опредѣлительно говорится, что экспедиція была предпринята на 200 транспортныхъ и 60 *) военныхъ судахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только первыя служили для перевозки войскъ: это подтверждается силою десанта (15—18 т.). Допуская на 200-хъ транспортахъ равномѣрное размѣщеніе людей и припасовъ, окажется, что на каждомъ суднѣ должно было помѣститься отъ 75 до 90 человѣкъ—цифра, прямо показывающая, что не было надобности употреблять и суда военнаго флота на перевозку десанта.

Кромѣ того, десантъ замѣчателенъ по мѣрамъ Густава-Адольфа для обезпеченія успѣха: приготовленія его къ самому походу, а равно время и пунктъ высадки заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ поучительный примѣръ превосходнаго соображенія съ средствами Швеціи и съ обстоятельствами, при которыхъ приходилось открыть кампанію. Въ приготовленіяхъ къ экспедиціи онъ строго соблюлъ экономію вещественныхъ и личныхъ силъ своего государства: армія его немногочисленна, но нравственными качествами и тактическимъ образованіемъ съ избыткомъ восполняетъ недостатокъ количества. Соразмѣрно арміи, количество припасовъ также не было велико; слѣдовательно, снаряженіе въ экспедицію нисколько не могло обременить Швецію. Въ то же время, король, столько же

*) Считая съ мелкими судами.

геніальный политикъ, какъ и воинъ, не упустилъ изъ виду ничего такого, что могло бы расположить къ нему умы въ Германіи. Вниманіе его обращено было на эту страну еще съ самаго начала его царствованія: въ 1614 г. протестанты обратились къ нему съ просьбою о помощи. Нелицемѣрно набожный, героическій характеромъ, Густавъ-Адольфъ скорбѣлъ душою о страданіяхъ единовѣрцевъ, но не могъ подать имъ руки помощи, отвлекаемый враждебными отношеніями къ сосѣдямъ. Протестанты не теряли надежды на его содѣйствіе, и послѣ того еще три раза обращались къ нему съ тою же просьбою. Но это не представляло надежнаго ручательства за энергическое содѣйствіе германскихъ князей при томъ могуществѣ, какое пріобрѣлъ императоръ въ Германіи. Чтобы убѣдиться на мѣстѣ въ положеніи дѣлъ, Густавъ-Адольфъ лично дѣлаетъ тайное путешествіе въ Германію *), и уже послѣ этого рѣшается на великое дѣло ея освобожденія.

Выборъ пункта высадки опредѣлялся тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ: изо всего сѣвернаго прибрежья Германіи только Стральзундъ остался непокореннымъ, и этимъ былъ обязанъ Густаву-Адольфу, подкрѣпившему его въ 1628 году. Помощь эта не случайна: Густавъ-Адольфъ не помогъ же, напримѣръ, Мекленбургіи, во время неистовствъ въ ней Валенштейна: не помогъ и Помераніи, а избираетъ для поданія помощи Стральзундъ, составляющій оконечность кратчайшаго переѣзда въ Швецію, годный по своимъ укрѣпленіямъ и для прикрытія высадки, и для устройства базиса. Но обстоятельства измѣнились къ лучшему съ удаленіемъ Валленштейна отъ должности главнокомандующаго, и Густавъ-Адольфъ рѣшается произвесть высадку ближе къ первоначальному предмету своихъ дѣйствій — Штетину. Съ этою цѣлью онъ избираетъ Вольгастъ, представлявшій превосходную приморскую позицію и по укрѣпленіямъ своимъ, и по близости къ острову Узедому **). Наконецъ самое время высадки — тотчасъ по удаленіи Вялленштейна — показываетъ, что Густавъ-Адольфъ зорко слѣдилъ за событіями и умѣлъ ими воспользоваться.

Послѣдовавшія непосредственно за высадкою дѣйствія Густава-

---

*) Francheville «Il (Gust.-Ad.) avait aussi fait quelque tems auparavant un voyage secret en Allemagne et vu de ses yeux les forces de la maison d'Autriche et des états de l'Empire; il avait sondé des princes voisins et s'était ménagé d'utiles alliés.

**) Прибрежные острова оказываютъ великую пользу при десантахъ, служа имъ безопаснымъ отъ покушеній непріятеля и ничего нестоющимъ складочнымъ пунктомъ. Поэтому изъ двухъ пунктовъ, представляющихъ впрочемъ разныя выгоды для высадки, должно предпочитать тотъ, въ сосѣдствѣ котораго находятся подобные острова.

Адольфа, повидимому, противорѣчатъ главному условію успѣха десанта — рѣшимости дѣйствій, но только повидимому. Нужно вспомнить тѣ опасенія, съ какими встрѣтили его имперскіе князья, чтобы понять, что Густаву-Адольфу иначе невозможно было дѣйствовать. Ихъ можно было расположить къ союзу только успѣхами; неудача легко могла побудить ихъ къ противодѣйствію, слѣдовательно, нужно было избѣгать ее всѣми мѣрами. Ясно, что осторожная система дѣйствій, принятая Густавомъ-Адольфомъ, была лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли *).

И такъ Густавъ-Адольфъ, поставившій въ нормальное отношеніе различные роды войскъ между собою, имѣлъ подобное же вліяніе и на флотъ, показавъ выгоднѣйшее и наиболѣе сообразное съ ихъ свойствами употребленіе военныхъ кораблей. Съ этого времени его примѣръ становится образцомъ, которому неуклонно слѣдуютъ и понынѣ.

Слѣдующее за этимъ десантное предпріятіе принадлежитъ также Швеціи и относится къ 1700 году. Предметомъ его была Данія. Десантъ состоялъ изъ 20 т. войскъ, перевезенъ на 200 транспортахъ, подъ прикрытіемъ сильной эскадры; по незначительности переѣзда эта экспедиція не представляла особенныхъ затрудненій; она, какъ извѣстно, совершенно достигла цѣли.

И такъ Швеціи принадлежитъ честь первыхъ десантовъ, предпринятыхъ на основаніи правильно установившихся понятій о значеніи военнаго флота. Дальнѣйшему развитію административной и собственно военной части этихъ экспедицій въ особенности способствовала Франція, которая является или главнымъ дѣятелемъ, или предметомъ дѣйствія во всѣхъ послѣдовавшихъ за тѣмъ десантахъ. Въ ряду ихъ первое по времени мѣсто принадлежитъ экспедиціи Гоша въ Ирландію, съ 25 т. корпусомъ. Разсѣянная бурею, она не имѣла никакихъ послѣдствій, и показываетъ только всю силу неотвратимыхъ случайностей надъ десантомъ.

Два года спустя (1798), Бонапартъ предпринимаетъ экспедицію въ Египетъ съ двоякою цѣлью: основать тамъ французскую колонію и учредить операціонный базисъ для предполагавшихся

*) Слѣдовательно, основное правило десантовъ дѣйствовать рѣшительно, окончить кампанію по возможности въ меньшій промежутокъ времени, получаетъ здѣсь, такъ сказать, отрицательное рѣшеніе. Но оно нисколько не противорѣчитъ основной идеѣ, такъ точно, какъ не противорѣчитъ общей формулѣ отрицательный результатъ, получаемый иногда при ея примѣненіи къ дѣлу. Выраженіе практическихъ истинъ словами именно потому неудобно, что не можетъ представить ихъ во всей полнотѣ; отъ этого и происходитъ, что иногда видимыя, формальныя противорѣчія имъ — принимаются за дѣйствительныя.

дѣйствій сухимъ путемъ въ Остъ-Индію. Главная же причина ея заключалась въ желаніи Директоріи удалить Бонапарта изъ Парижа. Десантъ былъ силою въ 30 т., изъ которыхъ 3 т. кавалеристовъ, при 300 лошадяхъ. Для этого корпуса имѣлось на флотѣ продовольствія на два мѣсяца, воды на мѣсяцъ. Транспортный флотъ, назначенный для перевозки въ Египетъ десанта со всѣмъ необходимымъ, состоялъ изъ 400 судовъ, собранныхъ въ Тулонѣ, Генуѣ, Аяччіо и въ Чивитта-Веккіи. Для прикрытія его предположено употребить 15 кораблей, 14 фрегатовъ, 72 корвета и значительное число болѣе мелкихъ военныхъ судовъ. На флотѣ было до 12 т. матросовъ. Пребываніе Нельсоновой эскадры въ Средиземномъ Морѣ дѣлало переѣздъ весьма опаснымъ и побуждало обратить все вниманіе на возможно быстрѣйшее его совершеніе, подчинивъ этому условію хозяйственныя и гигіеническія выгоды войскъ.

19 мая 1798, находившіеся въ тулонскомъ портѣ 13 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 140 транспортовъ вышли въ море и направились къ Генуѣ и Чивитта-Веккіи, для соединенія съ остальными 250 транспортами и двумя фрегатами. По соединеніи весь флотъ отплылъ къ Мальтѣ, которая составляла первый предметъ дѣйствій Французовъ, какъ пунктъ, находящійся на половинѣ морскаго пути между Египтомъ и Франціею и составляющій ключъ къ плаванію на Средиземномъ Морѣ. Овладѣвъ Лавалеттою и оставивъ въ ней гарнизонъ, Бонапартъ направился къ Александріи, достигъ ее 30 іюня и благополучно высадился на слѣдующій день, благодаря ошибкѣ Нельсона, который предупредилъ было Французовъ у Александріи, но отплылъ къ Сиріи изъ опасенія, чтобы они не высадились на ея берега.

Счастіе благопріятствовало, такимъ образомъ, первымъ дѣйствіямъ Французовъ; Александрія сдалась почти безъ сопротивленія и армія получила на сухомъ пути опорный пунктъ, удовлетворяющій всѣмъ условіямъ базиса для дальнѣйшихъ дѣйствій. Оставивъ въ Александріи гарнизонъ и отправивъ флотъ на Абукирскій рейдъ, Бонапартъ двинулся къ Каиру. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ Французами въ стычкахъ съ мамелюками, предали въ ихъ руки Египетъ. Бонапартъ ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы, расположивъ въ свою пользу жителей, упрочить столь легко доставшееся завоеваніе. Искусство и рѣшительность его дѣйствій со времени высадки до занятія Каира могутъ быть поставлены въ образецъ дѣйствій для десантовъ.

Но въ то же время разбитіе французскаго флота при Абукирѣ (1 авг. 1798) отрѣзало армію отъ Европы и обнаружило

всю шаткость основаній, на которыхъ была предпринята экспедиція. Французы должны были считать великимъ для себя счастіемъ, что не произошло встрѣчи флотовъ во время плаванія десанта: результаты абукирскаго сраженія, выдержаннаго однимъ военнымъ флотомъ, дали довольно ясный намекъ на то, чего можно было ожидать отъ подобной встрѣчи. Вскорѣ за тѣмъ получено извѣстіе о намѣреніи Турокъ сосредоточить значительныя силы въ Сиріи, чтобы оттуда двинуться въ Египетъ. Наполеонъ рѣшился предупредить это сосредоточеніе и двинулся въ Сирію. Ни одна стычка съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ не оканчивалась неудачей для Французовъ; наконецъ подступили къ Акрѣ. Бонапартъ обложилъ ее съ сухого пути, но, не имѣя флота, не могъ прекратить сообщеній крѣпости съ Англичанами. Потерявъ на эту блокаду почти два мѣсяца, Бонапартъ предпринялъ обратное движеніе къ Египту. Здѣсь онъ обратилъ все свое вниманіе на окончательную организацію внутренняго управленія страны, не упуская однакожъ изъ виду Турокъ, ободренныхъ неудачей сирійской экспедиціи и предпринявшихъ наступательныя дѣйствія на Египетъ сухимъ путемъ и моремъ. Для дѣйствій со стороны моря, снаряженъ былъ на островѣ Родосѣ 18-ти тысячный десантъ, который и высадился у Абукира въ половинѣ іюля мѣсяца 1799. Увѣдомленный объ этомъ, главнокомандующій быстро сосредоточилъ свои силы и безъ труда уничтожилъ турецкій десантъ, несмотря на выгоды, представляемыя для упорной обороны абукирскимъ полуостровомъ. Вскорѣ послѣ этого Бонапартъ удалился во Францію, поручивъ Клеберу управленіе страною и войсками.

Дальнѣйшія дѣйствія Французовъ въ Египтѣ, несмотря на блестящіе военные успѣхи и мудрыя административныя распоряженія Клебера, ни къ чему не повели: армія, брошенная въ страну чужую и враждебную, отрѣзанная отъ первоначальнаго основанія дѣйствій, Франціи, рано или поздно должна была уступить постепенно усиливавшемуся непріятелю, какъ ни былъ онъ вялъ и неискусенъ. Опытъ и совѣты англійскихъ офицеровъ заставили Турокъ перейдти къ дѣйствіямъ малой войны, уравновѣсившимъ тактическое превосходство Французовъ. Смерть Клебера увеличила затруднительное положеніе арміи, поступившей подъ начальство Мену. Нѣсколько мѣсяцевъ проведено было въ совершенномъ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ въ началѣ марта 1801 г. Англичане сдѣлали высадку у Абукира, въ числѣ 17,500 человѣкъ. Неспособность Мену и нерасположеніе къ Французамъ жителей, вліяніе на которыхъ можно было поддерживать только постоянными успѣхами, дѣлали эту попытку совершенно

безопасною для Англичанъ, тѣмъ болѣе, что изъ числа 22 т. Французовъ только 10 т. находилось въ Александріи, остальные были разсѣяны по гарнизонамъ. Въ то же время турецкая 20 т. армія вступила въ Египетъ со стороны Сиріи. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ стычкахъ Англичане одержали рѣшительный перевѣсъ.

Въ концѣ августа заключена была конвенція, по которой Французы обязались очистить Египетъ. Англичане взяли на себя перевозку французской арміи въ Европу и совершили ее въ концѣ 1801.

Экспедиція эта, ознаменованная столькими блистательными подвигами, и военными, и политическими, не повела, кромѣ ученыхъ, ни къ одному изъ тѣхъ результатовъ, которыхъ предполагалось ею достигнуть. Главная и единственная причина этого заключалась, сколько можно судить, въ несоразмѣрности средствъ съ предпріятіемъ. Опытъ прошлаго, давнишній опытъ крестовыхъ походовъ, долженъ былъ служить предостереженіемъ французскому правительству, показавъ нѣсколько разъ трудность завоеванія Египта. Къ препятствіямъ, которыя обыкновенно встрѣчали крестоносцевъ въ этой странѣ, присоединилось въ описываемое время весьма важное—владычество англійскаго флота на Средиземномъ Морѣ, отнимавшее всякую надежду на постоянныя сообщенія десанта съ источникомъ подкрѣпленій. Это было очень хорошо извѣстно Наполеону до кампаніи и очень ощутительно при дальнѣйшемъ ея развитіи. Трудно было разсчитывать на успѣхъ экспедиціи, предпринятой при такихъ условіяхъ: рано или поздно она должна была окончиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, чѣмъ окончилась.

Разбирая походы Цесаря, Наполеонъ упрекаетъ его въ томъ, что сила десантовъ въ Британію не соотвѣтствовала цѣли предпріятія: не смотря на все уваженіе къ генію великаго критика, сдвали можно сказать, чтобы въ настоящемъ случаѣ онъ самъ былъ изъятъ отъ этого упрека.

И такъ, можно сказать, что экспедиція представляетъ превосходный образецъ въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ для дѣйствій въ подобныхъ обстоятельствахъ; но нельзя согласиться, чтобы благоразумно было ставить армію въ такія обстоятельства. Экспедиція погрѣшила въ основной идеѣ, и поэтому никакія побѣды, никакіе успѣхи не повели къ достиженію цѣли. Трехлѣтнія блистательныя усилія французской арміи, предводимой такими людьми, какъ Наполеонъ и Клеберъ, были сокрушены семнадцатитысячнымъ десантомъ Англичанъ.

Англо-голландская экспедиція.

Съ удаленіемъ Наполеона въ Египетъ, возникаетъ новая коалиція противъ Франціи—изъ Россіи, Англіи и Австріи. Предположено было вести войну противъ республики одновременно на трехъ театрахъ: въ Италіи, Германіи и Голландіи. Послѣдній театръ дѣйствій избрала Англія, рѣшившаяся, при содѣйствіи Императора Павла I, сдѣлать высадку въ Голландію 48 т. корпусомъ. Выборъ этотъ опредѣлялся и географическимъ положеніемъ Англіи, и ея политическими видами. Обладаніе Голландіею, давая вѣрный опорный пунктъ въ случаѣ дѣйствій на материкѣ, въ то же время представляло возможность исполненія давнишней мечты Англичанъ—уничтоженія голландскаго флота. Достиженіе послѣдней цѣли не только возвысило бы морское могущество Англіи, но и имѣло бы непосредственнымъ слѣдствіемъ ту важную выгоду, что эскадра, блокировавшая до того времени берега Голландіи, могла быть употреблена въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ скрытныя побужденія, руководившія Англіею въ этой экспедиціи. Оффиціальнымъ щитомъ ихъ было возстановленіе въ Голландіи стараго порядка вещей, составлявшее единственную цѣль Императора Павла I. Это безкорыстіе намѣреній нашего Императора до такой степени было велико, что не допускало въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ чистосердечіи и прямодушныхъ видахъ его союзниковъ. Конечно, этой увѣренности должно приписать то обстоятельство, что Императоръ Павелъ совершенно предоставилъ на произволъ Англіи планъ и осуществленіе экспедиціи, ограничившись съ своей стороны помощью морскою и сухопутною.

Мѣра этой помощи опредѣлена была трактатомъ 11 іюля 1799 года; въ силу его Русскіе обязались выставить отрядъ изъ 17,593 человѣкъ и эскадру изъ 6 кораблей, 5 фрегатовъ и 2-хъ транспортовъ.

Надежды союзниковъ на успѣхъ экспедиціи главнѣйшимъ образомъ основывались на приверженности Голландцевъ къ Оранскому Дому; предположено было поддержать высадкою оранскую партію. изгнать Французовъ изъ Голландіи и, вооруживъ противъ нихъ Бельгію, перенести театръ войны на границы Франціи.

Слѣдовательно, приняты были въ разсчетъ только политическія соображенія; о трудности десанта въ осеннее время не было и помину.

Пунктомъ высадки первоначально были назначены острова

Вальхернъ и Гуре; но впослѣдствіи Англійскій Кабинетъ измѣнилъ этотъ планъ и, подъ предлогомъ тайны, не далъ знать объ этомъ даже нашему Императору. Измѣненіе заключалось въ томъ, что предположено высадиться въ Сѣверной Голландіи: это облегчило бы, по-видимому, наступленіе къ Амстердаму, неприкрытому съ сѣвера ни одною крѣпостью, и приблизило бы Англичанъ къ скрытной цѣли экспедиціи—къ голландскому флоту.

Голландская директорія не обнаружила никакой дѣятельности для предупрежденія высадки. Брюннъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный главнокомандующимъ въ Голландію, началъ принимать мѣры къ сопротивленію тогда только, когда союзныя эскадры приближались къ голландскому берегу. Положеніе Брюнна было затруднительно: онъ не только не могъ надѣяться на голландскія войска и флотъ, но даже не чувствовалъ особеннаго довѣрія къ голландскимъ генераламъ, которые были недовольны его назначеніемъ въ главнокомандующіе.

Для противодѣйствія непріятелю, Брюннъ могъ располагать 20 т. батавскихъ, 14 т. французскихъ войскъ и двумя канонирскими флотиліями. Былъ еще флотъ, стоявшій, подъ начальствомъ Сторея, въ тексельской гавани (8 кораблей, 3 фрегата) но онъ не подавалъ большой надежды на содѣйствіе, тѣмъ болѣе, что состоялъ въ блокадѣ, производимой эскадрами Денкена и Макарова.

Средства эти (кромѣ флота) были распредѣлены по пространству Республики въ трехъ массахъ; сила каждой изъ нихъ соображена была съ мѣрою опасности, угрожавшей району ея расположенія: 1) французскія войска (22½ батал., 13 эск.) и одна гребная флотилія охраняли юго-западное прибрежье Голландіи: войска были размѣщены въ Зеландіи и Брабантѣ, флотилія сторожила устья рѣкъ; 2) 6 т. Батавцевъ (Дюмонсо) занимали сѣверо-восточныя области; 3) 10,500 Батавцевъ (Дондельса) находились собственно въ Голландіи, а флотилія прикрывала Амстердамъ съ моря. Изъ этого видно, что Брюннъ преимущественно ожидалъ непріятеля со стороны Вальхерна.

Между тѣмъ приготовленія союзниковъ производимы были весьма медленно и не съ должнымъ единствомъ; по окончаніи ихъ союзныя войска начали постепенно прибывать къ берегамъ Голландіи. Первою вышла въ море дивизія Аберкромби (2 авг.), на 180 транспортахъ, подъ прикрытіемъ эскадры Митчеля (4 корабля, 7 фрег., 25 мелкихъ судовъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ произведена была демонстрація высадки къ устью Мааса. Плаваніе было сначала благополучно, но 4-го августа буря разметала поѣздъ Митчеля; по счастливой случайности, онъ очутился вмѣстѣ послѣ

бури и 10-го былъ уже у береговъ Голландіи. Слѣдующій день назначенъ для атаки Гельдера и батавскаго флота. 11-го утромъ, эскадра подошла къ берегу; но туманъ воспрепятствовалъ исполненію предположенной атаки и заставилъ эскадру удалиться отъ береговъ. Буря опять задержала ее въ открытомъ морѣ до 15-го, когда вѣтеръ утихъ и снова представилась возможность приблизиться къ берегу. На этотъ разъ немедленно рѣшено было приступить къ высадкѣ; тотчасъ сдѣланы необходимыя для этой операціи приготовленія и тактически опредѣленъ пунктъ высадки, между Гельдеромъ и Гротъ-Китеномъ. Высадка въ этомъ мѣстѣ отрѣзывала гельдерскую батарею и устраняла возможность упорнаго сопротивленія со стороны непріятеля, которому нельзя было держаться на узкомъ пространствѣ гельдерской косы.

15-го, вечеромъ, флотъ расположился въ виду берега, въ нѣсколько линій, параллельно гельдерской косѣ. Распоряженія сдѣланы были на случай, если бы Французы вздумали оказать сопротивленіе десанту. Поэтому первую линію составили изъ бомбардирскихъ катеровъ и мелководныхъ судовъ, во второй выстроились фрегаты и шлюпы, въ третьей всѣ транспортныя суда, находившіяся въ разстояніи около $3^1|_2$ верстъ отъ берега. Фланги эскадры прикрывались линейными кораблями.

Въ полночь, съ 15-го на 16-е авг., войска пересѣли на гребныя суда; въ три часа подошли къ линіи фрегатовъ и остановились въ ожиданіи зари; съ разсвѣтомъ они направились къ берегу, и въ то же время открыта сильная канонада первою линіею судовъ. Высадка не встрѣтила сопротивленія отъ непріятеля, но была затруднена зыбью, разбившею о камни нѣсколько барказовъ. Чрезъ три часа находились на берегу: 1700 Англичанъ и 850 русскихъ матросовъ. Совершенная за тѣмъ выгрузка тяжестей чрезвычайно была затруднена песчанымъ грунтомъ гельдерскаго берега.

Англичане безъ труда овладѣли гельдерскимъ полуостровомъ. Дондельсъ отступилъ за Зейпе, каналъ, представлявшій весьма выгодную оборонительную линію тѣмъ въ особенности, что замыкалъ гельдерскій полуостровъ.

Обезпечивъ опорный пунктъ на берегу Голландіи, англійскій отрядъ долженъ былъ выждать остальную часть десанта. 17-го прибылъ слѣдующій поѣздъ съ 5000. Вскорѣ Англичане присоединили къ себѣ 8000 матросовъ, взятыхъ съ голландскаго флота, сдавшагося на капитуляцію и отведеннаго по частямъ въ англійскіе порты. Эта капитуляція доставила союзникамъ и другую важную выгоду—занятіе Текселя, въ которомъ они пріобрѣли совер-

шенно обезпеченый отъ непріятеля пунктъ для складовъ и для содержанія плѣнныхъ.

Такимъ образомъ тылъ Англичанъ былъ устроенъ; оставалось выйти изъ узкаго, стѣсненнаго пространства гельдерскаго полуострова для надлежащей свободы въ дѣйствіяхъ. Въ этомъ помогъ имъ Дондельсъ: находя свои силы несоразмѣрными съ занимаемою позиціей, онъ отступилъ къ Алькмару. Аберкромби тотчасъ же воспользовался этой ошибкой, самъ занялъ позицію на Зейпе и немедленно усилилъ ее батареями.

Получивъ извѣстіе объ отступленіи Дондельса со столь выгодной позиціи, Брюннъ немедленно отправился въ Алькмаръ и сдѣлалъ распоряженія къ сосредоточенію туда войскъ республики. 28 авг. Брюннъ имѣлъ уже подъ рукою 20,000 войскъ, между тѣмъ какъ у Аберкромби было только 17,000. Брюннъ рѣшился воспользоваться своимъ перевѣсомъ въ силахъ, чтобы разбить Англичанъ до прибытія русскаго десанта: съ этою цѣлью онъ атаковалъ ихъ 30 числа, но не имѣлъ успѣха, преимущественно по силѣ позиціи на Зейпе. Эта неудача указала ему выгоднѣйшій образъ дѣйствія при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился: онъ отказался отъ наступленія и обратилъ все свое вниманіе на усиленіе оборонительныхъ средствъ, къ чему Сѣверная Голландія, по своей пересѣченности, представляетъ всѣ удобства.

Между тѣмъ и наши войска начали приближаться къ театру дѣйствій: дивизія Эссена прибыла въ Ярмутъ, гдѣ и оставалась до 2-го сент.; дивизія Жеребцова, — при которой находился и главнокомандующій русскимъ отрядомъ, Германъ, — прибыла прямо къ Текселю 31 авг., но могла начать высадку не ранѣе 2-го сентября. Войска этой послѣдней дивизіи, утомленныя продолжительнымъ морскимъ переѣздомъ *), нуждались въ отдыхѣ; не смотря на это, по распоряженію союзнаго главнокомандующаго, Герцога Іоркскаго, ихъ не замедлили поставить въ первый огонь, поручивъ оборону пространства отъ Петтена до Краббендама. Наконецъ, прибыла и дивизія Эссена; высадка ея была сопряжена съ такими затрудненіями, что продолжалась въ теченіе трехъ дней.

Къ 7 сент. всѣ союзныя силы сосредоточились на позиціи за Зейпе**). Здѣсь онѣ испытали всѣ лишенія, какія неизбѣжно влечетъ за собою ошибочно соображенный и не во-время предпринятый десантъ: начавшіеся дожди, при неимѣніи палатокъ, недо-

*) Съ 6-го по 31-е августа.

**) Вмѣсто предположенныхъ 43, всего 33 т.

статокъ продовольствія, вслѣдствіе бурной погоды, и наконецъ крайняя скудость въ перевозочныхъ средствахъ были причиною, что съ самаго начала союзный десантъ былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Это было особенно ощутительно въ русскомъ отрядѣ, который не имѣлъ даже вьючныхъ лошадей для перевозки офицерскихъ вещей. По взаимному соглашенію между союзниками, положено было перевезти нашъ десантъ безъ лошадей *), снабженіе которыми взяла на себя Англія уже на мѣстѣ дѣйствія; это обязательство въ точности исполнено не было.

Такъ какъ въ будущемъ можно было ожидать еще большихъ лишеній и затрудненій, то Герцогъ Іоркскій и рѣшился, не теряя времени, атаковать непріятеля въ занятой имъ позиціи.

Атака назначена 8-го; въ ней должны были принять участіе даже войска Сакена, окончившія высадку 6-го, и 7-го сдѣлавшія переходъ для соединенія съ главными силами. Слѣдствіемъ этого распоряженія было то, что 4 баталіона и пѣшая артиллерія этой дивизіи не поспѣли къ бою.

Въ происшедшимъ 8-го сентября сраженіи союзники потерпѣли неудачу, чему виною была не столько сила непріятельской позиціи и сопротивленія республиканцевъ, сколько безпорядочно направленныя атаки и отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ. Геройское, хотя нѣсколько пылкое усиліе Русскихъ на правомъ крылѣ могло бы повести къ блистательнымъ результатамъ, бывъ поддержано во-время и съ достаточною энергіей; но быстрота движеній и соображеній не отличала ни англійскія войска, ни ихъ генераловъ; Русскіе прошли до Бергена, тѣсня Французовъ, но дальше не могли идти. Республиканскія войска, приведенныя между тѣмъ въ порядокъ, перешли въ наступленіе и оттѣснили Русскихъ на прежнюю позицію, въ большомъ разстройствѣ и съ значительною потерею.

Дальнѣйшія предпріятія союзниковъ не отличаются ни болѣе прочными успѣхами, ни искуснѣйшими распоряженіями. Всякое выжиданіе съ ихъ стороны могло повести только къ новымъ потерямъ и давало возможность усилиться противнику, который принялъ между тѣмъ дѣятельныя мѣры для прикрытія доступовъ къ Амстердаму съ моря и сухого пути. Поэтому союзники, не смотря на слабость своихъ силъ и недоступность позицій непріятеля, поставлены были въ необходимость продолжать наступательныя дѣйствія. Они повели только къ безполезнымъ потерямъ: 5 сраженій и нѣсколько стычекъ стоили каждой сторонѣ 10 т. человѣкъ.

---

*) Кромѣ состоящихъ при отрядѣ казаковъ.

Послѣ 25 сентября, у союзниковъ оставалось подъ ружьемъ не болѣе 18 т. «Армія эта не имѣла никакихъ средствъ для пополненія убыли, тогда какъ непріятель, напротивъ того, усиливался новыми подкрѣпленіями. Снабженіе продовольственными и военными запасами было также несравненно труднѣе союзникамъ чѣмъ непріятелю. Послѣдній пользовался удобными подвозами изъ обильной страны, лежавшей въ тылу арміи, напротивъ того, позади союзниковъ край былъ истощенъ и жители не охотно оказывали помощь войскамъ *)». Подвозъ запасовъ изъ гельдерскихъ магазиновъ былъ такъ труденъ въ послѣднее время пребыванія десанта въ Голландіи, что въ теченіе 6 дней едва успѣвали доставить трехдневное количество продовольствія. Военные запасы также истощились.

Не достигнувъ цѣли, думая только о спасеніи остатковъ арміи, союзный главнокомандующій рѣшился отступить, 26-го сент., на позицію у Зейпе. Тамъ собранъ былъ военный совѣтъ для обсужденія—какъ вывести армію изъ столь неблагопріятнаго положенія. «Всѣ англійскіе генералы были того мнѣнія, что ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ возвратиться съ своими войсками въ Англію. Но какъ исполнить это? непріятель безъ всякаго сомнѣнія не далъ бы союзнымъ войскамъ спокойно сѣсть на суда; притомъ не было ни какой возможности посадить разомъ всю армію; а при постепенномъ отправленіи войскъ, послѣднія части, оставленныя на берегу, не избѣгли бы совершеннаго пораженія» **). Совершенно основательное разсужденіе; можно пожалѣть объ одномъ — что оно не предшествовало экспедиціи, а было результатомъ безполезныхъ и ни къ чему неповедшихъ потерь.

А между тѣмъ оно могло имѣть мѣсто въ совѣтѣ, опредѣлившемъ экспедицію, взявъ въ разсчетъ: пересѣченность Голландіи, позднее время года, затруднительность, даже невозможность снабдить десантъ всѣмъ необходимымъ, особенно перевозочными средствами.

Жажда овладѣть нѣкогда соперничествовавшимъ флотомъ, которая томила и будетъ томить Англію до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать ея морское могущество, заглушила и въ этомъ случаѣ голосъ благоразумія и заставила Англичанъ рѣшиться на экспедицію, которая представляла мало надежды на успѣхъ, а должна была во всякомъ случаѣ повести къ большимъ потерямъ. Впрочемъ Англичане достигли своей тайной цѣли, овладѣвъ гол-

*) Исторія войны Россіи съ Франціею 1799: Гл. LXXI, стр. 85.
**) Id., стр. 88.

ландскимъ флотомъ; мы безкорыстно помогали имъ въ этомъ, сами того не замѣчая. Брюннъ имѣлъ полное основаніе сказать Дубенскому: «Солдаты ваши дерутся какъ львы; они скорѣе всѣ лягутъ на мѣстѣ, чѣмъ сдадутся въ плѣнъ; но прискорбно видѣть эту кровь, проливаемую съ такимъ ожесточеніемъ въ угодность Англичанамъ» *). Если что нибудь можетъ извинить предпринятіе экспедиціи при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, то развѣ надежда на содѣйствіе оранской партіи, которая впрочемъ не оправдалась.

Ошибочная въ общей идеѣ, англо-голландская экспедиція не представляетъ искусства и въ исполненіи: приготовленія къ ней шли не съ должнымъ единствомъ, а со стороны англійской администраціи отличались недальновидностію и преступною безпечностью **). Высадка была произведена по частямъ и при томъ съ значительными промежутками времени (дивизія Аберкромби высадилась 16 августа, дивизія Сакена отъ 3—6 сентября); это дало полную возможность Брюнну сосредоточить войска и усилить мѣстныя преграды еще за долго до того времени, когда союзники получили возможность предпринять наступательныя дѣйствія. Ранняя высадка Аберкромби раскрыла намѣренія союзниковъ непріятелю и повела къ тому, что, впослѣдствіи, мы пріобрѣтали цѣною крови пункты, которые безъ труда достались бы намъ при единовременной высадкѣ всѣми силами.

По конвенціи, заключенной 7 октября, остатки экспедиціоннаго корпуса получили согласіе Брюнна на безпрепятственное удаленіе изъ Голландіи. Амбаркація началась 13 октября. Поспѣшность, съ какою хотѣли оставить *негостепріимный* берегъ, заставила побросать въ море много запасовъ, обоза и оставить на берегу 300 лошадей. Во морѣ новыя бѣдствія ожидали армію; недостатокъ продовольствія и воды, тѣснота размѣщенія людей дѣйствовали тѣмъ гибельнѣе, что противные вѣтры замедлили плаваніе. Русскій корпусъ, подъ начальствомъ Эссена, перезимовавъ на островахъ Жернси и Герси, отправился моремъ въ Россію, лѣтомъ 1800 года.

Приготовленія Наполеона къ десанту въ Англію.

Всѣ исчисленные десанты новѣйшаго времени, исключая непобѣдимую армаду и египетскій, не подвергались опасности встрѣчи съ непріятелемъ на морѣ, и вопросъ о томъ—возможенъ ли успѣхъ

*) Исторія войны Россіи съ Франціею 1799. стр. 83

**) И первое, и второе достаточно показаны: а) неисполненіемъ условія о доставкѣ лошадей нашей арміи, б) тѣмъ обстоятелствомъ, что перевезти заразъ 20,000 корпусъ сочтено было невозможностью на послѣднемъ военномъ совѣтѣ.

десанта при условіи подобной встрѣчи, оставался безъ разрѣшенія. А между тѣмъ нельзя отвергать важности этого вопроса: если опаснѣйшая часть извѣстнаго рода предпріятій совершается безъ помѣхи со стороны то противника, факты не могутъ служить удовлетворительными примѣрами для произнесенія теоретическаго приговора.

Поэтому только встрѣча съ противникомъ на морѣ можетъ дополнить ученіе о десантахъ, и въ то же время повести къ усовершенствованію ихъ производства. Важный вопросъ о результатахъ подобной встрѣчи будетъ представляться каждый разъ, какъ только воюющія стороны будутъ равносильны на морѣ, не говоря уже о томъ, если перевѣсъ въ силахъ будетъ склоняться на сторону націи, угрожаемой вторженіемъ.

Разрѣшеніе этого вопроса непобѣдимою армадай не можетъ служить авторитетомъ по несовершенству тогдашняго флота и по несоотвѣтственному употребленію военныхъ кораблей. Въ первый разъ, сознательно, вопросъ былъ поставленъ Наполеономъ, распорядителемъ средствъ сухопутной державы, рѣшающимся на десантъ въ предѣлы державы морской—въ предѣлы Англіи. Намѣреніе его не осуществилось; но сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ приготовленія къ кампаніи, разборъ свойствъ морскихъ экспедицій, вызванный необходимостью предпринять одну изъ нихъ при столь необыкновенныхъ условіяхъ, наконецъ, возникшій вопросъ о выгоднѣйшей конструкціи транспортныхъ судовъ—ставятъ эту неосуществленную попытку далеко выше многихъ осуществившихся десантовъ.

Приготовленія къ этому предпріятію съ одной и къ противодѣйствію ему съ другой стороны представляютъ сводъ всего, что только было выработано военнымъ искусствомъ до того времени относительно смѣшанныхъ экспедицій *). Они представляютъ замѣчательный возвратъ Наполеона къ судамъ малаго размѣра, имѣвшій цѣлію уничтожить различіе между военными и транспортыми судами. Эта задача, которую предположилъ разрѣшить Бонапартъ, обусловливалась тѣми необыкновенными обстоятельствами, при которыхъ приходилось дѣлать десантъ: уступая Англіи въ морскомъ могуществѣ, Наполеонъ, не смотря на это, рѣшился сдѣлать въ нее вторженіе. Хотя переѣздъ былъ и малъ, однако встрѣча десанта съ непріятелемъ на морѣ была неизбѣжна: близость расположенія англійскаго флота и опредѣлен-

*) Здѣсь допущено названіе десантовъ смѣшанными экспедиціями въ томъ смыслѣ, что они требуютъ содѣйствія двухъ, совершенно разнородныхъ силъ—сухопутныхъ и морскихъ.

ность пунктовъ отправленія французскаго десанта не оставляли на счетъ этой встрѣчи ни малѣйшаго сомнѣнія.

Поэтому Наполеонъ и рѣшился на средство, противорѣчившее существовавшимъ понятіямъ о флотѣ, но глубоко-вѣрное въ основаніи: онъ отказался отъ транспортовъ большой вмѣстимости-гибель каждаго изъ нихъ стоила бы арміи слишкомъ большихъ потерь—и предпочелъ имъ канонирскія лодки, представлявшія возможность совмѣстить выгоды военнаго, транспортнаго и десантнаго судна. Такимъ-то образомъ, уменьшая вѣроятность гибели отъ встрѣчи на морѣ, Наполеонъ въ тоже время устранялъ одно изъ важныхъ препятствій—облегчалъ процессъ самой высадки, довольно медленный при судахъ большого размѣра и, слѣдовательно, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ весьма опасный.

И такъ, вся экспедиція была разсчитана не на то, чтобы избѣгнуть потери, но чтобы по возможности уменьшить ее, не на то, чтобы сохранить сообщеніе съ первымъ основаніемъ дѣйствій, но чтобы рѣшительно отъ него отказаться, возложивъ надежду успѣха на геній и счастіе. Бонапартъ не думалъ о возвратѣ, ототу что только въ Лондонѣ могъ получить корабли для переѣзда во Францію. Предметъ дѣйствій стоилъ риска: дѣло шло объ уничиженіи, а можетъ быть даже уничтоженіи могущества Англіи.

Приготовленія соотвѣтствовали громадности предпріятія: до 2300 мелкихъ судовъ было заготовлено въ сѣверныхъ портахъ Франціи. Суда эти были вооружены 3-тысячами орудій большого калибра и могли вмѣстить 120-тысячную армію *).

Вся флотилія раздѣлена была на части, стоявшія въ портахъ: Этапль, Вимерё, Булонь и Амблетёзъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Булонь. Кромѣ того приготовлялись двѣ флотиліи въ Голландіи: одна изъ нихъ стояла въ устьѣ Шельды, другая, состоявшая изъ значительнаго числа купеческихъ судовъ, подъ прикрытіемъ 7 линейныхъ кораблей, была назначена для перевозки войскъ изъ утрехтскаго лагеря.

Наполеонъ намѣревался соединить въ портахъ, расположенныхъ къ западу отъ мыса Гризнецъ, голландскую и французскую флотиліи для произведенія десанта сосредоточенно всѣми силами. Съ этою цѣлью отъ придумалъ постепенное передвиженіе эскадръ изъ восточныхъ портовъ въ западные. Передвиженіе это, при неусыпной бдительности Англичанъ, представляло затрудненія.

Въ то же время были приняты самыя дѣятельныя мѣры для

*) Thiers; Hist. du Consulat et de l'Empire—часть V, книга 20.

углубленія и укрѣпленія портовъ. Особенно большихъ для этого пожертвованій требовалъ Булонь, избранный, по своему стратегическому положенію, сборнымъ пунктомъ флотиліи, но представившій весьма важныя неудобства по мелководію и недостаточной вмѣстимости. Къ этому присоединялось еще и открытое положеніе порта, ничемъ не защищеннаго отъ западныхъ вѣтровъ и нападенія Англичанъ, потому, что береговыя батареи заслонялись флотиліей. Первый консулъ приказалъ углубить и распространить портъ, а для обезпеченія праваго его фланга построить фортъ на мели, ограничивающей портъ съ сѣверо-востока.

Тѣмъ не менѣе сомнѣніе въ успѣхѣ экспедиціи существовало, и рядомъ съ приготовленіями къ ней идетъ дѣятельное преніе о вѣроятныхъ ея послѣдствіяхъ между Декре (морской министръ), съ одной стороны, и Наполеономъ и Брюи (адмиралъ флотиліи), съ другой. Эти три личности представляютъ замѣчательное сближеніе тѣхъ свойствъ, которыя имѣютъ рѣшительное вліяніе на успѣхъ или неудачу военныхъ дѣйствій. Декре-олицетворенная осторожность: онъ всего опасается, всему находитъ препятствія (потому, можетъ быть, онъ и былъ министромъ—Наполеонъ умѣлъ выбирать людей. Излишняя осторожность въ мирныхъ приготовленіяхъ можетъ принести болѣе пользы, нежели причинить вреда, потому что побуждаетъ человѣка къ изысканію вѣрнѣйшихъ средствъ для достиженія цѣли). Брюи—исполнитель, не знаетъ сомнѣній; онъ безусловно увѣренъ въ успѣхѣ предпріятія и потому беззавѣтно рѣшителенъ. Наконецъ Наполеонъ, примиряющій въ себѣ обѣ противоположности: не чуждый сомнѣнія, но не поддающійся ему; принимающій въ соображеніе препятствія не для того, чтобы отказаться отъ предпріятія, но чтобы мудрыми мѣрами отклонить ихъ вліяніе на успѣхъ дѣла.

Несходство въ направленіи и мнѣніяхъ этихъ главныхъ дѣятелей задуманнаго предпріятія подало поводъ къ разбору шансовъ экспедиціи, въ высшей степени интересному и уясняющему, если не разрѣшившему, вопросъ. Какъ уже сказано, Декре видѣлъ во всемъ затрудненіе, находилъ во всемъ опасность; первоначально онъ даже сомнѣвался, чтобы столь малыя суда могли пуститься въ открытое море, не представляя необходимой для того остойчивости. Но булоньская флотилія, въ теченіе двухъ лѣтъ упражнявшаяся въ маневрированіи при самыхъ сильныхъ шквалахъ, разрѣшила удовлетворительно недоумѣнія относительно этого предмета. Его возраженія этимъ не ограничивались: касаясь вопроса о встрѣчѣ съ противникомъ, Декре разбираетъ выгоды и недостатки огнестрѣльнаго дѣйствія со шлюпокъ противъ кораблей.

Преимущества этого дѣйствія заключались, по его мнѣнію, въ томъ, что, во 1-хъ, корабли представляютъ большую цѣль; во 2-хъ, орудія канонирскихъ лодокъ, мало возвышаясь надъ водою, могутъ съ полнымъ удобствомъ направлять выстрѣлы въ подводную часть кораблей. При томъ лодки были вооружены 3-т. орудій большого калибра, т. е., количествомъ, которое можетъ представить только флотъ въ 30 или 35 кораблей. Но были ль примѣры, доказавшіе возможность подобной борьбы? Стычки у берега ничего не доказываютъ, потому, что при мелководьи, корабли лишаются свободы въ маневрированіи и поставлены въ необходимость уступить слабому, но многочисленному непріятелю. Но тѣ же самыя шлюпки среди канала, на глубинѣ, возвращающей полную свободу маневрированія кораблямъ, при вѣтрѣ, который облегчитъ это маневрированіе и сдѣлаетъ его опаснымъ для малыхъ судовъ, подвергнутся опасности быть потопленными въ большомъ числѣ. *) Адмиралъ Брюи допускалъ возможность этой потери, замѣчая, что если и погибнетъ на 2000 сто судовъ, остальныхъ будетъ вполнѣ достаточно для уничтоженія Англіи. Это возраженіе было основательно только до нѣкоторой степени, потому что въ немъ не было принято въ соображеніе то нравственное вліяніе, которое могло произвести гибель незначительнаго числа судовъ на всѣ остальныя. Декре́ не упустилъ этого изъ виду; но замѣчаніе его осталось безъ отвѣта, который могъ дать одинъ опытъ.

Эти и подобные имъ разборы всего прикосновеннаго къ экспедиціи уясняли дѣло и давали Наполеону, при неистощимости его генія, возможность усовершенствовать исподоволь свой проектъ до той многосторонности, которая представляетъ случайности возможно меньшую долю успѣха.

Такъ возраженія Декре привели къ необходимости придать флотиліи прикрывающую часть, исключительно для противодѣйствія крупному непріятельскому флоту. Задача состояла въ томъ, чтобы составивъ флотъ значительной силы, направить его, при помощи какого нибудь неожиданнаго маневра, въ Ла-Маншъ. Удачное выполненіе этой экспедиціи дѣлало остальную болѣе нежели легкою. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ Наполеонъ остался вѣренъ основному принципу всѣхъ своихъ военныхъ предначертаній: уступая непріятелю въ общей массѣ средствъ сосредоточить на данномъ пунктѣ и въ данное время такое ихъ количество, какого

*) Thiers: Histoire du Consulat et de l'Empire, Tome V. стр. 132 и 133: Objections de l'amiral Decrès contre la flottile.

непріятель противуставить не можетъ. Но это сосредоточеніе и представляло главнѣйшія затрудненія, какъ по разбросанному расположенію французскаго флота, такъ и потому, что всѣ порты Имперіи были блокируемы Англичанами. Нужно было, слѣдовательно, не только преодолѣть затрудненія морского переѣзда для сосредоточенія разбросанныхъ эскадръ въ Ла-Маншѣ, но еще ввести въ заблужденіе противника на счетъ истиннаго ихъ направленія. Послѣднее условіе составляло главнѣйшее препятствіе и было причиною многочисленныхъ измѣненій въ этой части плана, при его постепенномъ развитіи.

Морскія силы, на которыя Наполеонъ могъ разсчитывать въ половинѣ 1804, состояли изъ 18 кораблей въ Брестѣ, 5 въ Рошфорѣ и 8 въ Тулонѣ. Адмиралъ Корнвалисъ блокировалъ Брестъ и Рошфоръ съ 23 кораблями, Нельсонъ съ своей эскадрой крейсеровалъ у Гіерскихъ Острововъ и наблюдалъ Тулонъ.

Первоначально предполагалось соединить исчисленныя франц. эскадры у береговъ Европы; успѣхъ этого соединенія зависѣлъ преимущественно отъ смѣлости и искусства движенія тулонской эскадры, и командованіе ею было ввѣрено лучшему изъ адмираловъ, Латушъ-Тревиллю. Смерть его и другія обстоятельства помѣшали исполненію этого проекта. Тогда Наполеонъ рѣшился совершить соединеніе флота по другому плану: направить эскадры къ Антильскимъ Островамъ и оттуда въ Ла-Маншъ. Этимъ движеніемъ онъ думалъ достигнуть двухъ цѣлей: 1) развлечь вниманіе и силы Англичанъ, которые, опасаясь за свои колоніи, поспѣшили бы подать имъ помощь; 2) имѣть въ сборѣ достаточныя силы для прикрытія флотиліи, которыя при первой возможности должны были войти въ Ла-Маншъ.

Между тѣмъ приготовленія войскъ и флотиліи къ десанту продолжались съ неусыпной дѣятельностью. Войска часто упражнялись въ амбаркаціи и высадкѣ и довели эту часть до совершенства *); флотилія обращена въ постоянное учрежденіе и получила правильное раздѣленіе, соотвѣтствовавшее раздѣленію арміи: 9 шлюпокъ, вмѣщавшія баталіонъ, составили отдѣленіе: два такихъ отдѣленія, вмѣщавшія полкъ, образовали дивизіонъ. Вся флотилія раздѣлена на 8 эскадръ (escadrilles); двѣ изъ нихъ стояли въ Этаплѣ и назначались для перевозки корпуса Нея (лѣвое крыло, 22 т.); четыре, въ Булони, для Сульта (центръ 40 т.); двѣ въ Вимерё, для авангарда. Остальныя войска должны были переѣхать

*) Амбаркація производилась въ два часа.

проливъ на голландскихъ флотиліяхъ (правое крыло, Даву, 26 т. и резервъ).

Въ составѣ десантной арміи было: 120 т. пѣхоты, 8 т. кавалеріи, 12 т. кавалеристовъ, при 450 орудіяхъ.

Этимъ и окончились приготовленія, стоившія огромныхъ пожертвованій Франціи. Англія успѣла устроить Наполеону диверсію на материкѣ и отвела на другихъ опасность, ей грозившую.

Разсматривая сдѣланныя приготовленія, нельзя не согласиться, что Французы имѣли на успѣхъ довольно большія вѣроятности. Главная задача заключалась въ переѣздѣ пролива. Такой переѣздъ былъ возможенъ и для одной флотиліи, но онъ представлялъ большія опасности, и потому признано нужнымъ содѣйствіе военныхъ кораблей. Впрочемъ оно не составляло необходимаго условія успѣха: оно давало только одной гарантіей больше для достиженія его. Наконецъ, самыя опасности, грозившія флотиліи на морѣ, едва ли были такъ велики, какъ казалось, напримѣръ, Декре. Все новое кажется рисковымъ, и дѣло здѣсь, собственно, не въ мѣрѣ опасности, а въ мѣрѣ привычки къ ней. Было время, когда Французы считали опаснымъ всякій переѣздъ моремъ, и съ большимъ усиліемъ отваживались на морскія экспедиціи; теперь эти опасности не пугаютъ женщинъ.

Итакъ, Наполеонъ и на этомъ поприщѣ военнаго искусства указываетъ новый путь: отказавшись отъ установившихся понятій, онъ открываетъ новый и, можетъ быть, единственный способъ осуществленія большого десанта въ томъ случаѣ, если ему грозитъ встрѣча съ непріятелемъ въ открытомъ морѣ *). Со стороны Наполеона едва ли можно считать рѣшительно ошибкой то предпочтеніе, которое онъ отдалъ малымъ судамъ. Этотъ геніяльный человѣкъ въ высшей степени былъ одаренъ инстинктомъ успѣха и обыкновенно ничѣмъ не пренебрегалъ для обезпеченія его. Было бы слишкомъ смѣло приписать идею подобной экспедиціи одному капризу человѣка, избалованнаго счастіемъ.

Единственное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ подобной системы десантовъ, это затруднительность управленія многочисленною флотиліею и происходящая отъ того необхо-

---

*) Конечно, малыя суда могутъ быть употреблены только для незначительныхъ переѣздовъ: но десантовъ большими силами иначе и дѣлать нельзя какъ на незначительное разстояніе. Послѣдній десантъ Англо-Французовъ не опровергаетъ сказаннаго, во 1-хъ, потому что, собственно былъ предпринятъ съ береговъ Турціи; во 2-хъ, при несоспоримомъ численномъ превосходствѣ союзнаго военнаго флота надъ нашимъ, десантъ не подвергался опасности морского нападенія.

димость основать успѣхъ дѣла на неустрашимости и искусствѣ частныхъ начальниковъ. Мы не говоримъ о матеріяльныхъ пожертвованіяхъ: само собою разумѣется, что на нихъ слѣдуетъ рѣшаться только тогда, когда цѣль экспедиціи можетъ вознаградить за нихъ.

Проектъ Наполеона вызвалъ со стороны Англіи оборонительныя мѣры, которыя понынѣ служатъ образцомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Хорошо понимая, что борьба съ Наполеономъ на сушѣ невозможна, Англичане обратили все свое вниманіе на то, чтобы помѣшать переѣзду его чрезъ проливъ. Для этого, кромѣ эскадръ, блокировавшихъ главнѣйшіе порты Франціи, были употреблены значительныя силы на то, чтобы получать немедленное извѣстіе въ случаѣ прорыва непріятеля на какомъ либо пунктѣ. Независимо отъ выдвинутой въ море линіи фрегатовъ и другихъ большихъ судовъ, облегавшей Британію отъ Вайта до береговъ Шотландіи, ближайшую береговую стражу (на лодкахъ) составляло морское ополченіе силою въ 20 т.; набранное преимущественно изъ приморскихъ жителей. Рядъ фрегатовъ, соединенныхъ желѣзными цѣпями, заграждалъ входъ въ Темзу, и всѣ удобныя для высадки мѣста, на пространствѣ отъ Вайта до Дувра, были подъ защитою береговыхъ батарей.

На усиленіе сухопутной арміи также было обращено вниманіе: боевая сила регулярной арміи простиралась до 100 или 120 т. Кромѣ того образовано было, въ 1804 г., народное ополченіе и армія волонтеровъ силою въ 150 т., не имѣвшая впрочемъ ни тактическаго образованія, ни хорошихъ руководителей. И такъ, собственно вооруженная сила простиралась до 270 т., изъ которыхъ 70 находились въ Ирландіи. Остальные были расположены по берегамъ Шотландіи и Англіи, вблизи наиболѣе угрожаемыхъ высадкою пунктовъ. Для сообщенія свѣдѣній о появленіи непріятеля были устроены по берегу сигналы. Эту систему мѣръ обороны дополнили парки, учрежденные впослѣдствіи для перевозки войскъ.

Пользуясь своимъ превосходствомъ на морѣ, Англичане не упустили изъ виду и наступательной обороны. Еще въ 1801 году отряженъ былъ Нельсонъ, съ 30 большими и многими малыми судами, къ булоньскому рейду для нападенія на стоявшую тамъ дивизію легкой французской флотиліи. Онъ сдѣлалъ на нее двукратное нападеніе, но не имѣлъ успѣха. Враждебныя дѣйствія, прекращенныя на время аміенскимъ миромъ, возобновились въ 1804 г., съ котораго начинается въ Каналѣ почти безпрерывная партизанская война. Такъ англійскія мелкія суда, поддерживаемыя эскадрою

Сомареца, препятствовали передвиженію флотилій, придуманному, какъ выше сказано, Наполеономъ для сбора ихъ. Вскорѣ Англичане рѣшились сдѣлать болѣе важную попытку-уничтожить булоньскую флотилію. Для этого адмиралъ Кейтъ появился, 3 окт., съ 25 кораблями и 25-ю мелкими судами и брандерами, въ виду булоньскаго рейда. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ и приливомъ, онъ спустилъ 11 брандеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не причинилъ вреда флотиліи, благодаря предусмотрительности адмирала Брюи. Вмѣстѣ съ тѣмъ завязался упорный бой, длившійся до 4-хъ часовъ утра: Англичане понесли значительныя потери.

5 ноября Наполеонъ самъ былъ свидѣтелемъ подобной же стычки, которая также кончилась въ пользу Французовъ. Но эти частныя неудачи не мѣшали достиженію общей цѣли Англичанъ: озаботить противника въ его собственныхъ предѣлахъ, и разрушая исподволь заготовленныя имъ средства, замедлить высадку или даже заставить совершенно отъ нея отказаться.

Кампанія на Пиренейскомъ Полуостровѣ.

Со времени приготовленія Наполеона къ десанту въ Британію, между ними начинается борьба на смерть, окончившаяся паденіемъ послѣдняго. Но несоизмѣримость силъ враждебныхъ сторонъ долгое время отклоняла непосредственное между ними столкновеніе. Наконецъ возможность его для Англіи представилась на Пиренейскомъ Полуостровѣ, возставшемъ противъ властолюбивыхъ притязаній Наполеона.

Кампанія на Пиренейскомъ Полуостровѣ представляетъ цѣлую систему морскихъ экспедицій, предпринятыхъ Англичанами для содѣйствія сначала португальскому, а потомъ испанскому возстанію. Не представляя единовременно направленныхъ значительныхъ силъ, эти экспедиціи играютъ первостепенную роль въ войнѣ полуострова, какъ поддержка и ободреніе возстанія. Они заслуживаютъ разсмотрѣнія, представляя примѣръ могущественнаго вліянія на сухопутную войну превосходства въ морскихъ силахъ. Полуостровъ въ этой войнѣ представлялъ обширную приморскую крѣпость, которой нельзя было взять потому именно, что она получала каждый разъ подкрѣпленіе съ моря. Нуждалась ли приморская провинція въ помощи, истощивъ всѣ усилія, англійская эскадра являлась къ услугамъ, чтобы перевезти помощь изъ другой провинціи. Такъ въ началѣ 1809 г., Каталонія, доведенная до крайности, была обязана продолженіемъ обороны эскадрѣ Коллингвуда, подъ при-

крытіемъ которой перевезена помощь изъ Валенсіи *). Разбитъ ли былъ какой-нибудь испанскій генералъ, онъ искалъ спасенія на англійскихъ корабляхъ, и черезъ нѣсколько времени снова являлся на материкѣ и снова открывалъ дѣйствія **).

Вліяніе Англіи на полуостровѣ возникаетъ съ того времени, когда изувѣрство и нелѣпое управленіе истощили до крайности эту богатую страну. Особенно сильно утвердилось это вліяніе въ Португаліи, находившейся въ полной торговой зависимости отъ Англіи. Эта-то зависимость и была причиною перваго предпріятія Наполеона на Португалію, имѣвшаго цѣлью запереть португальскіе порты ввозу англійскихъ произведеній и тѣмъ довершить осуществленіе континентальной системы. Исполненіе предпріятія возложено было на Жюно, который, при содѣйствіи испанскихъ вспомогательныхъ корпусовъ, долженъ былъ занять Португалію со ввѣреннымъ ему 1-мъ наблюдательнымъ Жирондскимъ корпусомъ. Слабость Португаліи и ничтожество ея правительства сдѣлали занятіе ея болѣе нежели легкимъ. 27 ноября 1807 г. Жюно достигнулъ Абрантеса. Въ тотъ же день, Регентъ, со всѣмъ семействомъ, дворомъ и 17 т. Португальцевъ, отплылъ на англійскихъ и португальскихъ корабляхъ въ Бразилію, оставивъ государство на жертву непріятелю. Между тѣмъ Жюно былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: большая часть его корпуса, отъ форсированныхъ маршей, затруднительныхъ дорогъ и недостатка припасовъ, отстала; при томъ онъ не зналъ расположенія жителей столицы, которые могли получать поддержку со стороны англійскаго флота. Не смотря на это, онъ рѣшился идти къ Лиссабону и занялъ его, 30 ноября, всего съ 1,500 чел. Едва черезъ три недѣли собралось въ Лиссабонѣ до 16 т.; остальные подбирались поодиначкѣ или малыми партіями. Такимъ образомъ, Жюно безъ малѣйшей потери занялъ многолюднѣйшій въ королевствѣ, и важнѣйшій въ стратегическомъ и административномъ отношеніи городъ. Столь счастливый успѣхъ имѣлъ бы, конечно, рѣшительныя для полуострова послѣдствія, если бы онъ былъ поддержанъ вовремя и достаточными силами. Наполеонъ принялъ было мѣры для этой поддержки; уже вступили въ Испанію 2-й наблюдательный Жирондскій корпусъ, наблюдательный береговой корпусъ, но единодушное возстаніе испанскихъ провинцій, вызванное самовластіемъ Наполеона, заставило дать этимъ войскамъ

*) Napier: Hist. de la guerre de la Péninsule, T. III, L. V, Ch. IV, p. 136—Observations.

**) Id. T. IV, livre VIII, Chap. III.

другое назначеніе, и Жюно былъ предоставленъ собственнымъ силамъ въ ту самую минуту, когда наибольшая опасность грозила ему. Опомнившіеся отъ перваго изумленія Португальцы, побуждаемые англійскими эмиссарами, возстали, а англійскія войска были въ готовности по первому требованію явиться у береговъ страны. Испанскія вспомогательныя войска тоже обнаружили враждебное расположеніе; та ихъ часть, которая находилась въ Лиссабонѣ, была обезоружена и содержалась на понтонахъ, въ лиссабонскомъ портѣ. Окруженный со всѣхъ сторонъ возстаніемъ, Жюно не могъ оставить Лиссабона, готоваго вспыхнуть, для усмиренія провинцій; не могъ также остаться равнодушнымъ зрителемъ смутъ въ провинціи, изъ опасенія, чтобы онѣ не передались столицѣ. Онъ рѣшился ограничиться усмиреніемъ окрестностей Лиссабона и наблюденіемъ берега къ сѣверу отъ Лиссабона до мыса Назаретской Божіей Матери. Послѣднее было необходимо потому, что у этой части берега находятся Берлингскіе Острова, на которыхъ, по слухамъ, Англичане вознамѣрились сдѣлать приготовленія къ высадкѣ. Впослѣдствіи, слухи эти оказались ложными.

Въ продолженіе этого времени, въ Англіи шли дѣятельныя, хотя и не совсѣмъ искусныя приготовленія въ предстоявшей кампаніи *). Во всѣ испанскія провинціи разосланы были эмиссары, разжигавшіе ненависть къ Французамъ и поддерживавшіе денежными субсидіями ослабѣвшій патріотизмъ. Не ограничиваясь этимъ, Англичане тогда же начали думать о вооруженной помощи: въ ноябрѣ 1807 изъ Портсмута отправленъ былъ 5-т. отрядъ Спенсера къ Гибралтару, съ порученіемъ дѣйствовать въ Португаліи или Сициліи, смотря по обстоятельствамъ. Отрядъ этотъ, до прибытія сэра Веллеслея, ничего не сдѣлалъ, но демонстраціями весьма много содѣйствовалъ поддержкѣ возстанія и тому, что войска Жюно находились въ постоянномъ напряженіи. Такъ прибытіе его къ Лиссабону, въ іюлѣ 1808 г., по требованію адмирала Коттона **), произвело волненіе въ городѣ. Позже, появленіе его у Айямонте, въ соединеніи съ разгоравшимся болѣе и болѣе возстаніемъ, побудило Жюно сдѣлать всѣ приготовленія къ встрѣчѣ Англичанъ ***). Для обсужденія этого предмета онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ положено: 1) Обезпечить Лиссабонъ отъ испанскихъ плѣнныхъ, отдаливъ по возможности болѣе ихъ пон-

*) Foy: Histoire de la guerre de la Péninsule. T. III, p. 220.
**) Коттонъ командовалъ эскадрой, блокировавшей Лиссабонъ съ моря.
***) Napier. T. I, стр. 178.

тоны отъ берега; 2) снабдить продовольственными и военными припасами форты и перевезтѣ порохъ изъ магазиновъ на корабли; 3) очистить крѣпости Португаліи, за исключеніемъ Сетувала, Альмеиды, Эльваса и Пениша. Предполагалось, въ случаѣ неудачи въ открытомъ полѣ, сосредоточиться въ Лиссабонѣ, послѣ упорной обороны котораго отступить по лѣвому берегу Таго до Эльваса, а оттуда, смотря по обстоятельствамъ, на Вальядолидъ, Сеговію или Мадридъ. Но и на этотъ разъ приготовленія были напрасны: Спенсеръ снова возвратился въ Кадиксъ *).

Впрочемъ должно сознаться, что критическое положеніе Жюно не давало Англичанамъ никакихъ положительныхъ результатовъ, пока они ограничивались только демонстраціями. Необходимо было приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и этотъ приступъ сдѣланъ далеко не съ тѣмъ единствомъ и энергіею, которыя обличаютъ хорошо соображенный планъ и исполнителей, ясно понимающихъ обстоятельства. Непиръ, безпристрастный историкъ этой войны въ большей части случаевъ, совершенно основательно охуждаетъ распоряженія англійскаго министерства въ эту эпоху **).

Лучшимъ подтвержденіемъ словъ Непира служитъ то обстоятельство, что когда рѣшено было принять явное участіе въ дѣлахъ полуострова и помочь инсургентамъ вооруженною силою, едва только 9 т. отрядъ, находившійся въ Коркѣ, былъ готовъ къ отплытію, да и тотъ предварительно имѣлъ другое назначеніе.

Этотъ корпусъ, ввѣренный сэру Артуру Веллеслею, вышелъ въ море 12 іюля 1808 и 20-го былъ на высотѣ Коруньи. На предложеніе помощи Галисіи, Веллеслею отвѣчали отказомъ и просьбою о денежной субсидіи. Тогда онъ спустился на югъ, къ Опорто, и вошелъ въ сношенія съ тамошнимъ епископомъ, имѣвшимъ, въ это смутное время, притязаніе на высшую политическую власть въ королевствѣ. Результатомъ переговоровъ съ нимъ было то, что Веллеслей рѣшился произвести въ Португаліи высадку. Въ то же время, узнавъ, что Спенсеръ бездѣйствуетъ въ Кадиксѣ, онъ послалъ ему приказаніе плыть къ Лиссабону и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Степень содѣйствія англійскаго корпуса инсургентамъ опредѣлялась инструкціею, данною Веллеслею. Въ ней было сказано, что намѣреніе Англійскаго Кабинета—поставить Испанію и Португалію въ возможность низвергнуть иго Французовъ. Далѣе, инструкція опредѣляла въ общихъ чертахъ характеръ дѣйствій Вел-

*) Нар. Томъ I, гл. I, книга II.
**) Томъ I, кн. 2-я, гл. III, стр. 232.

леслея: какъ онъ долженъ былъ поступать въ случаѣ раздора между возставшими націями, какъ устроить временное правительство, на какихъ условіяхъ вступать въ переговоры съ Франціей. Кромѣ того онъ получилъ полномочіе сдѣлать на полуостровѣ выпускъ ассигнацій: это, по мнѣнію министровъ, должно было увеличить средства арміи и сдѣлать обладателей ассигнацій невольными участниками въ дѣлѣ національномъ. Но (какъ иронически замѣчаетъ Непиръ) Испанцы не такъ еще далеко подвинулись въ цивилизаціи, чтобы могли сочувствовать подобной мѣрѣ: какъ истые варвары, они предпочитали общественному кредиту чистое золото.

Стратегическими цѣлями экспедиціи были: 1) овладѣніе Лиссабономъ, 2) содѣйствіе Испанцамъ у Кадикса, или въ долинѣ Таго, смотря по обстоятельствамъ.

Первая цѣль дѣйствій опредѣляла и выборъ пункта высадки, въ общихъ чертахъ: понятно, что онъ былъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ находился ближе къ предмету дѣйствій. Выгоднѣе всего было бы высадиться въ устьѣ Таго; но занятіе Французами Лиссабона и фортовъ его дѣлало невозможнымъ подобное предпріятіе. Оставалось избрать пунктъ высадки къ югу отъ Лиссабона, или къ сѣверу отъ него. Веллингтонъ рѣшился на послѣднее и обратился къ адмиралу Коттону за свѣдѣніями объ удобныхъ для высадки пунктахъ.

Выборъ такого пункта представлялъ значительныя затрудненія: западный берегъ Португаліи, имѣя видъ почти прямой линіи, не представляетъ никакихъ удобныхъ и закрытыхъ отъ вѣтровъ пристаней, за исключеніемъ небольшой бухты, защищаемой укрѣпленіемъ Пенишъ, въ то время занятымъ Французами (1000 чел. гарнизона и 100 орудій). Остальные порты, образуемые устьями рѣкъ, стѣснены и, кромѣ лиссабонскаго, неудобны при входѣ даже для небольшихъ судовъ. При томъ открытое положеніе берега, обращеннаго къ океану, причиною, что при малѣйшемъ вѣтрѣ съ моря поднимается волненіе и производитъ такой сильный прибой, что дѣлаетъ безопасное приближеніе къ берегу невозможнымъ. При южныхъ вѣтрахъ, дующихъ здѣсь отъ августа до зимы, нѣтъ берега болѣе опаснаго *).

Рѣшено было высадиться въ гавани, образуемой устьемъ Мондего и прикрытой фортомъ Фигейра (Figueira), который по распоряженію Коттона, былъ еще прежде занятъ Англичанами. Эта

*) Napier: Книга II; гл. II, стр. 247.

гавань находилась довольно близко отъ Лиссабона и представляла опорный пунктъ въ первое время по высадкѣ, для которой, впрочемъ, была не совсѣмъ удобна, по недоступности береговъ къ сѣверу, около Боаркоса, и по мелямъ около Лавооса (Lavoos) *).

Высадка началась 1-го августа; не смотря на довольно тихую погоду, она продолжалась до 5-го и стоила жизни многимъ матросамъ и солдатамъ. Фоа упрекаетъ Веллеслея въ торопливости за эту высадку; съ нимъ едва ли можно согласиться, припомнивъ, что съ августа мѣсяца начинается самое бурное время у португальскихъ береговъ и что выжиданіе могло повести къ необходимости высадки при обстоятельствахъ еще менѣе благопріятныхъ. Притомъ продолжительное **) плаваніе дѣлало высадку также необходимою, потому что должно было имѣть вредное вліяніе на здоровье людей. Второй упрекъ, заключающійся въ томъ, что опасно было высаживаться не выждавъ подкрѣпленій, еще менѣе основателенъ: французскія войска были разбросаны и Веллингтонъ зналъ это; при томъ же опортскій епископъ обѣщалъ ему помощь. Наконецъ, по свидѣтельству Непира, Веллеслей рѣшился на высадку только по полученіи извѣстія о байленской капитуляціи, слѣдовательно имѣлъ на своей сторонѣ и то моральное вліяніе, которое она могла произвести на французскія войска.

Счастливый случай привелъ вслѣдъ за Веллингтономъ и Спенсера къ устьямъ Мондего; высадка его отряда усилила англійскій корпусъ до 12,300 человѣкъ***) при 18 орудіяхъ и 200 лошадяхъ.

Единовременно съ отправленіемъ Веллингтона изъ Ирландіи опредѣлено было приготовить къ отплытію всѣ войска, которыми только можно было располагать, какъ-то: 8 баталіоновъ Энструттера, 5 Экланда и 11 тыс. отрядъ Джона Мура, возвратившійся изъ Швеціи. Отряды Энструттера и Экланда присоединились къ Веллингтону только 20-го августа, когда онъ стоялъ на позиціи при Вимейро.

10 авг. англійскій корпусъ двинулся къ Лиссабону, избравъ береговую дорогу, для прикрытія высадки подкрѣпленій и для удобнѣйшаго полученія припасовъ съ флота. Вспомогательный отрядъ инсургентовъ направился къ Абрантесу, чтобы взятіемъ его отрѣзать путь отступленія Французамъ по правому берегу Таго.

Между тѣмъ Жюно, узнавъ о высадкѣ Англичанъ, не рѣшился

---

*) Foy.
**) Отъ 12-го іюля по 1-е августа.
***) По Фоа—13,300.

оставить Лиссабонъ для противедѣйствія непріятелю, и положилъ сосредоточить по возможности всѣ свои оборонительныя средства въ окрестностяхъ столицы. Съ этою цѣлью онъ занялъ всѣ приморскіе форты, защищающіе входъ въ лиссабонскую гавань и лиссабонскій замокъ, и обезпечилъ сообщеніе между берегами Таго значительнымъ количествомъ судовъ: это потрбовало 5400 чел.: Альмейда, Эльвасъ, Пальмела, Пенишъ и Сантаремъ были заняты 5600 чел., на флотѣ находились 1000 человѣкъ *). Если къ этому числу прибавить 3 т. больныхъ, то и окажется, что изъ 26 т. Французовъ, вступившихъ въ Португалію, едва 11 т. могли быть употреблены для дѣйствія въ полѣ. Главный недостатокъ этого расположенія заключался въ разбросанности силъ: Жюно это замѣтилъ и еще во-время успѣлъ усилить корпусъ, назначенный для дѣйствія въ полѣ, частью лиссабонскаго гарнизона.

11-го августа Делабордъ, съ полкомъ пѣхоты, 2 эскадронами и 5 орудіями, двинулся черезъ Батальгу къ Алькобасу для разузнанія о непріятелѣ и задержанія его. Достигнувъ послѣдняго пункта, Делабордъ присоединилъ къ себѣ гарнизонъ Пениша. Наступленіе Веллингтона заставило Делаборда отступить къ Ролисѣ; здѣсь онъ нашелъ позицію, на которой могъ сопротивляться превосходному непріятелю. 17-го онъ былъ сбитъ. Въ тотъ же день инсургенты заняли Абрантесъ.

Въ послѣдовавшемъ 20-го авг. при Вимейро сраженіи Жюно былъ разбитъ, и отступивъ въ Лиссабонъ, предложилъ конвенцію, по которой обязывался очистить Португалію, съ условіемъ быть перевезеннымъ со всѣми войсками во Францію на англійскихъ судахъ. Конвенція эта была утверждена англійскимъ главнокомандующимъ и десантъ достигнулъ первой своей цѣли—очищенія Португаліи, съ небольшимъ въ двѣ недѣли. Успѣхъ, вполнѣ удовлетворительный; но полное расположеніе жителей къ Англичанамъ и возстаніе ихъ противъ Французовъ не мало способствовали безопасному совершенію высадки; дальнѣйшія дѣйствія Веллеслея значительно были облегчены превосходствомъ силъ. Относительно выбора пункта высадки, ему должно отдать полную справедливость: даже въ случаѣ неудачи англійской арміи былъ открытъ свободный путь отступленія на Опорто и далѣе.

Впрочемъ англійское правительство и португальскіе патріоты были недовольны заключенной конвенціей, потому что ожидали отъ Жюно безусловной капитуляціи. Но эта надежда была неосновательна и происходила только отъ неточнаго понятія о положеніи

*) Foy.

дѣлъ. Причины уступчивости англійскихъ военачальниковъ, независимо отъ сопротивленія, которое могъ еще оказать Жюно, заключались въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ всегда подвергается десантный корпусъ: ему не доставало ни перевозочныхъ средствъ, ни лошадей для кавалеріи, ни, наконецъ, осадной артиллеріи. Къ этому присоединялась еще опасность потерять сообщенія съ флотомъ: армія имѣла при себѣ провіанта только на 10 или на 12 дней и могла получать его только съ кораблей, которые при малѣйшемъ вѣтрѣ, южномъ или сѣверо-восточномъ, принуждены были отдаляться отъ берега. Слѣдовательно, необходимо было открыть устье Таго для доставленія безопаснаго пристанища флоту. Вооруженною силою можно было достигнуть этого не ранѣе 10 дней, потребныхъ на осаду фортовъ: Каскаэса, Бужіо, С Жуліано; а для осады, какъ уже сказано, средствъ не было *).

Съ этого времени Англичане не оставляли уже португальскаго берега, хотя одно время были къ этому довольно близки. По очищеніи Португаліи Французами, англійская армія оставалась нѣкоторое время въ бездѣйствіи. Отозваніе ея прежнихъ начальниковъ (вслѣдствіе конвенціи съ Жюно) и назначеніе новыхъ было, вѣроятно, главною причиною, что первый планъ дальнѣйшихъ дѣйствій присланъ только 6 октября. Въ немъ предполагалось, сосредоточивъ 30 т. армію подъ начальствомъ Джона Мура, двинуть ее на подкрѣпленіе Испанцамъ, войска которыхъ облегали въ это время полукругомъ армію Французовъ, оставившую, вслѣдствіе байленской капитуляціи, внутреннія земли полуострова, и занимавшую расположеніе на Эбро. Въ составъ арміи Джона Мура назначались: 20 т. корпусъ Англичанъ, расположенный въ Лиссабонѣ и окрестностяхъ, и 10 т. отрядъ Берда, долженствовавшей высадиться въ Коруньѣ.

Послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія Французовъ и Джона Мура до послѣднихъ дней его бѣдственнаго отступленія, не подлежатъ разсмотрѣнію въ настоящемъ случаѣ. Скажемъ только, что въ то время, когда Испанцы, окружавшіе французскую армію отъ Бискайскаго Моря до Сарагосы, строили планы, какъ бы ее отрѣзать и уничтожить, Наполеонъ, въ началѣ ноября, двинулъ болѣе 200 т. на Пиренейскій Полуостровъ, уничтожилъ по частямъ испанскія арміи и въ началѣ декабря былъ уже въ Мадридѣ. Въ это время колонны Мура, растянутыя, раздѣленныя и значительными разстояніями, и мѣстными препятствіями, стягивались къ Саламанкѣ. Остановлен-

*) Napier: Tome I, liv II, ch. VI. p. 341.

ныя движеніемъ Наполеона на Мадридъ, замедляемыя дурнымъ состояніемъ собственной администраціи и нерасположеніемъ жителей къ содѣйствію, онѣ могли сосредоточиться не ранѣе половины декабря. По разбитіи испанскихъ армій, Муръ не могъ имѣть и въ мысли бороться съ Наполеономъ; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился до времени не отступать, въ надеждѣ на то, что въ состояніи будетъ сдѣлать полезную для южныхъ провинцій полуострова диверсію, угрожая сообщеніямъ Наполеона.

Съ этою цѣлью онъ дѣйствительно предпринялъ наступленіе на Вальядолидъ (съ 23,583 ч. и 60-ю оруд.) противъ Сульта, прикрывавшаго операціонную линію Французовъ (съ корпусомъ изъ 17 т. пѣх. и 1200 кв.). Превосходными распоряженіями Сульта Муръ былъ лишенъ надежды на какой-либо положительный успѣхъ, но не смотря на это, вполнѣ достигъ главной своей цѣли: при первомъ извѣстіи о наступленіи Англичанъ, Наполеонъ двинулъ всѣ находившіяся у него подъ рукою силы *) на перерѣзъ пути отступленія Мура. Движеніе было совершено чрезвычайно быстро; однако Муръ успѣлъ отступить.

Настойчивое преслѣдованіе Французовъ, сначала предводимыхъ Наполеономъ до Асторги, а потомъ Сультомъ, довели армію Мура до крайняго разстройства, не смотря на то, что гористая мѣстность давала Англичанамъ возможность задерживать непріятеля небольшими отрядами.

Но затрудненія болѣе гибельныя ожидали впереди англійскую армію: ей предстояло совершить амбаркацію въ виду непріятеля и притомъ въ позднее время года. Еще изъ Саламанки Муръ отправилъ офицеровъ для осмотра дорогъ въ Галисіи и выбора порта, удобнаго для амбаркаціи. Въ это время англійскій флотъ находился въ Виго; но къ нему не могла направиться армія Мура, потому что вблизи этого порта не оказалось удобной позиціи, на которой расположившись, можно бы было прикрыть амбаркацію. По этому рѣшено было направиться къ Коруньѣ арміи и флоту.

Испытывая всѣ бѣдствія отступленія, всѣ лишенія и неудобства поздняго времени года, англійскія войска были доведены до совершенной дезорганизаціи. Въ такомъ положеніи они достигли Бетанзоса 9 янв. 1809, въ числѣ 14 т. 11-го появились передовыя французскія войска, и Англичане продолжали отступленіе къ Коруньѣ. Новое бѣдствіе ожидало ихъ тамъ: флотъ, задержанный въ Виго противными вѣтрами, еще не пришелъ къ Коруньѣ,

*) 60 т.; гвардія, 6-й корпусъ и резервная кавалерія.

и было неизвѣстно, когда онъ поспѣетъ. Такимъ образомъ армія, испытавъ всѣ бѣдствія отступленія, лишившись кавалеріи, обозовъ, казны, должна была сразиться за свое существованіе, имѣя въ тылу море и возложивъ всю надежду спасенія на счастливый случай, который одинъ могъ привести флотъ въ Корунью. Муръ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ амбаркаціи, для прикрытія ея отъ покушеній Французовъ расположилъ войска на сильной позиціи передъ городомъ и рѣшился, въ ожиданіи флота, принять на ней бой.

14-го стянулся корпусъ Сульта; 6-й корпусъ и двѣ дивизіи 8-го были еще далеко. Въ тотъ же день прибылъ и англійскій флотъ. Позднее его прибытіе, возрастающая сила непріятеля, мѣстныя невыгоды до такой степени усиливали опасности и затрудненія амбаркаціи въ виду непріятеля, что нѣкоторые изъ генераловъ предложили Муру вступить съ непріятелемъ въ переговоры о безпрепятственномъ переходѣ войскъ на суда; но Муръ отвергъ это предложеніе. Въ ночь съ 15-го на 16-е нагрузили суда тяжестями арміи; 16-го, войска были въ готовности, съ наступленіемъ ночи, начать также движеніе къ порту. Принятыя предосторожности, конечно, облегчили бы эту трудную операцію; но англійской арміи суждено было окончить кампанію болѣе славнымъ, хотя и гибельнымъ образомъ: къ двумъ часамъ по полудни движеніе по всей французской линіи обнаружило, что насталъ часъ сраженія.

Дѣйствительно Французы повели атаку на высоты, занимаемыя Англичанами, но были отбиты. Успѣхъ этотъ дорого стоилъ Англичанамъ: Муръ былъ смертельно раненъ. Принявшій послѣ него начальство, Гопе, отразивъ новыя атаки Французовъ, долженъ былъ ограничиться этимъ успѣхомъ, считая болѣе основательнымъ заняться амбаркаціею съ наступленіемъ ночи; сообразно этому тотчасъ были сдѣланы всѣ распоряженія, чтобы произвести амбаркацію безъ затрудненія и въ порядкѣ.

Передовые посты, съ наступленіемъ ночи, развели бивачные огни и прикрыли отступленіе колоннъ; сами они отступили съ разсвѣтомъ за бригаду Джилля, занимавшую позицію у городскихъ валовъ. Съ наступленіемъ утра, Французы, замѣтивъ отступленіе англійскихъ войскъ, двинули нѣсколько батальоновъ на высоты Сентъ-Люси и къ полудню успѣли расположить тамъ батарею, которая огнемъ своимъ, направленнымъ въ портъ, причинила много вреда англійскимъ транспортнымъ судамъ. Въ происшедшемъ, вслѣдствіе этого, замѣшательствѣ въ портѣ, четыре судна сѣли на мель у берега. Съ нихъ были сняты войска шлюпками военныхъ кораблей; самыя суда сожжены и флотъ вышелъ въ море.

Арьергардъ сѣлъ на суда изъ цитадели, остававшейся до 18-го въ рукахъ Англичанъ.

Флотъ направился къ берегамъ Англіи. На пути, застигнутый бурею, онъ былъ разсѣянъ; многіе транспорты потерпѣли крушеніе; остальные, достигнувъ Ла-Манша, приставали, по одиночкѣ, въ различныхъ портахъ. «Остатки арміи разсыпались по всему южному берегу Англіи, отъ Лендсъ-Энда до Дувра. Жалкое положеніе солдатъ, ихъ оборванный видъ поразилъ народъ, непривыкшій видѣть войско въ такомъ положеніи. Преувеличенные разсказы, обыкновенно отличающіе людей, избѣгнувшихъ гибели и нужды, нашли новую пищу въ безпокойствѣ объ участи товарищей. Наконецъ гнилая горячка — слѣдствіе трудовъ и быстраго перехода отъ усталости къ недѣятельной и стѣсненной жизни на корабляхъ, наполнила всѣ госпитали больными *)».

Бѣдственный исходъ кампаніи Джона Мура снова поставилъ дѣла полуострова въ критическое положеніе. Регулярныя испанскія войска формировались медленно, благодаря безпорядочному управленію юнты; Португалію прикрывали нѣсколько неустроенныхъ народныхъ ополченій и 10 т. Англичанъ, находившихся подъ начальствомъ Крадока, въ Лиссабонѣ и окрестностяхъ.

По плану Наполеона положено было занять Португалію съ двухъ сторонъ: Сульту съ сѣвера, Виктору по долинѣ Таго. Такое направленіе къ одному предмету силъ, отдѣленныхъ значительнымъ разстояніемъ, препятствовало единству дѣйствій, но было оправдываемо ничтожностью сопротивленія, которое могла оказать Португалія въ то время.

До какой степени сами Англичане отчаявались въ ней удержаться, служатъ доказательствомъ распоряженія Крадока при вѣсти о первыхъ успѣхахъ Сульта на сѣверѣ Португаліи: онъ отступилъ къ Пасса д' Аркосу и приготовилъ все къ амбаркаціи. И подобная мѣра вполнѣ оправдывается положеніемъ дѣлъ, хотя и заслуживаетъ упрека въ томъ отношеніи, что должна была произвесть неблагопріятное впечатлѣніе на Лиссабонъ. Ошибка собственно состояла не въ томъ, что мѣра была принята, но въ томъ, что она была принята слишкомъ явно.

Къ несчастію для Наполеона, соперничество маршаловъ, обнаруживавшееся каждый разъ, какъ только не онъ лично предводилъ войсками, и въ этомъ случаѣ было причиною, что удобная для дѣйствія минута была упущена. Сультъ, дойдя до Опорто, не

*) Napier, Томъ II, кн. IV, гл. VI, стр. 191.

могъ наступать далѣе безъ поддержки, а Викторъ, подъ разными предлогами уклонялся отъ исполненія возложенной на него части плана.

Въ это время Англичане перемѣняютъ рѣшительно свои отношенія къ Португаліи, и дѣла принимаютъ другой оборотъ. Убѣдившись на опытѣ въ ничтожествѣ португальскаго правительства, Англичане рѣшаются взять на себя формированіе португальскихъ вооруженныхъ силъ. Въ то же время, Веллингтонъ былъ снова назначенъ главнокомандующимъ и къ концу апрѣля могъ уже располагать 26 т. войскъ (10 т. англ., 16 т. португал.). Съ этими силами онъ обратился противъ Сульта, вытѣснилъ его изъ Португаліи и, оставивъ часть силъ для прикрытія ея съ сѣвера, самъ направился, съ 25 т., въ долину Таго. Дѣйствія его на этомъ театрѣ имѣютъ континентальный характеръ и не подлежатъ разбору въ настоящемъ случаѣ. Не смотря на успѣшное сопротивленіе при Талаверѣ, онъ рѣшился отступить въ Португалію, угрожаемый съ лѣваго фланга наступленіемъ Сульта отъ Саламанки къ Плаценціи и недовольный дѣйствіями испанской правительственной юнты. Веллингтонъ тогда же приступилъ къ сооруженію торресъ-ведрасскихъ линій, для обезпеченія амбаркаціи, если бы въ ней оказалась надобность, и для того, чтобы держаться до прибытія подкрѣпленій, въ случаѣ неблагопріятнаго поворота дѣлъ.

Современно дѣйствіямъ Веллингтона въ долинѣ Таго былъ произведенъ Англичанами десантъ на островъ Вальхернъ, съ цѣлью овладѣть укрѣпленіями, защищавшими доступъ къ Антверпену, и уничтожить созданныя тамъ Наполеономъ морскія сооруженія. Въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій десантъ этотъ долженъ былъ имѣть значеніе диверсіи въ пользу Австріи. 29 іюля 1809 г. англійскій флотъ изъ 40 линейныхъ кораблей, 18 фрегатовъ и нѣсколькихъ легкихъ судовъ вступилъ въ сѣверный рукавъ Шельды и высадилъ находившійся на немъ 30 тысячный десантъ на остр. Вальхернъ *). Эта экспедиція служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того гибельнаго вліянія, какое имѣетъ въ десантахъ нерѣшительность дѣйствій.

Давъ время Французамъ усилиться, лордъ Чатамъ, предводившій экспедиціею, сдѣлалъ было двѣ попытки десанта для дѣйствій противъ самаго Антверпена, но былъ отбитъ. За тѣмъ онъ отсту-

*) Между новѣйшими этотъ десантъ составляетъ исключеніе, потому что былъ переведенъ не на транспортныхъ судахъ. Употребленіе военнаго флота подъ десантъ могло быть допущено по отсутствію всякой опасности на морѣ со стороны непріятеля.

пилъ къ Вальхерну со всѣмъ флотомъ, на которомъ было до 19,000 больныхъ. Въ половинѣ сентября, Чатамъ возвратился въ Англію, не достигнувъ цѣли и потерявъ большую половину десанта.

1810 годъ ознаменованъ большими успѣхами Французовъ на Пиренейскомъ Полуостровѣ: южная и восточная части его были покорены почти совершенно; только Кадиксъ и Лиссабонъ, прикрытый торресъ-ведрасскими линіями, могли оказать серьезное сопротивленіе. Такое положеніе дѣлъ поставило Англичанъ въ необходимость подавать помощь съ моря тѣмъ пунктамъ, которые представляли еще какую-нибудь надежду на сопротивленіе.

Вслѣдствіе этого, въ продолженіе 1810 и 1811 годовъ, въ предѣлахъ самаго полуострова, предпринято было нѣсколько десантовъ: такъ, въ 1810 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, высадился съ небольшимъ отрядомъ для освобожденія Малаги лордъ Блейнгеймъ, —попытка, окончившаяся впрочемъ плѣномъ самого Блейнгейма съ 800 Англичанъ. 1811 г., 20 февраля, 6000 Англичанъ и 8000 Испанцевъ, подъ начальствомъ Лапены и Грегама, отправились изъ Кадикса къ Гибралтару, съ цѣлью атаковать находившійся вблизи послѣдняго корпусъ Виктора. Подобный же десантъ, силою въ 2000, былъ посланъ въ іюнѣ въ Таррагону, находившуюся тогда въ послѣднемъ періодѣ осады. Помощь эта не могла уже поправить дѣла и удалилась моремъ.

Наконецъ, въ 1813 году, генералъ Муррей, дѣйствовавшій противъ Сюше въ Валенсіи, потерпѣвъ незначительныя неудачи, посадилъ 20,000 изъ имѣвшихся у него 30,000, на суда и высадившись у Таррагоны, обложилъ ее. Сюше за нимъ послѣдовалъ; Муррей, не считая себя въ силахъ продолжать осаду, бросилъ осадную артиллерію и снова отплылъ въ Аликанте. Понятно, въ какой мѣрѣ эти частныя предпріятія должны были поддерживать духъ инсургентовъ и постоянное напряженіе войскъ непріятельскихъ, не смотря на то, что не всегда оканчивались удачно.

И такъ, дѣйствія Англичанъ на Пиренейскомъ Полуостровѣ, имѣвшія, въ смыслѣ диверсіи, великое вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій на главномъ европейскомъ театрѣ, замѣчательны и сами по себѣ, какъ совершенно особенная, оригинальная система помощи, которая была могущественною поддержкою народному возстанію и должна была продлить его на неопредѣленное время. Въ количественномъ отношеніи, десанты Англичанъ не представляютъ ничего замѣчательнаго: ни одинъ изъ предпринятыхъ съ береговъ Британіи на полуостровъ не превосходилъ 10 т. Тѣмъ не менѣе и эти десанты обнаружили въ полной мѣрѣ тѣ затруд-

ненія, съ которыми сопряжены морскія экспедиціи, всѣ тѣ гибельныя послѣдствія, какія онѣ могутъ повлечь въ случаѣ неудачи дѣйствій на сухомъ пути. Умѣренность условій синтрской конвенціи была, какъ показано, слѣдствіемъ затруднительнаго положенія арміи, связанной съ флотомъ и угрожаемой ежеминутною опасностью утратить эту связь. Бѣдствія отступленія Джона Мура были усугублены необходимостью амбаркаціи въ виду непріятеля, и только растянутое движеніе французскихъ войскъ спасло его отъ совершенной гибели. Результатъ дѣйствія по порту французской батареи на Сентъ-Люси показалъ, чего можно было ожидать при условіи болѣе энергическаго напора со стороны Французовъ.

Вальхернская экспедиція была послѣднимъ значительнымъ десантомъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ.

Алжирская экспедиція.

Въ продолженіе времени, протекшаго съ 1815 по 54 годъ, была предпринята одна морская экспедиція изъ Франціи, въ 1830 г., для уничтоженія разбойничьяго притона въ Алжирѣ. Изъ десантовъ, произведенныхъ по изобрѣтеніи огнестрѣльнаго оружія, это былъ наибольшій по числительности войскъ.

Не смотря на незначительность противника, все было сдѣлано, чтобы устранить случайности, могущія повредить успѣху дѣла. На совѣтѣ, собранномъ для рѣшенія вопроса: предпринять ли экспедицію и какъ предпринять ее? всѣ были согласны въ томъ, что главное затрудненіе представляла высадка собственно. Неудача большей части предшествовавшихъ экспедицій противъ Алжира была причиною, что и въ настоящей опасались бѣдствія, особенно на морѣ. Опасенія эти преимущественно тревожили моряковъ: африканскій берегъ, не совсѣмъ удобный для пристанища и часто посѣщаемый бурями, представлялся даже болѣе опаснымъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Это и было причиною, что большая часть французскихъ адмираловъ отклонили отъ себя командованіе экспедиціоннымъ флотомъ, которое принялъ вице-адмиралъ Дюперре, немедленно приступившій къ распоряженіямъ, имѣвшимъ цѣлію облегченіе производства высадки и приготовленія флота къ отплытію. Для первой цѣли онъ приказалъ изготовить 50 плоскодонныхъ судовъ, каждое на 120 чел. и на одно орудіе *). Въ то

*) Montrond.

же время приступлено было къ заготовленію провіанта на 4 мѣсяца для 35 тысячъ человѣкъ.

Армію, состоявшую изъ 3-хъ дивизій пѣхоты (36 баталіоновъ), 3-хъ эскадроновъ и 15 батарей (31 т. пѣхоты, 525 кавалеріи, 82 осадныхъ, 24 полевыхъ, 6 гарнизонныхъ орудій=37,617 человѣкъ и 4,546 лошадей) *), предположено было амбаркировать въ Марсели и Тулонѣ. Для перевозки ея назначались: 100 военныхъ (въ томъ числѣ два паровыхъ) и нѣсколько сотъ транспортныхъ судовъ, на которыхъ было 30 т. матросовъ **).

Приготовленія были окончены въ началѣ мая; 12-го приступили къ амбаркаціи, которая продолжалась 6 дней. Весь флотъ, на время плаванія, былъ раздѣленъ на три отдѣленія, выступившія въ море одно за другимъ, начиная съ 25 мая ***). Плаваніе было совершено благополучно, но приближеніе къ берегу Алжира не обошлось безъ затрудненій: флотъ, появившійся у береговъ его въ началѣ іюня, долженъ былъ отступить къ Пальмѣ; вторичное приближеніе имѣло мѣсто 12-го іюня; но, по причинѣ волненія, снова нельзя было отважиться на высадку. Наконецъ, 13-го, флотъ приблизился къ берегу, вошелъ въ сообщеніе съ эскадрой, блокировавшей Алжиръ, и по рекогносцировкѣ бухтъ, образуемыхъ полуостровомъ Сиди-Феррухъ, положено избрать западную пристанищемъ для флота.

На слѣдующій день приступили къ высадкѣ. Въ предупрежденіе безпорядка, каждый капитанъ корабля получилъ планъ бухты съ означеніемъ мѣста, которое его судно должно было занять по высадкѣ находившихся на немъ войскъ. Производство самой высадки не встрѣтило сопротивленія со стороны непріятеля; при помощи приготовленныхъ по распоряженію Дюперре плоскодонныхъ судовъ, въ разъ высаживались 6000 человѣкъ. Этого было достаточно для отраженія перваго напора, тѣмъ болѣе, что оборонѣ способствовало выдающееся положеніе полуострова С. Феррухъ.

За тѣмъ французская армія направилась къ Алжиру. Разбивъ

---

*) Г.-М. Богдановичъ.
**) Montrond.
***) 1-е отд. выступ. 25 мая. { 11 корабл. 19 фрег. 21 корв. 15 бриг 2 паров судна. — 68
2-е отд. 26 м. { 90 трансп. подъ конвоемъ „Кометы“.
3-е отд. { 36 трансп. 2 воен. судна.

40 тыс. армію Аги-Ибрагима при Стауэли, она въ дальнѣйшемъ слѣдованіи была замедлена только у Бу-Заріи необходимостью обезпечить сообщеніе съ пунктомъ высадки и выждать осадный паркъ. 5 іюля Алжиръ былъ взятъ.

Алжирская высадка, представляя полное примѣненіе теоріи десантовъ, выведенной изъ всѣхъ этого рода экспедицій, послѣдовавшихъ за изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, есть въ то же время и лучшее ея подтвержденіе. Увѣнчанная полнымъ успѣхомъ, высадка эта обличала, однакожъ, всю затруднительность морскихъ экспедицій, ввѣряемыхъ слишкомъ произволу стихій и требующихъ огромныхъ матеріяльныхъ пожертвованій. Дѣйствительно, для перевоза 37 т. арміи потребовался флотъ, на которомъ число матросовъ простиралось до 30 тысячъ, т. е. почти равнялось десанту. Флотъ, начавшій плаваніе въ самое благопріятное время года, долженъ былъ, дойдя до цѣли, два раза возвращаться въ море. Слѣдовательно, мы не ошиблись, сказавъ, что алжирская высадка была полнѣйшимъ подтвержденіемъ существовавшаго ученія о десантахъ, главнѣйшія положенія котораго заключались въ слѣдующемъ:

«Опытъ показалъ, что отдаленныя морскія экспедиціи сопряжены съ большими затрудненіями для армій, даже не превосходящихъ 30 т. Ясно, слѣдовательно, что десантъ такой силы можетъ осуществиться только при слѣдующихъ условіяхъ:

1) Противъ колоній и вообще владѣній, отдѣленныхъ отъ территоріи государства; 2) противъ второстепенныхъ державъ, которыя не могутъ надѣяться на быструю помощь; 3) противъ державы первостепенной, въ смыслѣ политической и военной диверсіи, если эта держава уже завлечена въ войну и войска ея дѣйствуютъ вдали отъ преднамѣреннаго пункта высадки *)».

Правила эти были высказаны тѣмъ съ большимъ притязаніемъ на непогрѣшимость, что опирались на всѣ безъ исключенія десантныя экспедиціи новаго періода, повторявшія съ замѣчательнымъ сходствомъ одни и тѣ же явленія, начиная съ общихъ понятій о высадкахъ и кончая количественнымъ ихъ опредѣленіемъ, т. е. численностью десантныхъ армій.

1) Ни одинъ изъ десантовъ не представляетъ значительнаго количества кавалеріи, по затруднительности перевозки фуража и лошадей, въ особенности послѣднихъ, потому что отъ продолжи-

*) Jomini: Précis de l'art de la guerre (des descentes).

тельныхъ морскихъ переѣздовъ онѣ становятся негодными къ употребленію. Слѣдствіе этого—также постоянно ощущаемый десантами недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ.

2) Ни одинъ не доходитъ до 40 т.

3) Ни одинъ не обходится безъ неблагопріятныхъ случайностей во время переѣзда.

4) Десанты, испытавшіе неудачи на сухомъ пути, поставлены были въ самое критическое положеніе необходимостью амбаркаціи въ виду непріятеля.

5) Въ большей части случаевъ десантныя арміи бываютъ принуждены держаться морского берега, въ продолженіе всей кампаніи. Исключеніе составляютъ десанты, предпринимаемые въ союзную землю, да и то не всегда. Необходимость держаться вблизи моря и потребность дѣйствовать рѣшительно,—имѣя въ виду что каждое промедленіе ослабляетъ десантъ и усиливаетъ противника,—затрудняютъ операціи, если только предметъ дѣйствій не приморскій.

6) Амбаркація, равно и высадка, требуя перемѣщенія людей съ малыхъ судовъ на большія, и на оборотъ, сопряжены съ потерею времени, которая можетъ быть гибельна, если обстоятельства поставятъ въ необходимость производить эти операціи въ виду непріятеля.

7) Для десанта нѣтъ театра войны, на которомъ онъ могъ бы дѣйствовать съ полною выгодою; при открытой мѣстности онъ подвергается всѣмъ неудобствамъ, происходящимъ отъ недостатка въ кавалеріи: безпокоимый мелкими стычками, онъ долженъ быть постоянно на-сторожѣ и въ то же время подвигаться впередъ на удачу, потому что ничего не знаетъ о непріятелѣ, да и не имѣетъ средствъ узнать что-либо. Пересѣченный театръ, представляя непріятелю выгоду упорнаго сопротивленія на каждомъ шагу, лишаетъ десантъ возможности дѣйствовать рѣшительно. Послѣдній, сдѣлавъ усиліе для того, чтобы выбить непріятеля изъ какой-нибудь позиціи, пріобрѣтаетъ гораздо менѣе, нежели теряетъ: непріятель занимаетъ новую позицію, на которой повторяется то же самое. Такимъ образомъ десантъ, истощивъ свою наступательную силу, которую трудно поддерживать подкрѣпленіями въ такой же мѣрѣ, какъ то въ состояніи сдѣлать обороняющійся, принужденъ будетъ, рано или поздно, отказаться отъ наступленія (англо-голландская экспедиція).

8) Въ первую эпоху своего нахожденія въ странѣ непріятельской, десантъ не можетъ разсчитывать на средства страны, слѣдовательно долженъ будетъ довольствоваться только тѣмъ, что взялъ

съ собою *). Это затрудненіе влечетъ увеличеніе поѣзда, т. е. матеріяльныхъ пожертвованій, или уменьшеніе дачи войскамъ, дабы сохранить припасы на болѣе долгое время.

9) Зависимость плаванія флота отъ погоды дѣлала десантныя экспедиціи весьма невѣрными, а продолжительные морскіе переѣзды оказывали вредное вліяніе на здоровье людей и приводили въ негодность лошадей.

Крымскій десантъ.

Развитіе парового судоходства въ послѣднее время должно имѣть послѣдствіемъ значительныя измѣненія въ свойствахъ десантовъ и количествѣ войскъ, употребляемыхъ въ этихъ экспедиціяхъ. Это вліяніе обнаружилось довольно рѣзко въ наше время, въ крымской экспедиціи Англо-Французовъ. Укажемъ на отличительныя черты парового флота: это дастъ возможность опредѣлить до нѣкоторой степени, въ чемъ именно произойдутъ измѣненія десантныхъ экспедицій.

Примѣненіе пара къ кораблямъ дало возможность заключить движущую силу въ нихъ самихъ, слѣдовательно освободило, до нѣкоторой степени, плаваніе отъ вліянія вѣтровъ. Это имѣло слѣдствіемъ важную выгоду—возможность вознаградить численный недостатокъ судовъ количествомъ рейсовъ каждаго изъ нихъ, потому что время, употребляемое на переѣздъ, мало завися отъ внѣшнихъ атмосферическихъ вліяній, можетъ быть подчинено болѣе строгому расчету.

Второе, не менѣе важное, преимущество парового флота передъ паруснымъ заключается въ томъ, что онъ не нуждается въ столь многочисленномъ экипажѣ, какъ парусный и слѣдовательно требуетъ гораздо меньшихъ усилій въ снаряженіи, потому что главное затрудненіе, въ особенности для націи континентальной, всегда заключалось не въ сооруженіи кораблей, а въ сформированіи экипажа **).

---

* Высадку рѣдко придется сдѣлать на удобномъ и обильномъ средствами пунктѣ: подобные пункты, имѣя стратегическую важность, обыкновенно обороняются непріятелемъ; слѣдовательно, въ большей части случаевъ, при этой операціи приходится хозяйственными выгодами войскъ жертвовать тактическимъ—выбирать пункты, удобные для высадки и ничѣмъ болѣе непривлекающіе вниманія непріятеля. И такъ, по высадкѣ, отрядъ будетъ имѣть въ тылу море, передъ собою—районъ ограниченный и который нужно сохранить, чтобы при дальнѣйшемъ движеніи имѣть въ тылу неистощенную страну.

**) Nouvelle force maritime.—Paixhans.

Эти особенности парового флота, естественно, дадутъ возможность: 1) увеличить количество пѣхоты при десантахъ, по-крайней-мѣрѣ на столько, на сколько уменьшатся экипажи кораблей, не говоря уже о буксировкѣ; 2) обезпечить и ускорить сообщеніе съ источникомъ подкрѣпленій, и наконецъ 3) соединить въ одномъ и томъ же суднѣ свойства транспортнаго, военнаго и десантнаго *).

Но эти особенности не устраняютъ затрудненія перевозки лошадей и не обезпечиваютъ десантъ отъ опасностей встрѣчи съ непріятелемъ во время плаванія: увеличившаяся способность военныхъ судовъ къ маневрированію, напротивъ, можетъ быть даже усиливаетъ эти опасности.

Первый разъ, въ военномъ предпріятіи, пароходы были употреблены, 1830, въ алжирскую экспедицію. Но ихъ тамъ было только два, слѣдовательно фактъ этотъ имѣетъ только хронологическое значеніе.

Первый примѣръ, показавшій великія услуги, которыхъ можно ожидать отъ парового флота при военныхъ перевозахъ, представляетъ римская экспедиція Французовъ въ 1849 году. Но непродолжительность переѣзда, благопріятное время года и тишина моря дѣлали экспедицію болѣе нежели легкою.

Въ наше время совершилось событіе, обнаружившее важное вліяніе пароваго флота на десанты и опровергшее, повидимому, существовавшую теорію ихъ. Не имѣя ни силъ, ни средствъ представить полный отчетъ о крымской кампаніи, ограничиваемся изложеніемъ той ея части, которая непосредственно относится къ предмету.

Англо-Французы, рѣшившись на содѣйствіе Туркамъ, вознамѣрились занять такой пунктъ, который, доставляя выгоды центральнаго положенія между дунайскимъ и мало-азійскимъ театрами войны, въ то же время представлялъ бы удобную стоянку для флота. Этимъ условіямъ Варна, конечно, удовлетворяла болѣе нежели какой-либо-другой пунктъ турецкаго прибрежья. Союзники сочли за болѣе безопасное высадиться въ Галлиполи и Скутари, и уже отгуда перешли въ Варну.

Перевозка союзныхъ войскъ въ Галлиполи и Скутари, произведенная внѣ всякой опасности съ нашей стороны, имѣла характеръ мирнаго передвиженія и представляла только административныя затрудненія. Въ продолженіе апрѣля и мая 1854 г., союз-

---

*) Послѣднее предлагается какъ гипотеза, основываемая на томъ, что малыя паровыя суда въ открытомъ морѣ находятся несравненно въ выгоднѣйшемъ отношеніи къ большимъ, нежели малыя парусныя или гребныя суда.

ники высадились на означанныхъ пунктахъ въ числѣ 45,969 человѣкъ при 4765 лошадяхъ. По сосредоточеніи этого количества силъ, положено двинуть ихъ частію сухимъ путемъ, частію моремъ, въ Варну, что и было произведено въ первыхъ числахъ іюня. Около 20-го іюня, въ Варнѣ находилось до 40,000 союзниковъ. Первые слухи о предпринятіи десанта въ Крымъ относятся къ началу іюля. Идея его принадлежитъ Императору Французовъ, предписывавшему изъ Франціи планъ дѣйствій для арміи, находившейся въ Турціи; въ Сентъ-Арно онъ нашелъ вѣрнаго исполнителя своихъ соображеній.

Между тѣмъ, продолжительное бездѣйствіе арміи подъ Варною произвело на нее вредное вліяніе и въ моральномъ, и въ физическомъ отношеніи: холера опустошала ряды арміи, въ которой ослабленіе дисциплины грозило привести къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ *). Къ этому времени относится экспедиція Эспинасса въ Добруджу, замѣчательная болѣе въ административномъ, нежели собственно въ военномъ отношеніи; по крайней мѣрѣ такъ заставляетъ думать одна современная брошюра, обличающая въ авторѣ довольно близкое знакомство съ положеніемъ французской арміи въ эту эпоху **).

Между тѣмъ намѣреніе союзниковъ предпринять высадку въ Крымъ выяснялось болѣе и болѣе опредѣлительно. Изъ двухъ театровъ войны, представлявшихся союзникамъ по заключеніи трактата 20-го іюня ***), Крымъ, конечно, былъ выгоднѣйшимъ по изолированному положенію относительно очертанія границъ нашего отечества и наконецъ потому, что онъ представляетъ предметъ дѣйствій, который стоилъ усилій и жертвъ: Севастополь. Онъ былъ весьма выгодною цѣлью дѣйствій въ особенности для Англичанъ, потому что составлялъ убѣжище нашего черноморскаго флота. Въ это время административныя приготовленія къ десанту производились уже самымъ дѣятельнымъ образомъ; особеннаго вниманія они заслуживаютъ у Французовъ: по своей предусмотрительности, приготовленія ихъ оставляютъ далеко за собою всѣ предшествовавшіе десанты. Нельзя того же сказать объ администраціи Англичанъ: какъ увидимъ ниже, она не на много подвинулась со времени

---

*) De la conduite de la campagne en Crimée, par un officier général; стр. 30—VII, стр. 34—IX.

**) De la conduite de la guerre d'Orient, par un officier-général. Въ эту экспедицію были посланы болѣе безпокойные. Добруджа извѣстна нездоровымъ климатомъ.

***) По которому занятіе Дунайскихъ Княжествъ на время войны предоставлено Австріи.

англо-голландской экспедиціи 1799 года, выдающіяся особенности которой съ замѣчательнымъ сходствомъ повторились въ 1854, т. е. 55 лѣтъ спустя. Въ приготовленіяхъ Французовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ продовольственная и госпитальная части. Разсчетъ количества провіанта былъ основанъ не только на численной силѣ отряда, но и на тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли затруднить снабженіе; такъ были приняты въ соображеніе: 1) возможная задержка на морѣ во время плаванія; 2) порча отъ перевозки; 3) замедленіе подвоза отъ Варны равноденственными бурями *). Наконецъ французское интендантство позаботилось даже о продовольствіи турецкаго отряда. На основаніи этихъ условій была заготовлена, по разсчету на 30,000 человѣкъ, сорокадневная пропорція продовольственныхъ припасовъ. Особенное затрудненіе, какъ всегда, представляла перевозка сѣна для лошадей, почему и была взята только осьмидневная его пропорція.

Число медицинскихъ чиновъ увеличено. На дивизію положено имѣть по три госпитальныя фуры. Для помѣщенія больныхъ было опредѣлено значительное число палатокъ и 4 барака на 200 кроватей. Госпитальный обозъ состоялъ изъ 320 вьючныхъ мулловъ и 40 повозокъ.

Кромѣ того было приготовлено: 7 походныхъ печей, матеріяловъ на 20 печей и 6,000 центнеровъ дровъ. Французскія войска имѣли палатки.

Одновременно съ административными шли и военныя приготовленія къ десанту; они начались рекогносцировкою крымскихъ береговъ, произведенной Канробером, Броуномъ, Лайонсомъ и нѣсколькими офицерами генеральнаго штаба. Доставленныя свѣдѣнія о степени доступности крымскихъ береговъ и о расположеніи на нихъ нашихъ войскъ должны были служить основаніемъ обсужденію вопроса о высадкѣ на военномъ совѣтѣ, собранномъ 10 августа.

Основная идея операціоннаго плана будущихъ дѣйствій въ Крыму, представленнаго на разсмотрѣніе совѣта маршаломъ С.-Арно, заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать высадку на западномъ берегу Крыма, быстро двинуться на Севастополь, овладѣть имъ открытою силою, или при помощи ускоренной атаки, и удалиться на зиму въ Турцію.

Этотъ планъ въ началѣ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны

---

*) Публичн. лекціи Г.—М. Богдановича.

большей части членовъ совѣта, основанное преимущественно: a) на неизвѣстности, въ которой находились союзники о силѣ Севастополя съ сухаго пути и о количествѣ нашихъ войскъ на полуостровѣ; b) на вѣроятномъ превосходствѣ нашихъ войскъ въ кавалеріи; c) на затруднительности морского переѣзда въ столь позднее время года, сопровождаемое обыкновенно сильными бурями на Черномъ Морѣ; d) на томъ, что, въ случаѣ упорнаго сопротивленія Севастополя, кампанія можетъ затянуться болѣе того времени, въ какое предполагалось ее окончить по плану.

Не смотря на всю свою основательность, возраженія эти не имѣли послѣдствій. Маршалъ С.-Арно повторилъ уже прежде имъ сказанное, только съ большею настойчивостью, и экспедиція была рѣшена. Въ пользу ея подалъ голосъ и Рагланъ, представившій, вовремя обсужденія вопроса, весьма основательныя противъ нея возраженія. Адмиралы союзныхъ флотовъ и принцъ Наполеонъ подали голосъ противъ экспедиціи.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, въ концѣ августа, приступили къ амбаркаціи *), которая была окончена 4-го сентября. Въ тотъ же день, французскій флотъ вышелъ въ море и направился къ общему сборному пункту—Змѣиному Острову. 7-го, онъ сталъ тамъ на якорь, въ ожиданіи англійскаго флота, запоздавшаго потому, что приготовленіе судовъ для артиллеріи и кавалеріи было отложено до послѣдней минуты **), благодаря безпечности людей, которымъ ввѣрена была администрація арміи. Англійскій флотъ прибылъ къ сборному пункту только 9-го. Соединенный флотъ состоялъ: изъ 33 линейныхъ кораблей, 102 военныхъ и буксирныхъ пароходовъ и 500 транспортовъ ***); на немъ было 25,000 матросовъ и 2,000 орудій. Десантъ составляли 62 т. человѣкъ при 5,000 лошадей и 96 орудіяхъ ****).

По соединеніи флотовъ назначено было новое совѣщаніе между начальствовавшими экспедиціей; оно имѣло цѣлію окончательное опредѣленіе пункта высадки. Рѣшено было произвести новую рекогносцировку крымскихъ береговъ, отъ Евпаторіи до мыса Херсонеса. Для этого отряжено было четыре парохода, на которыхъ отправились Канроберъ и Рагланъ со штабомъ *****). Вслѣдствіе этой рекогносцировки, произведенной 10-го сентября, положено выса-

---

*) Въ Варнѣ и Бальчикѣ.

**) Layard: La première campagne en Crimée

***) Публ. лек. о Крымсой Экспедиціи Г.-М. Богдановича.

****) 28,000 Французовъ, 26,000 Англичанъ, 8,000 Турокъ (78 батал. 10 эск. и 96 ор.).

*****) Considérations sur la campagne en Crimée. Vandevelde.

диться южнѣе Евпаторіи, у Стараго Форта, какъ потому, что на этомъ мѣстѣ не было замѣчено никакихъ оборонительныхъ мѣръ съ нашей стороны, такъ и потому, что берегъ каламитской бухты представляетъ открытую равнину, имѣющую весьма нечувствительный подъемъ внутрь страны. Это обстоятельство, облегчая самый процессъ высадки, въ то же время давало возможность содѣйствовать ей, въ случаѣ нужды, артиллерійскимъ огнемъ флота *). Канроберъ подалъ было голосъ въ пользу высадки открытою силою вблизи Севастополя, для того, чтобы миновать оборонительныя линіи Альмы и Качи; но его мнѣніе не встрѣтило особеннаго сочувствія въ совѣтѣ: производство такой трудной операціи, какъ высадка, въ виду непріятеля, могло бы окончиться неудачей, которая въ началѣ кампаніи особенно вредно могла подѣйствовать на духъ войскъ.

На томъ же совѣтѣ положено: 1) занять, въ день высадки, Евпаторію и ея портъ отрядомъ изъ 2-хъ союзныхъ батальоновъ, 2,000 Турокъ и 3-хъ кораблей; 2) по совершеніи высадки двинуться къ Севастополю, примыкая правымъ флангомъ къ морю; вдоль берега слѣдовать 15 паровымъ кораблямъ, съ продовольствіемъ для арміи.

11-го, союзный флотъ вышелъ въ море и направился къ Крыму въ 7-ми линіяхъ; первую составляли военные корабли **). Ночью флотъ былъ разбросанъ набѣжавшимъ шкваломъ и, по признанію одного изъ нашихъ непріятелей, могъ понесть неисправимый ущербъ отъ нѣсколькихъ военныхъ пароходовъ ***); но, какъ извѣстно, мы ничего не могли предпринять въ открытомъ морѣ. 13 го сентября, къ вечеру, весь союзный флотъ сталъ на якорь въ бухтѣ Каламита, въ слѣдующемъ порядкѣ: французскій флотъ занималъ правый флангъ расположенія, Англійскій — лѣвый; турецкая эскадра стояла за ними. Каждый изъ флотовъ былъ построенъ въ три линіи: въ первой стояли боевыя винтовыя суда, во второй—корабли, транспорты съ войскомъ и буксирные пароходы, въ третьей — суда съ лошадьми, снарядами, артиллеріею, боевыми и жизненными припасами ****).

14-е сент. назначено было для производства высадки. Въ 7 часовъ утра, три французскіе парохода подошли къ берегу и

*) Публ. лек. о Крымской Экспедиціи.

**) Layard: La première campagne en Crimée, стр. 14.

***) Layard, стр. 15... Un ennemi entreprenant aurait pu avec quelques steamers nous causer un dommage presque irréparable; mais aucun ennemi ne se montra.

****) Публ. лекціи о Крымской Экспедиціи.

утвердили бакены различныхъ цвѣтовъ, указывавшіе якорныя мѣста различнымъ частямъ франц. флота; Англичане сдѣлали то же самое лѣвѣе Французовъ. Въ 7 ч. 40 мин., по сигналу адмирала Гамелена, началась высадка французскаго десанта. Три французскихъ знамени, водруженныхъ на берегу генераломъ Канробером, означили мѣста для расположенія трехъ дивизій. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ и Англичане начали выходить на берегъ. Въ то же почти время послышались выстрѣлы съ юга: то была демонстрація высадки въ устьѣ Качи, произведенная 4-ю французскою дивизіей. Къ 4 часамъ пополудни высадка была окончена и союзники расположились биваакомъ на самомъ берегу моря: Французы—перпендикулярно къ этому берегу, правымъ флангомъ къ нему; Англичане—правымъ флангомъ примыкая къ лѣвому крылу Французовъ, а лѣвымъ къ морю. 15-го присоединилась къ арміи 4-я франц. дивизія.

Такимъ образомъ совершена была эта трудная и опасная операція безъ всякой помѣхи, безъ всякой неблагопріятной случайности; совершена въ полномъ порядкѣ, до такой степени, что похожа болѣе на мирный маневръ, нежели на военное дѣйствіе. Отдавая полную справедливость распорядительности морского и сухопутнаго начальства союзниковъ, нельзя не замѣтить однакожъ, что столь строгому соблюденію порядка благопріятствовали: неожиданно-хорошая погода и, можетъ быть, отчасти общее убѣжденіе съ нашей стороны въ невозможности подобной экспедиціи въ столь позднее время года.

Время съ 15-го по 19-е употреблено было на выгрузку лошадей и тяжестей арміи и на приготовленія къ предстоявшему маршу. Уже въ продолженіе этого незначительнаго времени, десантъ долженъ былъ понести значительныя лишенія: не говоря объ Англичанахъ,—которые не имѣли палатокъ и были такъ скудны въ перевозочныхъ средствахъ, что даже офицеры принуждены были сами нести свое имущество и трехдневный запасъ продовольствія *),—всѣ испытали ощутительный недостатотъ въ водѣ и дровахъ **).

19-го союзники двинулись береговой дорогой къ Севастополю и 20-го, встрѣтили нашу армію на Альмѣ. Извѣстенъ исходъ послѣдовавшаго за тѣмъ сраженія: превосходство въ качествѣ во-

*) Layard, стр. 21. Нельзя не припомнить при этомъ, что почти тоже самое было съ нашими войсками въ англо-голландскую экспедицію, по милости Англичанъ.

**) De la conduite etc. par un off.-général.

оружепія и въ числѣ войскъ *) дало союзникамъ перевѣсъ, но они имъ не воспользовались. Наша армія безпрепятственно отступила сначала къ Севастополю, а потомъ перешла за Черную и расположилась на Херсонесскомъ Полуостровѣ. Причина недостатка энергіи въ преслѣдованіи одержаннаго успѣха, по свидѣтельству самихъ союзныхъ главнокомандующихъ, заключалась въ недостаткѣ кавалеріи. Но этимъ нельзя оправдать ихъ остановки послѣ альмскаго сраженія, въ которой, сколько можно судить, въ первый разъ обнаружилась неувѣренность союзниковъ въ успѣхѣ предпріятія и темное предчувствіе несоразмѣрности ихъ средствъ съ задуманнымъ планомъ. Нужно замѣтить, что маршалъ Сентъ-Арно былъ въ то время уже при смерти боленъ, а Рагланъ не рѣшился продолжать наступленія немедленно, сомнѣваясь въ успѣхѣ безотлагательной атаки на Севастополь. Вслѣдстіе этого, союзники двинулись къ Севастополю только 22-го и въ тотъ же день достигли Бельбека, на которомъ и расположились бивакомъ, въ виду Сѣвернаго укрѣпленія. Въ это время наша армія находилась у южной стороны Севастополя. Не имѣя возможности подать помощь Сѣверному укрѣпленію и опасаясь за свои сообщенія съ Симферополемъ и Перекопомъ, князь Меншиковъ, усиливъ севастопольскій гарнизонъ 8-ю батальонами резервной бригады 15-й пѣхотной дивизіи, предпринялъ смѣлое фланговое движеніе на бахчисарайскую дорогу, въ ночь съ 24 на 25 сент., и къ утру 25-го успѣшно совершилъ его. Союзники, считая укрѣпленія сѣверной стороны Севастополя слишкомъ сильными для нападенія открытою силою, въ то же время сознали и всѣ невыгоды постепенной противъ нихъ атаки: она поставила бы въ опасное положеніе союзную армію со стороны тыла и лѣваго фланга; притомъ крымскій берегъ къ сѣверу отъ Севастополя не представлялъ надежнаго убѣжища для многочислоннаго союзнаго флота. Въ такихъ обстоятельствахъ рѣшено было оставить первоначальный планъ дѣйствій, и, обойдя Севастополь съ востока, занять Херсонесскій полуостровъ и начать осаду южной стороны города.

Херсонесскій полуостровъ, по своему образованію, дѣйствительно представляетъ выгоды, которыя въ положеніи союзниковъ были неоцѣнимы: ограниченный съ юга и запада моремъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далеко вдающимся въ материкъ, и образующимъ довольно удобныя гавани**), онъ отдѣляется съ востока, отъ

*) Во французской арміи 6 стр. бат., въ англійской одинъ: у насъ—1½ баталіона: 6-й стрѣлковый и сводный морск. стрѣлк. полу-батальонъ. У союзниковъ 62 т. (а по другимъ 65 т.), у насъ 35 т.

**) Балаклавская, Камышевская, Стрѣлецкая, Казачья.

Крыма собственно крутымъ спускомъ Сапунъ-Горы, составляющимъ лѣвый берегъ Черной рѣчки. Сѣверная же часть Херсонесскаго полуострова непосредственно примыкаетъ къ южной сторонѣ Севастополя и даже командуетъ ею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Слѣдовательно, занявъ этотъ полуостровъ, союзная армія получала возможность быть въ постоянномъ сообщеніи съ флотомъ и должна была озаботиться о прикрытіи своей позиціи только со стороны праваго фланга.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, союзники предприняли фланговый маршъ, между Севастополемъ и нашею арміею, также 25 сентября, и къ вечеру того же дня заняли Херсонесскій Полуостровъ.

Приступъ нашихъ непріятелей къ дѣйствіямъ отличался большою нерѣшительностью: только 7 октября (нов. ст.) были окончены всѣ приготовленія къ бомбардированію города. Въ то же время, союзныя войска расположились на Херсонесскомъ полуостровѣ такъ, что правый флангъ позиціи передъ Севастополемъ заняли Англичане, лѣвый флангъ — двѣ французскія дивизіи, а остальныя части были назначены для прикрытія позиціи со стороны Черной рѣчки. Основаніе дѣйствій Англичанъ было въ Балаклавѣ, Французовъ—у бухты Камышевой.

Нашъ Главнокомандующій началъ наступательныя дѣйствія съ прибытіемъ первыхъ подкрѣпленій, эти дѣйствія скоро показали союзникамъ, чего они могли ожидать, не смотря на силу своихъ позицій, если бы обстоятельства намъ благопріятствовали. Дѣло при Кадыкіоѣ предало въ наши руки редуты, находившіеся всего верстахъ въ двухъ отъ пути сообщенія Англичанъ съ Балаклавою. Дальнѣйшее развитіе успѣха не могло имѣть мѣста по незначительности нашего отряда (17 батал., 22 эск., 19 сотенъ казаковъ при 46 орудіяхъ) *). Инкерманское дѣло (5-го ноября—23 октября) еще лучше обнаружило всю непрочность положенія союзниковъ, грозившую имъ гибелью при успѣхѣ съ нашей стороны. Этому предпріятію не суждено было увѣнчаться успѣхомъ; но вѣроятныя послѣдствія его осуществленія показываютъ, благоразумно ли ставить армію въ такое положеніе, въ которомъ находились союзники. Дѣйствительно, предположивъ успѣхъ инкерманской попытки, нельзя не согласиться, что союзники были бы поставлены въ самое критическое положеніе. Неудача же нашей арміи не вела, собственно, ни къ какимъ потерямъ въ стратегическомъ смыслѣ: от-

*) Военно-Историческіе очерки Крымской Экспедиціи кап. Аничкова.

носительное положеніе сторонъ осталось тоже самое. Да и самый успѣхъ союзниковъ былъ такого рода, что вызвалъ слѣдующія строки у одного изъ современныхъ военныхъ писателей *):

«Если бы союзные генералы поразмыслили о томъ, что одержанный ими успѣхъ висѣлъ на волоскѣ; что потеря Русскихъ была несравненно менѣе чувствительна, вслѣдствіе получаемыхъ подкрѣпленій, между тѣмъ какъ подкрѣпленія союзниковъ едва только вышли въ море, а нѣкоторыя еще не выступали изъ Франціи и Англіи; если бы они приняли въ соображеніе, что зима приближается, а между тѣмъ не сдѣлано было никакихъ приготовленій къ зимовкѣ въ Крыму; если, несмотря на все это, они не отчаялись въ успѣхѣ предпріятія, а напротивъ, упорствовали въ продолженіи осады, то остается только удивляться ихъ храбрости, или оплакивать недостатокъ дальновидности, мѣшавшій оцѣнить всѣ гибельныя послѣдствія этого несчастнаго предпріятія». Но отказаться отъ осады послѣ инкерманскаго сраженія и возвратиться въ Турцію — значило признать, что экспедиція была предпринята необдуманно. Для подобнаго признанія необходимо было имѣть много того холоднаго мужества, которое не останавливается передъ опасностью навлечь посмѣяніе и крики толпы. Союзные главнокомандующіе не имѣли этого мужества; не имѣли его и союзныя правительства, возложившія, изъ угодливости къ общественному мнѣнію, на армію, обязанности, которыхъ она не въ состояніи была исполнить **).

Между тѣмъ приближалась зима, союзники рѣшились прекратить осадныя работы, обезпечить себя новыми укрѣпленіями отъ наступательныхъ нашихъ предпріятій и въ этомъ положеніи ожидать подкрѣпленій.

Съ этого времени начинаются бѣдствія нашихъ непріятелей: юго-западная оконечность Крыма мало-по-малу обратилась въ обширное кладбище, въ которомъ Французы схоронили значительную часть своихъ силъ, а Англія потеряла не только армію, но и честь своей администраціи ***).

Несчастія, неожиданныя союзниками, но которыя можно было предвидѣть, зная бурность Чернаго Моря въ это время года, усугубили бѣдствія нашихъ непріятелей. Такъ буря 14 (2) ноября

*) Клапка.

**) Говоримъ о высадившейся первоначально арміи; она недостигла цѣли—ее достигли вчетверо большія силы, впослѣдствіи сосредоточенныя въ Крыму, и употребить которыя не входило первоначально въ соображенія союзниковъ.

***) Клапка.

уничтожила значительное число транспортныхъ судовъ съ огромнымъ количествомъ припасовъ и почти всею зимнею одеждой, назначавшейся для англійской арміи.

Отъ дождя, снѣга и вѣтра солдатъ имѣлъ одно убѣжище — свой жиденькой шатеръ; порча дорогъ между моремъ и берегомъ препятствовала безостановочной доставкѣ продовольствія, а трудная лагерная и траншейная служба уносила ежедневно сотни людей. Слѣдующія цифры могутъ служить ужасающимъ доказательствомъ этого положенія: англійская армія, высадившаяся въ числѣ 25 т., въ концѣ декабря имѣла только 8 т., а въ концѣ февраля 5 т., несмотря на полученныя въ продолженіе этого времени подкрѣпленія. Отъ англійской кавалеріи осталось всего 80 коней, да и тѣ были неспособны болѣе къ службѣ. Французы усилили постепенно свою армію до 10 дивизій, и несмотря на это, числительная сила ея не превосходила 60 т. въ теченіе зимы.

Дальнѣйшія дѣйствія Англо-Французовъ представляютъ еще два второстепенныхъ десанта: въ Евпаторію и Керчь. Первый изъ нихъ, имѣвшій цѣлью диверсію въ пользу главной непріятельской арміи, не могъ исполнить своего назначенія. Предводившій евпаторійскимъ отрядомъ, Омеръ-Паша, не могъ оставить своего укрѣпленнаго лагеря, угрожаемый со стороны подкрѣпленій, подходившихъ отъ Перекопа.

Высадка у Керчи имѣетъ несравненно большее значеніе, потому что была предпринята на основаніи здравыхъ стратегическихъ соображеній. Занятіе Керченскаго Полуострова открыло союзникамъ доступъ въ Азовское Море и дало имъ возможность пресѣчь наши сообщенія съ пристанями, изъ которыхъ наша армія получала часть припасовъ водою. Важность Керченскаго полуострова или, правильнѣе, Керченскаго пролива, была сознана нами съ начала кампаніи: еще въ 1854 году сдѣланы распоряженія, чтобы завалить керченскій фарватеръ. Но буря 14 ноября разбросала употребленные на это матеріялы: тогда признано было за лучшее защитить входъ въ проливъ батареями. Вслѣдствіе этого возведены были: Акъ-Бурунская, Керченская, Карантинная и Еникальская батареи. Систему обороны фарватера дополняла Павловская батарея, существовавшая еще до войны и находившаяся южнѣе всѣхъ поименованныхъ.

12 мая 1855 года появился у Керчи союзный флотъ; на немъ находился десантъ, подъ начальствомъ Броуна. Флотъ этотъ остановился въ Акъ-Бурунской бухтѣ и высадилъ нѣсколько батальоновъ; они направились къ Керчи, занятой въ это время весьма

незначительнымъ нашимъ отрядомъ, который не могъ оказать сопротивленія и, оставивъ городъ, отступилъ къ Султановкѣ. Въ тотъ же день, керченскій рейдъ занятъ 17 пароходами, а на слѣдующій (13-го ст. стиля) десантъ занялъ городъ.

Недавній миръ *) прекратилъ войну, ознаменованную столькими усиліями, пожертвованіями и геройствомъ съ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ союзниковъ покрываетъ ли на столько ошибку основной идеи предпріятія, чтобы не рѣшиться высказать ее вслухъ? Полагаемъ, что нѣтъ. Въ теоретическомъ разборѣ болѣе должно обращать вниманія на то, чѣмъ могло кончиться данное предпріятіе, нежели на то, чѣмъ оно кончилось. Извѣстный афоризмъ: побѣдителя не судятъ—не примѣнимъ въ теоріи; иногда славнѣе и выше быть побѣжденнымъ, нежели побѣдителемъ. Успѣхъ зависитъ обыкновенно отъ столькихъ непредвидѣнныхъ и неустранимыхъ случайностей, что и самъ обращается болѣе или менѣе въ случайность, которая часто выпадаетъ на долю недостойному такой милости фортуны. Иногда удаются самыя дерзкія попытки; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ опасности, несоразмѣрной съ тѣмъ успѣхомъ, для котораго на нихъ отваживаются. Извѣстная доля всякаго военнаго предпріятія предоставляется случайности; но должно стараться, чтобы эта доля была по возможности меньше. Чѣмъ кончилась бы крымская экспедиція, если бы ее постигла буря въ Черномъ Морѣ (вѣроятность которой въ сентябрѣ мѣсяцѣ довольно велика), если бы союзники потерпѣли неудачу при Альмѣ, если бы мы одержали надъ ними побѣду при Инкерманѣ?.... Въ отвѣтѣ трудно сомнѣваться: предпріятіе представляло, можетъ быть, столько же, если не болѣе, шансовъ на неудачу самую рѣшительную, сколько и на успѣхъ, далеко не столь рѣшительный.

Можетъ быть, возразятъ, что не все то хорошо, что дѣлается по правиламъ, что подобный взгдядъ на теорію, преувеличивая ея важность, приводитъ къ излишней осторожности въ дѣйствіяхъ: возраженіе мнимо основательное, несмотря на то, что, повидимому, находитъ подтвержденіе въ военно-историческихъ примѣрахъ. Отступленія отъ правилъ, которыя замѣчаются у геніяльныхъ полководцевъ, обусловливались обыкновенно обстоятельстами, ясное сознаніе которыхъ приводило къ подобному образу дѣйствій.

Собственно ихъ даже нельзя назвать отступленіями, они не противорѣчатъ общему правилу, точно такъ же, какъ не противорѣчитъ общей формулѣ отрицательный выводъ. Разнообразіе раз-

*) Писано тотчасъ по заключеніи мира.

рѣшеній одного и того же вопроса есть не противорѣчіе основной его идеѣ, а всестороннее ея развитіе, осуществленіе при различныхъ обстоятельствахъ.

Притомъ подобныя мнимыя отступленія увѣнчивались бо̀льшею частью рѣшительнымъ успѣхомъ, который вознаграждалъ за рискъ предпріятія, даже допуская, что этотъ рискъ былъ нѣсколько великъ. Представляетъ ли Англо-Французамъ такое нознагражденіе результатъ крымской экспедиціи? Едва ли можно утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Съ одной стороны, усилія союзниковъ были обращены на то, чтобы отразить наши попытки сбросить ихъ въ море: успѣхъ ихъ въ этомъ отношеніи былъ отрицательный—т. е. они сражались за спасеніе себя отъ гибели и спаслись отъ нея, не причинивъ ни разу такого вреда нашей арміи, который бы не уравновѣшивался ихъ собственными потерями. Съ другой стороны, цѣлью дѣйствій союзниковъ было овладѣніе южною частью Севастополя: они достигли этой цѣли—взяли ее тогда, когда мы сами ее оставили! И такъ, положительный результатъ экспедиціи заключается въ овладѣніи севастопольскими развалинами, купленными цѣною потери 200 т. войскъ, не говоря уже о матеріяльныхъ пожертвованіяхъ.

Единственное предпріятіе, оказавшее дѣйствительное вліяніе на военныя дѣйствія и осуществленіе котораго по справедливости можно назвать успѣхомъ—это утвержденіе союзниковъ въ Керчи и Еникале, и послѣдовавшее за нимъ занятіе Азовскаго Моря. Потеря этого пути сообщеній была для насъ важнымъ ущербомъ: она затруднила доставку продовольствія и запасовъ въ Крымъ.

Этотъ успѣхъ, не стоившій нашимъ непріятелямъ почти никакихъ потерь, можетъ служить лучшимъ указаніемъ той истины, что достиженіе цѣли не столько зависитъ отъ великости пожертвованій, сколько отъ здраваго соображенія и исполненія его въ благопріятную минуту.

Допустимъ продолженіе войны и посмотримъ, какіе оно сулило успѣхи союзникамъ. Чтобы выйти изъ осаднаго положенія, въ какомъ они сами находились осаждая Севастополь, они должны бы были предпринять наступленіе противъ нашей арміи, дѣйствовать въ открытомъ полѣ: Англо-Французы не могли этого сдѣлать, не имѣя сухопутныхъ перевозочныхъ средствъ для подъема арміи; тылъ ихъ былъ прикованъ къ морю. Въ этомъ заключается объясненіе того, что союзники не сдѣлали противъ насъ ни одного наступательнаго покушенія, даже въ эпоху полной своей силы въ Крыму, т. е. когда они имѣли до 205 т. войскъ (въ маѣ 1855: 100 т. Фр., 30 т. Англ., 60 т. Турокъ, 15 т. Сардинцовъ). До-

пустимъ, наконецъ, что при огромныхъ пожертвованіяхъ они успѣли бы собрать достаточное количество подъемныхъ лошадей: имъ предстояло форсировать нашу позицію—дѣло, едва ли сулившее успѣхъ, за тѣмъ приступить къ осадѣ сѣверной стороны Севастополя т. е. повторить, по всей вѣроятности, то, что было уже на южной сторонѣ. Достало ли бы усилій союзныхъ державъ на эту жертву, и не исполнилось ли бы, наконецъ, то, къ чему такъ близки мы были подъ Инкерманомъ? Смѣемъ думать, что усомниться въ отвѣтѣ нельзя. И такъ, опять повторимъ, не опасаясь упрека въ пристрастіи: крымская экспедиція представляла столько же вѣроятностей на неудачу самую рѣшительную, сколько и на успѣхъ, далеко не столь рѣшительный.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію того значенія, которое экспедиція можетъ имѣть въ отношеніи къ теоріи военнаго искусства. Не считая себя достаточно сильнымъ для удовлетворительнаго разрѣшенія столь труднаго и новаго вопроса, рѣшаюсь однакожъ говорить о немъ въ надеждѣ, что, можетъ-быть, и въ этомъ мнѣніи будетъ своя доля правды. Опасеніе промаха, ошибки не должно останавливать: «не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ».

Предпріятіе Англо-Французовъ представляетъ три рѣзко обозначающихся отдѣла:

1) Переѣздъ союзныхъ армій въ Галлиполи и Скутари.

2) Передвиженіе, частію сухимъ путемъ, частію моремъ, въ Варну.

3) Десантъ въ Крымъ.

Изъ нихъ первые два составляютъ, если можно такъ выразиться, мирную часть предпріятія, потому что были совершены внѣ всякой опасности съ нашей стороны, слѣдовательно представляли только административныя затрудненія, значительно облегченныя тѣмъ, что союзныя войска были перевозимы по частямъ. Дѣйствительно, переѣздъ былъ великъ, и при совершеніи его пароходство оказало великую услугу.

Третья часть экспедиціи можетъ быть названа чисто военною и представляетъ переѣздъ въ 250 верстъ—суточный рейсъ паруснаго флота при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ этой части экспедиціи должно отдѣлить также два періода: 1) собственно плаваніе и высадку; 2) постепенное подкрѣпленіе сдѣланнаго десанта.

Приступая къ разсмотрѣнію перваго изъ этихъ отдѣловъ, считаю необходимымъ сдѣлать предварительную оговорку: въ наукахъ практическихъ, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного правила, высказаннаго такъ, чтобы изъ него ясно вытекали, какъ результатъ, всѣ

возможныя его примѣненія. Какъ бы ни была многосторонне выражена какая нибудь стратегическая или тактическая истина, всегда остается въ ней нѣчто недосказанное, подоразумѣваемое. Эти недомолвки, совершенно неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ (неизбѣжныя потому, что нѣтъ возможности вычислить всѣхъ случайностей, могущихъ имѣть вліяніе на то или другое правило въ примѣненіи), и ведутъ къ тому, что иногда видимое противорѣчіе правилу считаютъ дѣйствительнымъ его опроверженіемъ. Подобное явленіе произвелъ крымскій десантъ въ отношеніи къ существовавшей теоріи десантовъ.

Одно изъ правилъ этой теоріи гласитъ, что высадки болѣе 40 т. невозможны (разумѣя, конечно, не физическую, но практическую невозможность); но осуществился крымскій десантъ силою въ 62 т. и раздался почти общій голосъ, что высказанное правило уничтожено. Но, обративъ вниманіе на крымскій десантъ и на высказанное правило, не трудно замѣтить: 1) что десантъ предпринятъ соединенными усиліями двухъ первоклассныхъ державъ и одной второклассной; 2) что правило о количественной силѣ десантовъ высказано, принимая въ разсчетъ средства одной первоклассной европейской державы; этого, конечно, никто не станетъ отвергать уже и потому, что наука, высказывая свои положенія, необходимо должна принять какую нибудь единицу мѣры средствъ, необходимыхъ на извѣстное предпріятіе. Результаты соединенія двухъ или нѣсколькихъ подобныхъ единицъ не могутъ входить въ теорію военнаго искусства, во 1-хъ, потому что ей дѣла нѣтъ до возможныхъ политическихъ комбинацій—это дѣло практики военнаго искусства, въ высшемъ смыслѣ; во 2-хъ, потому что результатъ подобнаго соединенія слишкомъ ясенъ и не нуждается въ высказываніи.

И такъ, принявъ во вниманіе, что крымскій десантъ былъ совокупнымъ усиліемъ двухъ первоклассныхъ державъ, окажется, что онъ не только не превосходитъ, въ относительной громадности, но даже уступаетъ нѣкоторымъ предшествовавшимъ экспедиціямъ этого рода.

Возьмемъ для подтвержденія этого, алжирскую высадку: десантный ея корпусъ былъ силою въ 37,000 при 4,500 лошадяхъ; въ крымской экспедиціи французскій десантъ состоялъ всего изъ 28,000, Англичанъ 26,000, Турокъ 8,000, всего при 5000 лошадей. Притомъ, въ строгомъ смыслѣ, крымская экспедиція даже по формѣ состояла изъ двухъ десантовъ, потому что Англо-Французы имѣли двѣ отдѣльныя базы, два независимые другъ отъ друга флота; снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ не было подчинено

одному общему управленію, слѣдовательно, не представляло тѣхъ административныхъ затрудненій, которыя Жомини имѣлъ въ виду, опредѣляя цифру десанта.

Крымская экспедиція не противорѣчитъ существующей теоріи и по характеру своему: первоначально она имѣла въ отношеніи къ намъ назначеніе диверсіи, ибо произведена въ страну, находившуюся вдали отъ главной массы войскъ, и представляющую, по изолированному положенію и важности Севастополя, и удобство, и выгоду дѣйствій. Впослѣдствіи Крымъ дѣлается главнымъ театромъ войны, точно такъ же какъ фальшивая атака, въ случаѣ успѣха, обращается иногда въ дѣйствительную. Крымская экспедиція имѣла это назначеніе даже по первоначальному плану самихъ союзниковъ *); безсмертное сопротивленіе Севастополя втянуло ихъ въ войну, которой они сами не ожидали. Главнѣйшія затрудненія, которыя постоянно сопровождаютъ десантныя экспедиціи, обнаружились и въ разсматриваемой съ неменьшею силою: недостатокъ лошадей союзники испытывали отъ начала до конца кампаніи; они не смѣли отойти отъ моря, а опасность быть къ нему припертыми обнаружена достаточно инкерманскимъ дѣломъ. Затрудненіе производства амбаркацій и десантовъ осталось почти въ прежней силѣ **).

Наконецъ десантная экспедиція, въ военномъ смыслѣ, началась собственно съ Варны, слѣдовательно, переѣздъ былъ не особенно великъ.

Если обратимъ вниманіе на другую сторону разсматриваемыхъ экспедицій—на необходимость поддержанія сообщеній десанта съ источникомъ подкрѣпленій—то здѣсь, безспорно, обнаружится вся сила переворота, произведеннаго пароходствомъ. Несмотря на огромныя потери, которыя союзники несли въ теченіе всей почти кампаніи, они успѣли довести свои силы, въ маѣ 1855 года, до громадной цифры — 215,000. Только паровой флотъ могъ дать союзникамъ возможность перевести такую огромную массу войскъ и все необходимое для ея существованія и дѣйствія.

---

*) См. выше: Первонач. планъ С.-Арно.

**) Крымская экспедиція, даже въ томъ случаѣ, если бы она представляла менѣе аналогіи съ прежними десантами, не могла бы служить доказательствомъ безопасности и легкости ихъ. Приморскій предметъ дѣйствій, невозможность стойкаго сопротивленія съ нашей стороны въ первую минуту, наконецъ лагерное расположеніе, обезпеченное съ двухъ сторонъ моремъ, съ третьей—недоступнымъ скатомъ, такія удобства, которыя заставляютъ причислить крымскій десантъ къ числу рѣдко повторяющихся исключеній. И, однако, несмотря на эти выгоды, на мощное содѣйствіе пароходства союзникамъ, буря 14 ноября показала имъ всю ихъ зависимость отъ моря.

Но возможность сосредоточить на морскомъ берегу непріятеля огромную массу войскъ есть только первая и меньшая половина задачи: двинуть эти войска внутрь страны, придать имъ наступательную силу, сдѣлавъ ихъ тылъ подвижнымъ, снабдить изъ кораблей всѣмъ въ такомъ количествѣ, чтобы армія была въ состояніи почти не прибѣгать къ средствамъ страны вторженія—всѣ эти затрудненія, приводясь къ одному, къ необходимости перевоза лошадей и фуража въ значительномъ количествѣ, будутъ разрѣшены только тогда, когда лошадь будетъ замѣнена въ перевозкѣ военныхъ тяжестей неорганическимъ движителемъ (напримѣръ паромъ). Разрѣшитъ ли когда нибудь эту задачу усовершенствованіе различныхъ мануфактурныхъ и техническихъ производствъ—это дѣло будущаго. Первая попытка—балаклавская желѣзная дорога—сдѣлана Англичанами, но она стоила большихъ пожертвованій, показывающихъ, что техническія производства далеко еще не достигли того развитія, при которомъ возможно было бы повтореніе подобной попытки въ обширныхъ размѣрахъ.

И такъ, крымская экспедиція, представляя первый примѣръ того обширнаго содѣйствія, которое можетъ оказать военнымъ предпріятіямъ примѣненіе пара, какъ движетеля, на сушѣ и на морѣ, предвѣщаетъ собою новую эпоху въ военномъ искусствѣ, но не открываетъ ея; представляя нѣсколько новыхъ попытокъ, эта экспедиція повторила всѣ явленія, отличающія прежніе десанты эпохи огнестрѣльнаго оружія.

ЗАМѢЧАНІЯ

О

ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ

ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ,

СЪ 1792 ПО 1808.

...longe alia ratione esse bellum
gerendum, atque antea sit gestum.
Caes. *De bello gallico.*

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознес. и Маріин. мост., д. № 90—1.
1881.

ПРИМѢЧАНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Эти «замѣчанія», нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были напечатаны въ «Русской Старинѣ», по рукописи, представлявшей изъ нихъ извлеченіе. Счастливый случай доставилъ намъ печатный подлинникъ сочиненія, который и представляемъ теперь въ переводѣ.

Авторъ этого замѣчательнаго сочиненія неизвѣстенъ; но онъ долженъ быть Французъ, видѣвшій близко войну и основательно образованный, какъ въ общемъ, такъ и въ спеціально-военномъ смыслѣ. Не-французъ не могъ бы такъ знать внутренній складъ французской арміи; невидавшій войны не въ состояніи былъ бы выставить такъ рельефно тѣ психическія данныя, отъ которыхъ зависитъ на войнѣ побѣда; необладающій общимъ и военнымъ образованіемъ не могъ бы такъ вѣрно и систематически анализировать предметъ, столь многосложный; не могъ бы такъ ясно уразумѣть и выставить ту простую, но и въ наше время далеко не всѣмъ доступную мысль, что рабское подражаніе наилучшимъ порядкамъ, взятымъ у другаго народа, къ добру не приводитъ, ибо они составляютъ результатъ его національныхъ особенностей и, сдѣдовательно, не могутъ соотвѣтствовать такимъ же особенностямъ народа-подражателя. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ оцѣнка французскаго point d'honneur; изъ нея видно, почему Суворовъ, великій знатокъ русскаго сердца, никогда не обращался къ инстинктамъ этой области, а совершенно къ другимъ, для возбужденія въ своихъ солдатахъ самоотверженія и рѣшимости принести себя въ жертву общему дѣлу даже до смерти. На нашъ взглядъ, записка представляетъ немалый интересъ и въ томъ отношеніи, что показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ заслугу Карно, этого великаго

въ своей скромности organisateur de la victoire, какъ его называетъ вся Франція, и который такъ безцеремонно былъ отодвинутъ въ тѣнь Наполеономъ.

Судя по очевидной, хотя и сдержанной склонности къ старому порядку, записка должна принадлежать перу одного изъ выдающихся эмигрантовъ, и относится вѣроятно къ числу тѣхъ, которыя тогда представляемы были нашимъ правительственнымъ лицамъ во множествѣ, съ цѣлью подвинуть Россію на борьбу съ Наполеономъ. Что записка имѣла именно практическую цѣль, доказывается второй ея половиной, заключающей въ себѣ, между прочимъ, разсужденія о возможности основать духъ арміи на религіозномъ началѣ: очевидный намекъ на русскую армію.

Независимо историческаго значенія, записка представляетъ и высокій теоретическій интересъ: разъясненіе причинъ успѣховъ французской арміи можетъ, по нашему мнѣнію по крайне мѣрѣ, служить образцомъ подобнаго рода изслѣдованій,— до такой степени оно царитъ надъ предметомъ въ его совокупности, до такой степени свободно отъ какихъ-либо предвзятыхъ теоретическихъ коньковъ. Предположенія относительно грядущихъ системъ войны такъ вѣрны, что похожи на пророчество: наглядное доказательство этому представляетъ въ особенности догадка о томъ, что за искусствомъ скоро стрѣлять послѣдуетъ, вѣроятно, забота о томъ, чтобы стрѣлять мѣтко,—догадка, ставшая дѣйствительностью въ періодъ 1840—60-хъ годовъ. Практически, это пророчество отошло уже теперь въ прошлое; но записка намѣтила всѣ стадіи, пройденныя арміями даже до нашего времени, за исключеніемъ развѣ усиленнаго вниманія къ индивидуальному воспитанію и образованію солдата: въ ней намѣчена скорость стрѣльбы, за которой гнались по старой привычкѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка; намѣчена мѣткость, составившая отличительную черту въ половинѣ этого вѣка; намѣчено значеніе числа, значеніе быстроты маршей, вознаграждающей недостатокъ числа, значеніе нравственныхъ данныхъ, наконецъ, значеніе «теоріи невозможнаго». Теперь мы сидимъ на соединеніи мѣткости и скорости стѣльбы, т. е. не болѣе какъ на синтезѣ того, что въ за-

пискѣ указано аналитически. И такъ, изо всѣхъ данныхъ, теперь дѣйствующихъ, въ запискѣ не намѣчена только одна: именно данная индивидуальнаго воспитанія и образованія солдата; но, признавая всю ея важность, не можемъ не замѣтить однако-жъ, что она есть не самостоятельная, а производная данная, и заключается, подразумѣваемо, въ мѣткости стрѣльбы [1]). Знакомые съ теоріей воспитанія и образованія солдата знаютъ это.

Что касается «теоріи невозможнаго», то она, повидимому, призабыта въ послѣднее время, и уступила мѣсто порядку, устройству, выучкѣ; но никто не станетъ спорить съ тѣмъ конечно, что присоединившій ее къ этимъ необходимымъ даннымъ надѣлаетъ большихъ дѣлъ; и не устоятъ противъ него ни порядокъ, ни выучка, ни устройство, взятыя безъ рѣшимости отважиться на кажущееся невозможнымъ.

Записка представляетъ глубокій интересъ и въ томъ, что, сопоставляя по ней прошлое съ настоящимъ, мы видимъ, до какой степени всякій народъ остается вѣренъ самому себѣ. Такъ, прусаки, взявшіе себѣ еще въ прошломъ вѣкѣ въ удѣлъ скорость стрѣльбы и настойчивую выучку, дрессировку солдата, и въ наше время продолжаютъ совершенно ту же работу. Вся автоматическая область, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ,—ихъ достояніе. Учебные шаги, цилиндрическіе шомпола, воронкообразныя затравки, заряжаніе съ казны,—ихъ дѣло. Французы, напротивъ, совершенствуютъ мѣткость стрѣльбы въ прошломъ, совершенствовали ее до послѣдняго времени и въ нынѣшнемъ вѣкѣ,—по крайней мѣрѣ шли по этой части во главѣ другихъ націй. Кому неизвѣстны имена Грибоваля, Дельвиня, Тувенена, Тамизье, Минье, Трейль-де-Больё? И, въ паралель этому, они же первые дѣлаютъ призывъ къ высшимъ инстинктамъ человѣческой природы, къ интеллигентнымъ сторонамъ ея... Разгромъ Французовъ въ 1870 г. ничего не доказываетъ, кромѣ того, что при такой

---

[1]) При томъ же она не представляетъ и новости, ибо составляла,—по формѣ конечно, а не по содержанію,—особенность и фридриховской системы воспитанія.

системѣ управленія, какова была Наполеона III, всякій народъ развратить можно.

Авторъ придаетъ словамъ «тактика» и «національность» нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ они имѣютъ теперь. Считаемъ необходимымъ это оговорить въ предупрежденіе недоразумѣній. Подъ тактикой онъ часто разумѣетъ то, что по нашимъ современнымъ понятіямъ составляетъ предметъ строевыхъ уставовъ. Такъ, напр., подъ «тактическими войсками» онъ просто разумѣетъ войска, наметанныя въ плацовыхъ эволюціяхъ. Французы у него не умѣютъ маневрировать, потому что въ такихъ эволюціяхъ слабы. Подъ «національностью»—словомъ, впервые выдвинутымъ революціей, авторъ разумѣетъ не націю, какъ теперь, но совокупность тѣхъ духовныхъ особенностей, которыя образуютъ нравственную физіономію извѣстной націи. Мы находимъ, что для точности языка это лучше тепершняго распространенія смысла слова «національность».

Выдающуюся особенность «Замѣчаній» составляетъ полное принятіе въ расчетъ волевыхъ данныхъ; эта особенность ставитъ ихъ на ряду съ весьма немногими догматическими твореніями, въ родѣ: Mes rêveries марш. Саксонскаго, Науки побѣждать Суворова. Въ «Замѣчаніяхъ», какъ и въ трудахъ двухъ поименованныхъ великихъ теоретиковъ-практиковъ, чувствуется то вѣяніе воли, которое даетъ теоріи совершенно иную окраску: до такой степени иную, что подобная теорія покажется нѣкоторымъ отрицаніемъ теоріи. И послѣдній взглядъ, пожалуй, будетъ вѣренъ, если отправляться отъ того мнѣнія, будто теорія имѣетъ право игнорировать волевыя данныя. Но вѣрно ли будетъ такое мнѣніе? Основательно ли устранять изъ теоріи военнаго искусства главнѣйшій факторъ на войнѣ, т. е. Волю, со всѣми ея производными? Намъ кажется, что нѣтъ; намъ кажется, что, принимая въ расчетъ волевыя данныя, мы сдѣлаемъ только теорію разностороннѣе, и слѣдовательно, примѣнимѣе въ жизни. Но понимается само собою, что прибавка новой данной въ теорію измѣнитъ нѣкоторые ея выводы до неузнаваемости: до такой степени, что людямъ, поверхностно знакомымъ съ дѣломъ, новая теорія можетъ дѣйствительно показаться полнымъ

отрицаніемъ теоріи. Если напр. новая теорія поставитъ на своемъ знамени, что въ военномъ человѣкѣ должно прежде всего развивать и укрѣплять вѣру въ себя, платоническимъ приверженцамъ старой теоріи это покажется отрицаніемъ знанія... Чѣмъ послѣ этого имъ можетъ показаться такая напр. ересь, какъ доктрина «невозможнаго», мы и представить себѣ не можемъ! Говоримъ: «платоническимъ», такъ какъ нападки подобнаго рода идутъ обыкновенно не отъ серьезныхъ изслѣдователей, а отъ людей, которые, возставая противъ новой теоріи, и въ старой-то не только ничего не сдѣлали, но и сдѣланное другими понимаютъ плохо; что впрочемъ ни сколько имъ не мѣшаетъ писать.

Правда, волевыя данныя трудно поддаются введенію въ теорію; правда также и то, что, съ принятіемъ ихъ въ расчетъ, стройность теоріи будетъ нарушена, ибо система изслѣдованія тѣмъ бываетъ стройнѣе, чѣмъ точка ея отправленія односторонніе: но подобныя неудобства не должны останавливать уже и потому, что военная исторія показала, и не разъ, что односторонно-стройныя теоріи всегда и вездѣ вели въ практикѣ къ одному—къ побіенію...

Д.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ политическомъ мірѣ совершились чудеса, виновницею коихъ была французская армія. Эта армія есть одно изъ тѣхъ современныхъ явленій, которая, по нашему мнѣнію, должны въ особенности привлекать любопытство однихъ и размышленіе другихъ; такое соображеніе дало поводъ къ изданію нижеслѣдующихъ замѣчаній.

Петербургъ, январь 1808.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Въ началѣ революціи французская армія безъ дисциплины и тактики.
Руководящая мысль войны отдѣльныя стычки 1
Примѣненіе ея въ Шампани и Піемонтѣ 2
Революція даетъ превосходство числа: военный принципъ, отсюда вытекающій 2
Сраженіе при Жемаппѣ 3
Основаніе новой военной системы, данное революціоннымъ правительствомъ 3
Составныя части этой системы 5
Число, легкость, быстрота; энергія генераловъ 6
Тактика, сдѣлавшаяся подвижною, подрываетъ значеніе крѣпостей . . . 8
Отсутствіе регулярности въ образѣ дѣйствій Французовъ; стрѣлки 9
Теорія невозможнаго 12
Два пріема тактики сраженій: обходъ и прорывъ 14
Слабость числа—причина неудачь 16
Строевой уставъ Французовъ остался безъ перемѣны 18
Онъ есть не болѣе какъ средство поддержанія порядка, орудіе высшей тактики 20
Элементарная подготовка несовершенна у французовъ 21
Нравственныя побужденія, вызванныя революціей 22
Характеристика солдата новой системы 22
Характеристическія черты французскаго солдата подъ новыми названіями 23
Энтузіазмъ свободы, ошибочно признаваемый за мотивъ, побуждающій дѣйствовать французскаго солдата 24
Воинская честь, единственный побудитель его дѣйствій 24
Этотъ принципъ чести не есть то, что философія разумѣетъ подъ этимъ названіемъ 26
Умственныя и нравственныя способности, возбужденныя въ солдатѣ революціею 26
Примѣненіе къ дѣлу всѣхъ врожденныхъ предрасположеній, создали тактику и духъ арміи 27
Энергическія средства упрочить тактику и духъ: награды и наказанія 27
Французская дисциплина 27

стр.

Совокупность различныхъ элементовъ, изъ коихъ сложилась новая система войны, есть результатъ обстоятельствъ, а не дѣло одного какого либо человѣка. 30
Принципы управленія и командованія арміею дополняютъ новою систему. 30
Поклонники и порицатели новой системы войны 32
Разборъ различныхъ предположеній о преимуществахъ этой системы:
Скорый шагъ французовъ 33
Прицѣльный огонь пѣхоты 34
Артиллерія. 36
Пѣхота легкая, обмундированіе, вооруженіе, обученіе 37
Вольтижеры 39
Употребленіе штыка 40
Раздача крѣпкихъ напитковъ 43
Французская система войны, исключительно практическая, не возведена въ теорію 44
Прежнія формы и обычаи сохранены 44
Возможныя перемѣны съ наступленіемъ мира 46
Двѣ различныя науки: одна для войны, другая для мира 47
Что слѣдуетъ принимать въ соображеніе государствамъ, которыя захотѣли бы подражать французамъ 48
Соображаться съ національнымъ характеромъ; національности должно противополагать національность. 50
Различныя нравственныя побужденія, могущія замѣнить побужденія революціонныя 51
Необыкновенное уравновѣшивается только необыкновеннымъ. 52
Вандейцы противъ французскихъ солдатъ 52
Новыя возможныя системы 52
Употребляемыя средства должны истекать изъ войны 53
Война создала французскую военную систему. 53

Замѣчанія о французской арміи.

Выстрѣлами, громившими Бастилію, дисциплина воинская была разрушена во Франціи. Представители ея въ прежнихъ полкахъ, офицеры старшіе и младшіе, революціоннымъ духомъ подчиненныхъ, были изгнаны. Съ дисциплиной исчезла и тактика [1]), потому что послѣдняя безъ первой мѣста имѣть не можетъ. Въ новыхъ частяхъ тактическое знаніе даже по имени не было извѣстно, ибо какъ могли капралы и сержанты, преобразившіеся вдругъ въ офицеровъ и генераловъ по избранію, заставлять людей двигаться, не умѣя заставить ихъ повиноваться?

Въ такомъ состояніи война застала французскую армію Подобная армія не могла противустоять войскамъ дисциплинированнымъ и потому тактическимъ. Первыя военныя попытки французовъ привели къ пораженіямъ и бѣгствамъ. Въ 1792 г., одного вида небольшихъ австрійскихъ отрядовъ у Монса и Турне было достаточно, чтобы разсѣять французскія колонны Бирона и Теобальда Диллона. Нужно было изобрѣсти новый образъ дѣйствій и пріискать новые тактическіе пріемы. Замѣтили прежде всего необходимость избѣгать всякаго правильнаго сраженія, убѣдившись, что къ этому способна только армія, дѣйствующая, благодаря дисциплинѣ, стройно и совокупно. Отсюда заключили о необходимости обращенія крупныхъ столкновеній, которыхъ разстроенная во всѣхъ частяхъ французская армія предпринимать не могла, въ рядъ мелкихъ отдѣльныхъ стычекъ. Это было мнѣніе всѣхъ военныхъ: генералы, офицеры

---

[1]) Подъ тактикой должно разумѣть въ этомъ случаѣ большее или меньшее совершенство въ уставныхъ эволюціяхъ.

и солдаты повторяли его вслухъ, какъ единственное средство для спасенія арміи.

Мѣсто первыхъ столкновеній, въ которыхъ французамъ важно было одержать успѣхъ, благопріятствовало этому пріему; и въ Шампани онъ былъ примѣненъ впервые. Французы безпрерывно избѣгали встрѣчъ съ дисциплинированной и маневренной прусской арміей на равнинахъ этой провинціи. Однажды 1,200-тъ гусаръ, задѣвшихъ французскій авангардъ, было достаточно, чтобы обратить въ бѣгство всю армію на нѣсколько дней.

Пересѣченная мѣстность у Гранъ-Пре́ и Клермона позволила французамъ испытать себя, и Дюмурье былъ правъ, назвавъ однажды Клермонскія тѣснины Ѳермопилами Франціи. Бой у Вальми, хотя пруссаки послѣ него и перешли къ отступленію, хотя артиллерія въ теченіе его и дѣлала много шуму, никогда и ничѣмъ инымъ не будетъ признаваться въ лѣтописяхъ войны, какъ аванпостнымъ дѣломъ. Эти часто повторяемыя стычки научили бою за мѣстные предметы, въ которомъ французы особенно усовершенствовались въ горахъ Савойи и Пьемонта, въ 1792 и 1793, а также въ Пиренеяхъ противъ Испанцевъ.

Исторія революціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія новой тактической системы и показываетъ ея послѣдовательное развитіе. Новая тактика это—дочь революціи. Эта послѣдняя поставляла людей съ изумляющимъ обиліемъ: батальоны національной гвардіи, вспомогательные, федеральные, ополченія, реквизиція, конскрипція — вотъ бойцы, слѣдующіе одни за другими подъ столькими наименованіями и съ такой быстротой, что затруднялись ихъ размѣщать; и возникла необходимость основать систему войны, на превосходствѣ въ числѣ. Подавлять непріятеля рядомъ отдѣльныхъ стычекъ, постоянно его задирать, безъ отдыха тревожить его безпорядочнымъ огнемъ—было лучшимъ употребленіемъ численнаго перевѣса. Армія, всегда свѣжая, такъ какъ ея бойцы безпрерывно возобновляются и смѣняются, не можетъ не пріобрѣсть въ подобной войнѣ перевѣса надъ противникомъ, который бережетъ людей, потому что ощущаетъ въ нихъ недостатокъ. Французъ пріобрѣталъ этимъ способомъ довѣріе къ своимъ силамъ, а солдатъ формировался на войнѣ въ лучшей школѣ, школѣ опыта.

Умѣренность политическихъ принциповъ исчезла во Франціи съ первыми военными успѣхами. Защитою своихъ границъ болѣе

не довольствовались; объявляли съ трибуны желаніе внести революцію въ нѣдра всѣхъ государствъ, поколебать всѣ троны и пронести ее по всему свѣту.

Первая наступательная попытка была сдѣлана Дюмурье. Изъ Шампани онъ двинулся на завоеваніе австрійскихъ Нидерландовъ. Сраженіе, которое онъ далъ у Монса, было похоже на правильную битву только по виду. Побѣдили, атакуя отдѣльные пункты, укрѣпленія у деревни Жемапиъ, угрожая посредствомъ громадной арміи на всѣхъ пунктахъ единовременно и охвативъ корпусъ около 20-ти т. человѣкъ арміей, въ которой было приблизительно тысячъ 80. Захватъ Майнца былъ также плодомъ численнаго перевѣса; тотъ же перевѣсъ рѣшилъ и въ Савойѣ. Эти счастливыя попытки были важны, какъ оправданіе новой системы тактики: они фактически доказали возможность вознаградить числомъ недостатокъ обученія и, въ то же время, указали самый соотвѣтствующій французскому характеру образъ дѣйствій. Эта новая система привела бы французовъ на Рейнъ въ ту же кампанію, если бы этому не воспрепятствовали столкновенія Дюмурье съ комитетами и клубами.

Неудачи, послѣдовавшія въ 1793 г. за бѣгствомъ этого генерала, не только не подорвали этихъ началъ, но повели къ утвержденію и распространенію ихъ. Внѣшняя опасность вызывала усилія и средства сопротивленія, а революція находила имъ употребленіе. Первая кампанія состояла изъ попытокъ: слѣдующая должна была быть сдѣлана съ системой. Недавними уроками воспользовались и сознательно установили родъ войны, основанный на пріобрѣтенномъ знаніи силы и слабости французовъ, и перевернувшій впослѣдствіи всѣ системы.

Можно получить вполнѣ вѣрное представленіе объ этой системѣ и о причинахъ ея принятія, прослѣдивъ публичныя пренія, имѣвшія мѣсто по ея основаніи.

Въ концѣ января 1793 г. комитетъ общественной безопасности вызвалъ генерала королевскаго режима, тогда уже ниспровергнутаго, изъ его скромнаго убѣжища, чтобы спросить его на счетъ военной системы, которую слѣдовало принять въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ. «Нужно, говорилъ этотъ генералъ въ своей запискѣ, представленной комитету, удвоить массу бойцовъ, чтобы можно было противуставить число усиліямъ искусства. Самое простое средство достигнуть этой цѣли—дѣлать

войну массами, т. е. имѣть на всѣхъ пунктахъ атаки возможно болѣе войскъ и артиллеріи; предписать генераламъ, какъ священнѣйшій долгъ, всегда биться во главѣ войскъ, дабы дать имъ примѣръ храбрости и самоотверженія и пріучить ихъ никогда не считать непріятеля, но быстро атаковать его въ штыки, не теряя времени на стрѣльбу и маневрированіе, ибо настоящія французскія войска не выучены маневрировать, даже и не подготовлены къ этому. Этотъ образъ дѣйствій, столь отвѣчающій характеру, проворству и пылкости французской націи, неминуемо обезпечитъ ей побѣду, ибо собьетъ съ толку иностранныя арміи своею новостью».

Такъ могъ говорить только человѣкъ, который одинаково зналъ французовъ и свою спеціальность. Изложенныя идеи приняты съ сочувствіемъ, котораго стоили по своей вѣрности. Матеріалъ для ихъ осуществленія представляло поголовное ополченіе, а примѣненіе ихъ было ввѣрено таланту. Онъ оказался въ военномъ комитетѣ новаго правительства, душою котораго комитета былъ Карно. Не было задумано ничего мелкаго, ничего такого, что не было бы необыкновенно также, какъ обстоятельства, обширно какъ планы, которые они внушали. Карно понялъ, что тактическія подробности, до того употреблявшіяся въ арміяхъ, нужно было оставить въ сторонѣ, какъ потому, что ими не владѣли, такъ и потому, что не было времени на ихъ усвоеніе; этотъ геніальный человѣкъ понялъ, что безъ нихъ можно обойтись, замѣнивъ ихъ тактикой высшаго порядка. Онъ напалъ на мысль замѣнить искусство полей сраженій, искусствомъ театровъ войны; низшую тактику высшей (т. е. стратегіей). Бывъ поставлены въ необходимость формировать части изъ людей никогда нестрѣлявшихъ, отправлять баталіоны, несдѣлавшіе ни одного ученія, составлять арміи изъ полковъ, никогда не слышавшихъ даже о томъ, что такое огонь повзводно или побатальонно, должны были дѣйствовать, а не учиться. Практика должна была помочь обойтись безъ теоріи и необходимость защищаться должна была заставить солдата найти къ этому средства въ собственномъ умѣ. Начинающимъ французамъ нужна была тактика, развивающаяся внѣ круга зрѣнія противника, видоизмѣняющаяся широкими чертами и не дающая ему времени воспользоваться эволюціонными деталями. Первые опыты оправдали этотъ образъ дѣйствій. Участь сраженій перестала зависѣть отъ

исполненія уставной эволюціи, точности шага или учебнаго движенія. Разширились взгляды вмѣстѣ съ цѣлями, которыми задавались: было сказано, что революція должна обойти вокругъ свѣта. Дѣло шло уже не о томъ, чтобы выигрывать сраженія, но чтобы покорять или увлекать народы;—не о томъ, чтобы удержать за собою позицію или сбить съ нея непріятеля, но о занятіи цѣлыхъ странъ и государствъ. Время, когда ставили цѣлью кампаніи завоеваніе города или провинціи, миновало. Въ системѣ войны порядка высшаго, рода болѣе грандіознаго, прежде всего предстояло извлечь пользу изъ числа, назначая болѣе обширныя пространства для марша и развертыванія. И если искусство употребленія большихъ массъ кажется съ перваго взгляда легче, чѣмъ прежнее (извлекать возможную пользу изъ числа ограниченнаго), все же заслугу изобрѣтенія и въ немъ признать должно: задумать полезное нововведеніе дѣло генія.

Франція всегда обладала искусными инженерами; и вспомогательные отдѣлы ихъ искусства стояли въ ней на высокой степени совершенства. Въ складахъ военнаго министерства существовала коллекція картъ, плановъ, описаній и топографическихъ подробностей, подобной которой нигдѣ не было. Это былъ плодъ тридцатилѣтнихъ изысканій и работъ, и точность изображенія мѣстности не ограничивалась только характеристическими чертами ея вида, рѣкъ и горъ, но представляла подробности, до проселочныхъ дорогъ и тропинокъ включительно. Даровитые люди новаго правительства съумѣли воспользоваться этимъ сокровищемъ, и Карно, самъ инженеръ, сдѣлалъ его основаніемъ обширнѣйшихъ военныхъ комбинацій. Было рѣшено, что примѣненіе научныхъ богатствъ вѣка къ военному искусству станетъ характеристическою чертою высшей тактики. Изученіе географіи, топографіи, даже геогнозіи, основательное знаніе теченія рѣкъ, общихъ уклоновъ, уровней мѣстности, положенія и профили горъ, направленія и соотношенія ихъ отроговъ; знаніе естественныхъ и промышленныхъ богатствъ странъ, и сообщеній въ нихъ всякаго рода, нашло примѣненіе въ новой военной системѣ. Ея основатели, мечтая о завоеваніи міра, принимали весь земной шаръ за область своихъ комбинацій. Они изучали его съ тѣмъ, чтобы подѣлить на театры войны и намѣтить на немъ военныя позиціи. Повидимому, натура создала всѣ эти равнины и высоты, рѣки и озера, горные хребты и проходы только для того, чтобы

дать канву для военныхъ подвиговъ, которые они задумывали. Вотъ какъ завоеватели изучаютъ природу! Придумавъ средство связать размѣщеніе войскъ съ естественными преградами, представляемыми страной, нашли разрѣшеніе первой задачи: число, главный элементъ новой системы, употребили производительно.

Революція, дѣлая арміи многочисленными, дѣлала ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и легкими. Вслѣдствіе поспѣшности, съ которою ихъ набирали, и многочисленности, подготовительныя мѣры сдѣлались или невозможными, или недостаточными. Снабженія всякаго рода были неудовлетворительны; отсутствіе предусмотрительности—характеристическая черта революцій, стало характеристической чертой и администраціи арміи. Было время, когда за каждой частью шли роты съ цѣпами, для молотьбы хлѣба, необходимаго на продовольствіе солдата; такимъ образомъ обходились безъ провіантскаго обоза. Вмѣсто нагроможденія одежды въ магазинахъ брали реквизиціей всевозможныя ткани въ лавкахъ, не стѣсняясь ни цвѣтомъ, ни качествомъ. Рекрутъ, назначенный въ армію, былъ уже солдатъ; безъ подготовки, безъ обмундированія, безъ выправки, не имѣя, кромѣ ружья, ничего форменнаго ни по цвѣту, ни по покрою, онъ отправлялся въ армію. Попавъ въ кампанію, онъ предоставлялся собственной предусмотрительности. Пѣхотинецъ былъ нѣчто въ родѣ пѣшаго казака. Его служба и родъ жизни были охотничьи. Безъ палатокъ, безъ обоза, часто безъ продовольствія, почти всегда безъ одежды и обуви, безъ правильно разбитаго лагеря, на бивакѣ, пѣхотинецъ пріобрѣталъ привычки и нравы легкаго партизана. Онъ не получалъ правильно ни продовольствія, ни одежды, ни жалованья; всегда надѣялся, что въ слѣдующее мгновеніе получитъ то, чего ему не доставало въ предъидущее; всегда на изворотахъ, какъ и правительство, посылавшее его на войну,—онъ всего ожидалъ отъ счастія. Нуждаясь въ необходимомъ, солдатъ привыкалъ къ лишеніямъ и считалъ, что, перенося ихъ, исполняетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей своего ремесла. При томъ же перенесеніе лишеній, вынуждаемое обстоятельствами, было провозглашаемо какъ республиканская добродѣтель, а терроръ зажималъ рты недовольнымъ. То, что въ другихъ странахъ считалось бы не болѣе какъ толпою рекрутъ, во Франціи шло за арміи. Правда онѣ были едва организованы, но онѣ были легки на ходу; слѣдовательно

съ ними можно было осуществить и легкую тактику; новая система продовольствія въ особенности дѣлала армію легкою. Эти нескончаемые нити повозокъ и тяжестей, наиболѣе стѣснявшія марши въ войнахъ послѣдняго времени; эти вторыя арміи, болѣе растягивающіяся и труднѣе подвижныя чѣмъ первыя, сократились до чрезвычайности, вслѣдствіе преобразованія труднаго умѣнья возить продовольствіе, въ умѣнье забирать его по дорогѣ. Прежде продовольствіе шло за арміями; теперь оно должно было идти имъ на встрѣчу; и что прежде тащили лошади, теперь пѣхотинецъ долженъ былъ или нести на себѣ, или обходиться безъ него. Если при старой системѣ источники продовольствія арміи истощались по мѣрѣ отдаленія ея отъ своихъ границъ, при новой— они усиливались по мѣрѣ углубленія въ чужую страну, всѣми средствами, въ ней находимыми.

Эта вторая отличительная черта новой системы—легкость— привела естественно третью—быстроту. Начали ходить скорѣе; и, пропорціонально быстротѣ марша, сократилась продолжительность операцій. Связавъ операціи съ обширными топографическими очертаніями, представляемыми поверхностью земли, французы и во всемъ прочемъ дѣйствовали по этому колоссальному масштабу, а въ томъ числѣ и въ необыкновенной быстротѣ движеній. Разстоянія, на которыхъ приходилось дѣйствовать, были громадны: предстояло недоступныя горы обходить, доступныя занимать; избѣгать озеръ, переправляться черезъ рѣки. Глядя на этихъ новыхъ тактиковъ, можно было подумать, что ихъ подгоняютъ разливы водъ, таяніе снѣговъ, быстрота потоковъ. Во избѣжаніе дурной погоды и сопровождающихъ ее неблагопріятныхъ явленій, переходятся горы, рѣки, проходятся тѣснины и описываются такія линіи, которыхъ длина превосходитъ всякій расчетъ.

Но эти качества остались бы безъ примѣненія, если бы энергія въ веденіи операцій не дала имъ дѣйствительной цѣны. Эта энергія (vigueur) представляетъ четвертую характеристическую черту французской арміи. Она сообщена арміи генералами, на которыхъ было возложено ею предводить. Революція, смѣстившая много людей, поставила на ихъ мѣста такихъ, которые мѣстамъ этимъ соотвѣтствовали, и которые безъ революціи никогда бы ихъ не занимали. Адвокаты, купцы, ремесленники, отставные сержанты и капралы очутились во главѣ армій. События

развили ихъ талантъ и подтвердили или отвергли ихъ призваніе И если тысячи этихъ генераловъ закатились безслѣдно, за то Моро, Пишгрю, Гошъ, Массена, Бертье, Макдональдъ, Брюнъ, Шампіонне, Ланнъ, запечатлѣли свои имена въ исторіи. И она засчитаетъ имъ какъ нравственную силу, которую они проявили, служа своему дѣлу, такъ и таланты, которыхъ доказательства дали (ибо только сила характера обезпечиваетъ успѣхъ, подготовленный талантомъ); она засчитаетъ имъ также и отвагу отдавать случаю его долю въ предпріятіяхъ и восполнять знаніе вѣрою въ счастіе, которое служитъ инстинктомъ мужеству. Обязанные своимъ положеніемъ революціи, эти генералы защищали ее съ тою настойчивостію, которая считаетъ, что ничего не сдѣлано, пока хоть что нибудь остается сдѣлать; съ тѣмъ самоотверженіемъ которому одна смерть полагаетъ предѣлъ. Слившись съ системой которой стремленія осуществляли, они всегда употребляли всѣ средства, соотвѣтствующія цѣли; не пренебрегая ни однимъ и истощая всѣ рессурсы, они безпрестанно рисковали всѣмъ и всегда открывали себѣ вѣроятности все выиграть, ибо не отступали передъ рѣшимостью все потерять. Они давали каждое сраженіе такъ, какъ бы оно было рѣшительное; они дѣлали каждое усиліе такъ, будто бы оно было послѣднее. Всѣ въ цвѣтѣ лѣтъ, когда человѣкъ обнимаетъ и преслѣдуетъ предметъ, за который берется съ живостью, гибкостью и энергіею, они наэлектризовали эту многочисленную, легкую, летучую армію той твердой волею, которая чего хочетъ, хочетъ вполнѣ, и никогда не задумывается передъ препятствіями. Такимъ-то образомъ французскіе генералы доставили торжество своему дѣлу дружнымъ единодушіемъ намѣреній, энергій и усилій, которое изумило и ошеломило современниковъ.

Послѣдствія этой системы обнаружились скоро. Для возвращенія Бельгіи, потерянной Дюмурье, составленъ планъ кампаніи, обнимавшій, кромѣ этой страны, Голландію и половину Германіи; Рейнъ, отъ Швейцаріи до Нѣмецкаго моря, принятъ за линію, которую вознамѣрились обезпечить за собою. Промежуточныя крѣпости: Валансьенъ, Конде, Ландреси, Лекенуа, исчезли какъ незамѣтныя точки на этомъ обширномъ театрѣ войны, и Люксембургъ пересталъ быть неодолимымъ. Имѣли достаточно людей,

чтобы охватить всѣ эти крѣпости разомъ, отрѣзать ихъ одну отъ другой, и парализировать вліяніе всѣхъ и каждой на операціи, задуманныя по громаднымъ линіямъ впереди. Именно въ эту кампанію новая тактика приняла характеръ подвижной. Система крѣпостей и крѣпкихъ позицій утратила важность; вмѣсто постоянныхъ пунктовъ старой тактики, новая принимала только временные и на нихъ основала участь будущихъ войскъ. Арміи, эти подвижныя стѣны, взяли верхъ надъ неподвижными стѣнами крѣпостей. Когда французская армія проникла въ 1796 г. въ Піемонтъ, линія, которой одинъ конецъ предстояло протянуть черезъ Италію до Вѣны, должна была коснуться этого послѣдняго пункта и другимъ концомъ, захвативъ всю Германію, гдѣ эту линію описывали Моро и Журданъ. Чева, Кони и Торто не избѣгли участи Валансьена, Ландреси и Конде; марши вытѣснили осады. У кого больше людей, тотъ можетъ маневрировать больше и на болѣе пространныхъ линіяхъ. Защита неподвижныхъ пунктовъ, охваченныхъ безпрерывно подвижными линіями становится безполезною. Неподвижность побѣждена движеніемъ; руки — ногами, и афоризмъ маршала Саксонскаго, говорившаго, что сраженія выигрываются ногами солдатъ, нашелъ примѣненіе въ послѣднее время во французской арміи.

Всѣ элементы этой арміи были подвижны въ первыя кампаніи. Цѣлые полки разсыпались въ стрѣлки и колонны арміи представляли тучи. Линейная французская армія часто была не болѣе какъ армія стрѣлковъ; въ своихъ налетахъ она была поддерживаема легкой артиллеріею, которую по справедливости французы называли летучею; пѣшая артиллерія, немогшая сопровождать этихъ налетовъ, не появляется болѣе въ арміи. Вся конница обращена въ легкую; а что осталось отъ тяжелой, служило какъ и легкая. Декретъ конвента предписалъ сформированіе 70,000 конныхъ егерей, посаженныхъ, вооруженныхъ, обмундированныхъ по гусарски.

Противъ подобной системы войны старая тактика, осмотрительная и выжидающая, которая подавалась шагъ за шагомъ, расчитывая позиціи и размѣряя эволюціи, устоять не могла. Численность, бывшая въ распоряженіи новой системы и быстрота движеній сбивали съ толку всѣ комбинаціи методизма. Рутина узрѣла себя уничтоженной иррегулярностью, коей ни причинъ не отгадывала, ни пріемовъ уразумѣть не могла. Боевой линіи,

которую рутина тщетно искала и жаждала встрѣтить, она не находила нигдѣ; но вмѣсто боевой линіи видѣла враговъ, которые подавляли ея бойцовъ на флангахъ и въ тылу, которые появлялись на всѣхъ пунктахъ и во всякое время, днемъ какъ ночью. Нигдѣ и ни на одну минуту не было покоя въ присутствіи людей, которые вѣчно копошились и задирали, которые называли себя защитниками отчизны и пѣли на мотивъ марсельцевъ: изъ «земли выйдутъ новые» (la terre en produit de nouveaux). Въ этомъ новомъ родѣ войны, слагающемся изъ безпрестанныхъ отдѣльныхъ стычекъ, перевѣсъ въ концѣ концовъ будетъ на сторонѣ арміи, за которой число, такъ какъ она можетъ выдержать его дольше. Храбрые, дисциплинированные, обстрѣлянные и выученные солдаты уступили мѣсто милиціонерамъ, превосходящимъ ихъ въ числѣ, и опытные генералы потеряли свои репутаціи, столкнувшись съ людьми, которые стали въ главѣ армій чуть не со вчерашняго дня. Тщетно Клерфе со своей прекрасной арміей даетъ сраженіе въ Брабантѣ, съ цѣлью деблокировать крѣпости, занятыя Австрійцами; французскія массы, предводимыя Пишгрю, охватываютъ его справа въ Западной Фландріи, другія массы развертываются на его лѣвомъ флангѣ, подъ командою Журдана; третьи наступаютъ къ Рейну и грозятъ окружить союзныя арміи. Чтобы не быть окружену, Клерфе уступаетъ поле сраженія, и присутствіе молодого императора Франца не помогло удержать его. Кобургъ подавленъ у Флерюса 80,000 человѣкъ; 70,000 другихъ, оттѣснивъ Іорка и Клерфе направляются ему въ тылъ; другая армія бросается на Больё и преслѣдуетъ его до Намюра. Послѣ каждой неудачи маститые австрійскіе воины, изслѣдуя пріемы новичковъ побѣдителей, рѣшительно не могли понять почему были побиты. Они жаловались на свою судьбу, глядя на этихъ генераловъ безъ-году-недѣля и на солдатъ рекрутъ, осмѣливающихся безъ правилъ и безъ порядка выходитъ на бой. Лучше было бы, пренебрегши размѣренными эволюціями учебныхъ плацовъ, винить свою неспособность къ пониманію соображеній высшей тактики. Противники французовъ, обращая вниманіе только на то, что дѣлалось у нихъ передъ глазами, считали сумасбродствомъ отдѣльныя стычки республиканцевъ; эти разрозненныя повидимому операціи, обличали для нихъ полное отсутствіе плана и правильности. Но критики этого сорта должны были заглянуть нѣсколько дальше; эти без-

порядочныя мелкія предпріятія были подчиненными составными частями большой комбинаціи, совокупность коей была весьма правильна и простиралась на театръ войны обширнаго горизонта. Дѣло было не въ томъ, какъ исполняются подробности на поляхъ сраженій; но въ томъ, чтобы ихъ результатъ отвѣчалъ видамъ высшей тактики, дѣйствующей вдали и внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Союзники, видя какъ французы плохо маневрировали въ бояхъ и чувствуя свое рѣшительное надъ ними превосходство въ строевой выучкѣ, упорствовали въ желаніи поставить успѣхъ отъ нея въ зависимость: заблужденіе, благодаря коему ихъ постоянно били. Слабость французовъ на учебномъ плацу и составляла силу ихъ системы. Дабы устоять противъ нея, нужно было бросить избитую колею рутины; противупоставить новымъ средствамъ, новыя же, грандіозныя, необыкновенныя, быстрыя, смѣлыя, дѣйствительныя: однимъ словомъ, высшей тактикѣ, тактику еще болѣе высшую. Австрійцы не одной кампаніей доказали, что они проникали въ виды новой системы войны; но имъ не доставало смѣлости въ исполненіи и величія въ средствахъ. Суворовъ соединилъ то и другое; онъ появился и французы были побѣждены.

Всякая новость всегда сбиваетъ съ толку рутинныя головы; и обезпечиваетъ тому, кто къ ней прибѣгаетъ, рѣшительное преимущество. Въ то время, когда противники французовъ справлялись, при всякомъ случаѣ, съ уставами, и развертывали планы сраженій и карты, французы дѣйствовали на зло даже такимъ принципамъ тактики, которые тогда считались безусловными и непреложными. Разъ завязалось сраженіе, они не заботились, прикрыты ли правильно ихъ фланги, обезпечены ли совершенно сообщенія; иногда они позволяли даже себя обойти и оставляли безъ вниманія пункты, которые, по принципамъ, казались противнику существенными. Это потому, что обладая численнымъ перевѣсомъ, они могли исправлять всѣ ошибки, возстановлять сообщенія, спасать фланги; а иногда и потому, что намѣревались овладѣть совсѣмъ другимъ пунктомъ; да наконецъ ихъ начальники не имѣли ни охоты, ни обязанности беречь людей. Руководимые такими принципами, французы всегда атаковали—преимущество громадное и часто рѣшительное; ибо, кромѣ того, что систематическій противникъ бываетъ сбитъ съ толку соображеніями, недоступными его расчетамъ, и противупоставляетъ смѣлости нерѣ-

шительность, первенство плана обезпечиваетъ моральное преимущество тому, кто атакуетъ, и возвышаетъ его душу вѣрою въ успѣхъ.

Руководимые этими соображеніями, которыя потверждалъ ежедневный опытъ, французы создали доктрину, которую можно бы назвать теоріей невозможнаго. Дѣлать всегда противное тому, что дѣлалось прежде и удержалось еще у другихъ; выбирать всегда исполненіе самое трудное; предпочитать предпріятія, которыя робкая тактика противниковъ отвергала или считала невозможными, вотъ въ чемъ состояла новая теорія французовъ. И болѣе прозорливо трудно было воспользоваться вялостью, которая характеризуетъ вѣкъ. Наперекоръ всѣмъ принципамъ искусства и всѣмъ препятствіямъ физическимъ и нравственнымъ они побѣдили противника, который не допускалъ, чтобы можно было предпринимать то, что противорѣчило правиламъ школы и дюжиннаго благоразумія. Рискуя всѣмъ, французы не встрѣчали сопротивленія со стороны противниковъ, которые не шли далѣе полумѣръ. Чтобы побѣдить, нужно было только удивить; и какъ Монтекукули требовалъ для войны «денегъ, денегъ и денегъ», французскіе генералы требовали «дерзости, и еще дерзости, и всегда дерзости». Съ этого времени такія военныя операціи, которыя прежде считались необыкновенными, стали дѣломъ обыденнымъ. То, что было рѣдкимъ въ военномъ дѣлѣ, стало обычнымъ; что считалось чудеснымъ, повторялось чуть не каждый день.

Переправляться черезъ рѣки; переправляться днемъ и въ виду непріятеля, переходить горы съ конницей и артиллеріей; наводить мосты и переходить ихъ подъ огнемъ непріятеля,—все это повторялось, какъ самое обыкновенное и легкое. Переправа черезъ Рейнъ, исполненная Людовикомъ XIV, увѣковѣчена памятникомъ въ Парижѣ; теперь переправы черезъ эту рѣку дѣлались безъ числа и едва заслуживали честь описанія въ нѣсколькихъ газетныхъ статьяхъ. Нѣтъ рѣки въ странахъ, пройденныхъ войной, черезъ которую французы не переправлялись бы; чтобъ ихъ перечислить, пришлось бы поименовать всѣ рѣки Германіи и Италіи. Новая армія во всѣ времена года обходится безъ палатокъ; зимнія кампаніи становятся правиломъ; горы проходятся по мышки въ снѣгу; рѣки переходятся по грудь въ водѣ, держа ружье и суму надъ головою. Въ воздухѣ шары и телеграфы служатъ

цѣлямъ армій, и капризный случай обращонъ въ покорнаго слугу дерзости.

Французы обязаны теоріи невозможнаго наибольшими успѣхами, ихъ противники наибольшими пораженіями, Европа—событіями наиболѣе изумительными. Мостъ у Фельдкирха, Чортовъ въ Швейцаріи; мосты у Лоди, Арколе, Донауверта, горы Сенисъ, Бернардъ, Симплонъ, всѣ Альпы, Пиренеи, Аппенины послужили театромъ примѣненія этой теоріи. Въ 1797 Вѣнскій дворъ, приведенный въ ужасъ близостью арміи, которая, дерзнувъ на невозможное, очутилась въ гибельной необходимости дерзать на еще большее, принимаетъ миръ, предложенный французскимъ главнокомандующимъ. Меласъ разбитъ при Маренго прежде, чѣмъ успѣлъ повѣрить дерзкому маршу резервной арміи и даже ея существованію. И Макъ считалъ себя неодолимымъ въ Ульмѣ въ то время, когда французы, охвативъ его съ фланговъ и съ тыла, уже приготовили ему вѣрную погибель. Если разслабленное поколѣніе прошлаго вѣка и вспоминало, что Аннибалъ перешелъ Альпы со слонами; что Цезарь, построивъ мостъ черезъ Рейнъ, уничтожилъ его только для того, чтобы сдѣлать больше, чѣмъ ему было нужно; что наконецъ всѣ великіе люди временъ предшествовавшихъ примѣняли теорію невозможнаго—то развѣ потому только, что читало объ этомъ въ школѣ и заставляло читать своихъ дѣтей для практики въ латинскомъ языкѣ.

Подобная теорія есть провозвѣстница побѣды для однихъ, пораженія для другихъ: она породила въ солдатахъ не-французскихъ армій удручающее убѣжденіе, будто противъ нихъ неодолимое превосходство въ средствахъ и источникахъ. Подобная теорія естественно нуждается въ поддержкѣ числа: ставя участь арміи въ зависимость отъ предпріятій внѣ расчета, должно имѣть возможность ее возстановлять въ случаѣ неудачи. Но хотя подобная теорія и немыслима безъ числа, число можетъ быть предводимо и безъ нея. Одной многочисленности недостаточно для ея торжества, ибо она не укладывается въ принципы и не подлежитъ изученію какъ система. Только геній угадываетъ ея средства, и вдохновенія минуты подсказываютъ ему эти средства въ дѣлѣ. Вдохновляться подобнымъ образомъ могли только генералы, попавшіе на свои мѣста не по рожденію или старшинству, а благодаря таланту. Но геній не подражаемъ и изучить его нельзя. Кто рѣшился бы ставить примѣромъ подражанія па-

мятныя предпріятія французовъ въ Италіи, наносившія Австрійцамъ смертельные удары? Форсированіе моста у Лоди; побѣдоносные марши 1796 противъ Квазданович, Вурмзера, Альвинци, Проверы; Аркольскій мостъ; вторженіе французовъ въ 1797 на равнины Германіи, имѣя на флангѣ тирольскія горы; переходъ черезъ Альпы резервной арміи въ 1800; маршъ въ Австріи и Моравіи въ 1805, внутрь непріятельскихъ земель, и безъ пути отступленія; кто рѣшился бы предлагать подражать этимъ операціямъ? Кто рѣшился бы ввести въ теорію, какъ научную данную, эту дерзкую рѣшимость, благодаря которой французскій генералъ, окруженный у Лонато превосходными силами Австрійцевъ, заставляетъ ихъ положить оружіе? Успѣхъ оправдываетъ вдохновенія генія, исторія ихъ прославляетъ; но наука учить имъ не смѣетъ.

Способъ комплектованія, формированія, организаціи, характеръ подготовки и послѣдовательное развитіе французской арміи, наконецъ всѣ обстоятельства въ ихъ совокупности привели французовъ къ системѣ отдѣльныхъ стычекъ. Впрочемъ она наилучше отвѣчаетъ характеру французскаго солдата; да она по вкусу и всякому солдату: кто когда либо участвовалъ въ войнѣ, тотъ знаетъ, что учащая стычки, сокращаютъ другія страданія, сопровождающія войну. Стычки кажутся облегченіемъ и желательными событіями въ сравненіи съ непогодой, усиленными маршами, бивуаками, недостаткомъ продовольствія, мучительными ожиданіями и съ монотонной скукой, которыя удручаютъ людей на войнѣ. И потому великіе успѣхи, одержанные французской арміею, гораздо чаще были плодомъ ряда небольшихъ дѣлъ, чѣмъ большихъ сраженій. Съ этой стороны новая война проявилась въ Голандіи, Германіи, Савойнѣ, Піемонтѣ, Ломбардіи, во всей Италіи; правильное сраженіе оказывалось какъ бы не ея средствомъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, въ противность духу новой системы, возникала необходимость дать генеральное сраженіе, можно замѣтить два тактическихъ пріема, къ которымъ французы, плохіе маневристы на плацу, преимущественно прибѣгали, какъ къ основнымъ средствамъ исполненія, это: обходъ и прорывъ противника Тотъ и другой приличествовали арміи, превосходной числомъ, и вытекали изъ превосходства этого рода,

какъ естественное слѣдствіе. Можно обойти армію, когда мы на столько сильны, что занимая противника съ фронта, въ то же время имѣемъ средства охватить его фланги. Въ открытомъ полѣ, онъ долженъ будетъ противоставить сопротивленіе по нѣсколькимъ направленіямъ и, не имѣя на то возможности, будетъ подавленъ, какъ бы ни былъ храбръ и искусенъ въ маневрированіи. Если онъ даже занимаетъ сильную позицію, все равно принужденъ будетъ ее очистить, ибо никакая позиція, искусственная-ли, натуральная, все равно, не продолжается до безконечности. Армія, имѣющая за себя число, обходитъ крѣпкія позиціи такъ же, какъ и противника, слабѣйшаго числомъ.

Она можетъ также и прорывать, ибо держа фронтъ противника въ ожиданіи, она направляетъ свои усилія на одинъ какой нибудь пунктъ, признаваемый слабымъ; тонкая линія всегда будетъ прорвана густой и глубокой колонной, ударяющей въ нее съ силой.

Прорвавшая колонна тѣмъ самымъ получаетъ возможность охватить, ибо въ мѣстѣ прорыва придется на флангѣ противника. Она беретъ его во флангъ и въ тылъ, между тѣмъ какъ онъ обороняется по линіи своего первоначальнаго фронта. Колонна, сдѣлавшая прорывъ, могла бы быть разсматриваема какъ попавшая между двухъ огней, если бы была слаба и въ оборонительномъ положеніи; но, атакуя и притомъ будучи сильна, она уничтожаетъ слабую атакованную армію. Генералъ, имѣющій достаточныя силы и необходимую рѣшимость для маневровъ этого рода, можетъ предсказать побѣду; можетъ задумать даже уничтоженіе противной арміи и предсказать его. Французскіе генералы часто это и дѣлали. Форсировать мостъ есть нечто иное, какъ атака на одинъ пунктъ съ цѣлію прорыва. Артиллерія, громившая при Лоди и Арколе глубокія массы людей, устремлявшихся впередъ какъ волны, бороздила ихъ, но не останавливала. Прорывы заполняются, и тотъ, кто можетъ продолжать это заполненіе, рѣшившись прорваться во что бы то ни стало, перейдетъ мостъ. Перевѣсъ числа дѣлаетъ этотъ маневръ неодолимымъ; онъ позволяетъ дѣйствовать глубокими боевыми порядками противъ тонкихъ, колоннами противъ развернутаго строя. Французы чаще всего употребляютъ колонны при атакахъ, такъ какъ онѣ соединяютъ съ перевѣсомъ числа на дѣйствующихъ пунктахъ возможность обойтись безъ той точности движеній, которой

требуетъ длинная прямая линія;—точности, которой недостатокъ элементарнаго обученія во французской арміи вовсе не допускаетъ. Употребленіе колоннъ разнообразилось. Во многихъ сраженіяхъ, данныхъ французами, принимался косвенный порядокъ. Колонны наступали или уступами, или фронтомъ: это потому, что косвенный порядокъ наиболѣе способствуетъ охвату фланга противника.

Оба главные маневра примѣнялись съ Монса и были безпрерывно воспроизводимы французской арміей: она обошла подъ Флерюсомъ, Гондскотомъ, Монтенотте, Піаченцой, Гогенлинденомъ, Ульмомъ; она прорвала при Лоди, Арколе, Маренго, Донаувертѣ, Ауэрштедтѣ. Маневры обхода и прорыва относительны, т. е. оба они даютъ взаимный шансъ и тому, который ихъ употребляетъ, и тому, который имъ подвергается, такъ какъ армія прорывающая становится въ положеніе арміи охваченной, окруженной. Кто заходитъ въ тылъ противника, чтобы его отрѣзать, самъ отрѣзанъ, если противникъ отваженъ и энергиченъ. Французы не разъ вдавались въ это критическое положеніе, но выходили изъ него побѣдоносно, ибо все дѣло въ намѣреніи. Французы преднамѣренно употребляли эти маневры, какъ необходимое развитіе системы, основанной на числѣ, подвижности, нравственной силѣ. Нельзя говорить объ этихъ пріемахъ, не восходя къ блистательнѣйшимъ подвигамъ италіанской арміи. Она одержала свою первую побѣду, охвативъ правый флангъ Больё у Монтенотте. У Лоди и Арколе колонну нужно было сгустить; густая же колонна отрѣзала австрійцевъ, вышедшихъ изъ Мантуи въ 1796 г. и рѣшила участь крѣпости, кампаніи и Италіи. Эти тактическіе пріемы составляли постоянныя характеристическія черты большихъ сраженій, данныхъ французами. Для внимательнаго глаза онѣ были тѣ же въ 1796, какъ въ 1793 и въ 1807, какъ въ 1796. Измѣненія, съ тѣхъ поръ въ нихъ сдѣланныя, не коснулись сущности системы; она, напротивъ, была упрочена, систематически усовершенствована и развита въ болѣе колоссальныхъ размѣрахъ; эта сущность—численный перевѣсъ, вознаграждающій недостатокъ элементарнаго обученія и направляемый тактикой высшаго порядка.

Трудно указать сраженіе, изъ выигранныхъ французами, въ которомъ число не имѣло бы своей доли въ побѣдѣ; трудно также

можетъ быть, указать такое, которое они выиграли, находясь въ равныхъ силахъ съ непріятелемъ. И замѣчательно, что даже оффиціальные рапорты французскихъ генераловъ не выставляютъ какъ заслугу, если уступали непріятелю въ числѣ; рѣдко ссылаются даже и на равенство силъ. Внимательно читавшій эти рапорты, припомнитъ напротивъ много сраженій, въ которыхъ, по собственному признанію начальниковъ, дѣло рѣшалось прибывавшими на поле сраженія свѣжими войсками. Достаточно указать на генерала Десексъ (Дезе) при Маренго. Это мнѣніе потверждается свидѣтельствомъ всѣхъ европейскихъ военныхъ,—и единодушіе коего пріобрѣтаетъ нѣкоторый вѣсъ, — что въ теченіи боя. когда другія арміи пускали въ дѣло всѣ свои силы до истощенія, французы смѣняли, возобновляли или поддерживали свои колонны. До сихъ поръ о своихъ кампаніяхъ писали только французы; но если-бы заговорили тѣ, которыхъ они били, и если-бы были обнародованы точныя данныя числительности армій, значеніе числа выяснилось-бы до очевидности. Но и теперь вполнѣ потверждается фактами, что французы постоянно терпѣли неудачу въ тѣхъ случаяхъ, когда число было не на ихъ сторонѣ, или когда они были поставлены въ необходимость обороняться съ меньшими силами.

Сами французскіе писатели, изъ которыхъ мы укажемъ только на Матьё Дюма и генерала Серванъ, признаютъ это. Кампанія 1799 г. противъ австрійцевъ и русскихъ была такова. При Нови французы, будучи слабы числомъ, разбиты, не взирая на выгоды позиціи. Ни въ одной изъ прежнихъ системъ тактики, древнихъ и новыхъ, на число не смотрѣли, какъ на рѣшительное преимущество. Но оно является такимъ въ новой системѣ, ибо старая тактика школы, составляющая силу противниковъ французовъ, утратила значеніе, и шансы обѣихъ сторонъ уравновѣсились въ прочихъ отношеніяхъ, кромѣ числа.

Все сказанное о числѣ ни сколько не есть упрекъ Французамъ и ошибочно было бы думать, будто успѣхъ новой системы войны долженъ быть приписанъ исключительно числу. Хотя число и составляетъ основаніе системы, но не оно сдѣлало французскую армію превосходною, а то, какъ имъ съумѣли воспользоваться; какъ съумѣли при посредствѣ его восполнить недостатокъ подготовки французской арміи; то наконецъ искусство, съ которымъ сдѣлали его рѣшительнымъ преимуществомъ

на зло всѣмъ системамъ. Возразятъ, можетъ быть, указывая на исключительныя эпохи, въ которыя французы не превосходили числомъ противниковъ, какъ въ кампаніи 1796 и 97 гг. въ Италіи. Если бы даже этотъ фактъ былъ вполнѣ вѣренъ относительно дѣлъ, то все же не менѣе вѣрнымъ оставалось бы то, что французы имѣли превосходство числа для всей кампаніи, взятой въ совокупности; и что на обширныхъ театрахъ войны, поля сраженій не должны быть разсматриваемы отдѣльно. Притомъ же французскіе генералы вступали въ борьбу съ вѣрою въ систему комплектованія, которая создавала арміи съ такою же быстротой, съ какой онѣ могли быть низлагаемы. Всѣ операціи предпринимались и велись въ духѣ системы даже и тогда, когда численный перевѣсъ былъ не на сторонѣ французовъ. И тутъ то геній, вдохновляемый системой, дѣлалъ ее побѣдоносною, замѣняя недостатокъ числа изумительною быстротою движенія. Противупоставляя одну и ту же армію на каждомъ угрожаемомъ пунктѣ, какъ бы умножали число людей, ее составляющихъ: ибо на каждомъ пунктѣ, гдѣ она появляется, она превосходитъ непріятеля въ силахъ. Больё, Вурмзеръ, Альвинци были низложены, и еще низложены, ибо съумѣли каждаго изъ нихъ подавить отдѣльно, съ силами нераздѣленными, сосредоточенными. Геній обезпечиваетъ себѣ, такимъ образомъ, превосходство числа, превосходя противника умѣньемъ выиграть время; но, не взирая на это, всегда останется вѣрнымъ, что директорія, забывъ на минуту, что основой военной системы должно быть число, поставила Францію на край гибели. Упоенная прежними успѣхами, отдавшись безумной безпечности, она упустила укомплектовать армію, весьма ослабленную египетскою экспедиціею; слѣдствіемъ чего была неудача 1799 года.

Люди, пропитанные наукой современныхъ плацпарадовъ, принявшись отыскивать причину успѣховъ, одержанныхъ французами, думали открыть ее въ уставныхъ правилахъ (la petite tactique). Они ошибаются и тамъ ее не найдутъ. Основные элементы французскаго строеваго устава тѣ же, что были и до революціи. Они и должны были остаться тѣ-же, потому что и оружіе не измѣнилось. Французы не замѣнили ни европейской тактики азіатской, ни новой тактики древнею. Относительно ихъ тактики писались и высказывались самыя странныя предположенія; но должно при-

знать что она ни греческая, ни римская, ибо Французы не возвратились ни къ копьямъ, ни къ стрѣламъ, ни къ щитамъ. Ни фаланга, ни легіонъ, ни гальскій клинъ не вошли снова въ употребленіе; даже болѣе новая колонна Фолара не была принята; французы организованы въ роты, батальоны и полки; строятся въ три шеренги, какъ и всѣ современныя арміи; ранжируются справа налѣво; равняются; поварачиваются направо, налѣво и кругомъ; они развертываются и строютъ колонны; дѣлаютъ ломку фронта и ходятъ развернутыми линіями: однимъ словомъ, употребляютъ всѣ тѣ уставныя эволюціи, которымъ обучаютъ Австрійцы, Прусаки, Гессенцы, Русскіе и вообще всѣ современныя арміи. Доказательство тому французскіе уставы: они обнародованы и озаглавлены Ordonnances. Тѣ, которые были приняты въ основаніе обученія въ революцію, появились 1-го августа 1791 года. Они заключаютъ въ себѣ совершенно тѣ-же правила военнаго искусства, которыя приняты въ уставахъ, данныхъ различными королями. Перемѣны коснулись только нѣкоторыхъ формъ строя, вызванныхъ новымъ порядкомъ вещей. Эти же самые уставы, со столь-же несущественными измѣненіями въ тактическомъ смыслѣ, объявлены въ 1805 году. Это катехизисъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ дѣлѣ плацовой теоріи. Разборъ этой теоріи не будетъ, можетъ быть, здѣсь неумѣстенъ. Взглянемъ на элементарное обученіе французскаго рекрута, въ его депо. Онъ долженъ изучить разные роды шага: разложивъ человѣческій шагъ, на составныя части, рекрута заставляютъ балансировать на одной ногѣ и путемъ обученія доискиваться того равновѣсія, которое онъ умѣетъ сохранять безо всякой науки съ тѣхъ поръ, какъ его отняли отъ груди; ему кричатъ выпятить грудь, развернуть плечи, развернуть ладони внаружу; подтянуть брюхо и развернуть носки на указанный уставомъ уголъ. Иностранные строевики [1]) увидѣли бы на французскихъ плацахъ примѣненіе принциповъ ихъ собственной школы и узнали-бы всѣ ихъ собственныя мелкія продѣлки, не исключая самыхъ неудобныхъ, затруднительныхъ и наименѣе примѣнимыхъ. Все что опытные тактики признали безполезнымъ на войнѣ, пользуется полнымъ почетомъ на французскихъ плацпарадахъ. Французскаго солдата учатъ становиться въ первой шеренгѣ

[1]) Въ подлинникѣ: tacticiens; но здѣсь очевидно идетъ рѣчь не о тактикѣ въ принятомъ теперь смыслѣ слова, а о пріемахъ и требованіяхъ выправки.

на колѣно для выстрѣла; принимать во второй шеренгѣ вправо или влѣво, чтобы цѣлить въ непріятеля, находящагося вправо или влѣво отъ него; ходить обическимъ шагомъ [1]) и держать голову не въ ту сторону, куда онъ идетъ [2]). Изо всѣхъ этихъ продѣлокъ ни одна не примѣнима на войнѣ, ни одна не дала побѣды французской арміи, ибо въ ней, какъ и во всякой другой, команда прекращается съ первымъ выстрѣломъ. И такъ, не въ уставномъ обученіи должно искать причины успѣховъ французовъ, ибо оно совершенно то-же, которое существуетъ вездѣ. Можно-бы выучить наизустъ всѣ ихъ уставы и все таки не узнать тайны ихъ пріемовъ; однимъ словомъ, французы не пользуются на войнѣ изучаемымъ въ депо, точно также какъ и ихъ противники тѣмъ, что съ такою точностью исполняютъ въ манежахъ и на плацпарадахъ.

Французская система отличается отъ системы всѣхъ прочихъ государствъ характеромъ примѣненія элементарныхъ эволюцій къ дѣлу. Они являются въ практикѣ совершенно иными, чѣмъ изложены въ уставахъ. Обученіе строю и эволюціямъ у французовъ не составляетъ цѣли, къ которой устремляютъ солдата, какъ къ вершинѣ совершенства, но только средство для достиженія цѣлей войны. Это необходимая пружина, чтобы поддержать порядокъ и согласіе въ арміи, чтобы пріучить солдата къ голосу, который долженъ его направлять для достиженія цѣлей высшей тактики; это, такъ сказать, общій условный языкъ, безъ котораго армію нельзя было бы привести въ движеніе, ибо въ ней не было бы взаимнаго пониманія. Знаніе эволюцій и вообще строеваго устава есть не болѣе какъ орудіе знанія высшаго порядка; оно получаетъ значеніе только въ зависимости отъ того, на сколько можетъ быть полезно этому послѣднему. Слѣдовательно во Франціи занимаются эволюціями и строевыми ученіями не какъ цѣлью, но только какъ средствомъ. И потому-то занимаются ими не съ особенной требовательностью. Французскій солдатъ наименѣе выдресированъ изо всѣхъ современныхъ солдатъ; французскій ветеранъ, по части плацовыхъ тонкостей, показался бы рекрутомъ въ сравненіи съ солдатами другихъ армій. Французская рота или полкъ

---

[1]) Обическимъ шагомъ ходили, выступая одной ногой прямо, а другой вправо или влѣво, смотря по тому, куда было приказано принимать на ходу.

[2]) Это имѣетъ мѣсто при захожденіи и практикуется донынѣ.

никогда не могли бы сравниться съ ротой или полкомъ всякой другой націи. Разница въ чистотѣ исполненія между тѣми и другими поразила бы даже не-знатока. Ученіе и маршировка французовъ не представляютъ въ глазахъ знатока ни точности, ни вѣрности. Для опытнаго глаза французскій фронтъ никогда не представитъ той неподвижности людей и штыковъ, которыми щеголяютъ другія арміи. Перемѣны фронта и захожденія исполняются у французовъ нечисто; рѣдкій парадъ обходится безъ ошибокъ противъ маршировки или дистанцій. Движеніе развернутымъ строемъ у нихъ не поставлено въ зависимость отъ правильнаго держанія плечъ; солдатъ не можетъ быть признанъ ни артистомъ эквилибристики, ни практическимъ землемѣромъ, и движенія колѣна не считаются на секунды и терціи. Ученія Французовъ идутъ живо. Обращаютъ больше вниманія на общій ходъ, нежели на педантическую отчетливость; если случаются ошибки, ихъ исправляютъ быстро и безъ гвалта. То, чѣмъ по части эволюцій довольствуются у французовъ, не было бы терпимо у другихъ. И потому время обученія въ депо коротко. Черезъ пятнадцать дней, много три недѣли, конскрипта посылаютъ въ армію. Большая часть солдатъ бываютъ въ депо только чтобы получить ружье, и идетъ дальше. Двѣ трети французской арміи состоятъ изъ необученныхъ и невыправленныхъ рекрутъ, зачастую никогда некасавшихся оружія. Особенно это было такъ въ началѣ революціи; да есть ли и надобность обременять память солдата множествомъ командныхъ словъ? Вновь поступившій пріучается держать свой рядъ, чувствовать локтемъ своего товарища, не отстаетъ ни отъ праваго, ни отъ лѣваго сосѣда—вотъ зачастую вся его наука; если треть знаетъ голосъ командира и свое дѣло изъ практики, то и довольно; остальныя двѣ трети идутъ, увлеченныя примѣромъ стариковъ. Но превосходные офицеры и унтеръ-офицеры тутъ какъ тутъ, чтобы присмотрѣть, направить, поддержать. При такой системѣ нужно, чтобы они были тверды въ своемъ дѣлѣ, знали бы свое и умѣли каждому указать его мѣсто. Слѣдовательно депо, какъ и уставы, существуютъ не болѣе какъ для сохраненія типа порядка и согласованія, составляющихъ душу подвижности арміи. Если бы уставы исчезли, путаница скоро водворилась бы въ арміи: вслѣдъ за отдѣльными людьми массы также утратили бы подвижность. Такъ какъ отъ плацовыхъ эволюцій не зависитъ болѣе исходъ сраженій, солдата нѣтъ надобности оставлять въ депо до тѣхъ поръ, пока онъ

не сдѣлается искуснымъ фрунтовикомъ. Такъ какъ всѣ движенія ограничиваются развертываніемъ и свертываніемъ, знаніе солдата весьма просто и ограничивается четырьмя словами, соотвѣтствующими четыремъ направленіямъ, въ которыхъ человѣкъ можетъ идти, и для того, чтобы быть совершенно въ рукахъ командира. Маневры французовъ вблизи не отличаются чистотою, но общее согласованіе, необходимое для войны, въ нихъ есть. Слѣдовательно французскую тактику нельзя подмѣтить на учебномъ плацу; это искусство практическое, которое обнаруживается только на войнѣ.

Какъ возникла подобная система? Чтобы вести войну способомъ грандіознымъ и необыкновеннымъ, нужно было основателямъ новой системы побудителей грандіозныхъ и необыкновенныхъ; революція съумѣла найти ихъ. Она поставила массы людей въ ряды арміи, она же доставила и средства предводить ими. Въ прежніе вѣка вооружали людей изъ за небеснаго блаженства; въ нашъ—они вооружаются во имя благъ земныхъ. Революція провозгласила, что всякій призванъ сражаться за высшее земное благо: за свободу. Для ея защиты, она потребовала отъ человѣка неслыханныхъ усилій и подвергла его безпримѣрнымъ испытаніямъ. Все, что только человѣческая натура способна совершить и претерпѣть, революція повелѣла своему защитнику совершить и претерпѣть. Революція же внушила ему убѣжденіе, что жертва его свободна и приносится для собственной выгоды; что, жертвуя собою для родины, онъ оказываетъ услугу человѣчеству. Нужно, провозгласила она, солдату умѣть все дѣлать и во всемъ себѣ отказывать: взбираться на горы, спускаться въ пропасти, переносить на рукахъ орудія, возить ихъ за лошадей, перебираться вплавь черезъ рѣки; бивакировать безъ одежи, дѣлать форсированные марши безъ обуви и драться впроголодь; вотъ, сказала она, ремесло салдата. Нужно, чтобы онъ умѣлъ дѣлать все, чего война можетъ потребовать, чтобы онъ считалъ себя обязаннымъ дѣлать все чего она требуетъ и былъ убѣжденъ, что годенъ на все. Нужно наконецъ, чтобы солдатъ имѣлъ только одну привычку—не имѣть ни къ чему привычки. Нужно, однимъ словомъ, чтобы онъ дѣлалъ невозможное.

Такимъ то образомъ новая система приняла изъ рукъ революціи солдата, за нее вооруженнаго. Французъ, еще не сходя съ родной

почвы, такимъ становился; такимъ онъ сдѣлалъ свои первыя кампаніи и сохранилъ свой типъ сквозь всѣ послѣдующія. Много перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ, но онѣ коснулись подробностей, формъ, цвѣтовъ, и наименованій. Съ перваго взгляда, можетъ быть, не признаютъ первоначальнаго солдата въ теперешнемъ; но внутренно онъ тотъ же; и готовъ явить себя тѣмъ же каждую минуту. Революціи удалось дать ему этотъ характеръ, возбудивъ всю его національность, т. е., давъ каждому изъ его предрасположеній умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ все развитіе, къ какому они только были способны. А чтобы сдѣлать эти предрасположенія плодотворными для великихъ подвиговъ, напали на мысль поднять ихъ, придавъ имъ новыя великія имена.

Во всѣ времена Французъ разумѣлъ свою родину,—изъ за существенныхъ ли, или изъ за воображаемыхъ преимуществъ, все равно,—первою страною въ свѣтѣ, и свою націю совершеннѣйшею между всѣми прочими народами. Воспитаніе его, и встарь, и теперь, сильно питало этотъ предразсудокъ, сосредоточивая его мысли и взгляды на всемъ французскомъ, и исключая изъ образованія правильныя понятія о другихъ странахъ, народахъ и ихъ правительствахъ. Революція представила ему Францію, какъ бы угрожаемою нашествіемъ иностранцевъ и его націю, какъ бы могущею исчезнуть изъ среды народовъ: она воззвала къ стародавней привязанности его къ родинѣ. Возвысивъ ее всѣми искусственными средствами, она дала ей имя, которое до того встрѣчалось только въ книгахъ,—любовь къ отечеству. Необходимость защитить ее противъ враговъ и оттолкнуть отъ народа чужеземное иго она провозгласила любовью къ свободѣ. Легко воспламенимое воображеніе Француза было возбуждено ораторскими воззваніями и громкими фразами; и такъ какъ его энтузіазму нуженъ всегда видимый предметъ, вмѣсто Vive le Roi! въ его уста вложили: Vive la Republique! Дабы привести въ дѣйствіе все самолюбіе и пылкость характера француза, сильно разшевелили въ немъ рыцарскій складъ духа, который отличаетъ его въ столь высокой степени, и теорія котораго обозначается у новыхъ народовъ словомъ point d'honneur (святыня чести [1]). Эта мощ-

[1]) Собственно „точка чести“, что, по русски, ничего не значитъ. Мы не нашли болѣе подходящаго перевода, какъ святыня чести.

ная пружина напрягалась отъ каждой приманки честолюбія и пріобрѣла неслыханную упругость, когда революція поставила ей цѣлью завоеваніе міра, а французамъ славу стать во главѣ существующихъ націй.

Иностранные писатели часто объясняли подвиги французовъ ихъ энтузіазмомъ къ политической свободѣ; воображали себѣ солдатъ въ родѣ какихъ то фанатиковъ, безпорядочно устремляющихся въ опьяненіи независимостью. Не изслѣдовали они достаточно натуру этого настроенія (т. е. любви къ политической свободѣ). Не подлежитъ сомнѣнію, что оно скорѣе дезорганизовало бы армію, чѣмъ придало бы ей совокупность и силу стремиться къ опредѣленной цѣли. Если каждый солдатъ будетъ считать себя свободнымъ и независимымъ, онъ пойдетъ своей дорогой и внѣ всякой связи съ побужденіемъ, приходящимъ извнѣ. Разногласіе индивидуальныхъ усилій никогда не вело къ достиженію общей цѣли; повиновенія не будетъ въ арміи гражданъ. Слѣдующій фактъ не извѣстенъ, но заслуживаетъ извѣстности: когда исчезли во Франціи всѣ идеи порядка и правила, армія громко требовала дисциплины, ибо человѣкъ нуждается въ руководителѣ; и гдѣ каждый командуетъ, никто не повинуется. Солдаты не имѣли довѣрія къ генераламъ, кричавшимъ имъ: «не снимай шапки и не говори мнѣ вы». Армія съ ужасомъ вспоминала о первыхъ пораженіяхъ, связанныхъ съ отсутствіемъ дисциплины, и слова равенства и свободы считала терминами, которые умѣстны только на трибунѣ. Иностранцы, видя эти звучныя слова въ заголовкѣ французскихъ прокламацій, заключали, будто нація совершенно измѣнила характеръ, отличавшій ее въ теченіе столькихъ вѣковъ. Но развѣ нація можетъ мѣняться во мгновеніе ока? И нѣсколько ораторскихъ фразъ, пущенныхъ въ ходъ, развѣ доказываютъ переворотъ въ привычкахъ, нравахъ, идеяхъ, свойственныхъ народу? Названія перемѣнились, но сущность осталась та же, покоясь на предрасположеніяхъ моральныхъ и духовныхъ, отличающихъ эту націю; только ихъ подняли и оживили. Какъ относительно силы арміи, такъ и относительно всего прочаго, масштабъ въ революціонированной Франціи сдѣлался иной.

Воинская честь—вотъ старый и неистощимый рудникъ, который въ теченіе пятнадцатилѣтней, почти безпрерывной, войны всѣ, стоявшіе у власти во Франціи, эксплуатировали поочередно.

Для доказательства этого достаточно бросить бѣглый взглядъ на исторію. Сквозь всѣ перемѣны партій и правительствъ армія неизмѣнно продолжала свой путь, и никакіе государственные перевороты не отклонили ее отъ этого пути ни на минуту. Якобинизмъ, Терроризмъ, Модерантизмъ и можно сказать Республиканизмъ въ арміяхъ были извѣстны не болѣе, какъ газетные термины. Солдаты сражались постоянно съ одинаковой энергіей хотя дѣло, за которое они шли, не всегда было то же и наконецъ стало прямо противоположнымъ тому, чѣмъ было пятнадцать лѣтъ назадъ: Король, Робеспьеръ, Директорія, четыре конституціи послѣдовательно канули въ вѣчность, а солдатъ оставался тотъ же; во всѣ времена онъ зналъ только своихъ генераловъ и свои знамена. Вѣдь видѣли же его въ послѣднее время въ плоскихъ шлюпкахъ [1]), работающимъ весломъ и парусомъ, дѣйствующимъ изъ морскихъ орудій. По прежнему онъ преодолѣвалъ и стихіи, и времена года, и климаты; и въ 1807 французскіе солдаты были такими же, какъ въ 1793. Это потому, что причина, побуждающая ихъ дѣйствовать, заключается не въ политическомъ принципѣ, зависящемъ отъ мимолетныхъ вліяній, но коренится въ нравственномъ настроеніи, постоянномъ и неизмѣнномъ, въ основной чертѣ характера—въ воинской чести. Эту черту питали поощреніями и разнаго рода учрежденіями, и благодаря этому, не взирая на всѣ внѣшнія перемѣны, сохранили моральную привычку къ великимъ усиліямъ и громаднымъ жертвамъ, которой положила основаніе революція. Французы дерутся теперь также, какъ дрались въ 1792, когда дѣло шло о ихъ существованіи; и вотъ почему теперь идетъ дѣло о существованіи тѣхъ, которые съ ними дерутся. Такъ какъ эти усилія и жертвы остались у французовъ какъ правило, они естественно и всегда оказываются выше того, что сдѣлали или могли сдѣлать ихъ противники, не противопоставляющіе имъ никакого нравственнаго побужденія. Можетъ быть не во многихъ арміяхъ случается, чтобы одна часть жаловалась на другую за то, что ее чаще посылали въ огонь; чтобы полки враждовали между собою, жаловались, ворчали, подавали просьбы и даже интриговали изъ за

[1]) Намекъ на приготовленія къ высадкѣ въ Англію 1804 г., когда въ Буланьскомъ и другихъ лагеряхъ, расположенныхъ по берегу Ламанша, пѣхотные солдаты упражняемы были въ посадкѣ, высадкѣ, греблѣ. Прим. перев.

того, чтобы попасть на опасный постъ; и чтобы этимъ просьбамъ удовлетворяли только въ видѣ отличія или награды. Вотъ почему французы показали себя въ послѣднюю войну такими, какъ характеризовалъ ихъ Вольтеръ:

„Эти сумасшедшіе проникнуты честью,
Они идутъ въ бой какъ на пиръ".

Эта честь конечно не та, какъ ее понимаетъ философія и какъ ее опредѣляютъ въ нравоучительныхъ книгахъ; напротивъ это чувство неопредѣленное и неясное, проявлявшееся во всѣ времена во французской арміи въ одиночной борьбѣ; чувство, которое, какъ дымъ, принимаетъ всѣ формы и направленія; такая честь можетъ мириться съ нравственными противорѣчіями, и даже съ насиліями. Этой чести можно указать цѣлью позоръ и предметомъ преступленіе и она потщится достигнуть того и другаго. Да и какъ же иначе? Развѣ война не есть дѣло разрушенія и смерти? Честолюбію Француза указали эту цѣль; и онъ вѣритъ, что нѣтъ славы больше, какъ достигнуть этой цѣли. Въ чемъ не полагалъ онъ своей чести въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ! Если бы мудрецу удалось убѣдить его, что наивысшая честь заключается въ томъ, чтобы дать міру примѣръ умѣренности, справедливости, человѣколюбія и что нація можетъ достигнуть первенства путемъ мира, Французъ вернулся бы къ своему очагу и сталъ бы достигать первенства путемъ мира, какъ достигалъ его путемъ войны.

При содѣйствіи счастливыхъ особенностей французскаго характера, чувство чести сдѣлало солдата такимъ, какимъ онъ показалъ себя на войнѣ. Чтобы сдѣлать невозможное, нужна была та легкость ума, которая трудное помогаетъ считать удобнымъ; самоувѣренность, недопускающая сомнѣнія въ успѣхѣ; ясность душевнаго настроенія, при которомъ человѣкъ, находя во всемъ хорошую сторону, не унываетъ въ трудныхъ положеніяхъ и не принимаетъ къ сердцу капризовъ фортуны; нравственная гибкость, которая даетъ силу не подчиняться событіямъ, а стоять выше ихъ. Въ числѣ счастливыхъ особенностей французскаго солдата, которыми революція воспользовалась, находятся также живость, нетерпѣніе и пылкость характера, которыя вѣчно стремятъ его впередъ и располагаютъ искать перемѣнъ. Родъ войны, состоящей въ вѣчныхъ движеніяхъ, обѣщающей постоянно скорыя рѣшенія, быстрыя развязки, замѣчательно отвѣчалъ этому

характеру. Тѣлесная легкость, ловкость и проворство француза, его умъ и хитрость равномѣрно находили примѣненіе въ легкой тактикѣ и въ войнѣ отдѣльныхъ стычекъ, дающей просторъ находчивости не однихъ начальниковъ, но и отдѣльныхъ солдатъ. Эта система, сближавшая войну массъ съ единоборствомъ, была по вкусу Французамъ, привыкшимъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ и особенно къ фехтованію, бывшему всегда въ почетѣ во Франціи, въ арміи особенно, благодаря дуэлямъ.

Примѣненіе къ войнѣ умственныхъ и физическихъ особенностей французовъ, сдѣланное революціей, создало тактику арміи; примѣненіе нравственныхъ свойствъ—создало духъ арміи. Та и другая были упрочены средствами столь же необыкновенными, какъ сама революція: это были страхъ и надежда, награда и наказанія. Уничтоживъ преимущества рожденія, революція, къ побужденію чести присоединила побужденіе интереса; и изъ праха полей сраженій вышли съ быстротой, равной быстротѣ маршей французовъ, командиры и генералы. Нельзя не вспомнить о милліардѣ, нѣкогда обѣщанномъ защитникамъ отечества; и кто не знаетъ наградъ и деньгами и титулами, которыми осыпаны генералы въ послѣднее время! Нельзя не вспомнить также и о генералахъ, головы которыхъ скатились на плаху за неисполненныя приказанія, или за неумѣнье исполнить предписанный планъ. Когда законодательный корпусъ предписывалъ выиграть сраженіе, середины между побѣдой и эшафотомъ не было; и Журданъ, переходившій въ 1793 г. Самбру четыре раза, перешелъ бы ее и еще столько же разъ, ибо имѣлъ приказаніе взять Шарлеруа и выиграть сраженіе у Флерюса. Эти сильныя средства, основавъ духъ арміи на предрасположеніяхъ, слагающихъ и духъ націи, упрочили его надолго. Онъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ умѣть вызывать его, и проявляться такъ, какъ постоянно проявлялся—страшнымъ единодушіемъ дѣйствія, исходящимъ отъ импульса сверху, которому послушно подчиняются всѣ индивидуальныя воли.

Здѣсь умѣстно будетъ дать понятіе о томъ, что такое французская дисциплина. Въ эпоху войны въ Ганноверѣ она была предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ Нѣмцевъ; большая близость между офицерами и солдатами, неизвѣстная въ Германіи, давала содержаніе сотнямъ анекдотовъ. Французская дисциплина казалась Нѣмцамъ отсутствіемъ дисциплины; и субординація—полной несу-

бординаціей. Французскія наказанія были обращены въ насмѣшку; Нѣмцамъ они казались дѣтскими и унизительными для солдата. Но эта самая дисциплина жестоко отмстила за себя Нѣмцамъ въ послѣднюю войну, ибо, по существу, она осталась та же, какою была и въ семилѣтнюю войну, такъ какъ была основана на народномъ характерѣ. Герцогъ Шуазель и графъ С.-Жерменъ тщетно пытались ввести прусскую дисциплину съ палками и розгами; они и не подозрѣвали, что оскорбляя народный характеръ, приготовляли солдата къ тому, чтобы съ восторгомъ броситься въ объятія революціи. Съ нею вся дисциплина исчезла; но война заставила почувствовать ея необходимость, и дисциплина мало по малу выросла вмѣстѣ съ тактикою, которой учила война; установленія подобнаго рода не представляютъ ничего противнаго народному характеру и ничего, хотя бы даже терпимаго въ теоріи. Французскую дисциплину можно подраздѣлить на высшую и малую. Генералы даютъ примѣръ первой, безграничнымъ подчиненіемъ приказамъ свыше. Эта дисциплина прямо относится къ военной практикѣ и военной исполнительности. Всѣ нарушенія этой дисциплины—преступленія, и французскій военный кодексъ самый суровый изъ всѣхъ; онъ наказываетъ смертью за то, что у другихъ повело бы только къ тѣлесному наказанію. Военный, который оставитъ свой постъ, забудетъ или переиначитъ пароль, ослушается старшаго передъ непріятелемъ, у французовъ подвергается смертной казни. Малая дисциплина относится къ упущеніямъ въ подробностяхъ службы и внутренняго порядка, къ соблюденію формы одежды, личному поведенію. За всѣ подобные проступки взыскиваютъ снисходительно, и терпимость въ этомъ отношеніи доходитъ до предѣловъ, неизвѣстныхъ ни въ одной арміи. Французская армія управляется безъ палокъ, безъ розогъ, безъ кнута, безъ какого-бы то ни было тѣлеснаго наказанія; ею можно и должно такъ управлять, потому что основный ея двигатель—честь. Если солдатъ попался, его пристыдятъ, сдѣлаютъ ему выговоръ, подѣйствуютъ на самолюбіе; лишеніе свободы уже для него строгое наказаніе; неувольненіе со двора, арестъ, тюрьма, составляютъ высшія наказанія; выводъ въ строй въ шапкѣ, когда другіе въ киверахъ, выводъ въ вывернутомъ мундирѣ, слѣдованіе въ тылу своей части, держа ружье прикладомъ вверхъ,—вотъ наказанія чаще примѣняемыя. Для случаевъ, въ которыхъ между честью и позоромъ середины

нѣтъ, военно-уголовный законъ установляетъ смерть. Французскій солдатъ страшенъ, когда на войнѣ грабитъ, разрушаетъ; онъ считаетъ, что исполняетъ обязанности своего ремесла: но воровство въ мирное время, между товарищами, столь частое въ другихъ арміяхъ,—ему не извѣстно. Страшный въ дѣлѣ, Французъ, по свидѣтельству жителей всѣхъ странъ, гдѣ онъ воевалъ, являлся по окончаніи дѣла наиболѣе покладливымъ, кроткимъ, человѣчнымъ. Въ Германіи вошло даже въ поговорку, что лучше имѣть на квартирѣ трехъ французскихъ, чѣмъ одного нѣмецкаго солдата. Французскій солдатъ гордится своимъ званіемъ, требуетъ вѣжливости и платитъ тѣмъ же. Офицеръ, генералъ видятъ въ простомъ солдатѣ своего сотрудника и величаютъ его товарищемъ. Обращаясь къ барабанщику, генералъ говоритъ ему тоже самое «вы», которое получаетъ отъ него, и когда революція предписала «ты», слово измѣнилось, но разстояніе, отдѣляющее генерала отъ барабанщика, нѣтъ. Въ лицѣ подчиненнаго начальникъ чтитъ свое собственное званіе, онъ раздѣляетъ съ нимъ опасности, лишенія и честь, разстояніе существуетъ только въ сферѣ обязанностей службы. Пѣхотному офицеру, несущему, какъ и солдатъ, свои пожитки на спинѣ, первому въ огнѣ, послѣднему при отступленіи, въ строю, гдѣ его примѣръ—законъ, повинуются; внѣ строя, гдѣ всѣ равны,—почитаютъ; по внѣ службы, въ случаѣ личной ссоры, ему приходится иногда давать удовлетвореніе солдату со шпагой въ рукѣ. Безпрерывная война, биваки, недостатокъ продовольствія, случаи грабежа и насилія ослабляютъ дисциплину и уничтожили бы ее совершенно во всякой другой арміи, ибо нѣтъ силы, которою можно бы было обуздать человѣка, угрожаемаго гибелью отъ нужды; въ подобномъ положеніи онъ слушается только инстинкта самосохраненія, онъ возвращается въ первобытное состояніе. Дисциплина съ болѣе строгими очертаніями нарушалась бы въ такомъ положеніи болѣе, чѣмъ дисциплина кроткая, осмысленная, опирающаяся на нравственныя побужденія и проявляемая сообразно потребностямъ минуты. Когда безопасность старшихъ сомнительна, когда арміи грозитъ разложеніе, крайнее положеніе вызываетъ и крайнія средства. Французскій офицеръ собственноручно убиваетъ солдата, бѣгущаго отъ непріятеля, не во время грабящаго, ослушника, бунтовщика. Такой примѣръ дѣйствительнѣе возстановляетъ порядокъ, нежели военный судъ. Вотъ какимъ образомъ французская

дисциплина основана на національномъ характерѣ; она есть установленіе практическое, возникшее и развивавшееся подъ давленіемъ событій, ими внушенное и поддерживаемое.

Духъ арміи и ея тактика, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого послѣдняго слова, тѣсно связаны и держутся обѣ на народномъ характерѣ, взаимно другъ друга поддерживаютъ и дополняютъ. При другой національности, духъ арміи и ея тактика были бы иными. Сочетаніе обоихъ образуетъ новую систему войны. Эта система, въ томъ видѣ какъ представляется теперь, не возникла въ головѣ одного какого либо человѣка; Карно угадалъ ее; но онъ не предвидѣлъ всѣхъ преобразованій, которыя она съ тѣхъ поръ получила; почему и нельзя сказать, что въ настоящемъ своемъ видѣ она есть дѣло рукъ Карно, хотя онъ и положилъ ей основаніе. Эта система есть слѣдствіе обстоятельствъ и оправдана опытомъ. Когда отсутствіе палатокъ заставило французскую армію стать первый разъ бивакомъ, никто и не воображалъ, что этотъ родъ расположенія для отдыха обратится въ одинъ изъ элементовъ современной тактики и положитъ начало зимнимъ кампаніямъ; когда французскіе батальоны открывали кампанію полуголыми, никто не думалъ, что ихъ одѣнутъ впослѣдствіи на счетъ иностранцевъ и создадутъ страшную систему реквизиціи....

Точно также какъ эта система выработалась не въ одной головѣ, точно также она не составляетъ секрета какого либо одного человѣка. Смерть какого либо генерала, даже десяти генераловъ; смерть главы государства—не погубили бы этой системы. Генералы суть носители духа и тактики арміи; масса начальниковъ частей, офицеровъ и солдатъ сохраняютъ ее; воспитанные и закаленные войною, они слились съ системою, не знаютъ другой и готовы жить и умереть съ нею. Незаключенная еще въ уставы, она передается по преданію, и живетъ по привычкѣ въ умахъ и сердцахъ почти всѣхъ; всѣ они, такъ сказать, представляютъ собою тактику въ дѣйствіи.

Въ теченіи всей войны система осталась та же, ибо цѣли достиженія; побужденія, подъ давленіемъ коихъ революція ее создала; средства исполненія, которыя она преподала, остались тѣ же безъ измѣненія. И потому война и манера предводительствованія нисколько не измѣнили характера съ 1792 г. Болѣе чѣмъ прежде война есть система нашествій; болѣе чѣмъ прежде арміи

похожи на тѣ, которыя дѣйствовали въ тридцатилѣтнюю войну: наводняя обширныя страны, какъ волны, выступившія изъ береговъ, и до корня истребляющія произведенія этихъ странъ. Являясь безъ обоза, лошадей, артиллерійскихъ, продовольственныхъ снабженій, безъ одежды, безъ денегъ,—обмундировываются, ремонтируются, вооружаются, продовольствуются, получаютъ жалованье насчетъ народовъ, съ которыми, при своихъ набѣгахъ, входятъ въ соприкосновеніе; захватывая вездѣ средства странъ и правительствъ, употребляютъ эти средства для продолженія операцій противъ сосѣднихъ народовъ, и истребленіе однихъ служитъ къ тому чтобы подготовить истребленіе другихъ. Если и есть разница то она состоитъ въ томъ только, что война въ XIX вѣкѣ ведется совокупнѣе и утонченнѣе; что она результатъ комбинаціи, вспомоществуемой всѣмъ просвѣщеніемъ вѣка; между тѣмъ въ XVII она была не болѣе какъ слѣдствіе тогдашней грубости, и не такъ обременяла народы, ибо не такъ была послѣдовательна въ употребленіи средствъ и меньше была соображена. Французская армія, если къ ней присмотрѣться поближе, всегда производитъ впечатленіе арміи импровизованной, готовой каждую минуту импровизовать войну. Ея марши такъ легки, что она скорѣе бѣгаетъ чѣмъ ходитъ. Ея движеній не стѣсняетъ ни что, даже необходимое. Ей предстоитъ изъ Булоня вернуться въ Германію. Для довершенія демонстраціи противъ Англіи, въ кавалеріи оставили отъ лошадей только сѣдла, не оставили ни одной обозной лошади, ни мѣшка муки. Гренадерамъ обѣщаютъ выдать мѣховыя шапки въ Вѣнѣ и отправляются. Армія во всемъ нуждается, это правда; но обыватель все имѣетъ. На родной почвѣ, реквизиціи ей предшествуютъ; фуражъ и продовольствіе идутъ ей на встрѣчу, и вскорѣ повозки, лошади, погонщики, присланные изъ Лиля, Брюсселя, Клеве, и всѣхъ странъ внутри Франціи, лежащихъ по пути арміи, очутились въ Ульмѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ. Эти принципы администраціи арміи и распоряженія средствами странъ, чрезъ которыя ее ведутъ, должны быть принимаемы въ расчетъ при изслѣдованіи причинъ успѣха французскихъ армій. Только совокупность этихъ разнообразныхъ элементовъ, правительственныхъ, тактическихъ, административныхъ и политическихъ образуетъ новую систему войны. И только потому эта система была побѣдоносна, что, при столькихъ рессурсахъ, она была основана на всѣхъ національныхъ особенностяхъ французовъ.

Много было писано объ этой системѣ, особенно въ Германіи, какъ оно и быть должно; но ее разсматривали всегда съ слишкомъ узкой точки зрѣнія, исключительно увлекаясь тѣмъ, что до сихъ поръ разумѣлось подъ тактикой. [1]) Это слово не соотвѣтствовало новому предмету и естественно вело къ отыскиванію причинъ военныхъ удачъ въ строевомъ уставѣ (la tactique d'école). Въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ замѣчаются двѣ крайности: одни цѣнили строевое дѣло французовъ слишкомъ высоко, и предполагали, что они обладаютъ по этой части секретами, совершенно неизвѣстными другимъ націямъ; другіе съ презрѣніемъ относились къ нему и слишкомъ усиливались доказать, что новая система неосновательна и ничтожна. Страсть, одинаково ослѣплявшая безусловныхъ хвалителей и хулителей, вела, какъ обыкновенно, къ тому, что и тѣ и другіе попадали мимо истины, и не указывали въ чемъ состоитъ новая французская система, а повторяли на разные лады, что она не похожа на то, что по части строя принято у нихъ. Слѣдовательно похвала, какъ и порицаніе, были только отрицательныя, и никакой пользы знанію не принесли.

Порицатели принадлежали къ числу экзерцирмейстеровъ, или къ числу тактиковъ въ болѣе высокомъ значеніи слова. Первые, видя что на полѣ сраженія французы не умѣютъ чисто исполнять эволюціи, увѣряли, что у французовъ вовсе нѣтъ тактики и отзывались о новыхъ пріемахъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

Кому не случалось слышать, что французская система войны не представляетъ ничего научнаго, что военная наука у французовъ прогресса не сдѣлала, что ихъ операціи противны всѣмъ правиламъ, что ихъ тактика не заслуживаетъ этого названія, что, собственно говоря, у нихъ нѣтъ тактики. Особенно новая прусская школа[2]), претендующая на исключительное обладаніе тайнами истинной науки, наводняла газеты своими анти-французскими [3]) аргументами, и, пожалуй, имѣла основаніе, если признавать наукой только то, что заключается въ уставахъ. Но имѣли ли основаніе разсуждать такимъ образомъ? Можно ли было довольство-

---

[1]) Т. е. Эволюціи строеваго устава. Прим. Перев.

[2]) Мы весьма отличаемъ ее отъ школы Фридриха II, перваго тактика своей эпохи.

[3]) Минерва, г. Архенгольца.

ваться доказательствомъ, что Французы побѣдили не по правиламъ? Какъ бы ни усиливались, доказывали-ли этимъ, что они не побѣдили? Факты были на лицо; и послѣдствія ихъ, будучи реальными, должны бы были расположить къ заключенію, что система Французовъ—не мечта. Раціональнѣе было бы основывать разсужденія на фактахъ, изъ нихъ выводить послѣдовательные принципы, а не влачиться въ общихъ мѣстахъ школьной теоріи. Искренно признавъ случившееся, разобравъ что было сдѣлано, показали бы, что нужно было дѣлать. Но это было слишкомъ просто и рутинерамъ казалось неудовлетворительнымъ, пошлымъ, недостойнымъ ихъ вниманія; они такъ много занимались теоріей, что перестали понимать годное въ практикѣ; они не признавали пріемовъ французовъ, какъ только не находили для нихъ клѣтки въ своей теоріи. Они охуждали французскихъ генераловъ за то, что тѣ опирались на число, рисковали своими арміями и предоставляли много случаю; но они не замѣчали, что эти генералы дѣйствовали въ духѣ системы, и что ихъ правительство никогда не упрекало ихъ за подобныя дѣйствія. Эти теоретики, не будучи въ состояніи возвыситься надъ обыденной рутиной, умозаключали, что гдѣ они ничего не видѣли, тамъ ничего и нѣтъ. Военная тактика французовъ была за горизонтомъ ихъ пониманія. Пока они доказывали, ихъ били; лучше бы было бить, чѣмъ доказывать и, въ концѣ концовъ, даже просто быть битыми молча.

Приверженцы новой системы послужили ей не лучше. Въ восхищеніи передъ одержанными успѣхами, они разсказываютъ объ удивительныхъ тактическихъ средствахъ, но не могутъ ихъ указать, или указываютъ совсѣмъ не на то; они по обширности одержанныхъ успѣховъ предполагаютъ и обширность знанія; и вмѣсто доказательствъ даютъ свой энтузіазмъ. Всѣ французскіе писатели, періодическіе и другіе, принадлежатъ къ этой категоріи; ихъ источники—оффиціальные рапорты. Съ этой стороны, конечно, можно заподозрить пристрастіе, ибо сражавшіеся противъ Французовъ молчатъ и этимъ какъ бы осуждаютъ сами себя. Нѣсколько нѣмецкихъ писателей также принадлежатъ къ этой категоріи. Небезполезно разобрать нѣкоторыя разсужденія поближе.

Нѣкоторые указывали какъ на одно изъ побѣдоносныхъ средствъ новой тактики, скорый шагъ (Pas de charge).—Этотъ шагъ, изобрѣтенный прусаками подъ названіемъ удвоеннаго шага (Dublir-

schritt), былъ принятъ во Франціи предпочтительно передъ всякимъ другимъ военнымъ шагомъ потому, что ему легче выучить и легче имъ ходить; что будучи самымъ естественнымъ шагомъ для человѣка и наименѣе натянутымъ, онъ лучше всего отвѣчалъ и характеру французскаго солдата, и роду его обученія. Это почти единственный уставный шагъ, которымъ французы пользуются при движеніяхъ; и, собственно говоря, они другаго шага и не знаютъ. Французы имѣютъ неловкій видъ, когда на парадахъ проходятъ торжественнымъ шагомъ, такъ называемымъ тихимъ или обыкновеннымъ, они легко теряютъ тактъ и попадаютъ на свой любимый шагъ. Лучшіе ихъ музыкальные марши и наиболѣе характеристическіе бои основаны на этомъ шагѣ. Бой къ атакѣ, мало по малу ускоряемый и напоминающій учащенные удары набата, сроднился въ воображеніи солдата съ идеей успѣха и окончательнаго рѣшенія боя. Въ этомъ звукѣ ему слышатся клики торжества, онъ ободряется и идетъ впередъ. Въ офиціальныхъ реляціяхъ французовъ скорый шагъ попадается на каждомъ шагу и какъ будто рѣшаетъ одерживаемый успѣхъ; но объяснять такимъ образомъ дѣло значило бы принимать слово за вещь. Побѣды Французовъ всегда сопровождаются скорымъ шагомъ потому что онъ всегда употребляется; но онѣ отъ него не зависятъ. Если Французъ, наступающій скорымъ шагомъ, отраженъ, объ этомъ шагѣ не упоминаютъ. Этотъ шагъ сдѣлался нравственнымъ средствомъ, но тактическое его значеніе вовсе не важно. Если бы тихій шагъ былъ для Французовъ привычнымъ, офиціальныя реляціи объясняли бы имъ одержанные успѣхи, такъ какъ всякое движеніе совершается все равно шагомъ; но все-же тихій шагъ не составлялъ бы необходимаго элемента въ успѣхѣ. Армія, которая приняла бы такой-же скорый шагъ какъ у Французовъ, не стала бы отъ этого побѣдоносной; и Французы могли-бы его оставить безъ всякаго ущерба ихъ системѣ тактики и производимому ею эффекту.

Другіе вообразили, что причина преимущества Французовъ должна заключаться въ огнѣ пѣхоты. Они увѣряли, что французскіе пѣхотинцы прицѣливаются лучше другихъ. Это мнѣніе опровергается фактомъ. Правда, въ депо требуютъ чтобы цѣлили въ поясъ, но Французъ конечно убиваетъ людей меньше всѣхъ прочихъ солдатъ, потому что медленнѣе всѣхъ ихъ заряжаетъ. Оно такъ и быть должно, ибо ему не достаетъ механическаго

навыка. Но если бы даже онъ былъ обученъ наилучшимъ образомъ по французскому уставу, дѣйствительность его выстрѣловъ была бы гораздо меньше всѣхъ прочихъ, ибо французская манера заряжанія самая затруднительная и самая медленная, слѣдовательно наименѣе годная для слабообученнаго солдата и наименѣе отвѣчаетъ французскому характеру. Во Франціи удержалась старая конструкція ружья, а слѣдовательно и старое заряжаніе. Французъ до сихъ поръ переворачиваетъ шомполъ, потому что цилиндрическій шомполъ у нихъ не былъ принятъ; скусываетъ патронъ зубами, а не срѣзаетъ ножемъ, утвержденнымъ въ казенникѣ, какъ у прусаковъ; насыпаетъ на полку, потому что она не наполняется сама, какъ наполнялась бы, если бы затравка была воронкообразна. Въ строю французскій пѣхотинецъ дѣлаетъ неудобный полуоборотъ для заряжанія и вкладыванія шомпола въ дорожку. Вся эта манипуляція производится на двѣнадцать темповъ, по столькимъ же командамъ, и навѣрно французъ не успѣетъ зарядить разъ въ то время, какъ прусакъ зарядитъ три, австріецъ два раза. Французъ не лучше стрѣляетъ, какъ и заряжаетъ. Да и какъ могло быть иначе? Неслыханное дѣло, чтобы рекрута учили стрѣлять въ депо. Даже если бы на это и было время, имъ бы не воспользовались, потому что не придаютъ значенія искусству, которое въ новой системѣ не играетъ и не должно играть роли, какъ замѣтилъ генералъ, подававшій свое мнѣніе въ революціонномъ комитетѣ, и которое для необходимыхъ случаевъ лучше узнается изъ практики [1]). Впрочемъ, такъ какъ употребленіе патроновъ изъ отрубей или опилокъ неизвѣстно во Франціи, и изъ заряжанія показываются только примѣрныя движенія рукъ, солдатъ очень затрудненъ въ обращеніи съ настоящимъ патрономъ. Слѣдовательно ни скорость, ни вѣрность стрѣльбы не даютъ французу преимущества. Ему остается въ дѣлѣ стрѣлять по произволу, подобно другимъ, соображаясь съ необходимостью самозащиты. Казалось также нѣкоторымъ, что этотъ огонь, равно какъ пальба рядами, у Французовъ непрерывнѣе и чаще, чѣмъ у другихъ, что можно объяснить толковитостью людей и тѣмъ простымъ и легко исполнимымъ правиломъ, что всякій стрѣляетъ не раньше, какъ когда его сосѣдъ не-

[1]) При тогдашней мѣткости ружья нельзя было ожидать хорошихъ результатовъ даже и при обученіи. Прим. перев.

ренесъ ружье налѣво, для досылки патрона. Нельзя указать ни на одно сраженіе, гдѣ искусство въ залпахъ побатальонно, или повзводно, или всею линіей дало бы рѣшительный результатъ. При нынѣшнемъ образѣ войны безъ этого обходятся; даже оффиціальные рапорты французовъ, хотя они провозглашаютъ свою пѣхоту «первою въ мірѣ», никогда объ огнѣ не упоминали. Съ тѣхъ поръ какъ сраженія выигрываются ногами, стрѣльба играетъ роль второстепенную.

Другіе искали въ артиллеріи причины успѣховъ, одержанныхъ французами. Французская артиллерія пользовалась всегда и у всѣхъ репутаціею искусной и образованной. Но было бы ошибочно признать эту репутацію за нынѣшней артиллеріей. Не желая ни сколько оспаривать ея заслуги, все же должно признать, что она не можетъ мѣряться со старой королевской артиллеріей. Этотъ родъ оружія меньше чѣмъ другіе потерялъ офицеровъ отъ эмиграціи, но его безмѣрное усиленіе было ему вредно; подготовка пострадала въ артиллеріи гораздо больше, нежели въ другихъ родахъ оружія, такъ какъ состоитъ изъ большаго количества научныхъ знаній, требуетъ большаго вниманія и упражненія. Усиленіе артиллеріи было вызвано развитіемъ другихъ родовъ оружія, но кажется перешло за предѣлъ желательной съ ними соразмѣрности. Въ первыя кампаніи пѣхота, неопытная и необстрѣлянная, неувѣренно шла, если не была поддержана артиллеріею, почему Дюмурье и называлъ эту послѣднюю «преторіанскою гвардіею революціи». Орудія ставили вездѣ: въ стрѣлковыя цѣпи, передъ кавалеріею, на вершинахъ горъ. Въ первое время революціи департаменты выставляли вмѣстѣ съ батальонами національной гвардіи роты канониpовъ; артиллеристовъ готовили также скоро, какъ и пѣхотинцевъ; и первые попадали въ огонь стольже мало видѣвшими полигонъ, какъ пѣхотинцы мало видѣли учебный плацъ. Изъ трехъ полковъ королевской артиллеріи скоро сдѣлали десять, и наконецъ остановились на восьми, что, въ комплектѣ, составляетъ болѣе 28,000 человѣкъ. Министръ Нарбоннъ предложилъ національному собранію создать конную артиллерію и вскорѣ она возрасла до шести полковъ. Въ первыхъ военныхъ попыткахъ рѣшала дѣло артиллерія. Съ тѣхъ поръ она играла важную роль, но всѣ тѣ, которые сражались противъ французовъ, довольно единогласно говорятъ, что объ искусствѣ этого оружія они не могли получить понятія, ко-

торое отвѣчало бы его высокой извѣстности: выстрѣлы на воздухъ, т. е. дурно направленные; ядра, летящія слишкомъ высоко, или слишкомъ низко, отличаютъ французскую артиллерію столько же, какъ и ея соперницъ другихъ армій. Но за то она отличается практическою увѣренностью и употребляетъ пріемы, которые даются только долгимъ военнымъ навыкомъ. Превосходство этого рода, въ соединеніи съ числомъ орудій гораздо чаще давало успѣхъ, нежели теоретическія познанія, предполагаемыя во французской артиллеріи. Австрійцы, пруссаки, русскіе въ этомъ между собою согласны.

«Но легкая пѣхота Французовъ конечно составляетъ причину ихъ успѣховъ». Это мнѣніе, какъ наиболѣе распространенное, заслуживаетъ и болѣе подробнаго разбора.

Легкая пѣхота существовала въ первыя кампаніи подъ именемъ пѣшихъ егерей, но она не пользовалась въ арміи, знавшей службу стрѣлковъ изъ собственной практики, какимъ либо отличительнымъ довѣріемъ. Прежніе баталіоны егерей были, какъ и все во Франціи, переформированы, или, привильнѣе, расформированы, и не безъ сожалѣнія вспоминали о Севенскихъ, Жеводанскихъ, Корсиканскихъ егеряхъ, которые, будучи дѣйствительно охотниками и прирожденными стрѣлками, изстари пользовались заслуженной извѣстностью. Съ уваженіемъ относились тоже въ первыя кампаніи къ австрійскимъ егерямъ, ежедневно доказывавшимъ свое искусство. Тирольскіе и, такъ называемые, Волчьи стрѣлки; равно прусскіе егеря, охотники по ремеслу, всѣ бившіе навѣрняка; Красные плащи и Кроаты, пускавшіе пулю лежа на брюхѣ, или на спинѣ,—считались очень искусными людьми, которымъ французская армія ничего подобнаго противупоставить не могла. Французы первые измѣнили соразмѣрность между линейной и легкой пѣхотой, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числительности арміи. Четырнадцать батальоновъ легкой пѣхоты, сформированные въ первое время, и значительное число такъ называемыхъ вольныхъ ротъ, выставленныхъ департаментами и городами, должны были сначала отправлять сторожевую, развѣдывательную и стрѣлковую службу. Но мало по малу составъ легкой пѣхоты усиливали вмѣстѣ съ усиленіемъ линейной, и въ послѣднее время комплектъ ея дошелъ до 31-го полка 3-хъ батальоннаго состава, что представляло штатную силу, въ 100,300 человѣкъ. Чтобы уравновѣсить превосходство французовъ

въ легкой пѣхотѣ, воюющія державы считали нужнымъ также увеличить число пѣшихъ егерей, и довели его до четверти, даже трети всего состава. Упустили изъ виду то однако, что во Франціи легкая пѣхота не составляетъ трети арміи.

«Но французская легкая пѣхота безъ сомнѣнія отличается организаціей, отвѣчающей ея названію и назначенію?... Какъ она вооружена, снаряжена, обучена?»... Вооруженіе егеря составляетъ то же самое ружье, которымъ вооружена и пѣхота; оно имѣетъ $4^1/_2$ фута длины, и отъ 11-ти до 13-ти фунтовъ вѣсомъ, считая со штыкомъ; сума, по формѣ, вѣсу и способу носки, та же у обоихъ. Но егерь, сверхъ ружья, обремененъ оружіемъ, которое по своему неудобству и безполезности было еще до революціи отмѣнено въ пѣхотѣ,—это тесакъ. Правда, по роду службы егеря, онъ можетъ ему пригодиться или какъ оружіе, или какъ инструментъ; но за то егерь оказывается болѣе обремененнымъ ношей, чѣмъ пѣхотинецъ. Ранецъ у егеря тотъ же, что и у пѣхотинца; и кромѣ ранца, оба они носятъ шанцевый инструментъ и походную кухню. Такъ что, по сравненію съ пѣхотинцемъ, егеря можно назвать легкимъ развѣ потому, что у него фалды на полъ-аршина короче, что онъ носитъ венгерское шако, вмѣсто неудобной трехъуголки [1]), и что его штиблеты не доходятъ до колѣна.

По обученію, егерь отличается отъ линейца не больше, какъ по формѣ штиблетъ и покрою платья. Егеря строются также въ три шеренги и имѣютъ совершенно тотъ же строевой уставъ, что и линейцы. При расположеніи по квартирамъ солдата иногда выводятъ на стрѣльбу, для забавы; случается то же съ егерями, но не чаще, и оба они обыкновенно являются въ армію съ одинакимъ искусствомъ, или лучше, отсутствіемъ искусства, въ стрѣльбѣ. Для егеря нѣтъ ни особаго пороха, ни особаго патрона, потому что и калибръ ружья одинъ. Въ составъ каждаго егерскаго батальона входитъ рота карабинеровъ, соотвѣтствующая ротѣ гренадеръ въ батальонахъ линейной пѣхоты. Эти карабинеры носятъ, подобно гренадерамъ, неудобную мѣховую шапку [2]).

---

[1]) Состоялось распоряженіе снабдить всю пѣхоту шако (киверъ), головнымъ уборомъ русскаго пѣхотинца.

[2]) Мѣховая французская шапка не имѣла ничего общаго съ тѣми, которыя носятся у насъ, напр., на югѣ Россіи. Шапка нашихъ дворцовыхъ гренадеръ представляетъ ея полное подобіе. Прим. Перев.

Вооружены они нарѣзными ружьями, но это не дѣлаетъ ихъ лучшими стрѣлками, ибо выбираются они по росту. Однимъ словомъ, въ организаціи, способѣ обученія, въ стрѣльбѣ, трудно открыть превосходство французской легкой пѣхоты надъ другими. Тѣмъ не менѣе видѣвшіе французскихъ стрѣлковъ въ дѣлѣ признаютъ, что на мѣстности они проявляютъ большую находчивость и гибкость, и перемѣняютъ позиціи съ тою ловкостью, которую по необходимости дала долгая практика. Война выучила ихъ охотѣ за людьми, подобно тому, какъ охотятся за дичью: съ тѣми же хитростями и шиканами, со всѣми предосторожностями и уловками. Но это качество принадлежитъ человѣку, а не роду оружія. Французскіе егеря имѣютъ свою долю въ успѣхѣ арміи, на сколько они дѣйствуютъ въ духѣ принятой системы и представляютъ всѣ ея особенности; но ошибочно приписывать весь успѣхъ только однимъ егерямъ. Стрѣлковый бой не составляетъ собою всей системы, какъ часто утверждали, а только ея дополненіе; и въ арміи, по существу легкой, гдѣ всякій солдатъ болѣе или менѣе егерь, егеря по названію не могутъ имѣть выдающагося преимущества.

Съ нѣкоторыхъ поръ ввели вольтижеровъ. Они образуютъ классъ стрѣлковъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Каждый полкъ легкой пѣхоты имѣетъ ихъ три роты. Вольтижеры выбираются по малому росту, ширинѣ плечъ, легкости и мускульной силѣ; они должны быть способны слѣдовать въ теченіе нѣкотораго времени за лошадью, идущей рысью и обучаются вскакиванію за кавалериста на крупъ лошади: упражненіе, отъ коего они получили свое названіе. Они вооружены хорошими карабинами, которые, соотвѣтственно роду службы и росту вольтижеровъ, коротки и легки. До сихъ поръ этотъ видъ пѣхоты не выказался, но можно ожидать, что онъ принесетъ пользу, такъ какъ составляетъ шагъ впередъ въ усовершенствованіи стрѣлковаго боя, соединяя кавалерію и пѣхоту для ближайшей взаимной поддержки. Это есть не болѣе какъ систематическое примѣненіе пріема, оправданнаго опытомъ и заслуживающаго вниманія во всѣхъ арміяхъ; у австрійцевъ въ обычаѣ, что тирольскіе стрѣлки садятся на крупы за гусарами или уланами для нападенія на непріятеля или отступленія отъ него при стычкахъ въ сторожевой цѣпи.

Въ концѣ концовъ, каждый родъ оружія у французовъ, отдѣльно

взятый—пѣхота линейная, артиллерія, пѣхота легкая, не представляютъ какого либо совершенства въ своемъ родѣ, ни по организаціи, ни по обученію, ни по вооруженію, ни по употребленію оружія; и ни одному изъ нихъ, исключительно, нельзя приписать одержанные успѣхи. Но не говоря уже о томъ, что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ совершенно въ духѣ системы, каждый, самъ по себѣ, противупоставляетъ соотвѣтственному роду оружія непріятеля, такой же перевѣсъ числа, какой въ общемъ, вся французская армія противупоставляетъ другимъ арміямъ; и, что важнѣе, каждый идетъ съ привычкою войны, пріобрѣтенной путемъ чуть не двадцатилѣтней практики: преимущество, котораго никакое другое качество, въ неимѣющихъ его, уравновѣсить не можетъ. Именно эта привычка дала генераламъ то мгновенное пониманіе мѣстности, благодаря которому они быстро ставятъ каждый родъ оружія на пунктъ, гдѣ онъ нуженъ, а каждаго офицера и солдата въ возможность проявить всю свою способность, дать все, что только онъ дать можетъ для успѣха дѣла.

Французскіе писатели наконецъ, офиціальные и неофиціальные, часто указывали на употребленіе штыка, какъ на силу тактики ихъ націи. Во всѣ времена много говорилось объ этомъ оружіи; но степень его значенія всегда оставалась нерѣшенною, потому что есть факты и за, и противъ штыка. Бывали примѣры, что пѣхота, при помощи штыка, отражала кавалерійскія атаки; бывали и такіе, что кавалерія, не взирая на штыки, прорывала пѣхоту; случалось, что пѣхота, атакующая въ штыки, опрокидывала пѣхоту стрѣляющую; случалось и на оборотъ. Общее разсужденіе по этому предмету не будетъ, можетъ быть, здѣсь неумѣстнымъ.

Огнестрѣльное оружіе даетъ возможность сражаться издали; оно исключаетъ единоборство, въ которомъ бойцы могутъ достать другъ друга своимъ оружіемъ. Вотъ почему употребленіе штыка, собственно говоря, не современной тактики дѣло; и почему огнестрѣльное оружіе, хорошо употребленное, всегда взяло бы верхъ надъ холоднымъ, ибо первымъ можно уничтожить гораздо прежде, нежели вторымъ можно начать дѣйствовать. Изъ двухъ армій, одинаково стойкихъ и храбрыхъ, изъ коихъ одна будетъ стрѣлять, а другая прибѣгнетъ къ штыку или саблѣ, первая по необходимости одолѣетъ, ибо это лежитъ въ природѣ оружій, изъ

коихъ одно дѣйствуетъ только издали, а другое если и значитъ что нибудь, то только вблизи. Такъ пруссаки у Хотузица, зная настоящее употребленіе своихъ ружей, скосили цѣлые ряды въ венгерскихъ батальонахъ, которые ихъ атаковали саблями. Но если бы дѣйствіе издали и не давало рѣшительнаго перевѣса огнестрѣльному оружію, штыкъ, даже въ бою одинъ на одинъ, представляетъ оружіе неудобное, стѣснительное и даже весьма плохое въ числѣ другихъ родовъ холоднаго оружія. Такимъ его считаютъ во французской арміи, хотя по причинамъ, неимѣющимъ съ тактикою ничего общаго: такъ какъ въ линейной пѣхотѣ нѣтъ сабель, то въ ней принято на дуэли драться штыками, снятыми съ ружей, при чемъ ихъ держатъ за трубку. Какъ ни неудобенъ штыкъ, употребляемый подобнымъ образомъ, но онъ еще неудобнѣе для единоборства, будучи примкнутъ, ибо его длина, отклоненіе его оси отъ прямой линіи и наконецъ самая конструкція ружья затрудняютъ дѣйствіе имъ. Если бы единоборство было въ ходу въ современной войнѣ, пришлось бы придумать какое нибудь оружіе совершенно иной конструкціи чѣмъ штыкъ.

Предстоитъ опредѣлить теперь какое значеніе штыка въ строю? У французовъ существуетъ въ уставѣ пріемъ, исполняемый по командѣ: на руку (Présentez la bayonnette). Солдатъ упираетъ прикладъ въ правое бедро, стволъ поддерживаетъ лѣвой рукой и уклоняетъ остріе штыка въ поясъ или въ грудь человѣка. Уставъ учитъ только этому пріему и, считая его неодолимо побѣдоноснымъ, не указываетъ никакой другой манипуляціи со штыкомъ, ни при атакѣ, ни при оборонѣ. Но развѣ можно опрокинуть линію, составленную изъ людей, остріями, устремленными впередъ, подобно тому какъ опрокинули бы линію частокола, единовременнымъ ударомъ соотвѣтствующихъ инструментовъ? Люди вѣдь могутъ противодѣйствовать удару и защищаться. Учебный пріемъ, представляетъ только одинъ ударъ, который продолжается мгновеніе; за тѣмъ бой обращается въ единоборство,—продолжаютъ прикладъ и руки, и рѣшеніе должна дать физическая сила. Слѣдовательно штыкъ имѣетъ значеніе въ моментъ, предшествующій свалкѣ; а какъ только она дѣйствительно началась, пріемъ на руку перестаетъ быть примѣнимымъ.

Но если это такъ, то штыкъ пользуется какъ бы незаслуженной репутаціей?... Въ смыслѣ пользы, имъ приносимой, какъ инструментомъ разрушенія, и въ смыслѣ употребленія, которое ему

приписывается наукой, эта репутація конечно не внѣ всякаго сомнѣнія; но существуютъ идеи славы, которыя невольно сливаются съ именемъ штыка, разъ оно произносится. Эта слава и почетъ, отдаваемый штыку, всецѣло принадлежатъ тому, кто рѣшается его употребить. Армія, которая любитъ штыкъ, безспорно, армія доблестная, призванная дать великія рѣшенія. Рѣшимость прибѣгнуть къ средству необыкновенному, неимѣющему ничего общаго съ огнемъ,—вотъ что дѣлаетъ страшнымъ того, кто любитъ работу штыкомъ. Онъ предпочелъ крайность и тѣмъ показываетъ противнику, что онъ рѣшился все предпринять и на все дерзнуть. Противникъ обыкновенно не ожидаетъ такой рѣшительности, и теряется. Если бы напротивъ онъ рѣшилъ стойко ждать нападающаго, или идти ему на встрѣчу, онъ бы и взялъ верхъ; ибо даетъ успѣхъ не что иное, а только высшая мѣра рѣшимости и твердаго настроенія души.

У французовъ часто заходила рѣчь о штыкѣ; пріемы, присущіе этому оружію, въ высокой степени отвѣчаютъ духу арміи, которая при недостаточномъ обученіи, обладаетъ большою подвижностью, и съ большою нетерпѣливостью характера соединяетъ много пылкости и энергіи въ операціяхъ и которая слѣдуетъ теоріи невозможнаго, основанной на перевѣсѣ въ числѣ. Слова того генерала въ революціонномъ комитетѣ находили постоянное потвержденіе. Но, собственно говоря, оружіемъ, которое называется штыкомъ, безспорно сдѣлано меньше, нежели рѣшимостью начинать дѣло тамъ, гдѣ другіе его кончали. Французы должны были побѣждать войска, которыя не могли возвыситься до подобной рѣшимости. Но то, что оффиціальные рапорты восхваляютъ въ штыкѣ, часто есть не болѣе какъ условныя фразы, которыя нужно перевести на обыкновенный языкъ, чтобы понять ихъ истинное значеніе. Когда говорится, что непріятеля «атаковали въ штыки» или преслѣдовали по пятамъ (la bayonnette dans les reins), нужно разумѣть подъ этимъ, что атака или преслѣдованіе были произведены безъ выстрѣла. Въ этихъ словахъ и рѣчи нѣтъ о дѣйствительномъ столкновеніи, и свалка случалась гораздо рѣже, чѣмъ изъ нихъ можно бы было заключить. Гренадеры Келлермана и Массены шли съ одними ружьями[1]) противъ

---

[1]) Т. е. безъ артиллеріи. Прим. перевод.

Піемонтскихъ редутовъ и брали ихъ; и съ тѣхъ поръ много было взято крѣпостей съ такими же точно средствами. Но было бы смѣшно сказать, что тѣ и другія были взяты штыками (la bayonnette au bout de fusil). И такъ не говорили потому, что бастіоновъ и валовъ штыками не колютъ, между тѣмъ относительно людей желали дать понять, что это бываетъ. Однимъ словомъ, случалось видѣть арміи, идущія въ штыки на встрѣчу другъ другу; но рѣдко видѣли, чтобы армія, угрожаемая атакой, отвѣчала бы тѣмъ же. Арміи, одинаково закаленныя, храбрыя, искусныя и рѣшительныя, идущія на встрѣчу другъ другу съ твердымъ и безповоротнымъ намѣреніемъ покончить дѣло штыкомъ, представили бы въ современной войнѣ небывалое зрѣлище. Ни одно генеральное сраженіе такъ дано еще не было; если бы это было возможно, отказались бы отъ ружей, война измѣнила бы характеръ, и сраженія стали бы тѣмъ, чѣмъ были въ древности, т. е. свалкой. И такъ рѣшимость прибѣгнуть къ необыкновенному средству доставила штыку его значеніе; она такъ высоко подняла его у французовъ, она же всегда будетъ термометромъ нравственной энергіи арміи.

Такъ какъ настоитъ уничтожить всякую иллюзію, необходимо упомянуть и о тѣхъ, которые предполагали причину успѣховъ французовъ—кто бы могъ это подумать?—въ пьянствѣ. Это предположеніе опирается на нѣсколько аванпостныхъ стычекъ, въ которыхъ видѣли французовъ пьяныхъ. Кто былъ когда нибудь на войнѣ, тотъ знаетъ, что въ началѣ солдатъ еще можетъ иногда доставать и вино, и продовольствіе; если онъ злоупотребляетъ ими, это не хорошо, но извиняется рѣдкостью такихъ счастливыхъ случаевъ и опасностью, которая ему грозитъ на каждомъ шагу и которая располагаетъ его смотрѣть на всякое удовольствіе, какъ на послѣднее. Но справедливо ли, основываясь на подобныхъ случайностяхъ, заключать по нимъ обо всей арміи? Тогда ни одна армія не избѣгла бы подобнаго осужденія. Человѣкъ, понимающій дѣло, знаетъ, что невозможно подпаивать методически цѣлую армію, ибо невозможно собрать на полѣ сраженія столько крѣпкихъ напитковъ, чтобы подогрѣть тридцать или сорокъ тысячъ головъ и даже устроить правильную раздачу въ день сраженія. При томъ онъ знаетъ, что пьяная армія не была бы арміею, такъ какъ ею невозможно бы было управлять. Да наконецъ если тайна побѣды заключается въ водкѣ и винѣ, отчего же противники Французовъ не прибѣгаютъ

такъ долго къ этому средству? Неужели воображаютъ они въ самомъ дѣлѣ, что постоянные пятнадцатилѣтніе успѣхи были слѣдствіемъ опьяненія? Французскому солдату дѣйствительно полагается во время кампаніи водочный раціонъ; но онъ есть не болѣе какъ медицинское предохранительное и подкрѣпляющее средство, и по объему не превосходитъ нѣсколькихъ наперстковъ; отъ этого опьянѣть трудно. При томъ же раздача водки рѣдко дѣлается правильно; и въ числѣ лишеній солдата заключается и то, что онъ свой водочный раціонъ знаетъ только потому, что о немъ упоминается въ уставѣ о полевой службѣ. Логика толпы вездѣ одна и та же. Во Франціи невѣжество и высокое о себѣ мнѣніе часто приписывали успѣхи противниковъ также опьяненію. И чего не придумаетъ взаимное пристрастіе, лишь бы только унизить другъ друга! Стоитъ открыть газеты, дабы убѣдиться въ невѣжествѣ и вмѣстѣ въ низкой лести ихъ эфемерныхъ авторовъ.

Мы изслѣдовали основанія новой системы войны; указали также, въ чемъ другіе ошибочно полагали эти основанія. Далѣе замѣчено, что эта система существуетъ пока только въ практикѣ, почему теоретики и не могли ее открыть. Не менѣе легко показать, что и у самихъ французовъ эта система въ общемъ еще далеко не возведена въ теорію, т. е. не приведена къ принципамъ яснымъ и опредѣлительнымъ. Французамъ до сихъ поръ нѣкогда было этимъ заняться. Бѣглый взглядъ на армію покажетъ это.

Французы сохранили учрежденія и обычаи старой системы, иногда безполезныя, а иногда и несовмѣстныя съ ихъ новой системой. Строевое обученіе у нихъ осталось то же самое, которое было прежде, и которое существуетъ, за мелкими отличіями, и въ другихъ арміяхъ: мы видѣли ихъ рекрутъ въ депо и ихъ солдатъ на учебныхъ плацахъ. Элементарное обученіе солдата приводится къ парадным продѣлкамъ, заключающимся въ движеніяхъ членовъ и въ стойкѣ. Что важнѣе, искусство маневрированія совокупности людей—взводовъ, баталіоновъ—также мало приведено въ соотношеніе съ новой тактикой, какъ и обученіе одиночное. Никакихъ перемѣнъ не сдѣлано въ способахъ развертыванія и свертыванія колоннъ, перемѣны фронта; ни какихъ улучшеній, имѣющихъ цѣлью ускорить и упростить переходъ изъ походнаго порядка въ боевой, и обратно. Прежніе способы, за-

частую длинные и невѣрные, сохранились; пріемы, заслуживающіе подражанія и принятые даже въ другихъ арміяхъ (облическое движеніе къ линіи фронта боеваго порядка, различныя движенія къ сторонѣ фланга) до сихъ поръ остались безъ примѣненія во французской арміи.—«Но обмундированіе и снаряженіе французской арміи конечно представляютъ образцы, достойные подражанія?»—По формѣ и покрою, одежда совершенно та же, что была и до революціи; только цвѣта перемѣнились. Пѣхота по наружности имѣетъ наименѣе военный видъ изо всѣхъ европейскихъ пѣхотъ. Мундиръ пѣхотинца также просторенъ и длиненъ, какъ статскій фракъ, ничего похожаго на щеголеватый, иногда вычурный, покрой, принятый въ другихъ арміяхъ. И рядомъ съ фалдами, спускающимися безполезно до икръ, спереди вырѣзъ, открывающій брюхо вліянію воздуха. Головной уборъ пѣхотинца—трехъуголка [1]), которая своими неудобными, угловатыми формами въ строю затрудняетъ обученіе, на бивакѣ стѣсняетъ въ дождь и вѣтеръ, однимъ словомъ во всѣхъ положеніяхъ военной обстановки. Пѣхотинецъ носитъ, совершенно какъ при короляхъ, длинный жилетъ, короткіе штаны, штиблеты до колѣнъ, на пуговицахъ, обутъ въ башмаки. Гренадеръ носитъ мѣховую шапку, которая по своему вѣсу и вышинѣ не позволяетъ ни одного свободнаго движенія ни головѣ, ни тѣлу, и спускаетъ дождь и потъ потоками. Въ отличіе отъ фузилеровъ, гренадеры и унтеръ-офицеры носятъ тесакъ на портупеѣ черезъ плечо. Артиллеристы, драгуны и вообще всѣ команды, имѣющіе мундиръ, одѣты какъ пѣхота; только цвѣта другіе. Въ странахъ покоренныхъ, пѣхотѣ даютъ плащъ или шинель, смотря по мѣстному обычаю. Кавалерія обмундирована тщательнѣе; гусары, конные егеря и драгуны даже щегольски. Но нигдѣ, можетъ быть, всадникъ не хуже посаженъ и обученъ. Французскій всадникъ не крѣпокъ въ сѣдлѣ и не держитъ стремени. Форма одежды не представляетъ точнаго однообразія въ формѣ и цвѣтѣ; и даже въ мирное время солдатъ слѣдуетъ болѣе или менѣе своей фантазіи въ одеждѣ. Люди, которыми комплектуется пѣхота, не имѣютъ никакой представительности и въ первой шеренгѣ не выше средняго роста. Кава-

[1]) Съ прошлаго года должны были замѣнить ихъ киверами, какъ сказано выше.

лериcты выбираются по росту изъ конскриптовъ. Гвардейская кавалерія и пѣхота, войско отборное изъ всего, что есть лучшаго въ арміи, составляетъ исключеніе по росту и по формѣ одежды. Судить по гвардіи объ арміи—ошибка, въ которую впадали многіе иностранцы.

Съ наступленіемъ мира французамъ будетъ досугъ обсудить ихъ военную систему, и вѣроятно они преобразуютъ въ ней многія установленія и обычаи, бывшіе досихъ поръ въ почетѣ. Изъ опыта войны, столь значительнаго, если только имъ воспользуются, должна возникнуть совершенно новая организація, которая создаетъ совершенно иную армію. Въ системѣ войны, коей отличительный характеръ составляетъ обиліе и величіе всяческихъ средствъ, направляемыхъ къ цѣли съ безусловнымъ единствомъ ума и силы, всѣ составныя части должны быть согласованы совершенно иначе, нежели въ системѣ, которая задавалась цѣлью извлечь наибольшую пользу изъ умѣренныхъ средствъ и ограниченныхъ источниковъ. Такова была система Фридриха II и послѣдователей этого великаго человѣка; она уступила мѣсто системѣ, выдвинутой революціей. Французская армія можетъ дать столь же великій примѣръ въ мирѣ, какъ дала въ войнѣ. Всѣ арміи измѣнятъ свой характеръ. И преобразованія, которыя могутъ быть вызваны французской арміею, коснутся не только обмундированія, головнаго убора, обуви солдата, но сущности общей организаціи арміи. Практика показала, что есть двѣ тактики; одна для войны: высшая тактика или стратегія; другая для мира: мелкая тактика; что искусство пониманія позицій и театровъ войны весьма отлично отъ искусства учебныхъ плацовъ и манежей. Два, столь различныя, знанія могутъ вызвать и два, столь же различныхъ, устава. Можетъ быть отмѣнятъ такъ называемую легкую пѣхоту, потому что вся она теперь должна быть легка; можетъ быть отмѣнятъ много упражненій, много командъ, много пріемовъ, на войнѣ непримѣняемыхъ; можетъ быть стрѣльба рядами, или поволѣ, будетъ одна удержана, какъ наиболѣе полезная на войнѣ, и эти батальонные и взводные залпы, которыхъ главное достоинство составляетъ сильный шумъ и искусство соединить въ одинъ звукъ массу одиночныхъ выстрѣловъ, будутъ отмѣнены; можетъ быть станутъ учить солдатъ цѣлиться и стрѣлять мѣтко, на манеръ

охотниковъ; можетъ быть измѣнятъ вѣсъ ружья и форму ложи; въ кавалеріи, можетъ быть уменьшатъ количество огнестрѣльнаго оружія, которымъ она теперь обременена; можетъ быть перемѣнятъ ея снаряженіе, обученіе и службу.

Но неужели вѣрно, что правительства не могутъ въ мирное время занять своихъ многочисленныхъ солдатъ полезнѣе, чѣмъ то дѣлали до сихъ поръ; неужели, въ предупрежденіе пороковъ праздности, нѣтъ другаго средства, какъ дресировать солдатъ для плацпарадныхъ представленій; неужели, строгость въ мелочахъ необходима для удержанія солдатъ въ дисциплинарномъ подчиненіи и безусловной покорности: если да, то и въ наше время, когда арміи многочисленнѣе чѣмъ были когда либо, пусть этотъ секретъ останется, болѣе чѣмъ прежде, скрытымъ въ душѣ командировъ и посвященныхъ въ тайны ремесла; пусть и во Франціи примутся разрабатывать искусство учебныхъ плацовъ съ большимъ тщаніемъ, чѣмъ то дѣлали до сихъ поръ! Солдаты самаго скромнаго нѣмецкаго принца будутъ въ этомъ отношеніи служить образцомъ французской арміи. Французское строевое ученіе, въ его настоящемъ видѣ, и близко не подходитъ, въ смыслѣ чистоты, къ тому, что требуетъ школа. По своему характеру, оно наименѣе регулярно, потому что оно самое короткое, каждый пріемъ исполняется, какъ одно движеніе, безъ раздѣленій на темпы, которые въ уставѣ описаны для руководства инструкторовъ, но въ исполненіи не отдѣляются; они сливаются въ общемъ пріемѣ съ возможной быстротой, или, такъ сказать, скрадываются. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ французы обучаются безъ того фланговаго человѣка, который въ другихъ арміяхъ опредѣляетъ каждое движеніе руки, и котораго у Нѣмцовъ называютъ флигельманомъ. За неимѣніемъ флигельмана, для котораго во французскомъ языкѣ нѣтъ даже и названія, команда, раздѣленная на предварительную и исполнительную, указываетъ начало исполненія пріема; продолжительность-же его, а слѣдовательно и конецъ, опредѣляются наибольшею скоростью исполненія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика французскаго строеваго ученія; она достаточно выражаетъ ту степень чистоты, которой имъ можно достигнуть.

Фридрихъ Великій, создавъ искусство двигать массами и мастерски примѣнивъ его во время семилѣтней войны, вынужденный содержать сильную армію для поддержанія мира, снизошелъ въ мелочныя подробности и организовалъ ту дѣятельную

праздность, которая привела къ маршировкѣ на плацахъ. Толпа приняла случайность за существенное, учебный плацъ за поле сраженія. Чѣмъ болѣе увлекались изученіемъ мирной теоріи, тѣмъ болѣе забывали то, что полезно въ практикѣ. И чѣмъ болѣе мирное искусство совершенствовалось, тѣмъ болѣе военное искусство дѣлалось чуждымъ начальникамъ. Мелкая тактика убила высшую; наука капраловъ—науку генераловъ; забыли, что Фридрихъ велъ войну, какъ великій стратегъ, и вообразили, что можно и на войнѣ противопоставлять мастеровъ экзерциціи мастерамъ направлять массы.

Что нужно дѣлать? Въ чемъ подражать французамъ, дабы сравниться съ ними въ военномъ искусствѣ?

Припомнимъ сказанное. Вотъ главные элементы новой системы войны. Численный перевѣсъ; упрощеніе подготовки солдата; принятіе въ расчетъ топографическихъ данныхъ при составленіи плановъ кампаніи; легкость, подвижность арміи; быстрота движеній; длина операціонныхъ линій; энергія предпріятій; дерзость исполненія; полное подчиненіе направляющей волѣ.

Если держава, которая рѣшится сравниться съ Французами на войнѣ, будетъ имѣть за себя одно число, то она возобновитъ только то, что видѣли при столкновеніи Персовъ съ Греками, Турокъ съ Русскими: нужно организовать число и толково предводить имъ. Пусть на талантъ будетъ возложена эта обязанность, пусть мѣстность сдѣлается предметомъ его изученія. Число, предводимое иначе, ведетъ къ пораженію.

Нужно вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы армія такой державы, дабы отвѣчать дѣйствительно новой системѣ, была способна переносить всѣ лишенія; чтобы она умѣла пожертвовать наружнымъ щегольствомъ, блестящими мелочами, удобствами и даже потребностями; нужно, чтобы она рѣшилась отстать въ мелкой тактикѣ, дабы быть только въ распоряженіи высшей. Мелкая тактика не должна быть, впрочемъ, совершенно оставлена; но только очищена отъ всего того, что въ ней лишняго и безполезнаго, и ограничена только тѣмъ, что не противорѣчитъ высшей тактикѣ. Именно недостатокъ такого соотвѣтствія привелъ къ разрушенію систему школы [1]). Практика, вытекающая изъ необходимости, укажетъ луч-

[1]) Т. е., систему Фридриха, основанную на одной стройности движенія. Пр. перев.

ше чѣмъ уставы, что должно быть усвоено. Мертвая буква недостаточна. Передъ кампаніей 1805 года въ австрійской арміи, чтобы сдѣлать ее легкою, строго было опредѣлено уставомъ даже число платковъ и паръ носковъ, которое офицеры могли брать въ походъ, и отняты у нихъ верховыя лошади; но эта уставная легкость не предохранила арміи отъ пораженій, поколебавшихъ монархію. Неимѣніе палатокъ, одежды и продовольствія въ первыя кампаніи Французовъ создало армію самоотверженную, подвижную, съ ограниченными потребностями и носящую въ самой себѣ принципъ своего существованія. Чтобы быть такою, армія должна быть всецѣло въ рукѣ того, кто ею предводитъ. Но подобная армія уставами и положеніями не создается. Австрійскій уставъ въ 1803 предписалъ, чтобы солдата болѣе не били, чтобы онъ былъ пріученъ къ выносливости и чтобы впредь его душа была воспитываема въ чувствахъ чести. Въ послѣдніе годы почти въ каждой арміи приняты установленія, въ которыхъ видно вліяніе французской арміи. Но степень пользы и примѣнимости этихъ установленій будетъ зависѣть отъ соотвѣтствія ихъ индивидуальности тѣхъ армій. Чтобы сдѣлать армію тѣмъ, чѣмъ она должна быть, нужно умѣть пользоваться физическими и моральными особенностями людей, ее составляющихъ. Каждая нація, жители каждой провинціи, и почти каждаго города, представляютъ свои способности, изъ коихъ можно извлечь пользу. Одна область дастъ хорошихъ стрѣлковъ, другая хорошихъ кавалеристовъ, третья саперовъ или піонеровъ, напримѣръ. Для моральныхъ существъ нѣтъ одного общаго и неизмѣннаго шаблона. Швейцарскіе и нѣмецкіе полки во французской арміи, валлонскіе въ австрійской, имѣли свои особые порядки для дисциплины и для всего прочаго.

Трудно создать point d'honneur тамъ, гдѣ не существуетъ его элементовъ ни въ сердцахъ, ни въ головахъ. Вѣра солдата въ начальника, довѣріе его къ собственнымъ силамъ, ненависть къ непріятелю, должны быть основаны на народномъ характерѣ, равно какъ форма одежды, дисциплина и всякіе порядки. Сообразно этому, его подчиненіе можетъ быть или вынужденное, или сознательное. Несоотвѣтственно было бы увлекаться подражаніемъ французской дисциплинѣ въ другихъ арміяхъ, такъ какъ нельзя создать французскаго характера. Та же палка, которая разложила бы французскую армію, можетъ быть необходима въ дру-

гихъ арміяхъ [1]). Страхомъ сдѣлаютъ въ одной арміи то, что въ другой достигается внушеніемъ. Всякое средство можетъ быть плодотворно по результатамъ, нужно только его подмѣтить и привести въ дѣйствіе. Только такимъ путемъ силѣ національности можно противупоставить таковую же. Армія, въ которой солдатъ, въ случаѣ неудачи, кричитъ измѣна, не есть армія трусовъ; она кричитъ такъ, можетъ быть, потому, что всякій чувствуетъ мѣру своей преданности и искренность своей готовности пожертвовать собою; каждый чувствуетъ, что, самъ по себѣ, онъ долженъ быть непобѣдимъ и потому приписываетъ неудачу причинамъ, внѣ его находящимся. Такая армія сдѣлаетъ чудеса, если внушать каждому изъ людей, ее составляющихъ, что самое жестокое наказаніе ожидаетъ того, кто не исполнитъ своего долга, не взирая на занимаемое положеніе, и что, какъ для генерала, такъ и для солдата, между долгомъ и смертью середины нѣтъ. Арміи, въ которыхъ раздается слово измѣна, самыя мужественныя. Есть такія, которыя его не знаютъ; нужно ими предводить иначе. Есть такія, которыя начинаютъ съ вѣрою въ непобѣдимость непріятеля; эти нужно вести опять иначе.

Но, принимая національность за данную найденную, не нужно-ли для возбужденія ея, чтобы народъ прошелъ сквозь революцію, чтобы онъ стремился пронести ее по всему свѣту?....

Какъ бы ни отупѣлъ нашъ вѣкъ, но все же предполагать, что энергія въ народахъ можетъ быть возбуждена только такими средствами, значило бы клеветать на него. Вѣкъ самъ осудилъ ихъ и Французы отъ нихъ отрекаются. Собственно говоря, революція у нихъ не была ни дѣйствующимъ побужденіемъ, ни цѣлью солдата. Она дала только высшему національному мотиву, т. е. point d'honneur, случай къ развитію, на какое только онъ былъ способенъ. Неужели всѣ прочія націи утратили въ наши дни характеристическія черты и національныя побужденія?... Неужели ни у одной не найдется ничего такого, что по силѣ могло бы сравниться съ point d'honneur Французовъ! Неужели ни одна не имѣетъ хотя одного чувства, одного убѣжденія, одного интереса, за который рѣшилась бы постоять?... Развѣ нигдѣ не найдется теперь ни одного предмета предпочтенія, ни

[1]) Въ этомъ мнѣніи видѣнъ человѣкъ того времени. Теперь уже палка нигдѣ не считается годнымъ орудіемъ для возбужденія существа нравственнаго.
Пр. перев.

одного преобладающаго побужденія, которымъ можно воспламенить? Нигдѣ, ни одного, хотя бы на языкѣ вѣка оно считалось предразсудкомъ?...

Если бы нашлась нація, сохранившая во всей чистотѣ нравы предковъ, привычки и обычаи особенные, соединенная общимъ, самобытнымъ языкомъ; нація, имѣющая славныя воспоминанія и привычву быть побѣдоносною, которая чувствуетъ, что довлѣетъ сама себѣ; если бы такая нація была чувствительна къ приманкѣ повышеній и наградъ, отличающихъ мужество и заслугу; если бы такая нація была проникнута преданностью къ монарху и безграничнымъ подчиненіемъ къ старшимъ; если бы, наконецъ, эта нація имѣла религію, сохраненную въ чистотѣ и непоколебленную привязанность къ своему вѣрованію,—такая нація представила бы великую массу національности, и къ какимъ предпріятіямъ ее нельзя бы было наэлектризовать и повести съ успѣхомъ! Да одного религіознаго побуженія для этого достаточно, не говоря о другихъ, ибо ни одно не сравнится съ исходящимъ изъ неба и туда устремляющимъ, и которое устремляетъ смерть только въ начало лучшей жизни. О, какъ превосходитъ это побужденіе идею чести, эту сухую абстракцію, которая, оставляя сердце холоднымъ, вѣчно блуждаетъ въ земномъ, не привязываясь ни къ чему постоянному! Эта идея, холодная по существу и неопредѣленная по цѣли, произвела однако такіе великіе результаты; она сообщила націи, наиболѣе преданной наслажденіямъ, дорожащей утонченной цивилизаціей, энергію, для которой и страданія жизни, и ужасы смерти были ничто, которая какъ бы вывела націю изъ ея характера, возвысила ее надъ всѣми современниками и ниспровергла всѣ расчеты вѣроятія. Развѣ Французы не проявили стремительности Турокъ, выносливости Спартанцевъ, суровости Римлянъ, настойчивости Нѣмцевъ, невозмутимой стойкости Русскихъ и ихъ изумительной способности переносить утомленіе? И такъ, если принципъ чести вызвалъ у Французовъ столь необыкновенныя явленія, то чего не вызвало бы религіозное побужденіе въ націи, въ которой оно преобладающее! Или же, если это побужденіе утратило свою силу, то, можетъ быть, привязанность къ царствующему дому, страхъ чужеземнаго владычества, сдѣлаютъ чудеса. Можетъ быть, для этого достаточно просто объявленія со стороны правительства, что никакія соображенія, чуждыя интересамъ военнаго дѣла, ни

даже старшинство, если оно не сопровождается заслугами, не будутъ давать болѣе правъ на военныя назначенія; что они будутъ принадлежать только таланту; что почести и награды будутъ принадлежностью только личной заслуги и мужества.

Система войны всякой другой націи будетъ иная, чѣмъ система французовъ, и должна быть иная, если она основана на національности; но эта послѣдняя, въ чемъ бы она ни состояла, дастъ великіе и дѣйствительные результаты, если будетъ сильно возбуждена. Французамъ должно подражать не родомъ, но величіемъ средствъ и усилій, если хотятъ сравниться съ ними величіемъ результатовъ. Но въ такомъ случаѣ нужно перестать подрывать необыкновенное—мѣрами мелкими, и новое—средствами отжившими. Французы, ученики въ военномъ дѣлѣ, низложили своихъ противниковъ, обученныхъ и опытныхъ, новостью своихъ пріемовъ и неожиданностью средствъ; но они были разбиты въ свою очередь еще большими новичками въ войнѣ и менѣе ихъ опытными — вандейскими мужиками, наткнувшись на тактику еще болѣе эксцентричную, на побужденія еще болѣе фантастическія, чѣмъ были ихнія. Новые республиканскіе тактики брали укрѣпленія только съ ружьями, новые тактики Вандеи брали ихъ съ палками. Послѣдніе съумѣли превзойти невозможное первыхъ. Противъ необыкновеннаго нужно находить и средства необыкновенныя; крайности противопоставлять крайность. Путями неизвѣданными, средствами неслыханными нужно идти противъ того, что невѣдомо и неслыхано!

Не спѣшите успокоиваться на мысли, что всѣ дороги уже избиты, всѣ средства испробованы. Даже допуская, что нація извлекла бы все возможное изъ своей національности, она далеко бы не истощила рессурсовъ человѣческаго ума. Всякая система была побѣдоносною, пока была нова; она освобождалась тогда отъ предшествовавшей ей рутины, была невѣдома и неслыхана. Таковы были слоны Пирра, легкіе всадники Парѳовъ и дикіе рои Германцевъ. Когда прусская система ввела искусство скоро стрѣлять, свѣтъ былъ удивленъ, и побѣда за нею слѣдовала. Французы съумѣли сдѣлать излишнимъ это искусство и побѣдили. Ошибочно было бы принимать то же основаніе, на которомъ Французы возвели свою систему, ибо дальше идти въ увеличеніи числа сражающихся невозможно, не выводя на войну цѣлыя націи и не обративъ всѣхъ средствъ страны въ военные припасы

и продовольствіе; чтобы превзойти массу артиллеріи, употребленную въ послѣднюю войну, нужно бы перелить весь наличный металлъ въ орудія. Но геній можетъ открыть совершенно новые пути; они зовутъ его и указываютъ ему цѣль, достойную самаго благороднаго честолюбія: военный геній можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества, ибо только войною возможно обезпечить ему лучшую будущность, устранить чрезмѣрное напряженіе силъ и возстановить утраченное повидимому равновѣсіе въ мѣрѣ требуемыхъ отъ народовъ усилій и жертвъ. Можетъ быть, эта цѣль ближе чѣмъ думаютъ. Можетъ быть, что послѣ прусской системы скорострѣлянія и французской, въ которой стрѣльба играла только придаточную роль, возникнетъ система, основанная на томъ, чтобы мѣтко стрѣлять; первая армія, явившаяся съ подобнымъ преимуществомъ, не нуждалась бы въ численномъ перевѣсѣ для побѣды.

Можетъ быть также, конница легкая, подвижная, положитъ, предѣлъ подвижности современной пѣхоты: подобная конница неминуемо измѣнила бы характеръ наступленія и отступленія. Можетъ быть, есть армія, которой было бы не трудно выставить въ случаѣ войны пѣхоту, перевозимую кавалеріею; столь новое соединеніе этихъ двухъ оружій повело бы къ великимъ результатамъ. Можетъ быть также, что штыкъ... Но, нѣтъ! пусть лучше это оружіе и его употребленіе никогда не будутъ усовершенствованы, лишь бы XIX вѣкъ не имѣлъ стыда вернуть войну, смягченную со времени введенія пороха, къ свирѣпому бою грудь съ грудью, дышащему медленной рѣзней и продолжительнымъ пролитіемъ человѣческой крови!

Какова бы ни была, наконецъ, система на очереди, вѣрно то, что чувство превосходства, нераздѣльное съ первыми успѣхами, дастъ арміи-преобразовательницѣ то увлеченіе, которое идетъ изъ нравственныхъ побужденій и которое сопровождало французовъ: оно вызоветъ къ жизни духъ арміи; оно, какъ геній-покровитель, будетъ осѣнять армію и ей предшествовать; оно опрокинетъ все на пути ея и дастъ въ ея руки невѣдомыя до того средства дѣйствія.

Какъ напасть на этотъ путь и эти средства?... Практикою, которая одна можетъ научить, что исполнимо, и покатать, что излишне. Эта практика—война. Какъ научиться держать войну? Войною. Мѣсяцы кампаніи учатъ больше чѣмъ годы теоріи [1]).

[1]) Изъ предъидущихъ случаевъ употребленія этого слова можно видѣть, что авторъ подъ „теоріею“ разумѣетъ не только собственно теорію, но и мирное обученіе Прим. перев.

Гдѣ найти офицеровъ, равно способныхъ устремить и быть устремленными; равно способныхъ повиноваться и командовать, и могущихъ служить примѣромъ, какъ дѣйствовать и какъ страдать?... На войнѣ... Гдѣ найти генераловъ для боя, мгновенно схватывающихъ мѣстныя отношенія, обладающихъ дерзостью минуты, хладнокровіемъ въ приказаніи и направленіи!... На войнѣ... Гдѣ найти генераловъ со взглядомъ, объемлющимъ цѣлыя страны и времена года, которые, задумывая истребленіе силъ непріятеля, предусматриваютъ средства сохранять свои собственныя?... Война дастъ ихъ!

Примѣръ передъ вашими глазами. Вы видѣли армію, которая начала безъ генераловъ, безъ офицеровъ, безъ дисциплины и безъ тактики. Эта армія воспитана войною и создала свою систему въ дыму сраженій, а кончила тѣмъ, что опрокинула всѣ системы и поколебала міръ.

8-го Ноября 1880 г.
С.-Петербургъ.

ОПЕЧАТКИ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ИСПРАВИТЬ, КАКЪ ИЗМѢНЯЮЩІЯ СМЫСЛЪ.

Въ 1-мъ томѣ:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
212	23	цѣлью	цѣною
476	3 снизу въ примѣч.	нужно	можно
520	15	атаки	тактики

Во 2-мъ томѣ:

149	1 Примѣч.	цѣль	цѣпь
196	3 снизу	орудія	оружія